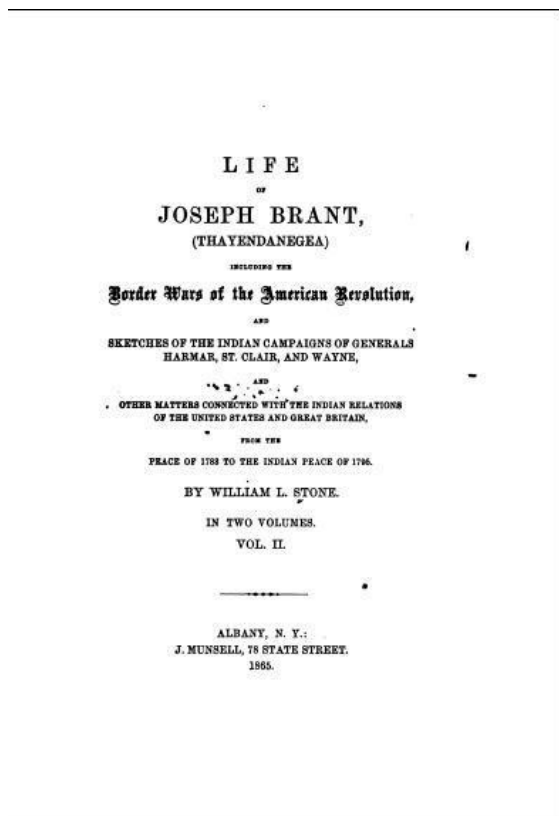


Жизнь Джозефа Бранта—Тайенданеги
(том II), включая пограничные войны
Американской революции и очерки
индийских кампаний генералов
Хармара, Сент-Клера и Уэйна; и другие
вопросы, связанные с отношениями
Соединенных Штатов и
Великобритании с индейцами, от мира
1783 года до Индийского мира 1795
года

Уильям Л. Стоун



Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни Джозефа Бранта—Тайенданегеа (Том II)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь Джозефа Бранта—Тайенданегеа (Том II)

Автор: Уильям Л. Стоун

Дата выхода: 23 октября 2016 г. [Электронная книга № 53353]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсер Роджер Берч, сканы из интернет-архива.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ ДЖОЗЕФА БРАНТА"—ТАЙЕНДАНЕГЕА (ТОМ II) ***



Jos. Brant
Shayenda negea

{Примечание переписчика: кавычки стандартизированы для современного использования. Сноски размещены непосредственно после абзацев, ссылающихся на них.}

L I F E
OF
JOSEPH BRANT,
(THAYENDANEGEA)

INCLUDING THE

Border Wars of the American Revolution,

AND

SKETCHES OF THE INDIAN CAMPAIGNS OF GENERALS
HARMAR, ST. CLAIR, AND WAYNE,

AND

OTHER MATTERS CONNECTED WITH THE INDIAN RELATIONS
OF THE UNITED STATES AND GREAT BRITAIN,

FROM THE

PEACE OF 1763 TO THE INDIAN PEACE OF 1766.

BY WILLIAM L. STONE.

IN TWO VOLUMES.

VOL. II.

ALBANY, N. Y.:
J. MUNSELL, 78 STATE STREET.
1865.

LIBRARY OF THE
LELAND STANFORD JR. UNIVERSITY.

Q40437

MAY 29 1900

Содержание.

ГЛАВА I.

Поход Салливана в страну Сенека —Различные характеристики среди индейских народов—
Ошибки по этому вопросу—Прогресс цивилизации среди шести наций—План кампании—
Командование предложено генералу Гейтсу—Его поведение—Приготовления Клинтона в
Канаджохари—Транспортировка лодок и припасов через озеро Отсего—Арест и казнь
Ньюберри—Попытки вступить в бой с Онейдами—Индейцы встревожены обращением генерала
Дж. Холдиманд—Обращение —Разведданные от врага—Прибытие депутатов от Онейды в штаб-
квартиру Клинтона—Их речь—Замыслы врага—Письмо генерала. Клинтон своему брату—
Замечательный побег Элersona от индейского разведчика—Храбрая защита его дома
мистером Шенклендом—Спуск с Саскуэханны—Медлительные действия Салливана—
Соединение сил—Движение от Тиоги к Ньютоу—Битва при Чемунге—Уничтожение посевов—
Продвижение к городу Кэтрин—Послание Онейдам—Разрушение города Кэтрин—
Свидетельства цивилизации—Разрушение Кендайи и Канадасеаги—Поход на Канандайгуа—
Его разрушение—Хонией уничтожен—Печальная история о Братья Онейда—Канагсо
уничтожены—Ужасная судьба лейтенанта Бойда—Контраст между поведением Бранта и
Батлера в случае с Бойдом—Индейцы в совете решили больше не воевать—Салливан
приближается к Джинси—Красота страны—Поведение Рода Джекета—Причина враждебности
Бранта к нему—Салливан отправляется в обратный путь—Разрушение городов Каюга—
Возвращение армии в Тиогу—Станные указания полковнику Гансворту относительно ирокезов
нижнего замка—Их поимка—Переписка—Их освобождение—Заккрытие тюрьмы Кампания
Салливана —Его отставка—Экспедиция полковника Бродхеда против сенека в Аллегейни—
Вожди гуронов и шаванцев встречаются с ним в Форт—Питте—Их речи—Тяжелое сражение с
индейцами в Огайо -Заключительные события года.

ГЛАВА II.

Ход войны на Юге—Падение Чарльстона—Блестящие достижения—Суровая зима 1780 года—Разрушение замка Онейда и деревень—Третья женитьба Бранта—Вторжение в Харперсфилд—Пленение капитана Харпера, Фригифта Патчина и других—Поведение Бранта—Консультации, предавать ли пленников смерти—Проницательность и твердость Харпера—Марш к Ниагаре—Замечательные приключения, между прочим—Убийство старика—Излечение от лихорадки—Захватывающая сцена—Страдания из—за еды—Справедливость и беспристрастность суда Брант—Подход к Ниагаре—Испытание—Гуманный план Бранта по спасению своих пленников от суда—Прибытие на Ниагару—Дальнейшие вторжения индейцев—Шаванганк—Согертис—Пленение капитана Снайдера и его сына—Прибытие на Ниагару—Допрос—Гай Джонсон, Батлер и Брант—Заключенные, отправленные в Монреаль—Долина Могавк—Храбрость Соломона Вудраффа—Вторжение в Литтл—Фоллс—Поджог Эллис—Миллс—Инциденты в Огайо—Смелый подвиг Макконнела—Нападение полковника Берда со своими индейцами на Поселение лизоблюдов - полковник Кларк мстит шаванцам.

53

ГЛАВА III.

Ночное вторжение сэра Джона Джонсона в Джонстаун с армией индейцев и лоялистов—Вишеры—Маршрут сэра Джона—Арест семьи Сэммонс—Уничтожение их собственности—Марш вдоль реки—Поджоги зданий и убийства пожилых людей—Разрушение Каунаваги—Возвращение в Джонсон—Холл—Разбирательство там—Томас Сэммонс сбегает—Сэр Джон уезжает—Сэммонс ходатайствует о своей свободе—Его речь—Цель экспедиции—Возвращение тарелки баронета—Верный раб—Характер экспедиции—Сэр Джон возвращается в Монреаль—Джейкоб и Фредерик Сэммонс взяты в плен—Заключены в тюрьму в Чамбли—Заговор с целью побега—Заключенные отказываются присоединиться к ним—Братья сбегают поодиночке—Преследование—Разлука—Путешествие, приключения и страдания Джейкоба Сэммонса—Прибывает в Скенектади—Повествование возвращается к Фредерику—Опасности его побега—Благополучное начало его путешествия—Ужасная болезнь—Его возвращение—Закован в кандалы в Чамбли—Перевезен на остров—Замышляет побег—Заговор раскрыт—Снова закован—Второй план побега—Опасный прыжок в река Святого Лаврентия—Преодоление порогов—Другие удивительные приключения, в наводнениях и в поле—Переход через леса в Скенектади—Замечательное исполнение мечты—Возобновилась непосредственная история страны могавков—Разрушение Канаджохари индейцами—Поведение Бранта- Случай сомнительной храбрости.

Страница 72

ГЛАВА IV.

Общий ход войны—Замысел против Нью-Йорка—Взгляд на Южные кампании—Измена Арнольда—Казнь Андре—Депутация индейцев к графу де Рошамбо на Род—Айленде—Вторжение сэра Джона Джонсона, Бранта и плантатора кукурузы в долины Шохари-килл и Могавк —Внезапный захват верхнего форта —Окружение среднего форта—Поведение Мерфи при стрельбе по флагу—Исключительное продолжение осады—Упорство Мерфи—Флаги обстреляны трижды—Сэр Джон переходит к нижнему форту—После небольшой паузы короткая

остановка, снова продвигается к Могавку, уничтожая все на своем пути—Убийство жителей—Вруманы—Героизм женщины—Сэр Джон прибывает в Форт Хантер—Опустошает долину Могавк—Битва при Каменной Аравии и смерть полковника Брауна—Его персонаж—Замечательный анекдот генерала Арнольда—Сэр Джон направляется к Клокс Филд—Преследуется Ван Ренсселером, хотя и с необъяснимой задержкой—Битва при Клокс Филд—Бегство индейцев—Странное отступление Ван Ренсселера—События ночи—Тайное бегство зеленых и рейнджеров—Преследование—генерал Ван Ренсселер преждевременно отказывается от него—Захват Брантом капитана Врумана и его роты в окрестностях Онейды—Трогательный инцидент в форте Хантер—Необычная история, касающаяся плантатора кукурузы—Экспедиция майора Карлтона против фортов Энн и Джордж—Переписка на тему заключенных—Дела на Ниагаре—Наступление зимы.

98

ГЛАВА V.

Мрачное начало года—Бедствия армии—Восстание на пенсильванской линии—Переговоры—Восстание войск Нью—Джерси—Экспедиция Арнольда в Виргинию—Ход войны на Юге—Бедствия на Севере—Активные действия Бранта в стране могавков—Спланированное нападение на Онейду—Письмо полковника Клауса—Разруха в стране—Письмо генерала Шайлера—Разрушение форта Шайлер в результате пожара и наводнения—Подозрения в преднамеренности—Переписка генерала Клинтона об этой катастрофе—Враждебные признаки на Севере—Признаки широкомасштабного предательства—Арест недовольных в Баллстоне и его окрестностях—Влияние Вашингтона в трудные времена—Полковник Уиллетт назначен командующим округом Могавков—В его распоряжении мало средств—Сожжение Карри—тауна—Битва при Дурлахе—Поражение индейцев—Смерть капитана Маккина—Вторжение на Палатин—Письмо Уиллетта Вашингтону—Влияние Уиллетта на разбитое ополчение—Битва у Германских равнин—Смерть Соломона Вудворта—История Джона Кристиана Шелла—Вторжение индейцев и тори в округ Ольстер под командованием капитана Колдуэлла—Другой случай об индивидуальной храбрости—Инциденты на границе с Кентукки.

137

ГЛАВА VI.

Рост недовольства на Севере—Захваты видных граждан бандами лоялистов из Канады—Пленение Джона Дж. Бликера—Заговор против генерала Гансворта—Дерзкое покушение на генерала Шайлера в городе Олбани, автор Джон Уолтермейер—Бесстрашие Маргарет Шайлер—Арест лоялистов у Бивер—Дамс—Таинственные передвижения врага на озере Шамплейн—Полемика с Нью—гэмпширскими Грантами—Очерк его происхождения—Бесчинства повстанцев Вермонта—Декларация независимости Грантов—Вмешательство Конгресса—Его авторитет проигнорирован—Ход спора—Тяжелое положение генерала Гансворта—Подозрения в сношениях жителей Вермонта с врагом—Письмо губернатора Клинтона—Вторжение майора Росса-Уорренса в страну могавков—опустошен буш—Марш противника на Джонстаун—За ним следует Уиллетт с рекрутами и ополчением—Битва при Джонстауне—Росс побежден—Уиллетт преследуется и разбит при Джерсифилде—Смерть Уолтера Н. Батлера—Общий ход войны—Арнольд в Вирджинии—Возвращается на Север и разрушает Гротон и Нью—Лондон—Осада Йорктауна и захват Корнуоллиса—Дела Севера—

Обдуманное предательство Вермонта—Послание губернатора Клинтона—Британцы открывают переписку с вермонтскими повстанцами—Миссия Айры Аллена в Канаду—Сепаратное перемирие с Вермонтом—Условия превращения Вермонта в королевскую колонию—Переписка с врагом в течение лета—Возобновление переговоров в Скенсборо—Сент Леджер поднимается по озеру с большим отрядом — Неловкое происшествие для жителей Вермонта—Волнение в резиденции правительства Грантов — Пускание пыли в глаза людям—Новости о капитуляции Корнуоллиса — Его последствия в Вермонте — Вызывает неприятное возвращение Сент—Леджера в Канаду—Восстание в северо-восточных городах Нью—Йорка в связи с жителями Вермонта—Проблемы генерала Гансворта — Неспособность подавить повстанцев—Индейцы чероки -Конец года.

178

ГЛАВА VII.

Характер Джозефа Беттиса —Его подвиги—Поимка и казнь—Ход войны—Постепенное прекращение военных действий—Сведение к простым делам аванпостов и разведывательных отрядов—Комиссары, назначенные для ведения переговоров по мирному договору—Сражения с индейцами на границе Кентукки—Поражение полковника Буна—Разрушение городов Шаванезе—Моравцы на Маскингуме—Их переселение вайандотами в Сандаски —Возвращение для защиты их урожая—Вторжение полковника Уильямсона в их города—Предательство Уильямсона и его людей индейцам—Ужасная резня—Вторжение Кроуфорда и Уильямсона в страну Сандаски—Поражение их армии—Полковник Кроуфорд взят в плен—Приговорен к смерти под пытками—Его интервью с сахемом Вингемундом—Его казнь—Конец года—Сомнения относительно мирного договора—Попытка полковника Уиллетта заставить Освиго врасплох—Новости о мире—Страдания округа Трайон—Возвращение его населения—Конец войн могавков.

210

ГЛАВА VIII.

Мирный договор —Пренебрежение ее индийскими союзниками со стороны Великобритании—Переговоры Бранта с генералом Холдимандом о новой территории—Сенека приглашают могавков поселиться в долине Джинеси—Отклонено—Страна Гранд—Ривер, предоставленная могавкам сэром Фредериком Холдимандом—Политика Соединенных Штатов в отношении индейцев—Взгляды Вашингтона и генерала Шайлера—Договор с шестью нациями в Форте Стэнвикс—Кукурузный плантатор и Красная Куртка занимают противоположные стороны—Мир с шестью нациями—Недовольство индейцев — Тайенданегея, в частности—Письмо Бранта полковнику Монро—Отказывается от своего намерения отправиться в Англию—Возвращается в Гранд—Ривер—Разногласия с Джоном Джонсоном иссякают—Брант отплывает в Англию осенью 1785 года—Его прибытие—Проблески его скрытых замыслов—Его блестящий прием—Приступает к делу своей миссии—Письмо лорду Сидни—Речь Бранта лорду Сидни—Ответное письмо лорда Сидни—Вопрос о половинном жалованье—Письмо Бранта сэру Эвану Нипину—Его связи с великим Кином сарказм в адрес дворянина—Поразительный инцидент на грандиозном маскараде—внимание Бранта к моральным требованиям своего народа — Его возвращение в Канаду.

ГЛАВА IX.

Трудности между Великобританией и США после заключения договора—отказ от бывшего, чтобы сдать западные посты—миссия Барон Штойбен в Канаду—признаки свежей индийских военных действий—движения капитана Бранта—великого индийского Совета по Гуронской деревне—адрес в США—письма министра обороны, генерал Нокс, капитан Брант—письмо сэра Джона Джонсона Брант—письмо майора Мэтьюза, чтобы Брант раскрывая взгляды Лорд Дорчестер соблюдая удержание западных постов—сообщение с гуонами в пяти Объединенных Наций, предложив еще один большой совет—препараты генерал Сент-Клер для переговоров с индейцами—Брант начинает недоверие их всех—буква Брант Патрик Ланган Сэр Джон Джонсон секретарь—буква Брант сэр Джон Джонсон—Большой Совет в Майами—письма капитана Бранта Патрик Ланган—Сент-Клер переговоров в Fort Harmar—политика разделяй и властвуй—письма капитана Бранта крупным Мэтьюз—зависть Брант среди индейцев—Совет против него в Монреале—письмо к нему от крупных Мэтьюз—буква Брант в ответ—письмо полковник Макдоннел—подозрение на заговор против англичан в Детройте, и Брант и его ирокезами, к Гуонам, Chippewas B, и Pottawatamies—письмо от сэра Джона Джонсона Брант—Брант обращает свое внимание на выращивании буквы—стремится получить заявил миссионер—возобновляет подготовку религиозные книги—письмо от президента Уиллард—Джон Нортон—Земли трудностей, среди индейцев в штате Нью-Йорк—письмо от губернатора Клинтон Брант.

ГЛАВА X.

Продолжающиеся проблемы с индейцами—Английские эмиссары в Кентукки—Миссия Антуана Гамлена—Подготовка к войне—Кампания генерала Хармара—Последовательные поражения полковника Хардина—Поведение ополчения—Отступление Хармара—Депутация индейцев к лорду Дорчестеру—Письмо сэра Джона Джонсона—Полковника Гордона—Письмо Бранта полковнику Макки—Миролюбивые взгляды лорда Дорчестера—Возобновленные усилия Соединенных Штатов по привлечению индейцев к миру—Вмешательство плантатора кукурузы—Миссия плантатора кукурузы и полковника Проктора—Британские офицеры желают посредничества—Письмо полковника Гордона —Полковник Пикеринг проводит Совет индейцев в Чемунге—Курс Красной Куртки—Брант вмешивается—Советы индейцев в Буффало—Влияние полковника Джона Батлера и Бранта—Миссия полковника Проктора и плантатора кукурузы сорвана—Важное положение Бранта—Переписка между военным министром и губернатором Клинтоном—Совет полковника Пикеринга с индейцами в Пейнтед Пост—Миссия Хендрика, начальника Биржевого мостика—Возобновление боевых действий—Кампания генерала Сент-Клера—Его поражение—Тайенданегия среди индийских капитанов—Последовавшая паника—Шум против Сент-Клера. Клэр —Его отставка—Уэйн назначил своего преемника—Отказ полковника Уиллетта вступить в войну с индейцами.

ГЛАВА XI.

Препараты для индийской консультации в Филадельфии—капитан Брант пригласил посетить его возражения—буква преподобный Мистер Киркланд, чтобы капитан Брант—письмо военного министра, чтобы тот же—письмо полковника Гордона к тому же—письма капитана Бранта секретарю войны—секретарь войны капитан Брант—попытки из Монреаля, чтобы предотвратить Брант от поездки в Филадельфию—его путешествие—чувства против него в долине Мохок—его прибытие в Нью-Йорке и Филадельфии—Либеральные предложения, сделанные ему—письмо графа де Пуи—предложения отклонены—берет на себя миссию мира в Майами—возвращается в Нью-Йорк—проводимая немецкой от немецкой квартиры, покоряющий своей жизни—открыл в Нью-Йорке—Брант возвращается в Ниагара—убийство полковника Хардена и крупных Трумана—буквы Брант секретарь на войне—чувства западных стран—переписка между Брант и Макки—великого индийского Совета при ас-Глайз—болезни капитана Бранта—Военные действия отложить до весны, и договор с США заказали—возврат делегатов из шести стран—обращение к президенту Вашингтон—отдельная организация Верхней Канады—прибытие губернатора Симко—письмо Брант от герцога Нортумберленда—подготовке к Великому собору 1783—свежие недовольство индейцев—частная Советов—они послали ультиматум в ожидании—американский уполномоченных отправляемся в стране индейцев—их прибытии в Ниагара—дружеские вести от губернатора Симко—праздник короля рождения—День—Комиссаров запустить для Запада—их прогресс останавливается, проведение общих Уэйн—Брант неожиданно возвращается с Запада с депутацией—совет провел в Форт-Эри—комиссары вернуться в Ниагара—Совет есть—речь капитана Бранта—ответ уполномоченных речь кошачьего глаза—возразил Брант—прибытие в семью народов—Брант поступления в Майами—Рapidс—вслед за комиссарами—приезду в Детройт—Ривер-их прогресс останавливается, неожиданный поворот дел Объяснений с депутатами от Великого Совета—долгих дебатов в Индийском Совет—Брант говорит решительно мира—губернатор симкой снижается консультирование индейцев—переговоры внезапно прекращается индейцами—их адреса и непременно условием.

318

ГЛАВА XII.

Подозрение в двуличии британских властей—проведение Саймон Герти—раскрытие информации на тему капитан Брант—Совет по буйвола и Индийского отчет о деяниях Великого Конгресса—речь капитана Бранта соблюдая Майами совет—миссии генерала Чапин в Филадельфию, с речью—ответ неудовлетворительный индейцам—красная куртка—индийский Совет—речь капитана Бранта в ответ на ответ США—беды утолщение между Соединенными Штатами и Великобританией—воспалительных речь Господа Дорчестер—вопрос о его подлинности устроились—проведение губернатор Симко—возмущение президента Вашингтона—его письмо к г-Джей—слова капитана Бранта против проведения совета в Венанго—дизайн разочарование—дел еще дальше на Западе—Единственное послание из далеких индейцев под испанским и французским влиянием—их речь—операции генерала Уэйна—посягательств Пенсильвания на индейские земли—индийский Совет по этой теме—обратитесь к генералу Вашингтону—важный письмо Брант полковник Смит—отказывается Пенсильвания Преск-Айл—поражение крупных м^сМахон возле Форт-восстановление—индейцы отбили их атаку на форт—письмо Брант рассказ о битве—до Уэйна Ас-Глайз и Майами озер—

Маленькая Черепаха в курсе его перемещений и силы, дезертир—начальник решает дать бой—Уэйн делает еще одно усилие ради мира—провал покушения—до Уэйна пороги—положение индейцами—сражения и разгрома индейцев—Маленькая Черепаха против опасности в боях против сине-куртки и отменено—терпкий соответствия между Wayne и майор Кэмпбелл—уничтожение индейского имущества вследствие пожара, и сжигание полковник м^сКи учреждение—разочарование индейцев, что Кемпбелл не помочь им—письмо Губернатора Симку в Брант—агрессия на Sodus Бей—симкой и Брант ремонт на Запад—вмешиваться, чтобы не допустить мира—индийский Совет—враги переговоры с Уэйном—Симко адрес Виандот—отдел по советам их—Брант уходит недовольным—письмо с извинениями от начальников—далекие индейцы устали от войны.

Страница 357

ГЛАВА XIII.

Тайенданега в гражданской жизни—Его деятельность—Его усилия по ускорению цивилизации своего народа—Трудности с соблюдением права собственности на его земли—Сменяющие друг друга советы и речи—Губернатор Симко покидает провинцию—Капитан Клаус назначен в Агентство по делам индейцев—Президент Рассел—Речи Бранта, утверждающие абсолютную независимость и национальность его народа—Письмо сэру Джону Джонсону—Переписка с лордом Дорчестером—графом де Пюизи—Письмо Бранта Томасу Моррису—Переписка Шарпа с сэром Джоном Джонсоном—Индейцы Сент-Реджис и Когнавага, а также штат Нью-Йорк, вовлеченные в конфликт в земельном споре—Трудности Бранта с Каунавагами—Письмо Томасу Моррису—Визит Бранта в Каунавагас—Совет—Удовлетворительные объяснения—Новые трудности дома—Миссия Нортон в Англию—Заговоры против характера Бранта—Отчуждение некоторых из его друзей—Заговор с целью его смещения—Красный Пиджак и брат фермера участвуют в заговоре—Персонаж Красного Пиджака—Брант свергнут незаконным Советом—Письмо герцогу Нортумберлендскому—Созван юридический совет—Брант встречается со своими обвинителями и защищает себя—Еще один Совет—Речь Бранта—Оправдан по всем выдвинутым против него обвинениям—Совет после возвращения Нортон из Англии—Заседания Совета Red Jacket аннулированы—Брант восстановлен в должности—Письмо герцогу Нортумберлендскому—Ответное письмо герцога—Последнее письмо Бранта герцогу.

396

ГЛАВА XIV.

Усилия Тайенданеги по моральному и социальному совершенствованию своего народа—Его религиозные взгляды—Усилия по религиозному просвещению своего народа—Письмо сэру Джону Джонсону по поводу привлечения постоянного священника—Дальнейшая переписка—Беседа Бранта с епископом—Разочарование—Письмо Верховному судье—Апелляция Бранта к лорду епископу, но безуспешно—Обращение к американской церкви—Письмо полковнику Берру—Удалось добиться рукоположения мистера Фелпса—Оценка характера Бранта духовенством—Письмо преподобного доктора Мейсона—Преподобный Брант Элкана Холмс—Письмо Бранта преподобному доктору Миллеру—Пылкие духи—Усилия Бранта предотвратить их появление—Письмо сэру Джону Джонсону—Вмешательство женщин—Ответное обращение Бранта—Индейские игры и увеселения—Национальная игра в крикет—Великая игра на Гранд-Ривер между сенеками и могавами—Визит судьи Вудраффа в резиденцию Бранта—Описание

его личности—Индийские похороны—Уважение к мертвым—Оценка женщин—Их влияние—Надгробная речь Сенеки—Джорджа—Смерть миссис Клаус—Речь соболезнования со стороны Капитан Брант—Капитан Клаус в ответе—Визит Бранта в Нью—Йорк, Филадельфию и Хартфорд в 1797 году—Знаки внимания, оказанные ему в Филадельфии—Званный обед полковника Берра—Талейрана и других выдающихся гостей—Рекомендательное письмо полковника Берра своей дочери—Званный обед в его честь от мисс Теодосии—Его манеры описаны доктором Миллером и генералом Портером—Планы на его жизнь в стране могавков—Покойный Джон Уэллс—Поразительный инцидент в Олбани—Анекдоты—Брант и генерал Гансевурт—Брант и полковник Ван Кортландт — Причины, по которым Брант взялся за оружие ради короля - Его рассуждения в защиту индийского способа ведения войны.

Страница 430

ГЛАВА XV.

Семейные отношения Бранта—Рассказ о его семье—Дурной характер его старшего сына—Его смерть от руки отца—Соболезнование вождей—Скорбь отца по поводу этого события—Беспокойство за образование его сыновей—Предлагаемый мемориал герцогу Портлендскому—Письмо Бранта полковнику Смит—Переписка с семьей Уилок—Письмо Бранта Джеймсу Уилоку—Двух его сыновей отправили в Дартмут—Различные письма от Уилоков и им самим—Переписка на другие темы—Ответы на вопросы, носят ли бороды индейцы—Письмо епископа Питерса —Взгляды Бранта на тюремное заключение за долги—Курганы—Мнение Бранта об их происхождении—Индийская традиция уничтожения поселений белых за одну ночь—Расследования Сэмюэля Вудраффа—Расследования Бранта в Париже—Открытия норманнов—Обзор жизни и характера Бранта—Его смерть.

463

ГЛАВА XVI.

Счета семьи Брант после его смерти—Екатерина Брант—линия спуска, среди мохоков—Джон Брант, молодой сын, назначен к о вождях—война 1812 года—генерал Ван Ренсселера на Ниагарской границе—подготовка к спуску на Куинстон—Хайтс—первая попытка разочарование—организация проведения второй части—приезд генерал-полковник Скотт на линии—свои усилия, чтобы сопровождать экспедиции—посадка полковника Соломона Ван Ренсселера и его партии,—ничуть не смутившись атаки—Ван Ренсселера и других тяжело раненых—капитан шерсть несет высот—до генерал Брок—его поражения и падения—приезд генерал-полковник Скотт на высоты—атака индейцев—общие Sheaffe авансы от Ниагара с подкреплением—бой—американцы везут вниз с высоты—попытки Скотта капитулировать—его знаменосцев сбили—определяет нести флаг, сам—молодой индеец бросается на него, как тигр,—его спасение—интервью с генеральным Sheaffe—капитуляция—марте в Ниагара—замечательное интервью между Скоттом и двух индейцев в Ниагара младший из которых был Джон Брант—база poltroonry ополчения—Битва бобра-плотин—закреть молодых Бранта военной жизни—удаляет до Бранта доме со своей сестрой—счету в семье генерал-Холл—визит британского консула в дом Brant—споры Джона Бранта с архидиакон Страхан—он посещает Англию, соблюдая древнюю землю—изначальный удаётся с министрами—разочарован колониальное правительство—переписка с Кэмпбелл уважая память о своем отце—Внимание к нравственной хочет, чтобы его народ—переписка соблюдая ирокез школы—презентация

серебряный кубок—его избрание в провинциальный парламент—место обжалуемого—смерть от холеры—его характер—дальшеуведомлений семьи—описание его сестра, и его преемника—смерть Екатерины Брант—заключение.

500

Жизнь ДЖОЗЕФА БРАНТА—ТАЙЕНДАНЕГИ и др.

ГЛАВА I.

>

Поход Салливана в страну Сенека —Различные характеристики среди индейских народов—Ошибки по этому вопросу—Прогресс цивилизации среди шести наций—План кампании—Командование предложено генералу Гейтсу—Его поведение—Приготовления Клинтона в Канаджохари—Транспортировка лодок и припасов через озеро Отсего—Арест и казнь Ньюберри—Попытки вступить в бой с Онейдами—Индейцы встревожены обращением генерала Дж. Холдиманд—Обращение —Разведданные от врага—Прибытие депутатов от Онейды в штаб-квартиру Клинтона—Их речь—Замыслы врага—Письмо генерала. Клинтон своему брату—Замечательный побег Элерсона от индейского разведчика—Храбрая защита его дома мистером Шенклендом—Спуск с Саскуэханн—Медлительные действия Салливана—Соединение сил—Движение из Тиоги в Ньютаун—Битва при Чемунге—Уничтожение посевов—Продвижение к городу Кэтрин—Послание Онейдам—Разрушение города Кэтрин—Свидетельства цивилизации—Разрушение Кендайи и Канадасеаги—Поход на Канандайгуа—Его разрушение—Ханией уничтожен—Печальная история о Братя Онейда—Канагсава уничтожен—Ужасная судьба лейтенанта Бойда—Контраст между поведением Бранта и Батлера в случае с Бойдом—Индейцы в совете решают больше не воевать—Салливан приближается к Дженеси—Красота страны—Поведение Красной Куртки—Причина враждебности Бранта к нему—Салливан отправляется в обратный путь—Разрушение городов Каюга—Возвращение армии в Тиогу—Странные указания полковнику Гансворту относительно ирокезов нижнего замка—Их поимка—Переписка—Их освобождение—Заккрытие тюрьмы Кампания Салливана —Его отставка—Экспедиция полковника Бродхеда против сенека в Аллегейни—Вожди гуронов и шаванцев встречаются с ним в Форт—Питте—Их речи—Тяжелое сражение с индейцами в Огайо —Заключительные события года.

О политике ведения более решительной войны против индейцев и лоялистов, связанных с ними в их варварских вторжениях в приграничные поселения, говорилось уже не раз. Генерал Вашингтон долгое время придерживался мнения, что простое установление цепи военных постов вдоль западных и северо-западных границ не отвечало бы поставленной цели; и что

единственным методом обеспечения эффективной защиты жителей этих границ было бы перенести войну в сердце страны противника. Резолюцией от 25 февраля Конгресс поручил Главнокомандующему принять наиболее эффективные меры для защиты жителей и наказания индейцев за их продолжающиеся грабежи; и теперь он был полон решимости привести это решение в исполнение, перенес войну непосредственно в самую густонаселенную страну из Шести наций; отрезать их поселения, уничтожить их посеы и причинить им любой другой вред, который позволят время и обстоятельства. [FN]

Письмо из Вашингтона от 4 марта губернатору Клинтону, а также от того же самого генералу Гейтсу от 6 марта 1779 г.

Те, кто привык считать всю расу североамериканских аборигенов по существу одинаковыми, рассматривая их всех как одну и ту же бродячую, беспокойную, бездомную расу охотников и рыбаков, без местного жилья и почти без названия, во многом неправильно понимают индейский характер и, должно быть, мало знают о его разновидностях. У них, действительно, много общих черт и характерных черт, но в других отношениях угрюмый англичанин не более непохож на своего переменчивого соседа по ту сторону ла-Манша, чем могавак непохож на сиу. Это замечание популярного писателя того времени, [FN-1] что "те, кто знаком со сдержанным и надменным поведением лесных племен, не могут не быть поражены, когда предоставляется возможность сравнения, общительностью и легковозбудимым нравом, которые отличают их степных собратьев и так решительно отличают *"большой род"* от *рода фейлов*, как путешественники называют различные расы. Пауни, следующие за бизонами во время их миграций и всегда имеющие вдоволь животной пищи для пропитания, являются гораздо более упитанной и крупной расой, чем те, кто добывает ненадежное пропитание охотой в лесу. В то время как лесные племена, которые, хотя и не такие упитанные, но более жилистые и, возможно, мускулистые, снова имеют явное преимущество в фигуре и походке перед *"родом лак"*, или рыболовецкими племенами Северо-запада, которые большую часть времени проводят в каноэ. Это различие в характере и физическом облике между различными индейскими расами, или, скорее, между теми племенами, у которых такие разные методы добывания средств к существованию, никогда не уделялось достаточного внимания современным авторам, хотя оно не ускользнуло от внимания ранних французских авторов, писавших об этой стране. И все же, если привычка оказывает какое-либо влияние на формирование нрава и характера грубого народа, из этого, конечно, следует, что дикарь, который живет под вечным солнцем на цветущих равнинах и охотится верхом в окружении отряда соплеменников, должен отличаться от одинокого охотника на оленей, который бродит по сумрачному лесу, полагаясь на свою единственную руку в качестве средства к существованию для своей жены и детей ". Но более высокий уровень социальной организации среди Шести народов значительно увеличивал разницу. У них было много городов и деревень, свидетельствующих о постоянстве. Они были организованы в сообщества, чьи социальные и политические институты, какими бы простыми они ни были, все же были столь же отчетливыми и четко очерченными, как институты американской конфедерации. Теперь они овладели некоторыми искусствами и наслаждались многими удобствами цивилизованной жизни. Не довольствуясь небольшими участками расчищенной земли для выращивания нескольких овощей, они владели возделанными полями и плодородными садами на Западе. Особенно это касалось каюга и сенека. После того как могавки были изгнаны со своих богатых земель, обширные владения двух самых западных

племен конфедерации стали житницей целого. И вследствие только что упомянутой превосходной социальной и политической организации, и спартанского характера, присущего лесной жизни, Шесть наций, хотя и не были самыми многочисленными, были, без сомнения, самыми грозными из племен, которые в то время с оружием в руках защищали корону. [FN-2] Поэтому справедливо считалось, что единственным способом нанести по ним эффективный удар было бы разрушить их дома и растущие продукты их ферм; и таким образом, отрезав им пути снабжения, изгнать их из их собственной страны глубже вглубь страны и, возможно, полностью бросить их на растерзание своим британским союзникам в поисках пропитания. Точно так же планировалось распространить операции экспедиции, по возможности, до Ниагары — этого пункта, занимаемого врагом больше всех других, который позволял его офицерам сохранять обширное влияние на своих диких союзников. [FN-3]

[FN-1] Чарльз Ф. Хоффман, эсквайр

[FN-2] "Шесть наций были своеобразным и экстраординарным народом, отличавшимся от массы индийских наций большими достижениями в политике, переговорах, красноречии и войне". -*Выступление Де Уилта Клинтона перед New-York Hist. Общество—1811 год.*

[FN-3] Поскольку эти листы были в руках печатника, автор обнаружил официальный рукописный отчет о большом совете индейцев, проведенном на Ниагаре в сентябре 1776 года полковником Джоном Батлером, лейтенантами Мэтьюсом, Бернитом и Киннесли, а также мичманом Батлером с участием гуронов, чиппевас, оттава, потаватами, миссиасагас, сенекас, кайюга, онондагас, Онейда, тускарора, могавков, делаваров, нантикоков. , Скванегигес{?} и Конагревес{?} — в присутствии лейтенанта. Полковник Джон Колдуэлл, в то время командовавший Ниагарой. Похоже, что присутствовали только один Онейда сахем и один Тускарора. Это (неразборчиво) обращение, которое было единогласно подписано (?) вождями, присутствовавшими на Конгрессе, заявившими о своем намерении вступить в войну и смириться с результатом борьбы короля со своим народом. Они также обратились с настоятельным призывом к онейдам и тускарорам "покинуть [неразборчиво] и быть сильными и полными решимости выполнить свои обязательства перед королем". Они также призывали могавков быть сильными и заверяли их, "что они, все их западные братья, примчатся к ним на помощь при первом же призыве" и т.д. — *Рукописи Джен Гансевурт.*

{Примечание переписчика: Приведенная выше сноска, [FN-3], начиная со слова "Delawares", следующий абзац и сноска к нему находятся на странице, которая плохо сканировалась. Оно почти неразборчиво. Представленная здесь транскрипция является наилучшим предположением.}

План этой кампании был хорошо разработан и продуман {?}. Она должна была начаться совместным движением двух дивизий — одной из Пенсильвании {транзитной?} долина Саскуэханны до пересечения реки Тиога под командованием генерала Салливана, которому было поручено верховное командование; и другой с севера под командованием генерала Джеймса Клинтон, который должен был спуститься по Саскуэханне от ее главного истока и, после соединения с Салливаном, пройти по течению реки Чемунг в плодородную страну сенека и Кайюга. Экспедиция задумывалась как главная кампания года, поскольку относительная

военная мощь и положение двух противоборствующих держав делали невозможным одновременное проведение американцами каких-либо других наступательных операций. [FN]

[FN] Первоначальной целью генерала Вашингтона было передать генералу Гейтсу командование этой экспедицией, и назначение было передано этому офицеру письмом 6 марта. Гейтс отклонил это предложение в не очень приятной для главнокомандующего манере. Последний впоследствии в письме президенту Конгресса по этому поводу, в ходе различных объяснений, не лишенных критики поведения Гейтса, написал следующее: "План операций для кампании был определен, и для индийской экспедиции должен был быть назначен командующий офицер. Это командование, судя по всему, будет, вероятно, иметь второе, если не первое, значение для кампании. Офицер, проводящий его, имеет лестную перспективу получить больше кредитов, чем может ожидать кто-либо другой в этом году; и у него есть все основания надеяться на успех. О генерале Ли, исходя из его положения, не могло быть и речи; генерал Шайлер (который, кстати, был бы мне очень приятен) был настолько неуверен в продолжении службы в армии, что я не мог назначить его; генерала Патнэма мне незачем упоминать. Поэтому я предложил это, поскольку откладывать назначение больше было нельзя, генералу Гейтсу, следующему по старшинству, хотя, возможно, я мог бы избежать этого, если бы был так расположен, поскольку он получил командование по специальному назначению Конгресса. Мое письмо к нему по этому случаю, я полагаю, вы сочтете, что оно было составлено в очень откровенных и вежливых выражениях и что оно заслуживает ответа, отличного от того, который был дан на него" — *Письмо Вашингтона президенту Конгресса, 14 апреля 1779 г.* Ответ Гейтса, на который ссылался Главнокомандующий, заключался в следующих словах: "Вчера вечером я имел честь получить Письмо вашего превосходительства. Человек, поступающий на индийскую службу, должен обладать молодостью и силой; необходимыми качествами, которыми я не обладаю. Поэтому меня огорчает, что ваше превосходительство предлагает мне единственное командование, к которому я совершенно не способен. Повинуясь вашему приказу, я переслал ваше письмо генералу Салливану" и с — *"Жизнь и переписка Спаркса в Вашингтоне"*.

2 июня генерал Клинтон получил инструкции от Салливана немедленно приступить к мерам сотрудничества в соответствии с уже указанным планом кампании, а именно: форсирование северными войсками Саскуэханны для соединения с основной дивизией в Тиоге. Приготовления к этому предпринятию, однако, уже шли полным ходом, поскольку генерал Вашингтон поддерживал по этому вопросу свободную связь с губернатором Клинтоном; а последний вместе со своим братом генералом был активно занят ожиданием приказа. Соответственно, в Скенектади уже были доставлены боевые части, которые после восхождения по реке Мохок в Канаджохари должны были оттуда быть доставлены по суше к истоку озера Отсега в Спрингфилде, и в то же время большое количество провизии было переброшено в форт Шайлер на случай чрезвычайной ситуации. Сделав все необходимые приготовления и приказав различным корпусам, которые должны были составлять его командование, сосредоточиться в Канаджохари, генерал Клинтон прибыл на этот пост 16 июня, где оказался во главе полутора тысяч солдат.

Генерал Джеймс Клинтон в то время командовал Северным департаментом. Войсками, выделенными для этой кампании, были бригады генералов Клинтона, Максвелла, Пура и Хэнда, к последней бригаде которых были приданы, кроме того, все отдельные корпуса континентальных войск на Саскуэханне. Независимым ротам штата Пенсильвания также было приказано участвовать в экспедиции вместе с полками полковника Ван Кортленда, Батлера, Олдена и стрелковым корпусом. Полк полковника Гансворта входил в состав бригады Клинтона. Сам главнокомандующий уже приказал бригаде собраться в Канаджохари, подчиняясь приказам Салливана, либо соединиться с основными силами через Отсего, либо двигаться вверх по Могавку и сотрудничать, насколько позволят обстоятельства. *-Письмо с инструкциями от главнокомандующего генералу Салливану.*

Расстояние от реки Мохок в Канаджохари до истока озера Отсего составляет около двадцати миль. 17—го генерал Клинтон начал транспортировку своих лодок и припасов по всей стране - регион был холмистым, а дороги чрезвычайно плохими. Было установлено, что необходимы двести лодок, и для перевозки каждой лодки требовалось четыре лошади. Войска были распределены по полкам вдоль маршрута, как для обеспечения безопасности, так и для оказания помощи в трудных точках подъема. Но, несмотря на эти препятствия и масштаб предприятия, генерал Клинтон получил возможность сообщить своему непосредственному начальнику письмом 26-го, что сто семьдесят три лодки уже достигли устья озера; что еще тридцать находятся в пути; и что остальные, составляющие пополнение в двести двадцать человек, будут переправлены туда немедленно по прибытии из Скенектади. Провизия и припасы для трехмесячной кампании также были уже перевезены через перевалочный пункт; так что экспедиция была почти готова начать свое последнее движение. [FN-1] В письме генералу Шайлеру, сообщающем о тех же разведданных, генерал особо отметил готовность и дух, с которыми жители страны пришли ему на помощь. Он также высоко оценил полковника Уиллетта, действовавшего в качестве добровольца, за его своевременную и энергичную помощь в проведении мероприятий. При выполнении этой работы не было никаких других помех, кроме тех, что возникли в результате ареста двух шпионов, бывших жителей графства, одного из которых звали Хэйр, лейтенант британской службы, а другого сержант-консерватор по имени Ньюберри, — того самого негодяя, чье имя уже упоминалось как жестокого убийцу в долине Черри. Они покинули страну Сенека с шестьюдесятью воинами этого племени, чтобы разделить на три отряда, один из которых должен был снова напасть на Вишневую долину, другой - на Шохари, а третий должен был скрываться в окрестностях форта Шайлер. Они предстали перед военным трибуналом, были признаны виновными и "повешены в соответствии с приговором суда и к полному удовлетворению всех жителей округа". [FN-2]

[FN-1] Генерал Вашингтон был сильно недоволен количеством припасов и багажа, которыми был обременен Клинтон, опасаясь "наихудших последствий" из-за препятствий, которые его припасы создадут для скорости его марша, а также из-за огласки, которая, как следствие, будет предоставлена его передвижениям. Хотя он оставил за Салливаном право по желанию направить Клинтона присоединиться к нему по маршруту Саскуэханна, главнокомандующий, очевидно, предпочитал, чтобы был выбран более северный маршрут. Он написал Салливану по этому поводу с большей резкостью, чем обычно — [См. *Письмо Вашингтона Салливану от 1 июля 1779 г.*] Однако это событие, которому способствовала проницательность Клинтона в

принятии меры, о которой сейчас пойдет речь, доказало, что он выбрал правильное направление.

[FN-2] Письмо генерала Клинтона генералу Шайлеру. В ответе генерала Шайлера на это письмо, говоря о казни Хэйра, он говорит: "Казнив Хэйра, вы избавили государство от величайшего злодея в нем. Я надеюсь, что его пособники в стране встретят такое же воодушевление". — *Рукописи губернатора. Клинтон.*

Генерал Салливан хотел, чтобы Клинтон нанял в свою дивизию как можно больше воинов онейды, которых можно было привлечь к службе. Последний офицер был против такого соглашения, но по настоянию Салливана преподобный мистер Кирклэнд, их миссионер, который теперь был капелланом в армии, был вызван в Олбани для консультации. Оттуда мистера Кирклэнда отправили прямо в Пенсильванию, чтобы он присоединился к дивизии Салливана, в то время как мистеру Дину, переводчику, связанному с комиссией по делам индейцев в Форт-Шайлере, было поручено провести переговоры с вождями племени онейда по этому вопросу. Поначалу у индейцев все шло гладко. Племя онейда добровольно участвовало в экспедиции, почти все до единого; в то время как те из племени онондага, кто поддерживал американцев, в равной степени желали доказать свою верность своими делами. При таких обстоятельствах Клинтон написал Салливану 26-го числа, что в следующую субботу мистер Дин с индейскими воинами присоединится к нему в верховьях озера. Однако внезапный переворот в их решимости был совершен обращением к Онейдам генерала Холдиманда, полученным в форте Шайлер 22-го числа. Этот документ был передан им на их родном языке; и его содержание было настолько тревожным, что побудило их внезапно изменить свою цель — очень правильно рассудив из угроз Холдиманда, что их присутствие было необходимо дома для защиты их собственных замков. Тем не менее, мистер Дин написал, что действует договоренность, с помощью которой он надеется заручиться сотрудничеством значительного числа воинов Онейды. Основой этого соглашения было то, что в случае вторжения в их страну индейцев, которых канадский командующий угрожал натравить на них, гарнизон форта Шайлер должен был не только оказать им помощь, но и принять их женщин и детей в форт для защиты.

Обращение генерала Холдиманда было написано на ирокезском языке, следующий перевод которого был сделан мистером Дином и приложен генералу Клинтону:

"Перевод его превосходительства ген . Речь Холдиманда, обращенная к индейцам онейда в интересах повстанцев на языке ирокезов." [FN]

[FN] Скопировано автором с рукописи, находящейся среди бумаг генерала Клинтона.

"Братья: Будьте очень внимательны к тому, что я, Ашанегаун, представитель Великого короля Англии в Канаде, собираюсь сказать. Клянусь этой ниткой вампума, я жму вам руку, чтобы вы могли серьезно поразмыслить над моими словами.

-Нитка вампума.

"Братья: Прошло около четырех лет с тех пор, как бостонцы начали восстать против своего Отца, короля Англии, с тех пор вы приняли сторону, отличную от остальных Пяти Наций, ваших союзников, и точно так же покинули дело короля из-за коварных махинаций и ловушек

повстанцев, которые запугивали вас своими многочисленными армиями, из-за чего вы пришли в замешательство и забыли все свои обязательства, а также прежнюю заботу и благосклонность Великого короля Англии, вашего Отца. Вы также вскоре забыли о частом дурном обращении и постоянных посягательствах американцев на индийские земли по всему Континенту. Поэтому я говорю, что в начале этих волнений вы твердо заявили о соблюдении строгого нейтралитета в споре и довели свое заявление до сведения сэра Гая Карлтона, моего предшественника, который очень одобрил его, при условии, что вы были серьезны. До сих пор я строго наблюдал и исследовал ваше поведение и обнаружил, что вы не придерживались своего утверждения, хотя я не мог проследить никаких причин со стороны правительства, а также индейцев, почему вы действовали так вероломно и принимали двойное участие; таким образом, мы, не сомневаясь в вашей верности, понесли много потерь среди подданных короля и Пяти наций, ваших друзей и связей; и, кроме того, обнаружив вас гордым и надменным, как будто вы гордились своим вероломством, несомненно, в твердой уверенности, что ваши друзья, повстанцы, будут уничтожены. наконец-то нам стало лучше; и, плененный этим вашим приятным мнением, вы дважды в течение прошлой зимы осмелились послать дерзкие послания Пяти нациям, как будто намеревались затеять с ними ссору. Вследствие этого вашего дерзкого поведения, я должен настоять этим поясом вампума на том, чтобы вы немедленно заявили о себе по получении этой моей речи и послания, намерены ли вы продолжать свой дерзкий и оскорбительный курс и по-прежнему действовать так, как вы делали до сих пор, вероломно под прикрытием нейтралитета, или же вы примете это мое последнее предложение о воссоединении и примирении со своими собственными племенами, Пятью нациями. Не воображайте, что король до сих пор относился к мятежникам и их приверженцам с такой мягкостью и снисхождением, из каких-либо опасений за их силу или за то, что они одержат верх! Нет, ни в коем случае. Ибо вы увидите, что в случае, если вы пренебрежете этим моим последним предложением мира или проигнорируете его, я вскоре убедлю вас, что у меня есть такое количество индийских союзников, которых я могу натравить на вас, что они мгновенно убедят вас в вашем безрассудстве, когда будет слишком поздно, поскольку я с трудом сдерживал их от нападения на вас в течение некоторого времени. Поэтому я должен еще раз повторить вам, что это мое последнее послание к вам; и чтобы вы не колебались и не откладывали свое прямое и решительное заявление о мире или войне, что в случае последнего (зная, что все еще есть некоторые из вашей нации, которые являются друзьями Короля и Пяти наций) Я могу своевременно предупредить их, чтобы они отделились от вас.

"БРАТЬЯ: Позвольте мне, наконец, убедить вас в обмане и лицемерии ваших братьев-повстанцев, генерала Шайлера, пастора Киркланда и других; разве они не говорили вам в начале восстания, что им не нужна ваша помощь и что они не хотят проливать вашу кровь; и вы также заявили, что не присоединитесь к ним, но останетесь нейтральными? Кто-нибудь из вас сдержал свое слово? Нет! вы подло нарушили его и, как казалось с самого начала, питали взаимные враждебные чувства к королю и его союзникам, а вскоре после этого проявили это своими действиями. Что подтверждает меня в этом мнении и доказывает ваш лживый и вероломный характер, так это ваше поведение во время последней войны, когда вы также играли двойную роль в тайном присоединении к французам в этой стране и передаче разведанных французам; чему я сам являюсь свидетелем, а также был проинформирован об этом вашим другом, покойным сэром Уильямом Джонсоном, который, несмотря на ваше низкое поведение, пообещав, что вы будете верны в будущем, простил вас и снова приобрел ваше расположение, советуя вам быть более осмотрительными и честными в будущем; и часто после это наделило тебя королевской

щедростью и благосклонностью. Но не успел он умереть, как вы неблагодарно забыли его добрые советы и благословения; и в противовес его семье, друзьям-индейцам и всему, что свято, встали на сторону мятежников и врагов вашего короля, вашего покойного покровителя сэра Уильяма Джонсона, а также вашей собственной конфедерации и связей. Таковы факты, братья, которые, пока вы не потеряете все чувства, не могут не вызвать в вас самого искреннего раскаяния за ваши прошлые поступки.

-Пояс.

- Фред. Холдиманд.

30 июня Клинтон написал Салливану, что его приготовления завершены — что все его запасы и амуниция всех видов находятся на озере, а также двести десять боевых машин — и все готово к отправке в тот момент, когда будут получены его приказы на этот счет. 1 июля он сам отправился к озеру, и экспедиция двинулась от его вершины к южной оконечности — там ожидать приказов его начальника. Когда он находился в этом месте, было получено письмо от генерала Шайлера, извещавшее о возвращении из Канады шпиона, который был направлен туда за информацией. Он принес известие, что 18 июня четыреста пятьдесят регулярных войск, сто тори и тридцать индейцев были отправлены вперед из Монреаля для подкрепления индейцев, против которых готовилась эта экспедиция; и что к ним должна была присоединиться половина полка сэра Джона Джонсона вместе с частью гарнизона на Ниагаре. Из этих разведанных было очевидно, что индейскую страну не взять без борьбы.

5-го числа прибыл мистер Дин во главе тридцати пяти воинов онейды. Целью их визита было лично извиниться за отсутствие их собратьев в экспедиции и дать те объяснения относительно их собственного изменившегося положения, о которых мистер Дин уже сообщил письмом вместе с адресом генерала Холдиманда, которые вызвали их тревогу. В тот же день состоялась конференция с участием генерала Клинтона, на которой члены Oneidas выступили со своим посланием в следующей речи:—

"БРАТ: Мы предполагаем, вы воображаете, что мы прибыли сюда, чтобы сопровождать вас в вашей экспедиции, но мы с сожалением сообщаем вам, что наше положение таково, что мы не допускаем этого.

"БРАТ: Из разведанных, на которые мы можем положиться, у нас есть основания полагать, что Шесть наций намерены воспользоваться возможностью нашего отсутствия, чтобы разрушить наши замки; эти сведения у нас есть от их шпионов, и мы знаем, что значительная их часть сейчас собрана в Каюге для этой цели, ожидая, когда наши воины покинут замок, чтобы присоединиться к вам.

"БРАТ: Нашим намерением было присоединиться к вам на вашем предполагаемом маршруте, и я надеюсь, что вы не подумаете плохо о том, что мы этого не делаем; но наша нынешняя опасность такова, что в случае, если мы покинем наш замок, он должен быть отрезан, поскольку большой отряд врага ожидает этой цели.

"БРАТ: Для нас это время опасности. Наши братья, американцы, всегда обещали нам помощь для нашей защиты, когда бы мы ни нуждались в ней; поэтому мы просим, чтобы в соответствии с этими обещаниями мы могли направить нам на помощь несколько войск в это время большой опасности. Если вы пошлете отряд войск нам на помощь и защиту, а враг нападет на нас, и нам

посчастливится разбить их, мы с этими войсками будем преследовать их и присоединимся к вам в их стране; или, если они не нападут на наш замок в ближайшее время, мы пройдем через их замки, пока не присоединимся к вам ".

Ремень.

На что генерал Клинтон дал следующий ответ:—

"Братья: Наша нынешняя экспедиция предназначена для наказания тех народов, которые нарушили свою веру в нас и присоединились к нашим врагам. Силы, которыми мы располагаем, вполне достаточны для этой цели. Наш маршрут намечен на великом совете этой страны. Я не желаю, чтобы все ваши воины покидали свои замки. Я направил общее приглашение нашим Братьям онейдам, тускарорам и тем онондага, которые, возможно, вступили с нами в дружбу. Чтобы дать всем нашим индийским друзьям равный шанс продемонстрировать свой дух и решимость разделить нашу судьбу, я полностью удовлетворен тем, что ко мне присоединятся только те, кто сочтет нужным. Я пригласил вас не из-за нехватки воинов, а для того, чтобы каждый воин, который является другом Соединенных Штатов, мог иметь равные возможности наказать врагов нашей страны.

"Поскольку ваше положение таково, что вы предполагаете, что вашему замку угрожает опасность быть разрушенным вашими врагами в случае вашего отсутствия, я ни в коем случае не желаю, чтобы больше ваших воинов покинуло ваши замки, чем ваш совет сочтет нужным разрешить.

"Пока я полностью убежден, что у всех наших врагов из Шести наций будет слишком много дел дома, чтобы позволить кому-либо из их воинов отправиться за границу творить зло. Если через некоторое время вы убедитесь, что вашим замкам ничто не угрожает, и все ваши воины или какая-то их часть сочтут нужным перейти к нам, я буду рад вас видеть; а тем временем, возможно, вы будете так же полезны там, где находитесь, как если бы были с нами.

"Я немедленно отдам приказ офицерам, командующим фортом Шайлер, направить часть войск в ваш замок и напишу полковнику Ван Шейку, который командует в мое отсутствие, оказать вам всяческую помощь, которая в его силах, поскольку я не уполномочен отдавать приказы каким-либо другим войскам, находящимся сейчас со мной под каким-либо другим командованием, поскольку наш Великий Вождь и Воин приказывает всем этим войскам следовать нынешним маршрутом".

В ходе беседы сахемы сообщили генералу Клинтону, что отряд примерно из трехсот индейцев с несколькими тори выступил из Каюги десять дней назад с целью задержаться на его окраинах и помешать его продвижению к Тиоге. Тем не менее предполагалось, что в их намерения не входило вести какие-либо серьезные боевые действия до тех пор, пока силы вторжения не продвинутся на значительное расстояние вверх по реке Тиога или Чемунг. В самом деле, очевидно, что целью противника было не оказывать сопротивления до тех пор, пока силы Салливана и Клинтона не подойдут к оборонительным сооружениям, которые индейцы и тори возводили еще до битвы при Вайоминге на берегах Чемунга.

В связи с реквизицией воинов в их речи генерал Клинтон отдал приказ командиру форта Шайлер направить команду из тридцати или сорока человек в форт Онейда, которая будет отозвана по мере необходимости. С таким пониманием и заверениями, содержащимися в

ответе генерала на их речь, десять главных воинов, которым были специально поручены объяснения, в тот же вечер отбыли в свой собственный замок, оставив оставшихся двадцать пять сопровождать экспедицию. Генерал Клинтон был недоволен задержкой, как явствует из письма, адресованного его брату на следующий день, выдержка из которого приводится ниже:

[FN] Однако все они, кроме двоих, и те, что были посерьезнее, покинули экспедицию еще до того, как прибыли в Тиогу.

ГЕНЕРАЛ ГУБЕРНАТОРУ КЛИНТОНУ.

*"Лагерь на южной оконечности }
озера Отсего, 6 июля 1779 г., }*

"Дорогой БРАТ,

"Я имею удовольствие сообщить вам, что сейчас я нахожусь в этом месте с двумястами восемью лодками, со всеми припасами, провизией и багажом армии; и я твердо убежден, что такое количество каждой из них никогда прежде не перевозилось по такой плохой дороге за такое короткое время и с меньшими несчастными случаями, и что сейчас я в полной готовности двинуться вниз по Саскуэханне, как только получу соответствующий приказ генерала Салливана. Я соорудил дамбу поперек протоки, которая, как я полагаю, будет иметь бесконечное значение, поскольку она подняла уровень озера по крайней мере на два фута, по которой лодки можно спускать на воду с меньшей опасностью, чем в противном случае, хотя из-за сложной извилистости канала я ожидаю встретить некоторые трудности на пути. Неизвестно, когда я покину это место.

"Вчера я получил письмо от генерала Салливана, датированное 1 июля в Вайоминге, в котором он сообщает мне, что он с нетерпением ожидал прибытия своих припасов из Санбери - что он ожидал их ежедневно - что на совете было решено, что эта армия должна продвинуться почти до Тиоги до моего ухода с озера, поскольку таким образом он мог бы отвлечь внимание в мою пользу и облегчить мое продвижение вниз по реке. Я полагаю, это следствие письма, которое он, вероятно, получил от генерала Вашингтона, и того, которое я получил от него, датированного первым моментом, в котором его превосходительство выражает свое удивление по поводу того, что я взял с собой так много припасов, когда было решено, что все припасы армии должны доставляться генералу Салливану, и что я не должен брать с собой ничего больше, чем было абсолютно необходимо для войск, пока не будет сформирован узел в Тиоге. Однако, поскольку генерал Салливан приказал мне доставить все необходимое, и поскольку его превосходительство добавил в своем письме ко мне, что в его намерения не входило нарушать какие-либо приказы, которые я могу получить от генерала Салливана, я приказал переправить все это сюда; что я счастливо выполнил и в чем я не раскаиваюсь, поскольку полагаю, что мне не хватит многих пунктов Войска в добром здравии и приподнятом настроении, и все, кажется, обещает самую благоприятную и успешную кампанию ". . . .

Противник не предпринимал никаких попыток приставать к генералу Клинтону, пока тот находился в заключении на озере Отсего. Тем не менее, его действия не остались полностью без внимания, и в непосредственной близости от него произошли два отдельных инцидента, которые заслуживают особого упоминания. Имя Дэвида Элерсона, одного из отважных людей, связанных с Мерфи в стрелковом корпусе Моргана, уже упоминалось в одной из предыдущих глав. Отряд, к которому он принадлежал, получил приказ из Шохари присоединиться к его экспедиции. Лежа у истоков озера, Элерсон отправился на старую поляну, расположенную на расстоянии мили или больше от лагеря, чтобы собрать зерна дляужина. Наполнив свой рюкзак и прилаживая его, чтобы вернуться в лагерь, он вздрогнул, услышав шелест высокой и грубой травы вокруг себя, и в то же мгновение увидел человек десять или дюжину индейцев, которые подкрадывались к нему так осторожно, словно вот-вот прыгнут и схватят его. Их целью явно было скорее взять его в плен, чем убить, поскольку его легко могли застрелить незамеченным. Возможно, он был нужен им для*аутодафе*, возможно, для получения информации. Схватив свою винтовку, которая стояла рядом с ним, Элерсон бросился вперед, чтобы убежать. Град томагавков пронесся по воздуху вслед за ним; но так как он нырнул в заросли высоких сорняков и кустарников, то был ранен только в одну руку, его средний палец был почти оторван. Немедленно началась быстрая погоня. Перелезая через старую изгородь из кустарника, Элерсон бросился в лес, а индейцы последовали за ним. Он был быстр, как олень, и, поняв, что они вряд ли скоро догонят его, преследователи выстрелили ему вслед из ружей, но, к счастью, безрезультатно. Таким образом, погоня продолжалась с одиннадцати до трех часов — Элерсон использовал все уловки и хитрости, чтобы ускользнуть от индейцев или обмануть их, но они держали его крепко. Наконец, выгадав минутку, чтобы отдышаться, к нему подошел индеец. Подняв винтовку, чтобы расчистить проход в том направлении, он услышал свист пули, впившейся ему в бок, и треск винтовочного выстрела с другой стороны и понял, что промедление в этом месте особенно опасно. Индеец, шедший впереди, однако, исчез, выставив винтовку, и Элерсон снова бросился вперед. Из его раненого бока немного текла кровь, но не настолько, чтобы ослабить его. Перевалив через горный хребет, он на мгновение остановился в долине за ним, чтобы утолить жажду — во рту у него пересохло, и он сам был на грани обморока. Когда он выбрался из ручья, голова одного из его преследователей выглянула из-за гребня холма. Он поднял ружье, но так устал, что не мог держать его ровно. Еще минута, и он был бы во власти дикаря. Снова подняв ружье и прислонив его к дереву, он швырнул дикаря кубарем вниз с холма. В следующее мгновение его верная винтовка была вновь заряжена и взведена, а в следующее мгновение вся группа его преследователей бросилась через гребень. Он снова подумал, что его минуты сочтены; но, будучи частично укрыты стволом огромного болиголова, они видели не его, а только тело своего павшего товарища, все еще содрогавшееся в предсмертных муках. Описав круг вокруг тела своего товарища, они подняли предсмертный вой; и когда они остановились, Элерсон предпринял еще одну попытку взлететь. Прежде чем они возобновили преследование, ему удалось спрятаться в темных зарослях болиголова, где он нашел полый ствол дерева, в который и забрался. Здесь он пролежал целых два дня без еды и перевязочных материалов для своей раны. На третий день он попятился из "лазейки своего убежища", но не знал, в какую сторону двигаться дальше, не различая сторон света. Однако, проехав две или три мили, он вышел на поляну и оказался в Коблскилле, преодолев во время своей недавней погони холмы и долины, болота, ручьи и топи на протяжении двадцати пяти миль.

Примерно в то же время и, вероятно, той же группой индейцев было совершено нападение на дом некоего мистера Шенкланда, расположенный на их пути, на окраине Черри-Вэлли. Его дом, расположенный на расстоянии двух или трех миль от деревни, избежал массового разрушения прошлой осенью. Но, тем не менее, он перевез свою семью в долину Мохок в целях безопасности и вернулся к себе домой только в сопровождении сына. [FN-1] Незадолго до рассвета они были разбужены нападавшими, которые пытались срезать дверь своими топорами. Сняв два своих ружья, мистер Шенкланд велел сыну зарядить их, а сам последовательно стрелял, добиваясь наибольшего преимущества. Но, не имея возможности видеть врага, он решился на вылазку. Имея в доме копье, или эспонтун, он вооружился им и, осторожно отодвинув засов на двери, бросился на осаждающих, которые разбежались при его внезапном появлении. Один из индейцев, которого он специально преследовал, споткнулся о бревно, и когда мистер Шенкланд нанес ему удар, его копье вошло в дерево и отделилось от древка. Выдернув лезвие из бревна, он бросился обратно в дом, запер дверь на засов и снова открыл огонь по нападавшим. Они были так сильно удивлены тем, что он бросился на них, что не сделали ни единого выстрела и не метнули томагавк, пока он не вернулся в свой замок и не запер ворота для вылазки. Во время этой части драки его сын, несколько испугавшись, выбежал из дома и побежал в лес. Его преследовали, настигли и взяли в плен. Отец, однако, продолжал сражаться — индейцы стреляли через окна наугад, а он отвечал на выстрелы так хорошо, как только мог. Одно время он подумывал о том, чтобы снова совершить вылазку и продать свою жизнь с максимальной выгодой; но, поступая таким образом, он совершенно справедливо рассудил, что сразу же подвергнет опасности жизнь своего сына. Индейцы, уставшие сражаться в столь невыгодных условиях, наконец попытались удостовериться в своей жертве, применив факел, и дом быстро охватило пламя, но случилось так, что между задней частью дома и лесом находилось поле конопли, в которое мистер Шенкланд ухитрился выбежать из дома, незамеченный индейцами. Скрытый от посторонних глаз зарослями пеньки, он сумел добраться до леса и благополучно укрылся в Могавке. Тем временем индейцы оставались у дома до тех пор, пока он не был уничтожен, как они предполагали, вместе с гарнизоном. Затем они издали победный крик и ушли [FN-2] — несколько человек из их числа были ранены отважным владельцем.

[FN-1] Покойный Томас Шенкланд, эсквайр из Куперстауна.

[FN-2] Анналы Кэмпбелла.

К его большому огорчению, как явствует из его писем. Генерал Клинтон был задержан в Отсего из-за запоздалых передвижений своего командующего внизу в течение всего июля и первой недели августа - до тех пор, пока его войска действительно не потеряли терпение до определенной степени. [FN] Но генерал не бездействовал в отношении каждого соглашения, которое могло бы усилить их безопасность или способствовать их успеху. В письме своему брату, цитируемом последним, он рассказал об одном замечательном полководческом ударе, который не только в значительной степени способствовал его успешному спуску по реке, но и оказал большую услугу в других отношениях. Перекрытие озера плотиной и накопление, таким образом, обширного резервуара воды, сделав более надежным и быстрым судоходство по реке, было чрезвычайно удачной мыслью, и когда, наконец, 9 августа был получен приказ о его отправке, его флотилия не только с триумфом прошла по скоплению нетерпеливых вод,

накопленных для этого случая, но и выходящий из берегов поток причинил значительные и неожиданные разрушения растущему урожаю индейцев на их плантациях в Окваге и его окрестностях. Более того, они были сильно напуганы внезапным подъемом уровня воды в самое засушливое время года, тем более что дождей не было, приписывая это событию вмешательству "Великого Духа", который таким образом показал, что он разгневан на них. Вся экспедиция действительно была рассчитана на то, чтобы внушить им ужас — как это могло бы сделать более просвещенный и менее суеверный народ. Местность была дикой и совершенно необитаемой, за исключением разрозненных семей индейцев и кое-где наиболее предприимчивых белых поселенцев в окрестностях Унадилы. Таким образом, внезапное разливание реки, несущее по своим волнам флотилию из более чем двухсотсудов через район первобытных лесов и по течению, которое никогда прежде не несло на своих недрах судов большей тяжести, чем каноэ из коры, представляло собой зрелище, которое вполне могло ужаснуть необразованных жителей захваченных таким образом регионов.

[FN] Из письма главнокомандующего генералу Салливану следует, что при организации экспедиции последний был вынужден столкнуться с большими трудностями, чем предполагалось. Он был разочарован в отношении независимых рот Пенсильвании, для восполнения недостатка в которых подполковнику Альберту Полингу было приказано выступить из Уорвасинга и присоединиться к Клинтону в Окваге. Губернатор Клинтон сам намеревался возглавить этот полк, но генерал Вашингтон, полагая, что влияние его присутствия необходимо в другом месте, убедил его отказаться от этого замысла. Таким образом, задержки Салливана, возможно, возникли не по его собственной вине. И все же бездействие генерала Клинтона на озере Отсега и Салливана в Вайоминге раздражало первого не больше, чем самого Бранта. Этот деятельный воин, вероятно, лично руководил тремя сотнями индейцев, о которых говорится в "Онейде" как о тех, кто выступил вперед, чтобы ударить по флангам генерала Клинтона и досаждал его войскам стычками во время марша. Однако, устав ждать противника, чьи передвижения были, по-видимому, столь запоздалыми, Брант решил превратить вторжение в Минимойку, история которой была изложена в последней главе.

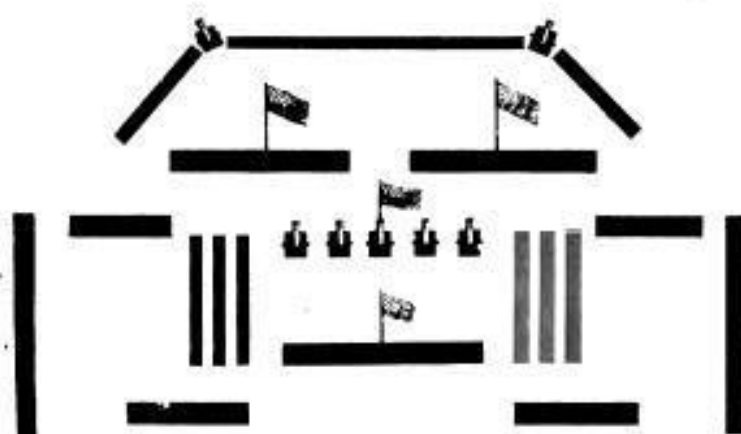
Во время этих энергичных действий Клинтона было замечено, что Салливан был очень медлителен в своих действиях, и его поведение в начале кампании вызвало особое недовольство Конгресса. Его запросы на припасы были огромными, и некоторые из его спецификаций продуктов, таких как яйца, языки и другие предметы роскоши, считались настолько непригодными для продажи, что вызывали отвращение. Однако, завершив свои приготовления, он покинул Вайоминг 31 июля и поднялся по реке Саскуэханна до Тиоги с экспедицией, гораздо более грозной по численности и не менее внушительной в других отношениях, чем нисходящая дивизия под командованием генерала Клинтона, хотя у него и не было преимущества преодолевать столь величественный поток. Салливан достиг Тиоги 11 августа, а на следующий день продвинулся с отрядом на двенадцать миль в сторону Чемунга, который был атакован отрядом индейцев, потеряв во время боя семь человек убитыми и ранеными. Отряд вернулся в Тиогу 13-го числа, после того как сжег один из индийских городов.

Генерал Клинтон со своей дивизией, к которой в Окваге присоединился отряд новобранцев полковника Полинга из Уорвасинга, прибыл в Тиогу и 22 августа соединился с Салливаном. Все командование насчитывало теперь пять тысяч человек, состоящих из бригад генералов

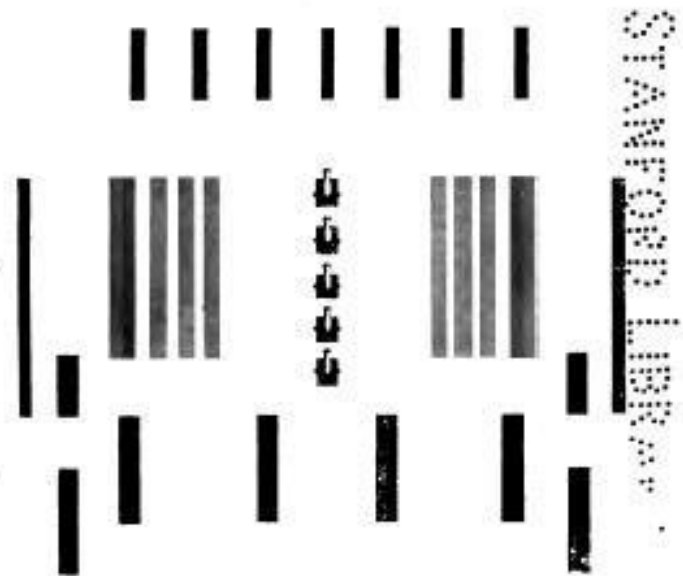
Клинтона, Хэнда, Максвелла и Пура, а также артиллерии Проктора и корпуса стрелков. Экспедиция продолжалась так долго, что было хорошо известно, что индейцы и тори не были не готовы встретить их; и при продвижении вверх по рекам Тиога и Чемунг соблюдалась крайняя степень осторожности, чтобы избежать внезапности. Сильный передовой отряд легкой пехоты шел впереди основных сил, которые были хорошо защищены большими фланговыми отрядами. Таким образом, они медленно продвигались в направлении укреплений противника, к Чемунгу у Ньютауна. 28-го было уничтожено индейское поселение вместе с полями кукурузы и другими еще не убранными индийскими продуктами. [FN]

Инструкции главнокомандующего были безапелляционными, согласно которым Салливан не должен был даже слушать предложения о мире до тех пор, пока он "самым тщательным образом не завершит разрушение их поселений".

ORDER OF BATTLE



ORDER OF MARCH



Индейцы, решив рискнуть на генеральные действия в защиту своей страны, рассудительно выбрали место для своих действий примерно в миле от Ньютауна. [FN-1] Генерал Салливан оценил их силы в полторы тысячи человек, включая пять рот британских войск и рейнджеров, численность которых оценивается в двести человек. Противник, однако, позволил своим силам состоять только из пятисот пятидесяти индейцев и двухсот пятидесяти белых — всего восемьсот человек. [FN-2] Брант командовал индейцами, а регулярными войсками и рейнджерами командовал полковник Джон Батлер, с которым были связаны полковники сэр Джон и Гай Джонсон, майор Уолтер Н. Батлер и капитан М.^c Дональд. [FN-3] Противник соорудил бруствер длиной в полмили, настолько прикрытый изгибом реки, что атаке подвергались только фронт и один из флангов; и даже к этому флангу было трудно подступиться, поскольку он опирался на крутой гребень, "почти параллельный общему течению реки, заканчивающийся несколько ниже бруствера". Еще дальше слева был еще один горный хребет, идущий в том же направлении и ведущий в тыл американской армии. Земля была покрыта соснами, перемежающимися с невысокими кустарниковыми дубами, многие из которых с целью сокрытия своих работ были срезаны и привезены издалека и воткнуты спереди, создавая видимость нетрансплантированного кустарника. Дорога, пересекая глубокий ручей у подножия холма, поворачивала направо и шла почти параллельно брустверу, чтобы подставить под их огонь весь фланг армии, если она продвинется вперед, не обнаружив их позиции ". [FN-4] Подразделения противника, поддерживавшие связь друг с другом, были размещены на обоих холмах с целью напасть справа и с тыла на Салливана в тот момент, когда должны начаться боевые действия.

[FN-1] Место нынешнего города Эльмира.

[FN-2] Гордон.

[FN-3] Не совсем ясно, были ли оба Джонсона вовлечены в это действие. Сэр Джон был там, и автор где-то встречал имя Гая Джонсона, который также участвовал в битве при Чемунге.

[FN-4] Маршалл.

Позиция противника была обнаружена майором Парром, командовавшим авангардом, около 11 часов утра 29 августа. Генерал Хэнд немедленно сформировал легкую пехоту в лесу, на расстоянии около четырехсот ярдов от бруствера, и ждал, пока основные силы армии не высадятся на местности. Перестрелка, однако, продолжалась обеими сторонами — индейцы совершали вылазки небольшими группами, стреляли и внезапно отступали - заставляя леса одновременно оглашаться их боевыми кличами, пронзающими воздух от точки к точке, как будто густой лес был полон их воинов с мрачными лицами. Правильно рассудив, что холм справа от него занят дикарями, генерал Салливан приказал бригаде Пура выступить и попытаться охватить их левый фланг и, если возможно, окружить их, в то время как артиллерия и основные силы американцев атаковали их спереди. [FN-1] Приказ был быстро выполнен; но по

мере того, как Пур поднимался на холм, битва оживлялась, и за обладание холмом отважно боролись. Впереди враг выдерживал жаркую канонаду более двух часов. [FN-2] Как тори, так и индейцы имели право на мужественную борьбу. Каждая скала, и дерево, и куст прикрывали своего человека, из-за чего густо высылались крылатые вестники смерти, но с таким незначительным эффектом, что вызывали изумление. Индейцы уступали территорию дюйм за дюймом; и при своем отступлении перебегали от дерева к дереву с проворством пантеры, часто отстаивая каждую новую позицию острием штыка — вещь, весьма необычная даже для ополченцев и еще более редкая среди недисциплинированных лесных воинов. Тайенданега был вдохновляющим духом дикарей. Всегда в самой гуще сражения он прилагал все усилия, чтобы воодушевить своих воинов в надежде привести их к победе. Пока не заиграла артиллерия, улюлюканье и вопли дикарей, смешанные с грохотом мушкетной пальбы, почти достигли уровня звука. Но их крики были в значительной степени заглушены громом пушек. Эта канонада "была элегантной", по выражению самого Салливана в письме к другу, и посеяла среди индейцев сильную панику. Тем не менее, сражение продолжалось спереди в течение длительного времени с неослабевающим духом, но ожесточенность боев была не только что описанном фланге. Когда Пур галантно приблизился к точке, полностью открывавшей тыл противника, Брант, который первым разгадал замысел американского командующего, попытался еще раз сплотить свои силы и с помощью батальона рейнджеров закрепиться. Но все было напрасно, хотя он прилагал все усилия для достижения этой цели — перелетал из точки в точку, казалось, присутствуя повсюду, и использовал все средства, которые были в его силах, чтобы оживить ослабевающий дух и придать сил рукам своих последователей. Поднявшись на кручу и добившись своей цели без промедления, Пур обошел фланг противника, и исход дня был решен. Поняв, что это факт и что существует опасность быть окруженным, был поднят сигнал к отступлению, и враг, дикари и белые люди, поспешно бросили свои работы, переправились через реку и бежали с величайшей поспешностью — индейцы оставили свои рюкзаки и некоторое количество томагавков и ножей для снятия скальпов. Битва была долгой, а на стороне врага - кровавой. [FN-3] Одиннадцать их убитых были найдены на поле боя — необычное обстоятельство для индейцев, которые неизменно прилагают все усилия, чтобы тела убитых не попали в руки их врагов. Но, наседая на острие штыка, у них не было времени унести их прочь. Их преследовали две мили, и их следы были неопровержимым доказательством того, что часть их убитых и раненых была унесена. Были найдены два каноэ, покрытых кровью, и тела четырнадцати индейских воинов, частично погребенные под листьями. Во время погони американцы сняли восемь скальпов. [FN-4] Учитывая продолжительность сражения и упорство, с которым оно велось, потери американцев были невелики, почти до чуда. Только пять или шесть человек были убиты и от сорока до пятидесяти ранены. Среди американских офицеров были ранены майор Титкомб, капитан Клейс и лейтенант Коллис — последний смертельно. Все дома соседнего индийского городка были сожжены, а кукурузные поля уничтожены. [FN-5]

[FN-1] Письмо генерала Салливана джентльмену в Баттене.

[FN-2] Idem. Видеозапись "Летописец", том vii.

[FN-3] Мистер Джон Сэлмон, покойный из округа Ливингстон (штат Нью-Йорк), который был членом отряда стрелкового корпуса в этой экспедиции, в письме, написанном для

"Повествования Мэри Джемисон", говорит о второй обороне индейцев в месте выше Ньютауна, называемом Нэрроуз, "Где, — говорит он, — на них напали наши люди, которые убивали их в большом количестве, так что склоны скал у реки выглядели так, как будто на них полными ведрами лили кровь. Индейцы бросили своих мертвецов в реку и спаслись бегством, как только смогли. Ни в одном другом отчете не упоминается ни о каком подобном инциденте, если, конечно, мистер Сэлмон не ссылается на убийство восьми воинов, чьи скальпы были сняты во время бегства, согласно одному из писем Салливана джентльмену в Бостон, которое можно найти в "Летописце Алмона" и которое является авторитетным источником для этого утверждения в тексте. Журнал Мисс Капитан. Фаулер, находящийся в распоряжении автора, выходит только на следующий день после битвы.

[FN-4] "На следующее утро [после прибытия Салливана в город Катарины] в лесу была найдена пожилая женщина из народа каюга, которая сообщила нам, что в ночь после битвы при Ньютауне враг, который все это время бежал, прибыл туда в большом замешательстве рано утром следующего дня; что она слышала, как воины говорили своим женщинам, что они побеждены и должны бежать; что у них было очень много убитых и огромное количество раненых. Она также слышала стенания многих по поводу потери своих связей. Кроме того, она заверила нас, что некоторые другие воины встречали Батлера в том месте и желали, чтобы он вернулся и снова сражался. Но на эту просьбу они не смогли получить удовлетворительного ответа, поскольку, как они заметили, "рот Батлера был закрыт". Воины, участвовавшие в бою, также отнеслись с отвращением к этому предложению". —*Официальный отчет Салливана.*

[FN-5] Численность войск противника в Ньютауне никогда не была установлена с какой-либо степенью уверенности; хотя, как ранее указывалось в тексте, по мнению Салливана, а также его генералов, она, должно быть, превышала полторы тысячи человек. Тем не менее, двое взятых в плен оценили их всего в восемьсот человек. Однако они признали, что в дополнение к пяти ротам рейнджеров, участвовавших в сражении, были задействованы все воины племени сенека и шести других индейских племен. Чтобы определить численность их сил с максимальной возможной точностью, генерал Салливан обследовал их заграждения, протяженность которых составляла более полумили. Линии фронта со всех сторон были окружены бастионами, а жилой дом, также находившийся перед укреплениями, был превращен в блокпост и укомплектован персоналом. Бронетранспортер, по-видимому, был укомплектован полностью, хотя, как и предполагал Салливан, всего одним звеном. Поскольку часть работ была проведена на низком уровне, противник был вынужден рыть ямы в земле, чтобы частично прикрыться. Очень тонкая линия рассеивания, предназначенная, как предполагалось, для передачи сигналов, была протянута от этих сооружений к той части горы, на которую поднялся генерал Пур, где, как уже говорилось, был размещен крупный корпус с целью удара во фланг американцам. Расстояние от бруствера до этого места составляло по меньшей мере полторы мили. Оттуда до холма справа от американцев тянулась еще одна линия рассредоточения протяженностью около мили, а на холме был устроен бруствер с сильным отрядом, предназначенным, как предполагалось, напасть на американский тыл. Но, как уже упоминалось, этот план был сорван действиями Клинтона. —*Посмотрите официальный отчет Салливана.*

Той ночью американцы расположились лагерем на поле боя, а на следующий день раненые вместе с тяжелой артиллерией, повозками и всем тем багажом, который не потребовался и не мог быть перевезен в ходе дальнейшего проведения летней кампании, которая теперь должна была начаться, были отправлены обратно в Тиогу. Были оставлены только четыре медных

трехфунтовых орудия и небольшая гаубица; и вся армия была немедленно переведена на короткое довольствие — солдаты с радостью подчинились реквизиции, как только необходимость этой меры была объяснена им в речи их командира. После принятия этих и других мер 31-го армия двинулась вперед в направлении города Екатерины, расположенного недалеко от истоков озера Сенека, и резиденции знаменитой Екатерины Монтур. По пути туда Салливан разрушил небольшое поселение из восьми домов и городок под названием Кнавахоли, насчитывающий около двадцати домов, расположенный на полуострове у слияния рек Тиога и Каюга. Несколько кукурузных полей были уничтожены в этом месте и ряд других, также очень больших, примерно в шести милях вверх по Тиоге полковником Дейтоном и стрелковым корпусом, которые были направлены туда для этой службы.

Индейцы и тори поступили неразумно, отступив так далеко после битвы при Ньютауне, поскольку марш Салливана оттуда к Кэтринс-тауну был самым трудным и утомительным по описанию. Они были вынуждены пересечь несколько узких и опасных ущелий с крутыми холмами по обе стороны, прохождение которых могло бы стать чрезвычайно досадным для их захватчиков из-за бдительного врага. Маршрут пролегал вдоль ручьев; и течение одного из них было таким извилистым, что им пришлось несколько раз переходить его вброд — люди стояли по пояс в воде. Хуже всего было то, что они были вынуждены пробираться через заросшее болиголовом болото. Ночь выдалась чрезвычайно темной, и страдания солдат были велики. Генералу Салливану посоветовали не входить в болото до следующего дня, но он отверг этот совет и упрямо продвигался вперед. Однако армия была настолько измотана, что генералу Клинтону, чья дивизия замыкала тыл, пришлось провести ночь на болоте без рюкзаков и поклажи. Ни Брант, ни Батлеры не проявили в этом случае своей обычной проницательности, иначе американцы могли бы жестоко пострадать за свою опрометчивость, проникнув в такую чащу в такой час. Индейцы, которые жарили кукурузу неподалеку, оправдывались тем, что дорога была такой плохой, а ночь такой темной, что им и в голову не могло прийти, что Салливан продвинется вперед при таких обстоятельствах.

Разочарованный онейдами, на помощь которых генерал Салливан рассчитывал в качестве проводников и проводниц по индейским землям, но только четверо из которых продолжили экспедицию, генерал отправил одного из них из Кэтринс-тауна в замок этой страны с обращением, призывающим всех, кто был дружелюбен к американцам, доказать искренность своих убеждений, немедленно присоединившись к его войскам. Посланнику Онейгату также было поручено рассказать своему народу о битве при Ньютауне. Однако он присоединился к экспедиции незадолго до ее завершения. Затем он сообщил, что по его прибытии в замок Онейда был созван совет и что его народ был в восторге от новостей, которые он принес. Более того, повинаясь призыву, который он принес туда, семьдесят их воинов отправились с ним, чтобы присоединиться к армии, и еще тридцать должны были последовать за ним на следующий день. Но в тот день недалеко от деревни Онондага они встретили своего брата Коновагу из армии, который сообщил им, что генерал уже продвинулся до Канасадагеи и у него достаточно людей — не хватает только нескольких хороших проводников. В результате этой информации воины Онейды повернули назад, передав, однако, через него обращение к генералу, ходатайствующее от имени клана кайюга, который, как они заявили, всегда был дружелюбен к Соединенным Штатам. В качестве доказательства этого факта они сослались на дела нескольких заключенных, которые, как утверждалось, были переданы ими генералу Шайлеру. Поэтому онейда, умоляла генерала Салливана не уничтожать поля этих дружественных кайюга, которые, лишившись своей кукурузы, обратились бы к ним за

поддержкой, и у них уже было тяжелое бремя на руках в лице обездоленных онондага. Генерал Салливан немедленно выступил с ответной речью, похвалив "Онейда" за их верность Соединенным Штатам, но выразив свое удивление по поводу того, что они вставили слово в защиту какой-либо части "кайюга", весь курс которой был отмечен не только двуличием, но и откровенной враждебностью. Поэтому он недвусмысленно сообщил Онейдам, что Каюги должны быть наказаны. И при этом он не потерпел неудачу в выполнении своей цели, как выяснится в свое время. [FN]

[FN] См. Обращение Салливана и ответное послание Онейды, "Летописец Алмона", за 1780 год, часть I.

Бригада генерала Клинтона присоединилась к основной армии 2 сентября, и весь лагерь расположился в Кэтринс-тауне, который на следующий день был полностью разрушен вместе с кукурузными полями и фруктовыми садами. Дома, числом тридцать, были сожжены. Разрушительная работа, ознаменовавшая эту экстраординарную кампанию, теперь была начата всерьез, и главнокомандующий считал это необходимым, иначе его приказы по этому вопросу не были бы столь категоричными, а удовлетворение от их выполнения столь велико. [FN-1] Тем не менее, на таком расстоянии во времени, когда мысленно оглядываешься назад не только на количество разрушенных городов и опустошенных полей, но и на войну на уничтожение, которая велась против самих садов, трудно подавить чувство сожаления, а тем более произнести слова похвалы. Утверждалось, что некоторые офицеры, среди которых были генерал Хэнд и полковник Дурбин, возражали против этого бессмысленного уничтожения фруктовых деревьев, как дискредитирующего американских солдат; но индейцы долго и жестоко провоцировали американцев яростными нападениями на приграничные поселения, и было сочтено целесообразным обрушить на них руку возмездия. "Индейцы, - сказал Салливан, - увидят, что в наших сердцах достаточно злобы, чтобы уничтожить все, что способствует их поддержке"; [FN-2] и он хорошо выполнил свою угрозу.

[FN-1] См. Письмо Вашингтона полковнику Джону Лоуренсу от 28 сентября 1779 г.; президенту Конгресса от 9 октября; и маркизу де Лафайету от 20 октября какого—то года -*Искры, том vi*.

[FN-2] Гордон.

Сравнительный уровень цивилизации, к которому пришли Шесть наций, был рассмотрен в начале настоящей главы. И все же считается, что лишь немногие из нынешнего поколения досконально осведомлены об успехах, которых достигли индейцы в обширной и красивой стране кайюга и сенека на пути развития цивилизации. У них было несколько городов и множество крупных деревень, расположенных со значительной степенью регулярности. У них были каркасные дома, некоторые из них были хорошо отделаны, с дымоходами и покрашены. У них были обширные и плодородные поля, и в дополнение к изобилию яблок они наслаждались грушей и еще более вкусным персиком. Но после битвы при Ньютауне ужас возглавил авангард захватчика, о приближении которого возвестили часовые, расставленные на каждой высоте, иза плачем в его свите последовало опустошение. Индейцы повсюду разбегались при приближении Салливана, и вся страна была охвачена, как метлой разрушения. 4-го числа, по

мере продвижения армии, они разрушили небольшое рассеянное поселение из восьми домов; а два дня спустя достигли более значительного города Кендайя, в котором было около двадцати аккуратно построенных и хорошо отделанных домов. Они превратились в пепел, и армия потратила почти день на уничтожение кукурузных полей и фруктовых деревьев. Их было великое множество, и многие из них казались очень древними. Во время таких боев к армии присоединился один из жителей Вайоминга, пленник, сбежавший от индейцев. Он сообщил им, что после битвы при Ньютауне индейцы были охвачены ужасом и что Кендайя была покинута два дня назад в величайшем смятении. Он также привел различные причины полагать, что враг сильно пострадал в том сражении — что он слышал, как некоторые индианки сетовали на потерю своих связей, и что Брант перевез большую часть раненых вверх по реке Тиога на водных судах, которые были заранее подготовлены на случай поражения. Далее считалось, что король Канадасигеи был убит в Ньютауне. Его видели по пути туда, и он не вернулся. Более того, из описания его одежды и внешности генерал Салливан заключил, что видел его тело среди убитых.

7 сентября Салливан пересек устье озера Сенека и тремя дивизиями двинулся на город Канадасиагеа — столицу Сенеки, в котором насчитывалось около шестидесяти домов с садами и многочисленными яблоневыми и персиковыми деревьями. Целью Салливана было окружить город и захватить его врасплох. Но, хотя Батлер и пытался убедить индейцев закрепиться в этом месте, его настойчивые попытки не увенчались успехом. Они заявили, что бороться с такой армией бесполезно, и в результате их столица была покинута, как и другие города, прежде чем американцы смогли добраться до нее. Отряд из четырехсот человек был отправлен на западную сторону озера, чтобы уничтожить Готесеункеан [FN-1] и плантации по соседству; в то же время несколько добровольцев под командованием полковника Харпера совершили форсированный марш в направлении озера Каюга и разрушили Шойере. Тем временем 8-го числа остатки армии были заняты разрушением города вместе с фруктовыми деревьями и полями кукурузы и бобов. [FN-2] Здесь, как и везде, работа по разрушению была тщательной и завершенной.

[FN-1] Так написано генералом Салливаном, чей официальный отчет частично лежит в основе этого повествования. Капитан Теодосиус Фаулер в своем дневнике записывает это как Кархаугуаш.

[FN-2] Дневник капитана. Фаулер.

Покидая свой город, индейцы бежали с такой поспешностью, что маленький белый ребенок мужского пола, лет семи-восьми, остался спящим. За это взялся офицер, который по состоянию здоровья не был на дежурстве. Уходя из кампании по той же причине, он забрал с собой ребенка, и больше о его истории ничего не известно. Это бегство индейцев было повсеместным; и из всех командиров Салливан, по-видимому, добился наименьшего успеха в поиске врага, которого он искал, за исключением тех случаев, когда враг хотел, чтобы его нашли. По поводу этой особенности нынешней кампании было замечено, что, хотя храбрость этого офицера была безупречной, все же он был совершенно незнаком с наукой индейского ведения войны и, несомненно, использовал наилучшие средства, чтобы держать дикарей на таком расстоянии, чтобы они не могли быть втянуты в сражение против своей воли. Например, он настаивал на том, чтобы из его лагеря по утрам и вечерам стреляли из пушек, забывая о том, что все остальные понимали, что индейцы таким образом были уведомлены о его

местонахождении и быстроте его маршей — таким образом, им ежедневно давалась возможность точно вовремя отступить при его приближении. [FN]

Письмо Джона Сэлмона в приложении к "Жизни Мэри Джемисон".

С этого момента отряд из шестидесяти человек вместе с хромыми и больными был отправлен обратно в Тиогу. Затем основная армия двинулась вперед на Канандайгуа, куда прибыла через два дня. Здесь они "обнаружили двадцать три очень элегантных дома, в основном каркасных и в целом больших", а также очень обширные поля кукурузы - все они были уничтожены. Из Канандайгуа они направились в небольшой городок Хонией, состоящий из десяти домов, которые были немедленно сожжены дотла. В Хоние было установлен пост, для поддержания которого был оставлен сильный гарнизон с тяжелыми припасами и одним полевым орудием. Приняв эту предупредительную меру, армия подготовилась к наступлению на еще более значительный город Джинеси — великую столицу западных племен конфедерации, где находились их запасы и обширнейшие возделанные поля.

Официальный аккаунт генерала Салливана.

Услышав о продолжающемся наступлении Салливана и о его намерении нанести удар по их городам на Джинеси, индейцы снова начали подумывать о том, чтобы дать сражение. Был созван совет их городов, результатом которого стала решимость остановить захватчиков и нанести еще один удар в защиту своих домов. Они чувствовали, что при отсутствии сопротивления разрушение их городов было бы неизбежно, и их судьба не могла бы быть хуже, если бы они встретились с завоевателем и сразились с ним — каким бы ни был результат. Их первой мерой предосторожности было поместить своих женщин и детей в безопасное место, в лес на некотором расстоянии от их города; так, чтобы в случае поражения у некомбатантов была возможность спастись бегством. Закончив приготовления, воины снова выступили в поле боя, выбрав для своего поля боя позицию между ручьем Хани и истоком озера Конниссиус. Устроившись в засаде, они ожидали подхода войск Салливана. Однако они напали на авангард американцев, и после оживленной перестрелки последние отступили к основным силам, прибытия которых индейцы не ожидали. Единственным плодом этого нападения со стороны индейцев стал захват двух пленных индейцев из племени онейда. Сам по себе этот инцидент был незначительным, но из него выросла сделка, представляющая захватывающий интерес и ярко иллюстрирующая характер индейцев. Один из захваченных таким образом индейцев был проводником генерала Салливана и, более того, принимал очень активное участие в сражении, оказывая американцам частые и важные услуги. По этой причине он был важным пленником. Но в этом деле была еще одна особенность, не совсем недостойная внимания. У этого верного индейца был старший брат, сражавшийся с врагом, который в начале войны приложил все свои силы, чтобы убедить младшего тоже поступить на британскую службу, но безуспешно. В конце этой стычки братья встретились впервые с тех пор, как их разлучили, когда они соответственно выбрали разные пути войны; младший стал пленником старшего. Последний не успел узнать своего брата после схватки, как его глаза загорелись тем свирепым и особенным блеском, который зажигает горящие глаза дикаря, когда он замышляет месть. Надменно приблизившись к нему, он произнес следующее: —

[FN] В месте, которое сейчас называется Хендеронс-Флэтта, или поблизости от него, Посмотрите "Жизнь Мэри Джеймисон" и "Письмо Джона Сэлмона".

"БРАТ! Ты заслужил смерть! Топор или боевая дубинка положат конец твоей карьере! Когда я умолял вас следовать за мной в битвах, вы были глухи к моим мольбам: вы отвергли мои мольбы!

"БРАТ! Ты заслужил смерть и получишь по заслугам! Когда мятежники подняли свои топоры, чтобы сразиться со своим добрым хозяином, вы наточили свой нож, вы почистили свое ружье и повели наших врагов на поля наших отцов!

"БРАТ! Ты заслужил смерть и умрешь от наших рук! Когда эти мятежники прогнали нас с полей наших отцов в поисках новых домов, именно ты осмелился выступить в качестве их кормчего и проводить их даже к дверям наших вигвамов, чтобы убивать наших детей и предавать смерти нас самих! Большого преступления не может быть! Но хотя ты заслужил смерть и умрешь на этом месте, мои руки не будут запятнаны кровью брата!—*Кто нанесет удар?*"

Последовала секундная пауза. Яркий топор Маленькой Бороды, сахема деревни, сверкнул в воздухе подобно молнии, и молодой вождь онейда был мертв у его ног. Затем Литтл Биэрд сообщил другому пленнику, который также был сахемом Онейда, что он воюет только против белых и что его жизнь должна быть сохранена; добавив далее, что в подходящее время он должен быть возвращен на свободу. Однако, не доверяя доброй воле вождя, пленник воспользовался возможностью для побега и очень скоро после этого достиг своей цели — но таким образом, который привел к другой трагической катастрофе, как сейчас будет показано.

[FN] Это была действительно шокирующая операция, но не *такая* шокирующая, как ужасное братоубийство, ранее зафиксированное в Вайоминге, и не такая шокирующая, как попытка брата полковника Фрея в Орискани. Индеец обладал гораздо большей человечностью и гораздо более высоким чувством чести и долга.

Из Ханиоя генерал Салливан за два дня продвинулся к городу, состоящему из двадцати пяти домов и называемому Канагсо. Здесь также предстояло уничтожить большие кукурузные поля и построить мост через непроходимый ручей, протекающий между Канагсо и городком Литтл-Бирдс, следующим по пути в Дженеси, названный так по имени знаменитого вождя, проживавшего там в то время. Задержанный этими препятствиями лейтенант Бойд из стрелкового корпуса с двадцатью шестью солдатами был отправлен на разведку города этого вождя, где также находился замок. Выполнив этот долг и при этом убив и сняв скальпы с двух индейцев [FN-1] в опустевшей деревне, он начал свое возвращение в основное подразделение. Случилось так, что Бойд проходил невдалеке от отряда индейцев, державших под присмотром пленного онейду. Последнего охраняли два индейца, между которыми он шел рука об руку, когда в благоприятный момент внезапно вырвался из их хватки и со всех ног бросился бежать в направлении армии Салливана. Индейцы в большом количестве бросились в погоню и, убегая, наткнулись на отряд лейтенанта Бойда. [FN-2] К этому времени индейцев, преследовавших беглеца, насчитывалось несколько сотен под непосредственным командованием Джозефа Бранта, который, похоже, появился неожиданно по этому случаю. [FN-3] Действительно, согласно одному источнику, Брант не был заинтересован в преследовании, но ранее спрятался

в глубоком ущелье с большим отрядом своих индейцев и рейнджеров Батлера с явной целью отрезать Бойду путь к отступлению. [FN-4] Осознав свое положение и фактически оказавшись в окружении ужасающих сил противника, Бойд, конечно, понял, что его единственный шанс на спасение состоял в том, чтобы нанести удар в какой-то заданный момент и прорубить себе путь сквозь ряды противника. Это была смелая мера; но альтернативы не было, и он предпринял три последовательные попытки достичь своей цели. В первой несколько вражеских частей пали, не потеряв ни одного человека со своей стороны. Но он был отброшен. Индейцы благородно стояли на своем; и во время второй и третьей попыток Бойда прорвать их линию весь его отряд пал, кроме него самого и еще восьми человек. В следующий момент несколько из них были убиты, в то время как нескольким удалось спастись бегством — среди них был отважный вирджинец Мерфи. Бойд сам был взят в плен, и еще один человек по имени Паркер. Лейтенант немедленно попросил о встрече с Тайенданегеей и, представившись масоном, получил заверения начальника охраны. [FN-5] Одним из членов отряда под командованием лейтенанта Бойда был храбрый воин-онейда по имени Хоньерри, который служил ему проводником. Этот преданный индеец долго служил у американцев и, как читатель уже видел, особенно отличился в битве при Орискани, где пало так много воинов племен могавков и сенека. Более того, в данном случае он проявил исключительную храбрость. Будучи отличным стрелком, его винтовка показала отличные результаты. Индейцы знали его, и когда они приблизились к маленькому отряду, бедняга Хоньерри был буквально изрублен на куски. [FN-6] Однако это была дорогая победа для врага. Стрельба велась так близко, прежде чем храбрый отряд был уничтожен, что порох из вражеских мушкетов вьелся в их плоть. У врага не было прикрытия, в то время как отряд Бойда, по крайней мере, на какое-то время, обладал очень выгодным прикрытием. Более того, противник так долго убирал своих убитых, что приближение бригады генерала Хэнда вынудило его оставить одного из числа погибших стрелков вместе с фургоном, нагруженным рюкзаками, одеялами, шляпами и провизией, которые они сбросили, чтобы иметь возможность действовать с большей ловкостью в полевых условиях. [FN-7]

[FN-1] Дневник капитана Фаулера. Одного из этих индейцев застрелил и снял скальп Мерфи, чье имя уже упоминалось в связи с войнами Шохари.

[FN-2] Жизнь Мэри Джемисон.

[FN-3] Капитан Фаулер и Джон Сэлмон оба заявляют, что число индейцев, участвовавших в этом деле, превышает пятьсот человек.

[FN-4] Письмо Джона Сэлмона.

[FN-5] Idem.

[FN-6] Дневник капитана Фаулера.

[FN-7] Официальный аккаунт Салливана.

С поля боя Брант проводил лейтенанта Бойда и его товарища по плену в городок Литтл-Бирдс, где они нашли полковника Батлера с отрядом рейнджеров. Находясь под присмотром Бранта, с лейтенантом хорошо обращались, и он был в безопасности. Но шеф был отозван для выполнения своих многочисленных обязанностей, и Бойд остался с Батлером, который вскоре

после этого начал допрашивать его, задавая вопросы относительно положения, численности и намерений генерала Салливана и его войск. Он, конечно, отказался отвечать на все неподобающие вопросы; на что Батлер пригрозил, что, если он не предоставит ему полную и недвусмысленную информацию, он отдаст его на милость индейцев. Доверчиво полагаясь на заверения великодушного вождя племени могавков, Бойд все же отказался, и Батлер выполнил свою кровавую угрозу — передал его Литтл Биэрду и его клану, самому свирепому из племени Сенека. [FN-1] Доблестный парень был немедленно предан смерти с помощью пыток; и в казни была изощренная жестокость, о которой неизвестно, чтобы за всю войну имели место аналогичные случаи. Обнажившись, Бойд был привязан к молодому деревцу, где индейцы сначала попрактиковались в уравниловке его нервов, метнув свои томагавки явно ему в голову, но так, чтобы попасть по стволу молодого дерева как можно ближе к его голове, не задев ее, — группы индейцев тем временем размахивали своими ножами и танцевали вокруг него с самыми неистовыми проявлениями радости. Ему вырвали ногти, отрезали нос и выкололи один глаз, также был вырезан язык, и он был ранен ножом в разные места. [FN-2] После того, как они вдоволь позабавились таким образом, ему сделали небольшой надрез в животе, вынули конец одного из его кишечника и прикрепили к дереву. Затем жертву развязали и грубой силой водили вокруг дерева до тех пор, пока все его внутренности не были буквально извлечены из тела и намотаны на ствол. Затем его страдания были прекращены путем отделения головы от тела. Затем она была торжествующе поднята на шест. Паркер, другой пленник, также был обезглавлен, но других пыток не подвергался. После завершения этой трагедии индейцы провели краткий совет, чтобы решить, оказывать ли дальнейшее сопротивление генералу Салливану или уступить свою страну его опустошению без сопротивления. В конце концов они пришли к решению, что они недостаточно сильны, чтобы успешно противостоять захватчикам, и в связи с этим решили покинуть свои владения, чтобы сохранить свои жизни и жизни своих семей. После этого женщин и детей отослали в направлении Ниагары, в то время как воины остались в лесах вокруг городка Литтл Бирд, чтобы наблюдать за передвижениями американцев. [FN-3]

[FN-1] Письмо лосося. Есть некоторые основания сомневаться, кто из Дворецких был действующим лицом в данном случае — отец, полковник Джон, или более суровый капитан, его сын.

[FN-2] Официальный аккаунт Салливана.

[FN-3] Жизнь Мэри Джемисон. Согласно заявлению полковника Батлера, после осмотра Бойда отправили вперед с охраной в Ниагару; но, когда он проезжал через деревню Джинеси, старый индеец выбежал и ударил его томагавком. Но Салмон говорит, что он был приговорен к смерти с помощью самых жестоких пыток, и так говорится в официальном отчете генерала Салливана. Мэри Джемисон, которая была с индейцами, приводит подробности, из которых составлен настоящий отчет. Следует надеяться, однако, что полковник Батлер не был соучастником жестокости; и, отдавая должное его памяти, следует признать, что это не было для него характерным поступком.

Как только в главном подразделении узнали о положении Бойда, они двинулись вперед, прибыв, однако, только вовремя, чтобы похоронить тела убитых. [FN-1] Это трагическое происшествие произошло 13 сентября. В тот же день Салливан двинулся вперед к месту под

названием Гаттсегварохаре, где враг, как индейцы, так и рейнджеры, по-видимому, были расположены закрепиться. Войска были немедленно приведены в боевой порядок, и бригада генерала Клинтона начала движение с целью обхода с фланга и выхода в тыл противника. Но, обнаружив движение, противник поспешно отступил. Салливан расположился лагерем на земле — мужчины спали на руках в ожидании нападения. Но враг не потревожил их покой, и 14-го армия продолжила свое наступление и форсировала реку Джenezи. Прибыв в городок Литтл-Бирдс, [FN-2] они обнаружили изуродованные тела Бойда и Паркера, которые были похоронены на берегу Бирдс-Крик, под зарослями дикой сливы. [FN-3]

[FN-1] Они были похоронены в месте, которое сейчас называется Гровленд, где совсем недавно можно было увидеть могилу.

[FN-2] Теперь это место называется Лестер.

[FN-3] На дороге, которая сейчас ведет из Москвы в Гenezи.

Армия Салливана с удивлением и восторгом созерцала долину Гenezи из-за ее красоты и плодородия. Хотя это была индейская страна, населенная только лесными дикарями, ее богатые просторы создавали впечатление долголетней обработки, а затем радовали своими урожаями созревающей кукурузы. Действительно, сами индейцы заявляли, что не знают, когда и кем земли вдоль этого ручья были впервые пущены в обработку. Почти полвека назад Мэри Джеемисон наблюдала большое количество человеческих костей, выброшенных волной с одного из берегов реки, которые, по мнению индейцев, принадлежали не их собственному народу, а другой расе людей, некогда владевших этой страной. Индейцы, утверждали они, никогда не хоронили своих умерших в подобной ситуации. Как бы то ни было, вместо воющей пустыни Салливан и его войска обнаружили Джиниси-флэтс и многие другие районы страны, гораздо больше напоминающие сады, фермы и огороды цивилизованной жизни. Но теперь все было обречено на быстрое опустошение. Замок Джenezи был разрушен. Войска прочесали весь регион вокруг, сжигая и уничтожая все, что попадалось им на пути. Сам Литтл Бизрд исполнял обязанности церемониймейстера при пытках Бойда; и теперь его город был сожжен дотла, а большое количество зерна, которое его люди припасли, было уничтожено путем сжигания или выброса в реку. "В городе Джинеси было сто двадцать восемь домов, в основном больших и очень элегантных. Он был прекрасно расположен, почти окружен чистой равниной, простиравшейся на несколько миль; по которой простирались обширные поля кукурузы вместе со всеми видами овощей, какие только можно себе представить". [FN-1] Но вся армия немедленно была занята его уничтожением, и топор и факел вскоре превратили весь этот прекрасный край из сада в сцену унылого и тошнотворного запустения. Сорок индийских городов, самый большой из которых насчитывал сто двадцать восемь домов, были разрушены. [FN-2] Собранная и неубранная кукуруза в количестве ста шестидесяти тысяч бушелей постигла ту же участь; их фруктовые деревья были вырублены; на индейцев охотились, как на диких зверей, пока во всей стране не осталось ни дома, ни фруктового дерева, ни кукурузного поля, ни жителя. Сады были богаты большим количеством полезных овощей разных видов. Размеры кукурузных полей, а также высокая степень возделывания, при которой они содержались, вызывали удивление; а початки кукурузы были настолько удивительно большими, что многие из них достигали двадцати двух дюймов в длину. Фруктовых деревьев было так много, что в одном фруктовом саду их срубили полторы тысячи. [FN-3]

[FN-1] Отчет Салливана.

[FN-2] Уже было видно, что эти широкомасштабные разрушения были результатом четких инструкций генерала Вашингтона. Именно в связи с этим фактом, обращаясь к президенту Вашингтону на совете по делам индейцев, состоявшемся в Филадельфии в 1792 году, Корнплантер начал свою речь следующими словами: "Отец: Голос народа Сенека обращается к тебе, Великий Советник, в сердце которого мудрецы всех Тринадцати Огней вложили свою мудрость. Это может быть очень мало для ваших ушей, и поэтому мы умоляем вас слушать со вниманием, ибо мы собираемся говорить с вами о вещах, которые для нас очень важны. Когда ваша армия вошла в страну Шести Народов, мы называли вас Разрушителем городов; и по сей день, когда раздается это имя, наши женщины оборачиваются и бледнеют, а наши дети крепко прижимаются к шеем своих матерей. Наши советники и воины - мужчины, и им нечего бояться; но их сердца опечалены страхами наших женщин и детей, и они желают, чтобы они были похоронены так глубоко, чтобы о них больше не было слышно".

[FN-3] Рамзи. Смотрите также "Историю Британской империи", 2 тома —анонимно. Пока Салливан находился в Джинси, была вновь взята в плен женщина из Вайоминга. Она дала прискорбный отчет об ужасе и растерянности индейцев. Женщины, по ее словам, постоянно умоляли воинов просить мира; а один из индейцев, по ее словам, пытался застрелить полковника Джонсона за ложь, с помощью которой он обманул и разорил их. Она подслушала, как Батлер сказал Джонсону, что после битвы при Ньютауне было невозможно удержать индейцев вместе, и что, по его мнению, вскоре они окажутся в плачевном положении, так как весь их урожай будет уничтожен, и они не смогут снабжаться на Ниагаре.

Именно в связи с этой кампанией имя знаменитого оратора Сенеки, *Сагаеваты*, или "*Красная куртка*", впервые встречается в истории, или, вернее, сейчас впервые появится, поскольку оно еще никогда не упоминалось в столь ранний срок ни одним из предыдущих авторов. Всем, кто знаком с историей Индии, хорошо известно, что Брант и Красная Куртка были непримиримыми врагами. Происхождение этой вражды до сих пор не было известно общественности, и некоторые приписывали ее ревности Бранта к растущей репутации его более молодого и красноречивого соперника. Но это не значит, что Брант когда-либо признавал великие интеллектуальные способности Красного Мундира, но всегда утверждал, что тот был не только беспринципным, но и отъявленным трусом. В поддержку этих мнений он утверждал, что Красная Куртка доставил ему много хлопот и затруднений во время кампании генерала Салливана и фактически был главной причиной позора и бедствий индейцев. Рассказывая историю экспедиции одному выдающемуся американскому джентльмену, [Ф. Н.] Брант заявил, что после битвы при Ньютауне Красная Куртка имел обыкновение проводить частные советы с молодыми воинами и некоторыми из наиболее робких сахемов, целью которых было убедить их просить мира на любых, даже позорных условиях; и что однажды ему это удалось настолько, что он побудил их тайно и без ведома главных военачальников послать гонца в лагерь генерала Салливана, чтобы донести до него дух недовольства. и раскол, царивший среди индейцев, и предложить ему послать флаг перемирия с определенными предложениями, рассчитанными на усиление их разногласий и заключение позорного мира. Брант, который был конфиденциально проинформирован обо всех этих действиях, но опасался последствий разглашения и попытки подавить их насильственными средствами, также тайно отправил двух доверенных воинов

установить флаг на пути его следования из американского лагеря в лагерь индейцев и предать смерти его носителя, а затем тайно вернуться со своими депешами. Это было сделано по его указанию, и таким образом были предотвращены все попытки дальнейших переговоров. Это, безусловно, была смелая мера; и насколько поведение Бранта в ней можно оправдать или даже смягчить, будет зависеть от множества мелких обстоятельств, которые сейчас выяснять слишком поздно.

Покойный военный министр, генерал Питер Б. Портер.

Завершив выполнение задач, намеченных экспедицией, к месту, куда он прибыл, генерал Салливан 16 сентября со своей армией повторно пересек Джинези и отправился в обратный путь. Почему он не развил свой успех и не нанес удар по цитадели противника на Ниагаре, которая в то время не была в состоянии оказать серьезного сопротивления, - вопрос, требующий решения. Несомненно, что при организации экспедиции одной из главных целей было завоевание Ниагары, штаб-квартиры врага всех мастей и средоточия британского влияния и мощи среди индейцев. Но, возможно, силы американского генерала были слишком ослаблены болезнями и переутомлением (они потеряли в бою не более сотни человек), чтобы позволить себе дальнейшее продвижение. Несомненно, что самая важная часть предприятия не была предпринята; и в дальнейшем будет видно, что в конечном итоге кампания принесла лишь небольшое преимущество. Впоследствии, подстегиваемые еще более острой жаждой мести, тучи дикарей снова и снова проносились по долине Могавка с ножом для снятия скальпов и факелом. Оправданием, предложенным самим Салливаном, была нехватка провизии; но этот недостаток мог быть с избытком восполнен за счет обширных запасов индейцев, которые были либо сожжены, либо выброшены в реку.

Возвращение армии происходило по тому же пути, по которому она продвигалась. 20-го числа, повторно пересекши выход из озера Сенека, полковник Зебулон Батлер был выделен со стрелковым корпусом и пятьюстами солдатами, чтобы обойти подножие озера Каюга и опустошить индийские города на его восточном берегу; в то время как на следующий день подполковник Дирборн с двумя сотнями солдат был выделен для выполнения той же задачи на юго-западном берегу. Основная армия следовала самым прямым путем к Чемунгу и Тиоге. 26-го вернулся отряд полковника Дирборна, а 28-го к ним присоединился полковник Батлер, который сжег три города кайюга, включая их столицу. Дирборн сжег шесть городов на своем пути, уничтожив при этом большое количество кукурузы. В тот же день полковники Ван Кортландт и Дейтон были отправлены на аналогичную службу за уничтожение больших полей кукурузы, растущей на берегах Тиоги и ее притоков.

[FN] Следует помнить, что Онейды ходатайствовали за кайюгов или, по крайней мере, за часть из них. По этому поводу генерал Салливан написал в своем официальном отчете следующее: "Я верю, что шаги, которые я предпринял в отношении кайюга, окажутся удовлетворительными. И здесь я прошу разрешения упомянуть, что при обыске домов этих мнимо нейтральных кайюга было найдено несколько скальпов, которые, по-видимому, были сняты недавно, которые полковник Батлер показал онейдам, которые сказали, что тогда они убедились в справедливости предпринятых мною шагов".

30 сентября армия достигла своего первоначального пункта сосредоточения в Тиоге, где, как следует помнить, был возведен форт, в ведении которого находился небольшой гарнизон. Это произведение было уничтожено 3 октября. Затем армия возобновила обратный марш и, пройдя через Вайоминг, прибыла в Истон 15-го. Расстояние оттуда до замка Дженези составляло двести восемьдесят миль. За исключением сражения при Ньютауне, боевые успехи армии были невелики. Но он пронесся по обширной территории страны и обратил в пепел больше городов, чем когда-либо было разрушено на континенте прежде. Краснокожие были изгнаны из своей прекрасной страны — их жилища превратились в руины, их поля были опустошены, их сады вырваны с корнем, а их алтари и могилы их отцов ниспровергнуты.

Однако в этой кампании был эпизод, если такое выражение допустимо в военной истории, который, каким бы необъяснимым он ни был, выглядит как очень странное движение генерала Салливана. В предыдущей части настоящей работы было показано, что, когда большая часть могавков удалилась в Канаду вместе с Джонсонами, готовясь поднять топор войны против американцев, клан в нижнем замке отказался сопровождать их. Более того, до сих пор, на протяжении всего хода войны, они сохраняли строгий нейтралитет. Они не приставали к своим белым соседям и сами не подвергались приставаниям; но жили спокойно, возделывая свои земли посреди самой заселенной части округа Трайон или охотясь в свое удовольствие — и на условиях совершенной дружбы и доброжелательности со своими белыми соседями. Однако, так или иначе, генерал Салливан проникся недоверием к этим людям, и 20 сентября, находясь у подножия озера Сенека, он отправил полковника Гансворта с корпусом из ста человек в форт Шайлер, откуда ему был отдан категорический приказ немедленно проследовать вниз по реке Мохок к упомянутому нижнему индейскому замку, взять в плен всех индейцев, если возможно, разрушить их замок, а затем немедленно проследовать с упомянутыми пленными в штаб-квартиру — приказ, недвусмысленно запрещающий, чтобы кто-либо из захваченных таким образом пленных направлялся в форт Шайлер. его следовало оставить в Олбани; и в то же время полковнику было предписано, несмотря на все эти враждебные действия, оказывать индейцам, таким образом, обездоленным и унесенным насилием, "такие необходимые знаки вежливости и внимания, которые могли бы способствовать продолжению их дружбы и свидетельствовать о нашем миролюбивом расположении к ним". Это был поистине удивительный приказ, и, как показало событие, столь же неуместный и несправедливый, сколь и непостижимый. Поскольку официальный отчет полковника Гансворта о его действиях в соответствии с этим приказом даст наилучшее представление обо всей операции, он вставляется полностью:—

"Полковник ГАНСВОРТ ГЕНЕРАЛУ САЛЛИВАНУ.

"Олбани, 8 октября 1779 года.

"Сэр,

"Согласно моим приказам, я направился кратчайшим путем к замку нижний Ирокез, пройдя через замки (города) Тускарора и Онейда, где группе были оказаны все знаки гостеприимства и дружбы. Я имел удовольствие обнаружить, что никому из жителей не было нанесено ни малейшего ущерба или оскорбления. 25-го я прибыл в форт Шайлер, где, освежив свой отряд,

двинулся вниз по реке, а 29-го напал врасплох на замок нижний Могавк, взяв в плен всех индейцев, которых они тогда занимали, кроме четырех домов. Я готовился, согласно моим приказам, уничтожить их, но был прерван жителями пограничья, которые недавно были изгнаны из своих поселений дикарями, молящимися о том, чтобы у них была свобода входить в дома могавков, пока они не смогут найти себе другое жилье; и хорошо зная, что эти люди недавно потеряли все, человеколюбие побудило меня в этом конкретном случае действовать в некоторой степени вопреки приказам, хотя я не мог не быть уверен в вашем одобрении; особенно когда вам сообщили, что этот замок находится в центре наших поселений и изобилует всем необходимым. ; так что следует отметить, что эти индейцы живут гораздо лучше, чем большинство фермеров с реки Мохок. Их дома были очень хорошо обставлены, со всей необходимой домашней утварью, большим количеством зерна, несколькими лошадьми, коровами и повозками; все это я описал, оставив на попечение майора Ньюкирка из того места, который распределил беженцев по нескольким домам. В такой ситуации я вообще не позволял партии грабить.

"Заключенные прибыли в Олбани 2-го числа и были надежно закреплены в форте. Вчера, 7-го, я получил письмо от генерала Шайлера (копию которого я прилагаю) с уважением к пленным и просьбой отложить отправку заключенных до прибытия нарочного от генерала Вашингтона. В соответствии с этой просьбой сержант и двенадцать человек задержаны, чтобы присматривать за заключенными до тех пор, пока не будет известно о его желании.

"С величайшим сожалением я упоминаю, что мое недомогание настолько велико, что мешает мне принять руководство партией в штаб-квартире. Я пролежал несколько дней взаперти, и мой хирург сообщил мне, что моя жалоба - желчная лихорадка. Капитан Ситез принимает командование отрядом и отправится со всей экспедицией в штаб-квартиру с багажом нескольких полков, где я надеюсь вскоре присоединиться к армии. Я остаюсь и т. Д., и т. П."

Похоже, что генерал Шайлер, в то время возглавлявший Северную комиссию Министерства по делам индейцев, услышав о суровых мерах, принятых в отношении могавков нижнего замка, вступился за них. Ниже приводится письмо, на которое ссылается полковник Гансворт, копия которого была приложена к письму генерала Салливана:

"ГЕНЕРАЛ ШАЙЛЕР ПОЛКОВНИКУ ГАНСВОРТУ.

"Олбани, 7 октября 1779 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Ознакомившись с Быт . Приказы Салливана вам относительно индейцев нижнего замка Могавк и их собственности, я полагаю, основаны на дезинформации, данной этим джентльменам; эти индейцы мирно оставались там с санкции общественного доверия, неоднократно предоставляемого им комиссарами по делам индейцев, при условии миролюбивого поведения; насколько нам известно, этот контракт они не нарушали. Поэтому на нас, как на слугах общества, лежит обязанность сохранять веру общества в неприкосновенность; и поэтому мы умоляем вас отложить отправку индейцев отсюда до тех пор, пока не будет угодно его Превосходительству генералу. Вашингтон, может быть получен, и по этому случаю ему уже

отправлено письмо, в котором мы упомянули об этом обращении к вам. Я, дорогой сэр, ваш покорнейший слуга,

"Доктор философии. Шайлер, президент Совета уполномоченных по делам индейцев, Департамент Нью-Йорка."

Копии этих писем были в то же время приложены полковником Гансвортом главнокомандующему, и результатом стало быстрое освобождение бедных индейцев с указанием генерала Вашингтона, что комиссары должны "возложить на них такие обязательства за их хорошее поведение в будущем, какие они сочтут необходимыми". [FN]

[FN] МИСС письмо из Вашингтона полковнику Гансворту. Отдавая должное генералу Салливану в отношении этого крестового похода против маленького квартала дружественных ирокезов, следует заявить, что он действовал, руководствуясь дезинформацией. В своем официальном отчете, написанном из Тиоги 30 сентября, он сказал: "Я приказал полковнику Гансворту разрушить замок нижний Могаук на его пути следования и захватить в плен жителей, состоящих всего из шести или семи семей, которые постоянно были заняты передачей разведанных врагу и поддержкой своих разведывательных отрядов при вторжениях на наши границы. Когда могавки присоединились к врагу, эти несколько семей, несомненно, остались, чтобы соответствовать этим целям и сохранить владение своими землями".

Так закончилась достопамятная кампания генерала Салливана против страны Шести наций; и, как бы резко ни отзывались другие об этом офицере, из писем главнокомандующего ясно, что его поведение было воспринято в этой части с самым решительным одобрением. Офицеры нескольких корпусов, участвовавших в экспедиции, провели отдельные встречи и засвидетельствовали самое теплое уважение к нему и свое одобрение того, как он провел кампанию. 14 октября Конгресс принял резолюцию с благодарностью генералу Вашингтону за руководство этой экспедицией и "генералу Салливану и храбрым офицерам и солдатам под его командованием за ее эффективное выполнение". Но в самый момент принятия резолюции было очевидно, что она была принята неохотным голосованием. Салливан предъявлял такие высокие требования к военным запасам и так открыто жаловался на правительство за невнимание к этим требованиям, что сильно обидел некоторых членов Конгресса и Военный совет. Вследствие этого он подал в отставку со своего поста 9 ноября под удобным предлогом плохого самочувствия. Отставка была принята Конгрессом 30 числа того же месяца, однако сопровождалась выражением благодарности за прошлые заслуги.

Биографический словарь Аллена.

Но была еще одна экспедиция против индейцев, задуманная и осуществленная совместно или, скорее, одновременно с экспедицией генерала Салливана. Это движение произошло под руководством полковника Дэниела Бродхеда, в то время командовавшего фортом Питт, и первоначально было спланировано главнокомандующим после уничтожения индейцев минго, манси и части индейцев сенека, поселившихся на реке Аллегейни, для сотрудничества с индейцами Салливана у перекрестка на Ниагаре — точки, как оказалось, недостижимой ни тем, ни другим. Готовясь к этой кампании, Вашингтон написал полковнику Бродхеду 22 марта,

предписывая ему бросить передовые отряды войск, первый из которых занять пост в Киттанинге, а второй - в Венанго, и построить частокол фортов в обоих местах, соблюдая максимально возможную секретность в отношении скрытых операций. [FN-1] Из-за различных непредвиденных трудностей проект прямого сотрудничества с Салливаном был оставлен 21 апреля, и полковнику Бродхеду было приказано произвести необходимую разведку для движения против Детройта, если такая экспедиция будет сочтена целесообразной. [FN-2] Результатом, однако, стала независимая кампания против племен или кланов упомянутых выше индейцев, населяющих верховья рек Аллегейни, Френч-Крик и других притоков Огайо. Полковник Бродхед покинул Питтсбург 11 августа во главе шестисот рядовых, включая добровольцев и ополченцев, с запасом провизии на месяц. Первым индийским городом, на который планировалось напасть, был Канновога. По пути туда, через четыре дня после их отъезда из форта Питт, передовой отряд полковника Бродхеда встретил отряд из тридцати-сорока индейских воинов, спускавшихся по реке Аллегейни на каноэ. Индейцы высадились, чтобы дать бой, но были разбиты после резкого столкновения и обращены в бегство, оставив пятерых воинов убитыми, и явные следы того, что других унесли ранеными. Прибыв в Канновога, войска были огорчены, обнаружив, что город был покинут в течение восемнадцати месяцев. Однако, продвигаясь вперед, они последовательно вошли в несколько городов, которые были оставлены индейцами при их приближении. Все они были уничтожены вместе с прилегающими кукурузными полями. В городе верхней Сенеки, называемом Йогуррун-Уаго, они нашли раскрашенное изображение, или военный столб, одетый в собачью шкуру. В окрестностях этого места было несколько городков, насчитывавших в общей сложности сто тридцать домов, некоторые из которых были достаточно большими, чтобы вместить три-четыре семьи в каждом. Все они были уничтожены вместе с их кукурузными полями, настолько обширными, что у войск ушло три дня на выполнение поставленной задачи. Старые города Баклун и Магинквечахокинг, состоящие из тридцати пяти больших домов, также были сожжены. Индейцы бежали так поспешно, что оставили несколько свертков со шкурами и другой добычей на сумму в три тысячи долларов - все это было забрано. Поля кукурузы были уничтожены по меньшей мере на площади в пятьсот акров. Судя по количеству строящихся новых домов и размерам земель, готовящихся к возделыванию, можно было предположить, что весь народ Сенека и Манси намеревался обосноваться в этих поселениях. [FN-3] Расстояние, пройденное полковником Бродхедом в пути и обратно, составило четыреста миль, и за время экспедиции не погиб ни один человек.

[FN-1] Письмо из Вашингтона полковнику Бродхеду, 22 марта 1779 г. — Смотрите Жизнь и переписку Спаркса, том vi.

[FN-2] Письмо от того же самого тому же самому, 21 апреля 1779г.

[FN-3] Официальный отчет полковника Бродхеда. По поводу этой экспедиции, в связи с экспедицией Салливана, историк Рамзи замечает— "Таким образом велась жестокая часть войны. Расточительство, а иногда и жестокость, причинялись и на них отвечали бесконечным разнообразием сцен ужаса и отвращения. Эгоистичные страсти человеческой природы, не сдерживаемые социальными узами, перешли все границы приличия или человечности".

Благодарность Конгресса была также выражена генералу Вашингтону за разработку и полковнику Бродхеду за осуществление этой экспедиции. Уже отмечалось, что, поскольку в

этих экспедициях было убито лишь небольшое количество врагов, единственным непосредственным результатом, помимо уничтожения провизии и имущества, было озлобление индейцев. Более отдаленный эффект заключался в том, чтобы бросить все силы противников из Шести наций обратно на их британских нанимателей, за их полную поддержку следующей зимой. Другим следствием было то, что из-за нужды и бедствий, которые испытывали индейцы в ту зиму, среди них распространилась смертельная болезнь, которая унесла огромное количество людей в вечность.

Еще одним результатом этих стремительных вторжений в индейские земли было, по крайней мере на данный момент, наводить ужас на некоторые племена, еще более отдаленные. По возвращении полковника Бродхеда в Форт Питт 14 сентября он застал вождей делаваров, главных вождей вайандотов, или гуронов, и короля макичи, ветви шаванцев, ожидавших его прибытия. Тремя днями позже полковник держал совет с этими лесными сановниками, по случаю чего *Дуньонтат*, вождь вайандотов, произнес следующую речь:

"БРАТ МАГИНГИВ КИШУЧ, послушай меня!"

Индейское имя, присвоенное полковнику Бродхеду.

"БРАТ: Мне грустно видеть тебя со слезами на глазах. Я знаю, что это вина англичан.

"БРАТ: Я вытираю все эти слезы и приглаживаю твои волосы, которые взъерошили англичане и безрассудство моих молодых людей.

- Итак, брат мой, я вытер все пятна с твоей одежды и разгладил их там, где их растрепали мои молодые люди, так что теперь ты можешь надеть шляпу и сидеть с той непринужденностью и самообладанием, которых тебе хотелось бы.

-Четыре нити белого вампума.

"БРАТ: Послушай вождей гуронов.

"БРАТ: Я вижу, как ты весь окровавлен англичанами и моими молодыми людьми. Сейчас я сотру все эти пятна и приведу тебя в порядок.

"БРАТ: Я вижу, как твое сердце сжимается, а шея и горло сворачиваются набок от горя и досады, причиненных моими молодыми людьми; все эти неприятные ощущения я сейчас устраняю и возвращаю тебе прежнее спокойствие, так что теперь ты можешь дышать с легкостью и наслаждаться пользой от твоей еды.

"БРАТ: Кажется, что твои уши заткнуты, так что ты не можешь слушать своих Братьев, когда они говорят о дружбе. Теперь я устраняю эту глухоту и всю затычку из ваших ушей, чтобы вы могли слушать дружеские речи ваших Братьев и чтобы они глубоко проникли в ваше сердце.

"Семь нитей белого вампума.

"БРАТ: Послушай меня. Когда я оглядываюсь вокруг, я вижу, что кости наших племянников лежат разбросанными и непогребенными.

"БРАТ: Я собираю кости всех наших молодых людей с обеих сторон, павших в этом споре, без какого-либо различия сторон.

"БРАТ: Сейчас я собрал кости наших родственников с обеих сторон и похороню их в большой глубокой могиле и разровняю ее так, чтобы не осталось ни малейшего признака костей или чего-либо, что могло бы вызвать горе или гнев в чьих-либо из наших умов в будущем.

"БРАТ: Теперь я очень глубоко похоронил кости всех наших отношений. Вы очень хорошо знаете, что некоторые из вашей плоти и крови находятся в наших руках в плену: я уверяю вас, что вы увидите их всех целыми и невредимыми.

"Восемь нитей белого вампума.

"БРАТ: Сейчас я смотрю туда, где находится наш Создатель, и думаю, что над нашими головами все еще царит какая-то тьма, так что Бог едва может видеть нас из-за злых деяний Короля над великими водами. Все эти густые тучи, которые поднялись из-за этого плохого короля, я сейчас полностью рассеиваю, чтобы Бог мог взглянуть на нас в нашем договоре о дружбе и быть свидетелем истинности и искренности наших намерений.

-Четыре нити белого вампума.

"БРАТ: Поскольку Бог приводит в порядок все наши сердца, я сейчас благодарю Всемогущего Бога, главных людей Америки, моего старого отца, короля Франции, и тебя, Брат, за то, что мы теперь можем говорить друг с другом по-дружески и высказывать наши чувства без помех.

"Четыре нити черно-белого вампума.

"БРАТ: Вы узнали меня еще до того, как увидели, и что я не убрал свою руку от вашей, как я сообщил вам в прошлом году через капитана Уайтсайза.

"БРАТ: Я поднимаю глаза к Небесам и призываю Всемогущего Бога в свидетели истинности того, что я говорю, и того, что это действительно исходит из моего сердца.

"БРАТ: Теперь я говорю тебе, что я навсегда отверг моего отца англичанина и никогда не окажу ему никакой помощи; и среди всех народов есть такие, которые думают то же самое, что и я, и я хочу, чтобы все они думали так же.

"БРАТ: Я не могу отвечать за все народы, поскольку не знаю всех их мыслей, и буду говорить только то, в чем уверен.

"БРАТ: Послушай меня. Я люблю все народы и ни один не ненавижу, и когда я вернусь домой, все они услышат, что ты говоришь и что делается между нами.

"БРАТ: Я только что сказал тебе, что я любил все народы, и я вижу, как ты поднимаешь топор войны против моего младшего Брата, шаванца. [FN] Я прошу вас остановиться ненадолго, поскольку он еще никогда не слышал меня; а когда он услышит меня, если он не захочет думать так, как думаем мы, я немедленно скажу вам об этом ".

Полковник Кларк, захвативший в плен Гамильтона, в то время готовился к вторжению в главные города Шаванезе - цель, которую он выполнил некоторое время спустя.—*Автор.*

"БРАТ: Я намерен грубо поговорить со своим младшим братом и сказать ему, чтобы он не слушал англичан, а отбросил их и слушался меня, и тогда он сможет жить так, как живу я.

"БРАТ: Я благодарю тебя за то, что ты покинул крепость в Тускаравасе, и убежден, что ты сжалился над нами и хочешь сделать нас своими друзьями.

"БРАТ: Сейчас я крепче, чем раньше, держу тебя за руку и прошу сжалиться над другими народами, которые являются моими друзьями; и если кто-нибудь из них захочет пожать твою руку, я прошу тебя подчиниться и принять их в дружбу.

"Черный пояс из одиннадцати рядов.

"БРАТ: Послушай. Я говорю вам быть осторожными, поскольку я думаю, что вы намерены ударить человека рядом с тем местом, где я сижу, и не подходите к нему самым ночным путем, чтобы не напугать владельцев земель, которые живут по всей стране между этим и тем местом ". [FN]

[FN] Имеется в виду планируемое движение полковника Бродхеда против Детройта — цель, которая так и не была достигнута.

"БРАТ: Теперь ты выслушай меня, и я прошу тебя об одном одолжении: когда ты прогони своих врагов, ты позволишь мне продолжать владеть моей собственностью, что, если ты согласишься, обрадует меня.

"БРАТ: Я бы посоветовал тебе, когда ты ударишь человека рядом с тем местом, где я сижу, плыть по воде, так как это будет самый простой и наилучший способ.

"БРАТ: Если вы намерены нанести удар, то один из способов - подняться вверх по Аллегейни и мимо острова Преск; другой способ - спуститься по этой реке и подняться вверх по Уобашу.

"БРАТ: Причина, по которой я упомянул дорогу вверх по реке, заключается в том, что вам не будет грозить опасность быть обнаруженным, пока вы не подойдете к ним вплотную, но на дороге вниз по реке за вами будут следить.

"БРАТ: Теперь я указал тебе дорогу через остров Преск, и что это граница между нами и твоими врагами; если ты пойдешь по Уобашу, твои друзья не будут удивлены.

"БРАТ: Вы не должны думать, что то, что я сказал, - это только мои собственные мысли, а мнение всех вождей гуронов, и я говорю от имени их всех. Если вы окажете мне ту услугу, о которой я вас просил, все наши друзья и родственники будут благодарны и рады, насколько они смогут услышать.

"БРАТ: Причина, по которой я указал на эти две дороги, заключается в том, что, когда мы услышим, что вы находитесь на одной из них, мы узнаем о ваших намерениях без дальнейшего уведомления; и вожди гуронов просили меня особо упомянуть об этом, чтобы они могли встретиться с вами на вашем пути и рассказать вам, что они сделали, кто ваши враги, а кто ваши друзья, и я от их имени прошу пару цветов, чтобы показать, что мы объединились в дружбе.

-Четырнадцать нитей черного вампума.

"БРАТ: Вожди просили меня передать вам, что они послали Монтура сообщить вам о своем намерении и оставляют его идти с вами, чтобы, когда вы встретитесь со своими Братьями, вы могли посоветоваться и понять друг друга с его помощью".

19-го числа полковник Бродхед обратился к вождю гуронов с ответом по индейской форме. Он четко сказал ему, что справедливые слова больше не принимаются, если их искренность не подтверждается делами. Что касается дорог в Детройт, он сказал, что может выбрать любую, какую пожелает. Что касается шаванцев, полковник сказал шефу, что он послал им справедливую речь, которую они бросили в огонь, и теперь ему не следует вспоминать о полковнике Кларке. А что касается людей самого вождя, полковник потребовал в качестве основы мира, чтобы они обязались вернуть всех американских пленных в свои руки; убить, снять скальпы и взять в плен столько англичан и их союзников, сколько они убили и забрали американцев; и при каждом удобном случае присоединяться к американцам против их врагов. Вайандоты согласились с условиями, и для добросовестного выполнения их соглашения потребовались заложники.

В то время делавары жили в мире с Соединенными Штатами, и небольшой отряд их воинов сопровождал полковника Бродхеда в экспедиции, из которой он только что вернулся. Поскольку дело с вождями гуронов было закрыто, делавары вступились за клан макичи из племени шаванезе. Теперь эти индейцы были, по-видимому, очень смиренны; но, опасаясь, что они, возможно, не очень хорошо справятся со своим делом, делавары не допустили их на совет и сами взялись за их дело. *Келлелеман*, вождь штата Делавэр, сообщил полковнику Бродхеду, что по прибытии туда их внуки обратились к ним так:-

[FN] На индейском языке делаваров называли "Дедушками" шаванцев; отсюда и использование в этих разбирательствах терминов "Внуки" и "Дедушки".

"Дедушки: Мы смиренны и теперь пришли к вам. Теперь я прихожу к вам, я беру свои руки и вытираю ваши глаза, чтобы вы могли ясно видеть свет, и что это ваши внуки, которые сейчас предстают перед вами, и точно так же убираю все препятствия с ваших глаз, чтобы вы могли услышать и понять меня. Я также успокаиваю ваше сердце, чтобы вы были склонны пожалеть своих бедных внуков, как ваши древние вожди жалели своих внуков, Макихи, когда те были бедны или смиренны перед ними. Теперь, мои деды, я говорю вам пожалеть ваших внуков, Макихи, и все, что вы прикажете им сделать, будет сделано. Теперь ты услышал, что говорят твои внуки, и сам решишь, что сказать твоему брату, Магингиве Кишуху:

-Две нити белого вампума.

- А теперь, дедушки, вот вам немного табаку для набивки ваших трубок, чтобы вы могли подумать о своих внуках Макиши и пожалеть их.

Далее *Келлелеман* доложил полковнику Бродхеду, что после вышеупомянутой речи *Кишматтси*, вождь племени маквичи, поднялся и сказал делаварам:

"Дедушки: Теперь я беру своего вождя и советницу Нимву и сажаю его на землю перед вами, чтобы он мог помочь вам разобраться в бедственном положении ваших внуков".

Другой вождь штата Делавэр по имени *Киллбуш*, затем обратился к полковнику Бродхеду так:—

БРАТ МАГИНГИВ КИШУЧ: Послушай меня. Вы всегда говорили мне, что, когда какие-либо страны начинают переговоры о мире, я должен сначала поговорить с ними и поделиться своими чувствами о них; что я сейчас и собираюсь сделать в отношении моих внуков, Макиши.

"Я сказал им, что очень признателен им за то, что они прочистили мои глаза, мои уши и успокоили мое сердце, и что пришло время, поскольку многие плохие вещи доходят до моих ушей".

Затем, повернувшись к Макиши, Киллбуш продолжил свою речь:—

- Я помню, ты просил меня пожалеть тебя, и это правда, что я пожалел вас, моих внуков-шаванцев.

- Теперь я говорю вам, мои внуки, очень хорошо, что вы напомнили мне о моих мудрых предках, которые из жалости взяли вас на воспитание и поставили перед собой.

"Мои внуки: Макиши, это правда, вы не причинили никому вреда, но я вижу на вас пятна крови, которые появились из-за озорства и глупости некоторых ваших молодых людей. Теперь, внуки мои, я посоветую вам, как очиститься от ваших кровавых пятен; передайте нашему брату Магингиве Кишучу всю его плоть и кровь, которые находятся в ваших руках в плену, и лошадей, которых вы украли у американцев. Внуки мои, когда вы сделаете это, вы будете чисты; ваша плоть и сердце станут такими же, как у меня, и я снова смогу поднять вас и посадить перед собой, как раньше делали наши мудрые вожди.

"Теперь, мои внуки, я говорю вам, что в течение нескольких прошедших лет вы были полны лжи, которую я устал слышать, и в будущем вы не должны говорить мне ничего, кроме правды.

"Теперь послушайте меня, внуки мои; вы видите, каким ужасным выглядит этот день и какие густые нависли тучи; не воображайте, что этот день похож на тот, в который вы впервые пришли к своим дедушкам. Я говорю вам, что я разорвал цепь дружбы. Тринадцать Соединенных Штатов и я - одно целое. Я уже помог своему брату принять плоть англичан и мингов. Вы только что сказали мне, что вы сделаете все, что я вам скажу; теперь я предлагаю вам съесть мясо англичан и минго, и это единственный известный мне метод, с помощью которого ваши жизни могут быть сохранены, и вам позволят жить в мире " (вручая им связку вампума и два скальпа). Они получили веревку и скальпы и сказали, что рады это узнать; и, как они уже говорили, они сделают все, что скажут им их деды, поэтому они сказали им это снова, получив скальпы. Они сказали: "Теперь, дедушки, я очень рад слышать то, что вы сказали; у меня в руках то, что, по вашим словам, спасет мне жизнь", - и немедленно запели свою военную песню. Выступающий, потанцевав, вручил скальпы королю, который также встал и запел боевую песню, сказав: "Итак, мои деды, хотя вы часто обращались с добрыми речами к другим племенам народа шаванезе, все же они не принимали их, но все же брали в руки томагавк, чтобы поразить ваших братьев. Теперь я пойду и передам им то, что сейчас у меня в руках, и я полагаю, что они это получат".

Это разбирательство было завершено следующей речью одного из делаваров, обращенной к полковнику Бродхеду: —

"БРАТ: Теперь мы сообщаем вам результат нашего совета в отношении Макиши.

"БРАТ: Послушай. Именно так я рассматривал этот вопрос, и если я ошибаюсь, я очень сожалею об этом, брат, давай мы оба подумаем об этом. Когда я посмотрела ему в глаза, мне показалось, что он был искренен.

"БРАТ: Я думаю, Макиши честны, В прежние времена они были лучшими в народе Шаванез. Я думаю, мы можем взять их за руку; и вы знаете, вы сказали мне, что любую нацию, которую я возьму за руку, вы тоже примете".

Конференция, по-видимому, удовлетворила полковника Бродхеда. Но если клан макичи из племени шаванезе сохранил свою верность, основная часть нации от этого не стала менее недружелюбной. И хотя полковник Бродхед предупредил их, что он не отменит приказ полковника Кларка нанести им удар, случилось так, что первый и самый серьезный удар был нанесен самими шаванцами. Вскоре после закрытия совета в Форт-Питте отряд из семидесяти человек из округа Кентукки в Виргинии под командованием майора Роджерса был застигнут врасплох при подъеме по реке Огайо и почти полностью уничтожен. Кентуккийцев заманили на берег с помощью хитрости. Сначала появилось всего несколько индейцев, стоявших на песчаной отмели недалеко от устья реки Лик, в то время как каноэ с тремя другими индейцами приближалось к ним, как бы желая принять их на борт. Роджерс немедленно направился к берегу Кентукки и, закрепив свои лодки, пустился в погоню. Было замечено всего пять или шесть индейцев, и Роджерс, предположив, что весь отряд, вероятно, не превысит пятнадцати-двадцати человек, был совершенно уверен в легкой победе — имея семьдесят человек, хорошо вооруженных и обеспеченных. Осторожно продвигаясь к месту, где, по его предположению, он должен был окружить врага, и согласовав свои движения с этим планом, в тот самый момент, когда он готовился броситься вперед и обезопасить их, он оказался со всем своим войском посреди засады! Индейцы сотнями поднялись со всех сторон от него и, открыв по американцам плотный смертоносный огонь, бросились на уцелевших с томагавками в руках. Майор Роджерс и сорок пять его людей были убиты почти мгновенно. Остальные бросились к лодкам, но охрана всего из пяти человек, которая была оставлена на страже, в поисках безопасности остановилась в одной из них, в то время как индейцы уже предвосхитили беглецов, завладев остальными. Таким образом, возможность отступления была отрезана, и храбрые парни яростно бросились на врага; и с приближением ночи, после продолжавшегося некоторое время ожесточенного боя, небольшому числу людей, которым помогла темнота, удалось скрыться в Харродсбурге.

Среди раненых в этом остром и кровавом столкновении, избежавших как смерти, так и плена, были капитан Роберт Бенхэм и еще один человек, чьи дела в совокупности образуют романтическое приключение. Бенхэму прострелили оба бедра, и, поскольку кости были раздроблены, он мгновенно упал. Тем не менее, с помощью темноты ему удалось заползти между толстыми ветвями упавшего дерева, где он пролежал, никем не тронутый, всю ночь и весь следующий день, пока индейцы, вернувшиеся с этой целью, раздевали убитых. Он продолжал лежать неподалеку от места своего убежища до второго дня, когда, проголодавшись и заметив спускающегося с дерева енота, ему удалось подстрелить его, надеясь, что удастся развести костер и приготовить животное. За треском ружейного выстрела последовал человеческий крик, который сначала испугал капитана; но так как крик повторился несколько раз, то голос кентуккийца был наконец узнан; на зов ответили, и вскоре стороны оказались вместе. Этим человеком оказался один из его товарищей, потерявший в бою обе руки. Никогда прежде мизери не находил более желанной компании. Одна из сторон могла пользоваться

ногами, а другая - руками. Бенхэм, разорвав свою собственную рубашку и рубашку своего спутника, перевязал раны обоим. Он мог заряжать свое ружье и стрелять с готовностью, и таким образом мог убивать любую приближающуюся дичь, в то время как его товарищ мог катать дичь по земле ногами и таким же образом собирать дрова, достаточные для приготовления пищи. Испытывая жажду, Бенхэм мог вложить свою шляпу в зубы своему товарищу, который шел облизываться и, побродив по воде, пока не мог нагнуться и наполнить ее, возвращался со шляпой, полной воды. Когда запасы белок и другой мелкой дичи в непосредственной близости от них истощались, человек на своих ногах уходил прочь и загонял стаю диких индеек, в изобилии водившихся в тех краях, пока они не оказывались в пределах досягаемости ружья Бенхэма. Так они жили, помогая встречаться друг другу, в течение шести недель, пока не обнаружили на "Огайо" лодку, которая увезла их. Оба полностью оправились от ран. [FN]

Впоследствии капитан Бенхэм храбро служил в войнах с индейцами 1789-94 годов, разделив катастрофу при Сент-Клере и победу при Уэйне. В конце Революции он купил землю, на которой был ранен во время поражения Роджерса, построил там дом и там жил и умер.

За остаток 1779 года в регионе, который, по общему мнению, вошел в современную историю, не произошло никаких других значимых событий; а ход войны в других частях Союза был отмечен лишь несколькими сигнальными действиями. Активные боевые действия этого года между собственно британскими войсками и американцами начались на юге, командовать которым в конце 1778 года был назначен генерал Линкольн. Первым событием стало неожиданное поражение 3 марта генерала Эша, командовавшего полторы тысячами ополченцев Северной Каролины, расквартированных британским генералом Провостом у впадения Брайар-Крик в реку Саванна. Под командованием генерала Эша было около шестидесяти регулярных войск, которые хорошо сражались. Но ополченцы, как обычно, побросали оружие и бежали, за исключением примерно трехсот человек, которые были либо убиты, либо взяты в плен. В мае генерал Провост осадил Чарльстон, но снял осаду при приближении Линкольна к нему с тыла. Сначала он удалился на остров, но вскоре перебрался в Саванну, где в октябре, в свою очередь, был осажден Линкольном со стороны суши и французским флотом под командованием графа Д'Эстена с воды. Отраженный в результате опрометчивого нападения, после долгих храбрых боев как американцев, так и французов, флот последних покинул континент, и осада была снята — ополченцы разбежались по домам, а генерал Линкольн удалился в Чарльстон. В этом штурме, среди прочих гордецов, пал храбрый польский граф Пуласки, который прославился в своей собственной стране тем, что похитил короля Станислава из его столицы при помощи всего лишь группы единомышленников-католиков-заговорщиков. Единственным облегчением в этом катастрофическом деле был захват полковником Джоном Уайтом из Джорджии и капитаном Элхолмом с четырьмя другими людьми британского отряда из ста человек, сорока матросов и пяти вооруженных судов в Огечи с помощью очень остроумной и эффективной стратегии. Разожгли большое количество костров на манер лагеря, они призвали британского командующего, капитана Френча, сдаться, иначе они разорвали бы его флотилию на куски. Предположив, судя по линиям огня, что против них действуют значительно превосходящие силы, противник сдался по собственному усмотрению.

В средней и северной частях Союза летнее противостояние приобрело характер скорее грабительской войны, чем регулярных кампаний. Сэр Джордж Кольер и генерал Мэтьюз

совершили грабительскую экспедицию на побережье Вирджинии и, разграбив Норфолк и прилегающие районы, вернулись в Нью-Йорк со своей добычей. В июле объединенная экспедиция по суше и воде под командованием сэра Джорджа и губернатора Трайона была направлена против Коннектикута. Нью-Хейвен был взят и разграблен. Несколько домов в Ист-Хейвене были сожжены. Фэрфилд, фермы Грин и Норуолк также были взяты, разграблены и превращены в пепелище. Американцы, состоявшие в основном из ополченцев под командованием генерала Ловелла, предприняли попытку захвата британского поста в Пенобскоте, которая была начата доблестно. Но прибытие флота сэра Джорджа Кольера с подкреплением вынудило генерала отказаться от этого предприятия. Эти неблагоприятные события, однако, были смягчены внезапностью нападения майора Ли и захватом британского форта Паулюс-Хук, а также еще более блестящим делом - взятием Стоуни-Пойнт генералом Уэйном.

ГЛАВА II.

Ход войны на Юге—Падение Чарльстона—Блестящие достижения—Суровая зима 1780 года—Разрушение замка Онейда и деревень—Третья женитьба Бранта—Вторжение в Харперсфилд—Пленение капитана Харпера, Фригифта Патчина и других—Поведение Бранта—Консультации, предавать ли пленников смерти—Проницательность и твердость Харпера—Марш к Ниагаре—Замечательные приключения, между прочим—Убийство старика—Излечение от лихорадки—Захватывающая сцена—Страдания из—за еды—Справедливость и беспристрастность суда Брант—Подход к Ниагаре—Испытание—Гуманный план Бранта по спасению своих пленников от суда—Прибытие на Ниагару—Дальнейшие вторжения индейцев—Шаванганк—Согертис—Пленение капитана Снайдера и его сына—Прибытие на Ниагару—Допрос—Гай Джонсон, Батлер и Брант—Заключенные, отправленные в Монреаль—Долина Могаvk—Храбрость Соломона Вудраффа—Вторжение в Литтл Фоллс—Поджог Эллис Миллс—Инциденты в Огайо—Смелый подвиг М.^к Коннела—Нападение полковника Берда, со своими индейцами в поселении Лизинг -полковник Кларк мстит шаванцам.

Следующий год был неблагоприятным для американского вооружения. Как только сэр Генри Клинтон услышал об отбытии графа Д'Эстена с французского флота с Южного побережья, он приготовился к грозному нападению на Южную Каролину. Чарльстон был первым и наиболее заметным объектом нападения. Экспедиция, предназначенная для этой службы, покинула Нью-Йорк примерно в конце января, и в должное время войска высадились примерно в тридцати

милях от Чарльстона. Цель противника не могла быть ошибочной, и генерал Линкольн приложил все усилия для защиты важного поста, вверенного его командованию, увеличив свои силы и укрепив свои укрепления. До середины апреля город был окружен с моря и суши, и Линкольну было предложено сдаться, чему он со скромной твердостью отказался подчиниться. Клинтон преуспел во всех своих предварительных операциях — Тарлтон разбил кавалерию полковника Уайта на Санти, а форт Моултри сдался Королевскому военно—морскому флоту - гарнизон, оказавшись без разумной надежды на помощь, предложил условия капитуляции, которые были отклонены британским командующим. Военные действия тем временем велись с большой энергией, и после оглушительной канонады и бомбардировки, длившейся с 6 по 11 мая, генерал Линкольн был вынужден капитулировать. Его гарнизон насчитывал, по общим сведениям, около пяти тысяч человек, из которых не более двух тысяч были континентальными войсками. Потери были тяжелыми, включая более четырехсот пушечных единиц.

Достигнув этой цели, сэр Генри разделил свои войска на три колонны, направив их в максимально возможном количестве направлений с целью захвата всех южных штатов. Сам Клинтон вернулся в Нью-Йорк; и затем начался тот замечательный курс партизанской войны на Юге, который вызвал столько высокой и рыцарской отваги у Марион, Самптера и их товарищей по оружию и который сопровождался таким количеством блестящих подвигов. В американской истории нет более ярких и волнующих страниц, чем отчеты о тех партизанских операциях, инциденты которых сами по себе ничего не значили, если рассматривать их отдельно; но в общих результатах они имели бесконечное значение для дела республики — поскольку захватчики фактически ослабевали от каждой победы, в то время как поражение не обескураживало американцев, которые набирались моральных и физических сил за счет затягивания борьбы. Но эти отстраненные взгляды случайны — Север является основной областью исследований.

Опустошение их страны генералом Салливаном - разрушение их домов, а также средств к существованию — вынудило индейцев вернуться на Ниагару на зиму 1779-80 годов - обычное зимовье Бранта, Гая Джонсона и Батлеров — отца и сына. Как и предвидел американский главнокомандующий, индейцы сильно страдали от нищеты и последовавших за этим болезней в течение той зимы, которая была беспрецедентно суровой для Северной Америки. [FN-1] Но ни неблагоприятная погода, ни нужды индейцев на Ниагаре не помешали им выполнить угрозу сэра Фредерика Холдиманда в отношении онейд. Их деревни и замок были захвачены враждебными индейцами при поддержке отряда британских войск или, что более вероятно, отряда рейнджеров Батлера и полностью разрушены — их замок, их церковь и их жилища были превращены в пепел; в то время как сами онейды были изгнаны из поселений белых в поисках защиты и поддержки. Впоследствии они были посажены в окрестностях Скенектади, где пользовались поддержкой правительства Соединенных Штатов до окончания войны. [FN-2]

[FN-1] Гавань Нью-Йорка зимой 1779-80 годов была не просто на время забита льдом, но и настолько основательно замерзла, что пушки доставляли в город по льду со Стейтен-Айленда.

[FN-2] Трудно установить точное время вторжения Бранта в города Онейды. Несмотря на то, что это важное событие в пограничной сфере, автору не удалось получить дат или подробностей. Этот факт хорошо известен; и президент Кирклэнд (сын миссионера из Онейды) несколько раз упоминал об этом инциденте в своих сообщениях Массачусетскому историческому обществу,

опубликованных в их ценных коллекциях. В одном из этих сообщений доктор Кирклэнд отмечает, что это рассеяние онейдас и опустошение их страны нанесли огромный ущерб их нации. Когда началась война, они достигли определенной степени регулярности, трудолюбия и процветания. Но, изгнанные из своих домов, доведенные до нужды, зависимости и крайней нищеты, они стали более невоздержанными и праздными, чем когда-либо, и они так и не оправились от своей депрессии.

Считается, что, кроме разрушения страны Онейда, Тайенданегеа не предпринимал никаких важных действий до наступления Весны. Однако, между прочим, в качестве иллюстрации характера вождя племени ирокезов можно отметить, что этой зимой он женился на своей третьей жене в форте Ниагара при несколько необычных обстоятельствах. Среди заключенных, доставленных на этот пост из Черри-Вэлли, была некая мисс Мур, за которой, находясь в плену вместе с миссис Кэмпбелл и другими, ухаживал офицер гарнизона и женился на ней. Тайенданегеа присутствовал на свадьбе; и хотя он некоторое время до этого жил со своей женой, связанный только узами индийского брака, он, тем не менее, воспользовался возможностью провести английскую церемонию бракосочетания, которая, соответственно, была проведена полковником Батлером, действующим в качестве члена королевской комиссии мира в графстве Трайон.

Но вождь редко бездействовал. Апрель застал его на тропе войны во главе небольшого отряда индейцев и тори, которых он повел против поселения Харперсфилд, которое было захвачено врасплох и разрушено. Вследствие своего незащищенного положения большинство жителей покинули поселение, так что убито было лишь несколько человек и только девятнадцать взяты в плен. Исходя из Харперсфилда, в планы Бранта входило атаковать верхний форт Шохари, если он сочтет разумным пойти на риск, после надлежащей разведки положения форта и выяснения его средств обороны. Выполнению этой части его проекта помешало неожиданное происшествие. Харперсфилд, вероятно, был разрушен 5 или 6 апреля. Случилось так, что почти в то же время полковник Вруман, который все еще командовал Старым Шохари, отправил разведку из четырнадцати человек ополчения с приказом пройти к верховьям реки Шарлотт и следить за передвижениями некоторых подозрительных лиц, живущих в долине этого ручья. Поскольку сейчас самое подходящее время для изготовления кленового сахара, мелким рабочим было также приказано оставаться в лесу и изготовить некоторое количество этого изделия, в котором гарнизон испытывал острую нужду. 2 апреля эта партия, командиром которой был капитан Александр Харпер, приступила к своим работам в "сахарном кустарнике", расположенном примерно в тридцати милях от Шохари. Они были заняты выполнением этой части своего долга, очень бодро и с большим успехом, в течение нескольких дней, совершенно не подозревая об опасности; особенно о том, что новый выпавший снег глубиной в три фута, как они полагали, помешал бы продвижению любого значительного отряда противника, в то время как на самом деле они не знали о существовании вооруженного противника недалеко от Ниагары. Но их деятельность была самым неожиданным образом прервана. По-видимому, Брант, направлявшийся из Харперсфилда в Шохари, внезапно напал на Харпера и его отряд 7 апреля, около двух часов дня, и немедленно окружил их - его отряд состоял из сорока трех индейских воинов и семи тори. Приближение врага было настолько тихим и осторожным, что первым предупреждением, полученным Харпером об их присутствии, была смерть троих из его маленького отряда, которые были сражены во время выполнения своей работы. Лидер был немедленно обнаружен в лице вождя могавков, который подбежал к капитану Харперу с томагавком в руке и заметил— "Харпер, мне жаль, что я нашел тебя здесь!" "О чем вы сожалеете,

капитан Брант?" - ответил тот. "Потому что, - ответил вождь, - я должен убить тебя, хотя в юности мы были школьными товарищами", — одновременно поднимая топор и принаравливая действие к слову. Внезапно его рука опустилась, и с пронзительным вниманием, глядя Харперу прямо в лицо, он спросил— "Есть ли регулярные войска в фортах Шохари". Харпер мгновенно уловил эту идею. Ответить правдиво и признать, что таковых не было, как это было на самом деле, означало бы лишь подтолкнуть Бранта и его воинов к немедленному нападению на поселения, и их уничтожение было бы быстрым и верным. Поэтому он сообщил ему, что подкрепление в триста человек континентальных войск прибыло для размещения гарнизона в фортах всего два или три дня назад. Эта информация, по-видимому, сильно смутила вождя. Он предотвратил дальнейшее пролитие крови и провел совещание со своими подчиненными вождями. Наступила ночь, Харпер и десять его выживших товарищей были заперты в загоне из бревен и охранялись тори под присмотром их лидера, жестокого парня по имени Бекрафт, получившего кровавую известность в той войне. Ночью среди индейцев разгорелись ожесточенные споры — вопрос заключался в том, следует ли предать пленников смерти или отвести к Ниагаре. Они были связаны по рукам и ногам, но находились так близко от индийского совета, что могли слышать многое из того, что говорилось, а Харпер достаточно знал индийский язык, чтобы понять общий смысл их дебатов. Индейцы были за то, чтобы предать их смерти; и Бекрафт часто мучил заключенных, говоря им оскорбительным тоном и эпитетами, что "еще до утра они будут в аду". Авторитет Бранта, однако, был эффективно использован, чтобы предотвратить массовое убийство.

Покойный генерал Фригифт Патчин из Шохари был одним из сторонников Харпера, как и его брат Исаак Патчин, Эзра Торп, лейтенант Генри Торп и майор Генри. Именно из рассказа Приста о пленении генерала Заплата автор почерпнул факты об этой операции.

На следующее утро Харпер предстал перед индейцами для допроса. Вождь начал с того, что сказал, что они подозревают, что он не сказал им правды. Харпер, однако, обладал большим хладнокровием и присутствием духа; и хотя Брант следил за ним, как василиск, он повторил свои прежние заявления, не дрогнув ни единым мускулом и не выказав ни малейшего недоверия. Убедившись, таким образом, в правдивости своей истории, Брант решил вернуться по своим следам к Ниагаре. Это он сделал с большой неохотой, признавшись капитану Харперу, что истинной целью его экспедиции было наступление на Шохари, место, как им сообщили, было почти полностью незащищенным. Он обещал привести своих воинов к добыче и победе, и они были разгневаны тем, что таким образом не оправдали их ожиданий. В этих обстоятельствах огорчения и разочарования ему лишь с большим трудом удалось удержать своих последователей от предания их смерти. Затем Брант сказал капитану Харперу, что его и его товарищей следует пощадить при условии, что они будут сопровождать его в качестве военнопленных до Ниагары.

Их поход немедленно начался и был полон боли, опасностей и приключений. Пленники были тяжело нагружены добычей, взятой в Харперсфилде, и хорошо охранялись. Сначала они направились вниз по реке Делавер, где остановились на мельнице, чтобы запастись провизией. Мельник был тори, и они с дочерьми посоветовали Бранту предать своих пленников смерти. На следующий день они встретили другого лоялиста, который был хорошо знаком с Брантом, а также с капитаном Харпером и его группой. Он заверил первого, что Харпер обманул его и что в

Шохари нет никаких войск. Поэтому капитан был подвергнут еще одному испытанию, но ему так хорошо удалось сохранить видимость искренности и правдивости, что он снова смог отвести поднятый сверкающий томагавк. В тот же день пожилой мужчина по имени Браун был случайно встречен и взят в плен вместе с двумя юными внуками; на следующий день, будучи не в состоянии передвигаться с достаточной скоростью и сгибаясь под тяжестью возложенной на него ноши, старик был убран с дороги топором. Жертва тащилась позади, и когда он увидел приготовления к своей гибели, он нежно попрощался со своими маленькими внуками, и индейцы двинулись дальше, оставив позади одного из них с лицом, выкрашенным в черный цвет — знак палача. Через несколько мгновений подошел индеец, скальп старика болтался между шомполом и дулом его ружья.

Спустившись на достаточное расстояние по реке Делавер, они переправились в Огквагу, где соорудили полавки, и поплыли вниз по Саскуэханне до впадения в нее Чемунга, откуда снова началось их путешествие по суше. Будучи сильно нагруженными багажом и к тому же крепко связанными, пленники, должно быть, пошли ко дну, учитывая скорость передвижения индейцев, и, вероятно, были бы убиты томагавками, если бы не недомогание Бранта, на которого, к счастью для пленников, напали лихорадка и озноб, так что каждый следующий день он не мог передвигаться. Эти перерывы давали им время отдохнуть и пополнить ряды. Брант самостоятельно вылечился истинно индийским средством. Наблюдая за южным склоном холма, откуда весной обычно выползают змеи, чтобы погреться в солнечных лучах, он поймал гремучую змею, из которой тут же приготовили суп, который он и съел. Следствием было быстрое излечение.

Но вскоре после того, как они добрались до Чемунга, заключенных ожидало новое испытание. Во время своего похода от Ниагары в эту экспедицию Брант отрядил одиннадцать своих воинов, чтобы еще раз напасть на поселение Минисинк для пленных. Этому отряду, как впоследствии выяснилось, удалось взять в плен пятерых мужчин атлетического телосложения, которых они захватили и доставили с собой до Тиога-Пойнт. Индейцы спят очень крепко, и пятеро пленников решили при первой же возможности совершить побег. Разбив лагерь в этом месте на ночь, одному из минисинков удалось высвободить свои руки из веревок и с величайшей осторожностью развязать четырех своих товарищей. Индейцы были заключены в объятия окружавшего их глубокого сна. Молча, не шелохнув ни листика, каждый из них выхватил по томагавку из-за пояса своих потерявших сознание врагов, и через мгновение девять из них уже дрожали в предсмертных муках. Двое других проснулись и, вскочив на ноги, попытались убежать. Одного из них ударили топором между лопаток, но другой убежал. Пленники немедленно самостоятельно отступили, и единственный индеец, который остался невредимым, вернулся, чтобы позаботиться о своем раненом товарище. Когда Брант и его воины приблизились к этой точке своего путешествия, несколько его индейцев подняли крик, на который тут же отозвался единый голос с *предсмертным воплем!* Пораженные этим неожиданным сигналом, воины Бранта бросились вперед, чтобы выяснить причину. Но они недолго сомневались. Одиноким воин встретил их и вскоре рассказал своим братьям о печальной судьбе своих товарищей. Эффект, произведенный на воинов, которые собрались группой, чтобы послушать рассказ, был невыразимо ужасающим. Ярость и жажда мести, казалось, воспламенили каждую грудь и зажгли все глаза, как горящие угли. Они окружили пленников и начали недвусмысленно готовиться к тому, чтобы разрубить их на куски. Харпер и его люди, конечно, считали себя погибшими, не сомневаясь, что их судьба предрешена и необратима. Но в этот момент избавление пришло с неожиданной стороны. Пока их ножи

вынимались из ножен, а топорики сверкали в солнечных лучах, единственный оставшийся в живых из убитого отряда ворвался в круг и вступился за них. По взмаху руки воина— имеющего право быть услышанным, ибо он сам был вождем, воцарилась тишина, и пленники были удивлены, услышав искренний призыв в их защиту. Уже отмечалось, что капитан Харпер знал индейский язык в достаточной степени, чтобы понять его смысл, хотя, к сожалению, недостаточно, чтобы сохранить его красноречие. По сути, однако, Вождь обратился к своим братьям-воинам с призывом защитить пленников на том основании, что это не они убили своих братьев; и лишать жизни невинных было бы неправильно в глазах Великого Духа. Его апелляция возымела действие. Страсти разгневанных воинов утихли, их глаза больше не метали пылающих жадой мести взглядов, а их жестикуляция перестала угрожать немедленной и кровавой местью.

Правда, случилось так, что Вождь, который таким образом спонтанно встал между ними и смертью, знал всех заключенных — до войны он проживал в кантоне могавков Шохари. Несомненно, из-за этого он почувствовал более глубокий интерес к ним. Тем не менее, это был благородный поступок, достойный самой гордой эпохи рыцарства, а в лучшие дни Греции и Рима он обеспечил бы ему почти "апофеоз и божественные обряды". Заступничество Покахонтас в пользу капитана Смита перед грубым двором Поухэттана, возможно, было более романтичным; но если учесть мотив, побудивший принцессу к великодушному поступку, рассматриваемая сейчас сделка демонстрирует большую часть подлинной доброжелательности. Покахонтас была тронута нежной страстью, ирокез-сахем - чувствами великодушия и вечными принципами справедливости. Вызывает сожаление, что имя этого благородного воина утрачено, поскольку, увы! было бы слишком много такого, что могло бы послужить смягчению мрачных и мстительных портретов индейского характера, которые так нравилось рисовать белому человеку! Сами заключенные были настолько впечатлены способом своего условного освобождения, что справедливо приписали это прямому вмешательству Божьего провидения.

Теперь марш возобновился в направлении Ниагары, по маршруту, пройденному экспедицией Салливана в предыдущем году. Их страдания были велики из—за нехватки провизии - ни у воинов, ни у пленников не было ничего, кроме горсти кукурузы каждому на ужин. Однако их ждала роскошь - останки лошади, которая была оставлена экспедицией Салливана погибать от суровой зимы. Волки обглодали все мясо с костей бедного животного, за исключением нижней части. Когда тушу перевернули, еще оставалось некоторое количество мяса, которое было поровну распределено между всей группой и съедено. Дойдя до реки Дженесси, они встретили группу индейцев, готовившихся сажать кукурузу. У этих рабочих была прекрасная лошадь, которую Брант приказал немедленно убить, одеть и разделить среди своей голодающей компании. У них не было ни хлеба, ни соли, но Брант велел пленным использовать белую золу от сжигаемых дров в качестве замены последнего ингредиента, и было установлено, что она отлично подходит для этой цели. Трапеза была принята с удовольствием, как самое редкое лакомство, которое они когда-либо ели. Что касается провизии, то к чести капитана Бранта следует отметить, что он тщательно следил за тем, чтобы все, что у них было, распределялось поровну между его собственными воинами и пленными. Все жили совершенно одинаково.

По прибытии на реку Дженесси и в ожидании своего собственного отъезда со своими пленниками на Ниагару Брант отправил на этот пост гонца с сообщением о своем приближении, о степени своего успеха и количестве своих пленников. Но не только с целью передачи этих

разведанных он отправил своего *передового курьера*. У него была другая цель, как будет показано в дальнейшем, концепция и исполнение которой добавляют звено к цепи свидетельств, подтверждающих человечность и доброжелательность его характера. Еще через четыре дня пути отряд оказался в нескольких милях от форта; и теперь тори испытывали особое удовольствие, рассказывая пленным об опасностях и страданиях, которые им предстоит вынести, о страшном испытании, которое им предстоит пройти при приближении к двум индейским лагерям перед фортом. Это испытание было не чем иным, как "перчаткой", как это называется в индейской войне, — гибелью, которая, как предполагалось, была неизбежна для каждого пленного; и такой, которую даже сам Тайенданега не имел достаточных сил предотвратить прямым путем.

Бросать вызов или, скорее, принуждать своих пленников бежать его по возвращении военного отряда в их лагерь или деревню - это общий обычай среди американских аборигенов — предварительное действие, которое должно предшествовать их окончательной участи, будь то смерть или милосердие. Однако это не всегда сурово и даже не всегда так, за исключением случаев, когда речь идет о пленниках, которые вызвали особую враждебность индейцев; и часто это скорее сцена развлечения, чем наказания. Многое зависит от мужества и присутствия духа заключенного, проходящего через это испытание. При входе в деревню или лагерь ему показывают раскрашенный столб на расстоянии примерно тридцати или сорока ярдов и приказывают подбежать к нему и ухватиться за него как можно быстрее. Его путь к посту лежит между двумя параллельными рядами людей — мужчин, женщин и детей, — вооруженных топорами, ножами, палками и другим боевым оружием; и когда он проходит мимо, каждый волен наносить ему удары так сильно и так часто, как только сможет. Если ему настолько не повезет, что он споткнется или упадет на пути, у него может быть шанс расстаться с жизнью — особенно если у кого-то из рядовых окажется личная обида, за которую нужно отомстить. Но в тот момент, когда он достигает цели, он в безопасности, пока по его делу не будет вынесено окончательное решение. Когда пленник проявляет большую твердость и мужество, начиная забег с силой и проворством, он, вероятно, ускользнет без особых увечий; а иногда, когда его поведение вызывает восхищение дикарей, и вовсе невредимым. Но горе трусу, чьи щеки бледнеют, а нервы не в порядке! Малейшее проявление страха лишит его пощады, а возможно, и жизни. [FN]

[ФН] Хеквелдер. "В апреле месяце 1782 года, когда я сам был заключенным в Лоуэр-Сандаски, ожидая возможности отправиться в Детройт, я стал свидетелем сцены, подобной этому описанию, которое полностью иллюстрировало то, что я изложил выше. Однажды четырнадцать воинов из гарнизона форта М^{си} доставили в Интош троих американских пленных. Как только они пересекли реку Сандаски, к которой примыкала деревня, Командир отряда велел им бежать изо всех сил к нарисованному столбу, который им показали. Самый молодой из них, ни секунды не колеблясь, немедленно бросился к столбу и, к счастью, достиг его, не получив ни единого удара; второй на мгновение замешкался, но, опомнившись, тоже побежал так быстро, как только мог, и тоже добрался до столба невредимым. Но третий, испуганный видом стольких мужчин, женщин и детей с оружием в руках, готовых ударить его, продолжал умолять капитана пощадить его жизнь, говоря, что он каменщик и построит ему большой каменный дом или выполнит для него любую работу, какая ему заблагорассудится. "Спасайся бегством, - крикнул ему Вождь, - и не говори сейчас о строительстве домов!" Но бедняга все еще

настаивал, умоляя и моля Капитана, который, в конце концов, убедившись, что его увещевания напрасны, и опасаясь последствий, повернулся к нему спиной и больше не хотел его слушать. Наш каменщик бросился бежать, но получил множество сильных ударов, один из которых чуть не свалил его на землю, что, если бы он упал, сразу решило бы его судьбу. Он, однако, достиг цели, не без сильных ушибов, и, кроме того, его повсюду горько упрекали и высмеивали как подлого труса; в то время как другие были провозглашены храбрецами и получили знаки всеобщего одобрения" — *Там же*.

Такова была сцена, которая теперь предстояла Харперу и его товарищам по заключению. Они, конечно, хорошо знали обычаи индейской войны и должны были ожидать подчинения. Да и шанс спастись от ранений не слишком радовал ослабленных и измученных путешествием и его лишениями людей. Жалкими утешителями, таким образом, были их охранники-тори, которые дразнили их в ожидании, описывая эту приближающуюся предварительную жестокость. Но когда они вышли из леса и приблизились к первому индейскому лагерю, каково же было удивление пленников и досада их проводников, обнаруживших, что индейских воинов в лагере нет, а их место занял полк британских солдат! В лагере было всего несколько индейских мальчиков и несколько старых женщин; и они не применяли насилия к пленным, за исключением одной из скво, которая ударила молодого Патчина по голове каким-то предметом, отчего кровь потекла рекой. Но второй лагерь, расположенный ближе всего к форту и обычно занятый самыми свирепыми индейскими воинами, еще предстояло миновать. Прибыв на место, индейцы также исчезли, а другой полк войск находился на параде, выстроенный в две параллельные линии для защиты пленников. Таким образом, вождь могавков провел своих пленников прямо через ужасные лагеря и благополучно доставил их в форт. Однако Патчин получил еще один серьезный удар в этом лагере, и молодой индеец угрожал ему своим томагавком. Но когда он поднял руку, солдат выхватил оружие у него из рук и бросил в реку.

Разгадка этого неожиданного избавления от погони за перчатками заключалась в следующем: мисс Джейн Мур, заключенная из Черри-Вэлли, чей брак с офицером Ниагарского гарнизона уже упоминался, была племянницей капитана Харпера — факт, хорошо известный Бранту. Харпер, однако, ничего не знал ни о ее замужестве, ни о том, что она действительно была на Ниагаре, и шеф полиции держал этот секрет при себе. По прибытии на реку Дженесси его страстным желанием было спасти своих пленников от жестокого испытания - судебного разбирательства, и он отправил гонца, как упоминалось ранее, с посланием к мужу Джейн Мур, которого звали Пауэлл, сообщив ему об этом факте и предложив уловку, с помощью которой можно было бы избавить дядю его жены и его сообщников от обычной церемонии. С этой целью, по согласованию с Брантом, Пауэллу удалось заманить индейских воинов на Девятимильную пристань для порезвления, средства для удержания которых были предоставлены из общественных запасов. Тем временем, для защиты приближающихся пленников от насилия со стороны отставших индейцев, которые остались позади, Пауэлл приказал занять два лагеря только что описанным способом. Это был великодушный поступок со стороны Бранта, хорошо задуманный и красиво доведенный до конца. У всех заключенных был повод для благодарности, и во встрече со своей племянницей в гарнизоне капитан Харпер обнаружил совершенно неожиданный источник удовольствия.

Заключенные, тем не менее, были обречены на долгое заключение. С Ниагары их перевели в Монреаль, оттуда в тюрьму в Шамбли, а оттуда в Квебек. Впоследствии они были отправлены в Галифакс и вернулись в свою страну и дома только после заключения мира 1783 года. Их

страдания в течение трех прошедших лет были чрезвычайно тяжелыми, особенно в тюрьме в Чамбли, которая представлена как до некоторой степени грязная и омерзительная. [FN]

[FN] В начале этого повествования о пленении Харпера и Патчина в качестве одного из их похитителей упоминается имя Бекрафта, Тори. Его поведение по отношению к заключенным повсюду было особенно жестоким. Однажды, когда он и его сторонники-Тори перечисляли свои подвиги, Бекрафт похвастался тем, что помогал в убийстве семьи мистера Врумана в Шохари. По его словам, вся семья вскоре была отправлена на тот свет, за исключением четырнадцатилетнего мальчика, который выбежал из дома. Бекрафт преследовал его и настиг у забора, через который он пытался перелезть. Там он намеренно перерезал себе горло, снял скальп и повесил тело на заборе! После заключения мира у него хватило смелости вернуться в Шохари. Но как только об этом стало известно, группа из нескольких возмущенных граждан, среди которых были заключенные, слышавшие, как он делал приведенное здесь признание, собралась и схватила его. Они раздели его догола, привязали к дереву, и десять из них, размахивая кнутами из гикори, жестоко избили его. Они били кнутами со всей силы, время от времени останавливаясь и сообщая ему, за какие именно проступки они должны нанести следующие десять ударов плетью скорпиона, и так далее. Наказав его таким образом, они уволили его с наказанием никогда больше не показываться в этом округе. Он так и не появился.

Другой из этих тори, охранявший Харпера и его спутников в ту же ночь их путешествия, сделал еще более ужасное признание, чем признание Бекрафта. Его звали Барни Кейн. Он хвастался, что убил на Алмазном острове (озеро Джордж) некоего майора Хопкинса. Компания отдыхающих, как он сказал, посетила остров во время небольшой парусной экскурсии и, задержавшись в этом прекрасном месте дольше, чем они предполагали, с наступлением ночи решила разбить лагерь на ночь — возвращаться в форт было уже слишком поздно. "С берега, где мы спрятались, - сказал Кейн, - было легко наблюдать за их передвижениями; и, видя их беззащитное положение, как только стемнело, мы отправились к острову, где нашли их спящими у костра, и разрядили в них наши ружья. Несколько человек были убиты, среди них была одна женщина, у которой был грудной ребенок, который не пострадал. Мы приложили его к груди его мертвой матери и так оставили. Но майор Хопкинс был только ранен, у него была сломана бедренная кость; он очнулся ото сна и поднялся, когда я ударил его, - сказал Барни Кейн, - прикладом моего пистолета по голове сбоку; он упал, но уцепился за одну руку; затем я ударил его другой стороной, когда он поймал другой рукой третий удар, и я уложил его мертвым. Все они были скальпированы, за исключением младенца. Утром отряд из форта отправился и забрал мертвых вместе с одним, которого они нашли живым, хотя с него сняли скальп, имладенцем, который висел и рыдал на груди своей бездыханной матери". —*Быт. Рассказ Патчина.*

Индейцы также рано были заняты в других направлениях. Несколько разбросанных поселений, расположенных между Вайомингом и старыми поселениями, были атакованы ими, в результате чего несколько человек были убиты, несколько домов сожжены, а восемь пленников уведены.

Но голландские пограничные поселения у подножия Каатсбергов, или гор Катскилл, от Олбани до округа Ориндж, снова серьезно пострадали в этот период войны за независимость. Многие жители были дружелюбны к королевскому делу, и многие из них встали под королевские знамена. Некоторые из них служили вождями и проводниками индейцев в отрядах за

пленными, скальпами и награбленным. Этот мелкий способ ведения войны был сведен к такой системе, что те, кто участвовал в нем, снабжались небольшими запасами провизии, спрятанными в земле и среди расщелин скал на подходящем расстоянии от западных склонов Каатсбергов до Делавера, а оттуда до того места, откуда они обычно переправлялись со своими пленниками и добычей в Саскуэханну, а оттуда снова обычным путем, вдоль рек Чемунг и Дженесси до Ниагары. Разграбление Minisink и вторжения в Warwasing в предыдущем году уже были зафиксированы. Но весной 1780 года произошло несколько вторжений в голландские поселения дальше на север, вдоль западных границ графства Ольстер, некоторые из которых были отмечены особыми чертами жестокости или диких приключений. Среди них было нападение небольшой группы индейцев и тори на семьи Томаса и Йоханнеса Янсенов, богатых фригольдеров в красивой, но уединенной части города Шаванганк. Один из этих джентльменов был полковником милиции. Оба построили солидные каменные дома и жили в достатке. Их особняки были разграблены индейцами и тори, которых они знали; несколько их соседей и негров были взяты в плен; и среди тех, кто был убит при обстоятельствах, вызывающих болезненный интерес, были мисс Мак и ее отец, проживавшие в некотором отдалении в одном из горных ущелий; а также молодая леди из Нью-Йорка, гостившая в Шаванганке. Однако из соображений знакомства с янсенами женщины в их семьях не пострадали, хотя их дома были разграблены, а амбары обращены в пепел. [FN]

Подробный рассказ об этом трагическом посещении был опубликован пятнадцать или двадцать лет назад Чарльзом Г. Де Виттом, эсквайром.

Та же самая группа дикарей, или, скорее, группа, частично состоявшая из тех же самых тори и индейцев, которые совершили только что описанные бесчинства, напала на поселение в городе Согертис в мае того же года, взяв в плен капитана Иеремию Снайдера и его сына Исаака Снайдера. Разграбив его дом с провизией и деньгами, они перевели капитана и его сына через горы в Делавер, а оттуда к Ниагаре, тем же путем, которым Тайенданегеа и его воины вели Харпера и его товарищей по плену к этому посту. Приключения этих пленников во время их тяжелого путешествия были всего лишь копией тех, что пережили месяц назад капитан Харпер и его компания, за исключением того, что их похитители, будучи знакомыми, сделали их страдания менее тяжелыми. Их запасы пищи, хотя и грубой, были достаточными. Ночью их привязывали, и индейцы лежали на веревках, которыми они были привязаны к деревьям или другим приспособлениям безопасности. Пересекая Саскуэханну, они встретили несколько групп индейцев и тори, а однажды познакомились с красивой белой женщиной, вышедшей замуж за индейца. Все они относились к ним по-доброму. Когда они пересекали долину Дженесси, их главный проводник-индеец по имени Раннип указал им на пару курганов у дороги. "Там лежат ваши братья", - сказал он капитану Снайдеру по-голландски. - Эти курганы - могилы разведчика из тридцати шести человек, принадлежавшего к армии Салливана, который был перехвачен и убит индейцами. [FN]

[FN] Индеец имел в виду роту лейтенанта. Бойда.

По прибытии на Ниагару пленным повезло меньше, чем Харперу и его товарищам, поскольку они были вынуждены пробиваться сквозь длинные шеренги дикарей — церемония, на которую

они смотрели с большим ужасом, особенно из-за своего ослабленного состояния и боли в ногах. Но в этой операции им покровительствовали их похитители, которые вмешались, чтобы предотвратить травму. В своем повествовании капитан Снайдер описал форт Ниагара того времени как сооружение значительных размеров и огромной прочности, занимающее площадь от шести до восьми акров. Внутри ограды находился красивый жилой дом, служивший резиденцией суперинтенданта индейцев. В то время его занимал полковник Гай Джонсон, к которому капитан и его сын были доставлены для допроса. Полковник Батлер со своими рейнджерами расположился на противоположном, или северном, берегу реки. По данному сигналу полковник с двумя своими младшими офицерами переправился на другую сторону, чтобы присутствовать на экзамене. Действительно, главной целью поимки капитана Снайдера, по-видимому, было получение информации. Их экзамен был строгим и кропотливым, но экзаменаторам не удалось узнать достаточно новостей, чтобы компенсировать трудности, связанные с их прослушиванием.

Капитан Снайдер описал Гая Джонсона как невысокого, плотного мужчину лет сорока, с суровым лицом и надменными манерами, одетого в британскую форму, с напудренными локонами и треуголкой. Его голос был резким, а язык свидетельствовал о его ирландском происхождении. Находясь на гауптвахте, заключенных посетил Брант, о котором капитан Снайдер говорит— "Он был симпатичным парнем свирепого вида — высокий и довольно худощавый, с хорошей речью, на вид ему было около тридцати (сорока) лет. На нем были мокасины, элегантно отделанные бисером, леггинсы и набедренная повязка из тончайшего сине—зеленого сюртука с двумя серебряными эполетами и маленькая круглая шляпа со шнуровкой. Рядом с ним висела элегантная абордажная сабля в серебряной оправе, а покрывало из синей ткани, намеренно брошенное на стул, на котором он сидел, чтобы показать его эполеты, было великолепно украшено красной каймой ". Он задавал много вопросов, и среди прочих, откуда они взялись. Когда ему ответил Эзоп, он ответил: "Это мое поле боя". В ходе беседы Брант сказал младшему Снайдеру— "Ты молод, и мне жаль тебя; но вот этого старого негодяя, - указывая на отца, - мне не жаль". Капитан Снайдер, конечно, произвел не очень благоприятное впечатление на вождя племени ирокезов и записал свою неприязнь.

Снайдеры нашли много знакомых в штаб-квартирах индейцев и лоялистов, некоторые из которых, как и они сами, были пленниками, а другие - в рядах врага. С Ниагары двое заключенных были перевезены по воде сначала на остров Карлтон в реке Святого Лаврентия, а оттуда, в последующий период, в Монреаль. В последнем месте они были наняты на работу и им регулярно выплачивали заработную плату, что позволяло им приобретать различные мелкие удобства для улучшения своего положения. Действительно, им так повезло, что они попадали в руки гуманных людей на каждом этапе своего пленения, и их участь была гораздо менее суровой, чем участь большинства их соотечественников в аналогичной ситуации. По прошествии двух лет, будучи переведенными из Монреаля на остров на некотором расстоянии выше по течению реки Святого Лаврентия, отцу и сыну вместе с несколькими другими заключенными удалось совершить побег. [FN]

Капитан Снайдер прожил до 1827 года, и его рассказ, написанный из его собственных уст, был написан Чарльзом Х. Де Виттом, эсквайром.

Собственно Долина Мохок в течение зимы 1780 года наслаждалась периодом относительного покоя, прерываемого только обычными тревогами, возникающими на незащищенной границе, в любое время подверженной вторжению, и, как следствие, люди постоянно чувствовали себя более или менее неуверенно. Тем не менее, не было ни одной достойной внимания демонстрации противника в нижней части страны в холодное время года. Среди захваченных тори заключенных, которые два года назад вернулись из Канады вслед за своими семьями и которым самым необъяснимым образом позволили уйти целыми и невредимыми, был очень храбрый парень по имени Соломон Вудворт. Он был доверен группе индейцев, действовавших заодно с тори по их прибытии в Сакондагу, от которой он сбежал на следующий день. Эти индейцы, по-видимому, обескураженные его успешным бегством, решили либо поймать его, либо уничтожить. Вудворт зимой или весной 1780 года в одиночку занимал блочный дом, расположенный примерно в восьми милях к северу от Джонстауна. Находясь в таком уединении, его замок был атакован глубокой ночью небольшим отрядом индейцев, которые подожгли его. Однако, невзирая на опасность, он выбежал под градом пуль, потушил огонь и снова отступил за стены, прежде чем индейцы, отошедшие на некоторое расстояние от блокауза, смогли подойти достаточно близко, чтобы схватить его. Поскольку ночь была не очень темной, Вудворт увидел через иллюминаторы группу дикарей, по которым он выстрелил, не безрезультатно — один из них, как впоследствии выяснилось, был тяжело ранен. Эта катастрофа вынудила индейцев уйти в отставку. Но Вудворт не был удовлетворен. Собрав с полдюжины родственных душ, на следующее утро он пустился в погоню за незваными гостями и, пройдя по их следам три дня, настиг их — они остановились, чтобы перевязать рану своего товарища. Преследователи напали на них так внезапно, что им удалось уничтожить все их войско, не дав им времени оказать сопротивление. Маленький отряд с триумфом вернулся в Джонстаун, и их предводитель немедленно был произведен в лейтенанты в полк численностью девять месяцев, на службе в котором ему снова представилась возможность проявить свою доблесть, как будет показано ниже. [FN]

Информация от преподобного Джона И. Шоу из Нортгемптона, штат Нью-Йорк, проживающего недалеко от места, где стоял блокауз.

Примерно в то же время партия тори и индейцев напала на маленькое поселение у Маленьких водопадов Мохока с целью разрушить мельницы, возведенные в этом месте Александром Эллисом. Этот джентльмен был шотландским купцом, который по милости сэра Уильяма Джонсона получил патент на дикое горное ущелье, через которое могавк перепрыгивает с верхней части долины в нижнюю. Сам он вернулся в свою страну; но его заводы были особенно важны для жителей, а также для гарнизонов фортов Дейтон и Херкимер - особенно после того, как Тайенданегеа сжег заводы на Германских равнинах два года назад. Отсюда и нынешняя экспедиция по их уничтожению, которая была легко осуществлена — враг напал на поселение врасплох, а на мукомольной фабрике стояло гарнизоном не более дюжины человек. Был произведен обмен всего несколькими выстрелами, и только один человек был убит — Дэниел Петри. Когда индейцы вошли на мельницу, ее обитатели попытались сбежать так быстро, как только могли — некоторые выпрыгнули из окон, а другие попытались спрятаться внизу. Была ночь, и двоим из числа участников, Коксу и Скиннеру, удалось укрыться на беговой дорожке под водяным колесом — Скиннеру до этого довелось сражаться врукопашную и он был ранен ударом томагавка. Двое их товарищей, Кристиан Эдик и Фредерик Гетман, прыгнули на беговую

дорожку над мельницей и попытались спрятаться, держась как можно дальше под водой. Но применение факела к мельницам вскоре выявило отступление воды, и они были захвачены. Иначе обстояло дело с Коксом и Скиннером, которые пережили бурю битвы и смешанные стихии огня и воды; потоки углей и горящих головешек сразу же гасли, когда они падали вокруг них, в то время как водяное колесо служило эффективной защитой от падающих бревен. Достигнув своей цели, противник отступил, унося с собой пять или шесть пленных. [FN]

Беседы автора с Джоном Фрэнком, эсквайром, из "Немецких квартир".

Несколько инцидентов из более отдаленных пограничных операций первого сезона закроют настоящую главу. Шаванцы и их непосредственные союзники продолжали доставлять чрезвычайно много хлопот вдоль реки Огайо. Среди одиночных пленников, захваченных ими с помощью военной хитрости ранней весной, был человек по имени Александр М.^кКоннел из поселенцев Кентукки. Он обнаружил, что его тюремщики, которых было пятеро, отличались приятным нравом и общительностью, и ему постепенно удалось завоевать их доверие, пока они существенно не смягчили суровость его заточения по ночам. Он, конечно, решил сбежать. Наконец его привязали так слабо, что, пока они спали, ему удалось полностью высвободить свои конечности. И все же он не осмеливался бежать, опасаясь, что спастись от стольких преследователей будет невозможно, и его жизнь, если его снова схватят, наверняка потребует в качестве расплаты за опрометчивую попытку. Поразить их последовательно одним из их собственных томагавков было бы невозможно. Его следующий план состоял в том, чтобы осторожно перенести три их заряженных ружья в укромное место, которое, тем не менее, должно было быть удобным для его собственных целей. Затем, положив два других ружья на бревно, направив дуло одного из них в голову одного индейца, а другого - в сердце второго, он обеими руками разрядил их одновременно, в результате чего двое его врагов были убиты наповал. Когда трое остальных в изумлении вскочили, мистер^{си}Коннел подбежал к винтовкам, которые он спрятал. Работа заняла почти мгновение. Схватив другое ружье и наведя его на двух из трех оставшихся дикарей, оба упали от выстрела, один мертвый, а другой раненый. Пятый бросился наутек с воплем ужаса, от которого зазвенел лес. Выбрав ружье, которое ему понравилось больше всего, ловкий охотник продолжил обратный путь в свое удовольствие.

23 июня полковник Берд во главе пятисот индейцев и канадцев, или американских беженцев, с шестью орудиями легкой артиллерии обрушился на поселение Кентукки уразвилки реки Лик. Захваченные врасплох, жители, похоже, не оказали особого сопротивления, если вообще оказали. На месте были убиты только один мужчина и две женщины. Все остальные были взяты в плен, поселение разграблено, а жители ушли, сгибаясь под тяжестью собственного имущества в пользу разорителя. Кстати, те, кто опускался под своей ношей, были пронзены томагавками. Это оскорбление было быстро и жестоко отомщено полковником Кларком, командовавшим у водопадов Огайо, который немедленно повел свой полк в сердце страны Шаванцев, превратив их главный город на Большом Майами в пепелище и сняв семьдесят скальпов, потеряв всего семнадцать своих людей. [FN]

Приключения полковника Дэниела Буна. В британском отчете об экспедиции полковника Берда, опубликованном в Нью-Йорке, говорится, что он разрушил несколько небольших фортов

и взял несколько пленных. "Большинство жителей этих новых поселений, - добавлялось в нем, - из-за необычайно мягкого обращения полковника сопровождали его, предпочитая селиться в странах, подвластных королю, а не в странах Конгресса. Некоторые из них отправились в Детройт, Ниагару и другие города". —*Vide Almon's Remembrancer, Часть II. 1780, страница 347.*

ГЛАВА III.

Ночное вторжение сэра Джона Джонсона в Джонстаун с армией индейцев и лоялистов— Вишеры—Маршрут сэра Джона—Арест семьи Сэммонс—Уничтожение их собственности—Марш вдоль реки—Поджоги зданий и убийства пожилых людей—Разрушение Каунаваги—Возвращение в Джонсон—Холл—Разбирательство там—Томас Сэммонс сбегает—Сэр Джон уезжает—Сэмсон Сэммонс ходатайствует о своей свободе—Его речь—Цель экспедиции—Возвращение тарелки баронета—Верный раб—Характер экспедиции—Сэр Джон возвращается в Монреаль—Джейкоб и Фредерик Сэммонс взяты в плен—Заклучены в тюрьму в Чамбли—Заговор с целью побега—Заклученные отказываются присоединиться к ним—Братья сбегают поодиночке—Преследование—Разлука—Путешествие, приключения и страдания Джейкоба Сэммонса—Прибывает в Скенектади—Повествование возвращается к Фредерику—Опасности его побега—Благополучное начало его путешествия—Ужасная болезнь—Его возвращение—Закован в кандалы в Чамбли—Перевезен на остров—Замышляет побег—Заговор раскрыт—Снова закован—Второй план побега—Опасный прыжок в реку Святого Лаврентия—Преодоление порогов—Другие удивительные приключения, в наводнениях и в поле—Переход через леса в Скенектади—Замечательное исполнение мечты—Возобновилась непосредственная история страны могавков—Разрушение Канаджохари индейцами Индианы—Поведение Бранта - Случай сомнительной храбрости.

Хотя борьба продолжалась уже более пяти лет, жители нижней части долины Могавк, как бы сурово они ни перенесли бедствия войны, еще ни в коем случае не осознали всей меры своих страданий. Измученные постоянными тревогами и удручающе частыми вызовами на поле боя — их число сократилось из-за смертей и дезертирства, а также из-за переезда из страны, столь полной проблем, — их положение было далеко от завидного. Хотя они и не осознавали непосредственной опасности от грозного вторжения, они, тем не менее, подвергались большей опасности, чем в любой предыдущий период, из-за своей ослабленной способности к самозащите. До сих пор, за исключением небольших набегов на окраины, нижняя долина, где проживало наибольшее количество населения, не подвергалась вторжению врага. Но в течение

нынешнего сезона им выпало неоднократно испытывать на себе нежное милосердие разъяренного врага, вооруженного ножом, томагавком и клеймом, и видеть, как опустошаются их самые прекрасные деревни, опустошаются их поля и превращаются в пепел их жилища.

Первый удар был столь же внезапным, сколь и неожиданным — особенно с той стороны, откуда он был нанесен. В воскресенье, двадцать первого мая, глубокой ночью сэр Джон Джонсон вступил в северную часть Джонстауна во главе пятисот человек, состоящих из нескольких британских войск, отряда его собственного полка королевских зеленых и примерно двухсот индейцев и тори. Сэр Джон проник в страну через озеро Шамплейн к Краун-Пойнту, а оттуда через леса к реке Сакондага; и он так неожиданно прокрался к спящим жителям, что прибыл в сердце страны никем не обнаруженный, кроме местных лоялистов, которые, вероятно, были посвящены в тайну. Прежде чем он добрался до старого Баронского дворца в Джонстауне — дома его юности, и для восстановления которого он приложил все усилия, на которые были способны мужество и предприимчивость, — сэр Джон разделил свои силы на два отряда, один из которых лично повел, в первую очередь, прямо в Холл, а оттуда через деревню Джонстаун; в то время как другой был направлен через более восточное поселение, чтобы нанести удар по реке Мохок у или ниже Трайпс-Хилл, откуда ему было приказано пронестись вверх по реке через древнюю голландскую деревню Каунавага, [FN — 1] к ручью Кайадутта, в этом месте должна была образоваться развязка с самим сэром Джоном. Такое расположение его войск было произведено в тихий полуночный час - в то время, когда жители не только были погружены в сон, но и совершенно не подозревали о приближающейся опасности. Какой офицер командовал восточной дивизией, неизвестно, но это была одна из самых тайных и кровопролитных экспедиций — кровопролитная по своему характеру, хотя погибло совсем немного, — а также самая позорная, которая ознаменовала ход войны в этом регионе. Во время ночного марша этой дивизии, не доходя до реки, они напали на жилой дом мистера Лодовика Патнэма, который вместе со своим сыном был убит и скальпирован. Следующим подвергшимся нападению домом был дом мистера Стивенса, который был сожжен, а его владелец убит. Прибыв на Трайпс-Хилл, они убили троих мужчин по именам Хансен, Платтс и Олдридж. Хансен, который был капитаном милиции, был убит индейцем, к которому он раньше проявлял большую доброту и который в ответ выразил большую благодарность. Считается, что дома всех были разграблены еще до применения факела. Двигаясь по направлению к Каунаваге, на рассвете они прибыли к дому полковника Вишера, в котором в то время жили он сам, его мать и два брата. Дом немедленно подвергся нападению. Встревоженный звуками снаружи, полковник мгновенно догадался, в чем дело, и, вооружившись, решил вместе со своими братьями защищать дом до последнего. Какое-то время они храбро сражались, но шансы были так сильно против них, что вскоре дом был захвачен штурмом. Трое братьев были мгновенно повержены, с них сняли скальпы, а дом подожгли. Завершив таким образом свою работу, враг продолжил свой путь вверх по реке. К счастью, однако, сам полковник был только ранен. Придя в себя от удара топором, он увидел дом, охваченный пламенем над ним и вокруг него, и двух своих братьев, мертвых рядом с ним. Но, несмотря на свои тяжелые ранения, ему удалось вынести их искалеченные тела из дома до того, как внутрь обрушились горящие бревна. Его собственные раны были перевязаны, и он прожил много лет спустя. Миссис Вишер, почтенная мать полковника, также была тяжело ранена, когда индеец ударил ее по голове, но она тоже выжила. Бойня вдоль Мохока до деревни Каунавага была бы еще более масштабной, если бы не бдительность майора Ван Вранка, который ухитрился ускользнуть от

врага и, забежав вперед, поднял тревогу и позволил многим людям перелететь, так сказать, в *чистом виде* через реку. [FN-2]

[FN-1] Еще более древняя резиденция клана Когнавага индейцев племени могавков, которые в столь ранние времена переселились в Канаду и обосновались на реке Святого Лаврентия над порогами Лачин.

[FN-2] Висчеры были важными людьми среди вигов округа Трайон. В начале войны их было четверо братьев, вис. Фредерик, (полковник) Джон, Уильям Брауэр и Харманус. Уильям Б. умер от скарлатины зимой 1776 года. Среди лоялистов существовала очень острая враждебность по отношению к этой семье, возникшая в результате неприятной стычки между полковником Вишером и сэром Джоном Джонсоном осенью 1775 года. Обстоятельства этого дела, о которых недавно сообщил автору почтенный судья Де Графф из Скенектади, близкий родственник семьи, были в основном таковы: В 1775 году Конгресс колоний, полностью доверяя как его принципам, так и благоразумию, назначил Фредерика Вишера полковником милиции, предоставив ему в то же время бланковые поручения для завершения организации его полка. Одно из поручений капитана, предоставленных таким образом в его распоряжение, он возложил на своего брата Джона. Осенью того же года полковник направил свой полк на смотр на возвышенной равнине недалеко от старинной гостиницы Пегги Уимплс в Каунаваге. Случилось так, что во время парада полка сэр Джон Джонсон со своей супругой проезжали по ривер-роуд. Увидев полк под ружьем, он приказал своему кучеру подниматься на холм к плацу. Затем он потребовал от первого человека, с которым у него появилась возможность поговорить, кто созвал собрание и с какой целью? Ответом было, что полковник Вишер приказал своему полку выступить на смотр. Вслед за этим баронет подошел к полковнику и повторил свой вопрос. Полковник, конечно, дал аналогичный ответ. Затем сэр Джон приказал полку разойтись, но полковник приказал им сохранять строй, после чего баронет, вооруженный тростью-шпагой, занес свое оружие, чтобы нанести удар Вишеру, но тот схватил трость, и в потасовке меч был обнажен — Вишер сохранил ножны. Сэр Джон пригрозил проткнуть его насквозь, и полковник сказал ему, что если он решится на такую попытку, то может действовать в свое удовольствие. Затем сэр Джон попросил вернуть ножны от его клинка, которые были ему возвращены. Подойдя к своему экипажу, он велел леди Джонсон подняться, чтобы он мог взять свои пистолеты из ящика. Ее светлость упрекнула его, но безрезультатно, и, получив свои пистолеты, баронет снова потребовал распустить полк, поскольку они были мятежниками. В противном случае он заявил в порыве гнева, что продырявит полковника насквозь. "Пользуйся своим удовольствием", - снова был ответ Вишера. В этот момент молодой ирландец, состоявший на домашней службе у полковника, который был в строю, воскликнул— "Клянусь J-s, если вы попытаетесь поднять руку или палец на моего хозяина, я проткну вас насквозь". Теперь баронет увидел, что против него зарождается неприятный дух, после чего вернулся в свой экипаж и уехал в сильном гневе.

Тем временем сэр Джон проследовал со своим подразделением через деревню Джонстаун, остановившись еще до рассвета в том месте, которое когда-то было его собственным домом, где он взял в плен двоих. В деревне был небольшой частокол, или частокол-форт, который, благодаря темноте и спящим часовым, можно было миновать бесшумно и незамеченным. Взяв курс на слияние Кайадутты с Могавком, сэр Джон прибыл в резиденцию Сэмпсона Сэммонса,

чье имя вместе с именами двух его сыновей упоминалось в предыдущей части настоящего труда. Был третий сын, Томас, восемнадцатилетний юноша. Все они унаследовали непоколебимые принципы вигов своего отца, и вся семья эффективно служила государству в ходе войны. [FN]

Сэмпсон Сэммонс был немецкого происхождения, уроженцем округа Ольстер, откуда он эмигрировал в округ Трайон за несколько лет до войны. На первых этапах войны он был членом Комитета безопасности. В 1777 году был организован корпус льготников под командованием полковника Джеллеса Фонда; сам Фонда исполнял обязанности капитана. В этой роте Сэмпсон Сэммонс был лейтенантом. В 1779 году корпус был реорганизован и расширен. В списке призывников этого года Сэммонс был внесен в список прапорщиков.

Подробности нападения на семью мистера Сэммонса представляют достаточный интерес, чтобы оправдать их несколько более подробное изложение. Мистер Сэммонс-старший был хорошо известен сэру Джону, между которым и им самим существовали очень дружеские отношения; и на ранней стадии войны первый с некоторым успехом приложил усилия, чтобы защитить баронета от насилия народа. Вскоре после прохождения Джонстауна сэр Джон разогнал тех индейцев, которые еще оставались с ним, в других направлениях, желая взять в плен Сэммонса и его сыновей, но в то же время не желая причинять им вреда лично. Прибыв по соседству с домом, сэр Джон остановил свое подразделение и приказал небольшому отряду двигаться с максимальной тишиной и осторожностью и напасть на дом врасплох, заметив, что у Сэммонса было несколько крепких сыновей, хорошо вооруженных, и если они не будут очень осторожны, могут возникнуть неприятности. Старший из сыновей мистера Сэммонса был тогда арендатором фермы Джонсонов в холле, которая была продана Комитетом по конфискации имущества и которую он тогда обрабатывал; а Томас, младший, встал в неурочный час, чтобы покормить лошадей и отправиться в холл работать со своим братом. Однако, когда он спустился по лестнице и вышел на улицу полуодетым, чтобы понаблюдать за погодой - было еще темно, хотя день только начинался, — ему пришла в голову мысль, что, если поблизости будут рыскать какие-нибудь отставшие индейцы, у него будет мало шансов, если он нападет один. Стоя таким образом в сомнении, продолжать ли ему или дожждаться рассвета, он вздрогнул от звука тяжелых шагов позади и, когда обернулся, от блеска стали, промелькнувшего перед его глазами. В тот же миг чья—то рука легла ему на плечо со словами: "Тымой пленник!" Враг приближался в такой совершенной тишине, что не было слышно ни звука шагов до того момента, когда младший Сэммонс был таким образом арестован, а дом немедленно окружен. Один из офицеров с несколькими солдатами немедленно вошел в дом и приказал семье встать и сдаться в плен. Якоб и Фредерик, которые лежали в кроватях на втором этаже, немедленно вскочили на ноги и схватили их за руки. Офицер, тори по фамилии Сазерленд, знакомый с семьей, услышав бряцание оружия, окликнул их по имени и пообещал пощаду при условии их сдачи. Джейкоб поинтересовался, были ли с ними индейцы; добавив, что если бы были, то его и его брата не взяли бы живыми. Получив заверения в обратном, братья спустились по склону и сдались. Пожилой джентльмен тоже был схвачен. Пока солдаты занимались разграблением помещений, наступило утро, и сэр Джон Джонсон подошел с остатками дивизии. Женщин в плен не брали, но отцу и сыновьям было приказано немедленно готовиться к выступлению. Здесь Томас заметил солдату, который все еще стоял на страже над ним, что он не может отправиться в Канаду без своей одежды, и особенно без обуви, которую он еще не надевал, и

попросил разрешения отнести его одежду в свою комнату. Часовой угрюмо отказался разрешить; но Томас настоял на том, что он должен хотя бы раздобыть свои башмаки, и уже шагнул к двери, когда варвар нанес ему удар штыком в спину, который оказался бы смертельным, если бы не зоркий взгляд и героизм стоявшей рядом сестры, которая, увидев удар в своего брата, прыгнула вперед и, схватив оружие, бросилась поперек его ствола и, падая, сбила его на землю. Солдат попытался высвободить руки и выполнить свою задачу. В тот же миг вперед выступил офицер и спросил, в чем дело. Девушка сообщила ему о покушении на ее брата, после чего он упрекнул солдата восклицанием— "Ты, проклятый негодяй, неужели ты убьешь мальчика?" Затем ему было немедленно дано разрешение приобрести все, что он пожелает. Завершив добычу, сэр Джон со своими войсками и пленными двинулся дальше в направлении реки, находившейся примерно в трех милях от него.

Чтобы наказать старого джентльмена за его виговскую деятельность, некоторые офицеры приказали привязать его к негру, который также был заключенным; но в тот момент, когда сэр Джон обнаружил это унижение, он отменил приказ. Руки молодых людей были крепко связаны, и они вместе со своим отцом были вынуждены маршировать между шеренгами солдат и созерцать жестокое запустение, царившее в их окрестностях. Оттуда их путь лежал прямо к реке, в Коунавагу, где они встретили другое подразделение индейцев и рейнджеров, которые, среди прочих, убили и сняли скальп с мистера Доу Фонда, гражданина преклонного возраста и респектабельности. Теперь вся армия повернула на запад, пройдя несколько миль по долине Мохок, сжигая все здания, не принадлежащие лоялистам, убивая овец и черный скот и забирая всех лошадей, которых можно было найти, для собственного использования. Вернувшись снова в Каунавагу, они подожгли все здания, кроме церкви; было взято в плен несколько человек и убито. В ходе этого похода было убито девять стариков, из которых четверым было больше восьмидесяти. Из Каунаваги сэр Джон вернулся в Джонстаун, миновав владения мистера Сэммонса, где разрушительная работа была завершена нанесением клейма на все здания, в результате чего женщины из семьи остались без крова и забрали семь лошадей, находившихся в конюшнях.

По прибытии сэра Джона обратно в усадьбу во второй половине дня он на несколько часов остановился на прилегающей территории, устроив себе собственные апартаменты в холле своего отца. Заключенных собрали в открытом поле под строгой охраной, но не в замкнутом пространстве; и пока они отдыхали таким образом, семьи тори из города в большом количестве приходили повидаться со своими друзьями и родственниками, которые по большей части составляли белые войска армии вторжения. Томас Сэммонс в течение всего утра притворялся, что сильно хромает на одну ногу; и, слоняясь без дела по залу, он привлек внимание вдовы капитана Хэйра, одного из британских офицеров, павших в битве при Орискани. Миссис Хэйр после смерти своего мужа занимала квартиру в Холле; и теперь она успешно добивалась вместе с сэром Джоном освобождения нескольких своих личных друзей из числа пленников; и, отправившись на поле боя, чтобы отобрать их, она ловко тайком ввела молодого Сэммонса в группу и увела его в целости и сохранности.

Уже упоминалось, что небольшой форт в деревне занимала небольшая стража, которую сэр Джон обошел стороной во время своего утреннего марша. Ближе к ночи было замечено, что ополченцы из окрестностей собираются в деревне, и сэр Джон счел целесообразным возобновить свой марш. Он собрал несколько пленных и много добычи, помимо пополнения своих рядов значительным числом лоялистов и получения во владение примерно восемнадцати

или двадцати своих негритянских рабов, оставшихся во время его бегства весной 1776 года. На следующий день, когда они стояли на привале, старший Сэммонс обратился к сэру Джону с просьбой о беседе, которая была дана в присутствии его главных офицеров. На вопрос, чего он хочет, мистер Сэммонс ответил, что желает, чтобы его освободили. Баронет колебался, но старик настаивал на своем и напомнил сэру Джону о былых сценах и о тех дружеских усилиях, которые он сам предпринимал ради него. "Посмотрите, что вы наделали, сэр Джон, - сказал ветеран вигов. - Вы взяли в плен меня и моих сыновей, сожгли дотла мой дом и оставили беспомощных членов моей семьи без прикрытия, кроме небес над головой, и без перспектив, кроме запустения вокруг них. Обращались ли мы с вами подобным образом, когда вы были во власти Комитета округа Трайон? Помните, когда генерал Шайлер проконсультировался с нами, и вы согласились сложить оружие? Разве вы не помните, что тогда вы согласились сохранять нейтралитет, и что на этом условии генерал Шайлер оставил вас на свободе условно-досрочно? Эти условия вы нарушили. Вы уехали в Канаду; записались на службу к королю; собрали полк недовольных, которые вместе с вами покинули свою страну; и теперь вы вернулись, чтобы вести против нас жестокую войну, сжигая наши жилища и отнимая у нас наше имущество. Я был вашим другом в Комитете безопасности и приложил все усилия, чтобы спасти вас от травм. И как мне отплатить? Ваши индейцы убили и сняли скальп со старого мистера Фонды в возрасте восьмидесяти лет; человека, который, как я слышал от вашего отца, был ему как отец, когда он поселился в Джонстауне и Кингсборо. Вы не добьетесь успеха, сэр Джон, в такой войне, и вы никогда больше не будете наслаждаться своей собственностью!"

Баронет ничего не ответил, но апелляция возымела действие, и пожилой джентльмен был отпущен на свободу. Затем он попросил вернуть ему пару лошадей. Сэр Джон ответил, что это также следовало бы сделать, если бы лошади не находились во владении индейцев, у которых он не мог бы безопасно их забрать. При наведении справки была найдена и возвращена ему пара его лошадей. Мистер Сэммонс видел, что у офицера-консерватора по фамилии Докстедтер была одна из его лошадей, но он не отдал ее, притворившись, что индеец просто доверил ему это животное. [FN-1] Два сына, Якоб и Фредерик, были взяты в плен и подверглись длительному и суровому заключению, интересные отчеты о котором сейчас будут приведены. Нескольким пожилым заключенным, помимо мистера Сэммонса, было разрешено вернуться, один из которых, капитан Абрахам Видер, был обменян на лейтенанта Синглтона, который был схвачен в форте Шайлер полковником Уиллеттом и затем находился в Канаде под честным словом. [FN-2]

[FN-1] После окончания войны Докстедтер вернулся из Канады по какому-то делу, был арестован мистером Сэммонсом в судебном порядке и вынужден был возместить стоимость лошади.

[FN-2] Настоящий рассказ об этом вторжении был подготовлен почти полностью на основе рукописей и бесед с майором Томасом Сэммонсом, парнем, который был взят в плен, — после тщательного сравнения его показаний с показаниями других авторитетных источников. У автора также есть письменные рассказы Джейкоба и Фредерика Сэммонсов, находящиеся перед ним, вместе с отчетом, написанным преподобным Джоном И. Шоу. Майор Томас Сэммонс все еще (февраль 1838 г.) здоров. Ранее в течение нескольких лет он представлял Монтгомери (бывший округ Трайон) в Конгрессе.

Непосредственной целью этого вторжения сэра Джона Джонсона было добыть его дощечку, которая была зарыта во время его бегства в 1776 году и не была найдена вместе с железным сундуком. На самом деле это сокровище было зарыто не вместе с сундуком, а в погребке, и место его хранения было доверено верному рабу. Днем, пока сэр Джон был в зале, раб с помощью четырех солдат извлек серебро, которым были наполнены две бочки, принес его баронету и положил к его ногам. [FN-1] Затем оно было роздано примерно сорока солдатам, которые положили его в свои ранцы — квартирмейстер записал имена солдат и переданные каждому предметы, которые должны были быть доставлены в Монреаль. Это вторжение, однако, было одной из самых непростительных агрессий против безоружного и дремлющего народа, которая запятнала летопись британского оружия. Как командующий офицер, сэр Джон сам несет ответственность в общем смысле. Насколько он был непосредственно и конкретно ответственен за ночные убийства, совершенные варварами, - это вопрос, который, возможно, может иметь несколько иной оттенок. Тем не менее, судя по успеху, сопутствовавшему экспедиции, и необъяснимому бездействию людей по отношению к нему, достаточно очевидно, что он мог бы вернуть свою славу, не освещая себе путь пожаром домов своих соседей и не пачкая юбки невинной кровью. [FN-2] Но наиболее примечательные обстоятельства, сопутствовавшие этой экспедиции, заключаются в том, что жители были полностью застигнуты врасплох, и что сэру Джону никто не оказал сопротивления в его наступлении утром 22-го и совершенно никто не потревожил его отступление. Жители, которые так часто проявляли себя храбрыми, похоже, были не только удивлены, но и охвачены паникой. Правда, как уже было между прочим указано, прежде чем сэр Джон начал свой обратный марш, ополчение начало собираться в деревне, в миле от ратуши. Их возглавлял полковник Джон Харпер, который, без сомнения, был очень храбрым человеком. С ним также был полковник Фолькерт Видер. Но они были недостаточно сильны, чтобы вступить в бой с врагом; и когда Томас Сэммонс прибыл к ним после своего освобождения, это мнение подтвердилось его докладом о том, что силы сэра Джона превышали семьсот человек. Полковники Харпер и Видер после этого двинулись обратно к реке, и захватчики беспрепятственно отступили, [FN-3] за исключением капитана Патнэма и четырех человек, которые держались у них в тылу и наблюдали за их ходом на расстоянии двадцати пяти миль.

[FN-1] Этот верный слуга долго жил с сэром Уильямом Джонсоном, который был так сильно привязан к нему, что заставил его креститься под своим собственным именем Уильям. Когда поместье было передано Комитетом в руки {слово неразборчиво}, Уильям был продан, и Сэммонс стал покупателем. Он жил с ним до тех пор, пока его не захватил сэр Джон, но никогда не давал ни малейшего намека ни на захоронение железного сундука, ни пластины, хотя и то, и другое было зарыто им в землю.

[FN-2] Вполне вероятно, что личные бумаги или переписка сэра Джона, если они сохранились, могли бы представить эту и другие темные сделки в более выгодном свете. Автор тщетно пытался обнаружить какие-либо подобные бумаги. Считается, что они были рассеяны после смерти баронета в Монреале, примерно полдюжины лет назад.

[FN-3] MC майора Томаса Сэммонса.

Губернатор Клинтон находился в Кингстоне во время вторжения. Поспешив в Олбани при первом же поступлении разведанных, он собрал такое ополчение и другие силы, какие смог

раздобыть, и двинулся к Лейк-Джорджу с целью перехватить сэра Джона. Предполагалось, что путь противника, возможно, лежит в направлении Освегачи, и с целью нанести ему удар на таком марше полковник Ван Шейк с восемью сотнями человек последовал за ним по дороге на Джонстаун. Спускаясь по озеру Джордж к Тикондероге, к губернатору присоединился отряд ополчения из штата Нью-Гэмпшир грантс. Но все было бесполезно; захватчики бежали — вероятно, в свои боевые порядки в Краун-Пойнте, откуда они направились вниз по озеру к Сент-Джонсу. Оттуда пленники были переведены в крепость Шамбли.

Заключенных в этой крепости насчитывалось около сорока. На следующий день после их прибытия Джейкоб Сэммонс, тщательно изучив гарнизон и возможности побега, задумал план побудить своих товарищей по заключению восстать на охрану и добиться их свободы. Гарнизон был слабым по численности, а часовые менее бдительными, чем это обычно бывает у хороших солдат. Двери тюрьмы открывались один раз в день, когда заключенных навещал соответствующий офицер в сопровождении четырех или пяти солдат. Сэммонс заметил, где во дворе было сложено оружие охранников, и его план состоял в том, что кто-то из заключенных должен был арестовать и разоружить приходящего охранника, как только откроется дверь, в то время как остальные должны были броситься вперед, схватить оружие и с боем пробиваться к выходу. К этому предложению присоединились его брат Фредерик и еще один человек по имени Ван Слейк, но большая часть заключенных сочла его слишком смелым, чтобы на него решиться. Поэтому он был заброшен, и впоследствии братья искали только возможности спастись самостоятельно. В течение трех дней желанная возможность представилась, а именно. 13 июня. Пленным выдавали порцию елового пива, для получения которого двое из их числа ежедневно выделялись, чтобы принести бочку из пивоварни под охраной из пяти человек с примкнутыми штыками. Имея основания предполагать, что оружие стражников, хотя и заряженное, не было заряжено, братья подстроили все так, что в указанный день их вместе отвезли на пивоварню с пониманием того, что в определенный момент они должны были сорваться с места и бежать, спасая свои жизни, полагая, что замешательство момента и, как следствие, задержка с заряданием мушкетов стражниками позволят им убежать за пределы обычной дальности мушкетного выстрела. Проект был смело реализован. В согласованный момент братья соскочили со своих проводников и с необычайной быстротой потянулись через равнину. Была поднята тревога, и вскоре весь гарнизон бросился за ними в погоню. К несчастью для Джейкоба, он упал в канаву и вывихнул лодыжку. Заметив несчастный случай, Фридрих обратился к нему на помощь, но тот великодушно посоветовал ему самому, если возможно, обеспечить себе бегство и предоставить его случайностям войны. Оправившись от падения и невзирая на несчастный случай, Джейкоб снова бросился вперед со всей возможной прытью, но, обнаружив, что хромота мешает ему продвигаться вперед, он нырнул в густые заросли кустарников и деревьев, и ему посчастливилось спрятаться между двумя бревнами до того, как подошли преследователи. Ранее по ним было произведено двадцать или тридцать выстрелов, но безрезультатно. Вероятно, из-за дыма от их костра стражники не заметили Якоба, когда он бросился в чащу, и, предположив, что, подобно своему брату, он обошел ее, они последовали дальше, пока Фредерик не отдал их на приличное расстояние, после чего они потеряли его из виду и след. Они вернулись примерно через полчаса, остановившись у кустов, в которых укрылся другой беглец, и так близко, что он мог отчетливо слышать их разговор. Командиром был капитан Стил. Когда он созвал своих людей, одни ругались, а другие смеялись над гонкой и скоростью "длинноногих голландцев", как они называли летающих пленников. Прекратив преследование, стражники вернулись в форт.

Братья договорились, в случае разлуки, встретиться в определенном месте в 10 часов вечера. Конечно, Джейкоб лежал, укрывшись в кустах, до тех пор, пока ночь не опустила свои соболиные занавески, и пока он не предположил, что настал час, когда он отправился в вылазку, согласно предварительной договоренности. Но в тот вечер время шло не так быстро, как он предполагал. Он ждал в указанном месте и громко звал Фредерика, пока не отчаялся встретиться с ним, и благоразумие не запретило ему оставаться здесь дольше. Впоследствии выяснилось, что он прибыл на место слишком рано, и что Фредерик успешно выполнил свое назначение.

Следуя берегом Сореля, Джейкоб миновал форт Сент-Джонс вскоре после рассвета, утром 14-го. Его целью было переплыть реку в этом месте и продолжить свой путь домой через дикую местность на восточном берегу озера Шамплейн; но как раз в тот момент, когда он готовился войти в воду, он заметил приближающуюся снизу лодку, наполненную офицерами и солдатами противника. Они были уже на расстоянии двадцати прутьев. Снова спрятавшись в лесу, он возобновил свой путь после их ухода, но не прошел и двух-трех миль, как наткнулся на отряд из нескольких сотен человек, занятых заготовкой древесины для общественных работ в форте. Чтобы избежать их, ему пришлось описать широкий круг, в ходе которого около 12 часов он вышел на небольшую поляну. За оградой стоял дом, а в поле мужчина и мальчик рыхлили картофель. В этот момент их позвали обедать, и, предположив, что это французы, которые, как он слышал, были скорее дружелюбны к американцам, чем наоборот, - подстрекаемый, к тому же, голодом и усталостью, — он набрался смелости явиться, надеясь, что его пригласят воспользоваться их гостеприимством. Но вместо друга он обрел врага. Когда он рассказал о своем характере, его грубо приняли. "Это из-за таких негодяев, как вы, - ответил лесник, - мне пришлось бежать с озера Шамплейн". Повстанцы, добавил он, отняли у него все, что у него было, и теперь он доставит своего самозваного гостя страже, которая, по его словам, находится не более чем в четверти мили отсюда. Сэммонс быстро ответил ему, что "это было больше, чем он мог сделать". Затем беженец сказал, что сам пойдет за охраной; на вызов в суд ответил, что он может поступать, как ему заблагорассудится, но что все мужчины Канады не должны снова делать его заключенным.

После этого мужчина вернулся со своим сыном на картофельное поле и возобновил свою работу, в то время как его более сострадательная жена дала ему миску хлеба с молоком, которую он съел, сидя на пороге, чтобы не застать врасплох. Находясь в доме, он увидел висевшие на стене мушкет, пороховницу и мешочек с пулями, которыми он решил, если возможно, завладеть сам, чтобы иметь возможность добыть еду во время предстоящего ему долгого и одинокого перехода. Поэтому, уходя на покой, он углублялся в лес только для того, чтобы спрятаться, а вечером возвращался в дом дровосека за мушкетом и патронами. Но его снова подстерегала неминуемая опасность. Очень скоро после того, как он вошел в дом, слышались приближающиеся голоса, и он для безопасности направился в грубую комнату, где лег плашмя на неровный пол и, глядя сквозь щели, увидел, как вошли одиннадцать солдат, которые, как вскоре выяснилось, пришли за молоком. Теперь его положение было чрезвычайно критическим. Грубый владелец мог донести на него или одним движением выдать его. Но ни того, ни другого не произошло. Незванные гости удалились в положенное время, и вся семья отправилась спать, за исключением жены, которая, когда Джейкоб спустился из комнаты, подкрепила его еще одной миской хлеба с молоком. Добрая женщина теперь горячо умоляла своего гостя сдаться и вступить в ряды короля, уверяя его, что его Величество в конце концов непременно победит, и в этом случае мятежники потеряют все свое имущество, а многие из них

вдобавок будут повешены. Но к такому предложению он, конечно, и слушать не захотел. Обнаружив, что все ее попытки превратить вигу в тори бесплодны, она тогда сказала ему, что, если он еще два дня побудет в лесу, она снабдит его кое-какой провизией, за которой ее муж собирается в форт на следующий день, и она также постарается снабдить его парой ботинок. Однако, не желая так долго задерживаться на территории противника и по соседству с британским постом, он немедленно уехал. Но такова была доброта этой доброй женщины, что у него не хватило духу броситься в объятия ее мужа, и он покинул это дикое место деревенского гостеприимства без припасов или средств их раздобыть. Снова добравшись до кромки воды в нижней части озера Шамплейн, он наткнулся на хижину, внутри которой, осторожно приблизившись к ней для разведки, он обнаружил группу солдат, все они крепко спали. Их каноэ было пришвартовано у берега, в которое он прыгнул и поплыл вверх по озеру, радуясь самой обнадеживающей перспективе быстрого и сравнительно легкого путешествия к его истоку, откуда его возвращение домой было бы сопряжено либо с трудностями, либо с опасностью. Но его приятные ожидания развеялись следующей ночью, когда он приблизился к острову о-Нуа, где увидел укрепление и блеск оцетинившихся штыков в воздухе, когда лунные лучи играли на начищенном оружии часовых, совершавших свой утомительный обход. Озеро в этом месте было очень узким, и, видя, что обе стороны укреплены, он счел попытку протолкнуть свое каноэ между ними слишком рискованным экспериментом. Поэтому его единственным выходом было сойти на берег и продолжить путешествие пешком. Да и по прибытии на берег его положение ни в каком отношении не вызывало зависти. Без обуви, без еды и без средств добыть то и другое — ему предстояло долгое путешествие по глубокой и непроходимой дикой местности — вполне можно представить, что его разум не радовали самые приятные предвкушения. Но, не останавливаясь, чтобы без необходимости потакать своим "скоропостижным фантазиям", он начал свое одинокое путешествие, держа курс вдоль восточного берега озера в сторону Олбани. В течение первых четырех дней своего продвижения он полностью питался корой березы — по пути жевал веточки. На четвертый день, отдыхая у ручья, он услышал журчание воды, вызванное рыбами, которые перекрывали течение. Ему удалось поймать несколько из них, но, не имея возможности развести огонь, он съел одну из них сырой, а остальные выбросил.

Его ноги к этому времени были жестоко порезаны, в синяках и истерзаны шипами, шиповником и камнями; и хотя он едва мог двигаться из-за их болезненности, голод и усталость объединились, чтобы замедлить его безрадостный переход. На пятый день его страдания усилились из-за голодных полчищ комаров, которые тучами оседали на него, когда он пересекал болото. В тот же день он наткнулся на гнездо черной утки — утка спокойно сидела на своих яйцах, пока он не подошел и не поймал ее. Как только птицу лишили жизни и перьев, она съела все целиком, включая голову и лапки. Яиц было девять, и Сэммонс забрал их с собой; но, открыв одно, он обнаружил маленького наполовину готового утенка, уже живого. Против такой пищи его желудок взбунтовался, и он был вынужден выбросить яйца.

На десятый день он подошел к небольшому озеру. Его ноги были теперь в таком ужасном состоянии, что он едва мог ползти. Чтобы облегчить боль, он обмыл их в воде, погрузил ноги в озеро и лег на его берегу. Какое-то время казалось, что он никогда больше не сможет подняться на ноги. Измученный голодом и усталостью — израненный телом и духом, в безлюдной глуши, без глаза, достойного жалости, без человеческой руки, которую можно было бы защитить, он чувствовал, что должен оставаться в этом месте до тех пор, пока Богу в его благодати не будет угодно погасить тусклую искру жизни, которая еще оставалась. И все же его в какой-то мере

утешала мысль, что он находится в руках Существа, без ведома которого ни один воробей не упадет на землю.

Наконец, освеженный, хотя и в незначительной степени, он продолжил свой утомительный путь, когда, когда он перекидывал правую ногу через ствол упавшего дерева, его укусила в икру гремучая змея! Быстро, как молния, своим перочинным ножом он сделал надрез на ноге, удалив пораненную плоть на большую глубину, чем проникли клыки змеи. Его следующим делом было убить ядовитую рептилию и приготовить ее для употребления в пищу; таким образом, он присвоил врага, который пытался лишить его жизни, для ее продления. Его первое блюдо было приготовлено из сердца и жира змеи. Почувствовав себя несколько подкрепленным трапезой и обнаружив, кроме того, что в своем теперешнем состоянии он не может двигаться дальше, он решил остаться там, где был, на несколько дней и, отдохнув и поев телом змеи, набраться сил. Обнаружив также сухой гриб на стволе клена, ему удалось развести огонь, благодаря чему его комфорт существенно возрос. Тем не менее ему пришлось ползти на четвереньках, чтобы собрать топливо, и на третий день он все еще был в таком изнеможении, что был совершенно неспособен двигаться дальше. Полагая, что смерть неизбежна и очень близка, он подполз к подножию дерева, на коре которого начал писать свое имя — в ожидании, что оставит там свои кости, и в надежде, что каким-то образом с помощью надписи его семья в конечном счете узнает о его судьбе. Пока он был занят этой печальной работой, облако тягостных мыслей сгустилось в его голове; слезы невольно потекли по его щекам, и, прежде чем он закончил эту печальную работу, он заснул.

На четвертый день своего пребывания в этом месте он начал набираться сил, и поскольку часть змеи все еще оставалась, он решил предпринять еще одну попытку возобновить свое путешествие. Но он не мог этого сделать, не придумав какой-нибудь замены обуви. С этой целью он разрезал свою шляпу и жилет, привязал их к ногам - и так ковылял дальше. Следующей ночью, лежа в лесу, он проникся сильным убеждением, что находится недалеко от человеческого жилья. Он не видел никаких признаков близости к жилищу человека, но, тем не менее, был настолько уверен в этом факте, что заплакал от радости. Воодушевленный и укрепленный этим впечатлением, он продолжил свое путешествие на следующее утро; и во второй половине дня, это было 28 июня, он добрался до дома в городке Питтсфорд, в штате Нью-Гэмпшир-Грантс, ныне составляющем штат Вермонт. Он оставался там несколько дней, как для восстановления своего здоровья, так и, по возможности, для получения сведений о своем брате. Но никаких вестей не поступало; и поскольку он знал, что Фредерик отличный лесоруб, он, конечно, пришел к выводу, что болезнь, смерть или повторный плен, должно быть, прервали его путешествие. Наняв экипаж в Питтсфорде, Джейкоб отправился в Олбани, а оттуда в Скенектади, где имел счастье найти свою жену и семью. [FN]

[FN] Ср. рассказ Джейкоба Сэммонса. Он умер примерно в 1810 году.

Не менее интересными и отмеченными меньшим количеством перипетий были приключения Фредерика Сэммонса. Бегство из форта в Чамбли было совершено незадолго до захода солнца, что объясняет столь ранний отказ от погони. Выйдя на опушку леса, Фредерик столкнулся с отрядом индейцев, возвращавшихся в форт с утомительной службы. Поняв, что он беглец, они открыли огонь и крикнули— "Мы поймали его!" В этом мнении, однако, они ошибались; ибо, хотя он подбежал совсем близко, прежде чем заметил их, все же, подобно быстроногому Асаэлю в

старину, завернув за короткий угол и увеличив скорость, через десять минут он полностью оторвался от группы. Затем он сел отдохнуть, кровь хлестала у него из носа из-за того, до какой степени были истощены его физические силы. В назначенное время он также отправился в то место, которое при его расставании с Джейкобом было согласовано в качестве места встречи. Ярko светила луна, и он громко и часто звал своего брата — действительно, так громко, что стражника выгнали. Он очень беспокоился о безопасности своего брата, но, не зная освоенного положения, он был вынужден позаботиться о своем собственном. Однако он решил подойти к форту — по крайней мере, как можно ближе к нему, насколько это было возможно, — и в случае встречи с кем-нибудь замаскировать себя, осведомившись, захвачены ли мятежники. Но вспышка мушкета часового, выстрел и шум второй погони вынудили его изменить направление своего марша и продолжить движение со всей возможной скоростью. Братья решили пересечь Сорель и вернуться по восточному берегу реки и озера; но между ними возникло недопонимание относительно места переправы через реку — выше или ниже форта. Отсюда их неудача с встречей. Фредерик отправился туда, где, как он предполагал, было назначенное место переправы, ниже форта, где он задержался в ожидании своего брата почти до утра. Наконец, найдя лодку, он переправился на восточный берег и высадился как раз под крик петуха. Он направился прямо в сарай, где, как он предположил, шантеклер повысил голос, но не обнаружил там ни одной домашней птицы. В тусклых сумерках овца выглядела слишком бедной, чтобы служить ей пищей, но волу, имевшему более благоприятную внешность, Фредерику удалось перерезать горло ничего не подозревавшему животному, и, оторвав от туши одну из задних конечностей, он взвалил ее на плечо и зашагал с ней прямо в лес. Отойдя на безопасное и удобное расстояние, он остановился, чтобы разделить говядину, отрезав то, чего, по его мнению, должно было хватить на дорогу, и соорудив из кожи рюкзак с помощью коры, содранной с лосинового дерева.

Возобновив свое путешествие, он прибыл в дом французской семьи, расположенный на расстоянии пяти или шести миль. Сюда он отважился войти с целью раздобыть хлеба и соли, а также в надежде раздобыть ружье и боеприпасы. Но он не мог ни раздобыть провизии, ни заставить людей понять ни слова из того, что он произносил. Однако он нашел способ заготовить немного трута, с которым вернулся в лес и поспешил вперед в южном направлении, пока по вечерней стрельбе из ружей не убедился, что он миновал Сент-Джонс. Остановившись на ночлег, он разжег костер и до утра занимался вялением и копчением говядины, нарезая ее для этой цели ломтиками. Его рюкзак из сырой кожи был обработан тем же способом. Подготовившись таким образом, он продолжал путь без остановок и приключений до третьего дня, когда убил олененка и добыл оленину. На следующий день он пересек реку Виноски, или Луковую реку, и, обнаружив имя человека, вырезанное на дереве, а также расстояние от озера (Шамплейн) в восемь миль, он направился к его берегам, где нашел каноэ с веслами. Теперь появилась надежда уменьшить утомление от путешествия; но едва его каноэ заплесало на волнах, как оно развалилось на части, и он был вынужден поспешить на берег и продолжить свой путь по суше.

На исходе седьмого дня, когда, как он и предполагал, он был в двух днях пути от поселения, он разжег костер и прилег отдохнуть в прекрасном здравии и расположении духа. Но еще до рассвета он проснулся с мучительными болями, которые оказались приступом плеврита. Пошел проливной дождь, продолжавшийся три дня; все это время он лежал беспомощный, в ужасных муках, без огня, крова или какой-либо пищи. На четвертый день, когда боль утихла, он попытался съесть кусочек, но его провизия стала слишком противной, чтобы ее можно было

проглотить. Испытывая сильную жажду, он, к счастью, обнаружил поблизости пруд с водой, к которому и подполз. Это была стоячая лужа, кишасящая лягушками — еще одно провидческое обстоятельство, поскольку последние служили ему пищей. Однако, будучи слишком слабым, чтобы зажечь свет, он был вынужден есть их сырыми, без какой-либо перевязки. Не в силах двигаться дальше, он пролежал в таком плачевном состоянии четырнадцать дней.

Предположив, что он умрет там, он успел повесить свою шляпу на шест вместе с несколькими бумагами, чтобы, в случае обнаружения, можно было узнать о его судьбе. Он лежал на высоком утесе, откуда было хорошо видно озеро, и на небольшом расстоянии от него. Поднятая шляпа послужила сигналом, который спас ему жизнь. Проплывавшее мимо судно заметило шляпу и отправило лодку на берег, чтобы выяснить причину. Лодочники обнаружили тело человека, еще живого, но без чувств и дара речи, и перенесли его на судно. С помощью врача к нему постепенно вернулся рассудок, и, сообщив капитану, кто он такой, он испытал довольно неприятное удовлетворение, узнав, что находится на борту вражеского корабля и в этот момент находится в Краун-Пойнте. Здесь он оставался шестнадцать дней, в течение которых имел удовольствие услышать от партии тори, приехавшей из поселений, что его брат Джейкоб благополучно прибыл в Скенектади и присоединился к своей семье. Он также был проинформирован о страданиях Джейкоба и об укусе змеи, который произошел близ Оттер-Крик, недалеко от того места, где он сам так долго болел. Таким образом, братья были рядом во время величайшей опасности и стойкости обоих.

Выздоровление Фредерика шло очень медленно. Прежде чем он смог ходить, его отвезли в больницу Святого Иоанна, а оттуда, частично на тачке, частично в инвалидном кресле, отвезли обратно в его старые покои в Чамбли, где, кстати, с ним обращались очень грубо. По прибытии в крепость стражники приветствовали его титулом "капитан Лайтфут", и была большая радость по поводу его повторного пленения. Было примерно 1 августа. Как только его здоровье достаточно восстановилось, чтобы выдержать это, его заковали в железо и держали в тесном заключении до октября 1781 года — четырнадцать месяцев, ни разу не увидев солнечного света. Между Сент-Джонсом и Чамбли его встретил британский офицер, с которым он был знаком, и который сообщил ему, что его ждет суровое обращение. Однако, сочувствуя его положению, офицер сунул ему в руки гиней и пару долларов, и они двинулись дальше.

В Чамбли больше никого из заключенных не заковывали в кандалы, и всех, кроме Сэммонса, дважды в неделю выводили на плац подышать свежим воздухом. Кандалы были такими тяжелыми и тугими, что врезались в кожу его ног; и капитан Стил, офицер 32-го полка, все еще командовавший гарнизоном в Чамбли, был так разгневан побегом своего пленника, что не позволил хирургу снять кандалы, чтобы перевязать раны, причиной которых они были, пока не был получен категорический приказ на этот счет от генерала Сент-Леджера, который в то время находился в Сент-Джонсе. Гуманность хирурга побудила его применить это средство по собственной воле. Однако даже тогда Стил позволил снять только ножные болты, все еще не снимая наручников. Перевязка его ног была тяжелой операцией. Железо въелось в кость, и омертвевшую плоть, конечно, пришлось удалить. Одна из ног в конечном итоге зажила, но другая так и не оправилась до конца по сей день. [FN]

Апрель 1837 года — пятьдесят шесть лет назад! Фредерик Сэммонс все еще жив и в остальном здоров; он был избран одним из выборщиков президента и вице-президента Соединенных Штатов в ноябре 1836 года.

В ноябре месяце 1781 года заключенные были переведены из Шамбли на остров в реке Святого Лаврентия, называвшийся в то время Тюремным островом, расположенный в порогах на некотором расстоянии от Монреаля. Сэммонс был вынужден путешествовать в наручниках, но другие заключенные не были таким образом обременены. На острове находилось около двухсот заключенных, все они находились под очень строгой охраной. Весной 1782 года Сэммонс организовал заговор с девятью своими товарищами по заключению, чтобы совершить побег, захватив судно с провизией, и почти достиг своей цели. Однако, когда их цель была раскрыта, они потерпели неудачу, и Сэммонс, как главарь банды, снова был закован в кандалы. Но по прошествии пяти недель кандалы сняли, и ему разрешили вернуться в свою хижину.

Раздраженный столь длительным пленом, Фредерик все еще был полон решимости сбежать, для чего он уговорил товарища по заключению по имени М.^КМаллен присоединиться к нему в дерзком подвиге - найти возможность окунуться в реку и, воспользовавшись случаем, доплыть до берега вплавь. Благоприятный момент для отважной авантюры представился 17 августа. Поскольку пленным в количестве пятидесяти человек было разрешено дойти до подножия острова, но по всему периметру которого была вытянута цепь часовых, Сэммонс и М.^КМаллен, ни с кем не посоветовавшись, дождались удобного случая, когда ближайший часовой повернулся к ним спиной, тихо скользнули под выступающую скалу и нырнули в ручей — каждый поднял руку и помахал ею в знак прощания своим товарищам по заключению, когда волна быстро унесла их вниз по течению. Часовой был на расстоянии примерно шести метров, когда они бросились в реку, и обнаружил их побег только тогда, когда они оказались вне досягаемости любого досаждения, которое он мог им предложить. В трех четвертях мили ниже острова пороги были такими, что река вздымалась, превращаясь в волны, слишком большие для лодок. Это была ужасная часть их путешествия. Оба, однако, были опытными пловцами, и, ныряя при приближении к каждому последующему всплеску, обоим удалось преодолеть опасный переход — расстояние по этому порогу составляло около ста пятидесяти метров. Погружаясь по очереди в эти стремнины, они почти не надеялись снова встретиться друг с другом в этом мире. Но покровительствующее Провидение распорядилось иначе, и они выбрались из страшных волн совсем рядом друг с другом. "Я рад тебя видеть", - сказал Сэммонс своему другу.; "Я боялся, что мы больше не встретимся". "Мы весело покатались, - ответил другой, - но мы бы долго этого не выдержали".

Отважные ребята попытались высадиться примерно в двух милях ниже острова, но течение было таким сильным, что помешало их намерениям, и их отнесло еще на две мили дальше, где им, к счастью, удалось достичь суши в месте на северной стороне реки Святого Лаврентия, называемом канадцами "Дьявольский мыс". У реки стояло несколько домов, в некоторые из которых беглецам было необходимо зайти, чтобы раздобыть провизию. У каждого из них в жилетных карманах были припасены нож и трутница, и одним из первых дел, после того как они вооружились солидными дубинками, было раздобыть запас трута. Это было сделано путем смелого проникновения в дом и рытья в рабочей корзинке пожилой дамы. Добрая женщина, испугавшись появления гостей, выбежала и переполошила деревню, жители которой были французами. Тем временем они обыскали дом в поисках провизии, огнестрельного оружия и боеприпасов, но не нашли ни того, ни другого, а только единственную буханку хлеба. Они также

забрали из дома одеяло, накидку и несколько других предметов одежды. К этому времени люди начали собираться в таком количестве, что было сочтено целесообразным поспешное отступление. М^{си}Маллен, схваченный двумя канадцами, был освобожден из их хватки только хорошо направленными ударами клюшки Фредерика. Затем они оба бросились бежать в лес, когда Сэммонс, обремененный своим багажом, к несчастью, упал, и буханка откатилась от него. Теперь крестьяне бросились на них, и их единственным выходом было дать бой, к которому они приготовились всерьез; после чего, видя их решимость, преследователи отступили почти так же быстро, как и наступали. Эта демонстрация дала беглецам время собрать и разложить свою добычу и начать свое путешествие заново. Углубившись в лес, они нашли место для отдыха, где остановились до наступления ночи. Затем они снова отправились в путь в поисках провизии, которой необходимо было запастись перед переправой на южный берег реки, где в тот день не было поселений. Скот разбежался при их приближении; но в конце концов они наткнулись на теленка во дворе фермы, которого поймали, и, воспользовавшись каноэ, пришвартованным в реке, они сели со своей добычей, чтобы переправиться на южный берег. Но, увы! когда на середине потока у них сломалось весло, они оказались в какой-то степени брошенными на милость потока, который, как они прекрасно знали, гнал их вперед, к стремнинам или водопадам Кедров. Над порогами был остров, с края которого в реку упало дерево. К счастью, течение отнесло каноэ на ветви этого дерева, среди которых оно запуталось. Оказавшись в таком затруднительном положении, каноэ перевернулось. Однако, находясь недалеко от берега, мореплаватели добрались до берега, не потеряв теленка. Разведя костер, они приготовили телятину, а на следующее утро, отбуксировав свое каноэ вдоль берега к южной оконечности острова, сумели переправиться на свой берег реки. Затем они углубились прямо в нетронутый лес, простиравшийся от реки Святого Лаврентия до Сакондаги, и после двенадцатидневного путешествия, полного невероятных трудностей, вышли из леса в шести милях от точки, к которой Сэммонс, не имея ни карты, ни компаса, проложил свой курс. Их провизии хватило всего на несколько дней, и единственная последующая пища состояла из кореньев и трав. Все путешествие было совершено почти в обнаженном виде — оба были без панталон. Из-за того, что их шляпы натерлись о ноги, последние три дня они были вынуждены передвигаться босиком. Поэтому задолго до окончания путешествия их ноги были ужасно изранены и распухли. Прибыв в Скенектади, жители были встревожены их диким видом — полуголые, с отросшими бородами и спутанными волосами. Наконец люди собрались вокруг них со странным любопытством; но когда они представились, леди по имени Эллис бросилась сквозь толпу, чтобы схватить Фредерика за руку, и была так сильно тронута его изменившейся внешностью, что потеряла сознание и упала. Гостеприимных беглецов немедленно снабдили всем необходимым из еды и одежды, и юный Сэммонс узнал, что его отец с семьей вернулся в Марблтаун, графство Ольстер, откуда он ранее эмигрировал в Джонстаун.

Необычный, но хорошо засвидетельствованный случай завершает это интересное личное повествование. Семья Сэммонсов-старших уже давно считала Фредерика потерянным. На следующее утро после своего прибытия в Скенектади он отправил письмо своему отцу через офицера, направлявшегося в Филадельфию, который оставил его в доме некоего мистера Леви Де Витта, в пяти милях от резиденции старого джентльмена. В ту же ночь, когда письмо было оставлено таким образом, Якобу приснилось, что его брат Фредерик жив и что у Де Витта находится письмо от него с радостной вестью. Сон повторился дважды, и содержание письма так сильно запечатлелось в его сознании, что на следующее утро он повторил то, что, по его мнению, было тем самым языком, настаивая на том, что такое письмо находилось в указанном

месте. Семья, в частности его отец, смеялись над ним за его доверчивость. Однако, твердо веря в то, что такое сообщение было, он отправился в указанное место и попросил передать письмо. Мистер Де Витт поискал его, но ответил, что ничего не нашел. Джейкоб потребовал более тщательного поиска, и вот, письмо было найдено за бочонком, куда оно упало. Затем Якоб попросил мистера Де Витта вскрыть письмо и изучить, пока он пересказывает его содержание. Он так и сделал, и сновидец повторил это слово в слово! [FN]

Факты, содержащиеся в этом отчете о пленении Фредерика Сэммонса, были взяты из повествования, написанного им самим сразу после его возвращения. Что касается сновидения, которое я счел достаточно интересным, чтобы изложить в тексте, майор Томас Сэммонс, который в то время был дома, неоднократно заверял меня в этом факте в разговорах; а мистер Де Витт, когда был жив, всегда подтверждал, что описанные обстоятельства происходили в его доме. Сам Джейкоб Сэммонс говорит в заключение: "Я пишу это, чтобы удовлетворить ту категорию людей, которые говорят, что сны ничего не открывают". —Автор.

Возвращаясь к этим отступлениям, мы продолжим цепочку исторических событий, которые будут описаны, в их порядке. Сэр Джон Джонсон успешно отступил, как описано выше, и никаких других важных событий в долине Мохок не произошло до 2 августа, когда наводящий ужас Тайенданегеа снова появился среди поселений на реке. Генерал Клинтон приказал полковнику Гансворту 6 июня отправиться со своим полком в форт Планк, чтобы принять на себя ответственность за некоторое количество припасов, предназначенных для форта Шайлер. В своих инструкциях этому офицеру генерал Клинтон ссылаясь на тревожную ситуацию в стране могавков и предписывал самым бдительным образом готовиться к неожиданностям. Запасы, конечно, должны были перевозиться в батто, тщательно охраняемых на всем протяжении. Зная о перемещении этих запасов, Брант наполнил долину слухами о своем намерении захватить их и даже сам форт Шайлер. Чтобы предотвратить и то, и другое, ополчение округа было отправлено вперед для усиления конвоя и восстановления обороны форта. Отвлекая таким образом внимание общественности и отвлекая ополчение от нижней части долины, коварный могавок обошел их с тыла и в вышеупомянутый день внезапно напал на Канаджохари и прилегающие к нему поселения. [FN-1] В разных захваченных кварталах было несколько небольших частоколов, но основное оборонительное сооружение, тогда называвшееся Форт Планк, а впоследствии Форт Плейн, располагалось на возвышенной равнине с видом на долину, недалеко от деревни, сохранившей последнее название крепости. [FN-2] В этом форте был оставлен небольшой гарнизон, но недостаточной силы, чтобы оправдать полевое столкновение с силами Бранта, в то время как последний, не будучи обеспеченным артиллерией, не собирался штурмовать форт.

[FN-1] Анналы округа Трайон.

[FN-2] Чертеж форта Планк, или Форт Плейн, и более подробное описание смотрите в Приложении № I. Для современного инженера его форма должна представлять исключительное зрелище как военного сооружения. Рисунок сохранился как образец фортов и блокгаузов на этой границе во время Революционной войны.

При первом приближении Бранта в Канаджохари, в нескольких милях к востоку от форта, тревога была поднята женщиной, которая с этой целью выстрелила из пушки. Но поскольку, как уже говорилось, здоровые мужчины отсутствовали, вождь не встретил немедленного сопротивления, и, прежде чем из Скенектади и Олбани удалось собрать ополчение, у него было достаточно времени для достижения цели предприятия. Поселения на южном берегу реки на протяжении нескольких миль были полностью опустошены. Все движимое имущество, которое можно было вывезти, было разграблено; но над беззащитными женщинами и детьми не было совершено никаких посягательств, кроме взятия их в плен — обстоятельство, которое было приписано отсутствию тори в этой экспедиции, а также тому факту, что командование не было разделено — Брант был сам единоличным лидером. Как бы то ни было, вождь могавков имеет право воспользоваться этим примером человечности при составлении окончательного суждения о своем характере.

Но мощь главного форта не помешала вождю повести своих воинов прямо в его окрестности, где церковь, находившаяся на расстоянии примерно четверти мили, и дом священника вместе с несколькими другими зданиями были сожжены. Шестнадцать жителей были убиты, от пятидесяти до шестидесяти человек, в основном женщины и дети, взяты в плен, пятьдесят три жилых дома и столько же амбаров были сожжены вместе с хрящевой мельницей, двумя небольшими фортами и красивой церковью. Более трехсот чернокожих коров и лошадей были убиты или угнаны, оружие людей, их рабочие инструменты и орудия земледелия уничтожены, а растущий урожай сметен с полей. [FN-1] Действительно, самый красивый район долины за один день превратился в сцену плача и запустения; и опустошения, учиненные в стране индейцев генералом Салливаном в предыдущем году, частично самым неожиданным образом были воспроизведены самим индейским вождем в сердце страны его захватчиков. [FN-2]

[FN-1] МИСС письмо полковника Клайда губернатору Джорджу Клинтону.

[FN-2] В то же время Брант послал отряд из этой экспедиции против поселения на Норманс—Килл, в непосредственной близости от Олбани, когда им удалось сжечь двадцать домов. - *Маколи.*

Первым предупреждением о вторжении в окрестностях Джонстауна, в пятнадцати милях от Канаджохари, были поднимающиеся столбы дыма от горящих зданий. Люди были заняты уборкой урожая в полях, но они немедленно вышли и, присоединившись к полковнику Уэмплу, который продвигался снизу с ополченцами Скенектади и Олбани, направились к месту пожара. Но их передвижения были недостаточно быстрыми, чтобы арестовать эсминец или перехватить его отступление. Действительно, из достоверных источников известно, что, хотя силы полковника превосходили силы Бранта, первый, тем не менее, ни в коем случае не стремился слишком быстро оказаться в непосредственной близости от индейцев. [FN-1] В ту ночь полковник разместил своих людей в форте. На следующее утро, когда регулярные и иррегулярные войска находились на параде, на некотором расстоянии были обнаружены охваченные огнем здания, которые избежали огня накануне. Внимание полковника Уэмпла было обращено на тот факт, заметил он, что если бы какие-либо добровольцы были расположены отправиться в погоню, они могли бы немедленно выступить майору Бантлину с несколькими бойцами ополчения округа Трайон, которые прибыли тем утром. "Мы поспешили к месту, как только смогли. Враг обнаружил нас и убежал. Это был небольшой отряд, посланный

Брантом, мы преследовали их, но они достигли своих основных сил прежде, чем мы подошли. Однако нам удалось спасти маленькую девочку, которую они взяли и нарисовали". [FN-2]

[FN-1] Майор Томас Сэммонс, который находился на пшеничном поле, когда был замечен дым, и который немедленно отправился к месту действия.

[FN-2] Рукопись майора Сэммонса.

Форты, разрушенные Брантом в Канаджохари, были построены самими жителями, но еще не имели гарнизонов. Жители горько жаловались, что таким образом они были вынуждены оставить свои собственные очаги без защиты, чтобы помочь правительству возобновить сообщение с фортом Шайлер. Но, убедившись, что их городу ничто не угрожает, они подчинились приказу, и их ополчение двинулось маршем в верхнюю часть долины. Результат был достаточно плачевным; в то время как успех его стратагемы добавил еще одно перо к гербу "Великого полководца Шести наций". [FN]

Согласно британскому отчету об этом вторжении, опубликованному в Нью-Йорке 6 сентября, сэр Джон Джонсон участвовал в экспедиции вместе с капитаном Брантом. Но вряд ли это могло быть фактом, и все другие авторитетные источники хранят молчание по этому поводу. В том же отчете утверждалось, что в поселениях Канаджохари было сожжено 67 домов и 48 амбаров; 17 человек убиты и 53 взяты в плен. В то же время было заявлено, что в одном из поселений Шохари были сожжены 87 домов, 7 человек убиты и 31 взят в плен. При убийстве Нормана сгорело 30 домов. Всего сожжено 140 домов и амбаров; 84 человека убиты; 73 взяты в плен.— *Летописец Алмона, часть II.*-1780.

ГЛАВА IV.

Общий ход войны—Замысел против Нью-Йорка—Взгляд на Южные кампании—Измена Арнольда—Казнь Андре—Депутация индейцев к графу де Рошамбо на Род—Айленде—Вторжение сэра Джона Джонсона, Бранта и Плантадора кукурузы в долины Шохари-килл и

Могавк — Внезапный захват верхнего форта — Окружение среднего форта — Поведение Мерфи при стрельбе по флагу — Исключительное продолжение осады — Упорство Мерфи — Флаги обстреляны трижды — Сэр Джон переходит к нижнему форту — После небольшой паузы короткая остановка, снова продвигается к Могавку, уничтожая все на своем пути — Убийство жителей — Вруманы — Героизм женщины — Сэр Джон прибывает в Форт Хантер — Опустошает долину Могавк — Битва при Каменной Аравии и смерть полковника Брауна — Его персонаж — Замечательный анекдот генерала Арнольда — Сэр Джон направляется к Клокс Филд — Преследуется Ван Ренсселером, хотя и с необъяснимой задержкой — Битва при Клокс Филд — Бегство индейцев — Странное отступление Ван Ренсселера — События ночи — Тайный побег зеленых и рейнджеров — Преследование — генерал Ван Ренсселер преждевременно отказывается от него — Захват Брантом капитана Врумана и его роты в окрестностях Онейды — Трогательный инцидент в форте Хантер — Необычная история, касающаяся плантатора кукурузы — Экспедиция майора Карлтона против фортов Энн и Джордж — Переписка на тему заключенных — Дела на Ниагаре — Сидение зимой.

Активные военные действия в течение первых месяцев текущего года, за исключением последовательных вторжений в долину Мохок сэра Джона Джонсона и капитана Бранта во главе лоялистов и индейцев, были в основном ограничены южными штатами. Действительно, в ожидании прибытия другого французского флота с армией под командованием графа де Рошамбо для сухопутной службы главнокомандующий планировал нападение на Нью-Йорк, и с этой целью были приняты различные предварительные меры. Но, чтобы скрыть истинный замысел, весной, после возвращения маркиза де Лафайета из Франции, была предпринята попытка отвлечь внимание британского командующего, внушив уверенность в том, что Канада снова подвергнется вторжению объединенным движением американцев и их союзников. С этой целью были подготовлены прокламации, обращенные к канадскому народу, одна из которых была написана на французском языке и подписана Лафайетом. Эти прокламации были напечатаны в строжайшей тайне, но в то же время с явной целью позволить их копиям попасть в руки врага, чтобы ввести в заблуждение сэра Генри Клинтона. Печатание было доверено Вашингтоном генералу Арнольду; и поскольку эта уловка не увенчалась успехом, последующие события навели на мысль, что изменнические действия этого офицера уже тогда начались. Письмо из Вашингтона Арнольду, касающееся печатания этих прокламаций, было датировано 4 июня. Впоследствии было удовлетворительно установлено, что "в течение нескольких месяцев до этого Арнольд пытался зарекомендовать себя врагу, посылая разведданные о передвижениях и планах американской армии". Различные неблагоприятные обстоятельства привели к срыву плана предполагаемого совместного наступления на Нью-Йорк. Во-первых, хотя Конгресс дал Франции большие обещания эффективного сотрудничества в случае получения помощи с этой стороны, все же отсталость многих штатов в предоставлении своих соответствующих квот людей и продолжающийся дефицит припасов серьезно обескураживали главнокомандующего, и он почти начал отчаиваться в этом предприятии до прибытия своих союзников. Во-вторых, флот шевалье Терне вместе с армией графа де Рошамбо прибыл на несколько недель раньше, чем предполагалось. В-третьих, сэр Генри Клинтон вернулся в Нью-Йорк с юга, и вместо того, чтобы войти прямо в гавань Нью-Йорка, французский адмирал был вынужден зайти в гавань Род-Айленда, где была высажена армия; и прежде чем можно было принять решение о совместном движении оттуда на Нью-Йорк, британский адмирал Грейвс прибыл с Род-Айленда с превосходящими силами, так что "Шевалье Терне" был блокирован. Результатом всех этих событий стал отказ на время от предприятия против Нью-Йорка; и

французская и американская армии были обречены на сравнительное бездействие на севере в течение всего сезона.

[Ф.Н.] Жизнь и переписка Спаркса из Вашингтона, том vii. Приведите несколько писем из Вашингтона к Лафайету, Арнольду и другим за май 1780 года.

Однако на юге все обстоит иначе. Весной, после падения Чарльстона, британские войска под командованием таких способных и деятельных офицеров, как Корнуоллис, Тарлтон, лорд Родон и другие, почти полностью захватили Южные штаты. Первым достижением Тарлтона было уничтожение полковника Бьюфорда с примерно четырьмя сотнями человек у Ваксхоуз. В Южной Каролине, казалось, отказались от всех идей дальнейшего сопротивления, пока не вернулся Самптер и не поднял их дух, доказав на плантации Уильямсона, что захватчики не были непобедимыми. Но в июле, после того как генерал Гейтс принял командование в Южном департаменте, путь к которому открыл храбрый барон Де Калб, тяжелая катастрофа при Камдене, где ополчение, как обычно, обратилось в бегство в начале сражения, снова сделала все мрачным, как и прежде. Барон Де Калб пал в этом бою, покрытый ранами. Сразу за этим поражением последовало внезапное и практически полное уничтожение сил Самптера Тарлтоном при Уотери. Но великолепное сражение у Королевской горы 7 октября, в котором Фергюсон с отрядом из двенадцати или полутора сотен лоялистов и примерно сотни британских регулярных войск был разбит и взят в плен Кэмпбеллом, Шелби и Кливлендом во главе отважных альпинистов Вирджинии и Северной Каролины, при повторном появлении Самптера на поле боя во главе отряда добровольцев, разгромившего майора Уэймиса при Брод-Ривер 12 ноября и отразившего нападение самого Тарлтона при Блэк—стоксе близ реки Тайгер 12 ноября. 20-е число немало способствовало поднятию духа американцев в этом квартале. На севереединственным значительным продвижением противника была экспедиция гессенского генерала Книппхаузена в Нью-Джерси, в ходе которой он сжег тринадцать домов и церковь на Коннектикутских фермах и пятьдесят домов в Спрингфилде. Проведя битву в этом месте, но не добившись победы, он вернулся в Элизабеттаун, а оттуда обратно в Нью-Йорк.

С момента своего ухода из командования в Провиденсе в начале предыдущей зимы генерал Гейтс проживал в своем собственном доме в Вирджинии. 13 июня Конгресс единогласно назначил его принять командование в южном департаменте.—*Спаркс*.

Но величайшим событием лета на севере стал захват британского генерал-адъютанта, майора Андре, в качестве шпиона, и последующее раскрытие измены генерала Арнольда. В "Анналах войны" нет более вопиющего примера предательства, чем то, что Арнольд был храбрым человеком, который в значительной степени пользовался доверием Вашингтона в первые годы войны; и хотя впоследствии произошли события, которые, должно быть, серьезно поколебали веру главнокомандующего в его личную добродетель и честность, все же он не мог питать ни малейших подозрений в его патриотизме или преданности своей стране; вероятно, он не знал о том факте, который появится несколькими страницами раньше, что даже это было поставлено под сомнение во время канадской кампании 1776 года. Но, помимо жажды Арнольда к военной славе, в которой ему, безусловно, нельзя было отказать, его главной страстью была алчность. Во время своей резиденции в Филадельфии, командование которой ему было поручено после

ее эвакуации британскими войсками в 1778 году, он жил в роскоши, совершенно не по средствам. Занявшись в основном каперством и другими спекуляциями, он понес большие убытки; и чтобы пополнить казну, которая была истощена почти безграничной расточительностью, он прибегнул к актам угнетения и низкого бесчестия. Другим способом получить средства для потакания его расточительности было предъявление общественности счетов, настолько огромных, что требовали расследования со стороны Комиссии уполномоченных. Поскольку многие из этих отчетов были отклонены Комиссарами, Арнольд обратился к Конгрессу. Был назначен комитет по повторному рассмотрению, в отчете которого говорилось, что Совет комиссаров уже допустил слишком много. Вскоре после этого он был привлечен к ответственности за свои хищения и другие злоупотребления служебным положением перед Общим военным трибуналом; и он избежал увольнения только благодаря смерти одного свидетеля и необъяснимому отсутствию другого. Тем не менее, его поведение было признано Судом в высшей степени предосудительным, за что он был подвергнут выговору от главнокомандующего. Однако было сильное и очень общее впечатление, что его следовало уволить из армии. Уязвленный за живое этими порицаниями Конгресса, Суда и своего командира — ненавидя этого командира сейчас, если он не делал этого раньше, за благородство его чувств, за возвышенную добродетель и моральную чистоту его жизни - ненавидя его еще сильнее из—за его собственного падения — и побуждаемый к низменной цели, подобно Кавдорскому тану, своей женой, которая была предательницей до него [FN-1] — Арнольд почти довел до конца свое давно замышляемое предательство, [FN-2] когда арест несчастного Андре спас не только цитадель армии, но, вероятно, и дело самой страны.

[FN-1] Хорошо известно, что, узнав об измене Арнольда и его побеге, миссис Арнольд, по-видимому, была глубоко потрясена — рвала на себе волосы и казалась почти обезумевшей. Ее страдания были так велики, что чувства Вашингтона, Гамильтона и других офицеров были сильно взволнованы за нее. Автору давно было известно через доверенных друзей покойного полковника Берра, что миссис Арнольд *лишью играла роль*, когда демонстрировала свое огорчение. Она была дочерью верховного судьи Шиппена из Пенсильвании и вышла замуж за Арнольда в Филадельфии в 1779 году. В течение лета она переписывалась с майором Андре под предлогом приобретения модных изделий и прочего. Ее привычки были экстравагантными и, несомненно, способствовали еще большему вовлечению ее мужа в финансовые затруднения. Получив от генерала Вашингтона паспорт и разрешение присоединиться к своему мужу в Нью-Йорке, миссис Арнольд остановилась по дороге в Парамусе в доме миссис Провост, супруги британского офицера, а затем жены полковника Берра, где она провела одну ночь. Здесь в присутствии посторонних разыгрывались безумные сцены Вест-Пойнта; но как только они остались одни, она успокоилась и заверила миссис Провост, что ее смертельно тошнит от театральности, которую она разыгрывает. Она заявила, что вела переписку с британским командующим - что она испытывала отвращение к американскому делу и тем, кто им руководил; и что, благодаря большим предосторожностям и неослабевающей настойчивости, она в конечном итоге вовлекла генерала в соглашение о сдаче Вест-Пойнта британцам, и т.д., и т.п. Дополнительные подробности по этому вопросу см. в книге Дэвиса "Жизнь Берра", стр. 219, 220. В своем письме от ее имени генералу Вашингтону Арнольд, конечно, полностью оправдал свою жену. Общественное возмездие, по его словам, "должно пасть только на меня. Она добра и невинна, как ангел, и неспособна поступать неправильно".

[FN-2] За восемнадцать месяцев до завершения своей измены генерал Арнольд начал анонимно писать сэру Генри Клинтону и время от времени сообщал ему важные разведданные.—*Искры*.

С очевидным желанием активной службы Арнольд настаивал на переносе судебного разбирательства, чтобы, как он протестовал, ему позволили раньше выйти на поле боя. Но в соответствии, без сомнения, с его договоренностью с сэром Генри Клинтоном его главной заботой было получить командование Вест-Пойнтом. С этой целью он написал генералу Шайлеру, который в то время находился в лагере в качестве члена Комитета Конгресса; и предполагается, что он также переписывался по этому вопросу с Робертом Р. Ливингстоном. Как бы то ни было, мистер Ливингстон обратился к генералу Вашингтону с просьбой предоставить ему эту станцию от имени Арнольда. Заявка была успешной, хотя и не сразу. Первого августа Арнольд был назначен командующим левым крылом армии. Однако, жалуясь на то, что его раны все еще были слишком болезненными, чтобы позволить ему эффективно действовать в полевых условиях, 3 числа того же месяца ему было приказано вернуться в Вест-Пойнт и принять командование постом. [FN]

Письмо Вашингтона генералу Арнольду, 3 августа 1790 г. Смотрите также примечание Sparks к тому же самому и другим предшествующим письмам.

Было бы чуждо основному замыслу настоящей работы повторять историю этого памятного случая самого черного предательства. Достаточно сказать, что после ареста поведение Андре характеризовалось прямоотой, мужественностью и честью. Он был судим коллегией должностных лиц и признан виновным на основании его собственных чистосердечных признаний, без показаний единственного свидетеля. Его главной целью, после того как он увидел, что его судьба неизбежна, было снять с себя упреки в том, что он был виновен в каком-либо акте личного бесчестия; и показать, что на самом деле он был вынужден принять маскировку, в которой его принял сам Арнольд. И когда он ценой своей жизни искупил свою ошибку, почти повсеместно возникло ощущение, что железная рука военного закона обрушилась не на того человека. Ибо, хотя в отношении самого Андре было, несомненно, справедливо, при данных обстоятельствах дела, что правосудие должно быть неумолимым; все же человечество не может не оплакивать тяжелую судьбу жертвы, в то время как оно удивляется, что непостижимое Провидение не распорядилось событиями так, чтобы привести Арнольда к виселице, на которой юный незнакомец так благородно погиб. "Возможно, никогда еще человек не переносил смерть с большей справедливостью и не заслуживал ее с меньшей", - таково было замечание доблестного солдата, который сопровождал его во время заключения; и описание его характера, написанное этим офицером, и его поведения во время мучительных сцен между его арестом и казнью, нельзя читать без волнующих эмоций высокого восхищения и глубокого сожаления. Счастливой, однако, была его судьба по сравнению с судьбой архипреступника, чья моральная проказа, подобно очагу чумы, заставляла всю жизнь избегать его всеми честными людьми — объект отвращения и презрения, чтобы заполнить — никем не замеченную — бесчестную могилу!

[FN] Упомянутый документ представляет собой письмо, опубликованное в "Пенсильванской газете" от 25 октября 1790 года, написанное, как и предполагалось, Александром Гамильтоном, в то время помощником главнокомандующего. Либо в библиотеке, либо в картинной галерее Йельского колледжа в Нью-Хейвене есть портрет майора Андре, набросанный им самим на бумаге незадолго до казни.

Возвращаясь, опять же, к отношениям с индейцами Севера, первое событие, на которое следует обратить внимание, - это визит нескольких индейцев онейда, тускарора и когнавага во французскую армию на Род-Айленде. Индейцы каунавага, проживавшие на порогах Лашин близ Монреаля, были полностью в интересах Франции вплоть до завоевания Канады британцами и провинциальными войсками; и предполагалось, что древняя привязанность других ветвей Шести наций к французам не была полностью утрачена. Также вспоминалось, что "когда г-н де Водрей сдал Канаду англичанам, он подарил индейцам в знак признания золотое распятие и часы; и предполагалось, что возобновление впечатлений, которые в какой-то степени сохранились у них благодаря этим эмблемам дружбы, могло бы привести к освобождению их от влияния англичан и укреплению их союза с американцами и французами".

[FN-1] Британские офицеры опасались, что может пробудиться влияние, враждебное делу короля. среди индейцев союз французов с американцами стал весьма вероятным из-за усилий, предпринятых первыми, чтобы внушить им веру в то, что такого союза не было. [FN-2]

Следовательно, генерал Шайлер, который в то время находился в Олбани, считал целесообразным отправить делегацию индейцев на Род-Айленд, где убедительность этого факта могла быть подкреплена существенными доказательствами флота и армии. [FN-3] Соответственно, тринадцать онейд и тускарора и пять каунаваг были отправлены в Род-Айленд под руководством переводчика мистера Дина. Они прибыли в Ньюпорт 29 августа и были встречены французским командованием с выдающимися знаками внимания. "Для них были подготовлены развлечения и военные представления, и они выразили большое удовлетворение тем, что увидели и услышали. Среди них были розданы подходящие подарки, а вождям были вручены медали, изображающие коронацию французского короля. Когда они уходили, им было вручено письменное обращение, или, скорее, своего рода прокламация, подписанная графом Рошамбо, копии которой должны были быть распространены среди дружественных индейцев". Это было написано следующими словами:—

[FN-1] искры.

[FN-2] Письмо из Вашингтона графу де Рошамбо.

[FN-3] Idem.

"Король Франции, ваш отец, не забыл своих детей. В знак памяти я преподнес подарки вашим заместителям от его имени. Он с беспокойством узнал, что многие страны, обманутые англичанами, которые были его врагами, напали на его хороших и верных союзников, Соединенные Штаты, и подняли топор войны против них. Он просил меня передать вам, что он твердый и верный друг для всех друзей Америки и решительный враг для всех ее врагов. Он надеется, что все его дети, которых он искренне любит, примут участие вместе со своим отцом в этой войне против англичан".

Поскольку Коунаваги были лучше знакомы с французским, чем с английским языком, обращение было написано на обоих языках, подписано и скреплено печатью по надлежащей форме. [FN] Сомнительно, однако, было ли от этого движения что-то хорошее или плохое. Онейды и тускарора уже были достаточно верны в своем союзе с американцами. Каунавага и раньше заигрывали с американцами по-дружески, но это ни к чему не привело. А что касается других, более серьезных разногласий между Шестью нациями, то их враждебность, как вскоре станет ясно, не уменьшилась.

Примечание Спаркса из "Жизни и переписке Вашингтона", а также цитируемое им письмо графа де Рошамбо.

Но даже сейчас жажда мести со стороны дикарей не была удовлетворена. Пострадав от разрушений, нанесенных экспедицией Салливана, ни вторжение сэра Джона Джонсона в Джонстаун и Каунавагу, ни вторжение и разрушение Канаджохари Тайенданегеей не были сочтены ими достаточным ответным визитом. Поэтому была спланирована и осуществлена другая, еще более масштабная экспедиция, как по численности, так и по цели, которую предстояло выполнить, под руководством сэра Джона Джонсона, Джозефа Бранта и знаменитого воина Сенеки, *Плантатора кукурузы*. [FN-1] Этот последний вождь был полукровкой, его отцом был белый человек, живущий в стране могавков, по имени Джон О'Бейл. [FN-2]

[FN-1] Это первый случай, когда имя этого вождя, впоследствии прославленное в наших индийских летописях, встречается в истории революции, хотя он сражался со своим племенем против генерала Салливана. Есть некоторые сомнения относительно орфографии его родительского имени. Оно было написано Эйбил, О'Бил и О'Бейл. Последнее - имя Мэри Джемисон. В течение значительного периода он был соперником красноречивого Бодрствующего Хранителя Красной Куртки, который в конечном итоге уничтожил его влияние и вытеснил его самого.

[FN-2] Мэри Джемисон.

Индийская часть этой экспедиции была собрана в основном на мысе Тиога, откуда они поднялись по реке Саскуэханна до Унадиллы, где произошло соединение с сэром Джоном Джонсоном, силы которого состояли, помимо могавков, из трех рот его собственного полка зеленых; одной роты немецких егерей; отряда из двухсот человек из рейнджеров Батлера; [FN-1] и одной роты британских регулярных войск под непосредственным командованием капитана Ричарда Дункана, сына богатого джентльмена, проживавшего до войны по соседству со Скенектади. [FN-2] Войска сэра Джона были собраны в Лачине, недалеко от Монреаля, откуда они поднялись по реке Святого Лаврентия к озеру Онтарио и Освего. С этого момента они пересекли страну до Саскуэханны, где к ним присоединились индейцы и тори из Тиоги. У сэра Джона были с собой две маленькие мортиры и медная трехфунтовая пушка, получившая название "кузнечик" из-за того, что она была установлена на железных ножках вместо колес. Эти боеприпасы перевозились через лес на вьючных лошадях. Каждому солдату и каждому индейцу было выдано восемьдесят патронов. [FN-3]

[FN-1] РУКОПИСЬ майора Томаса Сэммонса.

[FN-2] Джайлс Ф. Йейтс, эсквайр

[FN-3] Майор Сэммонс.

Никогда еще индейцы так яростно не жаждали мести, как в это время, и они вышли на тропу войны с решимостью, что ничто не должно помешать их походу или грабежам. [FN] Их численность по разным оценкам составляет от восьмисот до полутора тысяч пятидесяти человек, включая все описания войск. Последняя оценка, вероятно, наиболее близка к истине, судя по результатам кампании.

Мэри Джемисон, которая, кажется, присутствовала на собрании.

Их путь лежал по старому маршруту, вдоль реки Шарлотт (иногда называемой восточным ответвлением Саскуэханны) к ее истоку, а оттуда через реку Шохари-килл, с целью проведения тщательной работы по разрушению непрерывной цепи поселений через эту прекрасную долину до ее слияния с рекой Мохок. Враг планировал держать движение в глубокой тайне, пока не объявит о своем фактическом присутствии. Двое из онейд, находившихся у них на службе, дезертировав, расстроили этот план, сообщив о своем приближении к поселениям. [FN] Невозможно сказать, то ли от усталости от постоянных тревог, то ли от незнания или сомнений относительно того, с какой стороны должен был быть нанесен удар, то ли от преступной халатности; но несомненно, что внезапность была столь же полной, поскольку успех кампании дискредитировал тех, кто ее не предотвратил.

Письмо генерала Холдиманда лорду Джорджу Джермену.

План сэра Джона и капитана Бранта состоял в том, чтобы войти в долину ночью, пройти, по возможности, верхний форт незамеченными, а затем, бесшумно уничтожив стоящие на пути поселения, ранним утром атаковать средний форт в Миддлберге. В этом форте находился гарнизон примерно из ста пятидесяти военнослужащих штата, называемых "люди трех месяцев", не считая примерно пятидесяти ополченцев - все под командованием майора Вулси, [FN-1] который, судя по всему, был неэффективным офицером, а некоторыми авторами был представлен как самый жалкий из трусов. [FN-2] План незаметного прохождения верхнего форта был частично успешным; приближение противника к средней крепости не было обнаружено до самого рассвета, утром 16 октября, когда часовой по имени Филип Графт, стоявший на парапете глинобитной стены, обнаружил пожар, разгорающийся в каких-то зданиях на расстоянии не более четверти мили. Подозвав сержанта гвардии, он сообщил о находке через него командиру. Барабаны немедленно ударили к оружию, и майор Вулси приказал сорока добровольцам совершить вылазку и выяснить причину тревоги. Каждый дежурный немедленно откликнулся на приглашение, после чего справа было отсчитано пополнение и отправлено во главе с лейтенантом Спенсером. Маленький отряд с готовностью двинулся в направлении горящих зданий, пока внезапно не столкнулся с наступающим

противником. Был произведен обмен тремя выстрелами, после чего Спенсер отступил и привел свой отряд обратно в форт, не потеряв ни одного человека. [FN-3] В этот момент согласованный сигнал трех орудий с верхнего форта донесся из горного ущелья, откуда было очевидно, что враг миновал эту крепость, не тронув ее. Однако надлежащая степень бдительности, несомненно, должна была позволить часовым этого гарнизона наблюдать за продвижением армии вторжения, вместо того чтобы просто мельком видеть ее тыл. В тот момент, когда враг, таким образом, был обнаружен спереди и с тыла, и скрыть его приближение стало уже невозможно, факел был без разбора подожжен к тем домам и амбарам, которые попадались ему на пути. Сезон был обильным, богатые аллювиальные отложения Шохари-килл дали в том году необычайно обильный урожай. Таким образом, в амбарах хорошо хранились ранние зерна, в то время как поля все еще были сильно завалены осенними посевами. Но фермеры по соседству или те, кто для большей безопасности укрылся в маленьком подобии крепости, выглянули на рассвете и увидели объятые пламенем продукты своего труда.

[FN-1] Г-жа заявление Филипа Графта, имеющееся у автора.

[FN-2] "Присутствие духа покинуло Вулси в час опасности. Сначала он прятался с женщинами и детьми в доме, а когда его выгнали насмешки его новых товарищей, он пополз вокруг укреплений на четвереньках под насмешки и браваду ополченцев, которые почувствовали, как к ним возвращается мужество, когда их смех вызвала трусость их майора". — *"Анналы Кэмпбелла"*.

[FN-3] Г-жа заявление Филипа Графта.

Вскоре после восхода солнца прибыли основные силы противника, и форт был полностью обложен. Колонна войск с ранее упомянутыми частями легкой артиллерии обогнула северо-восточную сторону форта и установила свои орудия на возвышенности, господствующей над американо-американскими укреплениями. Теперь к гарнизону был отправлен офицер с флагом, и с того момента, как его увидели, был отдан приказ прекратить огонь. Все было тихо, пока он не приблизился на расстояние ружейного выстрела, когда старый знакомый читателя, Мерфи, недавно служивший в стрелковом корпусе Моргана, но теперь воюющий под свою ответственность, выразил решимость застрелить офицера, который нес знамя. Офицеры регулярных войск немедленно приказали ему воздержаться. Но иррегулярные ополченцы поощряли его упорствовать в своей мятежной решимости. Он так и сделал, но на этот раз его винтовка оказалась неверной, и флаг-офицер немедленно развернулся и удалился в свои ряды.

Вслед за этим сэр Джон открыл огонь из своей артиллерии по форту, в то время как индейцы и рейнджеры вели оживленный ружейный огонь - и то, и другое без особого эффекта. Полевые орудия противника, вероятно, были слишком малого калибра для такого расстояния, и снаряды по большей части были брошены так неумело, что либо не долетали, либо перелетали через укрепления, либо взрывались в воздухе. Однако два снаряда упали на крышу дома на территории форта, один из которых упал в комнату, занимаемую двумя больными женщинами. Он погрузился в пуховую перину и взорвался, но не причинил дальнейших повреждений. Огонь был передан на крышу здания другим снарядом и был потушен единственным ведром воды, принесенным наверх и примененным Филипом Графтом. К сожалению, гарнизон не смог достойно ответить на огонь из-за нехватки пороха. У регулярных войск было всего по несколько

патронов у каждого, и ополчение было обеспечено в этом отношении немногим лучше. Накануне в Олбани были отправлены гонцы за боеприпасами, а также за значительным подкреплением; но ни то, ни другое еще не было получено, так что форт был плохо подготовлен к длительному или эффективному сопротивлению. Но об этой нищете противник, конечно, не знал; и стрельба в своего флагманского офицера могла быть истолкована сэром Джоном как свидетельство решимости не выдвигать никаких условий. Следовательно, ожидая отчаянного сопротивления, баронет, исходя из этого обстоятельства, мог действовать с большей осторожностью.

Это была действительно необычная осада. Враг, распространившийся по всей небольшой равнине, был занят слабыми атаками на форт, а теперь рассеивался небольшими отрядами, чтобы разграбить еще один фермерский дом и сжечь еще один стог кукурузы. Недалеко от форта находился один большой амбар, вокруг которого стояли кругом стога пшеницы. Противник несколько раз пытался обстрелять их, но вместо этого... Спенсер совершил вылазку со своим маленьким отрядом из сорока человек и так доблестно защищал собственность, что враг неохотно отказался от своего замысла в этом пункте. В этой вылазке Спенсер подвергся ожесточенному обстрелу, но потерял только одного из своих людей.

В течение полудня сэр Джон отправил в сторону форта еще один флаг, который Мерфи снова решил сбить, как только офицер окажется в пределах досягаемости его верной винтовки. Майор Вулси и офицеры вмешались, но ополчение снова сплотилось вокруг Мерфи; и хотя один из офицеров обнажил саблю и пригрозил проткнуть обидчика насквозь, если тот будет упорствовать, все же стрелок хладнокровно ответил, что он не доверяет командиру, который, по его мнению, намеревался сдать форт; что, если его возьмут, он хорошо знает, какова будет его собственная судьба, и живым его не возьмут. Поэтому, когда флаг приблизился, он выстрелил еще раз, но, к счастью, безрезультатно; и флагманский офицер снова вернулся в штаб-квартиру сэра Джона. [FN-1] Когда офицеры регулярных войск выразили протест против такого варварского нарушения обычаев честной войны, солдаты ополчения ответили, что они имеют дело с врагом, который не обращает внимания на такие обычаи; и, как бы строго они ни соблюдали правила войны и этикет сами, осаждающие будут последними людьми, которые проявят соответствующее поведение в случае своего успеха. Вопли разграбленных и убитых семей за пределами форта и столбы дыма и пламени, поднимавшиеся затем к небесам, служили достаточным свидетельством истинности их положения. "Дикари и их спутники, тори, еще более дикие, чем они, не проявляли никакого уважения к возрасту, полу или положению; и не без силы был повторен вопрос: обязаны ли мы проявлять снисходительность, совершенно не встречающую ответа со стороны врага? Кроме того, - было добавлено, - давайте покажем, что мы не будем ни брать, ни сдавать покой; и враг, обнаружив наше отчаяние, скорее всего, отступит". [FN-2]

[FN-1] Заявление Филипа Графта.

[FN-2] Шестидесятилетний возраст.

Беспорядочная битва снова возобновилась — небольшие отряды гарнизона время от времени искали возможности совершить вылазку и причинить врагу как можно больше вреда, снова отступая за ворота, когда их могло сломить численное превосходство. Сэр Джон, поняв,

наконец, что ни выстрелы, ни снаряды не производят никакого впечатления на гарнизон, сформировал свои дисциплинированные войска под прикрытием небольшого здания, расположенного по соседству с фортом, и приготовился к попытке взять его штурмом. Флаг снова приблизился, и Мерфи поднял винтовку, чтобы выстрелить в него в третий раз. Ему, как и прежде, было сделано предупреждение воздержаться, и была предпринята попытка арестовать его. Но он был всеобщим любимцем, и солдаты не допустили бы этой процедуры. Затем на форте было приказано поднять белый флаг, но Мерфи пригрозил немедленной смертью любому, кто подчинится этому приказу; и поскольку вражеский флаг продолжал приближаться, он снова готовил свое орудие, когда снова вмешался офицер. Капитан Регтмейер из ополчения, стоявший рядом с Мерфи, отдал ему приказ стрелять. Офицер с Континента продемонстрировал это Регтмейеру, попытавшись обнажить саблю; но немедленно отказался, когда тот ударил дубинкой по своей фузее и сделал впечатляющее движение казенной частью, значение которого нельзя было понять превратно; после чего майор отступил назад, и на этом дело закончилось. [FN-1] Офицер, несущий флаг, был таким образом отброшен в третий раз, и сэр Джон созвал военный совет, и после краткого совещания снял осаду и продолжил свой вандальский марш вниз по долине. Причина столь поспешной смены цели так и осталась неизвестной. Некоторые утверждали, что мнимый лоялист дал баронету преувеличенный отчет о силе гарнизона и его средствах сопротивления. [FN-2] Другие говорили, что слухи о приближающемся подкреплении побудили его поспешить вперед, чтобы его запланированный марш опустошения не был прерван. Но вполне вероятно, что неоднократные нарушения флага создали впечатление, что такой неукротимый гарнизон, возможно, неразумно вступать в бой сталь к стали и врукопашную с противниками, на которых нельзя с большой уверенностью полагаться в подобных чрезвычайных ситуациях.

[FN-1] {неразборчивое слово—Idem.??}

[FN-2] Кэмпбелл.

Захватчики быстрым маршем двинулись в направлении форта Хантер, расположенного у слияния реки Шохари-килл с рекой Мохок, в ходе которого они уничтожили постройки и продукты любого сельскохозяйственного назначения. [FN-1] Прибыв в окрестности Нижнего форта в Олд Шохари, сэр Джон разделил свои силы — регулярные войска продолжили движение по берегу ручья слева от форта, в то время как индейцы обогнули луга на расстоянии полумили справа. Достигнув таким образом северной стороны форта, они ненадолго остановились, и несколько выстрелов были обменены. Несколько метких стрелков были размещены на башне церкви, и враг направил на нее одно из своих полевых орудий. Прогредел всего один выстрел, который застрял в карнизе, и картечь из форта отбросила захватчиков назад, [FN-2] после чего их марш возобновился и продолжился до форта Хантер; к этому месту они прибыли ночью без перерыва. В их ходе вся долина была превращена в руины. Дома и амбары были сожжены, лошади и крупный рогатый скот убиты или уведены; а те из жителей, кто не был в безопасности за стенами своих маленьких укреплений, были либо убиты, либо уведены в плен. Ни одно здание, известное индийцам и тори как принадлежащее вигам, не было спасено. Сэр Джон приказал своим войскам пощадить церковь в верхнем форте, но его приказ был нарушен, и строение превратилось в пепелище. Дома лоялистов прошли беспрепятственно; но, раздраженные разрушением их собственных жилищ, виги вскоре

добились того, чтобы их причислили к общему списку. [FN-3] Так была опустошена вся долина Шохари-килл.

[FN-1] Уничтожение зерна было настолько велико, что грозило самыми тревожными последствиями в отношении формирования журналов для государственной службы на Севере. Если бы не это событие, одно только поселение Шохари поставило бы восемьдесят тысяч бушелей зерна. —*Письмо Вашингтона президенту Конгресса, 7 ноября 1780 г.*

[FN-2] Анналы Кэмпбелла.

[FN-3] Индейцы сохранили один дом из соображений, что он ранее был занят по одному из их договоров.

Потери американцев в фортах были очень незначительными. Только двое были убиты и один ранен в среднем форте, и ни одного в нижнем. Но число незащищенных жителей — по некоторым данным, до ста — было убито. Более того, в течение дня произошли отдельные происшествия, которые заслуживают особого упоминания. Случилось так, что ранним утром Джон Вруман и двое его соседей отправились на разведку в лес, примерно в восьми милях от форта, когда они обнаружили индейца. Вруман выстрелил, и индеец упал. В то же мгновение в кустах был обнаружен другой индеец, которого также сбил с ног один из спутников Врумана. Теперь был виден третий дикарь; но поскольку третий товарищ Врумана колебался, стрелять ли, Вруман сам выхватил у него винтовку и повалил на землю и этого воина. В то же мгновение — ибо все это было делом одного мгновения — с земли поднялась группа индейцев и тори, которые набросились на них с ужасными воплями. Вруман и его спутники разбежались в разные стороны на предельной скорости, и им удалось спастись благодаря ветру и низу, а также зигзагообразному полету. Был полдень, когда первый добрался до своего дома — только для того, чтобы увидеть свой дом в огне. Его жена и ее мать были взяты в плен индейцем по имени Сет Хендрик, который ранее проживал в Шохари; но они были освобождены и отправлены обратно на следующий день капитаном Брантом вместе с письмом, написанным на бересте, в котором объяснялись причины, по которым он разрешил им вернуться. [FN]

[FN] Шестидесятилетие. Вруманы были большой семьей в поселениях Шохари и тяжело страдали. В предпоследней главе были отмечены похвальбы Бекрафта, который убил целую семью с таким именем. Во время нынешней экспедиции, среди прочих, были убиты следующие лица, а именно: —Тунис Вруман, его жена и сын; в то же время Эфраим Вруман и двое его сыновей, Бартоломью и Джеймс, Джон Вруман, Мартин Вруман, Бартоломью Вруман— младший, Саймон Вруман, его жена и сын Джейкоб, были взяты в плен и перевезены в Канаду. - *Джэйлс Ф. Йейтс.*

В тот день один из фермеров, занятый со своими мальчиками разгрузкой фургона с зерном в амбаре, услышав крик, огляделся и увидел группу индейцев и тори между ним и домом. "Враг, мои мальчики!" - воскликнул отец и прыгнул с фургона, но при попытке перепрыгнуть через забор пуля из винтовки сразила его насмерть. Крик исходил от его жены, которая, выйдя из сада, обнаружила дикарей и закричала, чтобы поднять тревогу. Она была сражена томагавком. Ее пятилетний маленький сын, игравший около фургона, подбежал к своей матери в агонии

горя, когда она лежала, вся в крови, и ее ударили по голове, и оставили мертвой рядом с его родителями. Двух других мальчиков увезли в Канаду, и они вернулись только после войны. [FN]

Шестидесятилетний. "Сам Эфраим Вруман был увлечен Сетом Хендриком, который, кстати, относился к нему с большой добротой. В непосредственной близости от Сета находились еще два или три индейца. Они, прежде чем прибыли к месту назначения, устали от своего пленника и предложили расправиться с ним. Мистер Вруман подслушал разговор, который велся шепотом, и пересказал его Хендрику. Хендрик заверил его в самой положительной манере, что "ни один волос не упадет с его головы", и сделал его товарищам строгий выговор за их неблагородный заговор. После окончания революционного противостояния Хендрик нанес визит мистеру Вруману и извинился за свое поведение во время войны на сильном метафорическом языке своей нации. Томагавк, сказал он, используется только на войне; в мирное время его прячут — он срубает крепкий дуб так же, как нежную виноградную лозу; но я (кладя руку на плечо мистера Ви) Я спас дуб". — *Джайлс Ф. Йейтс*.

Семье Эфраима Врумана также особенно не повезло. Он работал в поле, когда впервые обнаружил приближающийся отряд противника. Он со всех ног бросился к своему дому, чтобы раздобыть оружие и как можно дороже продать свою жизнь. Но при перелезании через забор его схватили и взяли в плен. Его жена, пытавшаяся спастись бегством, была застрелена у него на глазах. Когда она падала, ее маленькая дочь в возрасте одиннадцати лет подбежала и бросилась на землю рядом со своей умирающей матерью, словно ища у нее защиты, когда подошел индеец и усугубил агонию отца и преступления того дня, размолив ей голову камнем. [FN]

Шестидесятилетний возраст.

В среднем форте жил пожилой человек, совершивший смелый подвиг. Он был владельцем мельницы примерно в двух милях отсюда, на которой провел ночь его сын. Зная, что один или несколько вражеских грабительских отрядов наверняка посетят мельницу, в тот момент, когда утром отряд лейтенанта Спенсера столкнулся с авангардом сэра Джона, старик сделал вылазку и поспешил на помощь своему сыну. Сев каждый на лошадь, чтобы вернуться в форт, они обнаружили, что по их прибытии он уже захвачен врагом. Однако, ничуть не обескураженные, они на полной скорости пронеслись в сотне ярдов от врага, ворвались в тыл форта и были приняты в целостности и сохранности. [FN]

Шестидесятилетний возраст.

В форте произошел еще один инцидент, который выгодно отличается от поведения командующего майора. Говорят, что женщины в крепости проявили героизм, достойный похвалы. Будучи хорошо обеспеченными оружием, они были полны решимости использовать его в случае попытки взять объекты штурмом. Одна из них, интересная молодая женщина, чье имя до сих пор живет в легендах среди ее родных гор, заметив, как ей показалось, признаки страха у солдата, которому было приказано пойти за водой к колодцу, находящемуся в пределах

досягаемости вражеского огня, выхватила ведро у него из рук и побежала за ним сама. Не меняя цвета лица и не выказывая ни малейшего признака страха, она черпала и подносила ведро за ведром изнывающим от жажды солдатам и, по счастливой случайности, осталась невредимой. [FN]

[FN] То же самое.

17-го числа сэр Джон оставался в окрестностях форта Хантер, продолжая разрушительную работу во всех возможных направлениях. Вечером того же дня капитан Дункан переправился через реку с тремя отрядами зеленых и несколькими индейцами. Утром 18-го все, что осталось от Коунаваги во время вторжения сэра Джона предыдущей весной, и все, что было отстроено заново, было безжалостно уничтожено огнем. Затем сэр Джон и основная часть его войск начали одновременный и крайне опустошительный марш вверх по реке на южном берегу реки, а дивизия капитана Дункана - на северном. Как и в Шохари, марш обоих сопровождался полным опустошением. Грабежи были в порядке вещей, и оба берега Мохока были охвачены пожаром всего горючего; в то время как охваченные паникой жители спаслись от резни или плена только бегством — они не знали, куда бежать. [FN-1] Среди пострадавших выделялся майор Джеллс Фонда, верный и доверенный офицер при отце сэра Джона; но который, повернувшись спиной к королевскому делу, был выделен как особый и знаменательный знак мести. Его особняк в "Носе" в городке Палатин был разрушен вместе с имуществом на сумму в шестьдесят тысяч долларов. Сам майор отсутствовал. [FN-2] Его жена сбежала под покровом густого тумана и проделала пешком двадцать шесть миль до Скенектади. [FN-3] Сэр Джон разбил лагерь со своими войсками в ночь на 18-е число почти напротив, или, скорее, над Носом. На следующее утро он переправился через реку на север, к Кедерз-Риф. Большая часть пестрой армии продолжила свое продвижение прямо вверх по реке, как и прежде, опустошая местность. Однако отряд из ста пятидесяти человек был направлен из Кедерз-Риф против небольшого частотола под названием Форт Париж в Каменной Аравии, примерно в двух-трех милях от реки, к северу от Палатина. Но, пройдя около двух миль, основные силы также повернули направо, чтобы помочь в атаке на форт. Разрушительная работа продолжалась и в этом направлении, как и в других местах.

[FN-1] РУКОПИСЬ майора Томаса Сэммонса.

[FN-2] В Сенате штата, законодательный орган которого в то время заседал в Покипси.

[FN-3] Антикварные исследования Джайлза Ф. Йейтса.

Только что упомянутым небольшим фортом в то время командовал полковник Браун с гарнизоном в сто тридцать человек. Несчастный случай вынудил его оставить свою оборону и привел к его замешательству и падению. Обстоятельства были таковы: в тот момент, когда весть о том, что сэр Джон ворвался в поселения Шохари, достигла Олбани, генерал Роберт Ван Ренсселер из Клаверака во главе ополчения Клаверака, Олбани и Скенектади форсированным маршем двинулся ему навстречу в сопровождении губернатора Клинтона. Прибыв в Коунавагу 18-го и аналогичным образом убедившись, что форт Пэрис будет атакован утром 19-го, Ван Ренсселер отдал приказ полковнику Брауну выступить вперед и остановить продвижение

противника, в то же время он был готов ударить ему в тыл. Браун, точно в назначенный час, совершил вылазку и дал сэру Джону сражение недалеко от места бывшего укрепления, называемого Форт Кейзер. Но наступление генерала Ван Ренсселера было остановлено, так что никакой диверсии в пользу Брауна предпринято не было; а его силы были слишком слабы, чтобы противостоять врагу или даже остановить его продвижение. Полковник Браун доблестно пал во главе своего маленького подразделения, из которого также погибло от сорока до сорока пяти человек. Остальные его войска обратились в бегство.

Полковник Браун, павший при этом, был солдатом большого мужества и высоких моральных качеств. Он рано поступил на службу и участвовал в памятной и в конечном итоге катастрофической кампании в Канаде. Пока американская армия находилась в Сореле, он обнаружил, или думал, что обнаружил, замысел генерала Арнольда сыграть роль предателя. Арнольд собирался совершить таинственное ночное перемещение флотилии легких судов, принадлежащих американцам, затем с армией на "Святом Лаврентии", которому полковник Истон, заподозрив неладное, помешал — но только после того, как он приказал направить на суда две или три артиллерийские установки, угрожая открыть по ним огонь, если они продолжат движение. Истон и Браун были убеждены, что целью Арнольда было сбежать с флотилией и продаться сэру Гаю Карлтону.

После завершения канадской кампании, зимой 1776-77 годов, когда Арнольд и многие офицеры были расквартированы в Олбани, между Брауном и первым возникли некоторые трудности, что привело к неприязни между ними. Арнольд возглавлял группу из шестнадцати или восемнадцати офицеров, среди которых был полковник Морган Льюис. Полковник Браун, у которого было слабое зрение и который был вынужден вести воздержанный образ жизни, занимал помещения, дающие большую пенсию. Вследствие упомянутого недоразумения полковник Браун опубликовал рукопожатие, в котором с большой суровостью атаковал Арнольда; описывал подозрительные обстоятельства, имевшие место в Сореле; и упрекал его в разграблении Монреаля, когда он занимал это место. Рекламный плакат заканчивался такими замечательными словами: "Деньги — БОГ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА, и, чтобы получить их достаточно, он ПОЖЕРТВОВАЛ БЫ СВОЕЙ СТРАНОЙ".

Такая публикация не могла не произвести большой сенсации среди офицеров. Оно было получено в квартире Арнольда, когда вся каюта ужинала, и зачитано вслух за столом — сам обвиняемый сидел во главе. Арнольд, конечно, был сильно взволнован и осыпал полковника Брауна разнообразными эпитетами, грубыми и колкостями, объявив его негодяем и заявив, что он надерет ему пинка, где бы и когда бы ни встретился. Один из присутствовавших офицеров заметил генералу, что полковник Браун был его другом; и что, поскольку замечания, только что высказанные в его адрес, были сделаны столь публично, он полагает, что не может быть возражений против того, чтобы он повторил их этому офицеру. Арнольд ответил, что, конечно, нет; добавив, что он чувствовал бы себя обязанным любому офицеру, который проинформирует полковника Брауна о том, что было сказано. Офицер ответил, что он должен сделать это перед сном.

При таких обстоятельствах не теряя времени, они передали сообщение полковнику Брауну. Полковник Льюис сам посетил Брауна в течение вечера, и этот вопрос стал главной темой разговора. Полковник был мягким и дружелюбным человеком, и он не сделал ни одного резкого или ожесточенного замечания в адрес Арнольда; но ближе к концу беседы он заметил — "Что ж,

Льюис, я бы хотел, чтобы ты пригласил меня пообедать с твоей компанией завтра". "От всего сердца", - последовал ответ. "Ты придешь?" Браун сказал, что придет, и они расстались. На следующий день, незадолго до подачи ужина, прибыл полковник Браун, и его провели внутрь. Стол был накрыт в длинной комнате, в одном конце которой находилась дверь, расположенная прямо напротив камина в другом. Арнольд в этот момент стоял спиной к камину, так что, когда Браун открыл дверь, они сразу же столкнулись лицом к лицу. Это был момент затаенного интереса к результату. Браун спокойно вошел и, повернувшись, чтобы не задеть стол, неторопливым шагом обошел его и, подойдя вплотную к Арнольду, остановился и посмотрел ему прямо в глаза. После минутной паузы он заметил: "Я понимаю, сэр, что вы сказали, что ударите меня; ТЕПЕРЬ Я ПРЕДСТАВЛЯЮСЬ, ЧТОБЫ ДАТЬ ВАМ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИВЕСТИ ВАШУ УГРОЗУ В ИСПОЛНЕНИЕ!" Последовала еще одна короткая пауза. Арнольд не разжимал губ. Затем Браун сказал ему: "Сэр, вы грязный негодяй". Арнольд по-прежнему молчал, как сфинкс. После чего Браун с достоинством повернулся на каблуках, извинился перед присутствующими джентльменами за свое вторжение и немедленно покинул комнату.

Это, безусловно, была экстраординарная сцена, и еще более экстраординарным является тот факт, что подробности никогда каким-либо образом не доводились до сведения общественности. Арнольд, безусловно, не испытывал недостатка в личной храбрости; и нерушимое молчание, сохраненное им по этому поводу, можно объяснить только предположением, что он боялся спровоцировать расспросы по этому поводу, в то время как в то же время он мог сослаться на свою хорошо зарекомендовавшую себя храбрость и свое звание в качестве оправдания того, что не опустился до полемики с подчиненным офицером. Но это все равно следует рассматривать как одно из самых необычных личных интервью, которые можно найти среди памятных вещей военнослужащих. [FN]

Подробности этой интересной истории были почерпнуты автором из уст самого генерала Льюиса.

В следующем году, во время кампании при Бургойне, из-за интриг Арнольда Браун остался без какого-либо командования. Но он был слишком большим патриотом, чтобы бездействовать в такой момент, когда его страна была в опасности. Он собрал корпус добровольцев за свой счет и совершил один из самых смелых подвигов за всю войну. В то время как Бургойн был еще в самом разгаре победного пути, Браун зашел ему в тыл и, спустившись к северной оконечности Лейк-Джорджа, напал на небольшой пост, который он захватил без сопротивления. Неожданность была полной. Он также овладел горой Дефианс, горой Хоуп, местом высадки и примерно двумя сотнями боевых единиц. Потеряв всего троих убитыми и пятерых ранеными, полковник Браун освободил сто американских пленных и взял в плен двести девяносто три человека противника. Он предпринял попытку штурма горы Индепенденс и Тикондероги; но, будучи слишком слабым для проведения этих работ, он вернулся через озеро Джордж на Алмазный остров, где находился склад провизии противника. Он напал на заводы на этом острове, но, получив отпор, сжег захваченные суда и вернулся на свое прежнее место. Это блестящее дело полковника Брауна происходило в то время, когда Арнольд пользовался вниманием генерала Гейтса; и следствием этого было то, что, давая отчет об экспедиции, Гейтс тщательно избегал даже называть доблестного офицера, который спланировал и осуществил ее. Это был случай пренебрежения, за который этому офицеру следовало бы вечно стыдиться.

Полковник Браун был образованным джентльменом, воспитанным в адвокатуре, и его очень уважали те, кто имел удовольствие с ним познакомиться. Но вернемся.

После падения полковника Брауна и разгрома его войск сэр Джон рассредоточил свои силы небольшими отрядами на расстоянии пяти-шести миль во всех направлениях с целью грабежа и разрушения. Ближе к вечеру он воссоединил свои войска и, оставив Каменную Аравию пустыней, двинулся обратно к речной дороге, к востоку от Карога-Крик. Когда подошел отряд капитана Дункана, сэр Джон снова двинулся на запад. Недалеко от устья ручья было небольшое укрепление, называемое Фокс-Форт. Уклонившись от этой работы, свернув с дороги к левому берегу реки, сэр Джон продолжил свой путь еще на три мили дальше, к месту, называемому Клокс Филд, где из-за усталости его войск и чрезмерного количества провизии и нагабленного, которым они были нагружены, пришлось остановиться.

Генерал Ван Ренсселер теперь был близок к преследованию сэра Джона с большими силами. Действительно, он должен был догнать его в начале дня, поскольку накануне вечером он разбил лагерь на южном берегу реки, у Ван Эпса, почти напротив Коунаваги, в то время как сам сэр Джон разбил лагерь напротив Носа, всего в двух или трех милях вверх по реке. Кроме того, войска сэра Джона были измотаны форсированными маршами, действительной службой и тяжелыми ранцами, в то время как войска Ван Ренсселера были свежими в полевых условиях. Утром того же дня, продолжая свой марш по южному берегу реки, к Ван Ренсселеру присоединился капитан М.^cКин с примерно восьмьюдесятью добровольцами и сильным отрядом воинов онейда во главе с их главным начальником Луисом Атайятаронгтой, который, как говорилось в предыдущей главе, был произведен Конгрессом в подполковники. С учетом этих пополнений командование генерала Ван Ренсселера насчитывало около полутора тысяч человек — силы, во всех отношениях превосходящие силы противника.

Сэр Джон выставил у брода охрану из сорока человек, чтобы помешать его переходу. Приблизившись к этому пункту, генерал Ван Ренсселер остановился и больше не продвигался вперед до тех пор, пока не было отведено охранение противника. Продолжая свой марш по-прежнему по южному берегу реки, в то время как враг был активно занят делом смерти и разрушения на Севере, Ван Ренсселер прибыл напротив места сражения, где пал Браун, еще до того, как прекратилась стрельба и еще раздавался дикий боевой клич. Это было в 11 часов утра, и американцы остановились примерно в трех милях ниже Карога-Крик, все еще на южной стороне. В это время несколько беглецов из полка полковника Брауна сбежали вниз и, прыгнув в реку, без труда перешли ее вброд. Когда они подошли к южному берегу, генерал спросил, откуда они пришли. Один из них, офицер ополчения по имени Ван Аллен, ответил, что они сбежали с поля боя Брауна. "Как все прошло?" "Полковник Браун убит со многими своими людьми. Вы не собираетесь туда?" "Я не знаком с местом брода", - сказал генерал. Ему ответили, что в этом деле нет никаких трудностей. Затем генерал спросил Ван Аллена, не хочет ли он вернуться в качестве пилота, и ответ был незамедлительно утвердительным. После этого капитан М.^cКин и вождь племени онейда повели свои соответствующие отряды через реку на северный берег, ожидая, что основная армия немедленно последует за ними. В этот момент полковник Дюбуа из новобранцев штата подъехал к генералу, который немедленно вскочил на коня и вместо того, чтобы переправляться через реку, сопровождал полковника в Форт-Плейн, расположенный на некотором расстоянии выше, на ужин, как было условлено. Тем временем повозки с багажом были сброшены в реку, чтобы частично служить мостом для основных сил Ван Ренсселера, и они начали переправляться через ручей гуськом. Переход таким образом

был осуществлен только в четыре часа пополудни, когда генерал вернулся и присоединился к ним, как раз когда переправился последний человек. Губернатор Клинтон остался в форте. Когда генерал подошел к кромке воды, полковник Луис, как звали вождя племени онейда, погрозил ему мечом и назвал тори. Прибыв на северную сторону, полковник Уильям Харпер взял на себя смелость выразить генералу протест по поводу того, что, по его мнению, было большой и ненужной задержкой, сопровождавшейся ненужными человеческими жертвами и имуществом со стороны жителей, которые так долго оставались без защиты. С этого момента Ван Ренсселер двигался с должной быстротой. Войска были приведены в движение и прошли маршем в обычном порядке, тремя дивизиями, за исключением воинов Онейды и добровольцев под командованием М.^кКина, которые регулировали свои передвижения по своему усмотрению, не проявляя, однако, ни малейшего желания отставать. Наступлением руководил полковник Морган Льюис.

Предвидя, что он будет вынужден подвергнуться нападению, сэр Джон соответствующим образом распорядился своими действиями. Его регулярные войска, рейнджеры Батлера и менее организованные тори, были размещены на небольшой аллювиальной равнине, частично окруженной широким изгибом реки. Для защиты его войск через перешеек образовавшегося таким образом небольшого полуострова был поспешно насыпан небольшой брустер, а индейцы под командованием Тайенданеги укрылись среди густых дубовых зарослей, покрывавших плоскогорье высотой в несколько футов, еще дальше к северу. Отряд немецких егерей поддержал индейцев. [FN]

[FN] Эти егеря были чем—то вроде стрелкового корпуса - использовали короткие винтовки.

День подходил к концу, когда прибыл Ван Ренсселер, и битва немедленно началась в открытом поле. Две наступающие дивизии войск штата, формировавшие левый фланг, были направлены против регулярных войск сэра Джона на равнинах, начав обстрел с большого расстояния только из стрелкового оружия — полевые орудия не были переправлены через реку. Полковник Дюбуа командовал крайним правым флангом, который был настолько расширен, что у него не было врагов, с которыми можно было столкнуться. Рядом с ним были добровольцы М.^{си}Кина и индейцы онейда, чьей обязанностью было нападать на индейцев Тайенданеги и ягеров. Их поддерживал небольшой пехотный корпус под командованием полковника Морган Льюиса. Американским левым флангом командовал полковник Кайлер из Олбани. Правый фланг сэра Джона был сформирован из роты регулярных войск. Его собственный полк зеленых составлял центр, его левый фланг опирался наповавших в засаду индейцев. Последние первыми издали боевой клич, на который немедленно откликнулись онейды. Обе стороны нетерпеливо бросились вперед, и атака на мгновение стала обоюдно стремительной. Дюбуа, хотя и слишком растянувшийся, быстро привел свой полк на помощь добровольцам М.^кКина, которые преследовали атаку "Онейды". Враждебные индейцы проявили готовность постоять несколько минут; но не успел Дюбуа атаковать их вплотную, как они стремительно бросились к месту перехода вброд близ верхнего Индейского замка, примерно в двух милях выше, — во время бегства пересекли дорогу и бросились в тыл Зеленым в качестве прикрытия. Вождь могавков был ранен в пятку, но не настолько серьезно, чтобы помешать его побегу.

Однако регулярные войска и рейнджеры противника сражались мужественно, хотя некоторые сообщали, что сам сэр Джон бежал вместе с индейцами. Узнав о бегстве индейцев, майор Ван

Беншотен из полка Дюбуа поспешил к генералу за разрешением преследовать бегущего врага. Были только сумерки, и нельзя было ошибиться в указаниях на то, что лучшая часть сил противника находилась в замешательстве и была близка к поражению. Поэтому велико было разочарование, когда вместо того, чтобы позволить индейцам преследовать себя или атаковать слабые укрепления на равнинах и таким образом завершить сражение, генерал Ван Ренсселер приказал своим войскам отойти на ночь. Его целью было занять лучшую позицию для бивуака и возобновить и завершить сражение утром — с этой целью он отступил почти на три мили к форту Фокса. Его войска были не только разочарованы, но и крайне разгневаны этим приказом, полагая, что сражение могло бы победоносно завершиться через несколько минут. Действительно, храбрый полковник Луис из "Онейды" вместе с полковником Клайдом и капитаном М.^сКин отказались отступать, но укрылись в соседних зданиях, продержавшись несколько часов на позициях противника и захватив несколько пленных. В течение вечера Клайду с горсткой ополченцев Шохари удалось захватить одно из полевых орудий противника. Американцы были еще более огорчены, узнав от одного из пленных, что войска сэра Джона были готовы капитулировать в тот самый момент, когда Ван Ренсселер отдал приказ отступать. И из того факта, что река была одинаково слишком быстрой и слишком глубокой там, где она огибала поле боя, чтобы допустить бегство в этом направлении, можно не сомневаться, что враг был полностью в их власти. Но теперь было слишком поздно. Прекрасная возможность была упущена. На рассвете следующего дня на поле боя не было врага, с которым можно было столкнуться. Под покровом темноты Королевские зеленые и рейнджеры Батлера последовали примеру индейцев и благополучно спаслись бегством.

Майор Томас Сэммонс, из рукописей которого автор в основном почерпнул факты этой части повествования, то есть после прибытия генерала. Ван Ренсселер из Van Eps —уверен в своих заявлениях, что британский командующий был одним из первых, кто бежал. Другие источники говорят иначе. Майор Сэммонс участвовал в битве среди добровольцев М.^кКина.

Луи со своими воинами и М.^кКин со своими добровольцами рано утром переправились через реку в погоне. Генерал фон Ренсселер также прибыл на место сражения между 8 и 9 часами с целью завершения работы предыдущего дня. Пока он переправлялся через реку и готовился следовать дальше, несколько добровольцев М.^кKean's volunteers, who were waiting for the main army, in strolling about, came upon a little block-house, in which they found nine of the enemy who ,, были взяты в плен ночью; Одним из участников экспедиции, сделавшей это открытие, был Томас Сэммонс, и среди пленных был тори, который был его ближайшим соседом в Джонстауне. Когда его спросили, как они туда попали, этот человек, которого звали Питер Касс, ответил— "Почему, мне стыдно рассказывать. Прошлой ночью, после битвы, мы переправились через реку. Было темно. Мы услышали команду "Сложите оружие". Некоторые из нас так и сделали. Нас, девятых, схватили и отвели в этот маленький форт семеро ополченцев. Мы образовали тыл трем сотням зеленых Джонсона, которые беспорядочно перебежали друг через друга. Я думал, что на нас напала вся армия генерала Ван Ренсселера. Почему вы не взяли нас в плен вчера, после того как сэр Джон сбежал с индейцами и бросил нас? Мы хотели сдаться.

Когда сэр Джон бежал с поля боя вместе с индейцами и ягерами, он, несомненно, думал, что все потеряно. Он взял курс прямо на озеро Онондага, где были спрятаны его лодки, следуя по главной дороге и лишь слегка отклонившись к югу от немецких равнин, чтобы избежать фортов

в этом месте. Его Зеленые и Рейнджеры следовали за ним по пятам и настигли его в Онейде. Ван Ренсселер устремился в погоню со всеми своими силами до форта Херкимер, где его настиг губернатор Клинтон, который, однако, не вмешивался в командование. Луи и М.^к Кин были выдвинуты вперед с приказом догнать беглую армию, если это возможно, и вступить с ними в бой — Ван Ренсселер пообещал продолжить свой марш со всей возможной быстротой и быть под рукой, чтобы поддержать их в случае столкновения. На следующее утро наступающие напали на след сэра Джона и взяли в плен одного из его индейцев. Ненадолго остановившись, подошел полковник Дюбуа и подтолкнул их вперед, повторяя заверения в том, что генерал скоро подойдет и окажет верную поддержку. Затем наступление возобновилось, но они не успели продвинуться далеко, как наткнулись на покинутый лагерь противника — костры все еще горели. Теперь главнокомандующий Онейда покачал головой и отказался сделать еще один шаг, пока не появится генерал Ван Ренсселер. Соответственно, на некоторое время была сделана остановка, во время которой прибыл доктор Аллен из основных сил армии, сообщивший офицерам, что генерал уже прекратил преследование, находясь на расстоянии четырех миль от своего возвращения - марш!

Экспедиция, конечно же, подходила к концу. Но фортуна уготовила сэру Джону Джонсону еще одну милость — завоевать ее без кровопролития, которым сопровождался его опустошительный путь через долину Мохок. Выяснив, где были спрятаны лодки сэра Джона, генерал Ван Ренсселер отправил экспресс в форт Шайлер, приказав капитану Вруману с сильным отрядом поспешить вперед, опередив противника, и уничтожить его. Вруман, не теряя времени, попытался выполнить свой приказ; но один из его людей заболел или притворился больным в Онейде и остался там. Вскоре после этого подошел сэр Джон; и, узнав от вероломного инвалида о передвижении Врумана, Брант и его индейцы с отрядом рейнджеров Батлера поспешили в погоню. Они внезапно напали на Врумана и его войска, когда те были заняты обедом, и все были схвачены, не сделав ни единого выстрела. [FN]

Майор Сэммонс; также заявление Джона Мора, еще живого, который был одним из солдат сэра Джона. Согласно официальным отчетам сэра Джона Джонсона, это дело о поимке капитана Врумана и его отряда произошло 23 октября в месте под названием Канагсиорага. Два капитана и один лейтенант были взяты в плен вместе с восемью унтер-офицерами и сорока пятью рядовыми. Трое рядовых и один лейтенант были убиты.

Таким образом, последнее препятствие к его побегу было устранено, и сэр Джон без дальнейших приставаний добрался до Освиго. Этим третьим и самым грозным вторжением в страну могавков за сезон сэр Джон завершил полное разрушение над Скенектади — главное поселение над Литтл-Фоллс было разграблено и сожжено двумя годами ранее. Генерала Ван Ренсселера всегда порицали за его поведение в этой экспедиции. Действительно, его поведение было самым необычным на всем протяжении. В ночь перед битвой на Клокс-Филд сэр Джон был не более чем в шести милях впереди — покинув Ван Эпс незадолго до наступления темноты, куда Ван Ренсселер прибыл и разбил лагерь ранним вечером; и всем было очевидно, что не требовалось особой энергии, чтобы вовлечь противника в бой, даже до столкновения с полковником Брауном. Майор Сэммонс в конце своего отчета об экспедиции подчеркивает— "Когда были сожжены дома моего отца, а мои братья взяты в плен, боль,

которую я испытал, была не такой сильной, как от поведения генерала Роберта Ван Ренсселера". [FN]

[FN] "Что касается битвы на ферме Клока и фактов, изложенных в этих бумагах, я бы сказал, что я присоединился к капитану М.^с Кином в качестве добровольца и встретил генерала. Ван Ренсселер на южном берегу реки, напротив Коунаваги, ранним утром; и по моим собственным сведениям, большая часть фактов такова, как они изложены. После боя я остался с добровольцами и на следующее утро, как и было сказано, беседовал с пленными, найденными в маленьком блокгаузе. Я был с капитаном. Кин, когда получил приказ двигаться вперед и догнать сэра Джона, и вскоре после этого увидел доктора Аллена, который пришел сообщить нам, что Ван Ренсселер возвращается. Что касается маршрута сэра Джона, я получил отчет от тех из его отряда, кто сейчас жив, и людей, обладающих несомненной правдивостью". — *Записка майора Сэммонса-1836.*

Но побег сэра Джона, в конце концов, был скорее бегством, чем отступлением; и если бы не захват отряда Врумана — самая неожиданная победа, — видимых трофеев его экспедиции было бы немного, и они были бы куплены дорогой ценой. Преследователи обнаружили неопровержимые доказательства того, что он оказался в крайне затруднительном положении; и из собственного письма баронета генералу Холдиманду явствует, что пропало много пропавших без вести, которые, как надеялись, найдут дорогу в Освигу или Ниагару. Генерал Холдиманд написал своему правительству, что сэр Джон "разрушил поселения Шохари и Каменную Аравию и опустошил значительную часть страны, что было абсолютной правдой". Добавлено: "У него было несколько боестолкновений с врагом, из которых он вышел победителем. В одном из них, недалеко от Стоун-Арабии, он убил полковника Брауна, известного и активного повстанца, с которым было около сотни офицеров и рядовых. Я не могу закончить, не выразив вашей светлости полного удовлетворения, которое я испытываю от рвения, духа и активности, с которыми сэр Джон Джонсон руководил этим трудным предприятием". [FN]

Письмо сэра Фредерика Холдиманда лорду Джорджу Джермейну, New Annual Register, 1781.

В то время как генерал Ван Ренсселер продвигался вперед в погоне за сэром Джоном Джонсоном, в Форт-Хантере произошел инцидент, который красноречиво говорит в пользу характера Джозефа Бранта. Разграбленные и огорченные жители поселений Шохари на следующий день после ухода врага из форта Хантер столпились вокруг форта, каждый рассказывал свою историю потери или горя. Среди них была женщина, чей муж и несколько других членов семьи пропали без вести. Она была в агонии от горя, еще более острой из-за потери своего младенца, которого выхватили из колыбели. Рано утром следующего дня, когда офицеры в штаб-квартире Ван Ренсселера завтракали, в комнату, словно олень, влетел молодой воин-индеец с младенцем на руках, а также с письмом от Бранта, адресованным "командующему армией повстанцев". Поскольку генерала Ван Ренсселера в данный момент не было, письмо было вскрыто одним из его приближенных и содержало следующее:

"Сэр, Я посылаю вам с одним из моих гонцов ребенка, которого он доставит, чтобы вы знали: что бы ни делали другие, я не воюю с женщинами и детьми. Мне жаль говорить, что со мной на службе есть те, кто более жесток, чем сами дикари".

Среди упомянутых таким образом лиц он назвал нескольких ведущих тори, включая двух Батлеров, и других, чьи имена не сохранились. [FN-1] Очень быстро было установлено, что младенец был не кем иным, как младенцем безутешной матери, о которой только что упоминалось. Ее ощущения, когда она снова прижимала младенца к груди, описывать не нужно, да и не могло быть. [FN-2]

[FN] Ожесточенная враждебность тори страны могавков по отношению к своим бывшим соседям временами проявлялась в актах такой дьявольской свирепости, что не поддавалась объяснению и поколебала веру. В предыдущей главе был описан случай с младенцем, убитым в колыбели тори после отказа индейца убить его. По соседству с Литтл-Фоллс был еще один подобный случай, отмеченный, если это возможно, еще большей жестокостью. Индеец отказался убить младенца, улыбающегося в колыбели, и более свирепый лоялист, отвергнув сострадание краснокожего, проткнул его штыком, как рыбак протыкает лосося, и торжествуя поднял его, корчащегося в агонии, над своей головой. Джентльмен из коллегии адвокатов Литтл-Фоллс, ныне покойный, заверил автора, что, насколько ему известно, негодяй, совершивший это дьявольское деяние, имел наглость несколько лет назад выставить себя кандидатом на пенсию в соответствии с одним из актов Конгресса о награждении выживших солдат революции. К счастью, только что упомянутый факт был выявлен до того, как его документы были завершены, и результат не нуждается в оглашении.

[FN-2] Автор получил отчет об этом интересном происшествии от генерала Моргана Льюиса, который присутствовал при этом и был свидетелем всех подробностей.

С этой экспедицией было связано еще одно приключение, не менее интересное и забавное. Сенека, как уже говорилось, возглавлял Плантатор Кукурузы, отцом которого, как также говорилось, был белый человек по имени О'Бейл. По словам Мэри Джемисон, резиденция отца Кукурузника находилась в окрестностях форта Планк и, конечно же, недалеко от поля битвы на Клокс-Филд. Раньше у него была привычка путешествовать туда и обратно из Олбани через страну Сенека до Ниагары в качестве торговца. Влюбившись в хорошенькую скво из племени сенека, со временем Сеятель Кукурузы стал одним из живых свидетельств его привязанности. Знал ли отец, что столь выдающийся вождь был его собственным сыном, история умалчивает; но сын ничего не знал ни о своем происхождении, ни о местожительстве своего отца; и, находясь теперь в непосредственной близости от него, он воспользовался новым способом завязать с ним знакомство. Отправившись с отрядом своих воинов в дом своего отца, он взял старика в плен и увел его. Проехав десять или двенадцать миль, вождь предстал перед своим отцом и обратился к нему в следующих выражениях:

"Меня зовут Джон О'Бейл, обычно его называют Плантатором кукурузы. Я твой сын! Ты мой отец! Теперь ты мой пленник и подчиняешься обычаям индейской войны. Но тебе не причинят вреда. Тебе не нужно бояться. Я воин! Много скальпов я снял! Многих заключенных я замучил до

смерти! Я твой сын! Я воин! Мне не терпелось увидеть тебя и дружески поприветствовать. Я пришел в твою хижину и взял тебя силой; но твоя жизнь будет сохранена. Индейцы любят своих друзей и сородичей и относятся к ним с добротой. Если теперь ты решишь последовать примеру своего желтого сына и жить с нашим народом, я буду лелеять твою старость, угощая тебя большим количеством оленины, и ты будешь жить спокойно. Но если это твой выбор - вернуться на свои поля и жить со своими белыми детьми, я пришлю отряд моих верных молодых людей, чтобы они проводили тебя обратно в безопасности. Я уважаю тебя, мой отец. Вы были дружелюбны к индейцам; они ваши друзья". [FN]

Жизнь Мэри Джемисон. В письме, написанном кукурузным плантатором губернатору Пенсильвании в 1822 году, в котором он жаловался на попытку должностных лиц этого штата обложить налогами его и сенеку, проживающих в Аллегейни, он начинался следующим образом: "Когда я был ребенком, я играл с бабочками, кузнечиками и лягушками. Когда я подрос, я начал уделять немного внимания и играть с индейскими мальчиками по соседству, и они обратили внимание на то, что моя кожа отличается от их цвета, и заговорили об этом. Я спросил свою мать о причине, и она сказала мне, что мой отец был жителем Олбани. Я по-прежнему ел свои припасы из миски из коры: я вырос и стал молодым человеком, и у меня появилась жена, но у меня не было ни котелка, ни ружья. Тогда я узнал, где жил мой отец, и пошел навестить его, и обнаружил, что он белый человек и говорит по-английски. Он дал мне еды, пока я был в его доме, но когда я собрался возвращаться домой, он не дал мне ничего съестного в дорогу. Он не дал мне ни чайника, ни пистолета, и не сказал мне, что Соединенные Штаты собираются восстать против правительства Англии", и т.д., и т.п. Из этого заявления следует, что он, должно быть, видел своего отца за несколько лет до кампании могавков. Это вполне могло быть, и все же анекдот, рассказанный Мэри Джемисон, также является правдой. В каждом случае, когда автор имела возможность проверить правильность своих утверждений другими властями, они оказывались удивительно правильными. Плантатор кукурузы дожил до преклонных лет, скончавшись в течение последних восьми или десяти лет. Он был способным человеком, отличившимся в последующих переговорах. Он был красноречив и большим сторонником умеренности. В 1822 году он произнес очень эффектную и характерную речь на эту тему. "Великий Дух сначала создал мир, а затем летающих животных и нашел все благим и процветающим. Он бессмертен и вечен. Закончив с летающими животными, он спустился на землю и встал там. Затем он создал различные виды деревьев, и леса всех видов, и людей всех видов. Он сделал весну и другие времена года, а также погоду подходящими для посева. Это он действительно сделал. Но перегонных кубов для производства виски для раздачи индейцам он не делал . . . Великий Дух сказал нам, что есть три вещи, о которых люди должны позаботиться. Во-первых, мы должны позаботиться о наших женах и детях. Во-вторых, белые люди должны заботиться о своих фермах и скоте. В-третьих, Великий Дух отдал медведей и оленей индейцам. . . Великий Дух приказал мне бросить пить. Он хочет, чтобы я сообщил людям, что они должны бросить употреблять опьяняющие напитки ". В ходе той же речи он дал понять, что ему не слишком нравится примесь его собственной крови. . . "Различные виды Великий Дух разделил, чтобы они не смешивались и не мешали друг другу. Но белые люди нарушили эту заповедь, смешав свой цвет кожи с индейским. Индейцы добились большего, не сделав этого".

Однако старый джентльмен посеял свой дикий овес. Дни его романтики прошли. Поэтому, предпочтя продукты со своих собственных полей, общество своих белых детей и уют

собственного дома оленине, свободе и лесам западных дебрей, он решил вернуться. Его сын, исполнив свое слово, склонился перед избранием и, передав своего отца на попечение подходящего эскорта, получил возможность в безопасности добраться до своего собственного жилища. Гордый Сенека и его воины удалились в свои собственные дебри.

Одновременно с передвижениями сэра Джона Джонсона через страну Шохари и могавков противник вел активные боевые действия против поселений к северу от Олбани, между Гудзоном и озером Шамплейн, а также против некоторых поселений в верховьях реки Коннектикут. Чтобы отвлечь внимание в пользу сэра Джона, майор Карлтон поднялся вверх по озеру из Сент-Джонса с флотилией из восьми больших судов и двадцати шести плоскодонных лодок, вмещавшей более тысячи человек, регулярных войск, лоялистов и индейцев. Форт Джордж и Форт Анна были захвачены врасплох, а их гарнизоны, которые были невелики, были сданы военнопленными. [FN-1] Отрядом, направленным против поселений в верховьях реки Коннектикут, командовал майор Хотон из 53-го полка, и он почти полностью состоял из индейцев, которых было двести. Это мародерское вторжение также было успешным. В дополнение к захваченной добыче тридцать два жителя были уведены в плен. Несколько ополченцев, отправившихся в погоню за майором Хотон, были убиты. Что касается экспедиции майора Карлтона, то поступали печальные сообщения о жестокости. Одним из них было сообщение дезертира по имени Ван Дейзен об ужасном случае пыток, которым подвергся солдат полка полковника Уорнера, захваченный Карлтоном в бою близ Форт-Джорджа. Ван Дейзен был дезертиром из американской армии к врагу, но, вернувшись в свою страну, был схвачен и казнен. Однако полковник Гансевурт, в то время командовавший Северными войсками, написал майору Карлтону по этому поводу 2 ноября, изложив подробности этой истории. Карлтон отразил это обвинение самым позитивным и серьезным образом, как сейчас появится. [FN-2]

[FN-1] Форты Анна и Джордж были взяты майором Карлтоном 10 и 11 октября. В своем официальном отчете майор Карлтон указал свои собственные потери, в обоих случаях составившие четырех офицеров и двадцать три рядовых убитыми. Количество взятых в плен указано в количестве двух капитанов, двух лейтенантов и ста четырнадцати рядовых.

[FN-2] Говоря об экспедиции Карлтона, сэр Фредерик Холдиманд в письме лорду Джорджу Джермену отмечает: "Сообщения, усердно публикуемые врагом по всем поводам о жестокостях, совершенных индейцами, заведомо ложны и распространяются только для того, чтобы вывести из себя невежественных и введенных в заблуждение людей. В этом последнем случае майор Карлтон сообщил мне, что они вели себя с величайшей умеренностью и не раздевали своих пленников и ни в каком отношении не обращались с ними дурно". У сэра Джона Джонсона было меньше контроля над *своими* индейцами в Шохари.

Переписка между Гансевортом и Карлтоном, однако, не ограничивалась этой конкретной сделкой. Действительно, это было совершенно случайное дело, и переписка с самим Карлтоном также была случайной, являясь лишь частью более длительных переговоров с другими и более высокими офицерами британской армии в Канаде, целью которых было урегулирование с картелем для обширного обмена пленными на Севере. Историю лучше всего будет рассказать, представив часть самой переписки, в то время как в то же время несколько других моментов будут проиллюстрированы удовлетворительно.

"ГЕНЕРАЛ ПАУЭЛЛ ПОЛКОВНИКУ ВАН ШЕЙКУ.

"Сент-Джонс, 22 сентября 1780 года.

-Сэр,

"В соответствии с обещанием, данным в моем письме от 15 марта прошлого года, я посылаю с вашим возвращающимся флагом перемирия миссис Кэмпбелл, миссис Мур и их семьи, а также Мэтью Кэннона и еще пятерых человек, взятых в плен индейцами на реке Мохок, преклонный возраст которых и искренние просьбы вернуться к своим семьям побудили генерала Холдиманда предоставить им это разрешение; [FN] а также мистера Уильямса из Детройта, который желает поехать к своим родственникам; и Мэри и Бетси Льюис, которые умоляют отправиться к их отцу близ Олбани. Его Превосходительство сожалеет, что нарушение доверия со стороны колонистов из картеля Кедров лишило его возможности приступить к обмену пленными, и, несмотря на их неоднократные попытки к побегу, многим по всей провинции продлевается срок их условно-досрочного освобождения. Все они обеспечены обильным запасом полезной провизии, а те, кого сочтут необходимым содержать в заключении, размещаются самым комфортным образом, какой позволят обстоятельства. Кроме того, они получили деньги на сумму, указанную на внутренних счетах; и если эта последняя поправка будет продолжена, вполне разумно, чтобы она была переведена в монетах; на что я хотел бы обратить ваше внимание, поскольку каждый день от наших военнослужащих, которые являются заключенными в колониях, поступают очень крупные счета".

Следует помнить, что вышеупомянутые пленники были взяты в Черри-вэлли в 1778 году. Смотрите Рассказ миссис Кэмпбелл, в общих чертах приведенный в томе I.

"Внимание, которое было проявлено к миссис Кэмпбелл и тем, кто оказался в ее плачевном положении, а также хорошее обращение с заключенными, которое, как мы надеемся, у них хватит искренности признать, относится для сравнения к тем, по чьему приказу или разрешению подданные Его Величества испытали казнь, ужасы тюрьмы, закованные в кандалы, и страдания нужды.

"Семьи, указанные в прилагаемом списке, долго ждали, и многие из них обещали разрешение присоединиться к своим мужьям и родственникам в этой провинции; поэтому просим вас направить их на ваш передовой пост на коммуникациях Скенсборо, и в течение трех недель отсюда будет выслан флаг перемирия, чтобы принять их.

"Я, сэр, Ваш покорнейший слуга, Х. Уотсон Пауэлл, *бригадный генерал*

-Полковнику Ван Шейку."

"Полковник ГАНСВОРТ ГЕНЕРАЛУ ПАУЭЛЛУ.

"Саратога, 2ноября 1780 года.

-СЭР,

"Ответить на ваше письмо от 22 сентября прошлого года, адресованное полковнику Ван Шейку, считаю своим долгом как командующий этим подразделением до прибытия генерала М.^сДугалла, которого ожидают ежедневно. [FN] Заключенные, которых вы заметили, как мне сообщили, направились в Олбани через Беннингтон".

[FN] Эта ссылка на ожидаемое прибытие генерала М.^сДугалла не совсем соответствовала действительности и была сделана как *военная уловка*, чтобы ввести британского генерала в заблуждение относительно силы Северного департамента. Правда заключалась в том, что полковник Гансворт был настолько слаб в войсках, что опасался повторного визита из Сент-Джонса, если Пауэлл и Карлтон получают информацию о его действительных способах сопротивления. Поэтому он назвал имя М.^сДугалла, чтобы создать у Сент-Джонса впечатление, что войсками в Саратоге командует по крайней мере генерал. Полковник Гансворт написал генералу Вашингтону по этому поводу и дал такое объяснение обмана, к которому он прибегал в своем письме генералу Пауэллу. В то время действительно были веские причины для опасений. После того как Карлтон захватил форты Джордж и Энн и вернулся вниз по озерам к Сент-Джонсу, он внезапно вернулся с подкреплением. Лидеры в Вермонте также в то же время вели переписку с британским командованием в Канаде, во главе которой, как будет показано ниже, стоял сам Итан Аллен, занимавшийся полу-государственной изменой. Генерал Шайлер получил некоторые знания по этому вопросу, которые он, не теряя времени, сообщил главнокомандующему. Следствием стало направление нескольких полков на Север и назначение генерала Джеймса Клинтона командующим департаментом в Олбани.—*Письма Вашингтона—Sparks.*

"Семьи, указанные в вашем списке, которые, как я полагаю, все находятся поблизости от этого места, должны были быть отправлены на британское морское судно на озере Шамплейн в начале прошлого месяца. Вторжение майора Карлтона помешало их отправке тогда, и поскольку все боевые части в Лейк-Джордж были уведены этим джентльменом, возможно, с тех пор было невозможно отправить их дальше, если бы даже это было уместно, пока он оставался в Тикондероге и Краун-Пойнте. Я написал майору Карлтону и попросил его прислать батто в Форт-Энн или Форт-Джордж, если он сможет, для их перевозки. Как только я буду проинформирован о его решимости, будут приняты необходимые меры. Счета о денежных средствах, выданных заключенным в Канаде, я почту за честь препроводить его превосходительству генералу Вашингтону".

[FN] Ниже приводится список, на который ссылается генерал Пауэлл, а именно: "Имена различных семей, принадлежащих следующим военнослужащим 84-го полка. проживающие в Саратоге: семья Джона М.^сДонелла; семья Дональда М.^сГревера; Семья Дункана М.^сДонелла; то же самое с Джоном М.^сИнтошем; То же самое с Дунканом М.^сДонеллом; То же самое с Дональдом М.^сДональдом; Кеннет М.^сДонелл; Отец и мать Джона М.^сДонелла".

"Мне доставляет большое удовлетворение узнать, что британцы, наконец, сочли благоразумным последовать великодушному примеру, показанному им американцами, в мягком обращении, которому неизменно потворствовали заключенные, находящиеся во власти последних во время войны.

"Однако по справедливости генерал Карлтон и его преемники должны заявить, что, судя по всему, с заключенными, находящимися непосредственно в их власти, обращались с большой снисходительностью.

- Но вы, сэр, полагаете, что британские подданные, находящиеся в наших владениях, испытали казни, ужасы темницы, закованные в кандалы, и муки нужды. Это правда, что некоторые шпионы были казнены, и среди них майор Андре, генерал-адъютант британской армии под командованием сэра Генри Клинтона. И даже его смерть, хотя этого требовала справедливость и законы народов санкционировали ее, была и остается оплакиваемой нами с чувством великодушия, которое делает честь человеческой природе. Никто не испытал ужасов темницы или не был закован в кандалы, за исключением нескольких человек, которым было сочтено уместным отомстить за многих, на самом деле очень многих из нас, кого британская жестокость и бесчеловечность могли обречь на смерть из-за нужды в темницах и тюремных кораблях, нагруженных кандалами и оскорблениями. Если вы не осведомлены об этих фактах, я могу извинить ваши наблюдения. Если нет, позвольте мне сказать вам, что они недостойны джентльмена и офицера и проявляют некоторую степень неискренности, также неподобающую.

"Если генерал Холдиманд считает, что правящие державы или эти штаты были виновны в нарушении доверия в отношении картеля Кедров, он должен обратиться к ним по этому вопросу. Едва упоминать об этом подчиненному офицеру было неэтично и неприлично. Но поскольку вы осмелились обвинить меня, я осмелюсь отрицать справедливость обвинения; и, насколько мне не изменяет память об этой сделке, я думаю, что смогу сделать это пристойно.
[FN]

Максимой полковника Гансворта было: "его страна, права она или нет". Однако ему было бы трудно оправдать курс, принятый Конгрессом в отношении картеля, согласованного генералом Арнольдом в Сидарсе. Действительно, нарушение условий, принятых по этому поводу, создавало трудности в отношении обмена пленными на протяжении всей войны. Это часто было источником смущения и даже унижения для генерала Вашингтона на протяжении почти всей войны.

"Газеты сообщают, что общий обмен пленными урегулирован ниже. Распространяется ли он на Канаду, не уточняется.

"Я, сэр, Ваш самый покорный слуга, ПИТЕР ГАНСЕВООРТ, *полковник 3-го отдела полиции Нью-Йорка.*", - говорится в сообщении....

"*Бригадному генералу Пауэллу.*"

"Полковник ГАНСВОРТ МАЙОРУ КАРЛТОНУ.

"Саратога, 26 ноября 1780 г.

"Сэр,

"Это будет передано вам майором Розекранцем из моего полка, который вместе с лицами, указанными в моем пропуске от сегодняшнего числа, отправляется в качестве знамени, чтобы отнести письма, которые ему поручено передать, и вернуться с вашим ответом.

"Письма генерала Пауэлла от 22 сентября прошлого года, капитана Монселла от 19-го и ваше от 24-го ультимо были доставлены мне сегодня около полудня.

"Я оставил письмо генералу Пауэлла за гербовой печатью для вашего прочтения, чтобы вы могли ознакомиться с моим решением относительно семей, которые он просил прислать. Если вы решите послать за ними батто, они должны дойти до Форт-Энн, поскольку дороги в Скенсборо непроходимы для экипажей, или до дальнего конца озера Джордж, что было бы гораздо легче для женщин и детей. Их число составляет почти триста; и я полагаю, что потребуется десять боевых машин, чтобы перевезти их всех сразу. Пожалуйста, дайте указания офицеру, которого вы можете послать с вашим флагом, передать его расписку в получении количества мужчин, женщин и детей, которые должны быть доставлены. Прошу вас, сообщите мне, в какой день, по вашему мнению, батто прибудут в то место, куда вы, возможно, намереваетесь их отправить, чтобы я мог устроить все так, чтобы вызвать наименьшую задержку.

- Некий Джеймс Ван Дейзен, который дезертировал с нашей службы к вам и который, пока вы были по эту сторону озера, тайком вернулся в страну, был задержан и понесет смерть как дезертир. Он признается, что после стычки близ Форт-Джорджа с несколькими людьми полковника Уорнера и вашим отрядом, в ходе которой был убит один из наших индейцев, ваши индейцы хладнокровно заживо сняли скальп с одного из людей Уорнера, долго мучили его, а затем перерезали ему горло — и все это в вашем присутствии. Ваша репутация, сэр, сильно страдает из-за этого. До сих пор она была отмечена поведением, обратным этой печальной катастрофе; и люди чести не желают верить Ван Дейсену. Я хочу, чтобы вы объяснились со мной по этому вопросу.

"Я, сэр, Ваш самый покорный слуга, ПИТЕР ГАНСЕВООРТ, *полковник. 3d N. Y. Reg't.*

"Майор Карлтон"

"МАЙОР КАРЛТОН ПОЛКОВНИКУ ГАНСВООРТУ.

"Майл-Бей, 6 ноября 1780 года.

"Сэр,

"Клянусь вашим флагом, я только что получил ваше письмо от 2-го числа, одно из которых адресовано бригадному генералу Пауэлла. Уважая семьи, которые предполагается отправить, я отвечаю на оба. Будучи совершенно не осведомленным о смысле письма бригадного генерала Пауэлла к вам по этому вопросу и не имея никаких инструкций от генерала Холдиманда

относительно этого дела, я могу только сказать, что такие лица, которые указаны в списке бригадного генерала, будут приняты, при условии, что количество лодок, указанных в моем постскриптуме, может их вместить. Если найдется свободное место, будут получены имена, указанные в прилагаемом списке, или столько из них, сколько можно будет взять на борт. Мои лодки будут в Скинборо 9-го, где они пробудут до 14-го вечером, а затем вернутся ко мне, поскольку я не мог взять на себя риск того, что они там замерзнут.

"Я должен был ожидать, что капитану Чэпмену предъявят обвинение, противоречащее признанию Джеймса Ван Дейзена. Ни с одного заключенного не сняли скальп и не пытали заживо. Я спас жизни нескольким заключенным, которые не были ни раздеты, ни оскорблены ни в малейшей степени после того, как дело было закончено. Я слышал об одном человеке, который был убит после того, как его схватили во время стрельбы, из-за спора между двумя индейцами из разных деревень, которые его схватили. Я полагаю, он был либо негром, либо стокбриджским индейцем, и он не допустил бы, чтобы офицер-лоялист проводил его к британской гвардии. Внимание офицера было неизбежно направлено на заботу о своих людях; и после боя я услышал, что этот человек был убит.

"Я, сэр, Ваш самый покорный слуга, Ч. Карлтон, *майор 29-го полка.*

"Полковник Гансеворт.

"P. S. Поскольку я понятия не имею об этом бизнесе, доставка прекратилась несколько дней назад. Я считаю, что не в моих силах предоставить более пяти лодок. Нельзя ли отправить лодку, которую я дал, чтобы перевезти последние семьи, вместе с этими?" [FN]

[FN] Эти письма содержатся среди документов Гансеворта и были скопированы автором с оригиналов. Те же бумаги вместе с письмом генерала Холдиманда лорду Джорджу Джермену также являются авторитетными источниками для краткого очерка экспедиций Карлтона и майора Хотона.

В течение той осени больше никаких бесчинств на северных и западных границах совершено не было. Следующая информация, полученная о Бранте и его сообщниках, была доставлена в форт Шайлер семьей Онейд, освобожденных с Ниагары. Они прибыли в форт 6 декабря. Полковник Вайзенфельдтс, в то время командовавший отрядом, приказал допросить главного индейца отряда, которого звали Джейкоб Рид; и весь допрос был передан в виде вопросов и ответов генералу Клинтону. Из этого заявления следовало, что Джозеф Брант, полковник Батлер и полковник Гай Джонсон находились в то время в своих старых зимних квартирах на Ниагаре. Из воинов Онейды только тридцать семь удалось убедить присоединиться к королевскому делу; один из них был убит, а пятеро других вернулись с Ридом. Было заявлено, что силы на Ниагаре в это время составляли шестьдесят британских регулярных войск под командованием капитана; четыреста лоялистов под командованием полковника Батлера и тысячу двести индейцев (включая женщин и детей) под командованием Бранта и Гая Джонсонов. Рид заявил, что одной из целей последней экспедиции на Ирокез было разрушение Скенектади; но поскольку они не проникли так далеко, Брант и Джонсон обдумывали другую кампанию. Пленники, взятые с "Каменной Аравии", после достижения Ниагары были отправлены на остров Бак на реке Святого Лаврентия; но из-за длительного отсутствия судна и выброшенных на берег обломков

затонувшего судна, бочек, мебели и т. Д. Считалось, что оно затонуло и что все находившиеся на борту погибли. Далее Рид заявил, что, как только выпадет сильный снег, Брант с пятью или шестью сотнями воинов отправится в страну Онейда, чтобы держаться на удобном расстоянии для отправки разведчиков вниз по Ирокезу. Одной из их задач было быть в любое время готовыми к прекращению поставок продовольствия для гарнизона форта Шайлер. Индейцы на Ниагаре, согласно рассказу Рида, были хорошо обеспечены всем, чего только могли пожелать. [FN-1] Но в то время с фортом Шайлер было совсем иначе. Письма генерала Шайлера были полны жалоб не только на трудности с добычей провизии, но и с ее доставкой на передовые посты. В одном из своих писем, написанных в тот период, он сообщал, что в Форт-Шайлере не хватает муки на один день. [FN-2]

[FN-1] Рукописи генерала Клинтона.

[FN-2] Рукопись генерала Шайлера.

Так закончились индийские кампании на Севере в 1780 году. Действительно, на окраинах происходили и другие мелкие происшествия, поднималась тревога, время от времени обменивались несколькими выстрелами с отставшими индейцами или скаутами тори. Но ни одно другое событие, имеющее значение в пределах современной истории, не ознаменовало близкого наступления зимы. И никогда зима не накрывала своим плащом место большего запустения, чем лежащее под ним в Долине Могавка.

ГЛАВА V.

Мрачное начало года—Бедствия армии—Восстание на пенсильванской линии—Переговоры—Восстание войск Нью—Джерси—Экспедиция Арнольда в Виргинию—Ход войны на Юге—Бедствия на Севере—Активные действия Бранта в стране могавков—Обдуманное нападение на Онейду—Письмо полковника Клауса—Разруха в стране—Письмо генерала Шайлера—Разрушение форта Шайлер в результате пожара и наводнения—Подозрения в преднамеренности—Переписка генерала Клинтона об этой катастрофе—Враждебные признаки на Севере—Признаки широкомасштабного предательства—Арест недовольных в Баллстоне и его окрестностях—Влияние Вашингтона в трудные времена—Полковник Уиллетт назначен командующим округом Мохок—В его распоряжении мало средств—Сожжение Карри—тауна—

Битва при Дурлахэ—Поражение индейцев—Смерть капитана М.^кКина—Вторжение на Палатин—Письмо Уиллетта Вашингтону—Влияние Уиллетта на разбитое ополчение—Битва у Германских равнин—Смерть Соломона Вудворта—История Джона Кристиана Шелла—Вторжение индейцев и тори в графство Ольстер командование капитана Колдуэлла — Еще один случай индивидуальной храбрости - Инциденты на границе с Кентукки.

Солнце нового года было скрыто облаком более мрачным, чем то, которое ранее омрачало перспективы американского оружия на любом этапе конкурса. Вся армия, во всех ее подразделениях, как на Севере, так и на Юге, серьезно нуждалась как в одежде, так и в провизии. Действительно, накопленные страдания и лишения "армии составляют большую и интересную часть истории войны за независимость Америки. В рассматриваемый период зима, не сильно облегчая труд солдат, усугубляла их страдания. Они постоянно были на грани голодной смерти, часто совсем оставались без еды, без надлежащей одежды подвергались суровым условиям сезона и, более того, теперь прослужили почти двенадцать месяцев без жалования ". [FN] Таков был общий факт. У пенсильванских войск были еще другие проблемы, на которые можно было пожаловаться. Они были зачислены на службу в двусмысленных выражениях — "служить три года или во время войны". По истечении установленного срока, "трех лет", солдат потребовал увольнения, в то время как офицеры настаивали на соблюдении им другого условия контракта. Следствием этого стало большое недовольство, усиленное, конечно, гораздо более высокими вознаграждениями, впоследствии выплачиваемыми за вербовку.

[Ф.Н.] Вашингтонская жизнь Маршалла.

Пенсильванский полк, состоящий из шести полков, был расквартирован в Морристауне под непосредственным командованием бригадного генерала Уэйна. Они так долго размышляли о своих обидах, так сильны были их страдания и столь обескураживающими были перспективы исправления положения, что недовольство, которое вплоть до последнего дня предыдущего года только лелеялось, вылилось в открытый мятеж вечером следующего. Дух неподчинения был с самого начала столь очевиден, и признаки бунта были столь повсеместны, что сразу же поставили под угрозу дело. Была предпринята попытка подавить мятеж, в ходе которой несколько взбунтовавшихся солдат были ранены, как и некоторые офицеры, пытавшиеся подавить беспорядки. Один из офицеров, капитан Биллингс, был убит. Но причина восстания была слишком глубоко укоренившейся, а недовольство слишком обширным, чтобы его можно было легко преодолеть. Даже сам Уэйн, любимец пенсильванцев, был бессилен. Выхватил пистолет и угрожал одному из самых буйных мятежников; штык торчал у него из-за пазухи. [FN-1] Одним словом, авторитету офицеров пришел конец. Унтер-офицеры, как правило, участвовали в мятеже, и, когда один из них был назначен главнокомандующим, они двинулись в направлении Филадельфии со своим оружием и шестью артиллерийскими орудиями — глухие к доводам, мольбам и максимальным усилиям своих офицеров изменить свои цели. [FN-2] В качестве последнего средства Уэйн и его офицеры попытались разделить их, но безрезультатно. Тех, кто поначалу казался сопротивляющимся, вскоре убедили объединиться со своими товарищами, выступить маршем на Филадельфию и потребовать возмещения нанесенного им ущерба у дверей Конгресса.

[FN-1] Маршалл.

[FN-2] Письмо Вашингтона президенту Нью-Гэмпшира Уиру. Это было письмо, призывавшее правительство Нью-Гэмпшира предпринять некоторые усилия, чтобы облегчить страдания армии. Циркуляр был разослан по всем штатам Новой Англии с тем же целью и доверен генералу Ноксу как специальному агенту для приведения апелляции в исполнение. Президенту Уиру главнокомандующий прямо сказал: "Я решительно выражаю свое мнение, что напрасно думать, что армия может продержаться вместе гораздо дольше при таком разнообразии страданий, какие выпали на долю нашей; и что, если не будут приняты какие-либо немедленные и энергичные меры по выплате денежного довольствия войскам по крайней мере за три месяца, что будет иметь для них определенную ценность, и в то же время не будут предоставлены способы одеть и накормить их лучше, чем они были, можно ожидать худшего, что может с нами случиться". Законодательные собрания Массачусетса и Нью-Гэмпшира благородно откликнулись на этот призыв и немедленно проголосовали за выплату вознаграждения в размере двадцати четырех долларов звонкой монетой каждому унтер-офицеру и солдату, принадлежащему к этим штатам, которые были призваны на службу во время войны. —*Искры.*

Число восставших составляло около тысячи трехсот человек — потеря, которая сама по себе была бы серьезной. Но самые неприятные опасения возникли из-за опасности не только того, что дух неподчинения может распространиться на другие части армии, но и того, что мятежники могут всем скопом перейти к врагу, который, конечно, не упустит ни минуты, воспользовавшись таким отвлекающим маневром в свою пользу. Поскольку принудительные меры не смогли вернуть мятежников на путь исполнения долга, Уэйн со своими главными офицерами решил следовать за ними по пятам и после того, как первые вспышки их страсти утихнут, попробовать, какие достоинства можно найти в искусстве убеждения. Генерал настиг их ночью в окрестностях Миддлбука, но, поскольку ему посоветовали в их теперешнем настроении не соваться к ним, он пригласил депутацию в составе по одному сержанту от каждого полка встретиться с ним для консультаций. Обсуждение было дружественным, и генерал предложил способ добиться удовлетворения их претензий, который удовлетворил делегатов, которые, уходя в отставку, пообещали оказать свое влияние на возвращение солдат к исполнению своих обязанностей. Но попытка оказалась безрезультатной; и на следующий день мятежники двинулись маршем к Принстону — те немногие, кто был хорошо расположен и желал отделиться от мятежников, продолжили путь с большинством по просьбе своих офицеров в надежде, что их усилия смогут "умерить жестокость своих лидеров и остановить распространение их примера".

Кризис был самым критическим. Главнокомандующий, получив первые сведения о восстании, был склонен немедленно отправиться в лагерь мятежников; но по совету и размышлению от этого курса отказались. Жалобы на Пенсильванской линии в связи с нехваткой провизии и одежды были общими для всей армии, и было сомнительно, насколько далеко могла уже распространиться зараза недовольства. Также главнокомандующий, штаб-квартира которого находилась в Нью-Виндзоре, не мог отважиться на визит к мятежникам, не взяв с собой достаточных сил, чтобы заставить подчиниться его приказам, если применение силы станет необходимым. Но нельзя было выделить достаточное количество войск для такой цели, не оставив крепости в Высокогорье слишком слабыми, чтобы противостоять атаке сэра Генри Клинтона, который, несомненно, нанесет удар по этим важным объектам в первый благоприятный момент. Река была свободна ото льда, и сэр Генри располагал всеми возможностями для такого передвижения в тот момент, когда Вашингтон повернется спиной к

Северу. Таким образом, при всех обстоятельствах дела главнокомандующий оставался на своем посту, не пренебрегая, однако, никакими мерами справедливости, находящимися в его власти, чтобы унять недовольство или принять меры предосторожности, чтобы предотвратить его дальнейшее распространение.

Тем временем мятежники несколько дней оставались в Принстоне, отказываясь проследовать в Делавэр и переправиться в Пенсильванию, в то время как сэр Генри Клинтон сделал все возможное, чтобы воспользоваться восстанием, и, не теряя ни минуты, отправил в их лагерь эмиссаров с заманчивыми предложениями склонить их присоединиться к королевским войскам. Но, какими бы мятежниками они ни были, они, тем не менее, отвергли это предложение; и, оставив эмиссаров под стражей, передали сообщения, носителями которых они были, генералу Уэйну. Несмотря на то, что солдаты восстали против своих офицеров, они, тем не менее, были возмущены идеей обратить свое оружие, как это сделал Арнольд, против их собственной страны; и те из них, кто был настроен благожелательно, воспользовались случаем, проявив большую ловкость, чтобы внушить им всю тяжесть оскорбления, нанесенного предложениями, сделанными им в качестве предателей. [FN]

[FN] Через пять дней после их прибытия к мятежникам, а именно. 11 января эмиссары сэра Генри предстали перед военным трибуналом и были казнены.

Не успели новости о восстании дойти до Филадельфии, как Конгресс назначил комитет, состоящий из генерала Салливана [FN-1] и двух других джентльменов, совместно с президентом Ридом от имени Совета Пенсильвании, для встречи с мятежниками и попытки образумить их. Требования мятежников были непомерными, но в конце концов были удовлетворены с некоторыми незначительными изменениями. Затем они двинулись вперед, к Трентону, и в конце концов, хотя из согласованных условий ожидалось лучшее, пенсильванская линия была почти полностью расформирована. Добровольное выполнение Конгрессом гораздо меньших обязательств, чем было предоставлено комитетом, предотвратило бы зло и спасло бы раскол. [FN-2]

[FN-1] Очень скоро после того, как он уволился из армии, по окончании кампании в Сенеке, генерал Салливан был избран в Конгресс, членом которого он был эффективным и патриотичным. Впоследствии, в 1786, 1787 и 1788 годах, он был президентом Нью-Гэмпшира, и в этой ситуации своими энергичными усилиями он подавил дух восстания, который проявился во время беспорядков с Шейсом в Массачусетсе. В 1789 году он был назначен окружным судьей. Он умер в 1795 году в возрасте 54 лет.

[FN-2] Хотя линия Пенсильвании, таким образом, была распущена, зло было преодолено гораздо раньше, чем ожидалось. Перед концом января Уэйн написал в Вашингтон, что распущенные солдаты "так же нетерпеливо стремились к свободе, как и к службе, и что они так же настойчиво требовали повторного зачисления, как и увольнения в запас". Весной получилась *исправленная* и грозная линия.

Успех пенсильванских мятежников побудил линию фронта Нью-Джерси, дислоцировавшуюся тогда в Помптоне, последовать дурному примеру; и в ночь на 20 января большая часть бригады

взялась за оружие. Их требования были в точности такими же, как те, которые были предъявлены пенсильванцам. К этому времени, однако, главнокомандующий убедился, что он может положиться на восточные войска; и, как бы он ни был огорчен результатом восстания в Пенсильвании, он решил не только больше не поддаваться духу неподчинения, но и подать такой пример, который послужил бы сдерживающим фактором подобным действиям в будущем. Соответственно, генерал Хоу повел сильный отряд войск против повстанцев с инструкциями не выдвигать никаких условий, пока они продолжают сопротивление. Далее генералу Хоу было приказано схватить нескольких зачинщиков и казнить их на месте. Приказы были незамедлительно выполнены, и восстание было подавлено одним ударом. Мятежная бригада вернулась к своим обязанностям, и Штаты приняли такие энергичные меры для удовлетворения потребностей армии, что эффективно сдержали рост недовольства. [FN] Но только благодаря сильному процессу воздействия эти припасы можно было выжать из людей, чье недовольство, хотя и не вызывавшее непосредственной тревоги, было, тем не менее, столь же велико, как и недовольство армии.

Сэр Генри Клинтон попытался воспользоваться этим восстанием в Нью-Джерси таким же образом, как он пытался вмешаться в дела пенсильванцев. Но его эмиссар, действовавший в интересах Америки, передал его документы первому американскому офицеру, с которым он встретился.

Первой активной демонстрацией сэра Генри Клинтона в начале нового года была экспедиция против Вирджинии под руководством генерала Арнольда. На самом деле этот архипредатель отплыл из Нью-Йорка в конце декабря, но он не заходил в Виргинские мысы до начала января, высадившись в Вестовере 6-го. Он двинулся на Ричмонд и после нескольких незначительных стычек по пути уничтожил склады в этом месте, а также в Уэстеме; после чего удалился в Норфолк. Это была обычная грабительская экспедиция, не принесшая никаких важных результатов. Дальше на юг постоянно происходили события более важного значения. Поскольку генерал Грин был назначен командовать этим департаментом после сигнального поражения Гейтса, дела вскоре приняли более радужный оборот. Поражение в битве при Камдене, произошедшей несколькими месяцами ранее, было уравновешено, и по своим моральным последствиям более чем уравновешено, решающей победой над Тарлтоном, одержанной генералом Морганом при Каупенсе 17 января. И хотя Грин потерпел поражение при Гилфорде 15 марта, все же победа досталась графу Корнуоллису слишком дорогой ценой, чтобы считать ее справедливым поводом для триумфа. Точно так же при отражении атаки Грина лордом Родоном при Камдене из-за неподобающего поведения ополчения с британским командующим, тем не менее, обошлись так грубо, что, хотя он получил подкрепление в течение следующей ночи, он счел целесообразным разрушить город и отступить дальше вниз по Санти. Но эти очевидные недостатки были с избытком компенсированы мастерскими маневрами Грина и блестящей чередой побед над более мелкими укреплениями и отрядами противника. В этих последних сражениях были последовательно взяты форты Уоткинсон, Оранджбург, Мотт, Силвер Блафф, Грэнби и Корнуоллис, и противник был вынужден эвакуировать другие форты. Лорд Родон также был вынужден отступить к Чарльстону, в то время как Корнуоллис предпринял сомнительный поход в Виргинию. Большим недостатком, с которым столкнулся генерал Грин, была необходимость в значительной степени зависеть от ополчения — у него не было регулярных войск, достаточных, чтобы справиться с ветеранами из Европы. Но, хотя он и не

всегда побеждал в битвах, его результаты неизменно были такими же. И его виртуозные движения доказывали, что он намного опережает любого из своих противников по всем параметрам, необходимым способному командиру.

Но в то время как на Юге происходили события, столь благоприятные для американского вооружения, положение дел, как уже было замечено, на Севере было печально обескураживающим. В дополнение к потерям в основной армии, вызвавшим восстания на линии Пенсильвании и Нью-Джерси, небольшие гарнизоны из Олбани на севере и западе были снабжены так скудно, как в отношении продовольствия, так и одежды, что офицерам лишь с большим трудом удавалось удерживать солдат на службе. Поскольку вся страна могавков была разорена предыдущим летом и осенью, никаких припасов нельзя было получить от уменьшившихся в численности и обнищавших жителей, оставшихся в этих поселениях; в то же время было одинаково трудно раздобыть припасы ни в Олбани, ни ниже, ни к востоку от этого города. Больно читать частную переписку генерала Шайлера, губернатора и генерала Клинтонов по этому вопросу. Свободно отдавались приказы о закупке провизии, особенно для недовольной части населения, численность которой в этой части страны значительно возросла; но часть захваченных таким образом припасов была возвращена, поскольку генералу Шайлеру было известно, что у них больше нет ничего для собственного пропитания. Тем временем, ободренный своими успехами предыдущего года, враг околачивался на окраинах поселений, подходя почти под самые орудия фортов, перерезая с ними всякую связь, разве что с помощью сильного сопровождения, так что было трудно, а часто и невозможно даже подбросить гарнизнам те скудные припасы, которые удавалось раздобыть.

После того как онейды были изгнаны из своей страны годом ранее, даже небольшой барьер против вторжения более западных племен, которые все были враждебны, в страну могавков, создаваемый этим стройным народом, исчез. 15 января разведчики Тайенданеги открыто появились на немецких квартирах и напали на некоторых жителей. В течение февраля и марта Брант слонялся по Ирокезу, готовый наброситься на любой груз припасов, предназначенный для фортов Плейн, Дейтон и Шайлер, не слишком хорошо охраняемый и отсекающий каждого отставшего солдата или жителя, которым посчастливилось попасть в его руки.

6 марта майор Николас Фиш написал генералу Клинтону из Скенектади, сообщив ему, что отряд из пятнадцати человек из полка полковника Ван Кортландта в форте Шайлер попал в руки индейцев Бранта; а 2 апреля, двигаясь к окрестностям этого форта, чтобы отрезать другой конвой с припасами, тот же самый вождь с рысьими глазами взял в плен другой отряд из этого гарнизона численностью шестнадцать человек. Однако трудность транспортировки провизии и нетронутый снег, залегший на большую глубину, настолько сильно замедлили продвижение разведчиков, что бесстрашный воин был разочарован этой частью добычи, поскольку, как выяснилось впоследствии, попытался нанести удар слишком рано.

Но преследуемые онейды, несмотря на нейтралитет большей их части, не были в полной безопасности на своем новом месте близ Скенектади. Это, кажется, раздражало обе Брант и его работодателей, что одно племя индейцев были оторваны от их влияния или услуги, и их уничтожение было снова серьезно задумался, с санкции сэра Фредерик Халдиманд, как будет более подробно появляться на прилагаемое к нему письмо от полковника Даниила Мороза, шурина сэра Джона Джонсона, капитан Брант.

"Полковник Клаус капитану Бранту.

"Монреаль, 3 марта 1781 года.

"Дорогой Джозеф,

"Капитан Джон Одесерундае около месяца назад показал мне письмо, которое он получил от вас, с предложением к нему об онейдах, в котором говорилось, что он ответил вам, что присоединится к вам со своим отрядом примерно 20 числа этого месяца, одновременно желая, чтобы я держал это в секрете от индейцев могавков и других, опасаясь огласки; затем он спросил меня, где сейчас живут онейды, чего я тогда не мог ему сказать; но с тех пор мне сообщили, что повстанцы расположились в местечке под названием Палмерстаун, примерно в двенадцати или пятнадцати милях к западу от Сарахоги, о котором я ознакомил Его Превосходительство генерала Холдиманда вместе с вашими намерениями и планом; после чего я получил ответ Его Превосходительства, предписывающий мне хранить все в строжайшей тайне, и который я настоящим передаю вам словами его письма через капитана Мэтьюза, его секретаря, и который является поводом для этого сообщения.

"Его Превосходительство генерал Холдиманд приказывает мне уведомить вас, что намерение капитана Бранта находит его полное одобрение и желает содействовать ему; что может быть сделано отсюда следующим образом, но генерал желает, чтобы вы сохранили это в неприкосновенности. В течение некоторого времени он намеревался послать отряд примерно из шестидесяти отборных лоялистов под командованием майора Джессапа в направлении форта Эдвард; этот отряд мог бы присоединиться к Джозефу против Пальмерстауна, если бы он определил время и место, что можно было бы почти сделать, рассчитав время, которое потребуется его экспрессу, чтобы прибыть с острова Карлтон — его марш оттуда, а майора Джессапа - из Пойнт-о-Фес, он же Никадиуни. Если Джозеф желает получить такую помощь, он должен посоветоваться с майором Россом, который отправит срочный вызов; в противном случае, если Джозеф предпочтет помощь оттуда, майору Россу и капитану Робертсону поручено предоставить ее; и, действительно, задержки и неуверенность в том, что стороны присоединятся вовремя, склоняют генерала считать это более приемлемым.

"Если вы после этого примете предложение и мнение генерала и отправитесь с острова Карлтон в Пальмерстаун, с которым, я уверен, хорошо знакомы несколько человек майора Росса и другие жители острова, я желаю вам помощи Провидения со всем мыслимым успехом; в этом случае это будет одна из самых важных услуг, которые вы оказали своему королю в этой войне, и только он может заметить и вознаградить вас; ваше возвращение через Канаду будет самым коротким и достойным, и мы будем очень рады видеть вас здесь. Поскольку я получил письмо генерала только сегодня днем, я не смог поговорить с Одесерундье, но написал ему срочным письмом, чтобы сообщить вам точное время, когда он намерен встретиться с вами. Миссис Клаус и все друзья здесь в добром здравии и сердечно приветствуют вас; также ваша сестра и дочери; остальные здесь в добром здравии и желают вам любви и исполнения долга. Я надеюсь, что она получила в целости вещи, которые я недавно отправил Анне. Adieu. Да благословит вас Бог и дарует вам процветание.

Искренне ваш, ДЭНИЕЛ. КЛАУС.

-Капитан Брант.

"Р. С. Большим преимуществом отправления с острова Карлтон является маршрут, который настолько неожидан, что вряд ли можно сомневаться, но вы удивите их, а это отличный результат. Принимая во внимание, что, если бы вы отправились из Канады, у повстанцев было бы так много друзей, как белых, так и индейцев, что вы не смогли бы добраться до места незамеченными, что было бы не очень хорошо.

"Д. К."

К счастью, по какой-то неизвестной сейчас причине этот проект, столь хорошо разработанный и, по-видимому, столь близкий к завершению, так и не был реализован. Поэтому повествование возобновляется.

Столь велика и повсеместна была нехватка провизии, о которой уже говорилось, что 29 марта генерал Клинтон написал губернатору: "Я ежечасно испытываю опасения, что оставшиеся различные посты, занятые для защиты границ этого штата, будут оставлены, и страна останется открытой для опустошительных действий врага". Такие продолжающиеся страдания, конечно, вызвали недовольство и в этом подразделении; и со стороны офицеров требовалась максимально возможная осмотрительность, чтобы предотвратить дезертирство целых подразделений. Их положение было настолько критическим, что в письме губернатору от 3 мая генерал Клинтон упоминает тот факт, что небольшой разведчик под командованием капрала в окрестностях Порт-Джорджа, захватив отряд противника "с пакетом, был подкуплен, чтобы освободить их за гинею каждого и два шелковых носовых платка". Еще хуже этого было то, что генерал боялся открыто приступить к наказанию за правонарушение. 5—го генерал Клинтон снова написал губернатору: "Судя по нынешнему виду, я убежден, что войска оставят границу. Абсурдно предполагать, что они могут или будут существовать при нынешних обстоятельствах. Однако, какими бы ни были последствия, мне не в чем себя упрекнуть. Я неоднократно обращался за помощью со всех сторон, но так и не смог ее получить". 8 мая генерал Шайлер в письме из Саратоги сказал— "Я написал вам сегодня утром, после чего, обнаружив, что войска находятся в крайне беспокойном состоянии, полковник Ван Вехтен и я выгнали каждого из лучших коров, которые у нас были; мясо оказалось лучше, чем ожидалось, но солдаты все еще продолжают доставлять хлопоты; они повесили часть мяса на шест с красным флагом над белым, и некоторые из них ведут очень тревожные разговоры. Я боюсь последствий, поскольку они так легко могут присоединиться к врагу. Если бы здесь был отряд из девятимесячных солдат, это, вероятно, удержало бы остальных от ухода на север, [имея в виду врага] если бы у них было такое намерение".

Большая вина была возложена на Конгресс, а также на правительства штатов за то, что они позволили комиссариату дойти до такого плачевного состояния. Было известно, что ресурсов страны было в избытке для комфортного содержания гораздо большей армии, чем та, что находилась в то время на поле боя; но эффективным действиям Конгресса препятствовала нехватка у него власти. Штаты, ревниво относившиеся к своему собственному суверенитету, лишили центральное правительство полномочий, которые были необходимы для энергичного ведения войны, в то время как им лишь изредка удавалось добиться одновременного и гармоничного применения самих этих полномочий. Отсюда частые и острые бедствия армии и сложные затруднения, с которыми офицеры были вынуждены бороться на протяжении всей войны. Тем не менее, вина не лежала полностью на Штатах. На конгрессах того времени, как и в

более поздние времена, царили зависть, раздоры сердец и интриги; и их проведение часто было предметом горьких жалоб в письмах главнокомандующего. Следующее письмо генерала Шайлера сильно обрушивается на должностных лиц федерального правительства, в то же время в нем изображается крайняя нищета, царившая на севере страны в рассматриваемый период:

—

"ГЕНЕРАЛ ШАЙЛЕР ГЕНЕРАЛУ КЛИНТОНУ.

"*Саратога*, 13мая 1781 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Ваша милость, капитан 8-го мгновения, капитан Вернон доставил меня вчера вечером. Бедствие, вызванное нехваткой провизии во всех кварталах, действительно вызывает тревогу, но было естественным следствием такой системы, которая была принята для снабжения армии. Вполне вероятно, что если мы сможем продолжать войну еще десять лет, то наши правители научатся вести ее пристойно и экономно; в настоящее время они, безусловно, невежды. В этом квартале нельзя достать ни одного бочонка мяса или рыбы, если бы за него предлагали серебро равного веса, а поскольку муки или пшеницы недостаточно для употребления жителями не более четверти, было бы излишне назначать сюда людей для оттиска этих изделий. Поэтому я возвращаю незаполненные ордера.

"Вполне вероятно, что некоторое количество муки можно раздобыть в окрестностях Шагтикиока, и я *уверен*, что очень значительное количество как пшеницы, так и муки хранится в Олбани. Майор Лаш мог бы нанять своего помощника на первое место, а на втором он мог бы произвести впечатление на всех *без особых проблем*. В Стиллуотере был собран небольшой запас мяса для здешних войск, но оно уже израсходовано. Если в Ричмонде или Баррингтоне возникнут какие-либо разногласия, я думаю, было бы неплохо отправить отряд из людей сроком на девять месяцев под командованием энергичного офицера, чтобы произвести впечатление на несколько фургонов в Киндерхуке и Клавераке и сопроводить их до первых мест и обратно к соответствующим местам высадки последних на реке Гудзон. Если представится возможность, пожалуйста, пришлите мне немного бумаги, поскольку это мой последний лист. Капитан Арсон еще не вернулся от Джессапа.

"Я, дорогой сэр, искренне Ваш, и проч., и проч. ДОКТОР ФИЛОСОФИИ ШАЙЛЕР.

"*Gen. Клинтон.*"

Это была действительно тяжелая ситуация для храбрых и патриотически настроенных офицеров - оказаться командующими войсками, доведенными нищетой до того, что почти всем скопом перешли на сторону врага. Но вскоре произошло еще одно обескураживающее событие. Сооружения Форта Шайлер, которые в значительной степени вышли из ремонта, сильно пострадали из-за поднятия уровня воды в начале мая. Совет офицеров организуемые лейтенант Полковник Кокран, затем в команду, на 12-й месяц, чтобы узнать и доложить, что должно быть сделано в помещении. Совет заявил, что более двух третей сооружений было разрушено

наводнением и что остаток будет в том же состоянии через несколько дней; что единственная оставшаяся сила форта заключалась во внешних пикетах на гласисе; и что численность гарнизона была совершенно недостаточной, чтобы попытаться восстановить или отремонтировать сооружения, для чего было бы совершенно необходимо пятьсот или шестьсот человек с инженером, ремесленниками и т. Д.

Но даже если 12-го числа эти работы не были полностью неоправданными, они стали таковыми на следующий день, когда все, что уцелело от потопа, было уничтожено огнем. Разведанные об этой катастрофе были получены генералом Клинтоном в Олбани 16-го числа в письме от полковника Кокрэна. Ниже приводится выдержка из ответа генерала Клинтона этому офицеру, из которого следует, что возникло сильное подозрение, что пожар был преднамеренным — подозрение, которое так и не было устранено: "Я только что получил ваши милости от 13-го и 14-го числа с содержащимися в них неприятными сведениями. Я не могу найти слов, чтобы выразить свое удивление неожиданным происшествием или тем, как пожар мог вспыхнуть в полдень в гарнизоне, где войска никак не могли отсутствовать, после самого сильного и непрекращающегося дождя в течение нескольких дней, и ему было позволено нанести такой большой ущерб. С сожалением должен сказать, что несколько обстоятельств, сопровождавших это печальное происшествие, дают веские основания подозревать, что это не было результатом простой случайности. Я надеюсь, что когда дело дойдет до более пристального рассмотрения, на него можно будет бросить такой свет, который снимет подозрения, для которых, по-видимому, слишком много оснований. Я написал его Превосходительству по этому поводу и запросил его дальнейших распоряжений, которые ожидаю через несколько дней; тем временем я хотел бы попросить вас сохранить за собой укрепления и постараться наилучшим образом укрыть войска".

В своем письме губернатору, приложенном к депешам полковника Кокрэна, генерал Клинтон высказал предположение о целесообразности, при данных обстоятельствах дела, вообще оставить пост и отступить к форту Херкимер. На следующий день он снова написал своему брату, возобновляя и подкрепляя это предложение:

"ГЕНЕРАЛ КЛИНТОН - ГУБЕРНАТОРУ.

"Олбани, 17 мая 1781 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Со вчерашнего дня, когда я писал вам в последний раз, из Форта Шайлер было получено еще одно срочное письмо. Копии содержания, которые я прилагаю для вашего сведения, под обложкой, которую я хочу, чтобы вы запечатали и направили Главнокомандующему. Вчера я проинформировал вас об общем преобладающем мнении среди большей части населения этого квартала относительно форта Шайлер. Недавняя потеря казарм и плачевное состояние завода утвердили их в целесообразности и даже необходимости перенести его на немецкие квартиры близ форта Херкимер, где они готовы оказать любую посильную помощь в строительстве грозного сооружения, уверенные, что оно сможет обеспечить большую защиту не только в этом конкретном квартале, но и на всей западной границе в целом. Должен признаться, что я уже давно придерживаюсь такого мнения. Я не упомянул об этом

обстоятельстве генералу [Вашингтону], поскольку, как я полагаю, вам будет лучше узнать об этом от вас, поскольку вы знакомы со всеми конкретными обстоятельствами, касающимися этого, и с бесчисленными трудностями, с которыми мы столкнемся, переводя его в сколь-нибудь значительное состояние обороны. Поскольку я приказал войскам оставаться на объекте до тех пор, пока я не получу указаний из штаба, я хотел бы, чтобы в ваших силах было провести совещание с генералом по этому вопросу и без промедления передать мне его результаты.

- Я, сэр, и т.д. Джас. Клинтон.

"Губернатор Клинтон."

Это предложение было принято, и пост, который так долго считался ключом к долине Мохок, был заброшен. [FN]

После войны форт был перестроен, и древнее название Форт Стэнвикс было восстановлено. Во время правления старшего Адамса здание было отремонтировано и существенно укреплено как важный пост.

В дополнение к этому удручающему положению дел к западу от Олбани были получены разведданные о том, что на северной границе вот-вот разразится еще один шторм. В письме генерала Шайлера генералу Клинтону из Саратоги, 18 мая, после упоминания о "огорчении", которое он испытал в связи с разрушением форта, Шайлер продолжает: —

"Вчера вечером сюда приходил майор М.^кКрэкен из Уайт-Крика и передал мне копию найденного там документа, написанного тем же почерком, что и тот, что был прикреплен на том же месте в прошлом году, в котором сообщалось о приближении майора Карлтона с войсками под его командованием. По существу, в нем говорится: "Что автор получил письмо от друга из Канады, в котором тот уведомлял его об опасности, угрожавшей этим краям; что 1500 человек отправились в Тикондерогу, откуда они должны были отправиться в Форт Эдвард и Уайт-Крик; что они должны были высадиться в этом месяце и, насколько он смог узнать, они должны были опустошить страну". Майор думает, что он знает канал, по которому передаются эти сведения, и что на них можно положиться; — поскольку они в некоторой степени подтверждают то, что сообщили Гаррис и человек, которого я послал в Краун-Пойнт, ими не следует пренебрегать. Пожалуйста, сообщите об этом губернатору и генералу Вашингтону.

"Четырнадцать человек из девяти месяцев уже дезертировали, двое из них задержаны. Сейчас на этом посту их всего тридцать девять. Поскольку континентальные войска здесь без обуви, невозможно не допустить необходимых разведчиков. Нельзя ли получить посылку с обувью в Олбани и отправить им наверх? Будет важно как можно скорее сообщить, появится ли отряд, обнаруженный полковником Льюисом, на реке Мохок, чтобы мы могли с находящимися здесь войсками и тем ополчением, которое сможем собрать, попытаться перехватить их ".

В постскрипуме к письму от 21—го числа генерал Шайлер заметил: "После вышесказанного я был проинформирован из *очень надежных источников*, что утренние и вечерние выстрелы противника в Тикондероге были отчетливо слышны вблизи форта Энн в течение трех или четырех дней", А 24-го генерал еще более уверенно писал о приближении противника. "Капитан Грей вернулся. Он не был достаточно близко, чтобы определить силы противника, но

достаточно, чтобы по огням определить, что их много. Разве это не странно и не вызывает подозрений, что жители Вермонта не сообщают нам никаких сведений о приближении врага, поскольку они наверняка должны знать о его прибытии в Краун-Пойнт и Тикондерогу?" [FN]

Это двусмысленное поведение Вермонта стало следствием ссоры между поселенцами грантов из Нью-Гэмпшира, которые находились в установленных законом пределах, и правительством Нью-Йорка. Полковник Аллен незадолго до этого был в Олбани по делам поселенцев и уехал оттуда недовольный — перед отъездом он произнес угрозу. Как сообщили генералу Шайлеру, в это время он находился на острове О—Нуа — заболел, как и было притворно.

Это были тревожные сведения, особенно в связи с сообщениями, одновременно поступавшими с запада, об экспедиции, планируемой против Питтсбурга под предводительством сэра Джона Джонсона и полковника Коннелли; в то же время поступали другие сообщения о более масштабных объединениях враждебных индейцев, чем те, которыми ранее была отмечена война. Но даже это было не все — и ни в коем случае не самое худшее в случившемся. Совершалось предательство, и, судя по настроению огромного числа людей, поведению недовольных, а также сведениям, полученным с помощью шпионов и перехваченных депеш, были все основания опасаться, что, если враг снова вторгнется в страну, будь то с севера или запада, к его знаменам присоединится гораздо большее количество людей, чем сплотилось бы под ним в любой прежний период. Яд активно действовал даже в Олбани. 24 мая генерал Шайлер объявил генералу Клинтону о возвращении конфиденциального агента с севера, "где он встретился с пятью противниками, в доверие к которым он настолько втерся, что ему доверили письма, написанные на месте лицам в Олбани, имена которых я воздерживаюсь упоминать" (говорит Шайлер), "опасаясь несчастных случаев". В них не содержалось ничего существенного, за исключением прибытия вражеских войск в Краун—Пойнт и Тикондерогу, с таким выражением в одном: "Мы наладим редкую работу с повстанцами". Но вскоре были перехвачены другие, более "существенные" депеши, из содержания которых напрашивался вывод не только о том, что вот-вот произойдет мощное вторжение с севера, но и о том, что в Олбани и прилегающих городах были приняты весьма обширные меры для приема захватчиков, к знаменам которых должны были присоединиться недовольные, и чьи желания они были удовлетворены. снабжать. Среди перехваченных таким образом бумаг было следующее письмо, предположительно адресованное генералу Холдиманду:

"Олбани, 9 мая 1781 года.

"Из этого ваше превосходительство может узнать, что, когда я получил ваши инструкции и т. Д., Я был вынужден в то время укрыться в безопасном месте, поскольку против меня были выдвинуты серьезные обвинения. Я благодарю Бога, что сумел остановить эту бурю. Ваши приказания соблюдаются в точности, часть из них добросовестно выполняется, с подробностями чего я надеюсь в скором времени иметь честь ознакомить вас устно. Сейчас самое время нанести удар по этому месту, когда присоединятся толпы, при условии, что сюда придут значительные силы. Чем скорее будет предпринята попытка, тем лучше. Пусть это будет быстро и бесстрашно, тщательно избегая раздражать жителей дикой жестокостью по

отношению к их незащищенным семьям. Если бы несколько листовок с намеками на прощение, защиту и т. Д., и т. Д. Были разосланы и распространены в этой части страны, Они произвели бы чудеса; и если ваше превосходительство сочтет нужным послать армию против этого логова преследователей, уведомление должно быть дано за десять дней до этого каким-нибудь осторожным и умным человеком некоему мистеру М.^c Ферсону в Боллс-Тауне, который немедленно сообщит о намерении всем пострадавшим в Новой Шотландии, Norman's Kill, Hillbarack's, Neskayuna и т. Д., Всем в окрестностях. из Олбани. План уже разработан, и если появятся грозные силы, я не сомневаюсь, что немедленно будут предоставлены провизия и другая помощь. Несколько печатных строк утешения от вашего Превосходительства в адрес этих людей заставили бы их с еще большим рвением претворять в жизнь свои замыслы; и если вермонтцы будут сидеть тихо, а я на это надеюсь, то можно не опасаться успеха. Никакие войска еще не подняты. Скоро будет отправлен флаг из этого места; возможно, я смогу поехать с ним; я ожидал, что до этого времени меня "уберут из моего нынешнего положения" и т. Д.

"25 мая. Примечание. Я ожидал, что это дойдет до вас раньше, но не имел возможности. Извините за спешку". [FN]

[FN] Этот документ был обнаружен автором среди бумаг генерала Клинтона. Подпись на нем следующая: "Копия письма, написанного рукой доктора Смита, предположительно генералу Холдиманду. Перехвачено 27 мая 1781 года". Автору не удалось установить, кем был доктор Смит, за исключением того, что ему сообщили в Олбани, что он приходился братом Смит, историку из Нью-Йорка, впоследствии главному судье Нью-Брансуика. Некоторое время спустя губернатор Клинтон направил специальное послание законодательному собранию, заседавшему в то время в Покипси, содержащее важную информацию, касающуюся намерений жителей Вермонта, из которой следует, что доктор Смит активно участвовал в разжигании недовольства в этом квартале и проводил беседы по этому вопросу с Итаном Алленом в Олбани и т.д. В этом послании говорится, что британские офицеры назначили Смита уполномоченным для ведения переговоров с жителями Вермонта.

К этому письму прилагались несколько страниц записок, написанных тем же почерком, в которых содержалась конкретная информация по каждому пункту, который мог понадобиться противнику. Было описано плачевное положение Олбани и всей страны могавков; изложены настроения людей в городах вокруг Олбани и в других местах; со всей необходимой точностью дана численность основной армии в Высокогорье; объявлена миссия Итана Аллена в Олбани и вероятное дезертирство Вермонта. Действительно, характер этих сообщений слишком ясно показывал, что измена была глубоко и широко распространена и что враг, вне всякого сомнения, был правильно проинформирован об истинном положении страны. [FN]

[FN] См. Приложение, № II.

При всех этих обстоятельствах внутренней и внешней опасности — с малочисленными гарнизонами в наиболее подверженных риску пунктах, да еще с таким жалким обеспечением, что солдаты дезертировали десятками, демонстрируя недвусмысленные намерения перейти на сторону врага, — без провизии или средств ее добывания и едва зная, кому доверять среди

своего собственного народа, чтобы недовольство не оказалось еще более масштабным, чем недавние разоблачения научили предполагать офицеров, — весну 1781 года вполне можно считать самым мрачным периодом революции. Если бы не отблески света, пробивающиеся с юга, все действительно было бы погружено в угрюмую тьму, если не в отчаяние. Но истина домашней пословицы о том, что самый темный час всегда наступает незадолго до наступления дня, получила великолепную иллюстрацию перед концом года. "Привыкший обдумывать все общественные события, которые могли бы проистекать из положения Соединенных Штатов, и готовиться к ним, находясь на расстоянии, американский вождь не был подавлен таким положением дел. С умом, к счастью закаленным природой и усовершенствованным опытом, те счастливые события, которые время от времени озаряли перспективы его страны, никогда не ослабляли его усилий и не ослабляли его предосторожностей; и даже самое катастрофическое положение вещей не могло довести его до отчаяния". К счастью, в лице Клинтонов и их помощников-офицеров на севере у американского командующего были подчиненные, в немалой степени обладающие теми же замечательными качествами. Были приняты все возможные меры предосторожности против таящейся внутри страны измены, и были приняты все практически осуществимые средства подготовки, средства подготовки и защиты от вторжения из-за границы.

[Ф. Н.] Маршалл.

Предвидя, исходя из присутствия противника у Тикондероги, что округ Трайон может снова подвергнуться нападению с этого направления со стороны Сакондаги, капитан Джон Карлайл был направлен в поселения Нью-Голуэй, Пизли и Боллстон в сопровождении капитана Отута и небольшого отряда индейцев, чтобы взять в плен определенных лиц, подозреваемых в недовольстве американским делом, и вывезти все семьи из этих городов на южный берег реки Мохок. Таким образом, было вывезено около шестидесяти семей, а все подозреваемые арестованы. Капитан в своем отчете об экспедиции дал прискорбный отчет о бедности людей. Он едва мог прокормить свою группу во время своей миссии. Однако, прибыв в Баллстон, он более щедро воспользовался припасами недовольных, а затем арестовал их. Но их настрой, как капитан Отут был рад сообщить комиссарам, был таков, что они "не позволили ему поджечь их дома в соответствии с буквой его приказов". К счастью, в этих мерах предосторожности и других приготовлениях на тот момент не было необходимости — враг, если бы он действительно был в силе в Краун-Пойнте или Тикондероге, не отважился бы на новое вторжение с этой стороны.

Рукописи генерала. Клинтон. Действительно, материалы для всего этого раздела северной истории весны 1781 года в основном были взяты из документов Клинтона, на которые так часто ссылаются.

Но долина Мохок постоянно подвергалась нападениям индейцев и тори — вплоть до самых частоколов и других небольших укреплений. Дух народа был в значительной степени подавлен, а ополчение разбито во время неоднократных вторжений предыдущего года. Преподобный Дэниел Грос в письме генералу Клинтону из Канаджохари о важности наличия хотя бы небольшого отряда регулярных войск в форте Ренсселер заметил — "Это помогло бы привнести дух, порядок и регулярность в наше ополчение, где исчезли авторитет и субординация. Если это

продлится еще немного, тень этого рассеется; и, возможно, лучшие люди в государстве станут бесполезными зрителями всего того опустошения, которое враг замышляет против страны. Ополчение представляется мне телом без души. Призывы из соседних графств, даже рекрутов под командованием их собственных командиров, не уменьшат фатальных симптомов, а скорее послужат созданию монстра с таким количеством голов, сколько существует отрядов". Не имея других защитников, кроме тех, что здесь описаны, за исключением нескольких разрозненных отрядов, или, скорее, остатков отрядов, на разных постах, протянувшихся вдоль Долины, перспектива начала лета была действительно мрачной — особенно когда мысли людей вернулись к страданиям прошлого. Жителей также не поощряли ожидать каких-либо значительных подкреплений из центральных районов, поскольку главнокомандующий совместно с графом де Рошамбо, очевидно, снова готовился к какому-то более важному предприятию, чем защита этих отдаленных поселений от любых сил, которые могли быть обрушены на них с севера.

Впоследствии профессор Колумбийского колледжа и автор работы по философии морали.

Тем не менее, был один офицер, чье имя среди жителей этого района было опорой силы. Этим человеком был полковник Маринус Уиллетт; который при объединении пяти нью-йоркских полков в два — событие произошло примерно в то же время — был вызван настойчивыми просьбами губернатора Клинтона принять командование всеми набранными ополченцами и войсками штата, которые могли быть собраны для защиты страны. Лишь с большой неохотой полковника Уиллетта убедили покинуть основные силы армии и поступить на эту трудную и опасную службу. Но призыв губернатора Клинтона был настолько силен и подкреплялся с такой серьезностью, что он не смог ему сопротивляться. Губернатор подчеркнул высокое доверие, оказанное ему жителями округа Трайон, и напомнил ему о жестокости индейцев и тори, подчеркнуто говоря о последних как о "жестоких чудовищах, худших, чем дикари"; [FN-1] и полковник Уиллетт, испытывая искреннее желание наказать такого врага — особенно тори, — отправился на север и принял командование. Ближе к концу июня он прибыл в форт Ренсселер (Канаджохари), где разместил свою штаб-квартиру. Страна, которую он должен был защищать, охватывала все поселения к западу от графства Олбани, включая Катскилл и реку Гудзон. Через две недели после своего прибытия он удостоверился, что следующие основные подразделения составляли полный состав войск под его командованием: сто тридцать новобранцев, включая офицеров, и артиллерия капитана Муди численностью двадцать человек на немецких квартирах; в Шохари он разместил охрану из двадцати человек; в Катскилле примерно столько же и около тридцати человек в Боллстоне. За исключением этих крошечных частей войск, расквартированных на большом расстоянии друг от друга, численность рекрутов округа составляла не более девяноста шести человек. В письме губернатору Клинтону, сообщая о малочисленности своих войск, полковник Уиллетт добавил: "Признаюсь, я немало разочарован тем, что имею в своем распоряжении такие незначительные силы для выполнения столь масштабных задач, а также тем, что ничего не сделано для того, чтобы я мог воспользоваться ополчением. Перспектива страдающей страны причиняет мне боль. Что касается меня, то я не испытываю беспокойства. Все, что я могу сделать, будет сделано; большего ожидать нельзя. Если это так, то осознание того, что я выполнил свой долг, должно укрепить мое собственное спокойствие". [FN-2]

[FN-1] Рассказ Уиллетта.

[FN-2] Idem.

Однако, какими бы подавленными ни были люди и какими бы неэффективными, судя по предыдущим описаниям, ни должны были стать ополченцы, эти обстоятельства, без сомнения, в значительной степени объяснялись нехваткой офицеров, которым люди могли бы доверять. Полковнику Уиллетту очень скоро представилась возможность испытать их дух, и он нашел их "народом, который, испытав немалую долю британского варварства, был полон решимости отомстить". [FN-1] Повод был следующий: 30 июня гарнизон форта Ренсселер обнаружил несколько столбов дыма, поднимавшихся, как от охваченной огнем деревни, в направлении Карритауна, расположенного в одиннадцати милях вниз по реке, недалеко от устья реки Шохари-килл. Предварительно выслав разведку из тридцати человек под командованием капитана Гросса для патрулирования местности на юг до поселения под названием Дурлаг, [FN-2] был отправлен экспресс, чтобы догнать этого офицера, с информацией о вероятном присутствии противника внизу и с инструкциями, если возможно, напасть на его след. Тем временем капитану М.^кКину было приказано отправиться в Карритаун всего с шестнадцатью призывниками, но с инструкциями собрать как можно больше ополченцев на своем пути. Передвижение М.^кКина было настолько стремительным, что он прибыл в Карритаун так скоро после того, как он был разорен и покинут врагом, что это дало ему возможность помочь в тушении пожаров в некоторых еще не сгоревших зданиях. Полковник Уиллетт сам был активно занят в течение дня сбором ополчения, в то время как благодаря бдительности капитана Гросса был обнаружен не только след индейцев, но и место их стоянки. Имея основания предполагать, что они займут тот же лагерь этой ночью, и к ним перед вечером присоединились отряды Гросса и М.^кКина, полковник решил с этими силами и тем немногочисленным ополчением, которое ему удалось собрать, выступить прямо к лагерю и, если возможно, застать их врасплох до наступления утра — возможно, пока они спали. Этот лагерь располагался в густом кедровом болоте, в пяти или шести милях к северо-востоку от Вишневой долины, и, конечно, добраться до него маршем через лес, чрезвычайно темной ночью и без какой-либо дороги получше, чем узкая тропа, было непростым делом. Было установлено, что индейцев насчитывалось от двухсот до трехсот человек, которыми командовал тори по имени Джон Докстейдер, связанный с индейским вождем по имени Кваки. Численность полковника Уиллетта, включая рекрутов и ополчение, не превышала ста пятидесяти рядовых. План напасть на врага во сне не совсем удался из-за трудностей марша, вызванных темнотой, густотой леса и, что хуже всего, тем, что проводник сбился с пути. Таким образом, было почти шесть часов утра, когда они прибыли в окрестности лагеря; и, вместо того чтобы напасть на врага врасплох, они обнаружили, что он занял более выгодное положение и ожидал их приема. Были немедленно составлены распоряжения для вступления в бой с противником, с целью чего была разработана военная хитрость, направленная на то, чтобы выманить его из выгодной ситуации, которую он выбрал. С этой целью, прежде чем индейцы полностью осознали приближение Уиллетта, Джейкоб Сэммонс, ныне лейтенант нью-йоркских новобранцев, был выделен с десятью решительными людьми, чтобы подобраться к ним как можно ближе, открыть по ним один прицельный огонь и отступить. Уловка удалась. Сэммонс и его люди повернулись спиной к первому крику индейцев, и последние бросились в погоню. [FN-3] Вскоре их встретил полковник Уиллетт собственной персоной, наступавший во главе своего основного подразделения, состоявшего из ста человек,

в то время как капитан М.^сКин был оставлен с еще пятьюдесятью в качестве резерва, чтобы действовать, если потребуется, справа. Однако враг не стал дожидаться атаки, а с видимой решимостью двинулся вперед со своими обычными криками и улюлюканьем и открыл огонь. Натиск индейцев был яростным; но они были встречены стойко, и в свою очередь американцы двинулись на них с громкими возгласами "ура" и такими проявлениями духа, которые вскоре заставили их отступить. Одновременно с атакой на основные силы, шедшие впереди, индейцы предприняли столь же отчаянный бросок на правое крыло, который мог закончиться катастрофой, если бы не разрушительный огонь, обрушенный на них резервом М.^кКина. Индейцы, отброшенные таким образом назад, теперь вернулись к своей старой игре - стрельбе из-за деревьев; но люди Уиллетта понимали этот способ ведения боя так же хорошо, как и они сами. Однако они недолго практиковались в этом. Уиллетт рванулся вперед, размахивая шляпой и подбадривая своих людей, крича, что он может поймать в свою шляпу все мячи, которые может послать враг; и на одном дыхании воскликнул: "Этот день за нами, мои мальчики!" За этими вдохновляющими демонстрациями последовало своевременное и эффективное применение штыка, и через полчаса после начала боя вся группировка противника была обращена в бегство. Они отступили по своему старому пути вниз по Саскуэханне, и их преследовали на значительном расстоянии. Их лагерь, конечно, был взят, а собранная ими добыча возвращена. Потери индейцев были серьезными — почти сорок их убитых остались на поле боя. Потери полковника Уиллетта составили пять убитых и девять раненых и пропавших без вести. Среди раненых был храбрый капитан М.^сКин, смертельно раненный. Он получил два мяча в начале боя, но оставался на своем посту, пока все не закончилось и разгром противника не был завершен. [FN-4]

[FN-1] Письмо полковника Уиллетта генералу Вашингтону.

[FN-2] Иногда пишется Терлок. Сейчас город Шарон, округ Шохари.

[FN-3] СР. рассказ Джейкоба Сэммонса.

[FN-4] Рассказ Уиллетта—Кэмпбелл.

В этой битве было одно очень болезненное обстоятельство. Накануне во время своей поездки в Карритаун Докстад и его индейцы взяли в плен девять человек, среди которых были Якоб и Фредерик Дифендорфы, Джейкоб Майерс с сыном, чернокожий мальчик, и еще четверо. В тот момент, когда началась битва, пленники, которые для безопасности были привязаны к стоящим деревьям, были изрезаны томагавками и скальпированы своими похитителями и оставлены как мертвые. Тела этих несчастных были похоронены войсками полковника Уиллетта. К счастью, однако, могилы были неглубокими, а покрытие незначительным — обстоятельство, позволившее Якобу Дифендорфу, который, хотя и был оглушен и, по-видимому, мертв, все же был жив, откопать себя. Отряд ополчения под командованием полковника Видера, отправившийся на поле боя после того, как Уиллетт вернулся в Форт Ренсселер, обнаружил предполагаемого покойного снаружи его собственной могилы; и он дождался до того, чтобы предоставить автору настоящего труда отчет о своем собственном погребении и воскрешении. [FN]

[FN] Заявления Джейкоба Дифендорфа и Джейкоба Сэммонса, имеющиеся у автора.

Капитан М.^с Кин скончался, сильно оплакиваемый, через несколько дней после возвращения отряда в форт, как видно из прилагаемого письма, адресованного полковником Уиллеттом командиру в Олбани:

"Полковник Уиллетт генералу Клинтону.

"Сэр:— Я только что отправил нескольких раненых новобранцев в Скенектади, поскольку здесь нет хирурга. Доктор Петри, хирург новобранцев, находится в Германских квартирах, где ему нужно оказать помощь нескольким больным и раненым; а общение между ними слишком опасно, чтобы разрешать путешествовать без охраны; поэтому я мог бы пожелать, чтобы в этом квартале был назначен хирург из госпиталя.

- В этом заведении нет ни капли рома, чтобы промыть хоть одну рану. Две бочки, предназначенные для этого квартала, несколько дней назад встретились с регулярным полком, проходившим по стране, который весьма нерегулярно отобрал у человека, который ими командовал, эти две бочки рома. Мне нет нужды упоминать вам, сэр, что суровая служба и большая доля переутомления, выпадающие на долю войск в этом квартале, делают ром важным товаром здесь, и что я был бы рад увидеть немного рома в графстве Трайон.

"Сегодня утром капитан М.^с Кин скончался от ранения, полученного вчера. В его лице мы потеряли отличного офицера. Я чувствую его потерю и должен сожалеть об этом ".

Документы Клинтона.

Вскоре после вторжения Доксстадера произошел еще один натиск индейцев и тори на Палатин, что было событием скорее необычным, чем важным. Сын полковника Джейкоба Клока с несколькими своими друзьями-тори уехал в Канаду. Примерно через четыре недели он вернулся с отрядом индейцев и тори, чтобы напасть на поселение, и на одну ночь разбил лагерь неподалеку от своего собственного квартала. Ночью один из них, Филипп Хелмер, обнаружив, что частью их цели было ограбление и убийство семьи его родственника Джона Беллинджера, решил спасти эту семью. Поэтому, взяв с собой молодого индейца под предлогом разведки поселения, он прошел так близко к некоторым домам, что индеец, заподозрив неладное, побежал обратно к своим товарищам. Целью Хелмера было сдаться самому и сделать так, чтобы индейца взяли в плен, и он, соответственно, сдался судье Неллису. В форт Плейн и Стоун-Аравию были немедленно отправлены срочные послания за помощью; и враг, обнаружив, что его предали, скрылся в лесах. Полковник Уиллет приказал лейтенанту Сэммонсу с двадцатью пятью солдатами отправиться в погоню; и они были так быстры пешими, что достигли лагеря противника еще до того, как погасли его костры. Уильяма Фетера с шестью другими добровольцами послали вперед, чтобы держать его след. Примерно через две мили после входа в лес, к счастью, они обнаружили нескольких индейцев, распростертых на земле. Последние, как только заметили приближение Фетера, вскочили и выстрелили; но один из них был тяжело ранен ответным огнем отряда Фетера, когда они нагнулись, чтобы перезарядить

ружья, они вскочили на ноги и убежали — тори и все остальные, — бросив провизию, рюкзаки и несколько мушкетов. Они сбежали вниз покрутому холму и были в значительной степени защищены от огня Фетера густым кустарником и деревьями. Один из них сдался в плен; еще трое были ранены и умерли по пути в Канаду. Бедный индеец, раненный первым, был убит Хелмером, который подбежал и прикончил его, когда он умолял о пощаде! [FN]

[FN] Рассказ полковника Уильяма Фетера, находящийся в распоряжении автора, а также Джейкоба Сэммонса. Полковник Фетер еще жив (1837)

Полковник Уиллетт воспользовался первым удобным случаем, чтобы ознакомить главнокомандующего с плачевным положением, в которое превратился этот прекрасный регион страны в результате неоднократных нападений врага. В своем письме генералу Вашингтону по этому поводу он описывает красоту, продуктивность и природные преимущества страны блестящим пером. Из этого сообщения явствует, что в начале войны численность зачисленного в ополчение округа Трайон составляла не менее двух тысяч пятисот человек; но на дату написания письма (6 июля 1781 г.) число жителей, обязанных платить налоги или облагаемых сборами для набора людей на государственную службу, оценивалось не более чем в тысячу двести человек; в то время как число обязанных носить оружие не превышало восьмисот. Чтобы объяснить столь значительное сокращение населения, было подсчитано, что одна треть была убита или попала в плен; одна треть перешла на сторону врага; и одна треть на данный момент покинула страну. Положение тех, кто остался, полковник описал как настолько удручающее, что вызвало сочувствие даже у самого бесчувственного человека. Те, кто мог позволить себе такие расходы или выполнять рабочую силу, возвели блок-хаусы на своих собственных фермах для защиты своих семей. Каждый район был вынужден возвести для себя укрепление, внутри которого в целях безопасности проживали их семьи — от десяти до пятидесяти семей, собравшихся вместе в форте. Таких сооружений было двадцать четыре между Скенектади и фортом Шайлер. На момент написания этого письма — или, скорее, мемуаров, поскольку сообщение занимало несколько листов, — полковник Уиллетт утверждал, что общее количество людей, находившихся тогда под его командованием, не считая ополчения, не превышало двухсот пятидесяти. Но он, тем не менее, сохранил доброе сердце и, предвкушая улучшение положения вещей, добавил— "Я не превзойду своих надежд, если в течение менее чем двенадцати месяцев мне удастся убедить врага, что в этих краях у него есть уязвимые места". Следующая цитата в равной степени проиллюстрирует мудрость, активность и мастерство распоряжений, предпринятых Уиллеттом с целью не только навести порядок в замешательстве, но и продемонстрировать свою силу перед невидимым врагом, незаметно скрывающимся в каждом укромном месте, со всех сторон и с каждой стороны. Заявив, что он разместил свою штаб-квартиру в Канаджохари из-за ее центрального положения, он продолжает: "Мое намерение состоит в том, чтобы вести дела так, чтобы иметь возможность как можно лучше познакомиться с каждым офицером и солдатом, которыми я могу командовать. Чтобы лучше это сделать, я предлагаю, насколько я могу сделать это сколько-нибудь удобным способом, охранять различные посты отрядами, сменяемыми в зависимости от характера дела. И поскольку освобожденные войска всегда возвращаются в форт Ренсселер, где будут располагаться мои апартаменты, у меня будет возможность увидеть их всех по очереди. Наличие войск, постоянно марширующих взад и вперед по стране и часто меняющих свой маршрут, будет отвечать нескольким целям, которые вы, сэр, легко поймете, не упоминая о них.

Это не единственный способ, с помощью которого я рассчитываю подробно ознакомиться с войсками и их положением. Я намерен время от времени посещать каждую часть страны, а также исправлять такие ошибки, которые распространены среди родов войск, которыми я в настоящее время командую, чтобы иметь возможность наблюдать за состоянием ополчения, на помощь которого я вынужден буду в значительной степени полагаться".

Эффект присутствия и примера полковника Уиллетта был очень скоро ощутим. Народ питал к нему самое безграничное доверие, и он так быстро вселил частицу своего собственного огня и энергии даже в унылое и разбитое ополчение, что вскоре они казались совершенно другой расой людей. Иллюстрация этого факта произошла однажды ночью в начале июля. Около часа ночи полковнику сообщили о присутствии пятидесяти или шестидесяти индейцев и тори по соседству, всего на расстоянии около шести миль. Имея в форте едва ли достаточно войск для его охраны, он немедленно послал за капитаном ополчения, и через час этот офицер во главе семидесяти человек отправился на поиски врага. Использование ополченцев не часто приносит много пользы. Немногие офицеры могут что-либо с ними сделать. Большинство командиров - ничего. Но Уиллетт в те дни был исключением, как и генерал Джексон с тех пор. Уиллетт, как и Джексон, обладал способностью, глядя в глаза своим людям, вопреки их желанию вливать в их сердца свой природный огонь.

Однако, к счастью, летом в нижней части долины Могавк неприятели доставили меньше неприятностей, чем ожидалось. Краткое и суровое наказание, которому подверглись Докстедер и его группа, оказало мощное воздействие на этот вызывающий раздражение род войск противника; и в течение более чем трех месяцев после этого жителей беспокоили лишь изредка, и то лишь небольшими летучими отрядами врага, которые не совершили ничего достойного упоминания.

Но в верхней части долины, на Германских равнинах, все было иначе, и в этом районе произошло несколько бурных событий, сопровождавшихся большой храбростью, хотя и не имевших важных последствий. Имя Соломона Вудворта дважды или трижды встречается на предыдущих страницах; один раз как взятого в плен и совершившего побег, и еще раз как в одиночку обороняющего блокпост к северу от Джонстауна и отбивающего нападение врага на его крепость. В 1781 году он был произведен в капитаны с целью собрать роту рейнджеров для прохождения лесистой местности к северу от Форты Дейтон и Германских равнин. Ему удалось завербовать роту из сорока храбрецов и единомышленников; во главе которой, хорошо вооруженный и обеспеченный, он выступил из форты Дейтон в направлении Королевского Гранта [FN-1] с целью наблюдения. После нескольких часов марша один из людей Вудворта, находясь на небольшом расстоянии впереди, обнаружил индейца, очевидно, сидевшего в засаде, по которому он немедленно открыл огонь. Мгновенно лес огласился боевым кличем, и Вудворт со своим маленьким отрядом был окружен вдвое большим числом людей. Последовало яростное и кровопролитное сражение, в котором рейнджеры и индейцы сражались врукопашную с большим отчаянием; и что касается численности сражавшихся, то это была жестокая резня. Более ожесточенного сражения, вероятно, не было во время войны. Вудворт упал замертво. Победителями стали дикари; и из рейнджеров только пятнадцати удалось спастись, чтобы рассказать о печальной судьбе своих товарищей. Несколько человек были взяты в плен и впоследствии обменены. [FN-2]

[FN-1] Большой участок земли, названный так из-за того факта, что он был пожалован королем сэру Уильяму Джонсону под его собственной подписью.

[FN-2] Рукописи преподобного Джона И. Шоу.

Другое дело, как индивидуальный подвиг, было столь же примечательно своим хладнокровием и храбростью, как и единичный случай, произошедший в ходе битвы или, скорее, осады, когда предводителя противника заставили поставлять боеприпасы для использования против его собственных войск. Примерно в четырех милях к северу от деревни Херкимер существовало и существует по сей день богатое немецкое поселение под названием Шеллс-Буш. Среди тех поселенцев, которые сами построили блочные дома, был Джон Кристиан Шелл. Его частокол был большим и основательным и хорошо рассчитанным на оборону. На первом этаже не было окон, только маленькие отверстия-петли, через которые заключенные могли стрелять в любого, кто осмелился бы напасть на них. Второй этаж возвышался на два-три фута над первым, построенный таким образом, что гарнизон мог либо стрелять по тем, кто подходил слишком близко, либо сбрасывать ракеты им на головы. У Шелла была семья из шести сыновей, двое младших из которых были близнецами, и им было всего восемь лет. Днем 6 августа Дональд М.^сДональд М., один из шотландских беженцев, бежавших из Джонстауна, совершил нападение на Шеллс-Буш во главе отряда из шестидесяти шести индейцев и тори, среди последних были два прославленных предателя по имени Эмпи и Кассельман. [FN-1] Однако большинство жителей Шеллс—Буша нашли убежище в Форт-Дейтоне, расположенном в четырех милях отсюда; но Джон Кристиан Шелл, будучи твердым приверженцем доктрины о том, что дом каждого человека - это его крепость, отказался покинуть свое собственное жилище. Он и его сыновья работали в поле, когда появился М.^кДональд и его группа; и, к несчастью, дети были так далеко оторваны от своего отца, что попали в руки врага. Шеллу и другим его ребятам удалось добраться до своего замка и забаррикадировать тяжелую дверь. А затем началась битва. Осажденные были хорошо вооружены, и все вели себя с завидной храбростью; но никто не был более храбрым, чем жена Шелла, которая заряжала орудия по мере того, как ее муж и сыновья разряжали их. Бой начался в два часа и продолжался до темноты. М.^кДональд предпринял несколько попыток поджечь замок, но безуспешно; и его войска неоднократно отступали под яростным огнем, которому они подвергались.^сДональд, наконец, раздобыл засов и попытался взломать дверь; но во время этого занятия он получил пулевое ранение в ногу из мушкетона Шелла, которое выбило его *из строя*. Поскольку никого из его людей в данный момент не было поблизости, чтобы спасти его, Шелл, быстрый, как молния, открыл дверь и втянул его в качестве пленника в стены. Несчастье Шелла и его гарнизона заключалось в том, что у них начали заканчиваться боеприпасы; но ^сДональд был очень хорошо обеспечен, и, чтобы спасти свою собственную жизнь, он сдал свои патроны гарнизону, чтобы стрелять по своим товарищам. Несколько человек из числа врагов были убиты, другие ранены, и теперь они отступили, чтобы передохнуть. Шеллу и его войскам, кроме того, требовалась небольшая передышка; и, будучи уверенным, что, пока в его распоряжении находится командующий осаждающими, враг вряд ли попытается сжечь цитадель, он прекратил огонь. Затем он поднялся по лестнице и спел гимн, который был любимым гимном Лютера во время опасностей и невзгод Великого реформатора в его спорах с папой. [FN-2] Во время этого боя противник также прекратил огонь. Но вскоре после этого они снова вступили в бой и предприняли отчаянную попытку взять крепость штурмом. Подбежав к стенам, пятеро из них просунули дула своих ружей в отверстия для петель, но не успели они этого сделать, как миссис Шелл, схватив топор, быстрыми и хорошо направленными ударами разрушила все

мушкеты, пробитые таким образом сквозь стены, погнув стволы! Еще несколько метких выстрелов Шелла и его сыновей снова отбросили нападавших назад. Вслед за этим Шелл взбежал на второй этаж, уже в сумерках, и, громко окликнув свою жену, сообщил ей, что капитан Смолл приближается из форта Дейтон с подкреплением. Затем на еще более громких нотах он воскликнул— "Капитан Смолл, проведите свою роту по этой стороне дома. Капитан Гетман, вам лучше повернуть своих людей влево и подойти с той стороны. Разумеется, никаких приближающихся войск не было; но указания Шелла были даны с такой точностью и такой очевидной серьезностью и искренностью, что хитрость удалась, и враг немедленно скрылся в лесу, забрав мальчиков-близнецов в плен. [FN-3] Приготовив для своего неохотного гостя лучшую провизию, которая у них была, Шелл и его семья, не теряя времени, отправились в форт Дейтон, которого они благополучно достигли, оставив М.^к Дональда в тихом владении замком, который он тщетно пытался захватить. Двое или трое из индейцев М.^к Дональда задержались около дома, чтобы выяснить судьбу своего предводителя; и, обнаружив, что Шелл и его семья покинули пост, отважились навестить его. Однако, не имея возможности забрать его, уходя, они поручили своему раненому лидеру сообщить Шеллу, что, если он будет добр к нему, (M^cDonald), они будут хорошо заботиться о его (Шелла) плененных мальчиках. М.^к Дональд был на следующий день перевезен капитаном Смоллом в форт, где ему ампутировали ногу; но остановить кровотечение не удалось, и он умер через несколько часов. [FN-4] Парней перевезли в Канаду. Потери противника на земле составили одиннадцать убитых и шесть раненых. Мальчики, которых спасли после войны, сообщили, что они забрали с собой двенадцать своих раненых, девять из которых умерли до прибытия в Канаду. [FN-5]

[FN-1] МИСС заметки Лорен Форд.

[FN-2] Дословный перевод этого гимна был предоставлен автору профессором Бокумом из Гарвардского университета, с которым можно ознакомиться в № III. из Приложения.

[FN-3] Один из соседей Шелла сидел в засаде во время боя и слышал указания Шелла Смоллу и Гетману.

[FN-4] М.^к Дональд носил томагавк в серебряной оправе, который отобрал у него Шелл. На нем было тридцать зарубок от скальпов, свидетельствующих о том, что мало кто из Индианов мог быть более трудолюбивым, чем он, собирая такое описание военных трофеев.

[FN-5] Среди убитых был белый мужчина, у которого было два больших пальца на одной руке. Один из сыновей Шелла до сих пор живет в Канаде, являясь членом Общества Данкарда, в окрестностях Торонто.

На следующий день Шелл, работавший в поле со своими двумя сыновьями недалеко от форта, был обстрелян группой индейцев, спрятавшихся в стоячей пшенице, и тяжело ранен. Он крикнул своим сыновьям, чтобы они не позволили индейцам снять с него скальп; и ни один из храбрых парней не отступал до тех пор, пока из форта им на помощь не прибудет стража. Но при исполнении этого сыновнего долга один из них был убит, а другой ранен. Сам Джон Кристиан Шелл скончался от ранения в форте. Его деяния были увековечены в одной из самых грубых и прозаичных баллад. Но память о нем все еще свежа в памяти немецкого населения Херкимера. [FN]

[FN] Этот отчет о подвиге Джона Кристиана Шелла был взят главным образом из заявления достопочтенного полковника. Уильям Фитер, все еще живущий в этом городе (февраль 1838 г.), и из баллады, упомянутой в тексте, которая содержит патриотическое и конкретное изложение фактов. Это использование современных баллад в качестве авторитетных фактов хорошо подтверждается прецедентом. Тьерри смело использует англо-нормандские баллады для своей истории нормандского завоевания; а Прескотт в своей поздней бесценной истории правления Фердинанда и Изабеллы сделал то же самое с древним кастильским романом и мавританской балладой.

Политика противника на севере в течение всего сезона заключалась в том, чтобы разделить свои собственные силы на небольшие отряды и беспокоить приграничные поселения в как можно большем количестве различных точек — таким образом отвлекая внимание людей и не давая им ни чувства безопасности, ни отдыха, вызывая у них отвращение к затяжной борьбе. Самым грозным движением индейцев и тори за летние месяцы был спуск капитана Колдуэлла с Ниагары на границе графства Ольстер во главе примерно четырехсот индейцев и тори. Первые сведения об этом вторжении были получены в Олбани генералом Гансвортом в письме следующего содержания:

[FN] В ходе реорганизации армии в конце 1780 года полковник Гансевоорт был отстранен от службы в строю по старшинству в звании других офицеров. Однако, будучи бригадным генералом ополчения, дислоцировавшимся в Олбани, его услуги постоянно требовались, поскольку в отсутствие регулярных войск его бригада находилась в главной зависимости от северной части штата. Его деятельность на государственной службе была непрерывной, а переписка с губернатором и высшими офицерами регулярных войск на севере была более интенсивной, чем в любой предыдущий период. См. Приложение, № IV.

"ГУБЕРНАТОР КЛИНТОН ГЕНЕРАЛУ ГАНСВОРТУ.

"Покипси, 14 августа 1781 года

-СЭР,

"В прошлое воскресенье вражеский отряд численностью около трехсот индейцев и девяноста тори появился на границах графства Ольстер. Они захватили небольшой отряд разведчиков, высланный полковником Полингом, и, как предполагается, получили от них информацию о расположении новобранцев в том квартале, мимо которого они проезжали, и впервые были обнаружены в поселении Уорвасинг. Согласно последним сообщениям, они отступили; но насколько далеко, неизвестно. Ополчение собрано и отправлено маршем, чтобы противостоять им или преследовать их, в зависимости от обстоятельств. Судя по их силе, маловероятно, что они покинут страну, не попытавшись еще больше напасть в том или ином месте. Поэтому я считаю необходимым предоставить вам эту информацию, чтобы вы могли предпринять

надлежащие шаги со своим ополчением на случай, если этот отряд направится к границе вашего графства; и я бы особенно рекомендовал, чтобы часть вашей бригады была немедленно отправлена в Шохари для защиты этого поселения до тех пор, пока этот отряд полностью не уйдет. Отчет о численности противника получен от одного врумена, который дезертировал от них; это подтверждается их появлением у небольшого отряда новобранцев, которые видели, как их провели парадом у дома, на который они напали и который отряд защищал. Согласно более подробному отчету, полученному сегодня утром (и который был первым, требующим доверия), они сожгли и разрушили около дюжины домов с амбарами и т. Д., Среди которых дома Джона Г. Харденбурга, эсквайра. Они убили только одного из жителей, остальные своевременно сбежали из своих домов. Расквартированных там новобранцев было явно недостаточно, чтобы выступить против них; но те, кто был в доме, мужественно защищались от нападений врага, благодаря чему, как говорят, несколько из них пали, а многие дома были спасены.

"Я, с большим уважением, сэр, ваш самый об'', ГЕО. КЛИНТОН.

"*Brig. Gen. Гансворт.*" [FN]

Полковник Вруман из Шохари, услышав о вторжении Колдуэлла в графство Ольстер, написал срочное письмо генералу Гансворту с просьбой о помощи в тот же день, когда губернатор написал из Покипси. Полковнику Генри Ван Ренсселеру было немедленно приказано отправиться в Шохари со своим полком, а полковнику Уэмплу было приказано отправить туда подразделение своего полка из Скенектади вместе с таким количеством индейцев онейда, какое он сможет задействовать. К счастью, в действии их услуги не потребовались.

Капитан Колдуэлл был офицером рейнджеров Батлера. Кто был индейским вождем в этом случае, неизвестно. Их путь от Ниагары пролегал через Чемунг, а оттуда, после пересечения Саскуэханны, по Лакаваксену в Делавер. Частокол фортов на севере Лакаваксена и в Неверсинке был пройден незамеченным. К счастью, однако, для жителей, незадолго до того, как Колдуэлл достиг поселений, разведывательный отряд заметил его продвижение и, ускользнув от преследования противника, сумел сообщить о тревоге людям, которые сразу же бежали со своим самым ценным имуществом в сторожевые посты, возведенные именно для таких чрезвычайных ситуаций.

Едва забрезжил рассвет, как Колдуэлл миновал небольшую крепость на границе Уорвасинга. Сообщение об обстреле со стороны часового встревожило капитана Харденбурга, который с охраной из девяти человек находился в точке, удаленной примерно на три мили от форта. Немедленно двинувшись в направлении пролива, Харденбург и его небольшой отряд встретили врага на его пути, направляясь к соседнему поселению Момбакус, которое теперь называется Рочестер. Ничуть не обескураженный, капитан дал противнику бой; но, оказавшись в тесноте, он вскоре обнаружил, что его отступление было отрезано отрядом индейцев, зашедших ему в тыл. Оказавшись перед этой дилеммой, поскольку было еще не совсем светло, Харденбург со своим отрядом укрылся неподалеку в небольшом каменном доме, принадлежащем некоему мистеру Кеттлу, который, вероятно, не был замечен противником. Здесь они нашли шестерых ополченцев - всего шестнадцать человек, и, будучи хорошо вооруженными, они оказали захватчикам теплый прием. Последние несколько раз наступали, чтобы взять дом штурмом, но поскольку часть их числа каждый раз была обречена на поражение, они так же часто уступали и

в конце концов отказались от этого предприятия, оставив на поле боя тринадцать убитых. Продвинувшись на две мили к дому Харденбурга, противник столкнулся с Кеттлом, владельцем помещения, где с ними так грубо обошлись. Он, бедняга, был убит и скальпирован. [FN]

[FN] Г-жа заявление капитана Валентайна Дэвиса, имеющееся у автора.

Капитан Генри Полинг с отрядом новобранческого полка штата, которым командовал полковник Альберт Полинг, находился примерно в шести милях от места только что описанных действий. Он поспешил вперед, но прибыл слишком поздно, чтобы вступить в схватку с врагом, и только вовремя, чтобы захватить одного отставшего пленника, который задержался в яблоневом саду за фруктами. [FN-1] Обнаружив, что его приняли довольно тепло, и заметив признаки дальнейшего и более мощного противодействия его наступлению, Колдуэлл уже полностью отступал. Он также не стал возвращаться по своим следам слишком рано ради собственной безопасности. Весть о его наступлении достигла западного берега Гудзона, где были расквартированы полковник Полинг из рекрутинговых войск штата и полковник Джон Кантайн с отрядом ополчения, и эти офицеры немедленно отправились на помощь захваченным поселениям. Они прибыли на окраину как раз вовремя, чтобы заглянуть в тыл врага и освободить некоторых жителей, среди которых были мужчина и его жена, которые вели себя с выдающейся храбростью. Его дом был построен из необтесанных бревен, в лесу, раньше всех остальных. При появлении врага он бежал в свой замок со своей женой и, обезопасив его наилучшим из возможных способов, дал бой отряду индейцев, осадивших его крепость. Будучи хорошо вооруженным, он защищался с таким мужеством, что они отступили, понеся потери. Обнаружив после нескольких попыток, что им не удалось взломать вход, индейцы собрали кучу горючих материалов и подожгли помещение. Отойдя на небольшое расстояние, чтобы увидеть результат, мужчина воспользовался представившейся возможностью и, выбежав с парой ведер, набрал воды, которая была под рукой, и потушил пожар. Индейцы, конечно, бросились на него; но, поскольку они были недостаточно быстры, чтобы помешать ему добраться до двери, они метнули свои томагавки ему в голову — к счастью, безрезультатно. Он вошел в свой замок, укрепил порт для вылазки и возобновил оборону. Как раз в этот момент в поле зрения показался полковник Полинг со своими войсками, после чего индейцы сняли осаду и ушли. Полковник Полинг отсутствовал в погоне семь дней, но так и не настиг их. Противник серьезно пострадал. Они потеряли значительное количество своих людей; взяли только двух пленных и почти не награбили; и были так близки к голодной смерти, что были вынуждены сожрать своих собак, прежде чем добрались до своей штаб-квартиры. [FN-2]

[FN-1] Ср. майора Томаса Сэммонса, который в это время служил в корпусе капитана Полинга. В пленном, взятом у врага, узнали старого соседа его отца в Джонстауне, служившего в роте, лейтенантом которой был Джейкоб Сэммонс.

[FN-2] Майор Сэммонс.

Шаванцы и другие западные индейцы, по-видимому, вели себя сравнительно тихо в течение весны и лета 1781 года. Поселения Кентукки по большей части не пострадали, за исключением слабой атаки на станцию McAffee недалеко от Харродсбурга. Нападавшие, однако, были всего

лишь разрозненной группой индейцев, которые слонялись вокруг частокола и в конце концов были сурово наказаны за свою безрассудность. Двое из них были убиты равным количеством М*афи, которых индейцы, покинув форт с какой-то целью, попытались отрезать при их возвращении. Затем индейцы начали атаку на форт, но внезапно из Харродсбурга прибыл отряд кавалерии, гарнизон сделал вылазку, и дикари были быстро рассеяны, потеряв шестерых убитыми на месте, а нескольких других, которых они унесли, ранеными. Через несколько дней станцию Брайанта, которая была еще более открытой, посетили индейцы. Брайант, который был шурином полковника Буна, собрав большой охотничий отряд из двадцати человек, покинул свой форт и отправился в поход вниз по Лосиному рогу. Разделив его отряд, чтобы прочесать более обширную местность в поисках дичи, из-за тумана и других неблагоприятных обстоятельств они не смогли объединиться в указанных пунктах. Тем временем индейцы окружили обе дивизии, и с помощью хитрости им удалось разгромить обе. В одной из их стычек Брайант был смертельно ранен, а другой человек тяжело ранен. Сообщалось, что охотникам, застигнутым врасплох, не хватило стойкости, когда Брайант пал. На следующий день они снова столкнулись с индейцами и разбили их.

ГЛАВА VI.

Рост недовольства на Севере—Захваты видных граждан бандами лоялистов из Канады—Пленение Джона Дж. Бликера—Заговор против генерала Гансворта—Дерзкое покушение на генерала Шайлера в городе Олбани, автор Джон Уолтермейер—Бесстрашие Маргарет Шайлер—Арест лоялистов у Бивер—Дамс—Таинственные передвижения врага на озере Шамплейн—Полемика с Нью-гэмпширскими Грантами—Очерк его происхождения—Бесчинства повстанцев Вермонта—Декларация независимости Грантов—Вмешательство Конгресса—Его авторитет проигнорирован—Ход полемики—Тяжелое положение генерала Гансворта—Подозрения в сношениях жителей Вермонта с врагом—Письмо губернатора Клинтона—Вторжение майора Росса—Уоррена в страну могавков—разорение буша—Марш противника на Джонстаун—За ним следует Уиллетт с рекрутами и ополчением—Битва при Джонстауне—Росс побежден—Уиллетт преследуется и разбит на Джерсийском поле—Смерть Уолтера Н. Батлера—Общий ход войны—Арнольд в Вирджинии—Возвращается на Север и разрушает Гротон и его окрестности. Нью-Лондон—Осада Йорктауна и захват Корнуоллиса—Дела Севера—Обдуманное предательство Вермонта—Послание губернатора Клинтона—Британцы открывают переписку с вермонтскими повстанцами—Миссия Айры Аллена в Канаду—

Сепаратное перемирие с Вермонтом—Условия превращения Вермонта в королевскую колонию-Переписка с врагом летом-Возобновлены переговоры в Скенсборо-Сент Леджер поднимается по озеру с большим отрядом — Неловкое событие для жителей Вермонта— Волнение в резиденции правительства Грантов — Пускание пыли в глаза людям—Новости о капитуляции Корнуоллиса — Его последствия в Вермонте — Вызывает неприятное возвращение Сент—Леджера в Канаду-Восстание в северо-восточных городах Нью—Йорка в связи с жителями Вермонта—Проблемы генерала Гансворта — Неспособность подавить повстанцев— Индейцы чероки -Конец года.

Ободренные нестабильным положением в стране и возросшим числом недовольных в окрестностях Олбани, особенно к северу от этого города, вследствие двусмысленных указаний в Вермонте, разведывательные отряды противника были чрезвычайно активны и дерзки в своих вторжениях. Их главной целью был захват наиболее заметных и влиятельных жителей для переправки в Канаду в качестве заключенных. Среди выдающихся лидеров в этом виде боевых действий были два отважных партизана по имени Джозеф Беттис и Джон Уолтермейер. Дерзкие злодеяния Бетти, если их собрать, сами по себе составили бы материал для небольшого тома. Уолтермейер, возможно, был не менее дерзким, но менее свирепым по своему характеру. В апреле месяце отряд из пятнадцати или шестнадцати человек противника ворвался в город Коксаки и прилегающие поселения, захватив нескольких пленных; среди них были Дэвид Эйбил и его сын, проживавшие в нескольких милях к югу от Катскилла.

На севере Олбани в течение сезона были схвачены и увезены несколько активных граждан; среди них был мистер Джон Дж. Бликер из Томаника, семья которого распалась при приближении к Бергойну четыре года назад. После сдачи Бергойна мистер Бликер вернулся на свою лесную плантацию, где он жил спокойно до августа текущего года; в это время он был застигнут врасплох в поле, когда помогал своим работникам собирать пшеницу, и унесен с собой двумя своими людьми. Враг бесшумно подкрался к нему и схватил, не подняв тревоги, и миссис Бликер ничего не знала о случившемся. Но поскольку ее муж, по своему обыкновению, не вернулся с наступлением ночи, у нее проснулись подозрения, что не все в порядке. Когда она послала на поле, его там не было, и не удалось найти ни его, ни его работников. Но поскольку такие внезапные исчезновения не были чем-то необычным, о его судьбе нетрудно было догадаться. Соседи были встревожены, и начались его поиски, но тщетно. миссис Бликер, убитая горем, отказалась от него как от потерянного и снова обратила свое лицо к Олбани. Однако, к счастью, похитители ее мужа столкнулись с отрядом ополченцев из Беннингтона, которые освободили пленников; и мистер Бликер имел счастье воссоединиться со своей женой после шестидневного отсутствия. [FN]

Радость, которую испытала миссис Бликер, снова увидев своего мужа, настолько переполнила ее, что вызвала приступ болезни, настолько сильный, что едва не привел к летальному исходу. Действительно, события 1777 года, особенно потеря дочери, произвели на нее такое глубокое впечатление, что она так и не обрела прежнего счастья. Отсюда задумчивый характер ее произведений. Она умерла в Томанике в 1783 году, в раннем возрасте 31 года.

В тот же сезон была также предпринята попытка арестовать генерала Гансворта. Хотя, как уже говорилось, генерал Гансворт больше не состоял на регулярной службе, тем не менее, как опытный офицер и командующий ополчением в этой части штата, его услуги и его советы

постоянно требовались; и не было болееактивного офицера на службе, регулярной или нерегулярной, или более обремененного обязанностями. Поэтому целью противника было, по возможности, сместить его с занимаемого поста. Поэтому был разработан план захватить его на одном из паромов, который он собирался переправить; исполнение которого было поручено враждебно настроенному партизану по имени Танкри. Однако каким-то образом полковник Генри Ван Ренсселер из Half Moon получил информацию об этом проекте и, не теряя времени, письмом предупредил генерала об опасности. Также услышав о встрече Танкри и его банды, Ван Ренсселер отправил отряд войск под командованием майора Шермерхорна для их задержания. Они были найдены в доме некоего мистера Дугласа; но прежде чем войска Шермерхорна окружили дом, их приближение было обнаружено, и по ним открыли огонь мародеры; всем им, за единственным исключением, удалось выбраться через заднюю часть дома. Двое ополченцев Шермерхорна были ранены. [FN]

[FN] МИСС Письмо полковника. Генри Ван Ренсселера генералу Гансворту.

Но самым смелым предприятием такого рода было запланированное похищение генерала Шайлера из его резиденции в Олбани, или, скорее, в пригороде этого города, в августе месяце. Шайлер в то время не служил в армии, поскольку двумя годами ранее сменила военную службу на гражданскую службу своей страны. [FN-1] Тем не менее, его военные усилия были почти столь же велики, а к его советам так же часто обращались и их так же высоко ценили, как если бы он все еще командовал департаментом. Вдобавок к этому главнокомандующий особо поручил ему принять все практически возможные меры для перехвата сообщений противника. [FN-2] Помимо этого обстоятельства, взятие в плен человека, пользующегося его уважением, было бы важной задачей для сэра Фредерика Холдиманда, британского командующего в Канаде. Поэтому было решено предпринять отчаянные усилия для его поимки. С этой целью Джон Уолтермейер, смелый и безрассудный сторонник Тори, о котором уже упоминалось, был направлен в окрестности Олбани во главе банды тори, канадцев и индийцев. Как выяснилось впоследствии, он скрывался в окрестностях Олбани в течение восьми или десяти дней, укрытый густой порослью низких сосен и кустарниковых дубов, которые все же распространились по большей части общинных земель, прилегающих к этому городу; и генералу Шайлеру были переданы некоторые мрачные намеки на то, что его персона в опасности. Считается, что эти предчувствия исходили сначала от голландского крестьянина, который попал в руки Вальтермейера и был допрошен относительно средств обороны и местонахождения дома генерала, и который был освобожден только после принесения клятвы хранить тайну. Аналогичное предостережение также было передано ему лоялистом, которому были известны намерения Уолтермейера, но который был личным другом генерала Шайлера. Конечно, генерал и его семья постоянно находились *всостоянии покоя*, поскольку частота, с которой видные граждане попадали в засады и похищались или уводились в результате внезапного насилия, давала достаточно оснований для проявления всей возможной бдительности и осторожности. В дополнение к своему собственному дому генерал имел охрану из шести человек, трое из которых дежурили днем, а трое - ночью.

[FN-1] "Только осенью 1778 года поведение генерала Шайлера в кампании 1777 года было передано на рассмотрение военного трибунала. Он был оправдан по всем пунктам обвинения с

высочайшей честью, и приговор был утвержден Конгрессом. Вскоре после этого он, по его серьезным и неоднократным просьбам, получил разрешение уволиться из армии и посвятил остаток своей жизни служению своей стране в ее политических советах. Ранее он работал в Конгрессе, и по его возвращении в этот орган, после окончания военной службы, его таланты, опыт и энергия были немедленно востребованы; и в ноябре 1779 года он был назначен совещаться с генералом Вашингтоном о состоянии южного департамента. В 1781 году он был в Сенате этого штата; и где бы он ни находился и какие бы дела ни стояли перед ним, он проявлял максимальную активность в принятии мер и производил на них впечатление своей осмотрительности." *Канцлер Кент*.

[FN-2] Письмо из Вашингтона генералу Шайлеру, 14 мая 1781г.

Это было вечером знойного августовского дня, когда генерал сидел со своей семьей после ужина в парадном холле своего дома, все двери которого были открыты, когда вошел слуга и сказал, что незнакомец ожидает его у задней калитки, чтобы поговорить с ним. Столь необычная просьба сразу же вызвала подозрения. Вечер был таким необычайно теплым, что слуги разошлись. Трое часовых, которых сменили на ночь, спали в подвале, а трое, которые должны были быть на посту, отдыхали, растянувшись во всю длину, на лужайке в саду. Однако вместо того, чтобы откликнуться на приглашение встретить незнакомца у задней калитки, двери дома были немедленно закрыты и заперты. Генерал побежал в свою спальню за оружием; и, поспешно собрав свою семью в верхних покоях и обнаружив из окон, что дом окружен вооруженными людьми, был произведен пистолетный выстрел с целью встревожить нерадивую охрану, а может быть, и жителей города. В тот же момент миссис Шайлер поняла, что ее малютка остался в их суматохе, в колыбели, двумя пролетами ниже по лестнице. Охваченная дурными предчувствиями, она бросилась ему на помощь, но генерал не позволил ей покинуть квартиру. Третья дочь, Маргарет, [FN-1] немедленно бросилась вперед и, спустившись в детскую, которая находилась на первом этаже, выхватила ребенка из колыбели, где он все еще лежал нетронутый. Когда она выходила из комнаты, чтобы вернуться, невидимая рука метнула в нее томагавк, но без какого-либо иного эффекта, кроме легкого повреждения ее платья. Когда она поднималась по частной лестнице, ее встретил сам Уолтермейер, который воскликнул— "Девка! где твой хозяин?" Она ответила с большим присутствием духа— "Ушла поднимать тревогу в городе". Злодеи, действительно, вошли в дом не без сопротивления, потому что, услышав шум, когда они взламывали двери, трое мужчин в подвале вскочили и, не останавливаясь, чтобы одеться, бросились вверх по лестнице в задний холл, где их оружие было оставлено наготове для удобства, если понадобится, и в который нападавшие пробивались. Однако, к величайшему несчастью, оружия у охранников под рукой не оказалось. Миссис Черч, [FN-2] которая недавно вернулась из Бостона, заметив, что ее маленький сын [FN-3] играет с мушкетами, и не питая ни малейшего подозрения, что они могут быть востребованы, приказала убрать их за несколько часов до нападения, не сообщив охране об этом обстоятельстве. Таким образом, после того, как двери поддались, у храбрых парней не было другого способа сопротивления, кроме как наносить удары кулаками так сильно, как только могли, а также всячески затруднять продвижение врага, пока генерал поднимал свою семью наверх.

[FN-1] Впоследствии первая леди нынешнего distinguished и превосходного генерала Стивена Ван Ренсселера.

[FN-2] Еще одна дочь генерала Шайлера, замужем за Джоном Б. Черчем, эсквайром, английским джентльменом, контрактником французской армии в Америке, а впоследствии членом парламента. Он умер в 1818 году. [Достопочтенная вдова Александра Гамильтона также является дочерью генерала Шайлера.]

[FN-3] Нынешний капитан Филип Черч из округа Аллегейни, (Нью-Йорк)

Но вернемся: едва мисс Маргарет сообщила Уолтермейеру, что ее отец уехал за границу за подкреплением, как предатель отозвал своих последователей из столовой, где, как оказалось, они в данный момент были заняты расфасовыванием тарелок, от чего он тщетно убеждал их отказаться, чтобы они могли выполнить более важную задачу своей миссии — для консультации. Как раз в этот момент генерал распахнул окно и с большим присутствием духа крикнул— "Давайте, мои храбрые ребята, окружите дом и схватите негодяев, которые грабят".

[FN-1] Уловка удалась, и отряд поспешно отступил, унося с собой троих мужчин, которые тщетно и без оружия сопротивлялись их проникновению, [FN-2] один из которых был ранен при защите прохода, в то время как сам Уолтермейер был легко ранен одним из выстрелов Шайлера из окна. Так, по воле провидения, был разгромлен третий заговор против личности генерала Шайлера.

[FN-3] В городе была поднята тревога, так как генерал произвел несколько выстрелов во время схватки; но прежде чем кто-либо из горожан прибыл на место боя, враг бежал.

[FN-1] Письмо Шайлера генералу Вашингтону, август 1781г.

[FN-2] Охранника звали Джон Таббс, Джон Корлис и Ханс (Джон) Уорд. Их перевезли в Канаду, и при обмене генерал подарил каждому из них ферму в округе Саратога. Уорд все еще жив или был жив совсем недавно (декабрь 1837 г.).

[FN-3] Подробности этого интересного приключения были в основном почерпнуты автором у миссис Кокран из Освиго, младенец, которого ее сестра Маргарет спасла из колыбели.

Из Олбани Уолтермейер взял курс на Боллстон, куда прибыл примерно к рассвету следующего утра. Подняв с постели пленного генерала Гордона из этого местечка, лидер тори продолжил свое путешествие обратно в Канаду, потерпев неудачу в достижении главной цели своей экспедиции.

Вполне можно себе представить, что положение людей, живущих в условиях такой постоянной незащищенности, было чрезвычайно неприятным. Они боялись не только самого хитрого и осторожного врага извне. Недовольных среди них было больше, чем когда-либо, и жители едва ли знали, кому из их собственных соседей можно доверять. В начале сентября генералу Гансворту было доложено, что недовольные не только стали внушительными по численности в западной и юго-западной частях графства Олбани, но и укрывают вражеские отряды, переброшенные из Канады, и оказывают им поддержку для дальнейшего ведения военных действий, уже описанных в настоящей главе, добавляя к этому захват тех мужчин, которые были наиболее активны на благо своей страны, разрушение их жилищ и убийство их женщин и детей.

[FN] При таких обстоятельствах полковник Филип П. Шайлер с сильным отрядом ополчения из бригады Гансворта был направлен в указанные населенные пункты, в частности в Бивер-Дамс, где семья капитана Дейца была так жестоко убита в 1777 году, с приказом арестовать недовольных и доставить их в Олбани вместе с их семьями и имуществом. Приказы генерала

Гансворта были отданы 9 сентября. 16 сентября полковник Шайлер доложил, что он выполнил свое поручение. От семидесяти до ста семей "самых отъявленных недовольных" были арестованы и доставлены в город, где за ними установили более бдительный надзор, чем за ними можно было наблюдать в их собственном городке.

[FN] МИСС приказ генерала Гансворта.

Но в то время как эти краткие действия сделали страну вокруг Олбани более безопасной в своих внутренних отношениях, жители севера в течение нескольких месяцев пребывали в состоянии непрерывного беспокойства из-за передвижений противника на озере Шамплейн. Генерал Хит в то время командовал Северным департаментом, его штаб-квартира находилась в Горной Шотландии. В Саратогe командовал генерал Старк, а лорд Стерлинг также находился на севере. Но поскольку главнокомандующий отвел основные силы в Виргинию, в распоряжении этих офицеров было очень мало регулярных войск. Следствием этого было то, что при каждой тревоге с озера Шамплейн (а таинственные передвижения противника делали эти тревоги чрезвычайно частыми) генерал Старк обращался к генералу Гансворту с настоятельными просьбами о помощи. Поведение противника на озере действительно было довольно странным. Было установлено, что он не раз поднимался по озеру от Сент—Джонса с силами, достаточно значительными в тогдашней незащищенной ситуации на северной границе, чтобы совершить грозный набег на поселения; и жители грантов Нью—Гэмпшира, тогда считавшие себя гражданами *штата* Вермонт, не будучи посвященными в секреты своих лидеров, были встревожены так же часто, как и жители поселений, *признанных* вермонтцами принадлежащими Нью-Йорку. Тем не менее противник не предпринял ничего, кроме высадки в Краун-Пойнте и Тикондероге и нескольких случайных и необъяснимых маневров со своей флотилией на озере. Эти сомнительные маневры были не менее раздражающими, чем озадачивающими американских генералов. Казалось, не было причин сомневаться в том, что высадка в какой-то точке была запланирована. Наиболее вероятно, что удар будет нанесен с севера; но всякий раз, когда флот отводился вниз по озеру, преобладала идея, что передвижения там были направлены на отвлекающий маневр, в то время как фактический удар можно было ожидать с запада. В поддержку последнего мнения была положительная информация о партии возвращающихся пленных из Монреаля 19 сентября, о передвижениях от двух до трех сотен солдат полка сэра Джона Джонсона, которые, очевидно, готовились к экспедиции в каком-то направлении. [FN]

Рукопись [FN] и переписка генерала Гансворта.

Существовал еще один источник отвлечения внимания властей штата, гражданских и военных, угрожавший не чем иным, как военными действиями между Нью-Йорком и жителями Нью-Гэмпширских грантов. Краткий очерк причин и хода возникновения упомянутых здесь трудностей, хотя, по-видимому, и не имеет отношения к основной теме настоящей работы, тем не менее считается необходимым для правильного понимания положения дел в Северном департаменте. Те, кто знаком с ранней историей Нью-Йорка и Вермонта, не могут не знать о том факте, что в течение многих лет, предшествовавших Революционной войне, между губернаторами Нью-Гэмпшира и Нью-Йорка существовали разногласия относительно

юрисдикции территории, ныне составляющей штат Вермонт. Этот спор начался в 1749 году и продолжался пятнадцать лет; в течение этого периода губернатор Нью-Гэмпшира практиковал предоставление земель и поселков на спорной территории. В 1764 году этот вопрос был вынесен на рассмотрение короля на совете, и решение было вынесено в пользу Нью-Йорка, подтвердив ее притязания на территорию к северу от Массачусетса, простирающуюся на восток до реки Коннектикут. В соответствии с этим решением колониальное правительство Нью-Йорка неразумно отдало Распоряжение Совету о проведении *ретроспективной* операции, связанной с вопросом о праве собственности. Субсидии от губернатора Нью-Гэмпшира были объявлены недействительными, и поселенцам на этом основании было предложено либо отказаться от своих хартий, либо повторно выкупить свои земли у Нью-Йорка. Этому требованию они воспротивились, и благодаря этому сопротивлению спор возобновился в другой форме и продолжался с большой горячностью и почти без перерывов в течение многих лет. [FN-1] Примерно в 1770 году знаменитый Итан Аллен стал замечен как лидер "Зеленых горных мальчиков" на этих слушаниях. Была создана военная организация, и мандаты судов Нью-Йорка были проигнорированы, а его офицеры и министры юстиции открыто проявили неповиновение. Когда появился шериф Олбани со своим *отрядом комитатус*, "Парни с Зеленых гор" ответили силой на силу и отбросили их назад. Лорд Данмор в то время возглавлял колониальное правительство Нью-Йорка и активно прилагал усилия для поддержания его территориальных притязаний. Был принят закон о запрете деятельности Аллена и нескольких его наиболее выдающихся сообщников, и за голову Аллена была назначена награда в пятьдесят фунтов стерлингов. Лорд Данмор издал прокламацию, приказывающую шерифу округа Олбани задержать преступников и передать их под надежную опеку, чтобы они могли понести заслуженное наказание; [FN-2] но друзья Аллена были слишком многочисленны, решительны и верны, чтобы допустить его арест или каким-либо образом допустить, чтобы его личная безопасность была поставлена под угрозу. [FN-3]

[FN-1] Документы штата Вермонт от Slade's, Введение, стр. 17.

[FN-2] "Жизнь Итана Аллена" Спаркса.

[FN-3] Биографический словарь президента Аллена.

Губернатор Трайон, сменивший лорда Данмора, пытался как силой, так и путем примирения успокоить жителей Грантов и вернуть их к присяге Нью-Йорку. Но тщетно. В границах спорной территории законы Нью-Йорка не действовали. Гражданские иски, поданные нью-йоркскими грантополучателями, были напрасно решены в их пользу; процесс не мог быть завершен; поселенцы, купившие фермы у нью-йоркских грантополучателей, были насильственно изгнаны; землемеры были арестованы, судимы по кодексу *Линча*, и изгнаны под страхом смертной казни, если их когда-либо снова поймут в пределах запрещенной территории; [FN-1] и те, кто предполагал, что они занимают должности мировых судей под властью Нью-Йорка, были судимы теми же судами, и те, кто предполагал, что они занимают должности мировых судей под властью Нью-Йорка, были судимы теми же судами, и бесчеловечно наказывали розгами по их обнаженным спинам, нанося им до двухсот ударов. [FN-2]

[FN-1] Искры—Жизнь Аллена.

[FN-2] Чтобы выразить свои чувства к жителям Нью-Йорка, в Беннингтоне была гостиница под названием "*Таверна "Зеленая гора"*", вывеской которой была шкура чучела катамауна, поднятого на столбе в двадцати пяти футах от земли головой в сторону Нью-Йорка, бросая вызов всем незваным гостям из этого квартала. Именно в этой таверне этот могущественный и неумолимый, хотя и идеальный персонаж, *судья Линч*, имел обыкновение проводить свои суды, прежде чем поселиться на Юге. Иногда правонарушители, которым не повезло настолько, что им пришлось отвечать в его суде за преступление, заключавшееся в покупке земель у настоящих владельцев, или за признание правительства, которому по закону они принадлежали, наказывались подвешиванием на веревках к стулу под лодочной горой на два часа. Это было мягкое наказание. Более распространенным из них было нанесение "*буковой печати*" на обнаженную спину — или, другими словами, бичевание буковыми прутьями.

Таково было положение дел между Нью-Йорком и жителями Нью-Гэмпширских грантов в начале Революции. Но битва при Лексингтоне вызвала шок, который на какое-то время приостановил судебное преследование по этому спору. Нью-Йорк был призван подбодрить ее для более высокого и благородного конфликта, на ранних стадиях которого ей доблестно помогали отказавшиеся поселенцы Грантов. Сам Итан Аллен нанес первый удар на севере, захватив Тикондерогу; а его боевой товарищ по сопротивлению властям Нью-Йорка, полковник Сет Уорнер, оказал эффективную помощь в битве при Беннингтоне. Тем не менее, жители Вермонта не забыли, в то время как Нью-Йорк прилагал свои усилия в других местах, осуществлять свои собственные планы по полному отчуждению от Нью-Йорка и созданию отдельной государственной организации. [FN-1] С этой целью была направлена вся энергия главных людей Грантов; и результатом стало то, что за Декларацией независимости британской короны, принятой Конгрессом от имени двенадцати Объединенных колоний 4 июля 1776 года, последовал съезд населения спорной территории; этот съезд 15 января 1777 года объявил Гранты Нью-Гэмпшира свободным и независимым государством [FN-2] и направил в Конгресс меморандум с просьбой о приеме в Конфедерацию.

[FN-1] Документы штата Вермонт Блейда — ценная работа.

[FN-2] *Idem*.

Возмущенный такой процедурой, штат Нью-Йорк обратился за вмешательством к Конгрессу. Справедливость иска Нью-Йорка была полностью признана этим органом; и меморандум Грантов был отклонен резолюцией, "согласно которой независимое правительство, которое пытались создать жители Вермонта, не могло быть поддержано или оправдано каким-либо актом или резолюцией Конгресса". Но жители Грантов упорствовали в своей решимости отстаивать свою независимость. Поэтому, ничуть не обескураженные враждебными действиями Конгресса, они приступили к разработке конституции и организации правительства штата, механизм которого был полностью приведен в движение в следующем, 1778 году.

Законодательный орган Нью-Йорка все еще пытался отстоять свое право юрисдикции, но сделал либеральные предложения о компромиссе в отношении титулов на земли, предложив признать и подтвердить все титулы, которые ранее были предметом спора. Прокламация на этот

счет, выдержанная в самом либеральном духе, была издана губернатором Клинтоном в феврале 1778 года; однако в отношении непокорных он признавал "законное превосходство Нью-Йорка над их личностями и собственностью как недовольных подданных". [FN-1] Но, как и все предыдущие попытки применения силы или примирения, нынешняя была безрезультатной. Итан Аллен выступил с контрпросвещением к людям Грантов, и работа их собственной независимой организации продолжалась без серьезных перерывов. [FN-2] Они были более воодушевлены на то, чтобы продолжать этот курс, исходя из впечатления, что, хотя Конгресс не мог тогда санкционировать явно незаконные действия в отношении Нью-Йорка, члены Новой Англии, а также некоторые южане, тем не менее, не будут сильно оплакивать их успех. Роджер Шерман утверждал, что Конгресс не имел права разрешать этот спор и должен был одобрить разбирательство, на которое жаловался Нью-Йорк. Элбридж Джерри считал, что Вермонт был *внепрофессиональным*, и имел полное право на свою независимость. [FN-3] Но так думали не Нью-Йорк и губернатор Клинтон; и организация правительства штата возродила утихшие страсти и вновь разожгла пламя раздора, которое бездействовало в течение первых трех-четырех лет войны. Причины раздражения с каждым днем становились все более частыми и раздражающими, пока летом и осенью текущего года стороны снова не оказались на грани открытых боевых действий. Люди Грантов, по мере того как они набирались сил, становились все более высокомерными, пока не распространили свои притязания на реку Гудзон; и отнюдь не уменьшилось замешательство Нью-Йорка, когда в нескольких северных городах появились явные признаки того, что жители Грантов ранее не предъявляли даже тени претензий, не проявляли намерения перебраться в Вермонт.

[FN-1] Документы штата Вермонт от Слейдса.

[FN-2] Уважая этот манифест, Джон Джей написал губернатору Моррису— "Итан Аллен стал начинающим автором и оратором. Повсюду распространяется его филиппика в адрес Нью-Йорка. В ней есть причудливость, наглость и искусство".

[FN-3] Жизнь губернатора Морриса.

Тем временем губернатор Клинтон, непреклонно настроенный сохранить спорную юрисдикцию, прилагал все усилия для достижения этой цели; и для того, чтобы, по-видимому, проверить этот вопрос, в течение лета 1781 года на территории Грантов было арестовано несколько человек под предлогом какого-то военного правонарушения. Эта процедура послужила сигналом к новой буре. Губернатор Читтенден написал офицерам Нью-Йорка, требуя освобождения заключенных, взятых у Грантов, заявляя о своей решимости сохранить правительство, которое они "создали", [FN-1] и угрожая, что в случае вторжения общего врага на территорию Нью-Йорка, если эти заключенные не будут выданы, они не окажут никакой помощи Нью-Йорку. Это письмо также содержало предостережение: "эта власть не ограничивалась только Нью-Йорком". [FN-2] И это было не все. В то время как стране угрожало вторжение как с севера, так и с запада, дух вермонтских повстанцев начал распространяться среди ополченцев в северных городах к востоку от Гудзона, принадлежащих к собственной бригаде генерала Гансворта. Таким образом, с одной стороны, генерал Старк взывал к нему о помощи против врага, очевидно приближающегося со стороны озера Шамплейн, в то же самое время, когда губернатор Клинтон давал ему указания подавить дух неподчинения вдоль линии Грантов Нью-Гэмпшира; и обе эти обязанности должны были быть выполнены с осознанием того, что часть

его собственного командования была заражена духом мятежа. Ко всему этому добавлялась необходимость орлиным оком следить за поведением толп лоялистов в Олбани и в прилегающих городах; в то время как для его большего утешения ему конфиденциально сообщили, что парни из Грин Маунтин вынашивают заговор с целью его похищения. Тем временем правительство Грантов организовало свое собственное ополчение, и правительству Нью-Йорка были сделаны разоблачения, вменяющие лидерам Грантов намерение, в случае определенных непредвиденных обстоятельств, бросить вес своих собственных сил на чашу весов Короны. Следующее письмо может считаться важным в этой связи:—

[FN-1] МИСС Письмо Томаса Читтендена капитану Ван Ренсселеру среди бумаг Гансворта.

[FN-2] Это мрачное и довольно неуклюжее высказывание было полно смысла, как будет показано в следующей части настоящей главы.

"ГУБЕРНАТОР КЛИНТОН ГЕНЕРАЛУ ГАНСВОРТУ.

"Покипси, 18 октября 1781 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Ваше письмо от 15-го числа было доставлено мне вечером 16-го. Я отложил ответ на него в надежде, что Законодательный орган до этого сформирует кворум и что я мог бы воспользоваться их советом по вопросу, которого он касается; но поскольку это еще не так, и неясно, когда я смогу представить этот вопрос на их рассмотрение, я полагаю, что было бы неуместно дольше откладывать выражение вам моих собственных чувств по этому вопросу.

"Различные необоснованные попытки в течение лета людей, получающих Гранты, установить свою узурпированную юрисдикцию, даже за пределами их прежних притязаний, и повторение этого (упомянутое в вашем письме) в прямом противоречии с резолюцией Конгресса, наносящей ущерб этому штату и благоприятствующей их проекту независимости, и в то время, когда общий враг продвигается, могут быть объяснены только тем, что другие стороны их поведения дали нам слишком много оснований подозревать — недовольством общим делом. Со своей стороны, я до сих пор проявлял склонность избегать вступления с ними в какие-либо пререкания, которые могли бы, в самом отдаленном последствии, поощрить врага и подвергнуть пограничные поселения их опустошению; и только из этих соображений я подчинился оскорблениям, которые в противном случае не потерпел бы; и я мог бы пожелать продолжать такое поведение до тех пор, пока приближающийся сезон не обезопасил бы нас от вторжений общего врага. Но поскольку из отчетов, содержащихся в письме полковника Ван Ренсселера, следует, что ополчение, действующее по приказу мистера Читтендена, состоит на службе у врага, и что их первой целью было взять вас в плен, было бы неоправданно позволить им действовать. Поэтому я желаю, чтобы вы сохранили свою власть во всех подразделениях вашей бригады, и с этой целью вы приводите в исполнение законы штата в отношении тех, кто осмелится ослушаться ваших законных приказов. Я хотел бы только заметить, что эти настроения основаны на идее, что рассказы, приведенные кол. Ван Ренсселера в его

письме можно положиться; по вышеизложенным причинам я по-прежнему искренне желаю не предпринимать ничего такого, что могло бы довести дело до крайности, по крайней мере до завершения кампании, если этого можно будет постоянно избегать.

"В моем последнем письме я должен был бы упомянуть вам, что не в моей власти отправить вам запас боеприпасов; но, поскольку у меня были основания полагать, что вы уехали в Саратогу, я счел неприличным говорить что-либо по этому поводу, иначе мое письмо могло бы не попасть по назначению. Возможно, вы помните, что из всего запаса, заказанного генералом Вашингтоном прошлой весной для использования ополчением, пятьсот фунтов - это все, что было получено в государственный журнал, и вы легко поймете, что этого значительно меньше, чем было необходимо для других незащищенных частей штата. Что касается провизии, то в равной степени не в моей власти снабдить вас чем-либо, кроме того, что может раздобыть государственный представитель, который сейчас находится с вами.

"Я, с большим уважением, дорогой сэр, Ваш покорнейший слуга, Гео. Клинтон.

"Brig. Gen. Гансворт."

Но спор с народом Грантов был внезапно прерван, как раз в этот момент, хотя и ненадолго, самым грозным вторжением в долину Могавков, которое имело место в течение текущего года. Действительно, это было последнее вторжение врага в эту сколько-нибудь важную часть страны за время революционной борьбы.

С самого начала состязания было видно, что Джонсоны и те лоялисты из округа Трайон, которые были наиболее близки в союзе с ними, по-видимому, руководствовались каким-то особым и постоянно действующим принципом враждебности по отношению к бывшей резиденции баронета и району страны, которым она была окружена. Таким образом, еще одна экспедиция против Джонстауна была тайно спланирована летом 1781 года и осуществлена с такой безмолвной быстротой, что 24 октября "филистимляне" действительно "напали" на поселения, прежде чем об их приближении кто-либо заподозрил. Эта экспедиция была организована на острове Бака, на реке Святого Лаврентия, в нескольких милях ниже подножия озера Онтарио, и состояла из четырех рот второго батальона Королевского зеленого полка сэра Джона Джонсона, рейнджеров полковника Батлера под руководством майора Батлера, его сына и двухсот индейцев — общей численностью около тысячи человек под командованием майора Росса. [FN-1] Пройдя от острова Бака до Освиго, а оттуда через озеро Онейда, они двинулись через юго-восточные леса с этого места и пересекли леса с такой скрытностью, что ворвались в Уорренсбуш, [FN-2] недалеко от слияния Шохари-килл с рекой Мохок, так внезапно, как если бы они возникли из-под земли, подобно воинам из "зубов дракона" Кадмуса, полностью взрослые и все при оружии, за одну ночь. Это было 24 октября. [FN-3] Уорренсбуш находился примерно в двадцати милях к востоку от форта Ренсселер, штаб-квартиры полковника Уиллетта; так что у Росса и Батлера было достаточно времени, чтобы произвести опустошение на южном берегу реки и переправиться на северный берег, прежде чем первый смог бы собрать свои силы и воспрепятствовать их дальнейшему продвижению. Услышав эту новость, полковник Уиллетт не терял ни минуты и принял меры для отражения неожиданных захватчиков, которые были в пределах его ограниченных возможностей. С такими силами, какие были в гарнизоне, вместе с такими дополнительными рекрутами из ополчения, которые удалось собрать по соседству, Уиллетт тем же вечером двинулся к форту Хантер, одновременно отправляя приказы ополчению и рекрутам в близлежащих постах и поселениях следовать за ним и присоединиться к нему со

всей возможной скоростью. Маршируя всю ночь, полковник рано утром следующего дня достиг форта Хантер, где узнал, что противник уже оккупировал Джонстаун. Глубина реки была такова, что для переправы через нее требовались поплавки, и хотя у Уиллета было всего четыреста шестнадцать человек — всего половина численности противника, не считая индейцев, — все же переправа была осуществлена только после полудня. Босс и Батлер накануне переправились через реку на некотором расстоянии ниже Трайпс-Хилл и двинулись оттуда прямо на Джонстаун, убивая и уводя людей в плен, разрушая здания, скот и все, что попадалось им на пути. Вскоре после восхождения на только что упомянутый холм враг наткнулся на небольшой разведывательный отряд под командованием лейтенанта Солкилла, который был верхом на лошади. Он был обстрелян наступающим противником и упал замертво на землю. Его люди искали спасения в бегстве, и им это удалось. [FN-4] Это было ранним утром 25-го. Продвижение противника было медленным, и они прибыли в деревню Джонстаун только после 12 часов дня. Даже тогда основная часть их войск, обойдя город, двинулась на запад, остановившись на территории баронского дворца. Однако вражеские обозы с багажом проезжали через деревню, и их проводники были обстреляны из старой тюрьмы, которая тогда служила крепостью. Из-за такого расхода боеприпасов был ранен только один человек.

[FN-1] Такова оценка отчетов о рукописи, которые были предоставлены автору. Однако она слишком высока, если только майор Батлер не носил в кармане ошибочное заявление. Согласно записке, найденной в его записной книжке, после его падения силы майора Росса Вэна выглядели следующим образом: Восьмой полк - двадцать пять человек; тридцать четвертый то же самое - сто; восемьдесят четвертый то же самое - горцы - тридцать шесть; полк сэра Джона - сто двадцать; Независимые Лейка - сорок; рейнджеры Батлера - сто пятьдесят; егеря - двенадцать; индейцы - сто тридцать.—Всего шестьсот семьдесят.—*Смотрите Письмо полковника Уиллетта лорду Стирлингу. Летописец Алмона.*

[FN-2] Поселение, основанное сэром Питером Уорреном, дядей сэра Уильяма Джонсона, и первое место жительства последнего джентльмена после его прибытия в Америку.

[FN-3] Кэмпбелл утверждает, что это вторжение было в августе. Майор Сэммонс датирует его 22-м числом того же месяца. Полковник Уиллетт называет дату 24 октября, что, очевидно, верно, поскольку вторая часть сражения проходила в условиях снежной бури.

[FN-4] В одном из рукописных отчетов об этой битве, плоде моих исследований в долине Мохок, утверждается, что Солкилл не был связан с разведчиком, но в данный момент проходил мимо по пути в Олбани.

Форсировав реку, полковник Уиллетт со всей возможной быстротой пустился в погоню. Но, считая неразумным, когда неравенство их сил было столь велико, рисковать атаковать с фронта всеми своими силами, положение противника было установлено с уверенностью не раньше, чем майор Роули из Массачусетса был выделен с небольшим отрядом ополчения округа Трайон и примерно шестьюдесятью рекрутами из своего собственного штата с целью, обходным маршем обойти врага с фланга и ударить ему в тыл - таким образом, атакуя спереди и в тыл одновременно. После того как эти и другие необходимые меры были приняты, Уиллетт двинулся на врага во главе своей колонны. Выйдя на открытое поле, примыкающее к тому, которое занимал противник, Уиллетт выстроил свой правый фланг в линию и прижал майора Росса так

близко, что вынудил его отступить на опушку соседнего леса. Здесь продолжалась перестрелка, в то время как остальные американцы быстро продвигались двумя колоннами, чтобы принять участие в сражении. Сражение стало ожесточенным и всеобщим; и хотя был взят единственный полевой пункт, принадлежавший американцам, его быстро вернули, и какое-то время боевые действия продолжались с надеждой на победу. Но как раз в критический момент ополчение Уиллетта охватила одна из тех беспричинных и необъяснимых паник, которые в большинстве случаев делают это описание войск хуже, чем бесполезным в бою, и без всякой причины все правое крыло развернулось и обратилось в бегство. [FN] Полевая часть была брошена, а фургон с боеприпасами взорван. Первый, конечно, попал в руки врага. Полковник Уиллетт сделал все возможное, чтобы сплотить своих людей, но безрезультатно. В крайнем смятении они побежали к каменной церкви в деревне. Здесь, вынудив их сделать привал, полковник начал приводить их снова в такой порядок, какой только мог, но поражение все равно было бы полным, если бы не предусмотрительность, ранее принятая майором Роули. К величайшему счастью, этот офицер вышел из леса и прибыл на поле боя как раз вовремя, чтобы напасть на вражеский тыл в тот самый момент, когда они ликовали по поводу своей легкой победы. Роули продолжал атаку с большой энергией и бесстрашием, в то время как противник был занят взятием в плен отставших, а индейцы снимали скальпы с тех, кто попадался им в руки. Теперь борьба продолжалась с таким же упорством и нерегулярностью в течение значительного времени. Майор Роули был рано ранен в лодыжку и унесен с поля боя; противник сражался разными частями, иногда небольшими отрядами, разделенными почти на милю друг от друга. В некоторых из этих состязаний преимущество было на стороне противника, а в других американцы были временными победителями. Битва продолжалась таким образом почти до захода солнца, когда, убедившись в этом факте и в том, что отряд Роули в одиночку сдерживал врага, Уиллетту удалось собрать внушительные силы, с которыми он вернулся на поле боя и снова ввязался в бой. Битва велась ожесточенно до темноты, когда враг, теснимый со всех сторон, в замешательстве отступил в лес и не остановился, не доходя до вершины горы, расположенной в шести милях от него. Среди офицеров, отличившихся по этому случаю, в дополнение к двум командирам, Уиллетту и Роули, был храбрый капитан Гарденье, который с таким отчаянием сражался в битве при Орискани и был так тяжело ранен в смертельной схватке с одним из McDonalds. После того, как противник отступил, полковник Уиллетт раздобыл фонари и приказал собрать раненых противника, а также своих собственных, и тщательно перевязать их раны. Потери американцев составили около сорока человек. Противник потерял примерно столько же убитыми и около пятидесяти пленными. Ополчение округа Трайон под командованием майора Роули вело себя благородно.

Письмо полковника Уиллетта лорду Стирлингу.

Зная направление, с которого приближались Росс и Батлер, и что их батареи были оставлены на озере Онейда, полковник Уиллетт, не теряя ни минуты, принял меры, чтобы отрезать им пути к отступлению путем уничтожения их лодок, в то время как он также решил, если возможно, броситься им наперерез. Узнав от некоторых пленников Росса, которым удалось ночью сбежать, что он намеревался нанести удар по границам Каменной Аравии, чтобы раздобыть провизию, Уиллетт двинулся к этому месту на следующее утро и разбил там лагерь на тот день и ночь, выдвинув вперед отряд войск с инструкциями проследовать форсированным маршем к озеру Онейда и уничтожить лодки. Убедившись утром 27-го, что Росс обошел Каменную

Аравию, углубившись в дикую местность, Уиллет поспешил к немецким равнинам, где 28-го он с огорчением узнал, что отряд, отправленный к озеру, вернулся, не выполнив свой долг. [FN]

Письмо Уиллетта лорду Стирлингу.

Находясь в Каменной Аравии, Уиллет отправил разведывательный отряд по следу врага, чтобы выяснить, проложил ли он свой курс в предполагаемом направлении или, возможно, он не отклонился дальше к северу с целью вернуться прямо через дикую местность на остров Бака. Разведчики, убедившись, что Росс выберет последний курс, поспешно вернулись; и результат их наблюдения был срочно передан Уиллетту. [FN]

Этот разведывательный отряд состоял из капитана Джона Литтла, Уильяма Лэрда и Джейкоба Шоу.

Сразу же после получения этих разведданных Уиллетт решил, если возможно, нанести еще один удар. Присоединившись примерно к шестидесяти воинам племени онейда вместе с некоторыми дополнительными рекрутами и ополченцами, полковник отобрал около четырехсот своих отборных солдат и, снабдив их провизией на пять дней, 29-го числа двинулся на север, вдоль течения ручья Западная Канада. Они шли весь тот день сквозь пронзительную снежную бурю, остановившись на ночь в густом лесу по королевскому указанию, предполагая, что враг, вероятно, не мог быть далеко, Джейкоб Сэммонс был отряден с двумя индейцами онейда продвинуться еще дальше в пустыню и под покровом темноты сделать такие открытия, какие могли быть в их силах. "С большой неохотой, - говорит Сэммонс в своем повествовании, - я взялся за это дело". Не успели они продвинуться далеко, как индейцы обнаружили следы. Опустившись на колени и внимательно осмотрев их, они заявили, что они свежие, и отказались больше приближаться. Взяв Сэммонса за руку, они умоляли его вернуться; но он отказался, и они расстались. Бесстрашный разведчик вскоре заметил костры, разгорающиеся в густом лесном мраке, к которым он осторожно приближался, пока не получил возможность осмотреть вражеский лагерь. Получив всю необходимую информацию и чудом избежав при этом разоблачения, он вернулся в лагерь американцев. Уиллет держал свои войска при оружии в ожидании возвращения Сэммонса; но, узнав от последнего, что противник хорошо снабжен штыками, которых у его собственных людей не хватало, ночная атака на лагерь была сочтена неблагоприятной, и он разбил свои силы бивуаком на месте. [FN]

Рассказ Джейкоба Сэммонса.

Уиллетт, не теряя времени, двинулся в наступление на следующее утро с целью втянуть противника в бой. Но последний выступил в поход так же рано, как и он сам, так что только к часу дня американцы подошли с небольшим отрядом из тыла противника, состоявшим примерно из сорока человек, вместе с несколькими индейцами, которые были отделены от его основных сил с целью добыть провизию. Последовала ожесточенная схватка, в ходе которой некоторые из врагов были убиты, другие взяты в плен, а остальные бежали. Среди пленных был лейтенант тори по имени Джон Райкман. Преследуя противника по следу, американцы

наткнулись на его основные силы в местечке под названием Джерсифилд, на северном берегу Канадского ручья. Завязался бой с разбегу, но противник оказал очень слабое сопротивление, проявляя признаки ужаса и пытаясь отступить собачьей рысью рядами индейцев. Ближе к вечеру, когда они пересекли ручей на западном или юго-западном берегу, Батлер попытался собрать свои силы и дать отпор. Последовало оживленное сражение, стороны находились на противоположных берегах ручья; в ходе которого пало около двадцати врагов. Среди них был их смелый и предприимчивый, но жестокий лидер Уолтер Н. Батлер. Он был сбит с ног выстрелом из винтовки индейца племени онейда, который, случайно узнав его, когда он наблюдал за битвой из-за дерева, тщательно прицелился и прострелил ему шляпу и верхнюю часть головы. Батлер пал, и его войска бежали в крайнем замешательстве. Воин, сделавший удачный выстрел, первым перескочил ручей в общей суматохе и, подбежав прямо к Батлеру, обнаружил, что тот не мертв, но тяжело ранен. Он сидел возле дерева и корчился в страшной агонии. Индеец приблизился и, пока Батлер смотрел ему прямо в лицо, снова выстрелил ему в глаз и немедленно снял скальп. Как только онейды увидели окровавленный трофей, они подняли крик скальпирования и, раздев тело, оставили его лежать ничком, а сами бросились в погоню за беглым воинством. Подойдя к караулке, где содержались Райкман и другие заключенные, индеец попытался оскорбить несчастного пленника, ударив его скальпелем своего покойного командира по лицу, но лейтенант уклонился от удара. Преследование было продолжено, но темнота и усталость вынудили полковника прекратить его до утра. Однако противник продолжал свое бегство всю ночь. [FN-1] И, поистине, никогда еще люди не были доведены до более плачевного состояния. Погода стояла холодная, а им предстояло еще пройти унылую и непроходимую пустыню протяженностью в восемьдесят миль, без еды и даже без одеял — они были вынуждены бросить их, чтобы облегчить свой побег. [FN-2] Но, какими бы рассеянными и разбитыми они ни были, и имея начало в одну ночь, было сочтено нецелесообразным продолжать преследование дольше; тем более что собственные войска Уиллетта были снабжены провизией еще всего на два дня. Более того, победа была уже полной. Поэтому полковник развернулся и с триумфом повел свою маленькую армию обратно в форт Дейтон. Потери американцев в ходе преследования составили всего одного человека. О существовании врага так и не было известно. Выражаясь языком официальных донесений полковника Уиллетта, "поля Джонстауна, ручьи и реки, холмы и горки, глубокие и мрачные болота, через которые им пришлось пройти, могли рассказать только они; и, возможно, офицеры, которые отправили их в экспедицию".

[FN-1] "Каким бы странным это ни казалось, тем не менее, это правда, что, несмотря на то, что враг провел четыре дня в дикой местности, имея всего полфунта конины на человека в день, все же в этой голодной ситуации они пробежали тридцать миль, прежде чем остановились. Многие из них, действительно, пали жертвой такого обращения". —*Полковник. Письмо Уиллетта лорду Стирлингу.*

[FN-2] "В этой ситуации я оставил несчастного майора Рома; я называю его несчастным, потому что он, несомненно, был прав, взяв на себя командование таким прекрасным отрядом людей для выполнения такого грязного и пустякового дела, на которое его послали, с таким огромным риском и изощренным трудом . . . Мы оставили их в ситуации, возможно, более соответствующей их недостаткам, чем мушкет, пуля, томагавк или плен ". —*полковник. Письмо Уиллетта лорду Стирлингу.*

При повторном прохождении поля боя тело Батлера было обнаружено таким, каким его оставили; и там, без погребения, ему позволили остаться. [FN]

[FN] Были опубликованы различные заявления об обстоятельствах смерти Уолтера Н. Батлера. Маршалл в своей книге "Жизнь Вашингтона" утверждает это так: "На вечеринке в Кэнада-Крик был майор Уолтер Батлер, человек, устроивший резню в Черри-Вэлли. Его мольбы о пощаде были оставлены без внимания, и он пал жертвой мести, которую его собственный дикий нрав направил против него самого". Согласно рассказу полковника Уиллетта, он был застрелен сразу же, не успев взмолиться о пощаде. Президент Дуайт в "Своих путешествиях" приводит отчет, соответствующий следующему, написанному Кэмпбеллом: "Его преследовал небольшой отряд индейцев онейда; когда он прибыл в Уэст-Канада-Крик, примерно в пятнадцати милях выше Херкимера, он переплыл реку на своей лошади, а затем, развернувшись, бросил вызов своим преследователям, которые были на противоположном берегу. Онейда немедленно разрядил свое ружье и ранил его, и он упал. Бросив ружье и одеяло, индеец нырнул в ручей и переплыл его; как только он достиг противоположного берега, он поднял свой томагавк и с воплем, как тигр, прыгнул на своего поверженного врага. Батлер тщетно молил о пощаде; Онейда, подняв топор, крикнул на своем ломаном английском: "Шерри Вэлли! помни Шерри Вэлли!", а затем запечатлел это в своих мозгах". Предполагается, что ни одно из этих утверждений не является в точности правильным. Приведенный в тексте отчет был составлен автором на основе рукописных показаний Филипа Графта, который был свидетелем сделки, а затем был прикреплен к роте капитана Питера Ван Ренсселера, который находился в форте Херкимер и участвовал в этой экспедиции. Утверждение Джейкоба Симмонса совпадает с утверждением Графта, хотя и менее обстоятельное.

Так погиб Уолтер Н. Батлер, одно из величайших бедствий, поскольку он был одним из самых бесстрашных людей своего родного графства. Ни одно другое событие за всю войну не вызвало столько радости в Долине Мохок, как известие о его кончине. Считается, что он обладал угрюмым темпераментом, сильными страстями и мстительным нравом. Как уже неоднократно проявлялось, Джозеф Брант невзлюбил его, включив в число тех, кого считал еще большими дикарями, чем самих дикарей. Однако вполне вероятно, что Уолтер Батлер, возможно, обладал другими и лучшими качествами, поскольку его друзья были судьями, чем те, которыми наградили его враги. Утверждалось, что после резни в долине Черри генерал Холдиманд отказался его видеть. Но этот факт вполне может быть подвергнут сомнению, поскольку Холдиманд не только одобрял, но и поощрял отправку подобной экспедиции против едва ли провинившихся онейд, которые переехали и мирно жили по соседству со Скенектади.

Эта экспедиция Росса и Батлера завершила активные военные действия на севере в том году; но пока происходили события, описанные на нескольких предыдущих страницах, другие происходили в другой части страны, и сами по себе, и по своим результатам они имели гораздо большее значение. При взгляде с высоты птичьего полета на ход войны в других частях конфедерации в течение первого квартала этого года Арнольд был оставлен в Портсмуте, примыкающем к Норфолку. Впоследствии он совершал различные поступки описанного выше характера; снова посещал Ричмонд и совершал безобразия там и в других местах. После смерти британского генерал-майора Филлипса предатель принял командование королевскими войсками в Виргинии и держался там против барона Стьюбена, а затем против маркиза де

Лафайета, [FN-1] пока лорд Корнуоллис, пересекший Северную Каролину и вошедший в Виргинию, не соединился с ним и не принял командование; отправив Арнольда из своего присутствия в Портсмут как можно скорее. После своего возвращения в Нью-Йорк Арнольд в начале сентября возглавил еще одну пиратскую экспедицию против Нью-Лондона и Гротона. Бывший город был сожжен, а форт Грисволд на противоположном берегу реки, взятый штурмом, стал ареной кровавой резни; храбрый Ледьярд, командовавший войсками, был пронзен своим собственным мечом. [FN-2]

[FN-1] Приняв командование Филлипсом, Арнольд адресовал письмо маркизу де Лафайету; но последний сообщил офицеру, который его доставил, что он не получит письма от предателя. Действительно, офицеры британской службы презирали Арнольда, да и как могло быть иначе? Даже сэр Генри Клинтон не доверял ему и, отправляя его на юг, позаботился о том, чтобы отправить с ним полковника Дандаса и полковника Симкоу, двух опытных офицеров, с инструкциями Арнольду консультироваться с ними относительно каждой меры и каждой операции, которые он, возможно, пожелает предпринять.

[FN-2] "Было сказано, что Арнольд, когда Нью-Лондон был объят пламенем, стоял на колокольне и наблюдал за пожаром; таким образом, подобно Нерону, он был в восторге от вызванных им разрушений, от причиненных им страданий, от крови своих убитых соотечественников, от агонии умирающего патриота, слез вдовы и воплей сироты. И что добавляет грандиозности, так это то, что он стоял почти на виду у того места, где сделал свой первый вдох". — *Искры*.

Тем временем американский главнокомандующий обдумывал удар, который, в случае успеха, не мог не иметь важного и, возможно, решающего значения для великого вопроса об окончательном освобождении его страны. Пока маркиз де Лафайет обходил и ставил в тупик Корнуоллиса в Вирджинии, Вашингтон готовился к покушению на цитадель британской власти в Соединенных Штатах — Нью-Йорк. Этот проект, как уже говорилось ранее, был разработан предыдущим сезоном, сразу после прибытия графа де Рошамбо с французской армией альянса на Род-Айленд. Но возникло так много трудностей и предстояло преодолеть так много сопутствующих препятствий, что, повинуясь суровой необходимости, от проекта на тот год отказались. С началом весны текущего года она была возобновлена, и после того, как соответствующие командиры провели еще одну личную консультацию, французская армия двинулась из Род-Айленда через всю страну к Гудзону. Но возникли другие препятствия, которые вынудили полностью изменить план кампании. Однако, к счастью, британский командующий в Нью-Йорке не сразу заметил перемену, и демонстрация отвлекла его внимание от нужного объекта, пока не стало слишком поздно исправлять его ошибку. Объединенные французские и американские силы, о которых никто не подозревал, но на основе эффективных операций, продвигались как к центральному пункту в направлении Вирджинии, пока, прежде чем он осознал серьезную опасность, граф Корнуоллис не оказался запертым в Йорктауне. Это событие стало роковым для него и для дела его хозяина. К 30 сентября пост был полностью занят. 9 октября французы и американцы открыли огонь по своим батареям. А 19-го, когда за несколько дней до этого два его передовых редута были взяты штурмом, отчаявшись получить обещанную помощь от сэра Генри Клинтона и, более того, потерпев неудачу в хорошо согласованной попытке эвакуировать крепость ночью, лорд Корнуоллис, подчинившись необходимости, абсолютной и неизбежной, сдался капитуляцией. Потери противника во время

осады составили пятьсот пятьдесят два человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести; а число взятых в плен, не считая моряков, которые были сданы графу де Грассу, составило семь тысяч семьдесят три человека, из которых пять тысяч девятьсот пятьдесят были рядовыми.

Было бы совершенно естественно и фактически не более чем беспристрастное правосудие, если бы недавняя резня в форте Гриссуолд была отомщена именно в этот раз. Но, к счастью, приказано было иначе; и триумф стал еще более запоминающимся из-за того факта, что не было пролито ни капли крови, кроме как в бою. "Неспособные, - сказал полковник Гамильтон (возглавлявший наступление американцев в ходе штурма), - подражать примерам варварства и забыть недавнюю провокацию, солдаты пощадили каждого человека, который прекратил сопротивление". [FN]

Отчет полковника Александра Гамильтона —маршалл.

Радость по поводу капитуляции второй армии была столь же велика, сколь и всеобщая. Благодарность Конгресса была объявлена главнокомандующему, графу де Рошамбо и графу де Грасс, а также другим высшим офицерам различных корпусов и подчиненным им людям. Конгресс также принял решение установить в Йорктауне мраморную колонну с узорами, символизирующими союз Франции и Соединенных Штатов, на которой будет начертано повествование о событии, отмечаемом таким образом. Но, как и все другие монументальные сооружения Конгресса, он пока существует только на бумаге.

Главнокомандующий воспользовался случаем, чтобы помиловать и освободить всех военных преступников, находившихся под арестом. Всегда готовый признать вмешательство руки Провидения в ход человеческих событий, этот поистине великий командующий завершил свои приказы в связи с этим событием следующим впечатляющим образом: "Завтра в различных бригадах и дивизиях будет отслужена Божественная служба. Главнокомандующий рекомендует, чтобы все войска, не находящиеся при исполнении служебных обязанностей, участвовали в этом с серьезным поведением и той чувствительностью сердца, на которую претендует воспоминание об удивительном и особом вмешательстве Божественного Провидения в нашу пользу".

Возвращаясь, опять же, к развитию событий на Севере, остается объяснить загадочное поведение британского командующего в Канаде и таинственные передвижения его войск на озере Шамплейн. 9 ноября генерал Хит, командующий департаментом, издал следующий общий приказ, копия которого сохранилась среди бумаг генерала Гансворта:

"Штаб-квартира, Континентал виллидж, 9 ноября 1781 года.

Генерал имеет удовольствие уведомить эту армию, что противник был полностью разочарован в своих планах на северных границах этого штата вследствие мер, принятых для приема его в окрестностях озер, чем генерал во многом обязан генерал-майору лорду Стирлингу, бригадному генералу Старку и другим офицерам и солдатам, как регулярных войск, так и ополчения, которые с большим рвением и бдительностью устремились навстречу врагу. Та часть их войск, которая шла через озера, не осмелилась высадиться по эту сторону от них.

"Майор Росс, который продвинулся с запада до Джонстауна с отрядом численностью от шести до семи сотен регулярных войск, рейнджеров, егерей и индейцев, был встречен полковником Уиллеттом, разбит и преследовался в дикой местности, где многие из них, вероятно, должны были погибнуть; количество убитых врагов неизвестно. Майор Батлер, который часто нарушал границы, среди убитых. Было взято и отправлено несколько пленных, в основном британцев.

Генерал выражает свою благодарность полковнику Уиллетту, чье обращение, галантность и настойчивая деятельность, проявленные в этом случае, делают ему высочайшую честь; и хотя поведение офицеров и солдат в целом, бывших с полковником Уиллеттом, заслуживает высокой оценки, генерал выражает особое одобрение поведению майора Роули и храбрых новобранцев и ополченцев под его непосредственным командованием, которые в критический момент не только оказали честь самим себе, но и оказали важнейшую услугу своей стране.

Расшифровка общих приказов: Это. ФРЕД. ДЖЕКСОН, *помощник капитана*."

Генерал Хит и многие другие, несомненно, предполагали, что ожидаемое вторжение было предотвращено благодаря действиям лорда Стирлинга и генералов Старка и Гансворта, изложенным в первом параграфе этих общих приказов; но факты по делу, ни на йоту не умаляя выдающихся заслуг этих офицеров, неизбежно приведут к иному выводу.

Краткий обзор противоречий между Нью-Йорком и жителями Нью-Гэмпширских грантов уже был дан — в дополнение к этому было сделано несколько случайных намеков на двусмысленные действия и намерения Итана Аллена. В качестве примечания в предыдущей главе также упоминалось специальное послание губернатора Клинтона законодательному собранию Нью-Йорка, в котором содержалась важная информация, касающаяся замыслов Аллена и его сообщников, полученная от двух заключенных, сбежавших из Канады осенью текущего года, — Джона Эдгара и Дэвида Эйбила. Суть заявлений этих людей заключалась в том, что несколько ведущих представителей Грантов Нью-Гэмпшира заключали союз с королевскими чиновниками в Канаде. Среди этих лидеров были Итан и Айра Аллены, а также две Фэй. Человек по имени Шервуд и доктор Смит из Олбани, чье имя уже упоминалось, были посредниками в переговорах со стороны Великобритании, и их консультации иногда проводились в Каслтоне, по Грантам, а иногда в Канаде. Согласно заявлению Эдгара, подразумевалось, что Гранты должны были предоставить королю силы численностью в две тысячи человек. Информация мистера Эйбила заключалась в том, что полторы тысячи человек должны были быть предоставлены под командованием Итана Аллена. Мистер Эйбил также заявил, что Итан Аллен в то время находился в Канаде по этому делу и что он видел майора Фэя на острове о-Нуа на борту одного из королевских судов; и что он, Фэй, обменял более тридцати гессенцев, дезертировавших из армии Бургойна, доставив их передадут британским властям. Показания Эдгара и Эйбила, последний из которых был взят в плен в Катскилле прошлой весной, были даны с санкции присяги; и хотя они не были товарищами по заключению и получили свою информацию из разных источников; и хотя они совершили побег в разное время, при разных обстоятельствах и разными путями, сильно отличающимися друг от друга, все же между ними было сильное совпадение. Третий отчет, представленный губернатором законодательному органу, несколько отличался и более конкретно касался условий предлагаемого соглашения. В этом документе, во-первых, говорилось, что территория, на которую претендуют жители Вермонта, должна быть преобразована в отдельную колонию или

правительство. Во-вторых, форма правления должна быть аналогична форме правления Коннектикута, за исключением того, что назначение губернатора должно осуществляться короной. В-третьих, им должно быть позволено сохранять нейтралитет, если только война не будет вестись на их собственной территории. В-четвертых, они должны были сформировать два батальона, которые должны были находиться на жалованье у короны, но привлекаться к службе только для защиты Колонии. В-пятых, им должна была быть разрешена свободная торговля с Канадой. Генерал Холдиманд не считал себя вправе принимать окончательное решение по предложениям столь большой важности и соответственно передал их в Англию для королевского рассмотрения. Затем ожидался ответ. Таков был смысл разведанных; и таков был вес свидетельских показаний, что губернатор без колебаний заявил, что они "доказали изменнические и опасные сношения и связь между лидерами восстания в северо-восточной части штата и общим врагом". [FN]

[FN] Эти и другие документы можно найти в "Летописце Алмона", том ix. — за 1732 год.

Факт заключается в том, что, согласно признаниям и документам, опубликованным самими историками Вермонта, [FN-1] что жители Вермонта, хотя, несомненно, по большей части были преданы делу своей страны, тем не менее смотрели на Нью-Йорк "как на более ненавистного врага", чем Великобритания; [FN-2] и офицеры последней не замедлили воспользоваться расколом. Соответственно, полковник Беверли Робинсон попытался начать переписку с Итаном Алленом еще в марте 1780 года. Первое письмо было передано Аллену в Арлингтон, но ответа не последовало. Второе письмо от Робинсона было получено Алленом в феврале 1781 года, которое вместе с первым он направил Конгрессу в марте, сопроводив письмом, недвусмысленно подтверждающим право Вермонта согласиться на прекращение военных действий с Великобританией при условии, что его претензии как государства по-прежнему будут отклонены Конгрессом. Однако, по-видимому, угроза не оказала какого-либо воздействия на этот орган.

[FN-1] Государственные документы Слейда.

[FN-2] Idem.

В последующие месяцы, в апреле и мае, губернатор и совет Вермонта поручили полковнику Айре Аллену, брату Итана, отправиться на остров о-Ной, чтобы заключить картель с британцами в Канаде, а также, по возможности, договориться о перемирии в пользу Вермонта. Приготовления к этим переговорам проводились в строжайшей тайне; только восемь человек были осведомлены о процедуре. [FN-1] Полковник Аллен в сопровождении одного младшего офицера, [FN-2] двух сержантов и шестнадцати рядовых отбыл на выполнение своей миссии первого мая; и, прибыв на остров о-Нуа, сразу приступил к своим делам — переговорам с майором Дандасом, командиром этого поста, только по вопросу обмена пленными, но более конфиденциально с капитаном Шервудом и Джорджем Смитом, эсквайром, по вопросу перемирия. Пребывание Аллена на острове затянулось на значительное время, и совещания с двумя комиссарами, Шервудом и Смитом, на тему политических отношений в Вермонте были частыми, но совершенно конфиденциальными; Аллен тщательно избегал что-либо записывать,

чтобы избежать несчастных случаев. Но с самого начала, похоже, обе стороны прекрасно понимали, что они выступали "за перемирие и согласованные меры по созданию Вермонта в качестве колонии под короной Великобритании". [FN-3] В ходе консультаций Аллен открыто заявил, "что крайняя ненависть Вермонта к штату Нью-Йорк такова, что вместо того, чтобы уступить ей, они хотели бы, чтобы Конгресс подчинился британскому правительству, при условии, что Вермонт сможет стать отдельной колонией под властью короны на безопасных и почетных условиях". Он добавил, "что народ Вермонта больше не был расположен помогать в установлении правительства в Америке, которое могло бы подчинить их и их потомков Нью-Йорку, правительство которого они ненавидели больше, чем любое другое в известном мире". [FN-4] Это были обнадеживающие заявления в ушах офицеров его Величества; и после семнадцатидневных переговоров был создан картель и устно согласовано перемирие, в силу которого военные действия должны были прекратиться между британскими войсками и народом, находящимся под юрисдикцией Вермонта, до окончания следующей сессии Законодательного органа. из Вермонта, и даже дольше, если перспективы будут удовлетворительными для главнокомандующего в Канаде. Более того, поскольку затем Вермонт распространил свои претензии на территорию до реки Гудзон, вся та часть Нью-Йорка, которая лежала к востоку от реки и к северу от западного окончания северной границы Массачусетса, была включена в соглашение о перемирии. Также было оговорено, что во время перемирия лидеры Вермонта должны были постепенно готовить народ к смене правительства и что британские офицеры должны были иметь возможность свободного общения на территории нового штата — как оно и утверждало. [FN-5]

[FN-1] Томас Читтенден, Мозес Робинсон, Сэмюэл Саффорд, Итан Аллен, Айра Аллен, Тимоти Браунсон, Джон Фассетт и Джозеф Фэй.

[FN-2] Лейтенант Симеон Лайман.

[FN-3] Политическая история Вермонта, опубликованная Айрой Алленом в Лондоне в 1798 году.

[FN-4] Политическая история Вермонта Аллена.

[FN-5] *Idem*.

Но, несмотря на завесу секретности, окутывавшую процесс, возникли мрачные подозрения, что не все в порядке. Искренние виги среди сторонников Грантов встревожились и опасались, что их могут продать еще до того, как они узнают об этом. Когда Законодательный орган собрался, люди, чья зависть была разбужена, стеклись к месту собрания, чтобы убедиться, все ли в порядке; и только благодаря большому сокрытию со стороны тех, кто был посвящен в тайну, друзья Союза были умиротворены. Присутствовали и другие зрители из разных штатов, которые испытывали равный интерес к тому, чтобы убедиться, не находится ли великое дело нации под угрозой быть скомпрометированным. Результатом было то, что агентам удалось пустить пыль в глаза людям; и их управление было настолько искусным, что аллены поддерживали связь с врагом в течение всего лета, оставаясь незамеченными. Неоднократно британские охранники в составе нескольких человек приходили на саму территорию Арлингтона, доставляя и получая посылки в сумерках.

В сентябре переговоры были возобновлены, представители обеих сторон тайно встретились в Скенсборо, на территории Нью-Йорка, и был достигнут дальнейший прогресс в выполнении условий соглашения, согласно которому Вермонт в должное время должен был броситься "в объятия своего законного суверена". Сэр Фредерик Холдиманд, однако, начал терять терпение из-за более длительной задержки, и были предприняты энергичные усилия для немедленного и открытого заявления со стороны Вермонта. В ответ на это предложение члены комиссии штата Вермонт Айра Аллен, Джозеф Фэй и третье лицо, чье имя не называется, заявили, что еще не было времени подготовить народ к столь значительным переменам и что для этой цели им следует воспользоваться передышкой приближающейся зимы. Однако, в конце концов, было оговорено, что, поскольку сэр Фредерик Холдиманд получил королевскую власть для этой цели, армия может подняться по озеру с прокламациями, предлагающими утвердить Вермонт в качестве колонии под властью короны, на принципах и условиях, указанных выше, после возвращения народа к его верности; уполномоченные обратились с просьбой, чтобы генерал, командующий экспедицией, попытался выяснить настроения людей, прежде чем прокламация будет фактически распространена.

Законодательное собрание Грантов собралось в Чарльзтауне в октябре. Тем временем генерал Сент-Леджер, согласно договоренности с Алленом и Фэй, поднялся по озеру к Тикондероге с большим отрядом, где остановился на отдых. Чтобы сохранить видимость, жители Вермонта разместили на противоположном берегу военные силы под командованием генерала Энуса, которому по необходимости была доверена тайна. Но ни одна из сторон не решилась бы доверить эту тайну подчиненным. *Они* должны, конечно, добросовестно относиться друг к другу как к врагам; и тот факт, что они сами себя так считали, привел к тому, что вермонтцы оказались в особенно неловком положении. Обстоятельства были таковы: чтобы сохранить хотя бы имитацию войны, обе стороны время от времени высылали разведчиков и патрули. К несчастью, однажды одному из таких вермонтских патрулей довелось столкнуться с похожим отрядом армии Сент-Леджера. Обмен выстрелами прошел с искренней доброжелательностью; сержант из Вермонта упал, и его люди отступили. Тело было достойно предано земле по приказу генерала Сент-Леджера, который отправил его одежду генералу Эносу в сопровождении открытого письма с извинениями за произошедшее и выражением сожаления по поводу результата.

Было маловероятно, что незапечатанное письмо пройдет через множество рук, и его содержание останется неизвестным всем, кроме человека, которому оно было адресовано. Таковым, конечно, не было в отношении рассматриваемого письма. Содержание письма стало известно, и велико было удивление вежливости генерала Сент-Леджера, который отослал обратно одежду сержанта и выразил сожаление по поводу его смерти. Генерал Энос отправил гонца к губернатору Читтендену в Чарльзтаун, который, не будучи посвящен в тайны своих нанимателей, не преминул с честной простотой сообщить обстоятельства смерти сержанта и необычное послание генерала Сент-Леджера. Следствием этого стало волнение среди людей, собравшихся в Чарльзтауне, сопровождаемое растущим чувством недоверия. "Почему генерал Сент-Леджер должен отправлять одежду обратно?" "Зачем сожалеть о смерти врага?" людям было легче задавать вопросы, чем их лидерам получать безопасные и откровенные ответы. Следствием этого стал народный шум, неприятный для ушей посвященных. Майор Раннелс обратился к полковнику Айре Аллену и потребовал объяснить, почему Сент-Леджер сожалеет о смерти сержанта? Ответ Аллена был уклончивым и неудовлетворительным. Майор повторил вопрос, и Аллен ответил, что ему лучше отправиться в Сент-Леджер во главе своего полка и

лично выяснить причину своего горя. Последовала резкая перепалка, которая на короткое время отвлекла внимание людей от депеш, о прочтении которых они громко заявляли. Это были драгоценные моменты для губернатора и участников переговоров с врагом. Был созван Военный совет, все члены которого были посвящены в тайну, и из тех частей депеш генерала Энуса, которые могли послужить поставленной цели, была спешно подготовлена подборка фальшивых писем, которые были публично зачитаны Законодательному собранию и народу; и это привело к ослаблению волнения и умалению подозрений.

Тем временем южный бриз разнес слух о пленении Корнуоллиса и его армии под Йорктауном; эффект, произведенный на людей, был таков, что побудил Аллена и Фэй написать британским комиссарам вместе с Сент-Леджером, что в данной конкретной ситуации было бы неблагоразумно с его стороны обнародовать королевское воззвание, и, призывая отложить до более благоприятного момента, гонец с этими депешами пробыл не более часа в штаб-квартире Сент-Леджера в Тикондероге, прежде чем распространился слух о том, что Сент-Леджер был взят в плен. Корнуоллис был подтвержден экспресс-курьером. Эффект был потрясающим. Все идеи или дальнейшие операции в этом районе были немедленно оставлены; и еще до вечера того же дня войска и припасы Сент-Леджера были вновь погружены на борт, и при попутном ветре он немедленно отплыл обратно в Сент-Джонс.

Из этого изложения фактов, раскрытого в Лондоне много лет спустя самим полковником Айрой Алленом, сразу станет ясно, что генерал Хит ошибался, когда в своих общих приказах от 9 ноября он объяснял бездействие генерала Сент-Леджера и его окончательное отступление подготовкой лорда Стирлинга и генералов Старка и Гансворта к его приему. Отступление, которое было сочтено необходимым для освещения этой части операций на севере летом и осенью 1781 года, может быть воспринято некоторыми читателями шире основного замысла настоящей работы. Тем не менее, считается, что для большинства общественности факты, подробно описанные в этой связи, будут новыми, поскольку они должны быть любопытными с точки зрения всех остальных. В то же время они считаются необходимыми для справедливого понимания трудностей, с которыми пришлось столкнуться военным офицерам Северного департамента и правительству штата Нью-Йорк в течение рассматриваемого периода. Они также проливают яркий свет на ту часть истории самой войны, с которой они взаимосвязаны. Каждый внимательно читающий американскую историю знает, что в последние годы войны за независимость между лидерами народа, оккупировавшего Гранты Нью-Гэмпшира, и общим врагом существовала некая переписка, имеющая определенное описание. Но ни точный характер, ни масштабы этой переписки в целом не были поняты; хотя, по очевидным причинам, это было желание тех, кто был самым непосредственным образом замешан в этих вопросах, представить все это как игру в лицемерие с врагом, который пытался вмешаться в дела патриотически настроенных сынов Зеленых гор. [F-1] Как бы то ни было, именно в секретных действиях вермонтских заговорщиков найден ключ к таинственным передвижениям противника на озере Шамплейн, которые так сильно беспокоили американское командование на севере в течение той осени. Было известно, что Сент-Леджер находился на озере с большими силами; и, высадившись в Тикондероге, по всем человеческим расчетам предполагалось вторжение, которому страна тогда была плохо подготовлена противостоять. Временами он, по-видимому, балансировал, в какую точку двигаться. Что касается средств нанесения удара, то он не наносил его; и его медлительность и очевидная нерешительность были столь же необъяснимы. Результатом было поддержание северной части штата в постоянной тревоге и изматывание ополчения частыми вызовами на поле боя против врага,

засевшего на берегу озера, всегда, по-видимому, готового к нападению, и все же бездельничающего в течение сезона без дальнейших демонстраций. Жители Нью-Йорка могли бы наслаждаться гораздо большим спокойствием в том, что касается общего врага, если бы было известно, что его руки связаны перемирием с сопредельной территорией, заявляющей, что она является американским штатом, и в то же время заявляющей, что находится в состоянии открытой войны с тем же самым врагом, с которым правительство указанной территории в тот момент состояло в тайном союзе. [FN-2] Когда к этому исключительно затруднительному положению добавляются те другие трудности, которые были рассмотрены ранее, такие как истощенная и разоренная страна; армия без питания, без одежды, без зарплаты и дезертирствующая; [FN-3] широкое недовольство среди людей непосредственно дома; постоянные вторжения враждебных партизанских банд во всех кварталах; толпы повстанцев, бросающих вызов законам в одном направлении; полки ополчения в округе, таким образом, незаконны, более половины склонны присоединиться к дезорганизаторам; с фактическим и несколько грозным вторжением с запада; следует понимать, что как гражданские, так и военные власти действовали в условиях усложнения зла, требуя для своего контроля всего, чего могли достичь благоразумие и энергия, осмотрительность, настойчивость и мужество, вместе взятые.

[FN-1] Спаркс, разделяющий взгляды более ранних авторов, обратил внимание на этот благоприятный аспект в своем позднем очерке жизни Итана Аллена. Автор, безусловно, согласен с мистером Спарксом во мнении, что "со стороны жителей Вермонта никогда не было никакого серьезного намерения прислушаться к британским предложениям". Но с большим уважением, после полного изучения дела, нельзя сказать того же *олидерах* вермонтцев. Они решили, что Нью-Йорк должен быть расчленен; и если они не смогут силой вступить в конфедерацию как государство, они были готовы вернуться в объятия Великобритании в качестве колонии. Но по поведению людей из Грантса, когда они услышали о сожалениях Сент-Леджера по поводу убийства сержанта, совершенно очевидно, что они не были готовы к такому соглашению.

[FN-2] Конечно, генерал Хит не был осведомлен о действиях жителей Вермонта, когда издавал свои общие приказы, упомянутые выше, и правительство Нью-Йорка не было ознакомлено с ними. Хотя, исходя из необходимости этого дела, значительное число лидеров Вермонта должно было быть посвящено в тайну, тем не менее она хранилась чрезвычайно хорошо. Только в марте следующего года (1782) губернатор Клинтон передал в законодательный орган письменные показания Эдгара и Эйбила, суть которых была изложена в предыдущем повествовании. Эти письменные показания объясняли угрозы, которые пробормотал Итан Аллен, находясь в Олбани прошлой весной. Они также объяснили угрозу, содержащуюся в письме губернатора Читтендена, упомянутом на предыдущей странице, и укрепили подозрения, которые в течение нескольких месяцев питали генерал Шайлер и губернатор Клинтон. Но только по прошествии лет вся правда выплыла наружу.

[FN-3] "Я полагаю, что на данный момент от поста Саратога до поста Доббс-Ферри включительно у армии нет запасов мяса на один день. Поставки, особенно мясного скота, должны осуществляться быстро и регулярно, иначе наши посты не смогут

поддерживаться, а армия не сможет дольше оставаться на местах". —*Письмо Вашингтона президенту штата Нью-Гэмпшир Виру.*

С поражением и отступлением майора Росса, с одной стороны, и возвращением Сент-Леджера в Сент-Джонс - с другой, все активные операции противника на севере прекратились. Но трудности правительства штата с грантами Нью-Гэмпшира возрастали; и противоречия достигли такого размаха, что к 1 декабря вспыхнуло восстание в полках полковника Джона Ван Ренсселера и полковника Генри К. Ван Ренсселера в северо-восточных городах штата; в то время как полк полковника Питера Йейтса, также принадлежавший к бригаде генерала Гансворта, находился в состоянии ненамного лучше. Эти беспорядки возникли в Шагтикике, Хосике, местечке под названием Сент-Койч и прилегающих к нему районах, принадлежавших тогда графству Олбани; но, находясь на восточном берегу Гудзона, к северу от параллели северной линии Массачусетса, правительство штата Нью-Гэмпшир Грантс распространило свою эгиду на эту часть страны, заявив, что юрисдикция, как указывалось ранее, распространяется на реку Гудзон. Генерал Гансворт был поставлен в известность о восстании 5-го числа. Он немедленно приказал полковникам Йейтсу и Генри К. Ван Ренсселеру, чьи полки в то время были наименее затронуты повстанческим духом, собрать столько войск, сколько они могли, и отправиться в Сент-Койч на помощь полковнику Джону Ван Ренсселеру. К губернатору в Покипси был отправлен нарочный с неприятной информацией и просьбой указать, какого курса следует придерживаться в чрезвычайной ситуации, а вернувшийся гонец принес очень четкие приказы от неукротимого главного судьи: "Я полностью одобряю ваше поведение, - сказал губернатор, - и должен только добавить, что, если уже выделенных сил окажется недостаточно для подавления восстания, вы внесете в них такое дополнение, которое сделает их эффективными. Я передал генералу Роберту Ван Ренсселеру эту информацию и поручил ему, в случае необходимости, по вашему заявлению оказать помощь из своей бригады". [FN-1] Хотя в депешах, направленных губернатору Клинтону, не было указано, что движение, вне всякого сомнения, симпатизировало Грантам или было спровоцировано ими, тем не менее губернатор не растерялся и сразу приписал это "узурпированному правительству этого мнимого штата"; [FN-2] и это было его твердое намерение противопоставить силу силе, и это было его твердое намерение противостоять силе. , что касается самих Грантов, отражать силу силой.

[FN-1] Г-жа письмо губернатора Клинтона генералу Гансворту, 11 декабря 1781г.

[FN-2] Idem.

Гансевоорт получил свои инструкции от губернатора только 15-го числа. Тем временем полковники Йейтс и Генри Ван Ренсселер не добились никакого прогресса в подавлении восстания; повстанцев, с другой стороны, становилось все больше, и они построили блокпост для обороны. 16-го генерал Гансворт сам выступил в поход, отправившись в первую очередь в штаб генерала Старка в Саратоге, чтобы получить подразделение войск и полевую часть. Но войска Старка были слишком обнажены, чтобы покинуть свои позиции; и было сочтено неприличным с его стороны вмешиваться без приказа генерала Хита. [FN-1] Затем Гансевоорт переправился на восточный берег реки, чтобы встать во главе такого ополчения, какое он смог собрать в Шагтикике и Хосике; но вскоре был встречен полковником Йейтсом, полностью отступившим из дома полковника Джона Ван Ренсселера. Он смог собрать всего восемьдесят человек, чтобы подавить мятежников из полка Джона Ван Ренсселера; и по прибытии в Сент-

Койх он обнаружил отряд в пятьсот человек, продвигавшийся из Грантса на помощь мятежникам. Гансворт отошел еще на пять миль, чтобы найти удобное жилье для своих людей, а затем попытался, но безуспешно, вступить в переписку с лидером повстанцев. Были сделаны призывы в четыре полка, а именно. в полки полковников Йейтса и Генри К. Ван Ренсселера, как указывалось ранее, а также в полки полковника Ван Вехтена и майора Тейлора. Но из всего отряда можно было собрать не более восьмидесяти человек. Из полка полковника Ван Вехтена только он сам, несколько офицеров и один рядовой могли быть выведены на поле боя. В этих обескураживающих обстоятельствах генерал был вынужден отказаться от экспедиции, и повстанцы остались победителями, к немалому ужасу тех жителей, которые были настроены благожелательно, поскольку они опасались, что их возьмут в плен и увезут, как это было в случае с другими, если они откажутся принести присягу на верность правительству Вермонта. [FN-2] Так завершились военные события на севере, всех описаний, за 1781 год.

[FN-1] В своем официальном отчете по этому вопросу Гансворт выразил сомнение в том, назвал ли Старк истинную причину отказа от его помощи в этом случае. Губернатор Читтенден из Грантса только что направил ему письмо с просьбой не вмешиваться в действия его войск.

[FN-2] Материалы для этого краткого очерка восстания декабря 1781 года на северо-востоке Олбани были взяты из документов Гансворта, которые разорваны и несовершенны. Спор с Вермонтом продолжался, с большей или меньшей силой и по-разному, в течение нескольких лет. Но спокойное и убедительное письмо генерала Вашингтона губернатору Читтендену, написанное в начале января 1782 года, оказало большое влияние на правительство Грантов, заставив их отказаться от территории Нью-Йорка шириной в двадцать миль на восточном берегу Гудзона, которую они захватили. Лидеры, вступившие в переписку с противником в Канаде, продолжали обмениваться сообщениями в течение нескольких месяцев следующего года; но ход событий вскоре лишил эти странные переговоры их опасности и сделал их неважными. Тем временем, хотя губернатор Клинтон был полон решимости усмирить непокорных жителей Зеленых Гор, последние продолжали набирать силу и друзей, и по мере того, как их местное самоуправление становилось устойчивым, им по большей части управляли мудро и эффективно. Снова и снова этот вопрос выносился на рассмотрение Конгресса, где никто не заботился принять по нему окончательные меры. Гамильтон, Джей и губернатор Моррис, все, казалось, считали частью мудрости допустить отделение и независимость Вермонта. Однако ситуация оставалась неурегулированной до принятия федеральной конституции Нью-Йорком в 1788 году, после чего спор был урегулирован мирным путем; Вермонт согласился выплатить тридцать тысяч долларов в качестве полной компенсации лицам в Нью-Йорке, имеющим права собственности на земли в пределах его границ.

Остается отметить еще несколько событий, связанных с операциями года в Индии, прежде чем закрывать настоящую главу. Весной этого года произошло то, что было названо Кошоктонской кампанией полковника Бродхеда, и сопровождалось обстоятельствами, о которых нельзя вспоминать иначе, как с болезненными эмоциями. [FN-1] В разное время главнокомандующий намеревался, чтобы полковник Бродхед проник через территорию Огайо в Детройт; но этот план так и не был осуществлен. Рассматриваемая сейчас экспедиция была возглавлена Бродхедом против деревень недружелюбных индейцев Делавэра в развилках Маскингама. Проходя через поселение моравских индейцев в Салеме под религиозной опекой

преподобного мистера Хеквельдера, некоторые из людей Бродхеда проявили враждебное расположение к этим безобидным мирным жителям; но их враждебные чувства были подавлены Бродхедом, чьим усилиям помогал полковник Шепард из Уилинга. Города, против которых действовали американцы, находились под контролем капитана Пайпа, который встал на защиту короны по наущению М.^к Ки, Эллиота и Герти. При приближении к Кошоктону силы Бродхеда были разделены на три дивизии; и их продвижение было таким тайным и быстрым, что деревни на восточном берегу реки были атакованы, а все индейцы, находившиеся дома, взяты в плен без единого ружейного выстрела. [FN-2] Непосредственной целью этого посещения было, как утверждалось, наказать индейцев из этих городов за некоторые недавние проявления непривычной жестокости. Недавно они совершили вторжение на границы Виргинии, в ходе которого было захвачено значительное количество пленных; но, разочаровавшись в мере своего успеха, в порыве ярости они привязали всех взрослых пленников мужского пола к деревьям и предали их смерти путем пыток под слезы и причитания их семей. [FN-3] Теперь в планы полковника Бродхеда входило свершить возмездие за эти убийства. С ним был дружелюбный вождь делаваров по имени *Пекиллон*, который указал на шестнадцать пленных воинов, на которых он возложил ответственность за указанные убийства. Вечером был созван военный совет, на котором было решено, что эти шестнадцать воинов должны быть преданы смерти. Поэтому их связали, закололи томагавками и копьями и сняли скальпы. [FN-4]

[FN-1] Доддридж в своих "Войнах с индейцами" датирует упомянутую экспедицию 1790 годом. Дрейк, который следует за Хеквелдером, утверждает, что это произошло в 1781 году.

[FN-2] Доддридж.

[FN-3] Дрейк.

[FN-4] Доддридж.

Из-за сильного дождя река разлилась, так что полковник Бродхед не смог переправиться в деревни на противоположном берегу. На следующее утро с другой стороны появился индеец и попросил о встрече с "Великим Капитаном", имея в виду командующего экспедицией. Полковник Бродхед представился и спросил, чего он хочет. "Я хочу мира", - был ответ. "Пришлите сюда кого-нибудь из ваших вождей", - сказал полковник. "Может быть, вы убьете", - возразил индеец. "Они не будут убиты", - последовал ответ. Вслед за этим красивый сахем переправился через реку, и пока он был занят разговором с полковником Бродхедом, белый дикарь по имени Ветцель предательски подкрался к ничего не подозревавшему воину сзади и сбил его за смертью с ног. [FN]

[Ф. Н.] Доддридж.

Около десяти или двенадцати пленных были взяты из другой деревни, расположенной выше по реке; и Бродхед начал свое возвращение в тот же день, передав пленных под охрану ополчения. Однако они не успели продвинуться далеко, как стражники-варвары начали разделять пленных; и вскоре все, за исключением нескольких женщин и детей, были хладнокровно убиты. [FN]

[FN] То же самое.

Взглянув еще дальше на юг, поскольку индейцы чероки снова стали проявлять беспокойство и совершили вторжение в Южную Каролину, вырезав нескольких жителей и подожгв их дома, генерал Пикенс проследовал в их собственную страну и подвергнул их суровому наказанию без суда и следствия. В течение четырнадцати дней, возглавляя менее четырехсот человек, он убил более сорока индейцев и разрушил тринадцать городов. Его войска состояли из всадников, которые быстро атаковали индейцев, с большим эффектом рубя их саблями. Непривычные к такому способу ведения войны, они немедленно запросили мира.

Падение Корнуоллиса было, по сути, последним важным актом этой великой драмы — АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. Хотя британцы все еще располагали значительными силами в Нью-Йорке, а также занимали различные посты в южных штатах, сезон активных операций все же миновал; и после потери армии Корнуоллиса у них не было достаточных сил на севере, чтобы противостоять войскам, которые теперь могли быть направлены против них. Таким образом, кампания 1781 года и, фактически, революционная война подошли к концу. Тем не менее, в течение нескольких месяцев после этого происходили и другие военные инциденты, описание которых потребует отдельной главы.

ГЛАВА VII.

Характер Джозефа Беттиса —Его подвиги—Поимка и казнь—Ход войны—Постепенное прекращение военных действий—Сведение к простым делам аванпостов и разведывательных отрядов—Комиссары, назначенные для ведения переговоров по мирному договору—Сражения с индейцами на границе Кентукки—Поражение полковника Буна—Разрушение городов Шаванезе—Моравцы на Маскингуме—Их переселение вайандотами в Сандаски —Возвращение для защиты их урожая—Вторжение полковника Уильямсона в их города—Предательство Уильямсона и его людей индейцам—Ужасный резня—Вторжение Кроуфорда и Уильямсона в страну Сандаски—Поражение их армии—Полковник Кроуфорд взят в плен—Приговорен к смерти от пыток—Его интервью с сахемом Уингемондом—Его казнь—Конец года—Сомнения относительно мирного договора—Попытка полковника Уиллетта заставить Освиго врасплох—

Среди незначительных, но все же не маловажных событий пограничной войны на севере и западе Олбани было взятие в плен зимой 1781-82 годов знаменитого лоялиста-мародера Джозефа Беттиса, чье имя встречается в связи с именем Джона Уолтермейера в предыдущей главе. Беттис, или "Джо Беттис", как его обычно называли, был человеком необычайной пронизательности и интеллекта. Смелый, атлетически сложенный, неутомимый в деятельности; мстительный и жестокий по своему характеру; непреклонный в своих целях; его грудь была холодна, как мрамор, к порывам человечности; он рыскал по приграничным поселениям, как раздраженный тигр, жаждущий крови при каждом дурном дуновении ветерка, пока его имя не стало таким же грозным для жителей границы, как имена Кидда и Пьера ле Гранде на океанских просторах в предыдущем столетии. В начале войны Беттис жила в Боллстоне. Он рано встал на защиту республики, и ему был присвоен сержантский чин в полку полковника Винкупа. Но у него был гордый, независимый дух, который плохо переносил суровость военной дисциплины; и за какой-то акт неповиновения он был понижен в звании. Тем не менее, хорошо зная его решительный характер и непоколебимую отвагу и не желая, чтобы его страна лишилась его услуг, тот же джентльмен, который получил свой первый ордер, добыл ему другой и перевод на флот под командованием генерала Арнольда на озере Шамплейн летом 1776 года.

Покойный полковник Болл из Балстона.

В жестоком морском сражении на этом озере между Арнольдом и сэром Гаем Карлтоном 11 октября того же года Беттис проявила большую храбрость и несла сигнальную службу во время сражения, которое длилось четыре часа. Он сражался до тех пор, пока каждый офицер на борту его корабля не был убит или ранен. Приняв затем командование на себя, он продолжил бой с такой безрассудной отвагой, что генерал Уотербери, заместитель Арнольда, видя, что его судно вот-вот затонет, был вынужден приказать Беттису и оставшимся в живых членам его команды подняться на борт его собственного судна. Заметив таким образом его хорошее поведение, генерал Уотербери разместил его рядом с собой на шканцах и отдавал приказы через него, пока его собственное судно, в свою очередь, не стало полностью поврежденным — команда в основном погибла, сам генерал ранен, и только двое других, за исключением Бетти, остались в боевом состоянии, — когда его знамя перешло к врагу. Генерал Уотербери впоследствии в самых возвышенных выражениях отзывался о высоком мужестве Беттиса, добавляя, что проницательность его руководства показала, что его поведение не уступало его мужеству.

Находясь в плену в Канаде, вражеское искусство подорвало его принципы. Его соблазнили уйти со службы своей стране, и он поступил на службу к врагу в звании прапорщика, доказав, что он враг в равной степени коварный и грозный. Благодаря его глубокому знанию страны и искусному обращению, его часто использовали, иногда в качестве посыльного, у других в качестве шпиона, а у третьих, опять же, в двойном качестве и того, и другого. Во время одной из своих миссий подобного рода он был схвачен, предан суду и приговорен к виселице. Но мольбы его престарелых родителей и ходатайства влиятельных вигов побудили генерала Вашингтона под обещание исправиться даровать ему помилование. И все же, если честь, великодушие и благодарность когда-либо были качествами его души, они ушли.

Не теряя времени, чтобы вернуться в ряды врага, он стал столь же безрассудным как по характеру, так и по велениям гуманности; и вместо того, чтобы должным образом отплатить за доброту, которая успешно вмешалась и спасла его от позорной смерти, он стал величайшим бичом своих бывших друзей и соседей. Боллстон, в частности, давно имел основания сожалеть о необдуманной снисходительности. Он вернулся и набрал солдат для короля посреди поселений; он захватил в плен и увез самых рьяных и умелых вигов и подверг их жесточайшим страданиям; а те, против кого он питал самую сильную ненависть, потеряли свои жилища в результате пожара или свои жизни в результате убийства. Никакая усталость не ослабляла его решимости — никакое расстояние не было препятствием для достижения его цели — и никакая опасность не поколебала его мужества. Никто из жителей границы не чувствовал себя в безопасности. Иногда в ночной темноте он тайком нападал на них; а иногда, даже в полдень, его видели крадущимся повсюду, словно пренебрегающим маскировкой и не подозревающим об опасности. Действительно, он смело провозгласил себя отчаянным преступником, держащим свою жизнь в руках, и столь же беспечно относился к ней, как, по его словам, должен был относиться к жизням других, если бы кто-нибудь снова попытался его арестовать. Он заявил, что его свобода будет дарована только вместе с его жизнью; и тот, кто попытается его похитить, может быть уверен, что кровь его сердца в тот же миг будет выпита землей. Все прекрасно понимали, что его угрозы не были лишены смысла словами; и что усиливало опасения людей, так это хорошо известный факт, что он всегда имел в своем распоряжении, открыто или скрытно, в зависимости от характера непосредственно преследуемой цели, группу беженцев, разделяющих его собственный отчаянный характер.

Его приключения во время участия в этом виде войны были многочисленными и опасными. Он также не всегда ограничивал свои операции приграничными поселениями, поскольку однажды он проник в пределы Олбани и предпринял аналогичную попытку Уолтермейера похитить генерала Шайлера из особняка Патрульных, где тот тогда проживал. [FN]

Этот отчет о Джо Беттисе написан на основе речи, произнесенной покойным полковником Боллом на четвертое июля около десяти или двенадцати лет назад. Среди заключенных, взятых Беттисом и Уолтермейером из Боллстона весной 1781 года, были следующие лица, а именно: Сэмюэл Нэш, Джозеф Хорд, Ури Трейси, Эфраим Трейси, Сэмюэл Патчин, Эпенетус Уайт, Джон Фалмер и двое мужчин по имени Бонтас, которые были братьями. Все они были вывезены в Канаду и грубо использованы.

Однако не следует предполагать, что все сердца трепетали перед Джо Бетти. Далеко не так; и было предпринято немало безрезультатных попыток его ареста, прежде чем меры, предпринятые с этой целью, снова увенчались успехом. Но в течение рассматриваемой сейчас зимы его привычная бдительность дала сбой. Поскольку в окрестностях Боллстона был замечен подозрительный незнакомец в снегоступах и хорошо вооруженный, трое жителей этого города по имени Кори, Перкинс и Фалмер, почти не сомневаясь в личности этого человека, немедленно вооружились и отправились в погоню. Его выследили кружным путем до дома хорошо известного лоялиста, к счастью, к нему подошли с такой осторожностью, что разведчики смогли добраться до двери незамеченными. Внезапным усилием преодолев барьер, они набросились на черного и дважды перекрашенного предателя и схватили его прежде, чем он успел оказать сопротивление. Когда они вошли, он сидел за обедом, его

пистолеты лежали на столе, авинтовка покоилась у него на руке. Он предпринял попытку разрядить последнюю, но, забыв снять крышку замка из оленьей кожи, не преуспел в этом. Каким бы сильным и мускулистым он ни был, эти трое были ему не по зубам, и он немедленно был так надежно связан, что сопротивление стало бесполезным, а побег морально невозможным.

Очевидно, смирившись со своей судьбой, Беттис попросила разрешения закурить, что было с готовностью предоставлено. Пока он доставал табак из своей коробки и делал обычные приготовления, Кори заметил, как он ловко подбрасывал что-то в огонь. Оно было немедленно выхвачено оттуда с пригоршней углей и оказалось маленькой свинцовой коробочкой толщиной примерно в восьмую часть дюйма, содержавшей зашифрованный документ, который похитители не могли прочесть; но впоследствии было установлено, что это депеша, адресованная британскому командующему в Нью-Йорке. В нем также содержался заказ на тридцать гиней при условии, что посылка будет доставлена в целости и сохранности. Беттис настойчиво просила разрешения сжечь бумагу и предложила сто гиней за эту привилегию. Но они с самой непреклонной твердостью отказались от его золота и от всех предложенных им взяток за средства побега. Затем он воскликнул — "Я покойник!" Так оно и было. Его отвезли в Олбани, где судили, признали виновным и казнили как шпиона и предателя.

Если поведение троих похитителей майора Андре было патриотическим, то поведение троих похитителей Джо Бетти было одновременно патриотическим и храбрым. Андре был джентльменом и не имел средств защиты; Беттис была устрашающе вооружена и слыла отчаянной. Поимка Андре была случайностью; поимка Беттис - предприимчивостью и умыслом. Поимка первого прошла без опасности; поимка второго была подвигом, сопряженным с неминуемой опасностью. Андре был более важным человеком по рангу и положению, чем Беттис; но не более опасным. Оба соблазнили своих похитителей золотом, и оба потерпели неудачу. Похитители Андре были щедро вознаграждены, и это достижение вошло в историю и увековечено монументальным гранитным памятником. Похитители Беттис до сих пор не были известны истории; и их единственной видимой наградой были винтовка и пистолеты их ужасной пленницы. Такой неравнодушной рукой даруются почести и награды этого мира!

Полковник Болл.

Как уже отмечалось, основные боевые действия войны завершились капитуляцией Корнуоллиса. Это правда, позже возникли проблемы с аванпостами, и в начале сезона 1782 года на юге произошли частичные бои между генералом Уэйном и различными небольшими британскими постами, после того как генерал Грин отвел первые в Джорджию. Самым серьезным из этих происшествий была ловкая стычка с отрядом индейцев Крик близ Саванны, во время которой британский гарнизон предпринял вылазку к ним на помощь, но был отбит. Однако по большей части 1782 год был скорее периодом вооруженного нейтралитета, чем активной войны. Известие о катастрофе в Йорктауне немедленно и существенно усилило оппозицию дальнейшему ведению борьбы в Палате общин, которой вскоре после этого была принята резолюция, объявляющая, "Что Палата будет рассматривать как врагов его Величества и страны всех, кто будет советовать или пытаться вести дальнейшую наступательную войну на континенте Северная Америка". Сэра Генри Клинтона в главном командовании сменил сэр Гай Карлтон, которому было специально поручено использовать свои усилия для достижения

соглашения с Америкой. Вскоре после этого были назначены уполномоченные по переговорам о мирном договоре, а именно: Джон Адамс, Бенджамин Франклин, Джон Джей и Генри Лоуренс со стороны Соединенных Штатов и мистер Фитцджерберт и мистер Освальд со стороны Великобритании. 30 ноября эти уполномоченные согласовали временные статьи мира как основу договора, по которому независимость Соединенных Штатов признавалась в ее полном объеме.

Как капитуляция графа Корнуоллиса была последним важным военным событием между основными армиями, так и катастрофическая экспедиция майоров Росса и Батлера была последней попыткой любого масштаба захватить долину Мохок. Действительно, этот прекрасный регион страны был настолько опустошен, что оставалось совершить еще немного зла. Но наказание майора Росса, столь же суровое и неожиданное, отбило у противника охоту предпринимать какие-либо дальнейшие попытки в этом районе. Однако нельзя сказать, что индейцы вели себя совершенно спокойно. Напротив, они небольшими группами бродили по границам поселений, иногда вызывая серьезную тревогу, а в других случаях большие неприятности и утомление, а также нанося значительные увечья. Однажды отряд из тридцати пяти индейцев переправился из Освегачи на Палатин. Столкнувшись с разведывательным отрядом, состоявшим из Якоба Тиммермана и еще пяти человек, индейцы открыли по ним огонь. Тиммерман был ранен, а один из его товарищей взят в плен. Двое из отряда были убиты, а двум другим удалось скрыться. Заключенных доставили в Освегачи, а оттуда в Монреаль, где они содержались под стражей до заключения мира. Вследствие разоблачений, подобных этому описанию, была необходима неусыпная бдительность на всех участках; и полковник Уиллет, сохранивший за собой командование, был именно тем офицером, который отвечал за эту станцию. Ему часто приходилось посылать значительные отряды войск против разрозненных отрядов индейцев и тори; но легкость их ног и ловкость в передвижении по лесным лабиринтам, как правило, если не всегда, позволяли им спастись бегством. Так что в течение года в этой части страны не произошло ни одного важного события.

Но хотя летом 1782 года активных боевых действий на границах Нью-Йорка было так мало, индейцы с более отдаленного запада были более активны вдоль границы с Кентукки, чем в предыдущем году. В мае они изнасиловали, убили и сняли скальпы с женщины и двух ее дочерей недалеко от станции Эштон. [FN] Индейцев, совершивших это безобразие, преследовал капитан Эштон во главе отряда из двадцати пяти человек. Когда они были настигнуты, завязалась битва, в которой индейцы одержали победу. Капитан был убит вместе с восемью его людьми, а еще четверо были смертельно ранены. В августе месяце другое поселение в Кентукки, под названием станция Хойс, посетили индейцы, которые увели в плен двух мальчиков. Этот отряд также преследовал капитан Холдер с отрядом из семнадцати человек, которые, поравнявшись с индейцами, также потерпели поражение, потеряв семерых убитыми и двоих ранеными. [FN]

[FN] Приключения полковника Дэниела Буна. Есть веские основания сомневаться в том, что индейцы надругались над личностями женщин. Если это правда, то это был единственный случай подобного рода, который, как полагают, произошел во время войны. Индейцы гордятся тем, что они никогда не нарушают целомудрие своих пленниц.

15 августа пост на станции Брайантс, в пяти милях от Лексингтона, был захвачен гораздо более значительным отрядом противника, насчитывавшим пятьсот индейцев и канадцев. Перебив весь скот в округе, они напали на пост на третий день, но были отбиты с потерей около восьмидесяти человек убитыми и нескольких ранеными; сколько именно, не было известно. При отступлении их преследовали полковники Тодд, Тригг и Бун, а также майор Харланд во главе ста семидесяти шести человек, хорошо вооруженных и снабженных. Индейцы поставили преследователей в невыгодное положение 19-го числа, когда последовало жестокое сражение, в котором кентуккийцы были разбиты, потеряв семьдесят шесть человек; среди которых были полковники Тодд и Тригг, майор Харланд и сын полковника Буна. Сражение длилось всего пятнадцать минут. Отступление с поля боя было еще более катастрофичным, чем само сражение. Сражение происходило на берегах главной развилки реки Лилинг, в Грейт-Бенд, в сорока трех милях от Лексингтона. Кентуккийцев преследовали через реку, некоторые верхом, другие пешком. Некоторые погибли в реке, другие - при подъеме на скалы за ней. Прибытие беглецов в Лексингтон с печальной вестью вызвало сцену плача и глубокого оплакивания, поскольку большая часть мужского населения пала. Получив подкрепление через несколько дней, полковник Бун вернулся, чтобы похоронить погибших, что, по его словам, было делом в высшей степени болезненным. Тела были настолько искалечены и обезображены, что установить их личность не удалось. Впоследствии полковнику сообщили, что, когда индейцы обнаружили, что их собственные потери вчетверо больше, чем у жителей Кентукки, четверо из семи захваченных ими пленных были переданы своим молодым людям для умерщвления пытками.

Услышав об этом катастрофическом происшествии, генерал Кларк, находившийся у водопадов Огайо, направил преследование индейцев к их собственным городам Олд и Нью-Чиликот, Пекавей и Уиллс-Таун. Полковник Бун, по-видимому, возглавлял эту экспедицию, хотя этот факт прямо не указан в его повествовании. Потерпев неудачу в попытке напасть на индейцев врасплох, полковник овладел их опустевшими городами, которые были сожжены огнем. Семь пленных и пятнадцать скальпов были захвачены кентуккийцами, чьи собственные потери составили всего лишь четырех человек; двое из которых были убиты случайно, а не индейцами. Этими инцидентами завершилась индейская революционная война на границе с Кентукки.

Но еще предстоит записать историю кровавого характера, которая по своей черной и непростительной жестокости превосходит все без исключения массовые убийства индейцев, которыми было отмечено это затяжное и неестественное противостояние, — это также история крови, в которой белые люди, а не индейцы, должны быть заклеены как дикари.

На берегах Мускингума проживало несколько общин индейцев, принявших миролюбивые догматы моравов. Они были из народа Делавер и переселились в Маскингум из Фриденштуттена на Большом Бобре, а также из Вайалусинга и Шешеквона на реке Саскуэханна в 1772 году. Несмотря на раздражение, испытанное ими в результате Кресапской войны, в 1774 году их поселения, получившие названия Шенбрунн, Салем и Гнаденхюттен, быстро приобрели значение и за короткое время насчитывали более четырехсот человек. Среди их новообращенных был знаменитый вождь делаваров *Гликхикан*, одинаково известный своей храбростью на тропе войны, мудростью в совете и красноречием в прениях. Их местоположение, являющееся своего рода промежуточной станцией между поселениями белых и враждебно настроенными индейцами озер, было неприятным после начала Революционной войны и подвергало их трудностям, поочередно возникающим из-за

подозрений обеих или всех воюющих сторон, против злых намерений которых по отношению к ним их время от времени предостерегали. Тем не менее, их труд, их школы и религиозные учения проводились и практиковались как обычно.

Их духовными наставниками в рассматриваемый период были Майкл Юнг, Дэвид Цайсбергер и Джон Хеквелдер, известный в более поздние времена как историк Индии. Эти люди смотрели на войну с отвращением, утверждая, что "Великое Существо создало людей не для того, чтобы уничтожать людей, а для того, чтобы любить друг друга и помогать друг другу". Они пытались отговорить некоторых представителей своей расы от какого-либо участия в соревновании, а также время от времени сообщали информацию белым поселениям, когда им угрожали вторжения индейцев.

Враждебно настроенные индейцы часто слонялись вокруг их поселений и иногда угрожали их уничтожением под предлогом того, что их нейтралитет был двусмысленным и что они тайно состояли в союзе с американцами, которым они регулярно сообщали о враждебных действиях индейцев на службе у короля. В 1777 году их посетил знаменитый вождь гуронов, *полукороль*, во главе двухсот своих воинов, направлявшийся атаковать некоторые приграничные поселения Вирджинии. Полукороль сначала угрожал моравским некомбатантам, но Гликхикан умерил его гнев своевременным подношением прохладительных напитков и отвлек его от его цели уместной речью, в которой они заявили о своих религиозных чувствах и похвалили своих миссионеров.

[Ф. Н.] Доддридж.

Британские власти в Детройте отнюдь не были дружелюбны к этим моравским городам; в начале 1781 года они обратились к Великому Совету Шести наций, собравшемуся на Ниагаре, с просьбой выдворить их из страны. Соответственно, ирокезы послали оттавам и чиппева послание следующего содержания: "Настоящим мы приносим вам в дар индейцев-христиан для приготовления супа"; образное индийское выражение, эквивалентное высказыванию — "Мы передаем этих людей вам на убиение". Но ни оттава, ни чиппева не получили этого послания, на которое был дан лаконичный ответ — "У нас нет причин для этого". Затем то же самое послание было отправлено вайандотам, но они в то время были также не в состоянии воевать со своими безобидными собратьями. [FN] Но осенью того же года, под влиянием М.^кКи и Эллиотта, которые теперь стали капитанами в рядах короны, связанных с индийской службой в Детройте, и по причине более непосредственных убеждений Саймона Герти, кровожадного беженца, сподвижника М.^кКи и Эллиотта, жившего среди вайандотов, на которых он приобрел большое влияние, бедные моравцы с их благочестивыми и самоотверженными министрами были насильно вывезены или, скорее, вынуждены покинуть страну. враждебно настроенные индейцы, по наущению этих людей, перебрались в Сандаски. Лидерами вайандотов, вынудивших к этой эмиграции, были Герти, полукороль, и знаменитый капитан Пайп. Обращенный сахем, Гликхикан, также был доставлен в Сандаски; и его молодая родственница, благодаря своему мужеству и великодушию, едва не стоила ему жизни. Опасаясь, что с ее друзьями случится несчастье, она украла прекрасную лошадь, принадлежавшую капитану Пайпу, и поехала в Питтсбург, чтобы поднять тревогу по поводу пленных миссионеров и их прихожан. В отместку за этот отважный поступок Гликхикан был схвачен отрядом вайандотов, или воинов-гуронов, которые подняли предсмертную песнь и предали бы его смерти, если бы не

вмешательство Полукороля в его пользу. Впоследствии похитители допросили Гликхикана, и его невиновность в каком-либо участии в миссии героической скво полностью подтвердилась.

[Ф.Н.] Хеквельдер.

Этим индейцам пришлось пожертвовать имуществом и комфортом, чтобы быть вырванными таким образом из своих домов. У них было более двухсот голов черного скота и свыше четырехсот свиней, которых они были лишены, вместе с большими запасами кукурузы и еще тремя сотнями акров, только созревавших для сбора урожая. Они прибыли в Сандаски 11 октября— на расстояние ста двадцати пяти миль от своих домов. Во время похода с ними обращались очень сурово, особенно со стороны Герти, который в течение зимы, последовавшей за их высылкой, приказал арестовать их миссионеров по приказу коменданта Детройта, куда они были переведены. [FN]

[FN] Эти добрые люди после многих испытаний и досад в конечном итоге были освобождены, и Полукинг возложил всю вину на Герти, чье беззаконие индийский принц с негодованием разоблачил и осудил. Британское правительство также осудило поведение своих должностных лиц в связи с разбирательством, особенно жестокое обращение с миссионерами.

Пока кроткие и благочестивые миссионеры, среди слез и других проявлений горя своего народа, готовились к путешествию в Детройт, были получены известия самого болезненного характера. Из-за голода в Сандаски значительному числу индейцев Моравии с некоторыми из их семей было разрешено вернуться в свои прежние жилища на Мускингуме, чтобы раздобыть кукурузу и другие припасы, какие они могли найти, и время от времени пересылать их своим страдающим собратьям. К несчастью, в то время как эта миролюбивая партия занималась такими действиями в Салеме и Гнаденхюттене, погода была благоприятна для операций партий по добыче скальпов, несколько враждебных индейцев Сандаски вторглись на границу Пенсильвании и убили семью мистера Уильяма Уоллеса, состоящую из его жены и пяти или шести детей. В то же время был взят в плен человек по имени Джон Карпентер.

Разъяренный этими безобразиями, отряд численностью от ста до двухсот человек из поселений Мононгахела выступил на поиски мародеров, жаждущих мести, под командованием полковника Дэвида Уильямсона. Каждый человек запасся оружием, амуницией и провизией, и большинство из них были верхом. Они взяли курс прямо на поселения Салем и Гнаденхюттен, оказавшись в миле от последнего места к концу второго дня марша. Полковник Гибсон, командовавший в Питтсбурге, услышав об экспедиции Уильямсона, отправил гонцов, чтобы оповестить индейцев об этом обстоятельстве, но они прибыли слишком поздно.

Утром 7 марта Уильямсон и его банда достигли поселения Гнаденхюттен, в тот самый день, когда индейцы, завершив свои труды, собирали свой багаж, чтобы вернуться по своим следам в Сандаски. Однако некоторые из них все еще были на полях, собирая кукурузу, как и многие другие в городе Салем, расположенном недалеко оттуда. Отряд Уильямсона разделился на три отряда, расположенных таким образом, чтобы подойти к поселениям из как можно большего количества разных точек одновременно. Индейцы действительно были извещены о приближении Уильямсона четырьмя индейцами из штата Делавэр накануне; но, сознавая свою

невиновность и меньше всего ожидая вреда от американцев, они продолжали заниматься своими мирными делами, не подозревая об опасности.

Когда авангард одной из дивизий Уильямсона находился недалеко от поселения, хотя и в лесу, он встретил молодого индейца-полукровку по имени Джозеф Шабош, которого они убили самым жестоким и распутным образом. Юноша ловил лошадей, когда в него выстрелили и ранили так тяжело, что он не смог убежать. Затем он сообщил им, кто он такой; заявил, что его отец был белым человеком и христианином; и умолял сохранить ему жизнь. Но они не вняли его мольбам. Его рука была сломана первым выстрелом. Он был убит вторым, с него ударили томагавком, сняли скальп и разрубили на куски топорами его убийц. Другой индийский юноша, шурин молодого Шабоша, который был занят вязкой кукурузы примерно в ста пятидесяти ярдах от города, увидел приближающихся белых людей. Однако, зная некоторых из них и предполагая, что они друзья, он обращался к ним именно так. Но вскоре он перестал обманываться. Он видел, как они застрелили одного из его братьев-индейцев, который переплывал реку на каноэ, и немедленно в ужасе убежал. К несчастью, в панике он побежал из деревни, а не к ней, так что тревога не была поднята до тех пор, пока американцы не вошли в самое сердце города.

Многие индейцы были рассеяны по полям во время работы, и люди Уильямсона приветствовали их, представляя как "друзей и братьев, которые специально прибыли из форта Питт, чтобы избавить их от бедствий, причиненных им врагом, поскольку они друзья американского народа". Индейцы, не сомневаясь в их искренности, отнеслись с доверием к их профессии и, подойдя к ним, поблагодарили их за доброту. Затем вероломные посетители убедили их прекратить работу и отправиться в деревню, поскольку их целью было доставить их в форт Питт, чтобы обеспечить им большую безопасность от вайандотов, где их в изобилии снабдят всем, что им может понадобиться. Обрадованные таким неожиданным дружеским посещением, индейцы общались с незнакомцами с величайшей сердечностью, прогуливаясь и беседуя с ними как со старыми знакомыми. Они сложили оружие и со всей готовностью принялись готовить еду для своего подкрепления. Тем временем в Салем был отправлен гонец, "чтобы сообщить тамошним братьям и сестрам о том, что произошло в Гнаденхюттене; гонец высказал свое мнение, что, возможно, Бог распорядился так, чтобы они не погибли на пустошах Сандаски, и что эти люди были посланы им на помощь".

Довольные полученным сообщением и все же не желая действовать опрометчиво, группа в Салеме отправила двоих из своего числа посоветоваться со своими братьями и белыми людьми в Гнаденхюттене. Был произведен обмен сообщениями, которые были взаимно удовлетворительными. Лицемерие Уильямсона и его людей было настолько полным, что завоевало полное доверие простодушных людей; и по просьбе партии в Гнаденхюттене те, кто жил в Салеме, перешли границу и присоединились к своим коварным гостям с целью переезда в поселения белых, где, как их далее заверили, все их нужды будут удовлетворены моравскими братьями в Вифлееме. Группа людей Уильямсона была направлена в Салем, чтобы помочь доставить всех индейцев и их имущество в Гнаденхюттен; и, чтобы еще больше завоевать доверие своих жертв, эта драгоценная группа убийц ревностно заявляла о своей набожности и беседовала с индейцами и друг с другом на религиозные темы. Покидая Салем, белые люди подожгли дома и церковь деревни под предлогом лишения враждебных индейцев их блага.

Сдав, подобно своим собратям в Гнаденхюттене, все свое оружие, топоры, топорики и рабочие инструменты с условием, что все это будет возвращено им в Питтсбурге, отряд из Салема с

легкими сердцами отправился в путь, чтобы насладиться доброй защитой белого человека. Но когда они приблизились к другой деревне, их насторожили следы на песке, как будто там недавно барахтался в своей крови индеец. Тем не менее они отправились в деревню, чтобы присоединиться к своим братьям; но по прибытии туда их мечта о счастье наяву претерпела печальную перемену. Вместо того чтобы относиться к ним как к друзьям и братьям-христианам, их сразу же грубо называли воинами и пленниками; и еще до их прибытия их братья, сестры и дети в Гнаденхюттене были схвачены и заключены в тюрьму с целью предания смерти. Отряд из Салема теперь был полностью в сетях своих врагов. Они не могли ни сражаться, ни бежать. Помимо того, что их религиозные убеждения запрещали им делать это, у них не было оружия для защиты, и они были окружены вооруженными людьми, которые не позволили бы им сбежать.

В качестве предлога для такого использования Уильямсон и его люди теперь обвинили их в краже лошадей, всех их рабочих инструментов и мебели — обвинения не только не соответствуют действительности, но и известны их обвинителям. Более скромной, набожной и образцовой общины христиан, вероятно, в то время нельзя было найти в новом свете. Под неустанными наставлениями своих миссионеров они были обучены одежде и обычаям цивилизованной жизни. Они были земледельцами, и были так хорошо знакомы с обычаями общества, и были так хорошо обеспечены всем необходимым и некоторыми предметами роскоши, что могли накрыть удобный стол и выпить чашку кофе перед незнакомцем. Все животные и предметы, обвиненные ими в краже, были их частной собственностью, честно приобретенными. Но их заверения в невиновности и мольбы были напрасны. Их предатели были склонны к пролитию их крови.

Тем не менее, офицеры не желали брать на себя исключительную ответственность за их казнь, и по этому поводу был проведен торжественный фарс в виде совета. Этим трибуналом было решено, что вопрос о жизни или смерти должен решаться голосованием всего отряда. После этого людей провели парадом, и Уильямсон задал вопрос: "Следует ли доставить индейцев Моравии в плен в Питтсбург или предать смерти?", попросив всех, кто выступает за сохранение их жизней, выступить перед строем. В результате этого процесса было установлено, что только шестнадцать или восемнадцать из всего числа были склонны к милосердию, и бедным дрожащим заключенным было немедленно объявлено, что они должны готовиться к смерти.

Некоторые, действительно, были среди жаждущей крови банды, жаждущей приступить к делу смерти *немедленно*; но поскольку жертвы объединились, умоляя о небольшой отсрочке для их молитв, просьба была удовлетворена. Затем, прося прощения за все обиды, которые они нанесли, или за горе, которое они причинили друг другу, индейцы преклонили колени, вознося молитвы Богу, своему Спасителю, и, целуя друг друга под потоками слез, полностью покорившись его воле, они пели Ему хвалу в радостной надежде, что вскоре избавятся от всех страданий и присоединятся к своему Искупителю в вечном блаженстве. Во время их богослужения убийцы совещались о том, каким образом они предадут их смерти". Некоторые были за то, чтобы поджечь дома и расправиться с ними, как *саутодафе*; другие были за то, чтобы убить их на месте и унести их скальпы в качестве трофеев домой; в то время как те, кто выступал против казни, все же протестовали против "глубокого проклятия их ухода" и ушли. Нетерпеливые от промедления, кровожадные негодяи прервали последний гимн, который они могли спеть в этом мире, и спросили, готовы ли они к смерти. Им ответили утвердительно — жертвы добавили: "Что они вверили свои бессмертные души Богу, который дал им уверенность в

их сердцах, что он примет их души". Затем, схватив молоток из бондарной мастерской, один из негодаев приступил к убийству, ударив индейца по голове. Убив таким образом четырнадцать человек подряд, он остановился и, передав оружие другому, заметил— "Продолжай в том же духе; я думаю, что у меня неплохо получилось!" Те, кто выступал против убийства, стояли поодаль, заламывая руки и призывая Бога в свидетели, "что они были невиновны в гибели этих безобидных индейцев-христиан".

Первой жертвой на другой бойне - ибо таковыми стали обе бойни, в которые были заключены индейцы, — была пожилая индианка по имени Джудит, вдова, отличавшаяся большим благочестием. За несколько минут дело смерти было завершено. Девяносто индейцев, христиан и безоружных — безобидных во всех отношениях — были хладнокровно убиты. Среди них были старики и матроны, юноши и девушки, а также младенцы у груди своих матерей. Шестьдесят два человека из этого числа были взрослыми, треть из которых составляли женщины, а остальные тридцать четыре - дети. Пятеро из убитых были помощниками учителей, двое из которых были образцовыми членами общины благочестивого Брейнарда в Нью-Джерси. Среди убитых был также новообращенный вождь Исаак Гликхикан. Только двое из пленников избежали этой ужасающей резни. Они оба были молоды. Один из них ускользнул от убийц, никем не замеченный пробравшись в подвал, откуда прокрался в лес; а другой, будучи сбит с ног и скальпирован, притворился мертвым и сбежал после того, как убийцы покинули это место. Однако они не делали этого до тех пор, пока не предположили, что все они мертвы. Закончив работу, они отошли на небольшое расстояние, чтобы набраться сил; но, как будто решив, что ни у одной живой души не должно быть ни малейшего шанса спастись, они вернулись, чтобы еще раз взглянуть на мертвых; и, заметив юношу, скальпированного и окровавленного, опирающегося руками о пол, чтобы подняться, чудовища прикончили его своими топорами! С наступлением ночи они подожгли здания и после этого разошлись по своим домам, распевая песни и вопя от демонической радости по поводу одержанной победы. Согласно сообщениям американских газет того времени, эта резня была весьма похвальной операцией; было представлено, что нападение Уильямсона было совершено на отряд воинов, которые собирали большое количество провизии в Маскингуме для снабжения своих собственных воинов и других враждебных дикарей. Указывалось, что причиной их полного уничтожения было то, что они были застигнуты врасплох и атакованы ночью в своих хижинах; и ликующе добавлялось, что "в руки победителей попало около восьмидесяти лошадей, которых они нагроутили награбленным, большей частью мехами и шкурами, — и вернулись на "Огайо", не потеряв ни одного человека!" [FN]

"Пенсильванская газета", 17 апреля 1782 г. Автор добавит в этом месте, что предыдущий отчет об этом беспрецедентном случае массового убийства был подготовлен главным образом точным и кропотливым Хеквелдером вместе с выдержками из "Заметок Доддриджа о войнах с индейцами" и Лекиэля, цитируемыми в "Книге об индейцах" Дрейка.

Если во всех обширных отчетах о жестоких войнах в Америке и можно найти акт более мрачного предательства или более жестокой расправы, чем эта резня моравских индейцев, то до сих пор он ускользал от внимания автора настоящей работы. Сами нецивилизованные и нехристианизированные дикари были поражены чудовищностью этого кровавого деяния. Но толкование, которое они придали этой сделке как провиденциальному событию, было

любопытным и поразительным. Они сказали, что завидовали положению своих родственников, верующих индейцев, и им было невыносимо смотреть на их счастливую и мирную жизнь в отличие от их собственной жизни, полной лишений и войны. Поэтому они пытались забрать их из их собственных спокойных домов и обратить обратно, в язычество, чтобы они могли снова опуститься до уровня самих себя. Но Великий Дух не допустил, чтобы это было так, и забрал их к себе. [FN]

[FN] Хеквельдер—Нар. Моравские миссии.

После этой резни индейцы в Сандаски — не только христиане, но и вайандоты и другие враждебно настроенные люди - с неослабевающей бдительностью следили за передвижениями белых вдоль реки Огайо. По истечении двух месяцев после уничтожения моравов была организована еще одна экспедиция против вайандотов и других индейских племен в стране Сандаски. Число мужчин, добровольно принявших участие в кампании, составило четыреста восемьдесят человек. Их собрали в старых городах минго на западном берегу Огайо. Были проведены выборы на должность главнокомандующего экспедицией, кандидатами на которые были полковники Уильямсон и Уильям Кроуфорд. Выбор пал на последнего, который был невольным кандидатом и с неохотой согласился на этот пост. Те же люди, которые убили моравцев, частично составляли нынешнюю армию, и марш был начат с решимости не щадить жизни индейца, ни друга, ни врага. Экспедиция была организована с большой секретностью, как и предполагалось; и поскольку люди были верхом, предполагалось быстрым маршем напасть на города Вайандотов врасплох. Однако, прибыв в моравские города, где были совершены убийства, Кроуфорд обнаружил трех индейцев, которые бежали слишком быстро, чтобы их можно было догнать. Преследование их было беспорядочным, и, судя по поведению своих людей в тот раз, их командир потерял к ним доверие и с этого момента предчувствовал поражение. Продвижение Кроуфорда далеко не было секретом, в конечном счете оказалось, что индейцы внимательно следили за каждым его шагом. Они увидели скопление людей в городах минго и подсчитали их численность. Они также были проинформированы о решимости "ни в коем случае не давать пощады". [FN] Тогда следовало ожидать, что в какой-то момент они будут готовы к приему Кроуфорда.

[Ф. Н.] Доддридж.

Кроуфорд и Уильямсон намеревались сначала нанести удар по моравскому городу на реке Сандаски; но, прибыв туда, они обнаружили, что индейцы своевременно отступили, так что у храброго Уильямсона не было мирных жителей, которых можно было бы победить. Город действительно был покрыт высокой травой, поскольку индейцы некоторое время назад переселились в Сиото. Затем Кроуфорд и Уильямсон направили свой курс на несколько городов враждебных индейцев— которые неожиданно втянули их в бой на открытой прерии, причем сами индейские воины были скрыты кустарником на ее окраине. Перед окончанием битвы наступила ночь; и индейцы, ожидавшие подкрепления от шаванцев до наступления утра, заняли свои позиции для окружения американцев при свете дня. Но когда наступило утро, белого человека там не было. Американцы, действительно, не проявили себя как солдаты во время боя накануне днем, и они воспользовались темнотой, чтобы сбежать, к большому

разочарованию индейцев и их отважного предводителя, капитана Пайпа. Они разбили лагерь в прерии; и их бегство было таким бесшумным, что некоторые из них, не подозревавшие об отступлении, были найдены индейцами утром все еще спящими в высокой траве прерий, где они и улеглись.

Началось активное преследование беглецов, и многие отставшие группы были настигнуты и изрублены на куски. Таким образом, более сотни были либо убиты на месте, либо взяты в плен. Среди последних были полковник Уильям Кроуфорд, его сын и доктор М.^с Найт. Первый из этих джентльменов особенно оскорбил индейцев своими успешными кампаниями против них, так что его поимка была триумфом. Еще большим несчастьем для него было то, что он был взят в плен, когда служил у такого командира— как Уильямсон, против которого за его жестокое предательство при Гнаденхюттене дикари лелеяли самые горькие чувства мести. Кроуфорд, однако, не был замешан в этом позорном деле, но, будучи обнаруженным среди тех же людей, которые убили их друзей и родственников в марте, индейцы не могли провести различие. Они с тревогой искали Уильямсона, но, узнав, что он сбежал одним из первых, они закричали: "Мсть! мсть!" всем, кто был в их власти.

Кроуфорд, вероятно, успешно отступил бы, но он задержался, беспокоясь за своего сына, который, как он предполагал, все еще находился в тылу. После двухдневного блуждания по лесу с доктором М.^с Найтом оба были схвачены отрядом делаваров и доставлены в Старый город Вайандот. Здесь капитан Пайп собственноручно выкрасил заключенных в черный цвет, некое предчувствие ожидающей их участи. Оттуда их отвезли в Новый город Вайандот, попутно попутав искалеченные останки нескольких их товарищей по плену. В нью-Тауне, месте, назначенном для казни Кроуфорда, они нашли знаменитого Саймона Герти. Было решено, что Кроуфорд должен умереть от самых жестоких пыток, чтобы в какой-то степени искупить вину за убийства, совершенные Уильямсоном и его людьми в Гнаденхюттене. После того как он был привязан к роковому столбу, оставшиеся в живых индейцы-христиане были призваны выйти и отомстить пленнику; но они отступили, и их дикие родственники выступили вперед вместо них. Прежде чем приступить к пыткам, капитан Пайп обратился к индейцам с довольно пространной речью в самой серьезной манере, по окончании которой все они дружно издали отвратительный вопль и приготовились к предстоящей работе. Огонь разгорелся, когда бедному Кроуфорду пришло в голову, что среди сахемов у него есть особый друг по имени Вингемунд. "Где мой друг Вингемунд?" он спросил: "Я хочу его видеть". Это правда, что этот шеф был близким другом полковника Кроуфорда, который принимал его в своем собственном доме. При таких обстоятельствах Кроуфорд тешил себя слабой надеждой, что, если бы он смог увидеть шефа, его жизнь еще можно было бы спасти. Вингемунд был неподалеку, фактически удалившись с места казни, чтобы не видеть того, чему он не мог помешать. Однако за ним послали, и между ним и заключенным завязался интересный и даже трогательный разговор. Этот разговор начал Кроуфорд, который спросил начальника полиции, знает ли он его. Он ответил, что, по его мнению, да, и спросил— "Вы не полковник Кроуфорд?" "Я", — ответил полковник; и разговор был продолжен таким образом — шеф обнаружил сильное волнение и замешательство и воскликнул: "Так! — Да! — В самом деле!"

-*Полковник Кроуфорд.* Разве ты не помнишь дружбу, которая всегда существовала между нами, и что мы всегда были рады видеть друг друга?

"Сахем. Да, я помню все это; и то, что мы часто выпивали вместе, и то, что вы были добры ко мне.

"Полковник К. Тогда я надеюсь, что наша дружба все еще продолжается.

"Сахем. Конечно, так было бы, если бы вы были там, где должны быть, а не здесь.

"Полковник К. А почему не здесь? Я надеюсь, что вы не бросили бы друга в трудную минуту; сейчас самое время вам проявить себя ради меня, как я сделал бы для вас, будь вы на моем месте.

"Сахем. Полковник Кроуфорд, вы поставили себя в ситуацию, которая ставит вне моей власти и власти других ваших друзей что-либо сделать для вас.

-Полковник К. Каким образом, капитан Вингемунд?

-Сахем. Присоединившись к этому отвратительному человеку Уильямсону и его партии. Человек, который буквально на днях убил такое количество моравских индейцев, зная, что они его друзья; зная, что он ничем не рискует, убивая людей, которые не хотели сражаться и чьим единственным занятием была молитва.

"Полковник К. Но, уверяю вас, Вингемунд, если бы я был с ним в то время, этого бы не произошло. Не я один, но все твои друзья и все хорошие люди осуждают подобные поступки.

"Сахем. Возможно, это и так, но эти друзья, эти хорошие люди, не помешали ему снова отправиться убивать оставшихся в живых безобидных, но глупых моравских индейцев. Я говорю "глупо", потому что они верили, что белые предпочтут нас. Мы часто говорили им, что однажды с ними будут так обращаться те люди, которые называли себя их друзьями. Мы сказали им, что нельзя верить тому, что говорят белые люди; что их честные обещания были предназначены только для обольщения, чтобы им было легче убить нас, как они сделали со многими индейцами до того, как убили тех моравцев.

"Полковник К. Мне жаль слышать, что вы так говорите. Что касается того, что Уильямсон снова куда-то ушел, то, когда стало известно, что он твердо решил это сделать, я пошел с ним, чтобы помешать ему совершить новые убийства.

"Сахем. В это индейцы не поверили бы, если бы я им об этом сказал.

"Полковник К. И почему они этому не поверили?

"Сахем. Потому что не в вашей власти было бы помешать ему делать то, что ему заблагорассудится.

"Полковник К. Вне моей власти? Был ли кто-нибудь из моравских индейцев убит или ранен с тех пор, как мы вышли?

"Сахем. Нет. Но сначала ты отправился в их город и, найдя его пустым и безлюдным, свернул на тропу, ведущую к нам. Если бы ты искал только воинов, ты бы не пошел туда. Наши шпионы внимательно следили за вами. Они видели вас, когда вы воплощались на другом берегу Огайо. Они видели, как вы переправились через реку; они видели, где вы разбили лагерь на ночь; они видели, как вы свернули с тропы, ведущей в заброшенный моравский город; они знали, что вы

сбиваетесь с пути; за вашими шагами постоянно следили; и вам позволяли спокойно двигаться дальше, пока вы не достигли места, где на вас напали.

"Полковник К. (взволнованно). Что они намерены со мной сделать?"

"Сахем. Говорю тебе с прискорбием. Поскольку Уильямсон со всем своим трусливым войском убежал ночью под свист пуль наших воинов, довольный тем, что теперь ему приходится иметь дело не с моравцами, а с людьми, которые умеют драться, и с такими он не хотел иметь ничего общего; я говорю, поскольку он сбежал, а они схватили тебя, они отомстят тебе вместо него.

"Полковник К. И нет ли возможности предотвратить это? Вы не можете придумать способ избавить меня? Ты будешь, мой друг, хорошо вознагражден, если сыграешь важную роль в спасении моей жизни.

"Сахем. Если бы Уильямсона забрали с собой, я и еще несколько друзей, воспользовавшись тем, что вы мне рассказали, возможно, смогли бы спасти вас; но в нынешнем положении дел ни один человек не посмел бы вмешаться в вашу защиту. Сам король Англии, если бы он прибыл в это место со всем своим богатством и сокровищами, не смог бы достичь этой цели. Кровь невинных моравцев, более половины из которых женщины и дети, жестоко и бессмысленно убитых, громко взывает к *мести*. Родственники убитых, которые находятся среди нас, кричат и готовы к *мести*. Шаванцы, наши внуки, попросили вашего товарища по заключению; ему они *отомстят*. Все народы, связанные с нами, взывают: *месть! месть!* Моравы, которых вы отправились уничтожать, бежали, вместо того чтобы отомстить за своих братьев, это преступление стало национальным, и сама нация обязана *отомстить*.

"Полковник К. Моя судьба решена, и я должен подготовиться встретить смерть в ее худшем проявлении.

-Сахем. Да, полковник. Я сожалею об этом, но я ничего не могу для вас сделать. Если бы вы прислушались к индийскому принципу, согласно которому добро и зло не могут жить вместе в одном сердце, поэтому хороший человек не должен связываться со злой компанией, вы бы не оказались в этой прискорбной ситуации. Теперь, когда уже слишком поздно, после того, как Уильямсон бросил вас, вы понимаете, каким плохим человеком он, должно быть, был. Теперь вам ничего не остается, кроме как встретить свою судьбу как храбрый человек. Прощайте, полковник Кроуфорд! Они приближаются. Я удалюсь в уединенное место ". [FN]

[FN] "Индийские нации" Хеквелдера.

Говорят, что, отвернувшись от своего друга, которому он был не в силах помочь, старый Сахем был тронут до слез и никогда впоследствии не мог говорить об этом инциденте без глубокого волнения. Как только начальник оставил полковника, несколько палачей набросились на него и приступили к пыткам, которые продолжались три часа, прежде чем жертва упала ничком и со стоном испустила дух. Во время судебного разбирательства против него его постоянно и горько упрекали за поведение белых людей в Гнаденхюттене. Если он сам не был участником этого зверского дела, они упрекали его в том, что теперь он выступил против них с наихудшими убийцами, каких не было даже среди индейцев. "Индейцы, - говорили они, - убивают своих врагов, но не друзей. Однажды протянув руку и назвав это милое имя, они не убивают. Но как

обстояли дела с верующими индейцами на Мускингуме? Вы заявляли о дружбе с ними. Вы приветствовали их как таковых. Вы протестовали против того, что вы не должны причинять им вреда. И что ты потом сделал с ними? Они не убежали от тебя и не сделали ни единого выстрела при твоём приближении. И все же ты назвал их воинами, зная, что они таковыми не были! Вы когда-нибудь слышали, как воины молятся Богу и поют ему хвалу, как они это делали? Разве крики невинных маленьких детей не могли пробудить в вас жалость и желание спасти их жизни? Нет! вы этого не сделали! Вы хотели заставить индейцев поверить, что вы христиане, потому что среди вас есть Великая Книга, и все же в своих сердцах вы убийцы! Неверующие индейцы никогда бы не сделали того, что сделали вы, хотя Великий Дух не вложил свою Книгу в их руки так, как в ваши! Великий Дух научил вас читать все, что он хотел, чтобы вы делали, и что он запрещал вам делать. Эти индейцы верили, что все, что им было сказано, было в этой Книге, и, веря, стремились действовать соответственно. Мы знали вас лучше, чем они. Мы часто предупреждали их, чтобы они остерегались вас и вашей притворной дружбы, но они нам не верили. Они не верили в тебя ничего, кроме хорошего, и за это поплатились своими жизнями". [FN]

Рассказ Хеквельдера о моравских миссиях. "Далее было обстоятельство, во многом свидетельствующее против этого несчастного человека, которое в высшей степени разозлило индейцев. Сообщалось, что индейские шпионы, посланные следить за их передвижениями, обследовав лагерь, который покинули Кроуфорд и Уильямсон к западу от Огайо, обнаружили на деревьях, срезанных для этой цели, слова, написанные углем и другими минеральными веществами: *"Индейцу, будь то мужчина, женщина или ребенок, не давать покоя"*. Когда индейцы находят надписи на деревьях или других материалах, у них есть привычка делать с них точные копии, которые они сохраняют до тех пор, пока не найдут кого-нибудь, кто сможет их прочитать или истолковать. Таков был факт в данном случае, и надписи было достаточно, чтобы привести их в ярость". — Там же.

Действительно, полковнику Кроуфорду было очень неприятно, что он попал в плен в такой компании; но никогда еще на головы виновных не сыпались упреки более справедливые, чем в этом случае. Никогда еще сатирический удар в виде скорпиона не был нанесен более справедливо — разве что действительно виновные могли оказаться там, чтобы ощутить его испепеляющий упрек. Сын полковника Кроуфорда, сам обреченный на ту же участь, присутствовал при разговоре с доктором Найтом, {sic} и был вынужден наблюдать за пытками и слушать мучительные восклицания своего родителя, не имея возможности оказать помощь или предложить слово утешения. Страдания сына были близки к страданиям отца; но с доктором Найтом все было иначе. Шаванцы приберегли его для жертвоприношения, и по пути туда ему удалось сбежать, и после двадцати одного дня лишений и голода в пустыне ему удалось овладеть фортом М°.

Хроники Уитрена, цитируемые Дрейком в его Книге об индейцах. Доктор Рамзи говорит, что при этом присутствовал зять полковника Кроуфорда, которого впоследствии постигла та же участь.

Поражение полковника Буна при Блу-Ликс в августе, резня индейцев Моравии и судьба Кроуфорда и его экспедиции - последние кровавые истории, связанные с Американской

революцией. Это правда, что в сентябре следующего года большой отряд индейцев осадил форт в Уилинге, но осада была снята без дальнейшего кровопролития, если не считать гибели одного человека в форте и трех или четырех вне его. В форте Райс был сожжен амбар, в который тоже были вложены средства, но несерьезно, и индейцы удалились в свои собственные дебри. Если детали последних нескольких страниц покажутся вам чересчур обширными для общего плана настоящей работы, то следует помнить, что воздание справедливости индийскому характеру также в значительной степени вошло в ее замысел. Сделка на Мускингаме составляет одну из самых мрачных страниц в летописях цивилизованных войн; безусловно, непревзойденную, если не беспрецедентную, в истории, письменной или неписаной, всей аборигенной расы. Жертвы были не только невинны и безобидны, но и, повинувшись предписаниям своей религии, не оказывали сопротивления своим лицемерным убийцам и проливали свою кровь подобно воде— алым возлияниям в жертву алчности и ненависти белого человека. Нельзя также порицать индейцев за судьбу Кроуфорда.

За исключением подробностей об Индии, приведенных в настоящей главе, 1782 год прошел без каких-либо значимых военных операций под непосредственным руководством соответствующих главнокомандующих. Сэра Гая Карлтона, вероятно, удерживали от наступательной войны инструкции, соответствующие мирному решению Палаты общин, упомянутые в начале настоящей главы; в то время как состояние американской армии, если бы Вашингтон был настроен иначе, не позволяло ему предпринимать какие-либо попытки захватить посты, находящиеся во владении британцев. Генералы Грин и Уэйн отвоевали юг, а сэр Гай Карлтон приказал офицерам его Величества на севере больше не посылать индейских экспедиций и отозвать тех, кто уже был в пешем строю. Тем не менее, несмотря на все эти примирительные сигналы, оставалась вероятность того, что конфликт еще не закончился. Смена министров в Англии могла привести к изменению политики. Ввиду этой неопределенности главнокомандующий в течение года не ослаблял своих усилий по поддержанию дисциплины в армии и удержанию страны в состоянии обороны. В соответствии с этой политикой, в январе месяце 1783 года, когда известие о подписании мирного договора еще не было получено, главнокомандующий задумал проект захвата важной крепости Освего врасплох и овладения ею. Именно занятие этого поста дало британцам такие благоприятные возможности для интриг с Шестью нациями, с одной стороны, и для высадки своих разношерстных батальонов на американские поселения; и главнокомандующий мудро рассудил, что в случае новой кампании овладение этой крепостью будет иметь первостепенное значение для американцев, поскольку в то время она была одним из самых грозных оборонительных сооружений на Континенте.

[Ф. Н.] Маршалл.

Решив попытаться захватить его врасплох, выполнение проекта было поручено полковнику Уиллетту. Поэтому с соблюдением строжайшей секретности в отношении пункта назначения войска под его командованием были внезапно собраны в форте Херкимер восьмого февраля. Немедленно начав свой марш, в ночь на 9-е число они пересекли озеро Онейда и прибыли к водопаду Освего, всего в нескольких милях от крепости, к двум часам дня следующего дня. С небольшими силами под его командованием и без средств ведения осады, конечно, было необходимо вести работы с помощью эскалады, если это вообще было возможно. Поэтому,

остановившись у Водопада, они соорудили необходимые лестницы и возобновили марш. В 10 часов вечера они были в четырех милях от форта. После чего, пройдя маршем около двух часов и не приблизившись к месту назначения, было предпринято расследование причины, когда, к изумлению и огорчению командира и к досаде всего корпуса, было установлено, что, отклоняясь от реки, их проводник, молодой индеец из племени онейда, сбился с пути. Ситуация действительно была неловкой и сбивающей с толку. Одно время они находились почти на расстоянии разговора от строений, и в предвкушении победы уже почти поднялся победный крик, как вдруг они обнаружили, что заблудились в глухом лесу, в разгар зимы, среди снежных гор. В ту ночь было слишком поздно продолжать преследование "энтерпрайза". Они не могли оставаться поблизости от крепости в течение следующего дня, не будучи обнаруженными. И инструкции главнокомандующего были безапелляционными: если им не удастся захватить форт врасплох, попытка будет неоправданной. Следовательно, единственной альтернативой было отказаться от предприятия и неохотно вернуться по своим следам. Это была печальная ошибка бедного индейца, но не ошибка замысла. Марш был очень тяжелым и утомительным. Проводник завел их в болото, и пока они стояли неподвижно, обнаружив, что заблудились, погода была такой холодной, что ноги некоторых мужчин замерзли в трясине. Обратный путь был еще более мучительным из-за хромоты одних и разнообразных страданий других. Один человек замерз насмерть. Но в конце концов все обошлось благополучно, поскольку по возвращении полковника Уиллетта в форт Ренсселер, а оттуда в Олбани, он прибыл в древнюю голландскую столицу как раз вовремя, чтобы услышать долгожданную весть о мире, провозглашенную городским клерком в мэрии, и разделить свою радость с радостью жителей.

Соглашение о прекращении военных действий между Соединенными Штатами и Великобританией было подписано соответствующими уполномоченными двух держав 20 января на основе статей, согласованных в Париже 30 ноября предыдущего года. А 24 марта было получено письмо от маркиза де Лафайета, извещавшее о всеобщем заключении мира. 11 апреля Конгресс опубликовал свою прокламацию, объявляющую о прекращении поставок оружия на море и суше.

Что касается провала последней экспедиции полковника Уиллетта, то ему нельзя было вменить никакого порицания. В ответ на официальный отчет полковника об этом деле генерал Вашингтон написал характерное письмо, одобряя его поведение и утешая его в связи с разочарованием. "Как ни прискорбно это обстоятельство, - сказал главнокомандующий, - я счастлив в убеждении, что никакое обвинение или рефлексия не могут справедливо повлиять на вашу репутацию; и что вы можете черпать большое утешение в воодушевленном рвении, стойкости духа и активности офицеров и солдат, которые сопровождали вас. Неудача, по-видимому, должна быть объяснена некоторыми из тех необъяснимых событий, которые неподвластны человеческим средствам и которые, хотя и часто происходят в военной жизни, все же требуют не только стойкости солдата, но и спокойного размышления философа. Я не могу не выразить вам того высокого чувства, которое я испытываю к вашим настойчивым усилиям и рвению в этой экспедиции; и прошу вас принять мою теплую благодарность по этому случаю; и что вам будет приятно передать мою благодарность офицерам и рядовым, действовавшим под вашим командованием, за ту долю, которую они внесли в эту службу".

Так заканчивается история пограничных войн Американской революции, основные театры военных действий которых находились в округах к северу и западу от Олбани. Долина Мохок, включая пересекающую ее долину Шохари-килл, была одним из самых густонаселенных и

богатых сельскохозяйственных районов страны в начале войны. Плодородие его почвы и богатство его народа делали его всегда привлекательным объектом грабежа для врага, особенно для дикарей и толп беженцев, которые бежали из страны и добывали себе ненадежные средства к существованию в индейских вигвамах и в дикой местности Канады. Более того, его географическое положение делало его наиболее легко атакуемым из всех густонаселенных районов всего Союза; в то же время более крупные армии противника были задействованы в других местах, и, конечно, требовалась большая часть физической силы страны в других местах, чтобы противостоять им. Следствием этих и других обстоятельств, которые можно было бы перечислить, было то, что ни одна другая часть или округ страны в Соединенных Штатах подобного масштаба не пострадала в сколько-нибудь сравнимой степени от Революционной войны, как та, что была у ирокезов. Сюда чаще всего вторгались и наводняли город; и это тоже был враг, гораздо более жестокий, чем коренные лесные варвары. Месяц за месяцем, в течение долгих семи лет, его города и деревни, его более скромные поселения и изолированные жилища подвергались нападению неутомимого и безжалостного врага, пока, по окончании сражения, вид всего округа не стал выражением повсеместного, вызывающего тошноту и вселенского запустения. Ни в одной другой части конфедерации не было проведено столько кампаний, разыграно столько сражений, сожжено столько жилищ и совершено столько убийств. А те, кто остался после возвращения мира, были буквально людьми, "рассеянными и ободранными". За два года до окончания войны было подсчитано, что одна треть населения перешла на сторону врага, и что одна треть была изгнана из страны или убита в бою или в результате частного покушения. И все же среди жителей другой оставшейся трети в июне 1783 года на публичном собрании, состоявшемся в Форт-Плейн, было заявлено, что среди них триста вдов и две тысячи детей-сирот. Но с известием о заключении мира рассеянное население начало возвращаться на места своих прежних домов. [FN] Их дома были отстроены заново, а их фермы снова начали возделываться; в то время как другие и не менее предприимчивые жильцы, получив свои титулы от государства, вступили во владение конфискованными землями тех, кто был верен делу короны. Дух трудолюбия и предприимчивости, столь характерный для американского народа, не заставил себя долго ждать, придав этой сцене новый вид; и округ Трайон, сменивший свое название на имя патриота МОНТГОМЕРИ, вскоре улыбнулась сквозь слезы.

[FN] Вместе с возвращающимися патриотами, поскольку в старину сатана имел обыкновение время от времени появляться в лучшей компании, некоторые из тори начали пробираться обратно в страну, которую они покинули, и помогали им обливаться кровавыми слезами. Но население вигвов не потерпело бы их присутствия. Предшествующий рассказ о событиях показал, что лоялисты округа Трайон, взявшие в руки оружие вместе с индейцами, были гораздо более мстительными и кровожадными, чем сами индейцы. Поэтому неудивительно, что чувство особой горечи по отношению к ним существовало в сердцах тех, кто так остро пострадал от их рук. Эти чувства были воплощены и заявлены на двух публичных собраниях, проведенных в разных частях округа Трайон в июне 1783 года; о них см. Приложение № V.

Другие сцены и другие войны послужат материалом для оставшихся глав настоящих томов, связанных с последующей жизнью и карьерой Джозефа БРАНТА—ТАЙЕНДАНЕГИ.

ГЛАВА VIII.

Мирный договор — Пренебрежение ее индийскими союзниками со стороны Великобритании — Переговоры Бранта с генералом Холдимандом о новой территории — Сенека приглашают могавков поселиться в долине Джинеси — Отклонено — Страна Гранд—Ривер, предоставленная могавкам сэром Фредериком Холдимандом — Политика Соединенных Штатов в отношении индейцев — Взгляды Вашингтона и генерала Шайлера — Договор с шестью нациями в Форте Стэнвикс — Плантатор кукурузы и Красная Куртка выбирают противоположных помощников — Мир с шестью нациями — Недовольство индейцев — Тайенданегия, в частности — Письмо Бранта полковнику Монро — Отказывается от своего намерения отправиться в Англию — Возвращается в Гранд—Ривер — Разногласия с сэром Джоном Джонсоном — Брант отплывает в Англию осенью 1785 года — Его прибытие — Проблески его скрытых замыслов — Его блестящий прием — Приступает к делу своей миссии — Письмо лорду Сидни — Речь Бранта лорду Сидни — Ответное письмо лорда Сидни — Вопрос о половинном жалованье — Письмо Бранта сэру Эвану Нипину — Его связи с великим Кином сарказм в адрес дворянина — Поразительный инцидент на грандиозном маскараде — внимание Бранта к моральным требованиям своего народа — Его возвращение в Канаду.

Международный договор от ноября 1782 года, восстанавливающий мир между Соединенными Штатами и Великобританией и признающий безоговорочную независимость первой, был таким, чтобы удовлетворить каждое разумное желание американского народа. В вопросах границы и рыболовства она действительно была более либеральной, чем того желали их союзники, Франция и Испания. По общему признанию, Франция обнажила меч в защиту Соединенных Штатов; но переговоры о мире продемонстрировали тот странный факт, что, если бы не дипломатия первых, мирный договор был бы подписан раньше. Переговоры были сложной работой, требовавшей умения, проницательности, рассудительности и большой твердости со стороны американских уполномоченных — качеств, которыми, как показал их успех, они обладали в выдающейся степени. Но, хотя американский договор был впервые окончательно заключен, прошло менее двух месяцев, прежде чем предварительные статьи мира были согласованы и подписаны между Великобританией, Францией и Испанией; Франция испытала удовлетворение, увидев, как ее главный соперник лишился самой справедливой части ее американских владений, как и она сама была лишена этой самой державы двадцать лет назад.

Однако в договоре с Соединенными Штатами Великобритания не сделала никаких оговорок от имени своих индийских союзников. Несмотря на готовность, с которой аборигены, особенно ирокезы, поступили на службу короне, несмотря на их постоянство, их доблесть, готовность, с которой они проливали свою кровь, и выдающиеся заслуги их Великого капитана Тайенданеги, верный краснокожий человек даже не был назван в договоре; в то время как "древняя страна Шести наций, резиденция их предков со времен, далеко выходящих за рамки их самых ранних традиций, была включена в границы, предоставленные американцам". [FN—1] Что с происхождением полковника Вана? Нападение шайков на Онондагас и экспедиция генерала Салливана на их территорию дальше на запад, вся их страна была опустошена огнем и мечом; и могавки, в частности, пожертвовали всей своей богатой и красивой страной. Однако, похоже, что когда могавки впервые покинули свою родную долину, чтобы поступить на службу его Величеству, сэр Гай Карлтон дал обещание, что как только война закончится, они будут восстановлены за счет правительства до состояния, в котором они были до начала войны. В апреле 1779 года генерал Холдиманд, в то время генерал-капитан и главнокомандующий в Канаде, подтвердил обещание своего предшественника, поклявшись лично и за печатью, насколько это в его силах, добросовестно выполнить его, "как только наступит это счастливое время".

[FN-1] МИСС мемориал Шести наций, представленная лорду Кэмдену Тейонинхокаравеном, обычно называемым Джоном Нортонем.

[FN-2] МИСС приказ генерала Холдиманда среди бумаг Бранта.

В конце войны ирокезы временно проживали на американском берегу реки Ниагара, в окрестностях старой пристани над фортом. Сенека, которые были в более тесном союзе с могавками во время войны, чем любая другая из Шести наций, и которые сами были в основном склонены первыми поднять топор войны против Соединенных Штатов, предложили им участок земли в долине Джenezи. Но, как много лет спустя сказал капитан Брант в одной из своих речей, могавки были полны решимости "утонуть или плыть" вместе с англичанами; и, кроме того, они не желали проживать в пределах границ Соединенных Штатов. Поэтому великодушное предложение сенека было отклонено, и вождь могавков отправился в Монреаль, чтобы посоветоваться с генеральным суперинтендантом по делам индейцев сэром Джоном Джонсоном, а оттуда в Квебек, чтобы потребовать от генерала Холдиманда, главнокомандующего, выполнения своего обещания. Генерал принял воина с большой добротой и проявил всяческое расположение выполнить данное обещание самым почетным образом. Участок, на котором сосредоточил свое внимание вождь, располагался в заливе Квинт, на северном берегу реки Святого Лаврентия, или, скорее, озера Онтарио; и по его просьбе генерал Холдиманд согласился, чтобы его приобрели и передали могавкам.

По возвращении Тайенданеги на Ниагару Сенека были разочарованы таким порядком и огорчены мыслью, что их друзья должны находиться на таком большом расстоянии от них. Они опасались, что их неприятности с Соединенными Штатами еще не закончились; и поэтому чрезвычайно желали, чтобы могавки жили так близко, чтобы при необходимости оказывать им вооруженную помощь или предоставить им убежище, если им придется бежать от гнета Соединенных Штатов. В этих обстоятельствах капитан Брант созвал совет своих людей, и было решено, что он должен совершить повторный визит в Квебек и, учитывая особые

обстоятельства дела, запросить другую, более удобную территорию. Местность на реке Уиз, или Гранд-Ривер, впадающей в озеро Эри примерно в сорока милях выше Ниагарского водопада, была указана генералу Холдиманду как место, удобное во всех отношениях, не только для поддержания прямых сношений с остатками Шести наций, но и как предоставляющее возможности для переписки с нациями и племенами верхних озер. Его превосходительство одобрил это предложение и незамедлительно распорядился произвести вторую закупку в соответствии с запросом. На вопрос о размерах территории, на которую рассчитывают могавки, капитан ответил: "По шесть миль с каждой стороны реки, от устья до ее истока". С заверениями, что грант будет официально предоставлен в должное время, вождь снова вернулся на Ниагару и вскоре после этого вступил во владение землями, отведенными для нового дома его народа.
[FN]

[FN] Это изложение фактов взято из длинной речи капитана Бранта, произнесенной в совете перед правительством. Симко в 1795 году, копия которого сохранилась среди бумаг Бранта.

Осенью 1784 года, узнав, что генерал Холдиманд собирается вернуться в Англию, бдительный шеф в третий раз отправился в Квебек по этому делу, чтобы удостовериться в праве собственности. Результатом этого визита стало официальное предоставление сэром Фредериком Холдимандом от имени короны участка земли "на берегах реки Уиз, обычно называемой Гранд-Ривер, впадающей в озеро Эри, шириной в шесть миль с каждой стороны реки, начинающейся у озера Эри и простирающейся в той же пропорции до истока указанной реки; которым могавки и другие из Шести наций, которые либо потеряли свои владения во время войны, либо пожелали отойти от них к британцам со своими потомками, должны были пользоваться вечно". [FN-1] Течение реки Уиз составляет около ста миль, так что грант охватывал территорию такого же размера в длину и двенадцати миль в ширину. "Этот участок, хотя и намного меньший, чем тот, который они были вынуждены оставить в пределах Соединенных Штатов, вполне удовлетворил этих лояльных индейцев, которые предпочли жить под защитой Его Британского Величества (готовые снова сражаться под его знаменами, если того потребует случай) более обширной стране". [FN-2] Говорят, что район страны, предоставленный таким образом, одинаково красив и плодороден. Гранд-Ривер берет начало в глубине страны, приближаясь к озеру Гурон, и длинным и живописным руслом прокладывает свой путь к озеру Эри. Она судоходна для небольших судов на многие мили выше, а для больших лодок - еще на гораздо большее расстояние. Земля по всему ее течению необычайно плодородна.

[FN-1] Копия Гранта среди документов Бранта.

[FN-2] Мемориал Нортон лорду Кэмдену.

Политика, которую Соединенные Штаты должны были проводить по отношению к индейцам, проживающим в пределах их границ, была вопросом серьезной и весомой важности и рано привлекла внимание американских государственных деятелей. Очень скоро после того, как англичане вступили во владение колонией Нью-Йорк, Шесть наций отказались от своего собственного первоначального права на абсолютный суверенитет и поставили себя и свои

земли под защиту правительства Нью-Йорка, [FN-1] сохранив за собой своего рода ограниченный суверенитет. Непосредственной целью этого акта со стороны индейцев было заручиться союзом англичан в их войнах с французами, а также с индейцами гуронами и алгонкинами в Канаде. [FN-2] Впоследствии, во время Колониальной администрации, индейцы рассматривались как отдельные, но зависимые нации. [FN-3] Однако, помимо этого обстоятельства, по мирному договору суверенитет всех индийских стран в установленных пределах, предоставленных Соединенным Штатам Великобританией, перешел к первым, разумеется, в той же степени, в какой он осуществлялся Великобританией. Более того, вместе с этим суверенитетом за ними также перешло исключительное право преимущественного владения всеми индейскими землями, лежащими в пределах территории Соединенных Штатов, при условии соблюдения права собственности только туземцами. [FN-4] Эти права были приобретены Англией путем открытия, которое, согласно практике европейских народов, считалось равносильным завоеванию; и хотя туземцам было разрешено иметь справедливое и законное право, как первоначальным жителям земли, сохранять и использовать ее по своему усмотрению, все же им не разрешалось распоряжаться землей по своему усмотрению, за исключением правительства, заявляющего о преимущественном праве. [FN-5] Такова была практика Испании, Франции, Голландии и Англии; и уже в 1782 году мистер Джей, в то время американский посланник при Мадридском дворе, в своей переписке с графом д'Арандой утверждал о принятии того же принципа со стороны Соединенных Штатов. [FN-6] Но в то время как право суверенитета, как оно осуществлялось Англией, перешло к Соединенным Штатам в силу договора, в соответствии со сложной системой конфедерации преимущественное право на землю перешло к соответствующим штатам, в пределах границ или грантов которых они находились — сами штаты обладали таким количеством суверенных полномочий во всех вопросах национального значения, которые не были специально предоставлены правительству Союза в соответствии со Статьями Конфедерации.

[FN-1] Комментарии Кента, том iii. стр. 399.

[FN-2] Колденс, Канада.

[FN-3] Комментарии Кента.

[FN-4] Комментарии Кента, том i, стр. 257.

[FN-5] Там же, том iii. стр. 379.

[FN-6] Жизнь и труды Джона Джея.

Отношение голландского колониального правительства к Шести нациям было добрым и либеральным. То же самое было бы и при Колониальном правительстве Англии — индейцы ни в коем случае не были лишены ни клочка земли, кроме как путем покупки. Однако сразу же по окончании войны, поскольку Англия не сделала никаких условий в пользу индейцев, Законодательный орган Нью-Йорка выразил намерение изгнать Шесть наций со всей территории в пределах этого штата, которая не была уступлена ими до войны. Эта позиция, которая, по-видимому, также в некоторой степени сохранялась в других штатах, была воспринята с большой озабоченностью генералами Вашингтоном и Шайлером, которые объединились во мнении, что такая линия политики была бы в равной степени

неблагоразумной, бесчеловечной и несправедливой. Генерал Шайлер обратился к Конгрессу с памятным словом по этому вопросу в июле. Полностью совпадая с чувствами Шайлер, Вашингтон в сентябре направил длинное письмо Джеймсу Дуэйну, в то время работавшему в Конгрессе. Взгляды этих джентльменов заключались в том, что по отношению к индейцам следует проводить самую либеральную и гуманную политику. Правда, они подняли топор войны в пользу короны, и в результате жесткого соблюдения законов завоевания они могли быть лишены своих земель и изгнаны вместе со своими союзниками на север за озеро. Но генерал Вашингтон настоятельно настаивал на том, что, хотя индейцев следует проинформировать о строгом праве Соединенных Штатов обращаться с ними столь сурово и принуждать их разделить ту же злую судьбу с теми, кого они выбрали в свои союзники, тем не менее, рассматривая их как народ, который был обманом поставлен на службу короне, им следует предоставить почетные условия мира и сохранить владение землями и охотничьими угодьями, определенными договором, в границах которых они не должны подвергаться насилию. Вашингтон хотел, чтобы в отношении этих детей леса была приоткрыта завеса над прошлым и чтобы их научили тому, что их истинные интересы и безопасность отныне должны зависеть от развития дружественных отношений с Соединенными Штатами. В отношении Шести наций он считал, что курс, которого, по-видимому, желало придерживаться Законодательное собрание Нью-Йорка, втянет страну в еще одну войну с индейцами, поскольку индейцы никогда не сдадут всю свою территорию без новой борьбы; в то время как он справедливо считал, что вся территория, которую действительно хотел народ Соединенных Штатов, может быть получена путем переговоров и компромисса. Более того, в качестве общего принципа считалось, что во все грядущие времена было бы гораздо дешевле время от времени получать от индейцев участки земли, которые потребуются для расширения поселений, путем покупки, чем приобретать их завоеванием, не говоря уже о страданиях, зле и вине войны. По всему этому вопросу индийской политики мнения Вашингтона и Шайлер полностью совпадали. К счастью, это возобладало, и последующая передача штатами своих индейских земель генеральному правительству способствовала доброжелательным действиям последнего в рамках этой системы; мудрость которой, независимо от ее справедливости и гуманности, с тех пор с каждым годом становится все более очевидной.

Письмо Вашингтона Джеймсу Дуэйну, 7 сентября 1783г.

Как было показано несколькими страницами ранее, в то время как вождь племени ирокезов был занят заключением последних договоренностей с канадским главнокомандующим, сахемы и воины Шести наций заключали договор с Соединенными Штатами в форте Стэнвикс. На этих переговорах были представлены народы могавков, онондагас, сенека, онейда, кайюга, тускарорас и сенека-абеал [FN-1]. Уполномоченными со стороны Соединенных Штатов были Оливер Уолкотт, Ричард Батлер и Артур Ли. Протоколы этого договора, содержащие речи, произнесенные по этому случаю, по-видимому, не сохранились, как это обычно бывает в дипломатических отношениях с индейцами. В государственных документах Индии, находящихся в резиденции правительства, ничего не говорится по этому вопросу, за исключением голого результата совета в форме очень краткого договора, подписанного представленными нациями вместо нескольких вождей. Известно, однако, что среди ведущих вождей, принимавших активное участие в переговорах, были Кукурузный плантатор и Красная Куртка; и из отчетов о последующих сделках с индейцами можно почерпнуть достаточно, чтобы

составить общее представление о ходе этих переговоров. Вне всякого сомнения, представители Шести стран в этом совете были против проведения отдельных переговоров с Соединенными Штатами. Их желание состояло в том, чтобы не заключался окончательный мирный договор и не устанавливались границы, пока не будет охвачена вся территория сразу; и, как следствие, они настойчиво настаивали на том, чтобы были представлены гуроны, оттавы, шаванцы, чиппева, делавары, потаваттами, конфедераты вабаш и чероки, чтобы можно было решить весь вопрос о границах на всех границах Индии. [FN-2] Но Уполномоченные со стороны Соединенных Штатов не стали бы слушать о такой отсрочке. Шесть наций, как таковые, подняли топор войны в пользу короны, и она была полна решимости наказать их расчленением их территории. Красная Куртка, вождь несколько более молодой, чем сеятель Кукурузы, был против захоронения топора войны и с большим красноречием и горячностью высказывался за продолжение войны индейцами за их собственный счет. "Его речь была шедевром, и каждый воин, который его слушал, был увлечен его красноречием". [FN-3] Сеятель кукурузы был более мудрым человеком, чем его младший товарищ. Он видел глупость войны, которую индейцы в одиночку вели против Соединенных Штатов, и приложил все свои силы в пользу мира. Он видел, что единственной альтернативой для его народа был отказ от части своей территории путем компромисса или потеря всей территории силой. Его усилия в конце концов увенчались успехом, и 22 октября был подписан договор, по которому Соединенные Штаты заключили мир с могавами, сенеками, онондагами и кайюгами — четырьмя враждебными нациями конфедерации — и приняли их под свою защиту при условии, что все пленники, белые и черные, находящиеся во владении указанных наций, должны быть выданы; онейды и тускарорас были закреплены за землями, которые в то время находились под их оккупацией; в то же время Шесть наций отказались от всех претензий на страну к западу от северной границы. линия, начинающаяся в устье ручья Ойонвайя, впадающего в озеро Онтарио в четырех милях к востоку от Ниагары; оттуда на юг, но сохраняя линию в четырех милях к востоку от пути переноса, до устья Техосеророн, или Буффало-Крик; оттуда до северной границы Пенсильвании; оттуда на запад до конца этой границы; и оттуда на юг вдоль линии Пенсильвании, до реки Огайо. Все Шесть наций должны были получить во владение земли, которые они тогда оккупировали; и шесть заложников должны были быть доставлены в Соединенные Штаты, чтобы оставаться в их распоряжении до тех пор, пока все пленники, освобождение которых было оговорено, не будут переданы индейцами. [FN-4] Аналогичным образом было оговорено, что индейцы должны выдать определенных лиц из своего народа, которые считались очень серьезными преступниками, для предания суду по гражданским законам Соединенных Штатов. Два человека были выданы на этом условии; но индейцы впоследствии жаловались, что, вместо того чтобы предстать перед судом по закону, они были вырваны из рук магистрата кем-то из самых низких представителей белого народа и немедленно преданы смерти. [FN-5]

[FN-1] Клан Сенека, живущий у плантатора кукурузы в Аллегейни.

[FN-2] Речь объединенных индейских наций на совете конфедерации, холден в месяце реки Детройт, ноябрь и декабрь 1786 года.

[FN-3] Дрейк, который переводит "Лафайет в Америке" Левассера. Маркиз де Лафайет присутствовал при заключении договора, и, когда Красный Мундир посетил его в Буффало во время своего турне по Соединенным Штатам в 1824-25 годах, почтенный шеф напомнил

генералу об обстоятельствах их предыдущей встречи в форте Стэнвикс. Это самый ранний рассказ о красноречии лесного человека, который впоследствии стал так известен своим ораторским искусством.

[FN-4] Смотрите сам договор, Американские государственные документы, Дела индейцев, том i. Первоначально Пять наций претендовали на "всю землю, не проданную англичанам, от устья реки Сорел, на южной стороне озер Эри и Онтарио, по обе стороны Огайо до его впадения в Миссисипи; и на северной стороне этих озер, на всю территорию между рекой Оттава и озером Гурон, и даже за пределами пролива между ней и озером Эри". —*История Смита*.

[FN-5] Речь Биг Три, плантатора кукурузы и Полгорода президенту Вашингтону в 1790 году.

Результат этих переговоров вызвал большое недовольство среди индейцев в целом, и хитрый Красный Мундир впоследствии воспользовался преимуществами своего положения, похитив сердца сенека у плантатора Кукурузы и передав их себе. Вождь племени ирокезов Тайенданегеа также был крайне недоволен условиями договора, тем более, несомненно, из-за того обстоятельства, что капитан Аарон Хилл, подчиненный вождь племени ирокезов, был задержан в качестве одного из заложников по договору. Когда старый вождь услышал о происходящем, он был в Квебеке. Он завершил свои дела с сэром Фредериком Холдимандом и собирался отправиться в Англию, чтобы урегулировать претензии своего народа на корону в связи с их жертвами во время войны. От намерения уехать за границу на этот сезон было немедленно отказано, и капитан Брант поспешил вернуться в свою страну, чтобы позаботиться о благополучии своего народа дома. Он прибыл в Катаракти 27 ноября, а два дня спустя направил длинное письмо полковнику Джеймсу Монро, [FN] в котором, выразив пожелание, чтобы письмо застало полковника в добром здравии, и поблагодарив его за некоторые недавние личные любезности, он говорит:

[FN] Был ли полковник Монро, которому было адресовано это письмо, покойным президентом Соединенных Штатов, автор не установил; и если да, то непонятно, каким образом он был связан с договором в Форт-Стэнвиксе.

"Я был в Квебеке, готовясь отправиться оттуда в Англию (вы прекрасно знаете мои дела там). Примерно в то же время я получил сообщение о том, что наш начальник, капитан Аарон Хилл, был задержан и содержался в качестве пленника в форте Стэнвикс комиссарами Конгресса, и понял, что его должны были содержать до тех пор, пока все американские заключенные из разных индейских народов, которые все еще остаются среди них, не вернутся в свои дома. Когда я получил это неприятное известие, я немедленно отказался ехать дальше оттуда. Я очень встревожился, услышав это, потому что именно я уговорил этого вождя приехать и присутствовать на той встрече в форте Стэнвикс".

Этот вождь был связан с семьей Тайенданегеа. Аарон Генри Хилл женился на одной из своих дочерей, и капитан Брант упоминает о нем пятнадцать лет спустя в своей переписке с Томасом Моррисом, эсквайром.

"Я никогда не ожидал, что это станет причиной задержания руководителей по данному делу; ибо я думал, что дело зашло слишком далеко, чтобы что-либо подобное могло произойти. Конгресс пропустил мимо ушей свои слова о том, что они хотят дружить со всеми индейцами; и мы точно так же поступили с ними. Однако, предположим, что комиссары Конгресса действительно сочли необходимым задержать некоторых вождей, я бы подумал, что они могли бы разумно извинить нашего вождя и отпустить его, а также оставить других нужных людей, которых следовало бы задержать, потому что мы отказались от содержания заключенных после заключения мира. Как только пришло сообщение о мире, мы отпустили всех наших пленников, за исключением одного или двух детей, которые не могли помочь себе сами. У капитана Аарона Хилла не было с собой никаких удобств, когда он отправился в форт Стэнвикс. Мы также все время советовали другим племенам индейцев, начиная с заключения мира, чтобы пленники возвращались по домам; и во время войны всегда оказывали поддержку пленным, особенно женщинам и детям; и точно так же продвигали этот вопрос вперед с тех пор, чтобы способствовать миру и возобновить дружбу с вами снова, как это было у нас раньше, честным образом. Мы намерены пройти через это и покончить с этим, чтобы каждый занимался своим делом и был счастлив. Таковы наши обычаи и манеры могоков, когда бы они ни занимались чем-либо. Они во всех отношениях активны и правдивы; -никаких двойных лиц на войне или в любом другом бизнесе. Все это заставляет меня думать, что комиссарам следует обдумать это, и нашему руководителю следовало [вернуться] домой, поскольку мы были великодушным врагом по отношению к вам во время войны и очень активно продвигали вопросы установления мира с вами все прошлое лето. Я полагаю, что комиссары, должно быть, затаили злобу на мохоков, используя их таким образом, по совету священника Кертланда и Онейдас, и он поступил так же даже с Сенеками, которые были нашими друзьями. Он делал все, что мог, чтобы они сами выступили против мохоков; обо всем этом я хорошо осведомлен. Сэр, эти низменные проделки (мне очень странно, почему это должно быть так) очень смущают меня. Я верю, что в конце концов нам помешают стать с вами хорошими друзьями. Если это и произойдет, то вина будет не на нас, что, я надеюсь, вы сочтете правдой. Мне было бы легче, если бы вы были так любезны ответить мне на это письмо, насколько вы понимаете мой английский, и, пожалуйста, сразу объясните мне свои чувства по поводу такого рода моей жалобы, пусть будет так, как будет, потому что, что бы ни было сделано, это не поможет, так и должно быть. Если бы я мог увидеть тебя и поговорить с тобой, я мог бы объяснить себя лучше, чем письмо, написанное наполовину англичанином, наполовину индийцем. Вы помните, я говорил вам, что буду счастлив присутствовать, если весной состоится какой-нибудь ваш совет; я имею в виду дела Индии; и я хотел бы увидеть вас в Нью-Джерси, если у меня будет время. Но, мой дорогой сэр, я начинаю сомневаться в том, чтобы идти туда, поскольку мой шеф задержан. Возможно, мне следует сделать то же самое, но не встречаться с моими разными возлюбленными, что было бы слишком тяжело для меня. Это как раз то, что лишит меня удовольствия видеть вас и присутствовать на вашем совете весной, если только дела не изменятся в другом направлении. Но поверьте мне вот в чем, пусть дела идут своим чередом, я всегда буду очень рад вас видеть. Я буду зимовать здесь, я и моя семья; ранней весной я покину это место и отправлюсь в свою новую страну на Гранд-Ривер.

"Я ваш доброжелатель И покорный слуга, ДЖОС. БРАНТ, или Тайенданегея. [FN]

"Полковнику Джеймсу Монро."

[FN] Рукопись этого письма, сохранившаяся среди бумаг капитана. Брант, вероятно, является первым черновиком. Очевидно, что оно было написано в большой спешке, и автор внес очень мало исправлений, где ошибки явно казались результатом небрежности. В остальном все остается так, как было написано. В последующие годы капитан Брант очень сильно и очень быстро улучшил свое знание английского языка.

Какой эффект произвело это письмо или насколько справедливыми были изложенные в нем жалобы, неизвестно; но есть вероятность, что трудности, связанные с задержанием Хилла, были удовлетворительно устранены. В любом случае, капитан Брант выполнил свою цель посещения Англии в конце следующего года (1785). Однако перед своим отъездом он, по—видимому, разработал план, в чем-то аналогичный тому, который вынашивал и частично осуществил двадцать лет назад Понтиак, - план объединения всех великих северо-западных индейских народов в единую великую конфедерацию, главой которой он должен был стать. В развитие этого замысла он посетил страну верхних озер и держал советы с местными народами. Неизвестно, замышлял ли он, подобно Понтиаку, войну против Соединенных Штатов, если только не в случае нападения. Тем не менее, он не мог не рассматривать военные действия в случае образования его конфедерации как более чем вероятные. Якобы его визит в Англию был предпринят с целью уладить претензии лояльных ирокезов на корону, возместить их потери и жертвы в борьбе, из которой они недавно вышли. И таков, вероятно, был единственный план визита, когда он первоначально планировался в предыдущем году. Но недовольство, существовавшее среди индейцев в связи с договором в Форт-Стэнвиксе, и другие признаки, вероятно, увеличили цели его миссии. Во всяком случае, вскоре выяснилось, что наряду с особым делом, связанным с притязаниями Индии, целью было прощупать британское правительство, чтобы выяснить степень поддержки или объем помощи, которую оно могло ожидать с этой стороны в случае всеобщей войны Индии против Соединенных Штатов.

Сэр Джон Джонсон, посетивший Англию сразу после войны, вернулся в Канаду летом 1785 года. Похоже, что ему также были предъявлены претензии могавков, но он ничего не добился для их удовлетворения. Тем не менее, он был против миссии капитана Бранта и написал 6 ноября, решительно отговаривая его от этого путешествия. Сэр Джон полагал, что иски, о которых идет речь, могут быть урегулированы к взаимному удовлетворению еще до истечения года; и он намекнул своему другу, что его собственные интересы требуют его внимания дома. "Я уверен, - сказал баронет, - что мне нет нужды пытаться многословно указать вам на критическое положение ваших собственных дел; я имею в виду дела вашей конфедерации; и на то, насколько в настоящее время не хватает помощи каждого влиятельного человека среди вас, чтобы защититься от замыслов ваших врагов, которые, созывая собрания в это время повсюду, намерены не жалеть усилий, чтобы разделить ваши интересы, тем самым уменьшить ваше влияние и силу и осуществить свои замыслы против вашей страны и свободы". [FN]

[FN] МИСС Письмо сэра Джона Джонсона среди бумаг Бранта.

Но вождя нельзя было отвлечь от его цели. Немедленно погрузившись на корабль и совершив короткий переход, он был принят знатью с большим вниманием и почтением. Таким образом, его прибытие в Солсбери было отмечено в письме из этого места, датированном 12 декабря 1785 года и опубликованном в Лондоне. "В прошлый понедельник полковник Джозеф Брант, знаменитый король могавков, прибыл в этот город из Америки и, пообедав с полковником Де

Пейстером в здешней штаб-квартире, немедленно отправился в Лондон. Говорят, что эта экстраординарная личность председательствовала на последнем большом конгрессе конфедеративных вождей индейских народов в Америке и была ими назначена для руководства войной, которую они сейчас замышляют против Соединенных Штатов Америки, и главного командования ею. Он отбыл в Англию сразу же после того, как это собрание разошлось; и предполагается, что его посольство при британском дворе имеет большое значение. Эта страна многим обязана заслугам полковника Бранта во время последней войны в Америке. Он получил образование в Филадельфии; это очень проницательный, интеллигентный человек, обладает большим мужеством и способностями воина и нерушимо предан британской нации".

О каком именно индийском совете идет речь в предыдущей цитате, неизвестно. Скорее всего, это было связано с амбициозным проектом Тайенданеги, о котором уже говорилось; и, более того, весьма вероятно, что недовольство северо-западных индейцев, главным образом в связи с пограничными вопросами, которое в конечном итоге привело к войне 1789—'95-го мая, даже на таком раннем этапе, действовало в сердцах индейцев. Несомненно, если бы такой совет проводился, то присутствовал бы "Великий Полководец Шести наций". Несомненно, что, отстаивая справедливые требования могаков при британском дворе, он не преминул с большой ловкостью, хотя и косвенно, представить другой вопрос на рассмотрение лорда Сиднея, тогдашнего министра по делам колоний. Действительно, из уже цитировавшегося отрывка из письма сэра Джона Джонсона явствует, что этот джентльмен ранее обращался к правительству по тому же вопросу. "Что касается помощи, которая требуется или ожидается в случае войны, - сказал баронет в упомянутом письме, - думаю, я объяснил вам и это, и объясню более подробно, когда увижу вас".

Прием выдающегося могака в британской столице был всем, чего мог пожелать самый гордый лесной король, не чуждый цивилизованной жизни. В ходе войны у него завязалось много знакомств с армейскими офицерами, на которых он, должно быть, произвел весьма благоприятное впечатление, поскольку все, кто встречался с ним в Лондоне, узнавали его с большой сердечностью. С некоторыми из них он встречался в салонах Квебека, а также был связан с ними на местах. Его визиты в канадскую столицу были частыми во время войны и после нее. В один из таких случаев баронесса Ридес встретила его в провинциальном суде, что дало ей повод так отозваться о нем в своих воспоминаниях: "В то время я видела знаменитого индейского вождя, капитана Бранта. Его манеры безупречны; он свободно изъяснялся и пользовался большим уважением генерала Холдиманда. Однажды я обедал с ним у генерала. В своем наряде он выгодно демонстрировал костюм наполовину военного, наполовину дикаря. Его лицо было мужественным и умным, а нрав очень мягким". [FN-1] Таким образом, помимо новизны лицезрения индийского принца в британской столице, его образования и связей, его воинского звания и его храбрости, было так много весомых причин, по которым его должны были принять с добротой и учтивостью. Сэр Гай Карлтон, впоследствии лорд Дорчестер, который в то время собирался отправиться в Америку, чтобы сменить сэра Фредерика Холдиманда в правительстве Канады, был хорошо знаком с Шефом. Граф Мойра, впоследствии маркиз Гастингс, служивший в Америке под именем лорда Родона, проникся сильной привязанностью к капитану Бранту и подарил ему свою фотографию в золотой оправе. [FN-2] Покойный генерал сэр Чарльз Стюарт, четвертый сын графа Бьюта, который, служа в Америке, часто спал с ним в одной палатке, питал к нему самое теплое уважение [FN-3] и сердечно признал его своим другом в Лондоне. С покойным герцогом Нортумберлендом, тогда еще лордом Перси, у него также завязалось знакомство в Америке, которое переросло в длительную

привязанность и поддерживалось перепиской, продолжавшейся с перерывами до его смерти. С графом Уориком и другими представителями знати он познакомился во время своего первого визита десять лет назад. Познакомиться с ним также стремились многие выдающиеся государственные деятели и ученые того времени, среди которых были епископ Лондонский Чарльз Фокс, Джеймс Босуэлл и многие другие. Он позировал для своего портрета лорду Перси, как позировал графу Уорiku и Босуэллу, когда впервые приехал в Англию; и Фокс подарил ему серебряную табакерку со своими инициалами. [FN-4] У короля и королевской семьи он был большим любимцем — не в меньшей степени со стороны его Величества за то, что гордо отказался поцеловать ему руку при представлении. Однако смуглый Вождь, отклонив эту церемонию, с такой же галантностью и обходительностью заметил, что он с удовольствием поцеловал бы руку королеве. Георг Третий был человеком слишком здравого смысла, чтобы не оценить чувства своего брата вождя, и он слишком сильно любил свою королеву, чтобы не быть удовлетворенным обращением комплимента в пользу ее Величества таким образом, который не дискредитировал бы самого опытного кавалера двора Елизаветы — сэра Уолтера Рэли.

[FN-1] Письма и мемуары баронессы де Ридесель.

[FN-2] В настоящее время находится во владении супруги полковника Уильяма Дж. Керра, дочери Тайенданеги.

[FN-3] Письмо Томаса Кэмпбелла покойному Джону Бранту, или Ахионвейгу, сыну Тайенданеги; о нем подробнее ниже.

[FN-4] Все еще находится во владении миссис Керр.

Столь же хорошо он пользовался благосклонностью принца Уэльского, который получал большое удовольствие от его общества; иногда приглашая его во время своих прогулок в места, "очень странные для принца", как имел обыкновение замечать старый вождь после смерти. Считается также, что он был случайным гостем за столом принца среди того великолепного круга остроумцев, ораторов и ученых, которые так часто собирались за праздничным столом образованного и роскошного наследника престола. Утверждалось также, что эти ассоциации и свобода, с которой ведущие виги привыкли говорить о короле, оказали неблагоприятное воздействие на умы воина, уменьшив его почтение к королевской должности, если не к личности его Величества.

[FN] Его покойное величество Георг IV.

Но среди всех достопримечательностей мегаполиса и гостеприимства, в котором его призвали принять участие, Вождь не пренебрегал особой целью или *объектами* своей миссии. Он оставил свою нацию страдать от потери имущества и других жертв, которыми, а также своим оружием, они доказали свою лояльность или, скорее, добрую волю к королю как союзникам во время последней войны, и его первой целью было получить облегчение. Требования его народа ранее были представлены на рассмотрение правительства его Величества, как уже приостановленные, сэром Джоном Джонсоном; но, по-видимому, не получив никакого

внимания, 4 января 1786 года капитан Брант направил следующее письмо лорду Сиднею, секретарю его Величества по колониальному департаменту:—

КАПИТАН БРАНТ - лорду Сиднею.

"Мой господин,

"Претензии могавков в связи с их потерями были предъявлены сэром Джоном Джонсоном, генеральным суперинтендантом Его Величества по делам индейцев, генералу Холдиманду, и им представлены вашей светлости, которая не может не быть хорошо проинформирована о том, что их страдания, потери и изгнание из страны, которой долгое время наслаждались их предки и которая осталась им в мирном владении, являются следствием их верной привязанности к королю и рвения, которое они проявили в поддержке дела Его страны против мятежных подданных в Америке.

"Исходя из обещаний, данных губернатором и главнокомандующим Канады, что их потери будут восполнены, и что вскоре, когда я их покину, меня просили напомнить министрам Его Величества об их давней и искренней дружбе к английской нации, за дело которой они и их предки так часто сражались и так много проливали крови, - об их недавних счастливых поселениях до восстания и их нынешнем положении, - и просить, чтобы их требования были удовлетворены, и чтобы были отданы распоряжения о выплате причитающейся им суммы как можно скорее, чтобы дать возможность они должны продолжать заселение, которое они сейчас производят; вкакой—то мере пополнить запасы на своих фермах и приобрести такие предметы и материалы, которые требуются для всех поселений в новых странах и которые не в их силах сделать до того, как им заплатят за их убытки.

"Когда я упоминаю об этих вопросах, с момента моего прибытия в Англию мне сообщают, что отданы приказы, что это будет сделано; что принесет огромное облегчение и удовлетворение тем верным индийцам, у которых хватит духа идти дальше, и их сердца наполнятся благодарностью за великую доброту короля, их отца, которую я прошу от их имени признать и поблагодарить вашу светлость за вашу дружбу.

- ДЖОЗЕФ БРАНТ, *капитан* ор Тайенданеги.

"Лондон, 4 января 1786 года".

В тот же день капитан Брант был удостоен беседы с секретарем, по этому поводу он обратился к его светлости со следующей речью, копия которой была передана в письменном виде.—

Речь капитана Бранта перед лордом Сидни.

"Мой господин,

"Я счастлив оказанной мне честью предстать перед вашей светлостью и иметь возможность обратиться к вам со следующей речью от имени Пяти Объединенных наций индейцев и их союзников в Северной Америке.

"Поскольку причина моего приезда в Англию имеет самые серьезные последствия для всей Индийской Конфедерации, я прошу вашу светлость терпеливо выслушать то, что я собираюсь сказать.

"Мы надеемся, что в этой стране хорошо известна правда о том, какое верное участие мы приняли от их имени в недавнем споре с американцами; и хотя нам сказали, что между вами и ними давно заключен мир, у нас он не урегулирован окончательно, что вызывает большое беспокойство у всех индийских народов.

"Когда мы услышали, что между Его Величеством и американцами заключен мир, мы обратились к генералу Холдиманду в Квебеке с просьбой ознакомиться с нашим положением, одновременно обратившись к нему с речью, которую мы просили передать королю — копию которой я сейчас вручаю вашей светлости.

Указав в этой речи, насколько это было возможно, в нескольких словах, на дружбу, которую мы проявляли к англичанам с самого начала их прибытия в Америку, и сознавая активную роль, которую наши предки и мы принимали в их пользу во всех спорах, которые они вели со своими врагами, мы были поражены, услышав, что о нас забыли в договоре. Несмотря на то, как нам это сказали, мы не могли поверить, что такими верными друзьями и союзниками могла так пренебречь нация, замечательная своей честью и славой, которой мы служили с таким усердием и преданностью. По этой причине мы дружески и конфиденциально обратились к королевскому главнокомандующему в Канаде, желая, чтобы мятежные люди не узнали о том, в какой тревоге мы находимся. С момента произнесения этой речи, почти три года, мы не получали ответа и остаемся в состоянии сильного напряжения и беспокойства на душе. Это хорошо известно офицерам, командовавшим на высших постах в Америке, как и наше рвение к службе Его Величеству во время войны.

"Наши проблемы и огорчения значительно усугубляются многими вещами, сказанными американцами, на которые мы избегали давать какие-либо прямые ответы или вступать в какие-либо отношения до того, как получим ответ. По прибытии сэра Джона Джонсона, нашего генерального суперинтенданта, в Канаду мы надеялись получить его; в полном ожидании этого несколько наших первых и главных начальников приехали в страну, чтобы встретиться с ним и услышать это, и были очень огорчены разочарованием. Тогда было решено, что я должен приехать в Англию, и я надеюсь, что необходимость, с которой мы столкнулись, получить этот ответ послужит мне оправданием за беспокойство, которое я доставляю вашей светлости.

"Это, милорд, самое серьезное желание Пяти Объединенных Наций и всей Индийской Конфедерации, чтобы я мог получить ответ на эту речь; и исходя из нашего нынешнего положения, а также положения американских штатов, которые обследовали и разметили большую часть земель в нашей стране, по нашу сторону пограничной линии, установленной в Форте Стэнвикс в 1765 году, когда мы в последний раз предоставляли какую-либо территорию королю (в это время некоторые губернаторы присутствовали лично, а там, где они этого не сделали, от их имени выступали уполномоченные, наделенные всеми полномочиями).; так что у нас были все основания надеяться, что сделка была обязательной для всех сторон), но из-за их склонности к посягательствам мы обнаружили, что они мало обращают внимания на обязательства и поэтому опасаются немедленных серьезных последствий. Этого мы будем избегать изо всех сил, так же горячо, как мы любим наши земли. Но если это, вопреки нашим

желаниям, произойдет, мы желаем знать, должны ли мы считаться верными союзниками Его Величества и иметь ту поддержку, на которую рассчитывают старые и верные друзья.

"Я прошу позволения сообщить вашей светлости, что ваш ответ на эти вопросы станет средством избавления всех наших народов от того очень беспокойного ожидания, в котором они сейчас находятся, и на это все они надеются по моем возвращении.

"JOS. БРАНТ, капитан, или ТАЙЕНДАНЕГА.

"Лондон, 4 января 1786 года. Достопочтенный. Лорд Сидни."

Посланник лесного вождя не был неудачником, как явствует из прилагаемого сообщения лорда Сиднея — по крайней мере, в том, что касается компенсации, которую потребовали могавки и их союзники из Шести наций: —

Лорд Сидни - КАПИТАНУ БРАНТУ.

"Уайтхолл, 6 апреля 1786 года."

-Сэр,

"Король рассмотрел два письма, которые вы вручили мне 4 января прошлого года в присутствии полковника Джонсона и других офицеров Министерства по делам индейцев; первое из них представляет претензии могавков в связи с потерями, понесенными ими и другими племенами индейцев в результате грабежей, совершенных на их землях американцами во время последней войны; и второе, выражающее желание конфедерации быть проинформированной о том, какой помощи они могут ожидать от этой страны в случае, если они будут вовлечены в споры с американцами относительно их земель, расположенных на территории, подлежащей защите. который Его Величество отказался от своего суверенитета.

"Если бы было признано право отдельных лиц на компенсацию за убытки, понесенные в результате грабежей врага, ни одна страна, какой бы богатой она ни была, не смогла бы прокормить себя под таким бременем, особенно когда противостояние приняло неблагоприятный оборот. На этом основании Его Величество полагает, что, следуя всем принципам справедливости, он мог бы воздержаться от своего королевского согласия на отмену этих требований; но Его Величеству, принимая во внимание ревностные и сердечные усилия своих индийских союзников в поддержку его дела и в качестве доказательства своего самого дружеского расположения к ним, было милостиво угодно согласиться на то, чтобы убытки, уже подтвержденные его генеральным суперинтендантом, были возмещены; что к заявлениям других, которые придерживались той же системы поведения, будет проявлено благосклонное внимание; и что сэр Гай Карлтон, его заместитель, должен быть освобожден от ответственности. Генерал-губернатор своих американских владений примет меры для приведения в исполнение королевских приказов немедленно по прибытии в Квебек.

Он надеется, что такое либеральное поведение Его Величества не оставит сомнений в умах его индийских союзников в том, что он всегда будет готов позаботиться об их будущем благополучии; и что он будет стремиться при каждом удобном случае, когда речь может идти об их счастье, предоставлять им такие дополнительные свидетельства своей королевской милости и поддержки, какие только могут быть предоставлены им при должном уважении к национальной вере, а также к чести и достоинству его короны.

"Его Величество рекомендует своим индийским союзникам продолжать объединяться в своих советах и принимать меры сдержанно; от этого, в сочетании с миролюбивым поведением с их стороны, они должны извлечь много существенных выгод и, скорее всего, обеспечить себе обладание теми правами и привилегиями, которыми до сих пор пользовались их предки.

"Я имею честь быть, с большой искренностью и уважением, сэр, Вашим самым покорным слугой, Сидни.

-Капитану Джозефу Бранту, Тайенданегия."

Похоже, что во время его переговоров с министрами велись разговоры относительно его требования о половинном окладе; но из-за потери документов трудно установить точные обстоятельства дела. Капитан Брант служил в чине Его Величества во время войны в звании капитана. Но, вероятно, это было специальное назначение, а не в регулярной армии, и, следовательно, могли возникнуть сомнения относительно его права на половинное жалованье в связи с сокращением, последовавшим за войной. Однако, независимо от точных обстоятельств дела, такие сомнения были, и они послужили причиной следующего великодушного письма вождя одному из заместителей секретаря его Величества, копия которого сохранилась среди личных бумаг воина:

КАПИТАН БРАНТ - СЭРУ ЭВАНУ НЕПИНУ. (Без даты.)

"Сэр:—

"С тех пор как я имел удовольствие видеть вас в последний раз, я много думал о половинном жаловании, или пенсии, о которой мы с вами говорили.

"Мне действительно жаль, что я когда-либо говорил тебе об этом. На самом деле это было благодаря обещаниям, данным мне определенными лицами несколько раз во время последней войны, что я всегда буду пользоваться поддержкой правительства, как во время войны, так и в мирное время. В то время я никогда не просил ни одну организацию давать мне такое обещание. Это было по их собственной воле.

- Когда я присоединился к англичанам в начале войны, это было исключительно из-за обязательств моих предков перед королем. Я всегда относился к этим обязательствам, или пактам, между королем и индийскими народами как к чему-то священному. Поэтому меня не должны были пугать угрозы повстанцев в то время. Уверяю вас, у меня не было другой точки зрения на это. И это было моим настоящим делом с самого начала.

Однако после этого англичане выплатили мне жалованье и дали поручение от главнокомандующего, которое я с радостью принял как знак внимания, хотя никогда не просил об этом; и я полагаю, что мои хлопоты и риск были не менее ценны, чем знаки внимания, которые я получал; я уверен, что не слишком много в глазах индейцев, иначе я не принял бы их, поскольку мне было бы жаль возбуждать зависть. Я хотел упомянуть вам об этих вещах, потому что я видел, что с вашей стороны возникли некоторые трудности с тем, как поступить в этом вопросе относительно половинного жалованья или пенсии; и когда это кажется неясным, мне было бы жаль принять это. Поэтому я умоляю вас больше не говорить об этом; ибо, если бы я

получил это, когда были сомнения в уместности этого, я не был бы счастлив. По этой причине я думаю, что лучше всего обойтись без этого.

"Сейчас я, сэр, умоляю вас передать мою наилучшую благодарность правительству за то, что они [сделали] для меня, и я, сэр,

"Ваш самый покорный слуга, ДЖОЗЕФ БРАНТ.

"Сэру Эвану Нипину, заместителю госсекретаря, у себя дома."

В этом письме присутствуют откровенность и мужественность тона и духа, которые иллюстрируют поразительную черту характера автора и достойны высокого одобрения. Это единственный сохранившийся документ, имеющий какое-либо значение, связанный с командировкой капитана в Англию, в дополнение к уже цитированным.

Визит вождя, должно быть, был в высшей степени приятным, поскольку в дополнение к успеху, увенчавшему его труды по удовлетворению требований индейцев, он приложил все усилия, чтобы его пребывание в Лондоне приносило непрерывное удовлетворение. Он был обласкан знатью и вельможами, и ему одинаково были рады при дворе или на банкетах у наследника престола, который, при всех своих недостатках, был "первым джентльменом в королевстве"; он сам был прекрасным знатоком классической литературы и любителем гения и интеллекта - литераторов и литераторов — искрометного остроумия, а также вина. Среди его самых частых гостей были Фокс, Берк и Шеридан, а также другие представители этой великолепной плеяды красноречия и интеллекта — главные силы оппозиции в Палате общин, — которые в то время грелись в лучах благосклонности принца и жили надеждой на более значительные достижения в будущем. Несмотря на недостаток своих литературных приобретений, Брант, обладая большой силой ума и проницательностью наблюдения, обладал, более того, достаточным вкусом и образованностью, чтобы ценить общество, даже такого возвышенного и интеллектуального характера. Природная сдержанность индийского темперамента, которую он мог принять на себя или выплеснуть в свое удовольствие, и, обладая острым чувством смешного, он сам мог использовать оружие юмора и сарказма с изрядной долей мастерства и ловкости.

В хорошо проверенной традиции сохранилось несколько анекдотов, иллюстрирующих эти черты характера. Одно из них заключается в следующем: Среди высокопоставленных джентльменов, с которыми был знаком Брант, был дворянин, о котором ходили скандальные слухи, что его место было куплено за счет незаконных услуг, оказанных другому его красавицей женой. Однажды его светлость решил поговорить с лесным вождем о диких нравах и обычаях индейцев, которых они упорно придерживались, несмотря на все попытки улучшить их с помощью достижений цивилизации. Были подробно описаны некоторые из их абсурдных обычаев, которые англичане, как заметил его светлость, считали очень странными. Брант слушал очень терпеливо, пока не настала его очередь говорить, и тогда он ответил, что в Англии тоже есть обычаи, которые индейцы считают очень странными. - И, скажите на милость, что же это такое? - поинтересовался его светлость. "Ну, - ответил вождь, - индейцы слышали, что в Англии люди, прирожденные вожди, продают добродетель своих скво за место и за деньги покупают у них оленину". Ирокез занимал положение, которое позволяло ему безнаказанно

говорить все, что ему заблагорассудится. Но в данном случае упрек был вдвойне уничтожающим — из-за серьезности и напускной простоты, с которыми он был произнесен, и уверенности в том, что титулованный джентльмен не мог ошибиться в направлении стрелы, в то время как он не мог ни парировать, ни уклониться, ни сделать вид, что заметил это.

Во время его пребывания в Лондоне был устроен грандиозный маскарад, на котором присутствовало множество представителей знати. Капитан Брант, по примеру графа Мойры, также присутствовал, богато одетый в костюм своей нации, без маски, но с накрашенной половиной лица. Его плюмажи на шапке колыхались так гордо, словно в его жилах текла кровь ста перси, а томагавк сверкал на поясе, как начищенное серебро. Точно так же в веселой и галантной толпе был статный турецкий *дипломат* высокого ранга в сопровождении двух гурий, чье внимание особенно привлек гротескный вид необычного и, как он предполагал, фантастического наряда вождя. Зрелище было таким блестящим, какого только могло пожелать воображение; но среди всей пестрой толпы паломников и воинов, отшельников и пастухов, рыцарей, девиц и цыган на взгляд мусульманина не было персонажа столь живописного и поразительного, как ирокез; который, будучи естественным, казался лучше всего выдуманным. Он очень внимательно осмотрел вождя, и, приняв его *румяный и нуарный* цвет лица за размалеванный козырек, турок позволил себе попробовать взяться за его нос. Брант, конечно, наблюдал за ходом своего наблюдения и проникся юмором маленького спорта. Поэтому, как только Хасан коснулся своего почетного места на лице, ошибочно полагая, что оно сделано не из лучшего материала, чем пергаментный нос страсбургского трубача, Вождь огласил зал ужасающим боевым кличем, и в то же мгновение томагавк соскочил с его пояса и пронесся над головой изумленного мусульманина, как будто еще минута - и его добрый повелитель, султан, будет избавлен от любых будущих хлопот, связанных с его снятием. Такой пронзительный и устрашающий крик никогда прежде не раздавался в этом *салоне* моды; и, внезапно обрушившись с поразительной дикостью на уши веселящейся толпы, он произвел потрясающее впечатление. Сам турок дрожал от ужаса, в то время как женщины — маскарадницы - нежные пастушки и гадалки, турки, евреи и цыганки, вожаки медведей и их медведицы, Фальстафы, монахи и гадалки, султаны, медсестры и коломбины - визжали, визжали и убегали прочь, как будто могавки ворвались в праздничный зал всем скопом. Дело, однако, вскоре разъяснилось, и в конце концов инцидент был признан столь же счастливым, поскольку добродушный Ирокез ловко разыграл его. [FN]

Британский журнал несколько иначе описал этот инцидент, заявив, что Брант поднял оружие совершенно серьезно; он воспринял свободу турка как настоящее оскорбление. Но это было явно не так. Его друзья никогда этого не понимали.

Но ни светские удовольствия, ни безумства принца Уэльского, ни особая цель его миссии, ни политические амбиции, которые он лелеял, не заставили его забыть о моральных потребностях своего народа. Несмотря на непрерывную деятельность в своей жизни, он нашел время перевести Евангелие от Марка на язык могавков; и поскольку большинство ранее использовавшихся индийских молитвенников и псалмопевцев были либо утеряны, либо уничтожены во время войны, Общество распространения Евангелия в зарубежных странах выбрало возможность для его визита, чтобы выпустить новое и улучшенное издание этого труда под личным руководством Бранта, включая Евангелие от Марка в его переводе. Это было первое

из Евангелий, когда-либо переведенных полностью на язык ирокезов. Книга была элегантно напечатана крупным шрифтом октаво под непосредственным покровительством короля. Она была напечатана попеременно на английском и ирокезском языках; в томе содержались псалмы и отдельные молитвы, которые были опубликованы до этого, а также службы причастия, крещения, вступления в брак и погребения мертвых. Он был украшен несколькими гравюрами из Священных Писаний, элегантными для уровня искусства того времени; фронтиспис, изображающий интерьер часовни, с портретами короля и королевы, епископа, стоящего по обе стороны от них, и групп индейцев, получающих священные книги из рук обоих их Величеств.
[FN]

[FN] Красивый экземпляр этой ценной книги в позолоченном сафьяновом переплете был одолжен автору миссис Керр. Он принадлежал вдове старого вождя и содержит запись о его смерти.

Неизвестно, в какое время 1786 года капитан Брант повернулся спиной к веселой столице Англии, чтобы снова спрятаться в густых лесах навстречу заходящему солнцу. Однако это должно было произойти вскоре после получения депеши лорда Сиднея от 6 апреля, поскольку среди бумаг шефа есть письмо, адресованное ему после его возвращения майором Мэтьюзом, который был прикреплен к военной семье сэра Гая Карлтона, датированное Монреалем 24 июля 1786 года. В начале следующего декабря его также можно будет застать на заседании Индийского совета далеко в стране Великих озер.

ГЛАВА IX.

Трудности между Великобританией и США после заключения договора—отказ от бывшего, чтобы сдать западным постов—миссии Барон Штойбен в Канаду—признаки свежей индийских военных действий—движений капитан Брант—великого индийского Совета по Гуронской деревне—адрес в США—письма министра обороны, генерал Нокс, капитан Брант—письмо сэра Джона Джонсона Брант—письмо майора Мэтьюза, чтобы Брант раскрывая взгляды Лорд Дорчестер соблюдая удержание западной постов—сообщение с гурунами в пяти Объединенных Наций, предложив еще один большой совет—препараты генерал Сент-Клер для переговоров с индейцами—Брант начинает недоверие их всех—буква Брант Патрик Ланган Сэр

Джон Джонсон секретарь—буква Брант сэр Джон Джонсон—Большой Совет в Майами—письма капитана Бранта Патрик Ланган—Сент-Клер переговоров в Fort Harmar—политика разделяй и властвуй—письма капитана Бранта крупных Мэтьюз—зависть Брант среди индейцев—Совет против него в Монреале—письмо к нему от крупных Мэтьюз—буква Брант в ответ—письмо полковника М.³ Доннел—подозрение на заговор против англичан в Детройте, и Брант и его ирокезами, к Гуронам, chippewas B, и Pottawattamies—письмо от сэра Джона Джонсона Брант—Брант обращает свое внимание на выращивании буквы—стремится получить заявил миссионер—возобновляет подготовку религиозные книги—письмо от президента Уиллард—Джон Нортон—Земли трудностей, среди индейцев в штате Нью-Йорк—письмо от губернатора Клинтон Брант.

К сожалению, мирный договор не привел Соединенные Штаты и Великобританию немедленно к такому хорошему взаимопониманию друг с другом, как можно было бы желать. Оставалось решить несколько важных вопросов. В договоре предлагалось общее восстановление конфискованного имущества всем тем лоялистам, которые фактически не носили оружия на службе королю. Американский конгресс принял резолюцию, рекомендующую выполнение этого пункта договора несколькими штатами; но он не был признан обязательным, и только Южная Каролина приблизилась к его соблюдению. Аналогичным образом, в договоре было четкое положение, касающееся выплаты долгов, причитающихся американцами британским подданным, не основывающееся только на рекомендации; выполнением которой, к сожалению, пренебрегали. Действительно, государства, на которых в основном лежали эти долги, слишком явно демонстрировали неготовность содействовать приведению этого условия в действие. С другой стороны, негры, принадлежавшие американским гражданам, которые находились во владении и на службе у офицеров британской армии, не были восстановлены; и, вопреки всем ожиданиям, Великобритания отказалась сдать военные посты на американской стороне великих озер. Передача этих постов ожидалась со всей добросовестностью как одно из самых непосредственных последствий ратификации договора. С этой целью Конгресс поручил Главнокомандующему принять все необходимые меры для приема и занятия постов летом 1783 года; и в июле того же года генерал Вашингтон отправил барона Стюбена с миссией к сэру Фредерику Холдиманду в Квебек, чтобы согласовать необходимую диспозицию и проследовать вдоль границ до Детройта, осмотреть различные посты и доложить об их состоянии, а также о том, сколько и какие из них было бы целесообразно постоянно занимать Соединенным Штатам. [FN-1] Барон встретил генерала Холдиманда в Сореле, направлявшегося лично посетить страну озер. Но, сообщив о своем деле, британский командующий сообщил ему, что он не получал никаких инструкций об эвакуации постов или о каких-либо других целях, кроме прекращения боевых действий, которые он выполнил. Он не считал себя вправе вступать в какие-либо переговоры с бароном по этому вопросу и даже отказал ему в необходимых паспортах для посещения Ниагары и Детройта. [FN-2] В дополнение к этому, под предлогом того, что правительство Соединенных Штатов не обладало достаточными полномочиями для обеспечения соблюдения торгового договора, Великобритания отказалась участвовать в переговорах по такому документу. [FN-3] В таком положении — правительство и народ каждой страны жаловались на другую — последовали уголовные и взаимные обвинения, пока общественное мнение не стало раздраженным почти до отчаяния.

[FN-1] Письмо Вашингтона генералу Холдиманду, 12 июля 1783 г. Кроме того, те же инструкции барону Штойбену.

[FN-2] Искры.

[FN-3] Факт был слишком верен. После того как общая опасность войны перестала связывать Штаты воедино, статьи Конфедерации превратились в веревку из песка. Правительство действительно было весьма шатким до принятия Конституции 1787 года.

Тем временем индейцы, размышлявшие о реальных или воображаемых обидах, причиненных им по договору в Форт-Стэнвиксе, и раздраженные поступательным потоком белого населения, продвигавшегося в их собственном направлении, становились беспокойными; особенно более отдаленные племена на юго-западе; и их передвижения свидетельствовали о чем угодно, только не о мирных намерениях. Действительно, на некоторых участках западной границы, особенно на реке Огайо, едва ли можно было сказать, что там царил мир. Как в 1785, так и в 1786 году акты индивидуальной вражды были нередки на берегах Огайо и на границе с Кентукки; и в оба этих года более крупные группы неоднократно нападали на экипажи лодок, спускавшихся по реке. Точно так же было достоверно, что прошло всего два года после окончания войны, прежде чем, как предполагалось, сформировалось враждебное объединение великих северо-западных держав; и на предыдущих страницах было приведено документальное подтверждение того, что могущественный и влиятельный посланник в лице капитана Бранта был проинструктирован этими нациями выяснить в перспективе размер помощи, которую они могли бы, в случае военных действий, ожидать получить от Великобритании. Это правда, что лорд Сидни в своем ответе на послание Тайенданеги избегал каких-либо обязательств по этому вопросу. Но послание вождя племени ирокезов и ответ министра в тот день были одинаково неизвестны широкой публике. И все же именно удержанию постов на озерах приписывались враждебный настрой, проявляемый индейцами, и их частые бесчинства на границе; как будет показано ниже, с большей справедливостью, чем Великобритания была бы готова допустить.

Более того, поведение капитана Бранта, проиллюстрированное его частной перепиской, а также его публичными действиями, в настоящее время будет казаться очень загадочным, если не двусмысленным. Уйдя со своим народом в Канаду, могавки не вышли из Конфедерации Шести наций, и Тайенданега не отказался от своего официального звания главного или вышестоящего вождя целого, хотя пятеро из них остались в Соединенных Штатах. Разногласия, которые таким образом рано возникли между Соединенными Штатами и индейцами, возникли из-за вопроса о границе; последние утверждали, что река Огайо не должна пересекаться жителями первых. Капитан Брант поддерживал интересы индейцев в целом в этом вопросе и рано и энергично приложил усилия к созданию великой конфедерации всех северо-западных племен и наций, главой которой, как полагают, он намеревался стать. Первые шаги к формированию такой конфедерации, как читатель уже видел, были предприняты в 1785 году, до его отъезда в Англию. По возвращении в следующем году его усилия по достижению этой цели были возобновлены. В декабре 1786 года в деревне Гурон, недалеко от устья реки Детройт, состоялся большой конфедеративный совет индейцев к северо-западу от Огайо, включающий представителей Шести наций. На этом совете присутствовали представители Шести наций, а также гуроны, оттава, твичти, [миами,] шаванцы, чиппева, чероки, делавары, потаваттамы и конфедераты уобаши. 18 числа того же месяца было согласовано обращение к Конгрессу Соединенных Штатов, тон которого был миролюбивым — при условии, что Соединенные Штаты

не будут посягать на их земли за пределами штата Огайо. После заявления о своем удивлении по поводу того, что они не были включены в мирный договор, они заметили, что, тем не менее, получили послание от короля, в котором им советовалось сохранять спокойствие. Они также получили два очень приятных послания от тринадцати штатов, исходя из содержания которых, они ожидали периода покоя. Но пока они разрабатывали наилучшие меры для обеспечения этого результата и установления прочного примирения - пока у них были "самые лучшие мысли в головах, случилось несчастье". Тем не менее, они стремились предотвратить дальнейшие беспорядки, в качестве основного средства для чего они рекомендовали, чтобы Соединенные Штаты не заключали никаких договоров с отдельными индейскими племенами или нациями; но чтобы все договоры о землях обсуждались открыто и открыто, самым публичным образом и единым голосом Конфедерации. Они приписывали возникший "вред и неразбериху" тому факту, что Соединенные Штаты будут все делать по—своему - что они будут "разжигать костры совета везде, где сочтут нужным, не советуясь с индейцами". При заключении мирного договора в Форт-Стэнвиксе в 1784 году они настаивали на иной политике; и они полагали, что, если бы рекомендованный тогда курс на ведение переговоров только на генеральной конференции наций был продолжен, между ними сохранялись бы мир и согласие. Несмотря на произошедшие неприятности, совет заявил о своем твердом стремлении к миру. "Это, - сказали они, - решимость всех вождей Конфедерации, собравшихся сейчас, несмотря на то, что несколько индейских вождей были убиты в наших деревнях, даже когда они были на совете и когда были полностью заняты продвижением мира с вами, тринадцатью Соединенными Штатами". Чтобы обеспечить этот желаемый результат, они предложили созвать большой совет конфедерации следующей весной в каком-нибудь отдаленном месте, рекомендуя Соединенным Штатам тем временем помешать их геодезистам и другим людям переходить на индейскую сторону Огайо. Это важное обращение завершалось следующими словами: "Братья: Не будет нашей вины, если планы, которые мы вам предложили, не будут приведены в исполнение. В этом случае ситуация будет очень опасной, и если последуют новые разрывы, мы надеемся, что сможем оправдать себя, и, несомненно, нашими объединенными силами будем вынуждены защищать те права и привилегии, которые были переданы нам нашими предками; и если мы из-за этого обречены на несчастья, мир пожалеет нас, когда подумает о дружественных предложениях, которые мы сейчас делаем, чтобы предотвратить ненужное кровопролитие. Таковы наши мысли и твердые решения, и мы искренне желаем, чтобы вы как можно скорее передали нам свой ответ, каким бы он ни был".

Письмо генерала Нокса, военного министра, от 11 мая 1786 г.

Это обращение, ультиматум, предшествовавший всеобщей войне, которая разразилась впоследствии, было подписано не отдельными вождями, а нацией, причем название нации было написано, а птица или животное, принятое в качестве национальной эмблемы, грубо нанесено на бумагу. Тайенданегеа присутствовал и принимал активное участие в этом совете, как явствует из прилагаемого письма, найденного среди его бумаг, от военного министра США генерала Нокса:

"ГЕНЕРАЛ НОКС КАПИТАНУ БРАНТУ.

"Военное министерство, 23 июля 1787 г.

"Сэр:—

"17-го числа, не раньше, я получил ваше письмо, датированное "Город Гурон, 18 декабря 1786 года", к которому прилагается оригинальная речь нескольких индейских народов, собравшихся в одно время и в одном месте, к Соединенным Штатам в Конгрессе.

"Из информации генерала Батлера, суперинтенданта, явствует, что шаванцы не отправили вышеуказанные депеши в то время, когда ожидалось, что они это сделают; и из письма капитана Пайпа из делаваров и полукороля вайандотов, датированного в Сандаски 3 июня, следует, что они, наконец, отправили депеши в Форт Питт - куда, и в то же время, прибыли ваши гонцы с вашими письмами к генералу Батлеру, датированными Буффало Крик, 16 мая 1787 года, с приложением копия или перевод речи вождей, переданной капитаном Пайпом и полукоролем вайандотов.

Я упоминаю эти обстоятельства, чтобы убедить вас в том, что результатом вашего совета в деревне гурунов в декабре стало долгое путешествие в этот город.

После получения ваших документов они были представлены Конгрессу, который принял их к сведению и вскоре примет по ним какое-либо решение, о котором будет сообщено суперинтенданту для передачи вам.

"Имею честь быть, сэр, Вашим самым покорным слугой, Х. Ноксом.

-Полковник Джозеф Брант, один из вождей племени могавков.-

Ни предыдущее письмо, ни то, в ответ на которое оно было написано, не сохранились в архивах Военного министерства США. Подпись "*Пяти наций*", однако, стояла во главе списка, и, учитывая ранг и высокий интеллект Тайенданеги, не может быть никаких сомнений в том, что обращение к правительству Соединенных Штатов было продиктовано, если не написано, им самим. О том, что это полностью соответствовало его взглядам, наиболее полно свидетельствует следующее письмо сэра Джона Джонсона. Это письмо достойно сохранения, поскольку представляет собой первое достоверное свидетельство двусмысленной позиции Великобритании в отношении отношений Соединенных Штатов с Индией.

"Сэр Джон Джонсон капитану Бранту.

"Квебек, 22 марта 1787 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Я получил ваше письмо от 14 февраля. Я рад узнать, что все обернулось так, как вы желали на ваших нескольких встречах в индейской стране близ Детройта, и я надеюсь, что это может возыметь желаемый вами эффект в предотвращении вторжения американцев на ваши земли. Ваше поведение, я надеюсь, ради вашего же блага, всегда будет таким, чтобы оправдать хорошее мнение, которое сложилось о вас у ваших друзей-англичан, и таким, которое заслужит продолжения их дружбы. Я надеюсь, что во всех своих решениях вы будете вести себя

благоразумно и умеренно, всегда помня о дружбе, которая так долго существовала между вами и подданными короля, на которых одних вы можете и должны полагаться. У вас нет причин опасаться нарушения обещания со стороны короля. Разве он не дает каждый год новые доказательства своей дружбы? Чего большего вы могли бы ожидать, чем то, что сейчас будет осуществлено путем предоставления достаточной компенсации за ваши потери, в которой до сих пор отказано нам, его подданным? Не позволяйте плохим людям или злым советчикам сбивать вас с пути истинного; все, что разумно и согласуется с дружбой, которая должна быть сохранена между нами, будет сделано для всех вас. Не допускайте, чтобы идея занимала место в вашем сознании, что в ваших интересах сидеть спокойно и смотреть, как американцы пытаются занять посты. [FN-1] Мы храним их главным образом, если не полностью, ради вас. Если вы станете к ним равнодушны, от них, возможно, придется отказаться; какую безопасность вы тогда получите? Вы были бы оставлены на милость людей, чья кровь громко взывает к мести; в то время как, поддерживая их, вы поощряете нас удерживать их и поощрять новые поселения, уже значительные и с каждым днем увеличивающиеся за счет прибывающих людей, которые обнаруживают, что не могут жить в Штатах. Многие тысячи готовятся войти. Это увеличение числа подданных его Величества послужит вам защитой на тот случай, если подданные Штатов, пытаясь совершить дальнейшие посягательства на вас, нарушат ваш покой. В настоящее время я думаю, что мало чего можно опасаться ни от кого, кроме Южных штатов; те, что на востоке, уже противостоят друг другу с оружием в руках [FN-2] и пролили кровь, и беспорядки, похоже, распространяются повсюду. Люди с характером приезжают сюда, чтобы посмотреть, не будет ли им оказана помощь; и народ Новой Англии, который был самым жестоким в начале войны, теперь больше всего желает вернуться под власть британского правительства, если Великобритания склонится к тому, чтобы принять их, чего, как многие думают, они не захотят ".

[FN-1] Освегачи, Освего, Ниагара, Детройт и Макино — удерживаются Соединенными Штатами, как указано ранее в тексте.

[FN-2] Этот намек относится к памятному восстанию капитана Шейса в Массачусетсе.

"Передайте от меня самые дружеские пожелания миссис Брант, всей вашей семье и всем моим братьям в вашем поселке и скажите им, чтобы они были терпеливы, и что они обнаружат, что все, что было им обещано, насколько мне известно, будет выполнено. Я надеюсь увидеть вас в течение лета; а пока я остаюсь с истиной,

"Дорогой сэръ, Ваш друг и покорный слуга, Джон Джонсон". [FN]

[FN] Скопировано с оригинала, среди бумаг Бранта.

Цель этого сообщения будет видна с первого взгляда. К сожалению, письмо Тайенданегеа, излагающее частную историю великого амфикинического совета индейцев, не было обнаружено. Тем не менее, из сохранившихся разрозненных писем можно узнать достаточно, чтобы показать, что Великобритания отнюдь не была безразличным наблюдателем за надвигающейся на северо-запад бурей. Также очевидно, что офицеры короны в Канаде радовались восстанию капитана Шейса в Массачусетсе, которое, хотя и имело угрожающее значение в какой-то момент, было подавлено всего за несколько дней до того, как было

написано письмо баронета, о результате которого он тогда не был проинформирован. Это восстание было следствием, в основном, слабости правительства конфедерации. К счастью, однако, вместо того, чтобы нанести еще больший ущерб республике, его влияние оказалось немалым в более прочном объединении штатов посредством Конституции, которая возникла на обломках старых Статей Конфедерации в течение того же года. В письме сэра Джона есть еще одна особенность, заслуживающая внимания. Это раскрывает тот факт, что уже в 1787 году британские власти усвоили абсурдную идею о том, что народ Новой Англии, который первым поднял знамя восстания, устав от своей свободы, добивался расчленения Союза, чтобы снова броситься в объятия своего бывшего суверена. Эта идея была искоренена только после провала жалкой интриги канадской администрации сэра Джеймса Х. Крейга с никчемным парнем по имени Джон Генри в 1810 году.

Великобритания не только продолжала удерживать контроль над северо-западными форпостами, но и увеличила их численность. Дополнительный свет на этот вопрос и политику, которой она руководствовалась в связи с ним, проливает следующее письмо. Оно было адресовано капитану Бранту майором Мэтьюзом, чье имя уже упоминалось как офицера из свиты сэра Гая Карлтона— который теперь стал лордом Дорчестером. Мэтьюз был назначен командующим Детройтом и направлялся туда, когда было написано письмо:

-МАЙОР МЭТЬЮЗ ВЫЗЫВАЕТ КАПИТАНА БРАНТА.

"Niagara, 29 мая 1787 года.

"Мой Дорогой Друг,

"За несколько дней до моего отъезда из Квебека я имел удовольствие получить ваше письмо от 3 апреля и был счастлив от перспективы так скоро ответить на него лично и еще раз пожать друг другу руки на нашей старой земле. По прибытии вчера я был очень разочарован, услышав, что вы покинули это место и отправились дорогой, которая в настоящее время препятствует нашей встрече; ибо, хотя я ничего так не желаю, как нанести вам визит в вашем поселении и побеседовать с вами, депеша, которую я вынужден отправить в Детройт, делает это невозможным. Поэтому я сажусь, чтобы поблагодарить вас за информацию, содержащуюся в вашем последнем письме, и возобновить наше старое соглашение свободно сообщать друг другу все, что мы можем знать или думать, для взаимной выгоды и благополучия этого дела, которое всегда было общим и которое, я убежден, одинаково дорого нам обоим; и поскольку я лучше осведомлен о том, что касается положения дел в этой сфере, чем когда я писал вам в последний раз, я начну с сообщения вам о том, чего хотел бы от меня его Превосходительство лорд Дорчестер, если бы мне довелось встретиться с вами. Его светлость желает, чтобы вы знали, что, когда он прибыл в Квебек прошлой осенью, было слишком поздно переправлять что-либо, кроме небольшого количества провизии, необходимой для почты и индейцев, часть которой даже не могла быть доставлена из-за льда; но что он не забыл о подарках, предназначенных для индейцев, и, как только открылось сообщение, приказал прислать их из Монреаля. В то же время его светлость с сожалением узнал, что, пока индейцы просили его помощи в своих приготовлениях к войне, некоторые из Шести наций послали представителей в Олбани для переговоров с американцами, которые, как говорят, заключили с ними договор,

разрешающий прокладывать дороги с целью подойти к Ниагаре; но, несмотря на это, индейцы должны получить свои подарки, поскольку они являются знаками одобрения королем их прежнего поведения. В будущем его светлость желает, чтобы они действовали так, как лучше для их интересов; он не может начать войну с американцами, потому что некоторые из их людей вторгаются в некоторые районы индейской страны и совершают грабежи; но они должны видеть, что его светлость намерен защищать посты; и что, пока они сохраняются, индейцы должны чувствовать себя в них в большей безопасности, и, следовательно, американцам будет труднее завладеть их землями; но если они однажды станут хозяевами постов, они окружат индейцев и достигнут своей цели без особых проблем. Исходя из всего этого, следовательно, индейцам остается решить, что больше всего отвечает их собственным интересам, и сообщить его светлости об их решимости, чтобы он мог принять соответствующие меры; но, каким бы ни было их решение, оно должно приниматься одним и тем же народом, благодаря чему они будут пользоваться уважением и станут сильными; но если они разделятся и будут действовать одна часть против другой, они ослабнут и помогут уничтожить друг друга. Вот, мой дорогой Джозеф, суть того, что его светлость просил меня сообщить вам, и я прошу вас отнестись к его чувствам с тем зрелым вниманием, которого, как должно казаться всему миру, заслуживают их справедливость, великодушие и желание способствовать благополучию и счастью индейцев.

"В вашем письме ко мне вы, кажется, опасаетесь, что англичане не очень заботятся об обороне постов. Вы скоро убедитесь, что у них больше ничего нет на сердце, при условии, что это по-прежнему остается желанием индейцев, и что они остаются твердыми в выполнении своей части бизнеса, препятствуя вторжению американцев в их страну и, следовательно, маршированию к постам. С другой стороны, если индейцы считают, что в их интересах, чтобы американцы овладели постами и обосновались в их стране, они должны заявить, что англичанам больше не нужно подвергать огромным и ненужным расходам и неудобствам содержание постов, главной целью которых является защита их индийских союзников и лоялистов, которые пострадали вместе с ними. Хорошо известно, что англичане никогда не посягали и никогда не будут посягать на земли или собственность индейцев вследствие их владения постами, и насколько далеко это зайдет, если американцы когда-нибудь проникнут в них, можно очень легко представить по их враждебному упорству, даже без этого преимущества, в изгнании индейцев с их земель и вступлении во владение ими.

Что касается меня, то я должен сообщить вам, что в связи с сообщениями, которые достигли Квебека из верхней части страны относительно намерений американцев в отношении постов, лорд Дорчестер был рад разрешить мне принять командование Детройтом, в котором находится гарнизон полка, в котором я нахожусь, и приказал направить другой полк для защиты постов в целом, две роты из которых под командованием вашего знакомого, капитана Малькольма, прибыли со мной в Сенеку, и я должен взять две роты 53-го полка отсюда, чтобы усилить Детройт. так что, я думаю, нам будет мало чего опасаться от того, что американцы могут предпринять. Признаюсь вам, я понятия не имею, что у них есть какие-либо серьезные намерения подобного рода, тех немногих войск, которые они могут собрать, недостаточно для поддержки своего правительства; кроме того, они подняли мятеж и режут друг другу глотки. Люди в такой ситуации едва ли способны провести значительные армии с артиллерией и необходимыми припасами (которые у них должны быть для успеха) через далекую и труднодоступную страну.

"Прилагаю письмо от сэра Джона Джонсона. Вероятно, вам сообщат, что подарки, упомянутые лордом Дорчестером, отправлены; они пересекли озеро на корабле вместе со мной и хранятся здесь, ожидая прибытия сэра Джона для их раздачи.

"По пути в Южный совет я буду надеяться на удовлетворение от встречи с вами в Детройте; тем временем я остаюсь с самым искренним уважением,

"Мой дорогой друг, Ваш верный и послушный слуга, Р. Мэтьюз.

- Если миссис Брант с вами, прошу вас, порекомендуйте ей меня самым добрым образом.

Не может быть никаких недоразумений относительно смысла этого письма. Лорд Дорчестер взял бы на себя не больше обязательств по вопросу о прямом участии в случае фактического объявления военных действий между Индийской конфедерацией и американцами, чем это сделал лорд Сидни. Капитан, ныне майор Мэтьюз, стремился посоветоваться с капитаном Брантом "ради взаимной выгоды и благополучия *этого дела*, которое всегда было общим и одинаково дорогим" и т. Д. Его светлость желал, чтобы индейцы действовали так, как лучше для их собственных интересов — "он не мог *начать* войну с американцами", но "они должны видеть, что его светлость намеревался защищать посты; и пока они были сохранены, индейцы должны были чувствовать себя в них в большей безопасности, а американцам было труднее завладеть их землями" и т.д. Действительно, весь смысл письма состоял в том, чтобы разжечь в сердцах индейцев чувство враждебности к Соединенным Штатам при обоюдном понимании того, что британское правительство сохраняло посты в интересах Соединенных Штатов. индейцев; в то время как военные действия индейцев, если они начнутся, послужат сдерживанию или предотвращению того, чтобы американцы завладели ими.

Нет ни печатных, ни письменных свидетельств, из которых можно было бы извлечь какую-либо дополнительную информацию о поведении и передвижениях капитана Бранта в течение оставшегося 1787 года. Задержка с передачей его депеш правительству Соединенных Штатов, упомянутая в письме генерала Нокса, конечно, разочаровала индейцев в их ожиданиях скорейшего ответа от Конгресса. Вследствие этой задержки западные индейцы создали еще один большой совет, о котором среди бумаг капитана Бранта есть следующее уведомление его нации:

"ПОСЛАНИЕ ГУРОНОВ ДЕТРОЙТА ПЯТИ НАЦИЯМ.

"2-го января, 1788 года.

"БРАТЬЯ,

"До нас пока не дошло ответа на сообщения, отправленные американцам о роспуске нашего Генерального совета, и маловероятно, что мы получим от них известия до того, как состоится

наша следующая встреча; обстоятельство, которое должно ускорить наше дело. Таким образом, нации до сих пор придерживались обязательств, взятых до того, как мы расстались, по крайней мере, насколько нам стало известно; и мы намерены немедленно призвать их к этому совещанию, которое будет открыто в назначенное время; чтобы без дальнейших проволочек можно было окончательно принять некоторые решительные меры в наших будущих интересах, которые должны определять впредь поведение всех наций в нашем союзе; и мы намерены провести этот совет последним для этой цели; поэтому нам нет необходимости далее настаивать на непреложной необходимости присутствия всех наций при завершении дел, имеющих тенденцию к столь многое для их собственного будущего благополучия и счастья. И мы особым образом желаем, чтобы вы, Пять наций, были сильны и пунктуальны в своем обещании быть с нами рано и вовремя; и чтобы на этом мероприятии присутствовали не только воины, но и вожди нескольких ваших наций. Поэтому мы постараемся собрать как можно больше западных и южных индейцев.

"Нити Вампума."

К этому обращению к пяти нациям прилагалось другое обращение такого же значения (с той лишь разницей, что в нем выражалось недовольство гуронов работой бывшего большого совета), адресованное другим племенам канадских индейцев и призывающее их весной собраться у большого костра совета Конфедерации.

Из следующих трех писем, которые будут представлены последовательно, следует, что капитан Брант готовился в марте принять участие в предлагаемом совете и что, посетив упомянутый совет, его взгляды стали более миролюбивыми. Однако он начал не доверять всем народам своей собственной конфедерации, за исключением только ирокезов — и, вероятно, не без оснований. Конгресс Соединенных Штатов осенью предыдущего года дал инструкции генерал-майору Сент-Клеру, тогдашнему губернатору Северо-западной территории, особенно тщательно изучить характер индейцев, и, если он обнаружит, что они по-прежнему враждебны, попытаться заключить с ними настолько общий договор, насколько это возможно; и хотя покупка права индейцев на землю не рассматривалась в качестве первоочередной цели, все же ему было поручено, если возможно, аннулировать их титул на запад до реки Миссисипи. Вскоре будет видно, что у Бранта даже на таком раннем этапе были основания предполагать, что в войне с Соединенными Штатами большинство из Пяти наций не окажется при оружии. Джентльменом, которому были адресованы два из этих писем, был Патрик Ланган, эсквайр, личный секретарь сэра Джона Джонсона:

"КАПИТАН БРАНТ ЛЕЙТЕНАНТУ ЛАНГАНУ. [FN]

"Гранд-Ривер, 20 марта 1788 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Я надеюсь, что вы наслаждались своим здоровьем с тех пор, как я имел удовольствие видеть вас в последний раз. Мы не получали никаких особых новостей с юга, только они готовятся провести еще один большой Совет в этой стране ранней весной, и я обязан лично присутствовать там. Что касается Пяти наций, то большинство из них продались дьяволу — я

имею в виду янки. Что бы они ни делали после этого, это должно быть ради янки, а не ради индейцев или англичан. Мы намерены поговорить с ними еще раз. Прежде всего, мы должны изгнать могавков из залива Квинте. Как только мы сможем привести их сюда, мы начнем спорить с Пятью нациями и сами покажем наш пример объединения; кроме того, мы будем знать, кто за янки, а кто нет. Я забыл упомянуть сэру Джону, что мне очень хотелось, чтобы документы были здесь. Я имею в виду список наших потерь и претензий, а также наши имена. Я был бы вам очень признателен, если бы вы были так любезны прислать мне эти документы или их копии, поскольку здесь возникли некоторые споры по поводу этих списков. Я был бы чрезвычайно счастлив, если бы вы достали мне четверть фунта швейных ниток, шелковых, разных цветов, и прислали мне счет и деньги, которые я был вам должен раньше. И еще, я бы хотел, чтобы ты достал мне томагавк для труб. Пожалуйста, достань самый лучший, если сможешь.

"Сэр, я остаюсь Вашим самым покорным слугой, Джозеф БРАНТ.

-Лейтенанту Лангану."

[FN] Скопировано автором с оригинала.

Больше нет никакой информации о Бранте или его передвижениях до последней недели августа, когда он находился в окрестностях Детройта, готовясь принять участие в обсуждениях большого совета, о котором говорилось в предыдущем письме. Ниже приводится копия письма, найденного среди его бумаг, написанного в это время:

"КАПИТАН БРАНТ СЭРУ ДЖОНУ ДЖОНСОНУ.

*-Деревня Гуронов в устье Детройта. }
28 августа 1788 года. }*

-Сэр,

"Я рад сообщить вам, что мы прибыли в Детройт 10 сентября. Вечеринка с капитаном. Дэвид, который отправился по воде, и те, кто со мной, кто отправился по суше, были настолько удачливы, что прибыли в тот же день. И, желая терять как можно меньше времени, на следующий день мы встретились с главными людьми гуронов, чиппева, оттава и потаваттами. Поскольку они потеряли трех своих Вождей, мы последовали нашему древнему обычаю выразить им соболезнования, пожертвовав около 10 000 вампумов, поскольку мы не могли приступить к нашим общественным делам до тех пор, пока не закончится церемония; когда, изучив дело, которым мы занимались, я ясно предвидел бесчисленные трудности из-за того, что люди здесь не были столь единодушны, как того требует ситуация. Вайандоты не желают присутствовать в том месте, о котором было договорено прошлой осенью, но желают провести Совет в этом месте; но мы решительно воспротивились этому и добились их согласия встретиться в Майами; я полагаю, их причина в том, что они хотели бы провести частную встречу с американцами, чтобы решить вопросы для себя. С другой стороны, твайтвисы или жители Майами совершенно противоположны — они ни в коем случае не желают подражать гуронам в

их образе мышления, но хотели бы вступить в открытую войну с американцами. Так обстоят здесь дела. Однако у меня есть некоторые основания полагать, что если мы сможем заставить их в назначенном месте встречи, мы сможем указать им на их ошибку и снова заставить их принять меры, о которых мы все договорились, и добиться того единодушия, которое так необходимо в нашей ситуации, и без которого мы не можем ожидать, что дело завершится к нашему удовлетворению так, как это было бы в противном случае. В случае, если они окажутся упрямыми и не пожелают согласиться с нашим планом действий, я едва ли буду знать, как действовать в соответствии с ним, но приму все необходимые меры предосторожности, чтобы умы единодушных каким-либо образом не воспламенялись этими странами, находящимися в оппозиции и колеблющимися. Тем не менее, я надеюсь иметь удовольствие написать вам более благоприятный отзыв после нашей встречи. Капитан М^{си}Ки оказал нам всю возможную помощь в продвижении нашего бизнеса, и я ожидаю, что он примет участие в Совете в Майами, который, я искренне надеюсь, состоится в ближайшее время. Покинув Ниагару, я понял из множества дел, которые нам предстояли, что было бы крайне необходимо иметь с нами человека, понимающего английский язык и способного вести дела, для этой цели мы сочли уместным назначить Ральфа Клемента и выделим ему некоторое пособие из денег, которые мы должны получить следующим летом за земли, проданные американцам. Тем временем я вынужден просить вас, будьте так любезны, выделите ему что-нибудь на покрытие необходимых расходов из индийского магазина в Ниагаре. По заявлению, поданному полковнику Дж. Дворецкий, он не счел нужным предлагать ему что-либо без вашего приказа. Что касается новостей от южных индейцев и американских комиссаров, у нас есть кое-какие отчеты, но мы должны отослать вас за подробностями к капитану М.^кКи, который отправляет вам письмо с этого судна. Это уже четвертое письмо, которое я пишу тебе с тех пор, как имел удовольствие видеть тебя в последний раз.

"Ваш покорнейший слуга, Джозеф БРАНТ.

-Сэр Джон Джонсон."

Из-за кочевых привычек индейцев и больших расстояний, которые большинству их народов приходилось преодолевать, созыв их великого совета был делом времени. Таким образом, будет видно, что до разжигания костра совета прошло еще шесть недель, а сколько еще, сказать невозможно, судя по обрывкам переписки шефа, который, вероятно, был единственным автором среди них. 7 октября капитан написал следующее:

-КАПИТАН БРАНТ ЛЕЙТЕНАНТУ ЛАНГАНУ.

"Река Миамис, 7 октября 1788 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Дела, которыми я был вынужден заниматься с тех пор, как имел удовольствие видеть вас, так сильно завладели моим вниманием и заставили меня быть настолько занятым, что у меня едва

хватило времени написать кому-нибудь из моих друзей. И, действительно, ничего стоящего сообщения не произошло, иначе я бы напрягся, чтобы черкнуть вам хоть строчку, поскольку моим намерением всегда было переписываться с вами, которые, я уверен, в любой момент нашли бы минутку, чтобы подтвердить получение. Я доставил себе удовольствие написать четыре письма сэру Джону, который, я надеюсь, получил их, поскольку я хотел бы сообщить ему всю информацию, касающуюся наших действий. Вероятно, его время слишком занято, чтобы заниматься ими, и что для него было бы приятнее, если бы я переписывался с вами по общественным вопросам. Я был бы рад время от времени слышать, получило ли мое поведение его одобрение, поскольку я не хотел бы действовать каким-либо образом, который он бы не одобрил; поскольку он возглавляет департамент, именно к нему мы обращаемся за советом".

[FN] Было обнаружено только одно из них — от 25 августа, на предыдущей странице. Автор приложил немало усилий, чтобы раздобыть бумаги сэра Джона Джонсона, где, вероятно, еще можно найти эти письма, — но безуспешно. Они либо рассеяны и потеряны, либо были вывезены в Англию.

По прибытии в Детройт я застал там организацию Объединенных Наций. Все забыли о наших соглашениях прошлой осенью и не хотели присутствовать на совете в этом месте. Однако мы обсудили с ними этот вопрос и убедили их в необходимости нашего единодушия и принятия решения по делу, которое так долго обсуждалось, и через некоторое время я одержал верх и собрал их всех здесь. После ожидания в этом месте почти пять недель, прибытие шаванцев, мيامцев, оний и остальных народов к западу от этого наконец прибыло; так что я надеюсь, что через несколько дней смогу сообщить вам подробности нашей встречи. У меня все еще есть сомнения, присоединимся ли мы все или нет, поскольку некоторые из них никоим образом не склонны к мирным методам. Гуроны, чиппева, оттава, потаваттами и делавары присоединятся к нам в попытках предпринять мягкие шаги и установить линию границы; и, вместо того чтобы очертя голову ввязываться в разрушительную войну, они откажутся от небольшой части своей страны. С другой стороны, шаванцы, миами и кикапу, которые сейчас настолько пристрастились к конокрадству, что отучить их от этого будет непростой задачей, поскольку этот вид бизнеса является их лучшим урожаем, конечно, объявят войну и не откажутся ни от какой части своей страны, что, боюсь, станет средством нашего отделения. Я полагаю, они полны решимости не участвовать в заключении договора с американцами. И все же я надеюсь на лучшее. Поскольку большая часть стран придерживается нашего мнения, остальные могут быть привлечены, поскольку с моей стороны не будет недостатка в том, чтобы убедить их в их ошибке. Я искренне надеюсь, что наш бизнес может завершиться к нашему общему интересу и удовлетворению. Мы еще не касались общественных вопросов, поскольку у шаванцев большой пир, который продлится пару дней, после чего мы проведем общее собрание, и тогда мы будем уверены во мнениях друг друга. А до тех пор я, с наилучшими пожеланиями сэру Джону и миссис Клаус,

"Твой самый послушный друг и покорный слуга Джос. БРАНТ.

"П. Ланган."

Тон трех непосредственно предшествующих писем более миролюбивый, чем можно было ожидать. Действительно, они, по-видимому, указывают на изменение намерений автора, которое будет несколько трудно согласовать с некоторыми моментами его последующего поведения. В этих письмах, особенно в последнем, адресованном лейтенанту Лэнгану, хотя и предназначенном в большей степени для сведения сэра Джона Джонсона, друга мира, он, возможно, был вынужден занять такую позицию в силу обстоятельств, имея основания ожидать успеха — временного, как оказалось, — который должен был увенчать индийскую дипломатию генерала Сен-Клера. В своем первом письме Лангану Брант заявил, что "шесть наций продались дьяволу", или, другими словами, "янки", что, по его мнению, было равносильно этому, и вскоре результат был таков, что подтвердил его проницательность.

Никаких записей о заседаниях большого совета, так долго собиравшегося осенью 1788 года, обнаружено не было, хотя из письма капитана Бранта своему другу Мэтьюзу, который снова вернулся в Квебек, написанного в марте 1789 года, явствует, что все заседания и речи были переданы — вероятно, капитаном М.^кКи — лорду Дорчестеру. Предполагается, что совет не пришел к гармоничному заключению, поскольку вскоре после этого в форте Хармар был заключен договор с американцами, на котором присутствовала только часть индейцев, в то время как его результаты впоследствии были дезавуированы другими и более крупными нациями.

Однако, как бы то ни было, 2 мая следующего года (1789 г., [FN-1]) генерал Сент-Клер написал президенту Вашингтону из Нью-Йорка, объявив, что 9 января предыдущего месяца он заключил два отдельных договора с индейцами, собравшимися на совет в форте Хармар; первый - с сахемами и воинами Пяти наций, за исключением могавков, а второй - с сахемами и воинами вайандотов, Делавэров, Оттавы, Чиппева, Потаваттами и других племен. Страны САК. Причина этих сепаратных переговоров, как объяснил генерал Сент-Клер, крылась в римской максиме - *"Разделяй и властвуй"*. "Между ними существовала ревность, - говорит генерал, - которую я не желал ослаблять, делая вид, что рассматриваю их как один народ. Они так себя не считают; и я убежден, что их всеобщий союз полностью разрушен. В самом деле, было бы не очень трудно, если бы того потребовали обстоятельства, посорить их смертельно". [FN-2] Эта макиавеллевская политика разделения ради завоевания — натравливания наций, племен и фракций друг на друга, чтобы всех было легче сокрушить по своему желанию, — является древним способом ведения войны, и практиковалась каждым правительством, имевшим такую возможность. Его мораль, однако, не может быть защищена — особенно в отношении простых детей американских лесов, против которых оно преследовалось с наибольшим успехом. Тем не менее, в этих переговорах генерала Сен-Клера с финансовой точки зрения по отношению к индейцам имело место приближение к справедливости, которое ранее не одобрялось Конгрессом. Со дня заключения мира с Англией и до получения обращения от октября 1786 года от Большого совета в деревне Гурон Конгресс действовал по принципу, согласно которому договор с Великобританией облагал их пошлиной за все индейские земли в пределах границ Соединенных Штатов. В обращении Совета по делам индейцев от декабря 1786 года, написанном, как предполагалось, капитаном Брантом, утверждался противоположный принцип, а именно: индейцы были единственными законными владельцами земли. И этот принцип был поддержан в инструкциях Конгресса генералу Сент-Клеру от октября 1787 г. и июля 1788 г. [FN-3] Как бы сильно ни были обмануты индейцы с тех пор, это, по крайней мере, было основой всех последующих переговоров с ними о землях.

[FN-1] Ошибочно датировано 2 мая 1788 г. в Государственных документах, что видно по датам договоров и по Докладу военного министра от 7 июля 1789 г.

[FN-2] Письмо Сент-Клера, Ам. Государственные документы, том IV. стр. 10.

[FN-3] Смотрите Государственные документы, том IV. стр. 9; и отчет военного министра от 15 июля 1789 г. — тот же том. стр. 13.

Хотя могавки не были участниками мирного договора в Форт-Хармаре, все же представляется, что они, по крайней мере их вождь Тайенданегеа, должны были присутствовать на переговорах по нему. Этот факт раскрывается в отрывке из его письма майору Мэтьюзу, на который уже ссылались: "Благодаря этой возможности вы узнаете о результатах нашей поездки на юг, поскольку капитан М.^cКи передал все материалы наших совещаний с американскими комиссарами, речи и ответы. Наши действия были такими, которые, я надеюсь, будут одобрены. Я должен далее упомянуть, что многое еще можно сделать, если мы получим необходимую помощь, поскольку дела в верхней части страны не могут вестись с пользой без участия Пяти наций, чего они не могут сделать, не будучи более обильно, чем раньше, снабжены боеприпасами, провизией и т. Д. Я всегда стремился указать на то, что, по моему мнению, пошло бы на пользу нашей службе и на что когда-либо обращали внимание, несмотря на то, что мои нижестоящие друзья, похоже, верят этим сообщениям. Тем не менее, моя привязанность к правительству такова, что личная травма не будет иметь достаточного веса, чтобы заставить меня уклониться от долга перед моим королем ". [FN]

Письмо Джозефа Бранта капитану. Мэтьюзу, 8 марта 1789 г., среди бумаг Бранта. В письме губернатору Клинтону, посвященном поведению капитана Бранта, касающемуся действий Сент-Клера в Форт-Хармаре, президент Вашингтон сказал— "Капитан Брант не был откровенен в своем рассказе о генерале Сент-Клере и не проявил справедливости в своем представлении дел в Маскингаме. Общеизвестно, что ему потребовалось все искусство и влияние, которыми он обладал, чтобы предотвратить заключение какого-либо договора; и что, за исключением небольшой степени, генерал Сент-Клер по Маскингамскому мирному договору получил не больше земель, чем было уступлено по предыдущим договорам.*Письмо президента Вашингтона губернатору Клинтону, 1 декабря 1790 г.*

В заключительных предложениях этой цитаты содержится намек на определенные "личные огорчения" автора, требующие объяснения. Капитан Брант был не более других людей свободен от недоброжелательства и злых козней завистников. "Великие почести - это великое бремя" как среди краснокожих, так и среди белых; и судьбой благородного могавка было в полной мере испытать испытания, подобные этому описанию. В управлении его делами уже возникли трудности не только с правительством провинции в отношении характера титула, который могавки должны были получить на предоставленные им земли на реке Уиз, или Гранд-Ривер, но также между вождем и некоторыми самими индейцами; не могавками, а отставшими от других племен Конфедерации ирокезов. Во время длительного отсутствия Капитана на советах, состоявшихся в прошлом году в стране великих озер, в Монреале, по-видимому, состоялся совет недовольных индейцев, целью которого было осудить поведение Бранта, но в

каком отношении, точно не указано. Однако на том совете против него были выдвинуты серьезные претензии, "не только от имени Пяти наций, но и некоторыми из его родственников и близких друзей", при таких обстоятельствах и с таким внушительным видом, что это серьезно встревожило его друзей в замке Сент-Льюис.

3 января 1789 года майор Мэтьюз направил своему другу-ирокезу длинное письмо по поводу этого совета и выдвинутых против него обвинений. Это письмо было написано Мэтьюзом с ведома и одобрения выдающейся личности, которая, хотя ее имя не называется, должно быть, была лордом Дорчестером. Майор Мэтьюз не уточнил, какие обвинения выдвинуты против его друга, и о них можно лишь смутно догадываться из следующего отрывка: "Обстоятельства, которые были выдвинуты против вас, вы, без сомнения, были подробно проинформированы. Поэтому нет необходимости и было бы болезненно для меня пересказывать их. Ваш друг [Ф.Н.] желает, чтобы вы серьезно задумались о фатальных последствиях, которые неизбежно повлекут за собой непонимание и разобщенность вашей нации и тех индейцев, которые могли бы превратить поселение на Гранд-Ривер в счастливое убежище для себя и своих потомков благодаря сердечному и дружественному союзу. Насколько существенно обратное должно ослабить их интерес, и ваш в частности, к великим масштабам Индийской Конфедерации; и насколько тяжкая вина должна пасть на того, кого сочтут виновником столь великого бедствия. Поэтому Он рекомендует вам, как самый безопасный путь к успеху и славе, осуществить, не теряя времени, полное примирение со своими друзьями и сопоселенцами; убедив их своей мягкостью и великодушием, а еще больше строгим вниманием к справедливости, что вы достойны их доверия; приложите все свои силы к установлению совершенного союза и дружбы между вашей собственной нацией, и вы убедите тех, кто находится на расстоянии, что вы способны и достойны скрепить всеобщий союз ради благих целей ".

[FN] несомненно, имеется в виду лорд Дорчестер.

Высказав вам до сих пор чувства искреннего доброжелателя, я не могу в заключение не добавить от себя, выражаясь языком и сердцем старого и искреннего друга, что я чувствую более остро, чем могу выразить словами, критическую ситуацию, в которой каждый человек, присутствовавший на Совете, должен считать, что вы стоите на стороне своей нации. Что касается меня, то я едва мог поверить своим собственным глазам и ушам, когда увидел и услышал, как наши старые друзья, чьи руки и сердца так долго были связаны в одном общем деле, изливают на вас жалобы; и они делали это одновременно с такой неохотой и озабоченностью, что это было еще более трогательно. Невозможно, чтобы люди, которые родились, выросли, которые так часто сражались на стороне друг друга и проливали кровь вместе, могли серьезно расходиться во мнениях. Все это, должно быть, недоразумение, которое должно быть объяснено примирением. Благородно и великодушно признавать ошибку и взаимно прощать обиды; и, мой дорогой Джозеф, прислушайся к моему голосу и к голосу твоих друзей, которые желают тебе счастья, видя, что ты так прочно воссоединился со своей плотью и кровью, чтобы противостоять любой силе на земле, которая могла бы разлучить тебя с ними ".

[FN] Извлечено из оригинального письма капитана. Мэтьюз, среди бумаг Бранта.

Именно из ответа капитана Бранта на это сообщение была процитирована краткая ссылка на работу западных соборов. Что касается событий в Монреале, к которым его внимание было так настойчиво привлечено его корреспондентом, ответ капитана Бранта был полным и откровенным, демонстрируя с его стороны чувство собственного достоинства и сознательную правоту. Сами обвинения не были конкретизированы вождем в свою защиту, но вывод, сделанный из его формулировок, заключается в том, что его честность была поставлена под сомнение в отношении их земель и его лояльность королю была поставлена под сомнение; и далее, что он подвергся порицанию за то, что ввел несколько белых поселенцев на земли индейцев — его целью при этом было принести пользу индейцам лучшими примерами белых в земледелии, а также за то, что он внедрил среди них некоторые механические искусства. Он сожалеет о том, что его враги, которых, по его словам, было немного, воспользовались его отсутствием, чтобы очернить его репутацию, в тот момент, когда в далекой стране он прилагал все свои силы на благо своего народа; и еще больше сожалеет о том, что его друзья в Монреале некоторое время выслушивали обвинения, пока он не смог провести слушание. Если он вообще допустил ошибку, то утверждал, что это могло быть только в пылу его стремления продвигать существенные интересы своей нации. В ходе своего письма он со скромным ликованием указал на заседание Совета Пяти наций в полном составе, состоявшееся на Ниагаре в присутствии агента и командующего офицера после доноса в Монреале, которым было одобрено его поведение. Если работы этого совета будет недостаточно, чтобы снять "порицание, брошенное ему горсткой мятежников и недовольных, и выставить жалобщиков в надлежащем свете", капитан предположил, что ему следует обратиться к агентам в Детройте и Ниагаре за справками о его поведении во время войны и после заключения мира; и, таким образом, при условии, что он отправится в штаб-квартиру со всеми главными людьми, как сахемами, так и воинами, [FN] всех наций, проживающих в этой стране, и позволит им высказаться свободно. После чего он надеялся лучше относиться к "великим людям внизу", чем у него были основания предполагать в то время.

[FN] "Как сахемы, так и воины". Сахем считается гражданским должностным лицом, которое имеет приоритет над всеми военными вождями в мирное время и передается по наследству. С военными вождями дело обстоит иначе. Они, как и все остальные в мире, были удостоены звания "глас нации" за их доблесть на поле боя. Во время войны военные вожди берут на себя командование и руководят всеми передвижениями, — то, что в цивилизованной жизни называется военным положением". *Письма редактору от полковника Уильяма Дж. Керра.* Различие едва ли когда-либо наблюдается при описании событий в Индии, поскольку сахемы, воины, вожди чаще всего пишутся без разбора, как это и бывает.

С заключением генералом Сент-Клером январских договоров 1789 года цель создания великой Индейской конфедерации, включающей пять наций, которая должна была быть прочной, потерпела крах, по крайней мере на то время; и хотя мир не был восстановлен в юго-западных поселениях на реке Огайо, тем не менее имя капитана Бранта больше не появляется в связи с делами западных индейцев в течение остатка 1789 года и двух последующих лет. Однако из копии письма, найденного среди его бумаг, адресованного им полковнику M.^cDonnell, in September, that the Shawanese had then just sent an embassy, "inviting the Five Nations very strongly to a grand council of the different nations, to be held at the Wyandot Town, near Detroit, for the purpose of RENEWING and STRENGTHENING,, Конфедерации". "Мы предоставили, - продолжается в

письме, - полностью решать, как действовать, жителям Буффало-Крик, потому что они в целом отсталые и медлительные; но со своей стороны мы всегда можем быть готовы в кратчайшие сроки. Я, однако, сам думаю, что это не может произойти до следующей весны, поскольку к этому времени молодые люди начали разбредаться по лесам на охоту; и было бы необходимо, чтобы они присутствовали, чтобы услышать, о чем договорились вожди; и таким образом, все, о чем можно договориться, окажет более сильное влияние и объединит различные нации. Чем больше будет представителей разных наций, тем лучше ". Неизвестно, был ли проведен предложенный совет и участвовал ли в его обсуждении капитан Брант, если он был проведен.

Но в то время, как Тайенданегеа успешно защитил себя от клеветы недовольных своего собственного народа, как мы видели, и пока он обдумывал приглашение жителей Шаванезе попытаться созвать еще один великий совет на западе, его предупредили о слухах о существовании заговора против английского гарнизона в Детройте, а также против него самого и его собственного народа на их новом месте, организованного его недавними квази союзниками, гуронами, потаваттами и чиппева. Этот зловещий слух был передан ему в письменном виде сэром Джоном Джонсоном.

"Сэр Джон Джонсон капитану Бранту.

"Монреаль, 4 ноября 1789 года.

"Дорогой Джозеф,

"Я не думаю, что у меня есть основания не информировать вас (хотя, возможно, вы слышали сообщение) о том, что в Детройте был получен отчет, подтвержденный клятвой одной из заинтересованных сторон, что гуроны, потаваттами и чиппева вовлечены в заговор с целью отрезать гарнизон в Детройте и ваше поселение этой зимой или как только прекратится судоходство по озерам. Хотя эта информация требует дальнейшего подтверждения, и я придаю ей очень мало значения, я думаю, вам лучше быть настороже и попытаться выяснить реальную ситуацию, планы и расположение этих стран, направив к ним несколько надежных, ничего не подозревающих людей. Я полагаю, что у вас были друзья среди гуронов, на которых вы могли бы положиться в предоставлении вам всей необходимой информации, и что можно было бы нанять несколько надежных посланцев, которые ездили бы среди других народов и следили за их действиями; любое вознаграждение за эти услуги будетс готовностью предоставлено, если вы сочтете их необходимыми, по предъявлении лейтенанту этого письма. Полковник. Батлер, или мистер М^сКи., Ки.

"У меня есть ваше письмо Лангану от 23 сентября. Что касается дела Аарона и Исаака, то об этом уже было сказано так много, и, по сути, это настолько незначительно, что больше ничего не нужно говорить в ответ на эту часть вашего письма; но я должен признать, что меня немного задела другие вопросы, которые вы ему задали, поскольку они являются результатом неблагородного подозрения и необоснованных сомнений в поведении и искренности ваших лучших и единственных друзей. Будьте уверены, что мы ничего не знаем о намерениях правительства отказаться от этих постов; несмотря на какие-либо признаки этого, я хорошо информирован о том, что пост Ниагара находится в наилучшем состоянии защиты, которое допускает характер работ, как, я полагаю, и все остальные находятся в аналогичном состоянии;

и я уверен, что ни один такой шаг никогда не будет предпринят без предварительного уведомления всех заинтересованных сторон. Что касается департамента, которым я имею честь руководить, у меня нет оснований полагать, что в нем произойдут какие-либо изменения, которые могут каким-либо образом затронуть интересы индейцев.

- Вы хотите узнать наши новости. Все, что у нас есть, что может быть вам интересно, - это то, что во Франции произошла одна из самых замечательных революций, которые когда-либо были известны, за столь короткое время. Более просвещенная часть нации заставила людей взглянуть на свое положение в надлежащем свете и сбросить ярмо неволи, порабощения и угнетения, под которым они веками стонали, и вынудила своего великого монарха уступить Конституции, во многих отношениях подобной той, при которой мы живем. Они упразднили всех своих монахов и женские монастыри и произвели такие изменения, о которых приятно рассказывать. С наилучшими пожеланиями миссис Брант и др. и всем в деревне, я остаюсь, как всегда,

"Ваш друг и верный слуга, Джон Джонсон". [FN]

[FN] Что касается слухов, вызвавших это письмо, дополнительной информации нет. Действительно, само письмо сэра Джона было вставлено в текст скорее с целью раскрытия либерального духа, в котором баронет приветствовал начало Французской революции (как поначалу сделал весь цивилизованный мир) как зарю свободы во Франции, чем с какой-либо другой целью.

Освобожденный, по крайней мере временно, от забот и трудов дипломатии между народами более отдаленных озер, Брант в начале 1789 года получил возможность более внимательно уделить свое внимание другим вопросам бизнеса; не забывая и о занятиях литературой, поскольку в неблагоприятных условиях своего положения он мог заниматься ее развитием. Он всегда заботился о моральном и интеллектуальном совершенствовании своего народа; и в качестве основного средства такого совершенствования он теперь искренне стремился поселить среди них постоянного священнослужителя. Посетив Монреаль с этой целью, он написал сэру Джону Джонсону, который в то время отсутствовал (вероятно, в Квебеке), и через него обратился к лорду Дорчестеру с просьбой добиться переезда преподобного мистера Стюарта из Кингстона в окрестности Гранд-Ривер. Многие индейцы, сказал он, хотели бы жить рядом с церковью, где был бы надлежащий священник; и нигде, по его мнению, нельзя было найти человека, который так хорошо соответствовал бы их нравам и оказывал бы такое желательное влияние на нравственность молодежи, как мистер Стюарт, который был миссионером среди них в Долине Мохок. "Я знаю, что это доброе дело, - писал он в своем письме сэру Джону, - должно быть совершено его светлостью и при вашем любезном вмешательстве; о котором, будьте уверены, я бы не упоминал, если бы не был очень хорошо убежден в том добре, которое из этого выйдет". [FN] Он написал другие настоятельные письма того же содержания; но перевод мистера Стюарта не был осуществлен.

[FN] МИСС письма среди бумаг Бранта.

Считается, что примерно в то же время он возобновил работу по переводу религиозных книг на язык ирокезов. В дополнение к работе, опубликованной в Англии в 1786 году, как уже упоминалось, он перевел всю литургию, а также букварь; копия каждой из этих работ была подарена Гарвардскому университету. Пожертвование было отмечено выражением благодарности, которое было приложено к следующему письму от президента этого учреждения:—

"ПРЕЗИДЕНТ УИЛЛАРД КАПИТАНУ БРАНТУ.

"Кембридж, 20 июля 1789 года.

-Сэр,

"Я имею удовольствие направить вам вотум благодарности от Корпорации Университета в этом месте за ваш подарок библиотеке книг, которые были получены незадолго до даты голосования. [FN] Чтобы выразить благодарность от всей корпорации за этот приемлемый подарок, разрешите мне, сэр, как главе университета, выразить особую благодарность.

"Я рад слышать от преподобного мистера Киркланда, что вы пишете историю коренных жителей этой страны. Я надеюсь, что когда вы закончите его на своем родном языке, вы дадите нам перевод на английский, поскольку я не сомневаюсь, что в нем будет содержаться много любопытных и важных вещей, касающихся различных индийских народов, с которыми мы сейчас не знакомы.

"Мистер Киркланд настолько любезен, что взял на себя заботу об этом письме, и я не сомневаюсь, что передам его вам как можно скорее,

"Я, сэр, с чувством глубокого уважения, Ваш покорный слуга, Джозеф Уиллард.

-Полковник Джозеф Брант."

[FN] См. Приложение, № VI.

Считается, что историческая работа, упомянутая в предыдущем письме, так и не была начата, хотя она была запланирована, или, скорее, капитан Брант задумал написать историю Шести наций. Но у него, вероятно, было слишком много забот, отнимавших у него время, чтобы позволить осуществить свой план. Работу по переводу Нового Завета продолжил друг и соратник капитана Бранта Джон Нортон, известный под псевдонимом Тейонинхокаравен, таково было его индейское имя. Этот руководитель перевел Евангелие от Иоанна, которое было напечатано Британским и иностранным библейским обществом; и он намеревался продолжить работу над Евангелиями от Матфея и Луки, но, вероятно, работа не была завершена. [FN]

В дальнейшем имя Нортон будет часто появляться. Он был полукровкой, его отец был индейцем, а мать шотландкой. Он получил классическое образование в английской школе.

Рядом с Тайенданегеей Тейонинхокаравен был рвом, отличающим современных ирокезов. Говорили, что его наблюдения были острыми, а язык в разговоре сильным и элегантным. Он хорошо разбирался в древней и современной истории и особенно хорошо разбирался в географии. По каждому предмету, связанному с его страной и народом, его знания были ничтожны. Сам он был высоким и мускулистым, с большими и выразительными глазами.

Но, помимо изучения литературы, у капитана Бранта было достаточно занятий как для ума, так и для тела, связанных с регулированием его внутренних отношений с индейцами. Создание его собственного народа на их новой территории у Гранд-Ривер и усилия, необходимые для приведения его в порядок и убеждения заменить охоту земледелием, были трудами немалого значения. Предоставление земли на Гранд-Ривер, несомненно, предназначалось исключительно для могавков, которые были изгнаны из своей родной долины; но другие индейцы Шести наций вторглись к ним, даже некоторые из тех, кто поднял оружие против короны и могавков. Следствием этого были зависть и душевные терзания, которые иногда требовали вмешательства вождя, иногда в ущерб его популярности, как уже было показано.

От него не требовалось одного внимания для урегулирования дел индейцев по британскую сторону границы. Трудности возникли еще в 1789 году среди племен онейда, онондага, кайюга и сенека в результате вторжения белых на их земли и незаконных покупок, совершенных некоторыми из них у индейцев, не имеющих права торговать. Вся тяжесть этих проблем, казалось, легла на плечи капитана Бранта, между которым и губернатором Джорджем Клинтоном велась активная переписка по этому вопросу в 1789 году и в следующем году. Губернатор приложил все возможные усилия, чтобы добиться справедливости в отношении индейцев; с этой целью в форте Стэнвикс было проведено несколько советов и по крайней мере одна специальная беседа между губернатором и вождем по этому поводу. Результатом стало мирное соглашение. В своих письмах губернатор Клинтон относился к индейскому вождю не только с заметным уважением, но и с очевидной личной добротой и почтением. Следующее письмо послужит образцом этой переписки со стороны этого выдающегося человека:

"ГУБЕРНАТОР КЛИНТОН КАПИТАНУ БРАНТУ.

"*Нью-Йорк, 1 сентября 1790 года.*

-Сэр,

"Вчера я был удостоен вашего письма от 21 июля и рад услышать о вашем здоровье и благополучном прибытии по месту жительства.

"Среди нас тоже ходят слухи о войне в Испании. Несомненно, что и она, и британская нация создают мощное военно-морское вооружение, очевидной целью которого является урегулирование спора, имевшего место между ними, относительно их владений в северо-западной части этого Континента и права на рыболовство в этой части. Однако вполне вероятно, что вся эта политическая суэта может закончиться переговорами, когда один уступит, а другой примет то, на что ни у того, ни у другого нет никаких обоснованных претензий, кроме простого открытия и вывешивания национального флага с разрешения гостеприимных и ничего не подозревающих местных жителей.

"Джентльмены, назначенные уполномоченными по делам индейцев, которых вы видели со мной в форте Стэнвикс, в основном проживают в сельской местности и сейчас настолько рассеяны, что с ними практически невозможно совещаться. Я прекрасно помню разговор, который состоялся между вами и мной относительно земли, которую вы должны были получить от доктора Бентона, и я тогда сообщил об этом уполномоченным; и вы помните, что позже я сообщил вам, что, как бы сильно они ни стремились служить вам, все же они не могли согласиться ни на что, что дало бы хоть малейшую санкцию или одобрение какой-либо части сделок Бентона, поскольку они считали их не только противоречащими закону, но и совершенными им с открытым пренебрежением к власти государства. В то же время они выразили вам чувства самой теплой дружбы; и я рассматривал подарок, который они поручили мне сделать вам, как единственный способ, который был в их силах, продемонстрировать искренность их заявлений.

"Я буду рад видеть вас здесь следующим летом и постараюсь сделать ваш визит приятным для вас. Полковник Варик и ваш брат, сахем, - единственные двое джентльменов, которые были в форте Стэнвикс и сейчас находятся в городе. Они просят вас принять их наилучшие пожелания. Я не премину сообщить о ваших ожиданиях мистеру Л'Оммедье, чтобы он был готов отдать дань уважения.

"Я Твой самый покорный слуга, Гео. Клинтон.

-Капитан Джозеф Брант."

ГЛАВА X.

Продолжающиеся проблемы с индейцами—Английские эмиссары в Кентукки—Миссия Антуана Гамелена—Подготовка к войне—Кампания генерала Хармара—Последовательные поражения полковника Хардина—Поведение ополчения—Отступление Хармара—Депутация индейцев к лорду Дорчестеру—Письмо сэра Джона Джонсона—Полковника Гордона—Письмо Бранта полковнику М.^{си}Ки—Миролюбивые взгляды лорда Дорчестера—Возобновление усилий Соединенных Штатов по привлечению индейцев к миру—Вмешательство плантатора кукурузы—Миссия плантатора кукурузы и полковника Проктора—Британские офицеры желают посредническое письмо полковника Гордона—Полковник Пикеринг созывает индейский совет в Чемунге—Курс Красной Куртки—Брант вмешивается—Советы индейцев в Буффало—Влияние полковника Джона Батлера и Бранта—Миссия полковника Проктора и плантатора кукурузы

сорвана—Важное положение Бранта—Переписка между военным министром и губернатором Клинтон—Совет полковника Пикеринга с индейцами в Пейнтбридже—Миссия Хендрика, вождя Стокбриджа—Возобновление военных действий—Кампания генерала Сент—Клера—Его поражение—Тайенданегия среди индейских капитанов—Последовавшая паника — Шумиха против Сент—Клера — Его отставка—Уэйн назначил его преемника—Отказ полковника Уиллетта вступить в войну с индейцами.

Несмотря на мирные договоры, заключенные генералом Сент-Клером со всеми Шестью народами, за исключением могавков, и с несколькими крупными племенами северо-запада, спокойствие пограничных поселений, простиравшихся теперь на четыреста миль вдоль реки Огайо, не было обеспечено. Индейцы шаванезе, миами и уобаш [FN-1] все еще продолжали кровопролитную войну, разоряя поселения Кентукки и территорию, ныне известную как Огайо, и вызывая серьезные опасения в приграничных поселениях Вирджинии. Президент приложил все возможные усилия, чтобы умиротворить индейцев справедливыми и миролюбивыми предложениями, но тщетно. [FN-2] Даже индейцев, с которыми был заключен один из договоров, не удалось удержать всех от выхода на тропу войны. Более того, на западе надвигалась еще одна зловещая туча. Правительства Соединенных Штатов и Испании разошлись во мнениях по вопросу судоходства по Миссисипи, в отношении которого жители запада, особенно Кентукки, испытывали сильную озабоченность. Не удовлетворившись разжиганием недовольства среди индейцев на севере, английское правительство, воспользовавшись испанским вопросом и надеясь, что, если устье Миссисипи будет окончательно закрыто для торговли Соединенных Штатов, недовольство может возникнуть и на западе, направило секретных агентов в Кентукки с предложениями проверить верность народа Союзу. Среди этих эмиссаров был подполковник Коннолли из Детройта, лоялист, ранее служивший в Форт-Питте, который поддерживал дело короны во время Революции. Он провел несколько конфиденциальных совещаний с некоторыми из самых влиятельных граждан Кентукки и попытался склонить их к проекту нападения на Новый Орлеан, захвата города и обеспечения безопасности судоходства по Миссисипи силой, как необходимого следствия. Информация об этих секретных процедурах была передана президенту, который, рассматривая интригу как попытку внести раскол в Профсоюз, незамедлительно принял согласованные меры для выявления любых дальнейших махинаций подобного рода. [FN-3] Какой прогресс был достигнут в посеве семян недовольства или был ли вообще достигнут, не указано.

[FN-1] Таковы были отчеты по счетам того дня. Однако в начале текущего года капитан М.^кКи, активный (британский) агент по делам индейцев в Детройте, написал капитану Бранту— "Насколько я понимаю, индейцы Майами в этом году вели себя более тихо, чем обычно, было совершено мало боевых действий, и только этой нацией". В том же письме капитан М.^кКи сообщил, что между миами и делаваарами возникла ссора из-за земель, занятых последними, которые были настолько оскорблены, что готовились отступить на испанскую сторону Миссисипи. Капитан добавил: "Их уход в это время будет крайне пагубен не только для индийской конфедерации, но и для страны в целом, поскольку это привлечет вслед за ними ряд других, которые не задумываются о последствиях". М^кКи обратился к капитану Бранту с просьбой обратиться к недовольным делаваарам с речью, чтобы предотвратить их разделение. Но если эта просьба и была удовлетворена, желаемого эффекта она не принесла. Индейцы, о которых идет речь, привели свой план переселения в исполнение.

[FN-2] "Основой наших отношений с индейскими народами была и будет *справедливость* в течение периода, в течение которого я имею какое—либо отношение к управлению этим правительством" -*Письмо президента Вашингтона маркизу де Лафайету, август 1790г.*

[FN-3] "Жизнь и переписка Вашингтона" Спаркса, том ix. страницы 473, 76. Письмо президента Вашингтона мистеру Иннесу и примечания. Эти покушения на верность Кентукки были предприняты в 1788 и 1789 годах. В следующем году, в связи с перспективой войны между Великобританией и Испанией, опасения неприятностей между Соединенными Штатами и первой возникли в тех же кругах, но по совершенно другому вопросу. Из определенных обстоятельств, ставших известными президенту, следовало, что лорд Дорчестер в случае войны с Испанией намеревался отправить экспедицию из Детройта для вторжения в Луизиану. Это не могло быть сделано без марширования армии по всей территории Соединенных Штатов. 25 августа президент Вашингтон сообщил о своих опасениях членам своего кабинета, вице-президенту и верховному судье (Джею), потребовав изложить их мнения в письменном виде относительно надлежащего курса, который следует проводить правительству Соединенных Штатов в такой чрезвычайной ситуации.

Весной 1790 года Антуан Гамелен, опытный индийский торговец, был направлен посетить все основные племена запада в качестве посланника мира с целью выяснения общего характера индейцев. Среди племен, заключивших договор, он обнаружил старых вождей и воинов, в целом доброжелательных и ни в коем случае не враждебных. Но, за этими исключениями, чувство войны было почти всеобщим. О преобладавшем духе можно составить представление из следующих заметок Гамлена, о его беседе с уиатанонами и кикапу: "После моей речи один из главных вождей встал и сказал мне: "Тебя, Гамлен, мой друг и зять, мы рады видеть в нашей деревне и слышать из твоих уст добрые слова Великого Вождя. Мы думали услышать несколько слов от французского народа, [трейдеров], но я вижу обратное. Никто, кроме Большого Ножа, не обращается к нам с речами. Вы знаете, что мы ничего не можем прекратить без согласия наших старших братьев, жителей Майами. Я приглашаю вас отправиться в их деревню и поговорить с ними. В вашей речи есть одна вещь, которая мне не нравится. Я не буду об этом рассказывать. Даже если бы я был пьян, я бы этого не заметил; но наши старшие братья, несомненно, обратят на это внимание в вашей речи. Вы предлагаете нам остановить наших молодых людей. Это невозможно сделать, постоянно поощряясь британцами". Другой вождь сказал: "Американцы очень лстивы в своих речах; много раз наша нация ходила к ним на randevu. Я сам однажды был там. Некоторые из наших вождей погибли по пути, и мы всегда возвращались совершенно голыми; а ты, Гамлен, ты пришел с речью, но с пустыми руками". Другой вождь сказал: "Знайте вы, что деревня Уиатанон - это могила наших предков. Вождь Америки приглашает нас отправиться к нему, если мы выступаем за мир; он не сломал ногу и может дойти до Иллинойса. Он мог бы сам приехать сюда, и мы были бы рады видеть его в нашей деревне. Мы признаем, что приняли топор, но это произошло из-за упреков, которые мы постоянно получаем от англичани других народов, которые первыми получили топор, называя нас женщинами; в то же время они приглашают наших молодых мужчин на войну. Что касается стариков, то они желают мира". [FN]

[FN] Журнал Гамелена, Am. Государственные документы, том IV. стр. 93.

Поскольку все попытки президента обеспечить безопасность сторон путем мирных соглашений оказались безуспешными, были приняты решительные наступательные меры, и экспедиция

против враждебных племен была поручена генералу Хармару, ветерану революции. Его силы состояли из тысячи четырехсот пятидесяти человек, триста двадцать из которых были регулярными войсками, а остальные - из ополчения Пенсильвании и Кентукки. Цель состояла в том, чтобы заставить индейцев вступить в бой, если это возможно; если нет, то в любом случае уничтожить их поселения на водах Сиото и Вабаша. [FN-1] Экспедиция покинула Форт Вашингтон 30 сентября 1790 года. Индейцы сначала оставили свой главный город, предав его огню, но впоследствии объединились с отрядом из двухсот десяти человек под командованием полковника Хардена, тридцать из которых были постоянными солдатами, и дали бой. При первом обстреле все ополченцы Хардена разбежались. Регулярные войска какое-то время удерживали свои позиции и храбро сражались, пока только семерым из них не удалось спастись бегством. На следующий день полковник Дж. Харден во главе трехсот шестидесяти человек, шестьдесят из которых были постоянными игроками, взялся исправить свой позор. Их встретили индейцы, и у слияния рек Сент-Джозеф и Сент-Мэри завязался кровавый конфликт. Ополчение, о чудо, храбро сражалось в этом случае. Однако, превосходя численностью, они потерпели поражение, потеряв несколько доблестных офицеров и сто восемьдесят три человека, семьдесят пять из которых были постоянными солдатами. Среди первых были майоры Фонтейн и Уиллис, а также лейтенант Фротингем. Среди убитых были также десять офицеров ополчения. Индейцы потеряли около ста двадцати воинов. Битва была жестокой и закончилась бегством американцев. После этого генерал Хармар вернулся в Форт Вашингтон и заявил о победе - с какой достоверностью, никогда не было установлено. [FN-2]

[FN-1] Холмс—Маршалл.

[FN-2] В письме капитану Бранту, написанном из Детройта, содержался еще более ужасный отчет об этом деле, чем было признано американскими властями. Ниже приводится выдержка: "Я должен сообщить вам, что около городов Майами произошли два сражения между американцами и индейцами, в которых, как говорят, у первых было убито около пятисот человек, а остальные отступили. Потери со стороны индейцев составили всего пятнадцать или двадцать человек. Насколько я понимаю, главными племенами, участвовавшими в сражении, были шаванцы, мiami и потаваттами; но я не слышал, чтобы какой-либо из народов отказался от их союза или помощи, и достоверно сообщается, что сейчас они выступают против границ по реке Огайо. Поскольку мистер М.^к Ки пишет вождям на Гранд-Ривер, он сможет изложить обстоятельства более конкретно, чем я. Джентльмены гарнизона выражают свое почтение". - *СР.Письмо Джона Смита капитану Бранту.*

Разгоряченные и ободренные своим успехом, набеги индейцев участились, и состояние границы стало более плачевным, чем до этой злополучной экспедиции. [FN-1] Их агрессия также не ограничивалась поселениями вдоль границы между Огайо и Кентукки. После того как двое индейцев сенека были убиты белыми, этот народ вместе с другими воинами Шести наций становился все более враждебным; и следствием этого стало то, что ранней весной 1791 года поселения Пенсильвании вдоль реки Аллегейни, выше Питтсбурга, подвергались неоднократным и страшным нападкам индейского возмездия. Несколько станций поселенцев были полностью разгромлены. Убийства женщин и детей были частыми и часто сопровождались неослабевающей бесчеловечностью, в то время как многие люди были уведены в плен. [FN-2]

[FN-1] "Из самых неопровержимых свидетельств следует, что с 1783 года, когда был заключен мир, по октябрь 1790 года, когда Соединенные Штаты начали против них наступательные операции в Огайо и на границах, индейцы убили, ранили и взяли в плен около полутора тысяч мужчин, женщин и детей; помимо этого, забрали две тысячи лошадей и большое количество другого имущества" — *Повествование и страдания Масси Харбисона*.

[FN-2] Idem.

Известие о катастрофической победе генерала Хармара достигло резиденции правительства, к постоянному военному учреждению был добавлен полк, и президенту было разрешено сформировать корпус численностью в две тысячи человек на шесть месяцев, назначить майора и бригадного генерала, которые будут продолжать командовать до тех пор, пока он сочтет необходимыми их услуги. [FN-1] Не теряя времени, эти увеличенные силы были вызваны на поле боя, и генерал-майор Артур Сент-Клер, губернатор территории к северо-западу от Огайо, был назначен главнокомандующим и ему было поручено проведение задуманной экспедиции; непосредственными целями которой были уничтожение индейских деревень на Майамис, изгнание индейцев из этой страны и соединение ее с Огайо цепью постов, которые предотвратили бы их возвращение во время войны. [FN-2]

[FN-1] "Вашингтонская жизнь Маршалла".

[FN-2] *Анналы Холмса*.

Похоже, что при отражении Хармара конфедеративные нации чиппева, потаваттами, гуроны, шаванцы, делавары, оттава, тустаны и шесть наций — после совещания у подножия Майами Рэпидс с капитаном Дж. М^сКи, — направил представителей вождей и воинов посетить лорда Дорчестера в Квебеке с целью консультаций, а также выяснить, можно ли ожидать какой-либо помощи от британского правительства или правительства провинции, и если можно, то какой именно. Взгляды лорда Дорчестера, несомненно, были в то время миролюбивыми, как и взгляды капитана Бранта, при условии, что Соединенные Штаты установят границу по реке Огайо и откажутся от всех притязаний на юрисдикцию за пределами этой реки. 22 февраля 1791 года сэр Джон Джонсон направил письмо капитану Бранту из Монреаля, приложив копию письма лорда Дорчестера к себе и еще одну копию того же письма капитану М.^сКи, смысл которого можно понять только из письма баронета. Соответственно, вставляется:—

"Сэр Джон Джонсон капитану Бранту. (Рядовой.)

"Монреаль, 22 февраля 1791 года.

"Дорогой Джозеф,

"Поскольку я думаю, что Шесть наций очень заинтересованы в деле, предложенном прилагаемой копией письма от лорда Дорчестера (другую копию которого я препровождаю мистеру М.^сКи), я не мог и подумать скрывать от вас, что вы можете предпринять такие шаги совместно с мистером М.^кКи и западными странами, которые, по вашему мнению, наиболее отвечают их интересам и чести. Поскольку вы, безусловно, все свободны и независимы, я думаю, у вас будет право настаивать на передаче любых земель, которые вы сочтете подходящими для сохранения за Всеобщей Конфедерацией, любым способом и кому вам заблагорассудится. Идея о том, что Штаты претендуют на юрисдикцию вплоть до линии разделения, установленной между Великобританией и ними, должна проистекать из предположения, что индейцы в тот или иной момент предоставили эту власть нашим Провинциям для лучшего управления своими подданными. Так это или нет, я не знаю и не могу в настоящее время выяснить; но я уверен, что без такой передачи власти со стороны индейцев никакое справедливое право или притязания на такую власть не могут быть поддержаны за линией 1768 года и до западной границы земель, уступленных или проданных индейцами Штатам после войны. Это, безусловно, хороший момент, и, возможно, не стоит настаивать на нем слишком категорично; но, справедливости ради, я полагаю, что это так, как я уже заявил. Когда индейцы позволили англичанам и французам строить крепости для защиты и поддержки своих подданных и торговли, они, без сомнения, имели право на определенную юрисдикцию или командование в этих местах, но я никогда не верю, что это распространялось дальше или что индейцы имели в виду, что так должно быть. В целом, вы понимаете свои права лучше, чем я. Поэтому я скажу не больше, чем порекомендую хладнокровие и мужественную твердость во всем, что бы вы ни решили. Поскольку я рассматриваю это письмо как сугубо частное, я должен сообщить вам, что, как я полагаю, лорд Дорчестер обдумал эту меру вследствие моего письма ему по получении отчета об экспедиции, предпринятой американцами прошлой осенью против майамцев, в котором я взял на себя смелость заявить, что американцы не претендуют ни на какую часть страны за пределами границы, установленной в 1768 году в форте Стэнвикс между индейцами и губернаторами и агентами всех заинтересованных провинций, включая продажи, произведенные после войны; и что поэтому я подумал, поскольку мы не можем предоставить им помощь. что касается оружия, мы должны, по крайней мере, предоставить им наше посредничество, чтобы установить мир между ними и Штатами на справедливых и почетных условиях или что-то в этом роде. Вы можете свободно беседовать с мистером М.^кКи или писать ему на темы этого письма, но пусть это будет как от вашего имени — возможно, я смогу сказать ему что-то подобное, если позволит время. Я написал лорду Дорчестеру, что ответ на его запросы может быть получен где-то в начале мая, но боюсь, что нет; однако многое будет зависеть от вас в отправке пакета мистеру М.^кКи, что позволяет мне просить вас не терять времени. Мои наилучшие пожелания сопровождают всех вас, и поверьте, я, как всегда, искренне ваш,

-Джон Джонсон.

-Капитан Брант."

Полковник Гордон, командовавший британским постом на Ниагаре, также был в то время и впоследствии другом мира. 4 марта он направил капитану Бранту письмо, выдержка из которого

приводится ниже: "Я надеюсь, что вы воспользуетесь нынешней возможностью встречи вождей пяти наций по соседству с вами, чтобы использовать ваши усилия для залечивания ран между индейцами и американцами. Я осмелюсь сказать, что Штаты желают заключить мир на условиях, которые обеспечат индейцам их нынешние владения в округе Майами, при условии, что молодые люди будут воздержаны от совершения грабежей в будущем ". Характер самого шефа в этот период лучше всего можно определить по следующим выдержкам из письма, адресованного им капитану М.^{си}Ки через три дня после написания письма от полковника Гордона и, вероятно, сразу после его получения:

"КАПИТАН БРАНТ КАПИТАНУ М.^{си}Ки. (Выдержки.)

"Гранд-Ривер, 7 марта 1791 года".

"Я получил два письма из Штатов от джентльменов, которые недавно были в Филадельфии; из них следует, что американцы втайне желают урегулировать этот вопрос, что я бы непременно посоветовал, если бы это можно было осуществить на честных и либеральных условиях и добиться всеобщего мира".

"Я рад видеть в последнем письме сэра Джона ко мне, что он намекнул его светлости на необходимость их вмешательства в установление мира между индейцами и Соединенными Штатами; судя по всему, у него есть идея рекомендовать линию, установленную в 1768 году [qu? 1765] между индейцами и правительством, в качестве северной и западной границы штатов в этом квартале. Я ожидаю услышать от него больше весной по этому вопросу, поскольку я настойчиво требовал от него высказать мне свое мнение о полезности моего вмешательства в нынешний спор ".

Речь лорда Дорчестера в ответ на уже упомянутую депутацию была по своему содержанию аналогична предыдущему письму сэра Джона Джонсона. Его светлость сообщил им, что он был бы рад внести свой вклад в восстановление мира. Он сообщил им, что линия, обозначенная в мирном договоре с Соединенными Штатами, подразумевает не более чем то, что за пределы этой линии король, их отец, не распространит своего вмешательства; и что король сохранил за собой посты только до тех пор, пока не будут урегулированы все разногласия между ним и Соединенными Штатами. Что касается вопросов депутации, правда ли, что при заключении мира со Штатами король отдал их земли, его светлость заверил их, что это не так, поскольку король никогда не имел никаких прав на их земли, кроме тех, которые были справедливо уступлены ими самими, с их свободного согласия, путем публичного соглашения и продажи. По этому поводу его светлость также сослался на договор с сэром Уильямом Джонсоном, заключенный в фортеСтэнвикс в 1766 году. В заключение он заверил делегацию, что, несмотря на дружбу и добрую волю индейцев, правительство провинции не имеет права вступать в войну с Соединенными Штатами и может защищаться только в случае нападения. Он также сообщил им, что командование провинцией вот-вот перейдет к генералу Кларку; и что принц Эдвард, [FN-1] который только что прибыл с отборным отрядом воинов, будет заместителем командующего.

Сам его светлость находился накануне отплытия в Англию, где ему доставило бы огромное удовольствие услышать, что между Индией и Соединенными Штатами был установлен мир на справедливом и прочном фундаменте. [FN-2]

[FN-1] Покойный герцог Кентский, отец нынешней молодой королевы Англии.

[FN-2] Дневник генерал-майора Линкольна, на который будет более подробная ссылка ниже.

Эта речь мало ободрила индейцев и, скорее всего, плохо соответствовала ожиданиям, которые были высказаны М.^ККи и другими подчиненными офицерами британского министерства по делам индейцев на отдаленных постах, из которых некоторые, как М.^ККи, были американскими беженцами, питавшими жгучую ненависть к стране, которую они покинули в час опасности. В самом деле, нет причин не доверять мужественному и благородному поведению лорда Дорчестера на большей части этого необычного пограничного противостояния, ход которого был отмечен столь многими превратностями чувств и действий со стороны многих провинциальных властей. И кроме того, отношение двух наций в тот момент казалось менее воинственным, чем вскоре после этого.

Во время этих побочных переговоров в Канаде и пока шла подготовка к другой кампании американского правительства, как уже упоминалось, не было допущено ослабления усилий по предотвращению дальнейшего кровопролития. Капитан О'Бейл, или Кукурузный плантатор, как его обычно называли, главный вождь племени сенека, находясь в Филадельфии в декабре месяце, после поражения генерала Хармара, был вынужден не только использовать свое влияние, чтобы помешать воинам Шести наций принять участие в сражении, но и отправиться с другими дружественными индейцами в страну Майами, чтобы, по возможности, склонить их к миру. В марте следующего, кукурузы-плантатора, с которым полковник Проктор, активный сотрудник в (американское) Индийский кафедры были связаны, изложенные на миссии. Тем временем были приняты меры по привлечению индейцев Шести наций на генеральную конференцию вдали от театра военных действий, чтобы не только предотвратить их вступление в войну, но, при необходимости, привлечь некоторых из их молодых воинов для службы против мiami и других враждебных племен. Однако эта попытка отвлечь внимание Шести наций была с неудовольствием воспринята провинциальными властями Канады, о чем свидетельствует прилагаемое письмо полковника Гордона капитану Бранту. Из этого письма также явствует, что эти провинциалы стремились к тому, чтобы правительство Соединенных Штатов обратилось к ним в качестве посредников в споре. И это не было личным тщеславием полковника Гордона, поскольку сэр Джон Джонсон намекнул на то же самое, как явствовало из его письма, после консультации с лордом Дорчестером. Из адреса письма далее следует, что всегда бдительный Брант уже снова был в стране майамцев, хотя всего несколько дней назад он участвовал в закрытом совете в Буффало. Его действия во всех этих вопросах, как и в революционной войне, по-видимому, были стремительны, как свет.

"Полковник Гордон капитану Бранту.

"*Niagara*, 11 июня 1791 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Я был рад узнать из вашего письма, отправленного полковнику Батлеру из "подножия порогов", что вы в добром здравии; и я очень искренне надеюсь, что дело, которым вы занимаетесь, увенчается успехом.

"Судя по непоследовательным действиям американцев, я совершенно не понимаю их всех намерений. В то время как они собирают советы в разных кругах с общепризнанной целью установления мира, Шесть наций получили речь генерала Сент-Клера, датированную Питтсбургом 23 апреля, в которой он призывает их поднять топор войны против своих братьев - западных наций.

Что может быть более непоследовательным? или они могут поверить, что индейцев можно обмануть такими мелкими уловками? Это далеко не так; индейцы в Буффало-Крик увидели дело в надлежащем свете и отнеслись к приглашению с презрением, которого оно заслуживало. Вас должно очень сильно поразить, что во всех действиях различных уполномоченных от Американских Штатов они осторожно избегали обращаться к нашему вмешательству, как к мере, которую они якобы считают совершенно ненужной; желая произвести впечатление на индейцев идеями об их собственном значении и о том небольшом влиянии, которым, как они охотно полагают, мы обладаем. Это, мой хороший друг, не тот путь, которым следует идти дальше. Если бы они, прежде чем дело дошло до крайности, обратились за помощью к британскому правительству для заключения мира на справедливых условиях, я убежден, что эта мера была бы полностью завершена задолго до этого времени.

"Я бы, однако, охотно надеялся, что они все же поймут целесообразность принятия такого способа действий; и что мир, которого так хотелось бы достичь, в конце концов будет установлен надолго.

"Я более оптимистичен в достижении своих желаний благодаря вашему присутствию на месте и тому, что вы воспользуетесь своим влиянием и способностями по этому случаю. Позвольте мне время от времени узнавать, как продвигаются дела, и с моими пожеланиями вашего здоровья, поверьте мне

- Твой друг, А. Гордон.

-Капитан Брант."

Совет Шести наций, за исключением могавков, был успешно проведен полковником Тимоти Пикерингом в стране Чемунг в июне месяце. Но плантатор кукурузы и полковник Проктор столкнулись с непреодолимыми трудностями при выполнении своей миссии. Особой целью этой миссии, после пересечения страны Шести Наций и оказания на них такого благотворного влияния, какое было в их силах, было зафрахтовать судно в Буффало-Крик, проследовать в Сандаски и, если возможно, убедить жителей Майами встретиться с генералом Сент-Клером на совете по "Огайо". По пути из Аллегейни в Буффало-Крик их везде хорошо принимали, где в честь их прибытия был созван большой Совет, на котором присутствовали Красная Куртка и другие вожди. После приветственной речи Красного Мундира полковник Проктор ознакомил их

с посланием генерала Вашингтона, великого вождя "Тринадцати огней". Красная Куртка ответил, что многие люди ранее в разное время были среди них, заявляя, что пришли по воле Тринадцати Огней, но в правдивости этих заявлений они не всегда были убеждены. В ходе беседы выяснилось, что на закрытом совете, состоявшемся в том же месте неделю назад, на котором присутствовали капитан Брант и полковник Батлер из британского министерства по делам индии, эти офицеры высказали те же сомнения, которые теперь вызвал Красный Мундир. Брант посоветовал индейцам не обращать внимания на Проктора и О'Бейла, о приближении и целях которых он знал, и не оказывать им никакой помощи в их предполагаемом визите в Сандаски, заверив их, что это ни к чему хорошему не приведет; но что полковник Проктор и все, кто будет сопровождать его в страну майамцев, будут преданы смерти. Они также установили, что во время проведения упомянутого закрытого совета в ожидании их визита капитан Брант получил секретные инструкции из "главного штаба" [FN] направиться в Гранд-Ривер, а оттуда в Детройт. Французский торговец, передавший эту информацию, а также капитан британской военной службы Пауэлл, подтвердивший это, полагали, что вождь могавков был отправлен к индейцам, враждебно настроенным по отношению к Соединенным Штатам, с инструкциями *какого-то* рода; и Брант приказал индейцам в Буффало-Крик ни о чем не договариваться с Проктором и О'Бейлом до его возвращения.

[FN] Слова, использованные в рассказе полковника. Проктор; но имел ли он в виду британскую или индийскую штаб-квартиру, автор не может сказать. Вероятно, первое.

Полковник Проктор и О'Бейл оставались в Буффало с 27 апреля по 22 или 23 мая. Индейцы собрались в большом количестве, и было проведено множество советов. 8 мая перевозчик рыбы, один из главных вождей племени каюга и правая рука капитана Бранта, заявил в речи, что О'Бейл избрал курс, который ими не был одобрен, что более половины тамошних индейцев *вне за мир*, [FN-1] и что капитан Брант был отправлен на костер совета майамцев. "Поэтому мы должны, - добавил он, - увидеть его лицо, потому что мы не можем определить, пока не узнаем, о чем они. Поэтому мы умоляем вас удовлетворить нашу просьбу, успокоить ваш разум; ибо мы, занимающиеся этим делом, смотрим на вас и считаем себя рабами при заключении мира. Теперь мы все говорим, что вы должны дожидаться прихода капитана Бранта, услышать слова, которые исходят из его уст, ибо тогда мы сможем сказать вам, в каких городах будет заключен мир; и это все, что мы можем сказать вам на этот раз ". [FN-2]

[FN-1] Дневник Проктора

[FN-2] Государственные документы США—Департамент по делам Индии.

Красный Мундир предпринял попытку убедить Проктора и О'Бейла отправиться в британскую крепость на Ниагаре для проведения консультаций с полковником Батлером; но полковник Проктор отказался от принятия любого подобного курса. Вслед за этим индейцы отправили гонца к полковнику Батлеру с просьбой встретить их в Буффало-Крик, что он соответственно и сделал, но предварительно созвал отдельный совет в форт-Эри. После этого он побеседовал с Проктором и попытался отговорить его от посещения страны враждебных индейцев, предложив, чтобы переговоры о мире были оставлены капитану Бранту и М.^ККи, которые, по

мнению полковника Батлера, могли бы лучше всего справиться с этим делом. Конечно, предложение наделить британских подданных полномочиями вести переговоры от имени правительства Соединенных Штатов было немедленно отклонено.

Одной из главных целей полковника Проктора при встрече Шести наций в Буффало было побудить как можно больше их сахемов и воинов сопровождать плантатора кукурузы и его самого в страну Майами, чтобы помочь своим влиянием привести враждебных индейцев в более миролюбивое настроение; но из всего хода обсуждений было совершенно очевидно, что большинство ведущих вождей находились под прямым влиянием британских офицеров, которые, было очевидно, теперь внезапно стали менее миролюбивыми, чем совсем недавно. Полковник Проктор без особого успеха убедил часть воинов сопровождать его в Майами; и когда он обратился к полковнику Гордону, командующему на Ниагаре, за разрешением зафрахтовать британскую шхуну на озере Эри, чтобы перевезти его самого и тех индейцев, которые могли бы захотеть сопровождать его и плантатора кукурузы в Сандаски, просьба была категорически отклонена. Таким образом, экспедиция была внезапно прекращена, и полковник Проктор вернулся в Форт Вашингтон.

Однако перед отъездом из Буффало, согласно записи в его дневнике, полковник Проктор, по—видимому, был проинформирован о факте, который впоследствии выяснится, что капитан Брант отправился в Майами не в качестве посыльного или простого наблюдателя, а на самом деле отправился присоединиться к ним со своими воинами:

"21. Этим вечером, беседуя наедине с капитаном О'Бейлом и сидя между ним и новоиспеченным сахемом, я намекнул капитану О'Бейлу, что, если он согласится присоединиться к генералу Сент-Клеру с тридцатью пятью или сорока своими воинами, настолько хорошо экипированными, насколько это возможно, исключительно для того, чтобы уравновесить силы, которые Брант повел с собой против недружелюбных индейцев, я приложу усилия к военному министру, чтобы обеспечить ему назначение, которое принесет ему и его людям солидное жалование. Он ответил, что сенека получил удар от злых индейцев, захватив двух пленников, женщину и мальчика, из Коньятта; и что, если в будущем топор будет нанесен по голове кому-либо из его соплеменников, он сообщит мне, что предпримет".

Естественный смысл этой записи в дневнике Проктора заключается в том, что капитан Брант в то время фактически присоединился к жителям Майами во враждебных действиях против Соединенных Штатов. Возможно, однако, что *то время* таковым не было; и несомненно, что генерал Нокс, военный министр, после возвращения полковника Проктора в Филадельфию так это не истолковал. В письме полковнику Пикерингу относительно совета, который он тогда готовился провести в "Пейнтед Пост" 13 июня, секретарь говорит о поездке Бранта к западным индейцам как о том, что она, вероятно, была предпринята в мирных целях под руководством британских офицеров, которые использовали его с целью заключения мира, заслугами которого они намеревались воспользоваться в будущем. И такая конструкция соответствовала бы идее британского вмешательства, как ранее предлагали полковник Гордон и сэр Джон Джонсон.

Но, тем не менее, это любопытный факт, который в значительной степени говорит о талантах и способностях Бранта, а также о высоком значении, которое придавалось его влиянию; если британские власти тогда таким образом пользовались его услугами, то американское правительство в то же время искало его помощи с той же целью. Полковнику Пикерингу было

поручено относиться к нему с "большой добротой", если его удастся убедить присутствовать на совете в Пейнтбольном посту; и 12 апреля военный министр направил губернатору Клинтону письмо, выдержкой из которого является следующее:

"Зная о влиянии вашего превосходительства на капитана Джозефа Бранта, я загорелся идеей, что вы могли бы побудить его, путем надлежащих договоренностей, принять меры по примирению западных индейцев с мирными мерами и склонить их к заключению общего договора. Эта мера была бы гораздо более совместима с чувствами и интересами Соединенных Штатов, чем истребление индейцев, которое, по-видимому, является неизбежным следствием длительной войны с ними. Вы вполне способны оценить таланты Бранта и степень доверия, которое могло бы быть оказано ему в подобном случае. Возможно, полковник Уиллет, о чьих талантах управлять умами людей я высокого мнения, мог бы согласиться на помощь в этом случае, поскольку это могло бы проявить уважение к Бранту. Если ваше превосходительство твердо придерживается мнения, что Брант может быть использован с пользой, я убедительно прошу вас принять необходимые меры для достижения этой цели в соответствии с вашим собственным суждением".

В письме госсекретаря были затронуты и другие темы, на все из которых губернатор Клинтон ответил 27 апреля. Следующий отрывок относится к предмету этой биографии:—

"Я сообщил полковнику Уиллетту о вашей уверенности в его талантах и желании использовать его влияние на Бранта, но не в моих силах сообщить вам о его четком ответе . . . Я назначил вам встречу с Брантом в июне прошлого года, учитывая опасность, которую вы, по-видимому, опасаетесь из-за его обращения и его влияния на несколько индийских народов (которое, я убежден, очень значительно), и из различных писем, которые я с тех пор получил от него, у меня есть основания надеяться, что он предоставит мне возможность личной встречи с ним в этом месте". , (Нью-Йорк,) начало следующего лета, если предложенный съезд, против которого я не рискну утверждать, что он не может быть против, не должен помешать этому. Но хорошее взаимопонимание между нами и дружеские и фамильярные отношения, которые я успешно пытался сохранить, не сомневаюсь, возобладает над любым временным отвращением, которое меры Профсоюза могли до сих пор вызывать в его уме, и позволят мне добиться встречи с ним в любое время и в любом месте, не особенно неудобном. Однако для достижения этой цели с уверенностью может потребоваться личное заявление кого-либо, кому он будет явно делегирован и кому он будет доверять".

Капитана Бранта обвинили в большом тщеславии и в придании чрезмерного значения своему положению и влиянию. Но как мало найдется людей, индейцев или белых, которые не подверглись бы опасности быть несколько раздутыми, обнаружив, что две такие нации, как Великобритания и Соединенные Штаты, явно переигрывают друг друга за его услуги и дружбу? Тем не менее американский военный министр относился к нему с немалым недоверием. В своем ответном письме губернатору Клинтону от 11 мая госсекретарь, упомянув о враждебности Бранта к кукурузному плантатору, ссылается на прежний замысел вождя племени могавков встать во главе великой индейской конфедерации, о которой так часто говорят, к северо-западу от Огайо, включая Шесть наций; и цитирует письмо, которое он только что получил от преподобного мистера Киркланда, индийского миссионера, намекающего, что он еще не отказался от этого проекта. Действительно, сам Брант тогда только что написал мистеру Киркланду, что он все же хотел бы применить эту меру, если сочтет это практически

осуществимым. Соединенные Штаты, конечно, не могли благоприятствовать образованию какой-либо конфедерации, с помощью которой все тогдашнее огромное количество индейцев могло бы быть движимо единым порывом; и с целью отвлечь его от этой цели и заручиться его дружбой с Соединенными Штатами, губернатору Клинтону было предложено, если возможно, провести беседу, о которой он говорил, с капитаном Брантом. Губернатору также были даны полномочия вступать в любые денежные соглашения, которые он сочтет необходимыми, чтобы убедиться в своей привязанности к Соединенным Штатам.

Уже отмечалось, что совет, проведенный с участием шести наций полковником Пикерингом в "Пейнтед Пост" в июне, был в значительной степени успешным. Хотя вожди в Буффало по большей части находились под влиянием британских офицеров в Верхней Канаде и, конечно, в то время не очень дружелюбно относились к Соединенным Штатам, все же воины в целом были настроены более дружелюбно. Более того, женщины стремились к миру и обратились по этому поводу к полковнику Проктору. Прежде чем этот офицер покинул Буффало, индейцы начали собираться, чтобы встретиться с полковником Пикерингом, и на совете с его участием присутствовало много людей, что служило, если не другой благой цели, отвлечению внимания индейцев и раздаче подарков, чтобы удержать молодых воинов от потакания их любимой привычке - ускользать и присоединяться к майамцам. Полковник Пикеринг также убедил капитана Хендрика Аупамута, заслуженно прославленного вождя Мухеконнаков, предпринять миссию в Майами, которую полковнику Проктору и Кукурузному плантатору не позволили выполнить. Капитан Брант, как также сообщалось Военному министерству, примерно 1 августа вернулся на Ниагару из города Майами в сопровождении нескольких западных вождей. Индейцы по договору Пикеринга утверждали, что после всего, что произошло, планы Бранта по-прежнему миролюбивы; и поскольку лорд Дорчестер, как уже говорилось, высказался за умиротворение индейских племен, а сэр Джон Джонсон собирался снова собрать шесть наций в Буффало, американское правительство питало большие надежды на то, что пограничные трудности вскоре будут улажены без необходимости еще раз прибегать к оружию.

Индейцы Стокбриджа, переселившиеся из Массачусетса в страну Онейда в 1785 году.

Но, несмотря на эти благоприятные признаки, подготовка к новой наступательной кампании не ослабевала. И хорошо, что этого не произошло. Действия Бранта, без сомнения, самого влиятельного воина своей расы, были все же загадочны, а его замыслы слишком тщательно скрывались, чтобы их можно было разгадать. Неограниченная власть, которой президент был облечен в предыдущем году, призывать на поле боя конное ополчение, была использована генералом Вашингтоном в той мере, в какой это было сочтено необходимым, и против деревень на реке Уобаш были проведены две экспедиции — первую возглавил генерал Скотт в мае, а вторую - генерал Уилкинсон.. Эти беспорядочные вылазки, однако, не принесли никаких положительных результатов. Несколько воинов были убиты, а небольшое количество стариков, женщин и детей взято в плен. Но такие результаты не были рассчитаны на то, чтобы произвести какое-либо серьезное впечатление на дикарей или оказать какое-либо особое влияние на ход войны. Также было хорошо известно, что индийцы получили с британских постов большие запасы провизии и боеприпасов сразу после поражения генерала Хармара предыдущей осенью. Этот факт, правда, отрицался лордом Дорчестером, но, тем не менее, он был несомненным; и также было несомненно, что в дополнение к недружественному влиянию

британских офицеров на границах английские и французские торговцы, рассеянные по индийским городам, постоянно подстрекали их к враждебным действиям.

В этих обстоятельствах, когда все усилия Соединенных Штатов по привлечению враждебных индейцев к дружественному совету потерпели неудачу, стало необходимым завоевание страны Майами и изгнание индейцев. Самые энергичные меры, имевшиеся во власти исполнительной власти, не привели к мобилизации войск и выводу их на поле боя до сентября месяца. 7-го числа того же месяца генерал Сент-Клер двинулся из форта Вашингтон на север, в сторону Майами, установив по пути два промежуточных поста на расстоянии более сорока миль друг от друга как места, откуда можно черпать припасы, если армия будет нуждаться, или куда можно отступить в случае катастрофы. На самом дальнем из этих постов, называемом Форт Джефферсон, было получено подкрепление из ополчения численностью в триста шестьдесят человек, что увеличило армию примерно до двух тысяч человек. С этими силами Сент-Клер двинулся вперед, но необходимость проложить дорогу через леса замедлила его продвижение. Индейцы небольшими разрозненными группами держались на флангах и, судя по имевшим место перестрелкам, были несколько раздражающими. К этим неприятностям добавилось то, что ополченцы начали дезертировать; и по мере того, как армия все больше приближалась к территории противника, шестьдесят из них ушли всем скопом. Сообщалось также о решимости этих "храбрых защитников земли своей страны" напасть на припасы в тылу; чтобы предотвратить этот акт моральной измены, было сочтено необходимым направить в погоню майора Хамтрампа.

После этих сокращений фактические силы Сент—Клера, которые остались, не превышали тысячи четырнадцати сотен человек, включая как регулярных войск, так и ополченцев. Продвигаясь вперед с ними, правым крылом под командованием генерала Батлера и левым под командованием подполковника Дарка, оба, как и главнокомандующий, ветераны революционных заслуг, 3 ноября они подошли примерно на пятнадцать миль к деревням Миамис. Армия разбила лагерь на ночь на берегу ручья, ополчение переправилось заранее, чтобы разбить лагерь на другом берегу. Здесь было обнаружено несколько индейцев; но они поспешно бежали, и армия расположилась бивуаком на ночь — ситуация и диспозиция как для обороны, так и для защиты от внезапности были самого разумного характера.

Эта позиция была выбрана с целью организовать небольшую оборону и дожидаться возвращения майора Хамтрампа с первым полком. Оба проекта были предвосхищены индейцами и обойдены ими. Примерно за полчаса до восхода солнца утром 4-го, сразу после того, как солдаты были распущены с парада, ополченцы, находившиеся примерно в четверти мили впереди, были стремительно атакованы индейцами. Как и у большинства ополченцев, их первым побуждением было бежать — и этому побуждению они подчинились в величайшем ужасе и диком замешательстве. Промчавшись через главный лагерь, когда враг наступал им на пятки, там тоже создалась немалая степень замешательства. Шеренги были выстроены при выстреле первого орудия; но охваченное паникой ополчение прорвалось и таким образом открыло путь врагу — преимущество, которое не было упущено им. Офицеры тщетно пытались восстановить порядок, хотя какое-то время дивизии Батлера и Дарка, расположившиеся лагерем примерно в семидесяти ярдах друг от друга, удерживались на позициях. Но индейцы атаковали их с большой отвагой— обрушиваясь на центр обеих дивизий в большом количестве. Артиллерия американцев практически не помогала, поскольку индейцы сражались в своем обычном режиме, лежа на земле и ведя огонь из—за деревьев, перепрыгивая с дерева на

дерево с невероятной быстротой и редко представляя собой доступную цель для глаз даже стрелка. В пылу преследования беглых ополченцев они вышли в тыл Сент-Клеру и обрушили разрушительный огонь на артиллеристов со всех сторон, кося их десятками и с дерзостью, редко практикуемой индейцами, бросаясь вперед и завершая смертоносное дело у самых орудий. Генерал Сент-Клер сам был болен, в течение нескольких недель испытывая сильное недомогание. Однако он заступил на свой пост и, хотя был чрезвычайно слаб, отдавал приказы в сложной чрезвычайной ситуации рассудительно и с самообладанием. Но он работал в невыгодных условиях, командуя ополчением, на которое нельзя было положиться, и имея мало, если вообще имел, необученных рекрутов среди своих регулярных войск. Их тоже завербовали в спешке, и им было отведено мало времени на муштру или дисциплину. Следовательно, хотя они были храбры и ими командовали офицеры высочайших качеств, они сражались в крайне невыгодных условиях. Генерал Батлер пал в самом начале боя, смертельно раненный, и вскоре после этого был убит наповал при обстоятельствах глубокого зверства. Среди индейских воинов было значительное количество канадцев, беженцев из Соединенных Штатов и полукровок — молодых мужчин, рожденных от матерей-индианок в отдаленных канадских поселениях. Эти разношерстные союзники дикарей были еще более жестокими, чем их руководители. Среди них был известный Саймон Герти, чье имя встречалось в предыдущей части настоящей работы. После боя Герти, который знал генерала Батлера, нашел его на поле боя, корчащимся от боли от полученных ран. Батлер заговорил с ним и попросил положить конец его страданиям. Предатель отказался это сделать, но, повернувшись к одному из индейских воинов, сказал ему, что раненый был высшим офицером; после чего дикарь всадил свой томагавк ему в голову и таким образом прекратил его страдания. Его скальп был мгновенно сорван с макушки, сердце извлечено и разделено на столько частей, сколько племен участвовало в битве.

[FN] "Очень много молодых канадцев, и, в частности, многие из тех, кто родился от индианок, сражались на стороне индейцев в этой акции; обстоятельство, которое утвердило жителей Штатов во мнении, которое у них сложилось ранее, что британцы поощряли и подстрекательствовали индейцев в их нападениях на них. Однако, беседуя со многими из этих молодых людей, сражавшихся против Сент—Клера, я могу с уверенностью утверждать, что они в строжайшей тайне покинули свои дома, чтобы присоединиться к индейцам, опасаясь, как бы правительство не осудило их поведение ". - *Путешествия Уолда по Канаде*.

Индейцы никогда прежде не сражались с такой яростью. Лес огласился их криками, и они бросились на войска под своим любимым укрытием из деревьев, пока частично не овладели лагерем, артиллерией и всем остальным. Убедившись, что огонь их войск не произвел заметного эффекта на индейцев, пришлось прибегнуть к штыку. Полковник Дарк предпринял стремительную атаку во главе левого фланга и отбросил противника примерно на четыреста ярдов назад с некоторыми потерями. Но, не имея достаточного количества стрелков, чтобы сохранить свое преимущество, он отказался от преследования — будучи немедленно преследуемым, в свою очередь, под смертоносным огнем. Впоследствии тому же доблестному офицеру было приказано совершить вторую атаку, которую он выполнил с не меньшей храбростью, очистив на время ту часть лагеря, на которую было направлено его внимание. Но американцы были теперь полностью окружены; и пока он гнал индейцев в одном направлении, было видно, как их тучи обрушивались "с отвагой людей, чье ремесло - война" на другой пункт, ведя самый разрушительный огонь со всех сторон. Применение штыка всегда сопровождалось

временным успехом, но каждая атака также сопровождалась серьезными потерями, особенно офицеров; ни в одном случае американцы не смогли удержать преимущество, которое было с таким трудом достигнуто. Наконец, большая часть лучших и храбрейших офицеров пала, почти все, что сохранило порядок, исчезло. Солдаты сбивались в группы и были расстреляны без сопротивления. Сделав все, что в данных обстоятельствах мог сделать храбрый человек, и обнаружив, что день безнадежно потерян, генерал Сент-Клер приказал полковнику Дарку со вторым полком атаковать отряд индейцев, перешедших дорогу в тыл, и таким образом открыть путь к отступлению. Приказ был быстро и успешно выполнен, и последовало беспорядочное бегство. Победоносные индейцы довели свое преимущество до дистанции всего в четыре мили, когда, оставив преследование, они обратили свое внимание на добычу и прекратили сражение, чтобы насладиться "добычей побежденных". Беглецы продолжили свое бегство за тридцать миль до форта Джефферсон. Здесь они встретили майора Хэмтрака с первым полком; но было сочтено нецелесообразным останавливаться, и остатки армии отступили к форту Вашингтон, как это сделал Хармар годом ранее. Отступление действительно было самым беспорядочным и трусливым. "Лагерь и артиллерия, - говорит генерал Сент-Клер в своем рассказе о кампании, - были оставлены; но это было неизбежно, потому что не осталось ни одной лошади, чтобы отвести их, если бы это было практически возможно. Но самая позорная часть этого дела заключается в том, что большая часть людей побросала свое оружие и амуницию даже после того, как преследование прекратилось. Я обнаружил, что дорога усеяна ими на многие мили, но был не в состоянии исправить это; поскольку все мои лошади были убиты, и я сел верхом на одну, которую нельзя было вывести из строя на ходу, я не мог продвигаться вперед сам, и приказы, которые я послал вперед, либо остановить фронт, либо помешать людям расстаться с оружием, остались без внимания".

Это было одно из самых жестоких сражений, когда—либо велось с индейцами - последним не помогали никакие другие виды вооруженных сил, за исключением уже упомянутых диких канадцев-полукровок. Потери американцев, пропорциональные числу сражавшихся, были очень серьезными. Тридцать восемь офицеров были убиты на поле боя, а четыреста девяносто три унтер-офицера и рядовых убиты и пропали без вести. Двадцать один офицер был ранен, несколько из которых смертельно, и двести сорок два унтер-офицера и рядовых также были ранены. Генерал Батлер, павший в самом начале боя, был храбрым человеком; и вместе со многими другими павшими превосходными офицерами "участвовал во всех трудах, опасностях и славе того длительного конфликта, который завершился независимостью их страны". [FN]

"Жизнь Вашингтона" Маршалла. Балладу, повествующую об этой катастрофической битве, смотрите в Приложении, № VII.

Потери индейцев составили около ста пятидесяти человек убитыми и значительное число ранеными. Их непосредственной добычей было все лагерное снаряжение и поклажа, шесть или восемь полевых повозок и четыреста лошадей. Поскольку борьба велась за землю, индейцы, калеча мертвых, с горьким сарказмом высмеивали алчность белых людей, набивая им рот землей, которую они шли завоевывать. [FN]

Два года спустя, когда поле битвы было вновь занято армией Уэйна, его вид был самым печальным. На площади около трехсот пятидесяти квадратных ярдов было найдено пятьсот костей черепа, большинство из которых были собраны и захоронены. Примерно на пять миль в направлении отступления армии лес был усеян скелетами и мушкетами. В ручье неподалеку были найдены два медных полевых орудия.—*"Книга об индейцах" Дрейка.*

Генерал Сент-Клер не возлагал никакой вины на своих офицеров. Напротив, он удостоил их высшей похвалы за их хорошее поведение; а о тех, кто был убит, он заметил: "Это обстоятельство, которое в какой—то мере смягчит несчастье, что все они пали, доблестно выполняя свой долг". Судя по тому, что его атаковали со всех сторон как бы в один и тот же момент, генерал считал, что он был подавлен численностью. Но из последующего расследования выяснилось, что индейских воинов насчитывалось всего от тысячи до полутора тысяч. Но они сражались с большим отчаянием. Их лидером, согласно общепринятому мнению, был *Мешекуннаква*, или *Маленькая Черепаха*, выдающийся вождь племени миами. Он также был лидером индейцев, выступивших против генерала Хармара годом ранее. Однако считается, что, хотя номинально он был главнокомандующим индейцев в этом случае, он был в большом долгу как перед советами, так и перед доблестью другого, более старшего вождя. Сто пятьдесят воинов-могавков участвовали в этой битве; и генерал Сент—Клер, вероятно, погиб, не подозревая о том факте, что одним из главных духов, с которыми он сражался и от которых потерпел столь сокрушительное поражение, был не кто иной, как Джозеф БРАНТ-ТАЙЕНДАНЕКА. [FN] Как случилось, что этот выдающийся вождь, от которого так много ожидали как от миротворца, так внезапно и эффективно занял позицию активной враждебности, если только он не думал, что видит возможность возродить свой проект создания великой северо-западной Конфедерации, - это тайна, которую он, как полагают, унес в своей груди до самой могилы.

[FN] Этот интересный факт был выведен автором из семьи Тайенданеги. Он тщетно искал его в печати. Именно то обстоятельство, что Брант участвовал в этом сражении, побудило автора так полно описать это событие и сопутствующие ему инциденты в этом месте. Похоже, что правительство Соединенных Штатов, к сожалению, было виновато в количестве и племенах индейцев, участвовавших в этой битве; и когда в январе 1798 года капитан Питер Понд и Уильям Сидман были отправлены в страну индейцев в качестве посыльных, частью их инструкций было получение информации по этим вопросам. —Смотрите Государственные документы Индии, т. iv. стр. 227.

Известие о решающем поражении генерала Сент-Клера погрузило всю страну во мрак, усугубленный трауром по многим павшим благородным душам. Паника, царившая вдоль всей северо-западной границы, простиравшейся от границ Нью-Йорка до устья реки Огайо, была неописуемо велика. Жители опасались, что индейцы, ободренные успехом и значительно увеличившие численность, обрушатся на них тучами и опустошат все пограничные поселения факелами и томагавками, даже если какой-нибудь современный лесной Аларих не поведет своих варваров к воротам Рима. И эти опасения ни в коей мере не были беспочвенными. В течение двенадцати месяцев, последовавших за разгромом Сент-Клера, набеги дикарей стали более яростными, чемкогда-либо прежде; и некоторые из самых трагических сцен, зарегистрированных в истории, происходили на протяженной линии границ. [FN]

"Жизнь индейских вождей" Тэтчер - Маленькая черепашка. В качестве примера автор приводит хорошо подтвержденный случай, произошедший в тогдашней, возможно, самой густонаселенной части запада. Владелец жилого дома в Кентукки по фамилии Меррилл, встревоженный лаем своей собаки, подойдя к двери, был обстрелян нападавшим отрядом индейцев, которые сломали ему правую ногу и руку. Они попытались войти в дом, но были опереждены миссис Меррилл и ее дочерью, которые так плотно закрыли дверь, чтобы держать их на расстоянии. Затем они начали прорубать себе путь через дверь, и им удалось пробить отверстие, через которое попытался войти один из воинов. Дама, однако, была готова к такому событию, и когда он просунул голову внутрь, она раскроила ее топором и мгновенно затащила его тело в дом. Его спутники, не зная о катастрофе, но полагая, что он успешно преодолел свой путь, один за другим пытались последовать за ним. Но миссис Меррилл нанесла смертельный удар по каждой голове, которая просунулась внутрь, пока пять воинов не легли мертвыми у ее ног. К этому времени группа снаружи узнала о судьбе своих более проворных товарищей и решила, что они добьются входа более безопасным способом — спустившись по дымоходу. Содержимое пуховой перины было мгновенно высыпано в огонь, образовав такой густой и едкий дым, что еще два воина упали ничком на очаг в состоянии полузадушения. Момент был критический, так как мать и дочь охраняли дверь. Однако мужу с помощью своего маленького сына, хотя и сильно покалеченного, удалось избавиться от этих двух непрошенных гостей с помощью полена. Тем временем жена отразила еще одно нападение у двери — тяжело ранив другого индейца; после чего нападавшие сняли осаду. Другой в высшей степени интересный рассказ о страданиях на границе весной 1792 года см. В Приложении, № VIII.

Была и еще одна причина для беспокойства. Опасались, что, разгоряченные поражением второй экспедиции, даже пять из Шести наций, которые заключили договоры с Соединенными Штатами, но к чьей окончательной верности питалось немало недоверия, теперь схватятся за свои топоры и бросятся в ряды мيامцев и их западных союзников. Поэтому жители приграничных городов обращались к правительству с самыми искренними просьбами о защите, к которым нельзя было остаться равнодушными.

Народный шум против Сент-Клера вследствие его катастрофического поражения был громким и глубоким. При огромной массе народа генералом является только успех, а Сент-Клеру не повезло. Сдача Тикондероги в 1777 году была событием, которое в то время вызвало большое разочарование и неудовлетворенность, и воспоминание было возрождено в связи с этим обратным сигналом. Но ни в том, ни в другом случае вина не лежала на командующем генерале, Тикондерога была эвакуирована из-за того, что ее невозможно было оборонять, а битва проиграна из-за трусости ополченцев. Полностью сознавая, что никакая вина не была справедливо возложена на него, генерал Сент-Клер обратился к президенту с просьбой о проведении расследования следственным судом. Просьба была отклонена только по той причине, что на службе не было достаточного количества офицеров требуемого ранга, чтобы сформировать законный суд для этой цели. [FN-1] Осознавая предубеждения, возбужденные против него в общественном сознании, несчастный генерал спонтанно объявил о своем намерении сложить с себя полномочия, предположив, однако, что он должен предпочесть сохранить их до тех пор, пока его поведение не будет каким-либо образом расследовано; но поскольку военное ведомство в то время допускало только одного генерал-майора, а служба требовала скорейшего назначения преемника, президент также, хотя и с неохотой, отклонил эту просьбу. [FN-2] Жалобы, это правда, были направлены в уши президента против него. Среди прочих генерал Джон Армстронг, герой Киттанинга и опытный боец-индеец из Пенсильвании,

обратился к президенту с письмом, в котором порицал генералитет Сент-Клера. [FN-3] Однако считается, что ветеран-губернатор Северо-западной территории продолжал в полной мере пользоваться доверием президента до последнего.

[FN-1] Письмо президента Вашингтона генералу Сент-Клеру, 28 марта 1792г.

[FN-2] Письмо президента генералу Сент-Клеру, 4 апреля 1792г.

[FN-3] Жизнь и переписка Спаркса из Вашингтона, Том X, стр. 223.

Назначение преемника Сент-Клера на посту главнокомандующего сухопутными войсками вызвало у президента немалое недоумение. Его собственные склонности были в пользу губернатора Вирджинии Генри Ли; но было опасение, что возникнут трудности с привлечением к услугам офицеров, которые были старше его в армии Революции, в качестве его подчиненных. Похоже, было несколько кандидатов, среди которых были генералы Морган и Скотт, а также полковник Дарк, который служил под командованием Сент-Клера во время последней кампании. В конечном итоге назначение было возложено на генерала Энтони Уэйна. Выбор был самым непопулярным в Вирджинии; но результат продемонстрировал его мудрость. [FN]

15 июня губернатор Ли написал президенту Вашингтону письмо, касающееся выбора преемника генерала Сент-Клера в целом и, в частности, назначения Уэйна, в котором он сказал: "Вам не может быть незнакомо крайнее отвращение, которое позднее назначение на командование армией вызвало у всех приказов в этом штате". На это письмо Президент дал обстоятельный ответ. Следующий абзац содержит ответ на замечание губернатора Ли, приведенное выше: "Не мне решать, насколько назначение генерала Уэйна является популярной или непопулярной мерой. Это не было решением момента, и это не было следствием пристрастия или влияния; потому что ни одно заявление (если это в каком-либо случае могло исказить мое суждение) никогда не подавалось в его пользу от кого-либо, кто мог бы бросить вес перышка на его чашу весов; но потому, что при полном рассмотрении всех обстоятельств он казался наиболее подходящим. Человеку с вашей наблюдательностью и умом нет необходимости замечать, что встреча, которая может быть непопулярной в одном месте и с одним кругом людей, может не быть таковой в другом месте или с другим кругом людей, *инаоборот*; и что пытаться угодить всем - верный способ не угодить никому; потому что попытка была бы столь же бесполезной, сколь и усилие было бы невыполнимым. У генерала Уэйна много хороших качеств как офицера, и следует надеяться, что время, размышления, дельные советы и, прежде всего, должное понимание важности оказанного ему доверия исправят его недостатки или затмят их".

Руфус Патнэм, сын ветерана Банкер-Хилла, который с честью служил в Революционной войне и который поселился на Северо-западной территории вскоре после завершения этого сражения, был назначен бригадным генералом, чтобы служить вместе с Уэйном. Это назначение было предложено полковнику Уиллетту из Нью-Йорка, но этот джентльмен отказался по соображениям совести в отношении борьбы с индейцами. "Мое единодушное мнение, - сказал полковник в письме президенту, - что Соединенным Штатам следует избегать войны с индейцами. В целом я считал это нашей самой мудрой политикой. Причины, приводимые в

поддержку нынешней войны в Индии, никогда не вызывали у меня осуждения. Исходя из моих знаний и опыта общения с этими людьми, мне ясно, что сохранить мир с ними несложно. То, что среди них есть плохие люди, и что они иногда совершают поступки, заслуживающие наказания, совершенно очевидно. Но я считаю, что начинать войну - неподходящий способ наказать их. Большинство индейцев, о которых я что-либо знал, тщеславны. Потакая их тщеславию, вы завоевываете их хорошее мнение; а это со временем завоевывает их уважение и привязанность. Заручившись их доброй волей, вы сделаете их восприимчивыми практически к любому впечатлению. Они доверчивы, но подозрительны. Они много думают; и у них в целом хорошие представления о добре и зле. Они часто демонстрируют доказательства благодарности, но при этом они очень мстительны. И хотя они не свободны от придирок и интриг, все же, если должным образом потакать их тщеславию и обращаться с ними справедливо, нетрудно прийти к разумным условиям с ними. Общение, которое у меня было с этими людьми, обращение, которое я сам получал от них и которое, как я знаю, получали другие, делают меня их защитником. Сражаться с ними было бы последним, чего бы я желал. И все же, сэр, я заявляю, исходя из имеющегося у меня опыта, я не представляю себе труда победить их, когда они вступят в бой. Когда небольшими группами они рассредоточиваются вдоль границы, их всегда считали чрезвычайно беспокойными и опасными. Этот вид войны - их сильная сторона; и в нем они проявляют себя поистине устрашающе. Но когда они пытаются что-либо предпринять большими группами, я обнаружил, что, несмотря на их большую ловкость в дикой местности и преимущество, которое они обычно извлекают из занимаемой ими замечательной позиции, их легко победить. При маршировании по лесам, где войска подвергаются нападениям со стороны индейцев, особое внимание следует уделять не только способу и линии марша, но также вытягивать небольшие группы и одиночных людей далеко на флангах спереди и в тылу. Но всякий раз, когда предпринимается серьезная атака, которая обычно бывает яростной, мгновенная атака с улюлюканьем, достаточно громким, чтобы заглушить шум, производимый индейцами, всегда сможет отразить их. И этот удар, повторяемый и продолжающийся, я твердо убежден, завершится победой. И все же за победу даже над индейцами обычно приходится платить; но поражения ужасны. Однако честь сражаться и побеждать индейцев - это то, к чему я не стремлюсь. Если бы я каким-либо образом мог способствовать установлению и поддержанию мира с ними, это было бы источником огромного удовлетворения".

ГЛАВА XI.

Препараты для индийской консультации в Филадельфии—капитан Брант приглашены ... его возражения—буква преподобный Мистер Киркланд, чтобы капитан Брант—письмо военного министра, к тому же—письмо полковника Гордона к тому же—письма капитана Бранта секретарю войны—секретарь войны капитан Брант—попытки из Монреаля, чтобы предотвратить Брант от поездки в Филадельфию—его путешествие—чувства против него в долине Мохок—его прибытие в Нью-Йорк и Филадельфия—либеральные предложения, сделанные ему—Письмо графа де Пуизу—предложения отклонены—берет на себя миссию мира в Майами—возвращается в Нью-Йорк—проводимая немецкой от немецкой квартиры, покоряющий своей жизни—открыл в Нью-Йорке—Брант возвращается в Ниагара—убийство полковника Хардена и крупных Трумана—буквы Брант секретарь на войне—чувства западных стран—переписка между Брант и М^сКи—великого индийского Совета при ас-Глайз—болезни капитана Бранта—Военные действия отложить до весны, а договор с США заказали—возврат делегатов из шести стран—обращение к президенту Вашингтон—отдельная организация Верхней Канады—прибытие губернатора Симко—письмо Брант от герцога Нортумберленда—подготовке к Великому собору 1783—свежие недовольство индейцев—частная Советов—они послали ультиматум в ожидании—американский уполномоченных отправляемся в стране индейцев—их прибытии в Ниагара—дружеские вести от губернатора Симко—празднование королевского дня рождения—Комиссаров запустить для Запада—их прогресс останавливается, проведение общих Уэйн—Брант неожиданно возвращается с Запада с депутацией—совет провел в Форт-Эри—комиссары вернуться в Ниагара—Совет есть—речь капитана Бранта—ответ уполномоченных речь кошачьего глаза—возразил Брант—прибытие в семью народов—Брант поступления в Майами-Рapidс—вслед за комиссарами—приезде в Детройт—Ривер-их прогресс останавливается, неожиданный поворот дел Объяснений с депутатами от Великого Совета—долгих дебатов в Индийском Совет—Брант говорит решительно мира—губернатор симкой снижается консультирование индейцев—переговоры внезапно прекращается индейцами—их адреса и непременно условием.

По договору с шестью нациями, за исключением могавков, заключенному полковником Пикерингом в the Painted Post в июне прошлого года, с некоторыми из их вождей была достигнута договоренность посетить Филадельфию, тогдашнюю резиденцию правительства Соединенных Штатов, во время сессии Конгресса, которая должна была состояться зимой 1791-92 годов. Мотив этого приглашения был тройственным. Во-первых, по возможности, более искренне привязать их к интересам Соединенных Штатов. Во-вторых, проконсультироваться относительно наилучших методов распространения на них преимуществ и благ цивилизации. В-третьих, произвести на них впечатление справедливым мнением относительно физической и моральной мощи страны, чтобы они могли своими глазами увидеть, насколько тщетными должны быть все военные усилия индейцев против Соединенных Штатов. Улучшение морального и социального положения индейцев было дорогой сердцу президента целью, и он не упускал возможности при каждом удобном случае внушить им желание Соединенных Штатов стать защитниками, друзьями и служителями добра для всех миролюбиво настроенных сынов леса. Из-за большого влияния капитана Бранта не только на Шесть наций, но и на все индейские народы было сочтено важным убедить его присутствовать на ожидаемом Совете в Филадельфии. Соответственно, были приложены огромные усилия для достижения этой цели.

[FN] С самых ранних сведений, которыми обладали белые люди о стране западный Нью-Йорк, раскрашенный столб был отмечен как географическая достопримечательность. Когда белые люди впервые прошли по этому месту, на нем стоял большой дубовый столб, который сохранил это название до наших дней. Он был раскрашен в индийской манере и охранялся индейцами как памятник, которые обновляли его так часто, как только появлялись признаки того, что он приходит в упадок. Традиция гласит, что это был памятник великой древности, отмечавший, согласно некоторым утверждениям, место великой и кровопролитной битвы. По другим данным, он был возведен, чтобы увековечить память какого-то великого военачальника.

Первое приглашение было передано полковником Пикерингом в письме. Опасаясь, однако, что простое приглашение не будет достаточным стимулом для вождя-ветерана предпринять поездку, военный министр 20 декабря написал преподобному мистеру Киркленду, хорошо известному индийскому миссионеру, с просьбой отправиться из Онейды в Джинеси, чтобы встретиться с вождями Шести наций, которые направлялись в Филадельфию, и проводить их туда. Прибыв в указанное место, мистеру Киркленду было поручено написать капитану Бранту от своего имени и разослать посыльных, заверив его в радушном приеме со стороны правительства Соединенных Штатов и пообещав позаботиться о его личной безопасности. Эти шаги были незамедлительно предприняты мистером Кирклендом, которому капитан Брант написал ответ, отклоняющий приглашение, — по каким причинам, поскольку это письмо, по-видимому, не сохранилось, можно сделать вывод только из последующей переписки военного министра и мистера Киркленда. Судя по письму первого, шеф счел приглашение недостаточно формальным. Судя по письму мистера Киркленда, также адресованному самому вождю, можно предположить, что последний опасался, что, если он предпримет это путешествие, американское правительство будет ожидать, что он будет путешествовать подобно обычным стадам индейцев, которые часто, как и сейчас, имели обыкновение посещать столицу Республики и которых обычно водит по стране в упряжке один проводник. Это, однако, не входило в намерения правительства, как более полно будет видно из следующей корреспонденции:—

"ПРЕПОДОБНЫЙ МИСТЕР КИРКЛЕНД КАПИТАНУ БРАНТУ. (Выдержка.)

"Дженези, 17 февраля 1792 года".

"Мой дорогой и достойный друг, в данный момент не в моей власти даже пытаться ответить на ваше письмо доктора Аллена так, как оно того заслуживает. Достаточно сказать, что в мои планы не входило, чтобы вы оказались в компании всех старых вождей и беспорядочно таскались с ними во время предполагаемого тура в Филадельфию. Нет, сэр; при всем уважении, которое я питаю к вашему характеру и счастью, я бы отказался от этой мысли. Доктор Аллен был проинформирован об этом и получил указание ознакомить вас с моими инструкциями на этот счет. Вам не следует, сэр, опасаться какого-либо пренебрежения или недостатка надлежащего внимания с моей стороны во время предполагаемой поездки или сердечного приема по

прибытии в резиденцию правительства. Простите меня, если я скажу, что у вас будет гораздо больше поводов опасаться противоположной крайности. Существует так много важных вопросов, касающихся индейцев, по которым у меня есть желание поговорить с вами, что я не могу добровольно отказаться от идеи личной беседы.

"Поверьте мне, мой дорогой друг, что ваша честь и счастье, а также дело человечества разделяют мою привязанность и заботу. Очень возможно, что я пристрастен к вам из-за того, что вы спасли мне жизнь в начале последней войны, этот случай я никогда не забуду и тысячи раз упоминал в вашу похвалу. Исходя из чуткости души, которой вы обладаете, я не могу не льстить себе надеждой, что вы настолько уладите свои домашние дела, что окажете мне честь коротким визитом в эти окрестности следующей весной, если я вернусь сюда в это время года; и если вы, по зрелом размышлении, решите приехать раньше, генерал Чапин и доктор Аллен будут готовы ждать вас, куда бы вы ни пожелали отправиться. Извините за резкость, с которой я заканчиваю, будучи очень переполненным людьми, — желаю вам всяческого счастья, поверьте мне, с большой искренностью и уважением,

"Дорогой сэр, ваш любящий друг И покорный слуга. С. Кирклэнд.

"Полковник Дж. Брант.

"Р. S. Пожалуйста, передайте от меня почтение доктору Керру и его супруге. Я чрезвычайно сожалею о задержке моего предыдущего письма, которое лишило меня счастья личной беседы. Я надеюсь, что это будет доставлено собственноручно предъявителем, вашим другом, капитаном Хендриком.

Почти в то же самое время, когда мистер Кирклэнд таким образом пытался убедить шефа выполнить просьбу правительства по этому вопросу, военный министр направил непосредственно ему письмо, настолько полное, вежливое и официальное, насколько мог пожелать самый привередливый дипломат:

-Военный министр капитана Бранта.

"Филадельфия, 20 февраля 1792 года.

-Сэр,

"Полковник Пикеринг, который в течение последних двух лет поддерживал некоторые связи с сенеками и другими представителями Шести наций, был должным образом уполномочен пригласить вас посетить этот город, чтобы проконсультироваться с вами о наилучших средствах цивилизованности и продвижения счастья индейцев. Недавно была получена некоторая информация от мистера Кирклэнда, намекающая на ваше намерение совершить визит, но отказывающаяся сделать это по предыдущему приглашению, как недостаточно ясному.

"Сейчас я повторяю вам это приглашение, сопровождаемое пожеланием, чтобы вы посетили этот город, являющийся резиденцией американского правительства; и я могу заверить вас, что Президент Соединенных Штатов будет в высшей степени удовлетворен приемом и беседой с таким выдающимся руководителем, как вы, на тему, столь интересную и важную для человечества.

"Это приглашение адресовано вам из самых справедливых побуждений. Президент Соединенных Штатов осознает чистейшую склонность содействовать всеобщему благосостоянию индейцев; и он льстит себя надеждой, что только при соответствующих обстоятельствах может произвести на них впечатление правдивостью этого утверждения. Он считает ваш ум более просвещенным, чем у них, и надеется, что ваше сердце наполнено истинным желанием служить основным интересам ваших соотечественников. Соединенные Штаты, во многом вопреки намерениям правительства, вступают в военные действия с некоторыми западными индейцами. Мы, со своей стороны, вступили в нее с неохотой и рассматриваем ее как войну по необходимости, а не как это предполагается и усердно пропагандируется многими с целью накопления большего количества земель, чем было уступлено по договору с индейцами после заключения мира с Великобританией. Мы желаем довести это до конца не из каких-либо опасений относительно благоприятного результата, потому что, при сравнении сил и ресурсов, каким бы неприятным ни было упорство в этом для нас, оно должно привести к полному уничтожению враждебных индейцев. Мы желаем, ради блага человечества, избежать такой катастрофы.

"Это главное дело, о котором вам расскажут со стороны Соединенных Штатов; и это предмет, достойный самой образованной головы и сердца. Если вы разделяете эту точку зрения, у мистера Киркланда есть указания согласовать с вами наиболее удовлетворительный способ вашего совершения путешествия. Характер дела покажет необходимость вашего приезда без промедления, если вы склонны принять приглашение.

- Я, сэр, Х. Нокс.

-Капитану. Джозефу Бранту."

Это письмо было приложено генералом Ноксом мистеру Киркланду, которого заверили, что "присутствие капитана Бранта в Филадельфии считается чрезвычайно важным". Мистеру Киркланду было соответственно предписано "приложить все усилия, чтобы убедить его приехать" и "договориться с ним о наиболее удовлетворительном способе передвижения — сделать его настолько лестным для него, насколько это возможно, и сопровождать его". Мистер Киркланд немедленно отправил письмо секретаря полковнику Гордону на Ниагару через доктора Аллена с просьбой, чтобы полковник передал его своему секретарю. место назначения — Гранд-Ривер. Но посыльный мистера Киркланда раскрыл полковнику Гордону содержимое посланки, тем самым позволив этому офицеру оказать немедленное влияние на мнение шефа, если тот пожелает это сделать. Результатом было то, что вместе с письмом секретаря капитан Брант получил следующее сообщение:

"Полковник Гордон капитану Бранту.

"*Ниагара*, 20 марта 1792 года.

"Мой Дорогой Друг,

"Посылка, которую я вам сейчас посылаю, была доставлена сюда доктором Алленом из Канадасаго. Я не знаю содержания, кроме того, что предъявитель сообщил мне, что это письмо от военного министра Соединенных Штатов, приглашающее вас в Филадельфию по важному делу.

"Ваш собственный здравый смысл лучше всего продиктует ответ, который вы должны дать.

"Если это имеет отношение к установлению мира с западными индейцами, я не могу представить, что Филадельфия является местом, где должна проводиться столь важная конференция; поскольку очевидно, что никто из западных индейцев, чьи интересы затронуты в этом событии, не может присутствовать; и если Шестью нациями будут предприняты какие-либо шаги без их согласия, следует опасаться, что это вызовет зависть, которая впоследствии может сопровождаться неприятными последствиями.

"Если Соединенные Штаты, наконец, всерьез решили воздать должное западным индейцам и заключить с ними мир, при какой-нибудь удобной ситуации следует созвать генеральный совет, на котором могли бы быть собраны депутаты от всех заинтересованных наций, а также уполномоченные со стороны Великобритании и Америки. Тогда были бы четко определены взгляды всех сторон; установлена точная граница; прошлые акты вражды были бы преданы забвению; и были бы приняты такие меры, которые способствовали бы установлению постоянного мира и дружбы на прочной и справедливой основе.

"В ходе многочисленных бесед, которые мы вели по этому вопросу, мы в целом согласились с тем, что, судя по линии поведения, которой Соединенные Штаты придерживались до сих пор, не было похоже, что они серьезно рассматривали эту цель; и я с сожалением вынужден заметить, что, судя по способу действий в данном случае, есть слишком много оснований подозревать, что они еще не осознали свою ошибку.

"Почти в каждой сделке, которую они заключали с Шестью странами в течение последних двух лет, проявлялись двуличие и непоследовательность, на основе которых невозможно построить либеральную конструкцию.

"Шесть стран в нынешней критической ситуации со своими западными братьями должны быть чрезвычайно осторожны в том, как они вовлекают себя тем или иным образом. Великобритания находится в мире с Соединенными Штатами, и поэтому очень хотелось бы, чтобы ее друзья, индийцы в целом, были такими же; каждый совет, который им давался, имел в виду именно эту цель; и я все еще надеюсь, что недалек тот период, когда это желаемое событие будет осуществлено на справедливых условиях и к взаимному удовлетворению всех сторон.

Таким образом, мой дорогой друг, я был вынужден высказать вам свое личное мнение по данному поводу, и я полностью убежден, что вы будете придерживаться линии поведения, которая заслужит одобрение ваших братьев и друзей.

"Примите мои искренние добрые пожелания и поверьте мне, с большим уважением, вашему другу,

"А. Гордон.

"Р. С. Насколько я понимаю, некоторые сенека из Буффало-Крик уехали в Филадельфию по предыдущему приглашению полковника Пикеринга, что, как мне сказали, вызывает большое беспокойство в деревне.

"А.Г.

-Капитан Джозеф Брант, Гранд-Ривер."

Это, безусловно, было искусное общение. Командующий войсками Его Величества на Ниагаре желал восстановления мира между индейцами и Соединенными Штатами, но старался не упускать из виду часто повторяющиеся намеки на несправедливость и недобросовестность последних по отношению к первым. Одним словом, несмотря на свои миролюбивые протесты, полковник Гордон желал мира только посредством британского вмешательства, и его настоящей целью было помешать влиятельному вождю могавков посетить резиденцию американского правительства. Однако, несмотря на письмо полковника, шеф направил военному министру следующее условное согласие на приглашение:

"КАПИТАН БРАНТ ВЫЗЫВАЕТ ГЕНЕРАЛА НОКСА.

"Нассау, 27марта 1792 года.

"Сэр:—

"Имею удовольствие подтвердить получение Вашего письма от 25 февраля и в высшей степени ценю честь, оказанную мне содержащимся в нем приглашением и лестным комплиментом. Это визит, который я давно хотел совершить, и сейчас, кажется, недалек тот момент, когда это желание осуществится. Посещение вас как частного лица ни в коем случае не привело бы к достижению какой-либо хорошей цели, поскольку должны быть показаны те встречи, которые до сих пор проводились с людьми, не уполномоченными нацией в целом вести бизнес. Поэтому я хотел бы навестить вас, наделенный некоторой властью, которая позволит мне с уверенностью говорить о том, что я могу утверждать, и не утверждать то, что, как я в то же время должен хорошо знать, ни в коем случае не было бы одобрено. Это было слишком часто в последние годы и, по моему мнению, является главной причиной нынешних беспорядков. Объяснение причин недовольства абсолютно необходимо, и это должно быть сделано главе Соединенных Штатов, в отношении которого у меня нет ни малейших сомнений, но правосудие будет восстановлено должным образом. Для достижения таких желанных целей, как цивилизация и установление мира, не потребуется никаких усилий с моей стороны; и хотя обстоятельства делают для меня невозможным оказать себе честь принять приглашение в настоящее время, поскольку я не могу сказать, одобрили бы это западные нации, я, тем не

менее, немедленно отправлю гонцов в Майами с вашим приглашением, чтобы узнать мнение тамошнего народа, у которого, у меня нет серьезных оснований предполагать, что они одобряют мою поездку и, очень возможно, наделят меня такими полномочиями, которые придадут энергии тому, что я могу сделать.

"Мои посланцы, я полагаю, вернутся сюда примерно через тридцать дней, до тех пор я буду оставаться дома. Если навестить вас после этого не будет слишком поздно, чтобы ответить на вопрос о намеченной хорошей цели, я постараюсь совершить желанное путешествие - по крайней мере, если смогу услышать от вас ответ на это до истечения этого срока.

"Я, сэр, с уважением, Ваш и с. ДЖОЗЕФ БРАНТ.

-Военный министр."

Сразу же после получения этого письма в Военном министерстве президент назначил генерала Израэля Чапина из Дженеси заместителем агента в Индии с инструкциями передать капитану Бранту следующее сообщение и сделать все необходимые приготовления к его поездке:

-ВОЕННЫЙ МИНИСТР КАПИТАНА БРАНТА

"23 апреля 1792 года.

"Сэр, Я получил ваше письмо от 27 марта, в котором вы откладываете свой визит в этот город до истечения тридцати дней после этой даты.

"Я чрезвычайно сожалею о существовании каких-либо обстоятельств, которые приостановили ваш визит. Но поскольку намерения Президента Соединенных Штатов остаются прежними в отношении целей, упомянутых в моем предыдущем письме, я могу с большой искренностью заверить вас, что ваш визит в указанное вами время будет сердечно принят.

Генерал Чапин, назначенный представителем Пяти наций, либо сопровождает вас в этот город, либо наймет для этой цели какое-либо другое лицо, как будет согласовано между вами и ним,

"Я, &с. & с. Х. Нокс

-Капитану Джозефу Бранту."

Однако до получения этой корреспонденции предполагаемая конференция с участием делегации Шести наций, упомянутая в постскрипуме к письму полковника Гордона, состоялась в Филадельфии. Он начался 13 марта и продолжался почти до конца апреля. Присутствовали пятьдесят сахемов, и визит завершился к взаимному удовлетворению сторон. В дополнение к договоренностям по другим вопросам делегации согласились выполнить мирную миссию по отношению к враждебно настроенным индейцам и попытаться склонить их к миру. Но их

медленные передвижения были таковы, что они не отправлялись из Буффало в Майами до середины сентября. Во главе этого посольства стоял верный друг Соединенных Штатов, плантатор кукурузы.

Что касается миссии капитана Бранта, то, помимо отговорок полковника Гордона, официальные друзья шефа в Монреале предприняли энергичные усилия, чтобы предотвратить его визит в федеральную столицу. 1 мая к нему обратился мистер Джозеф Чу, офицер под командованием сэра Джона Джонсона, выразивший большое удовлетворение по поводу отказа капитана Бранта от первого приглашения и сообщивший начальнику о приготовлениях, которые американцы проводили к очередной кампании в Индии. В этом письме встречается следующий отрывок: "Я вижу, они ожидают иметь армию численностью около пяти тысяч человек, не считая трех кавалерийских отрядов. Судя по рекламе поставок провизии и т. Д., Эта армия не сможет двинуться в путь раньше конца июля. Неясно, какие попытки Уилкинсон и Хэмптрэк могут предпринять с ополчением. *Нашим друзьям следует быть настороже.* Я жажду узнать, что думают в Англии о победе, одержанной над армией Сент-Клера". [FN-1] 23 мая Брант сообщил мистеру Чу, что принял приглашение; [FN-2] а 19 июня последний джентльмен ответил, выразив сожаление по поводу того, что несколько его писем шефу не были получены до принятия им этого решения. Мистер Чу, который, несомненно, выражал взгляды сэра Джона Джонсона и исполнительного правительства провинции, считал, что капитану не следовало принимать такое приглашение, не узнав предварительно пожеланий короля в отношении средств установления мира между американцами и индейцами. В том же письме он также сообщает "своему тезке", как он называет Капитана, что некий мистер Хэммонд направлялся в страну индейцев с предложением посредничества его Величества. [FN-3]

[FN-1] Оригинальные письма среди бумаг Бранта.

[FN-2] Idem.

[FN-3] Idem.

После того, как были сделаны необходимые приготовления, путешествие началось в начале июня. Генерал Чапин не смог сопровождать Шефа в резиденцию правительства, поэтому его сопровождали сын генерала, доктор Аллен и двое его личных слуг — все верхом. Их маршрут от Ниагары до Олбани пролегал через долину Мохок. В Палатине, по предварительному приглашению, капитан навестил майора Джеймса Кокрэна, который тогда недавно обосновался в этом месте. Но чувства жителей настолько ожесточились против него во время Революционной войны, и некоторые немцы высказывали такие угрозы о намерении лишить его жизни, что для него было сочтено благоразумным тайно покинуть гостиницу, где в то время жил его друг майор Кокрейн, и переночевать в доме миссис Питер Шайлер по соседству, где на него было бы меньше шансов подвергнуться нападению. Он так и сделал, и на следующее утро продолжил свое путешествие. [FN] За этим исключением, его хорошо принимали на каждом этапе его путешествия. О его прибытии в Нью-Йорк газеты сообщали следующим образом: "В последний понедельник прибыл в этот город из своего поселения на Гранд-Ривер с визитом к некоторым своим друзьям в этом квартале капитан британской армии Джозеф Брант, знаменитый вождь племени ирокезов, который так высоко отличился во время последней

войны в качестве военного лидера Шести наций. Нам сообщили, что он намерен посетить город Филадельфию и засвидетельствовать свое почтение президенту Соединенных Штатов".

[FN] Письмо майора Кокрэна автору.

Он прибыл в Филадельфию 20 июня, где о нем было объявлено в выражениях, очень похожих на вышеприведенные, и правительство встретило его с заметным вниманием. Но сохранилось лишь несколько свидетельств об этом визите. Президент в уважительных выражениях сообщил о своем прибытии 21 июня в письме, адресованном губернатору Моррису; и он снова упоминает об этом обстоятельстве в последующем письме, но не делает никаких намеков на результат своих бесед с ним. Без сомнения, были предприняты решительные усилия не только для того, чтобы привлечь его к активному вмешательству в дела индейцев с целью установления мира, но также и для того, чтобы окончательно привлечь его на свою сторону в интересах Соединенных Штатов. В письме, впоследствии адресованном капитаном Брантом графу де Пюизи, [FN] в связи с его трудностями с британским правительством, касающимися титула на территорию Гранд—Ривер, в то же время отстаивая претензии своих индейцев на благосклонное отношение короны и отвергая некоторые обвинения в эгоизме, которые были выдвинуты в отношении него самого, встречается следующий отрывок по поводу предложений, сделанных ему американской исполнительной властью: "Я с сожалением обнаруживаю, что моя настойчивость в попытках добиться наших прав привела к формированию несправедливых предположений о моих намерениях, несмотря на многочисленные возражения. Я продемонстрировал очевидные доказательства своей честности и непоколебимой приверженности британским интересам. Если бы мною не руководили мотивы чести, и я предпочел интересы его Величества и репутацию моей нации своему личному благополучию, правительство Соединенных Штатов предложило бы мне несколько выгодных предложений, когда я был в Филадельфии, в то время как шаванцы и другие племена вели против них войну. Мне предложили тысячу гиней задатком и удвоить половинное жалованье и пенсию, которые я получаю от Великобритании, просто при условии, что я приложу все свои усилия для установления мира. Но я отказался. Я считал, что это может нанести ущерб британским интересам, а также выгоде и кредиту индийских народов до тех пор, пока американцы не пойдут на необходимые уступки. После этого мне предложили преимущественное право на землю в размере двадцати тысяч фунтов стерлингов в валюте Соединенных Штатов и полутора тысяч долларов в год. Я счел это несовместимым с принципами чести получать, поскольку, принимая любое из этих предложений, они могли ожидать, что я буду действовать вопреки интересам его Величества и чести наших наций; и, судя по неоднократным заверениям представителей его Величества, я был полностью уверен, что его щедрость никогда не иссякнет".

Граф де Пюизи был одним из французских дворян, изгнанных революцией 1789 года. Впоследствии он получил звание генерал-лейтенанта британской службы и командовал отрядом эмигрантов в Киберонской экспедиции. Получив земельный надел в Канаде от британской короны, как и несколько изгнанников, граф переехал сюда и некоторое время жил недалеко от Ниагары. В этот период он близко познакомился с капитаном Брантом, который переписывался с ним после его возвращения в Англию. Граф проживал где-то по соседству с Лондоном до своей смерти, которая произошла много лет спустя.

Но, несмотря на его отказ от этих предложений, в результате беседы, по-видимому, в то время было взаимное удовлетворение. Ему были объяснены истинные причины войны с западными индейцами; и президент и военный министр приложили огромные усилия, чтобы внушить ему искреннее желание Соединенных Штатов поддерживать самые дружеские отношения с сынами леса, с любым племенем. В конце концов, Вождя убедили отправиться с мирной миссией в Майами, для чего военный министр снабдил его подробными инструкциями. Самым решительным образом ему было предписано разуверить индейцев в их опасениях, что Соединенные Штаты стремятся отторгнуть у них все новые участки их земель. По этому пункту правительство торжественно отказалось от намерения взять на фут больше, чем было уступлено по Маскингамскому мирному договору 1789 года. Шеф покинул Филадельфию около 1 июля, по этому поводу военный министр написал генералу Чапину, среди прочего, следующее: "Льщу себя надеждой, что визит капитана Бранта принесет ему большое удовлетворение, поскольку он ознакомится с гуманными взглядами президента Соединенных Штатов". Губернатору Клинтону госсекретарь также написал следующее: "Капитан Брант производит впечатление рассудительного и здравомыслящего человека. Я льщу себя надеждой, что его путешествие будет удовлетворительным для него самого и полезным для Соединенных Штатов".

Шеф полиции вернулся тем же маршрутом, задержавшись на несколько дней в Нью-Йорке, где его посетили несколько самых выдающихся джентльменов города. Несколькими страницами ранее упоминалось, что Брант опасался какого-то покушения на его жизнь в долине Могаук. Действительно, ему сообщили, что ему будет небезопасно пересекать эту часть страны, чтобы какое-то реальное или воображаемое зло, связанное с революционной войной, не было отомщено убийством. Эти опасения не были беспочвенными, поскольку, отдыхая в Нью-Йорке, он выяснил, что за ним не только гнались со стороны Немецких квартир, но и что преследователь в то время находился в городе, выискивая возможность осуществить свою цель. Звали этого преследователя Дайгерт. Несколько членов семьи его отца пали в битве при Орискани пятнадцать лет назад, и этот человек намеренно решил предать смерти вождя индейских воинов в отместку. Квартира Бранта находилась на Бродвее, [FN-1] где его посетили, среди прочих, полковник Уиллетт и полковник Морган Льюис, с обоими из которых он встречался на полях сражений в прошлые годы. В разговоре с этими джентльменами он упомянул обстоятельства преследования Дайгерта и выразил некоторые опасения по поводу результата, если на него нападут врасплох. Прежде чем закончить свое выступление, бросив быстрый взгляд в окно, он воскликнул: "А вот и Дайгерт!" Действительно, в тот момент этот парень стоял на улице, наблюдая за движениями своей предполагаемой жертвы. Полковник Уиллетт немедленно спустился на улицу и вступил в разговор с Дайгертом, возложив на него свои обязанности, которые тот не отрицал. "Знаете ли вы, - спросил Уиллетт, - что, если вы убьете этого дикаря, вас повесят?" "Кто, - ответил невежественный немец, - повесит меня за убийство индейца?" "Вы увидите, - ответил полковник, - если вы выполните свое намерение, можете быть уверены, что вас немедленно повесят". Это представило дело в новом аспекте для Дайгерта, который до этого момента, казалось, полагал, что он может убить индейца с таким же достоинством в мирное время, как и на войне — как на улицах Нью-Йорка, так и в судебном разбирательстве в лесу. Поразмыслив несколько минут, он ответил полковнику Уиллетту, что, если бы таков был закон, он бы отказался от него и вернулся домой. [FN-2] Он так и сделал, и вождь могауков вскоре после этого благополучно добрался до Ниагары.

[FN-1] Старое деревянное здание, где сейчас стоит Городской отель.

[FN-2] Эти подробности были недавно сообщены автору в беседе с достопочтенным губернатором, в то время полковником Льюисом, и подтверждены письмом майора Кокрэна, с которым Брант беседовал на эту тему. Действительно, враждебность немцев-могавков ко всем индейцам после окончания войны была глубокой и всеобщей. Автор хорошо помнит пенсионера по фамилии Хартманн, живущего по соседству с деревней Херкимер, который через несколько лет после войны намеренно убил индейца на немецких квартирах, движимый только своей революционной жадой мести. Хартманн, это правда, был тяжело зарублен и ранен индейцами, так что остался инвалидом на всю жизнь. Он был очень невежественным человеком и считал, что убить индейца в любое время не повредит. Однажды, спустя годы, случайно встретившись с сыном леса, он убедил дикаря позволить ему осмотреть свое ружье. В тот момент, когда он получил оружие, он медленно отстал и застрелил своего доверчивого товарища. Его арестовали и доставили в Джонстаун для суда, но следствие было проведено так, что вынесли оправдательный приговор. Оправданием Хартманна при совершении преступления было то, что он увидел у индейца кисет с табаком, который, по его словам, был сделан из кожи детской руки. Вероятно, это была кожаная перчатка, которую нашел индеец.

Независимо от предполагаемого посредничества капитана Бранта, правительство Соединенных Штатов, стремясь предотвратить кровопролитие, наняло большое количество посланников мира, среди которых, помимо пятидесяти вождей шести уже упомянутых наций, были преподобный мистер Хеквелдер, генерал Руфус Патнэм, полковник Хардин, майор Трумен и человек по имени Фримен. Знаменитый Хендрик, вождь индейцев Стокбриджа, также был нанят на ту же службу. Вполне возможно, что капитан Брант был не очень доволен назначением такого большого числа миротворцев — вполне естественно, что он предпочел честь быть единственным агентом по прекращению войны. Было бы немалым поводом для хвастовства иметь возможность сказать: "Я сделал это в одиночку!" Отсюда мы можем сделать разумный вывод о тоне прилагаемого письма, адресованного военному министру капитаном Брантом по прибытии на Ниагару — подходящий повод для его написания представился в связи с убийством майора Трумена. [FN]

[FN] Трое из вышеупомянутых посланников мира, господа. Трумен, Фримен и Хардин, были убиты индейцами в тот сезон. Раньше ни одна нация на земле не уважала священный характер "человека мира" больше, чем индейцы. Но теперь они стали вероломными даже для них самих. Однако они ссылались на пример белых, которые, как они утверждали, не обращали внимания на договоры с индейцами, но относились к ним как к презренной расе и убили нескольких своих собственных посланников мира, некоторые из которых были вождями. Смотрите "Историю индейских народов" Хеквельдера, глава xxi. Президент Вашингтон, который в то время находился в Маунт-Верноне, объявил о смерти Хардина и Трумена вместе с "предвестниками их миссии" в письме государственному секретарю мистеру Джефферсону от 23 августа. Все тогда смотрелось враждебно по отношению к западу; к этому добавлялись растущие трудности с чероки, вызванные, как предполагалось, интригами Испании. "Если Испания действительно ведет интриги с южными индейцами, — сказал Президент, — у меня возникнут серьезные подозрения, что во всем этом деле существует очень четкое взаимопонимание между дворами Лондона и Мадрида; и что оно рассчитано на то, чтобы сдержать, насколько это возможно,

быстрый рост, экспансию и влияние этой страны; ибо не может быть сомнений в желании Испании, если мы можем судить по поведению ее должностных лиц, предотвратить любые *эклетики* наши с западными индейцами и затруднить наши переговоры с ними, как не может быть и речи о том, чтобы помешать нам вести переговоры с ними". о своих торговцах и некоторых других лицах, которые подчиняются их правительству, помогая им и подстрекательству к враждебным действиям". -*Письмо Вашингтона Джефферсону, 23августа*г. 1792 года. -----

"КАПИТАН БРАНТ - ВОЕННОМУ МИНИСТРУ.

"*Ниагара, 26июля* 1792 года.

-СЭР,

"С момента моего прибытия сюда, я с сожалением вынужден сообщить, что поступили сведения о том, что майор Трумен был убит мальчиком-индейцем, который встретился с ним на охоте. Это побудит вас вспомнить, что произошло между нами в связи с отправленными сообщениями. Маршрут через Преск-Айл я снова рекомендую как наиболее подходящий; оттуда держитесь вдоль озера до Миами, где с вождями легче всего встретиться; и, оказавшись там, они в безопасности. Отправка такого количества гонцов скорее заставляет индейцев с подозрением отнестись к вашим намерениям, и при любом другом маршруте у них гораздо больше шансов встретиться с охотниками. В настоящее время собрано большое количество индейцев, и, судя по всему, все их советы настроены решительно в отношении новой линии границы. Короче говоря, все они понимают, что то, что было сделано до сих пор (что я вам полностью объяснил), было несправедливо; и я придерживаюсь мнения, что мир будет нелегко установить без вашего отказа от части ваших притязаний. Все покупки были сделаны у людей, которые не имели права продавать, и которых теперь следует благодарить за нынешние трудности ". [FN]

[FN] Автор здесь ссылается на договор в Форт-Хармере, который, по мнению подавляющего большинства индейцев, всегда был несанкционированным их народом и, следовательно, не имел для них обязательной силы.

"Сенека и семь наций Канады сейчас ожидают в Форт-Эри пропуска в Детройт, направляясь в Майами. Я смогу подняться наверх во время следующего рейса судна. Мое намерение и пожелание по-прежнему направлены на достижение мира. Это дело потребует времени; слишком опрометчивые или поспешно согласованные действия редко оказывают влияние на тех, о ком серьезно и хладнокровно размышляют; знание того, что основа справедлива, и выгод, которые из этого вытекают, предоставляет больше возможностей для продвижения дела.

"После того, как я покинул ваш дом до моего приезда сюда, у меня было утомительное путешествие. Усталость проходит при воспоминании о вежливости и внимании, проявленных ко мне вашими правительственными чиновниками, за что я не могу не выразить свою самую горячую благодарность и прошу вас передать то же самое. Если в моих силах будет что-то вернуть, я буду считать себя особенно счастливым.

- И я, сэр, Ваш и проч. Джос. БРАНТ.

-*Военный министр.*"

Опасаясь, из-за противодействия его друзей его миссии в Филадельфии, что о нем могли распространяться дурные слухи, и недоверия к его верности, зародившегося среди высших слоев общества, 29 июля капитан написал своему другу М.^кКи в Детройт, задав вопросы по этому и различным другим пунктам, а также с целью выяснить, будет ли приемлемо его присутствие на приближающемся совете в Майами. В ответ полковник М.^кКи заверил его, что, "какие бы злые птицы ни летали вокруг", мнение западных индейцев относительно него осталось неизменным, и что они были бы рады его присутствию среди них, чтобы помочь в их консультациях ради общего блага. Что касается убийства американских посланников, полковник М.^кКи сказал, что они были убиты бандитами, и выразил сожаление по поводу этого обстоятельства: "хотя индейцы считали, что посланники были отправлены скорее с целью выиграть время и усыпить бдительность конфедерации, чем для заключения мира, поскольку они не предложили никаких других условий, кроме тех, которые нации отвергли вначале; и вы должны быть совершенно благоразумны" (добавил полковник М.^кК.) "что после двух успешных генеральных сражений, в которых было пролито много крови". если что—то было пролито, индейцы не откажутся спокойно путем переговоров от того, за что они боролись ценой своей жизни с начала этих волнений ". Капитан Брант выразил мнение, что враждебные страны вряд ли двинутся снова, пока не будут известны результаты дальнейших переговоров, М.^кКи ответил, что индейцы не рассматривают "враждебные приготовления" американцев, "такие как создание постов и журналов в центре их страны, как свидетельство большой искренности с их стороны; и они [индейцы] не думают, что такие учреждения будут стремиться к примирению или убедить их в том, что американцы желают мира на каких-либо разумных условиях или на условиях, предложенных конфедерацией в начале прошлого года ". Скоро в Au Glaize состоится большой совет — вожди не считают уместным в настоящее время спускаться ниже из-за того, что американские войска собираются в форте Джефферсон ". Что касается Маскингамского мирного договора (Форт Хармар), полковник М.^кКи сказал: "Дейнтей, вождь, который вел это дело, мертв; но он всегда заявлял, что его и всех вождей, которые были с ним там, обманули — они вообразили, что то, что они подписали, было договором о дружбе, а не уступкой страны; и не были сбиты с толку, пока их через некоторое время не вернули в их соответствующие деревни и не объяснили им их документы. Несколько гонцов прибыли в Глейз с западного берега Миссисипи, объявляя, что большая часть их народов собрана и вскоре прибудет сюда, чтобы оказать помощь всеобщей конфедерации; так что, по всей вероятности, скоро здесь соберется больше наций, чем когда-либо прежде ". [FN]

[FN] Переписка между работами Бранта.

Письмо, из которого были сделаны предыдущие выдержки, датировано "У подножия Майами Рэпидс, 4 сентября 1792 года". Совет, о котором здесь говорится, проходил в отеле An Glaize, на берегу озера Эри, осенью. Однако приступ болезни помешал посещению Тайенданегеи. Сеятель кукурузы и сорок восемь вождей Шести народов, проживающих в пределах границ Соединенных Штатов, отправились туда вместе примерно с тридцатью вождями и воинами племени могавков и других канадских индейцев. Но они не были хорошо приняты врагами, которые были твердо настроены на продолжение войны, как миротворцы. На совете

присутствовало множество представителей западных племен; шаванцы были единственными ораторами, выступавшими за войну, и Красная Куртка из племени сенека был единственным оратором, выступавшим против или от имени дружественных индейцев. Шаванцы насмехались над Шестью нациями за то, что они первыми побудили их создать великую конфедерацию несколькими годами ранее, и за то, что они пришли на совет сейчас, "держа под мышкой голос Соединенных Штатов". [FN] Были признаки гневных столкновений между двумя сторонами на ранних этапах совета; но после взаимных объяснений гармония была восстановлена. Результатом было то, что враждебно настроенные индейцы, наконец, согласились приостановить военные действия на зиму и встретиться с Соединенными Штатами на совете у порогов Майами следующей весной. Однако основой предлагаемого перемирия было то, что Соединенные Штаты должны вывести свои войска с западной стороны реки Огайо. Не было у них и никакой перспективы начать весной переговоры по какому-либо иному принципу, кроме того, чтобы сделать Огайо границей и получить плату за свои улучшения на юго-восточном берегу этой реки. Они настаивали на том, что Соединенные Штаты должны уступить им все земли, которыми они владели во времена сэра Уильяма Джонсона, и что ни на каких других условиях они не согласятся на мирный договор. Совет был распущен примерно 10 или 12 октября; и капитан Брант прибыл в "О Глайз" только после того, как он был распущен. Совет был очень многочисленным. На мероприятии присутствовали представители стран Gora, которым потребовался целый сезон, чтобы добраться туда. Там также присутствовали, помимо Шести наций и северо-западных племен, двадцать семь наций из-за пределов канадской территории.

[FN] Намекает на пояс, с помощью которого они должны были разговаривать.

По возвращении дружественных индейцев в Буффало был созван большой совет, на котором присутствовали индейские агенты пяти наций, а также полковник Батлер и ряд других джентльменов с Ниагары. На этом совете были отрететированы процедуры и речи в Au Glaize, и в завершение своей миссии Шесть Наций передали президенту Соединенных Штатов следующую речь; из которой явствует, что, хотя Шесть наций и были дружелюбны к ним, в конце концов, были еще более дружелюбны к майамцам и их притязаниям на Огайо в качестве границы:

"ОБРАЩЕНИЕ ШЕСТИ НАЦИЙ К ПРЕЗИДЕНТУ.

- Вы послали нас на запад с мирным посланием к враждебным индейцам.

"Мы действовали в соответствии с твоими указаниями, и Великий Дух защищал нас, когда мы уходили и возвращались.

"Мы благодарим Великого Духа за то, что все мы благополучно вернулись на свои места.

"Пока мы были на западе, мы прилагали все усилия, чтобы установить мир. Испытания, которым мы подверглись, не малы. Теперь мы желаем, чтобы ваши люди на "Огайо" сложили оружие, иначе все, что мы сделали, будет напрасно.

"Теперь, если вы хотите мира, вы должны приложить все усилия и пройти тот путь, который мы указали для вас. Если мир не установится, вина должна лежать на вашем народе.

"Теперь мы хотим, чтобы вы, братья, послали вперед агентов, которые были бы честными людьми, не гордыми землевладельцами, но людьми, которые любят мир и желают его. Кроме того, мы хотели бы, чтобы их сопровождал кто-нибудь из друзей или квакеров для участия в совете.

"Желаю, чтобы вы приложили все усилия, чтобы как можно скорее переслать послание западным индейцам; и мы взяли себя в руки и согласились следующей весной присутствовать на совете в Рэпидз-оф-Майами, когда услышим обо всем, что там происходит".

Несмотря на условия жителей Шаванезе и Миами призвать своих воинов и не предпринимать дальнейших боевых действий до проведения следующей весной большого совета, перемирие соблюдалось не очень строго, и на границе часто происходили стычки. 6 ноября майор Адэр, командовавший отрядом добровольцев из Кентукки, подвергся нападению большого отряда индейцев в окрестностях форта Сент-Клер. Битва была острой и суровой, и индейцы были скорее сдержаны, чем побеждены. Генерал Уилкинсон, командовавший фортом, не мог оказать никакой помощи из-за строгости своего приказа действовать только в обороне. Он высоко оценил хорошее поведение майора Адэра, как и тот своих офицеров и рядовых.

Примерно в этот период в канадском правительстве произошли изменения, которые, судя по характеру и склонностям новых должностных лиц, введенных на этапе боевых действий, возможно, не обошлись без влияния на ход дел в Индии. Во время визита лорда Дорчестера в Англию в 1791-93 годах то, что ранее было всей провинцией Канада, было разделено, и была создана верхняя провинция с наместничеством. Полковник Дж. Дж. Симко был первым вице-губернатором, назначенным на вновь организованную территорию, — способным и активным офицером, который, по ходу событий, хотя и был поначалу очень дружелюбен к Соединенным Штатам, не был склонен долго проявлять к ним какую-либо особую доброжелательность, выходящую за рамки вежливости по отношению к государственным служащим и выполнения необходимых обязанностей. Он прибыл в Квебек весной 1792 года, но был задержан в нижней провинции на несколько месяцев, ожидая других офицеров из Англии, чье присутствие и помощь были необходимы для организации нового правительства. Полковник Симко разместил свою штаб-квартиру в Ниагаре, которая временно стала резиденцией правительства. Он привез рекомендательное письмо от герцога Нортумберленда к вождю племени могавков Тайенданегеа. Герцог, который служил в войне за независимость в качестве лорда Перси, был принят могавками как воин своей нации под индейским именем, присвоенным самим Брантом, *из Торигвегери*, или *Вечнозеленого леса*. Название подразумевает очень милое самомнение, что титулованный дом никогда не умирает. Подобно листьям этого своеобразного вида зарослей, старый лист опадает только тогда, когда его отталкивает от стебля новый; или, скорее, когда опадает старый лист, молодой находится в свежем и полноценном состоянии. Ниже приводится письмо, которое с учетом характера сторон и обстоятельств дела заслуживает сохранения:

"ГЕРЦОГ НОРТУМБЕРЛЕНД КАПИТАНУ БРАНТУ

"Нортумберленд-Хаус, 3 сентября 1791 г.

"Мой дорогой Джозеф,

"Полковник Симко, который становится губернатором Верхней Канады, достаточно любезен, чтобы пообещать передать вам это вместе с парой пистолетов, которые, я хочу, чтобы вы сохранили для моего блага. Я должен особо рекомендовать полковника вам и нации. Он мой самый близкий друг и обладает всеми хорошими качествами, которые могут рекомендовать его для вашей дружбы. Он храбр, гуманен, разумен и честен. Вы можете смело полагаться на все, что он скажет, ибо он вас не обманет. Он любит и почитает индейцев, чьи благородные чувства так точно соответствуют его собственным. Он желает жить с ними в наилучших отношениях, и в его силах, как у губернатора, оказать им большую услугу. Короче говоря, он достоин быть ирокезом. Полюбите его сначала ради меня, и вы скоро полюбите его ради него самого.

"Я был очень рад услышать, что вы получили ружейный сейф, который я вам прислал, и надеюсь, что он оказался вам полезен. Я очень бережно храню вашу фотографию, которая висит в комнате герцогини.

"Продолжайте поддерживать со мной вашу дружбу и уважение и поверьте, что я всегда буду, с величайшей правдивостью,

"Твой любящий Друг и брат, НОРТУМБЕРЛЕНД, *Торигвегери*.

-КАПИТАН ДЖОЗЕФ БРАНТ, *Тайенданегия*.

"

Таким решительным и нежным образом глава британского пэра был представлен главному вождю нации, и между губернатором Симко и капитаном Брантом установилась тесная близость, о чем будет более ясно рассказано по ходу написания этих страниц. Теперь обычная цепочка истории будет возобновлена.

19 февраля 1793 года, в соответствии с договоренностью, достигнутой индейцами в О-Глаиз предыдущей осенью, президент поручил генералу Бенджамину Линкольну, Беверли Рэндольфу и полковнику Тимоти Пикерингу присутствовать на большом совете в Майами, который должен был состояться следующей весной.

Тем временем индейцы конфедеративных наций, недовольные, по их мнению, уклончивым ответом, полученным от президента на обращение от их имени, переданное Шестью нациями, провели в феврале в Глайзе еще один совет, на котором было подготовлено очень подробное обращение по этому вопросу, которое было передано Шести нациям. Они опасались, что Шесть стран либо не поняли их, либо что при общении с исполнительной властью Соединенных Штатов они не дали понять себя. Напомнив Шести нациям, что, когда на совете они поняли, что они единодушны с самими собой в вопросе о границе, они теперь повторили, что не будут слушать никаких предложений от Соединенных Штатов, за исключением установления границы по Огайо и удаления американских фортов с территории Индии. Это было бесповоротное решение конфедератов, и они сочли правильным, чтобы правительство Соединенных Штатов было полностью проинформировано об этом факте до того, как комиссары отправятся в свое путешествие. В этом обращении они также сообщили шести странам о своей решимости провести закрытый совет в Майами Рэпидс, прежде чем они отправятся на встречу с

американскими комиссарами в Сандаски, чтобы они могли скорректировать свои собственные мнения, чтобы быть единомышленниками и говорить на одном языке в общественном совете. Их дальнейшим намерением было, прежде чем они вообще согласятся встретиться с Комиссарами, удостовериться, были ли Уполномоченные наделены полномочиями встретиться с ними на условиях, которые были предварительно предписаны таким образом. Это письмо, или послание, заканчивалось так: "БРАТЬЯ: Поэтому мы желаем вам быть сильными и немедленно подняться, чтобы встретить нас в Майами Рэпидс, где нам нужны совет и помощь наших старших братьев в великой работе, которую мы выполняем. Все западные страны готовы и находятся в ежедневном ожидании прибытия наших братьев, криков, чероки и других южных народов, которые готовы присоединиться к нам, согласно своему обещанию. И мы хотим, чтобы вы напомнили Семи Нациям Канады об их обещании прошлой осенью пораньше встать на ноги, чтобы присоединиться к нам, и что вы приведете их в свою группу. [*Четыре двойные нити из черно-белого Вампума*] В постскриптуме предписывалось, чтобы Соединенные Штаты не отправляли посланников в свою страну, кроме как через Пять стран". [FN]

[FN] Оригинал документа из бумаг Бранта.

Сообщение было датировано 27 февраля. В тот же день Уполномоченные отбыли из Филадельфии в Буффало-Крик в сопровождении, по просьбе индейцев, нескольких членов общества друзей - так сильно народы привязались к ученикам благотворительного Пенна. Полковник Пикеринг и мистер Рэндольф проследовали напрямую через страну, в то время как генерал Линкольн поехал маршрутом через Олбани, чтобы руководить доставкой припасов. Генералу Уэйну, теперь командующему Северо-западной армией, было поручено тем временем издать прокламацию, информирующую народ о границах предлагаемого договора и запрещающую все наступательные действия со стороны этого народа до тех пор, пока не будут известны результаты совета.

[FN] Джентльменов-квакеров, отправившихся с этим благотворительным поручением, звали Джон Пэриш, Уильям Сейвори и Джон Эллиот из Филадельфии; Джейкоб Финдли из округа Честер; и Джозеф Мур и Уильям Хартсхорн из Нью-Джерси. Можно отметить как необычный факт, что в то время как квакеры добивались назначения в эту тихоокеанскую миссию от президента, индейцы примерно в то же время и, очевидно, без консультаций или договоренности обратились к некоторым американским агентам с просьбой назначить в Комиссию какого-нибудь квакера для переговоров с ними.

Господа. Рэндольф и Пикеринг прибыли в Квинстон-лэндинг (река Ниагара) 17 мая. Губернатор Симко, находившийся дома, как только услышал об их прибытии в его окрестности, разослал приглашения, настаивая на том, чтобы они считали себя его гостями во время своего пребывания в этом месте. Он отнесся к ним с большим гостеприимством и по их просьбе с готовностью отправил судно в Освиго за генералом Линкольном и припасами для экспедиции. Последний джентльмен добрался до Ниагары только 25-го числа.

По прибытии в это место комиссарам сообщили, что капитан Брант с отрядом ирокезов отправился на запад примерно 5 мая. В Майами Рэпидз должен был состояться

предварительный совет, присутствовать на котором и было целью этого Шефа. Соединенные Штаты назначили время встречи на 1 июня; но полковник М.^сKee had written to Niagara, stating that that period would be quite too early, since the Indians were ever slow в таких делах, и, кроме того, тогда они, вероятно, не вернулись бы со своей охоты. Индейцы, однако, собирались в О Глайзе, и полковник М.^сКи сообщил губернатору Симко, что конференция с американскими комиссарами, вероятно, состоится в Сандаски. Тем временем было предложено, чтобы члены комиссии оставались на Ниагаре до тех пор, пока все не будет готово к конференции.

При таком положении дел комиссары задержались у губернатора Симко, время от времени посещая некоторые индийские города в этом регионе, примерно до середины июля. Губернатор оказывал им всяческое гостеприимное внимание, который не жалел усилий, чтобы сделать их пребывание у себя приятным. 4 июня отмечался день рождения короля, по этому случаю губернатор устроил праздник, завершившийся вечером балом, на котором присутствовало "около двадцати хорошо одетых и красивых леди и примерно в три раза больше джентльменов". Они танцевали с 7 часов до 11, когда объявили об ужине, который был сервирован с очень приятным вкусом. Музыка и танцы были хорошими, и все проходило пристойно. Что возбудило лучшие чувства в сердцах, так это легкость и привязанность, с которыми дамы познакомились друг с другом, хотя среди присутствующих было немало тех, чьи матери происходили из аборигенов страны. Они казались такими же хорошо одетыми, как и вся компания в целом, и общались с ними таким образом, что демонстрировали одновременно достоинство их собственного ума и здравый смысл других. Эти леди обладали большой изобретательностью и трудолюбием и обладают большими заслугами, ибо полученным ими образованием они обязаны главным образом своему собственному трудолюбию, поскольку их отец, сэр Уильям Джонсон, умер, а мать сохранила манеры и одежду своего племени ". [FN]

[FN] Частный журнал исторических коллекций генерала Линкольна—Массачусетс. Этот инцидент был сохранен автором в тексте как курьез; это был первый прием представителя королевской семьи в западных лесах.

До сих пор поведение губернатора Симко было примирительным и во всех отношениях свидетельствовало о чем угодно, а не о враждебном настрое. До ушей членов Комиссии дошли слухи о том, что губернатор ограничился выражением своего желания, чтобы индейцы могли заключить мир с Соединенными Штатами, посоветовав им не отказываться ни от одной из своих земель ради его получения, и эти джентльмены направили ему записку по этому вопросу. Обвинение было быстро и удовлетворительно опровергнуто, и по просьбе комиссаров нескольким британским офицерам было выделено задание сопровождать их в совет. Полковник Батлер, британско-индийский суперинтендант этой станции, [FN] уже отбыл с большим количеством представителей шести наций, проживающих в Буффало-Крик, чтобы вместе с капитаном Брантом присутствовать на предварительном совете в Майами.

Британский командующий в Вайоминге.

По совету полковника М.^сКи из Детройта, сообщив, что со стороны индейцев все готово, и настоятельно призвав их немедленно отправиться в Сандаски и встретиться с ними, комиссары

отбыли с Ниагары 26 июня. Однако ходили слухи о том, что, если совет распадется, не заключив мира, враждебно настроенные индейцы намерены напасть на членов Комиссии и принести их в жертву. В результате этого намека они получили письмо от губернатора, выраженное в самых решительных выражениях, предписывающее офицерам западного департамента по делам индейцев позаботиться о том, чтобы дикари не причинили им вреда или не оскорбили их; добавляя, "что нанесение им ущерба сильно повлияет на него, главнокомандующего, британскую нацию и даже на самого короля". [FN]

Дневник генерала Линкольна.

Встречный ветер задержал членов комиссии в Форт-Эри, где они должны были отправиться на борт, до 5 июля. Здесь произошло еще одно серьезное препятствие в их продвижении. Крайняя ревность индейцев, естественно, побуждала их преувеличивать все, что имело враждебный вид; и они с большим подозрением наблюдали в течение всего сезона за передвижениями генерала Уэйна, который в то время оккупировал территорию вокруг форта Вашингтон. Было понятно, что он не должен продвигаться дальше этой позиции до окончания переговоров. Но индейцы, тем не менее, опасались, что он воспользуется отсутствием их вождей и воинов на совете и нападет на их города. Губернатор Симко привлек внимание комиссаров к этому вопросу, а они, в свою очередь, через военного министра настояли на рассмотрении этого вопроса генералом Уэйном. Но, несмотря на все меры предосторожности, которые могли быть приняты, индейцы на предварительном совете встревожились; и, к большому удивлению членов комиссии, во время ожидания посадки в Форт-Эри 5 июля из Майами прибыло судно, на борту которого находились капитан Брант, полковник Батлер и делегация примерно из пятидесяти индейцев из северо-западных племен, присутствовавших на совете, с инструкциями провести совещание с американскими комиссарами в присутствии губернатора Симко. Цель их визита была двоякой; во-первых, они желали получить возможность "спокойно собраться с мыслями в отношении передвижений генерала Уэйна с армией"; во-вторых, они желали получить информацию о том, уполномочены ли комиссары установить новую линию границы или, скорее, оговорить, что американские поселенцы должны вернуться в Огайо, поскольку подавляющее большинство индейцев единогласно отвергли границу, указанную в договоре в Форт-Хармаре. По просьбе первых была организована немедленная беседа между депутацией и комиссарами, во время которой вождь племени шаванцев по прозвищу Кошачий Глаз обратился к ним со следующими словами: —

"Братья: Мы посланы народами индейцев, собравшимися у порогов Майами, чтобы встретиться с представителями Соединенных Штатов. Мы рады видеть вас здесь. По воле великих вождей этих народов, наш Отец, губернатор этой провинции, должен присутствовать и услышать, что мы должны сказать вам и что вы должны сказать нам.

"Братья: Не расстраивайтесь из-за того, что мы не встретились с вами в то время, когда вы сделали предложение, в Сандаски. О причинах этого будет сказано в другой раз.

"Четыре нити черно-белого вампума."

На что Уполномоченные ответили:—

"БРАТЯ: Члены Комиссии рады вас видеть. Мы будем совещаться с вами в присутствии вашего Отца, губернатора этой провинции, в любое время и в любом месте, которые будут удобны вам и ему.

"Вернул четыре строки."

Затем стороны разошлись; но индийская делегация, после краткого совещания, потребовала еще одной встречи и предложила, чтобы встреча с губернатором Симко состоялась в его собственном доме на Ниагаре. Члены Комиссии согласились с этим соглашением и согласились вернуться туда на следующий день. Соответственно, 7 июля в доме совета на Ниагаре была проведена конференция. Поскольку губернатор и индейцы прибыли в зал заседаний совета за несколько минут до появления уполномоченных, капитан Брант обратился к первому так:

"БРАТ: Поскольку на Порогах было решено, что мы должны приехать и встретиться с Комиссарами в присутствии нашего Отца, мы возвращаем нашу благодарность Великому Духу за то, что он видит ваше Превосходительство в добром здравии в этот день. Наши намерения и бизнес носят мирный характер, и мы склонны делать то, что правильно. Мы все едины во мнениях и хотели бы, чтобы ваше превосходительство присутствовало.

"Пояс из вампума."

Его превосходительство ответил:—

"БРАТЯ: Я рад видеть вас в таком добром здравии. Члены Комиссии выразили желание встретиться с вами в моем присутствии, и я буду рад услышать, что они скажут.

"Пояс возвращен."

Когда прибыли уполномоченные, конференция началась в присутствии не только губернатора, но и большого числа гражданских и военных чиновников этого участка. Заседание было открыто со стороны западной депутации капитаном Брантом, который поднялся с поясом и веревкой из вампума и сказал:

"БРАТЯ: Сегодня мы встретились с нашими братьями, бостонцами и англичанами. Мы рады этой встрече и считаем, что таково назначение Великого Духа.

"БРАТЯ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ: Мы говорили вам на днях в Форт-Эри, что в другое время мы сообщим вам, почему мы не собрались в назначенное время и в месте для проведения с вами переговоров по договору. Теперь мы сообщаем вам, что это происходит потому, что в этом квартале так много признаков войны.

"БРАТЯ: Мы изложили причину, по которой мы не встречаемся с вами, и теперь просим объяснить эти воинственные появления.

"БРАТЯ: Люди, которых вы видите здесь, посланы представлять индейские народы, которым принадлежат земли к северу от Огайо как их общая собственность, и у которых у всех один разум — одно сердце.

"БРАТЯ: Мы пришли поговорить с вами по двум причинам: во-первых, потому, что ваши воины, находясь по соседству с нами, помешали нашей встрече в назначенном месте; во-вторых,

чтобы узнать, уполномочены ли вы должным образом проводить и устанавливать новую линию границы между землями Соединенных Штатов и землями индейских народов. Мы по-прежнему желаем встретиться с вами в назначенном месте.

"БРАТЯ: Мы желаем вам хорошо обдумать это дело. Мы искренне высказали свои чувства, считая, что находимся в присутствии Великого Духа, от которого во времена опасности мы ожидаем помощи". *[С этой речью был представлен пояс из двенадцати рядов и тридцать нитей вампума, собранных в пять пучков.]*

Уполномоченные ответили:—

"БРАТЯ: Мы прислушались к тому, что вы сказали. Мы серьезно рассмотрим это и дадим вам ответ завтра. Мы сообщим вам, когда будем готовы".

Капитан Брант возразил: —

"БРАТЯ: Мы благодарим вас за то, что вы сказали. Вы говорите, что ответите на нашу речь завтра. Сейчас мы прикрываем огонь совета".

На следующий день уполномоченные дали подробный ответ в индейской форме речи. Что касается воинственных проявлений, на которые жаловалась депутация, комиссары заверили их, что они могут "спокойно распоряжаться своими мыслями"; и изложили им приказы, которые были переданы генералу Уэйну, и другие меры предосторожности, принятые Великим Вождем генералом Вашингтоном для предотвращения любых враждебных действий во время переговоров. Что касается второго запроса индейцев, уполномоченные недвусмысленно ответили, что у них есть полномочия провести и установить новую границу. Они знали, что этот вопрос должен был стать главной темой обсуждения на совете, и надеялись, что результат будет удовлетворительным для обеих сторон. Но, говоря это, они напомнили индейцам, что почти во всех спорах и ссорах неправы обе стороны, и, следовательно, на приближающемся совете обе стороны должны быть готовы пойти на некоторые уступки. Уполномоченные запросили информацию о названиях наций и количестве вождей, собравшихся у порогов Майами; и в заключение вновь заверили вождей в беспочвенности их опасений относительно передвижений генерала Уэйна и объяснили им, что они могут быть совершенно спокойны по этому вопросу; обещая, более того, немедленно отправить гонца верхом "к Великому вождю Соединенных Штатов, чтобы попросить его возобновить и настоятельно повторить свои приказы своему главному воину не только воздерживаться от всех военных действий против индейцев, но и сохранять спокойствие на своих постах до тех пор, пока не произойдет катастрофа". о договоре должно быть известно". Вернув Пояс, Кошачий Глаз, вождь шаванцев, ответил: —

"БРАТЯ, БОСТОНЦЫ, СОБЕРИТЕСЬ! Мы услышали ваши слова. Наши отцы, английский народ, тоже слышали их. Мы благодарим Бога за то, что вас сохранили в мире, и за то, что мы вместе играем на наших флейтах. Люди всех присутствующих здесь наций приветствуют вас. Они радуются, слыша ваши слова. Нам доставляет огромное удовлетворение то, что наши отцы, англичане, также услышали их. А пока мы возьмем свои трубки и разойдемся по нашим лагерям, где тщательно обдумаем вашу речь и дадим вам ответ завтра".

Совещание было возобновлено 9-го, когда капитан Брант поднялся с поясом и веревками в руках, которые были представлены Комиссарами накануне, и, обращаясь к англичанам и американцам, сказал:

"БРАТЬЯ: Мы рады, что Великий Дух сохранил нас в мире, чтобы мы встретились вместе в этот день.

"БРАТЬЯ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ: Вчера вы дали ответ на послание, переданное нами от большого совета в Майами, в двух деталях, которые мы вам изложили.

"БРАТЬЯ: Вы можете быть уверены, что мы полностью понимаем вашу речь. Мы возьмем с собой ваш пояс и веревки и повторим это вождям на большом совете в Майами.

[Отложив пояс и завязки, Капитан взял белый пояс и продолжил:]

"БРАТЬЯ: Нам есть еще кое-что сказать, хотя и немного. Мы малочисленны по сравнению с нашими великими вождями в Майами; но, хотя и малочисленны, нам есть что сказать. Мы думаем, братья, из вашей речи следует, что есть перспектива нашего объединения. Мы, нации, расположенные на западе, единодушны; и если мы согласимся с вами, а есть надежда, что так и будет, это будет обязательным и прочным.

"БРАТЬЯ: Наши перспективы более справедливы, потому что все наши умы едины. Вы раньше не говорили с нами вместе. Раньше, поскольку вы не говорили с нами вместе, то, что было сделано, не имело обязательной силы. Теперь у вас есть возможность поговорить с нами вместе; и сейчас мы берем вас за руку, чтобы отвести в место, назначенное для встречи.

"БРАТЬЯ: Мы должны сказать еще кое-что. Вчера вы выразили желание узнать названия наций и количество вождей, собравшихся в Майами. Но поскольку они прибывали ежедневно, мы не можем предоставить вам точную информацию. Вы сами увидите через несколько дней. Когда мы покидали его, там были следующие народы, а именно: пять наций: вайандоты, шаванцы, делавары, манси, миами, оттава, чиппева, потаваттами, минго, чероки, нантикоки. Там были выдающиеся люди всех этих наций.

-Белый пояс в семь рядов."

Затем члены Комиссии ответили:—

"БРАТЬЯ: Наши уши были открыты для вашей речи. Она нам приятна. Мы готовы отправиться с вами в Сандаски, где, под руководством Великого Духа, мы надеемся, что вскоре установим мир на условиях, одинаково интересных и приятных для всех сторон".

Пока шли эти обсуждения, на Ниагару прибыла депутация от Семи наций Канады в количестве двухсот восьмидесяти человек. Разбирательство было прекращено с уверенностью всех участников в том, что результатом миссии станет мирное соглашение. Однако, когда публичные депеши были переданы военному министру отсюда, генерал Линкольн направил этому офицеру частное письмо, в котором сообщил ему, что, если распространяемые сообщения в какой-либо степени соответствуют действительности, генерал Уэйн, должно быть, нарушил самые ясные принципы *перемирья*, и выразил большую озабоченность результатом — однако, не столько из-за личной безопасности комиссаров, чьи жизни были бы в результате поставлены под угрозу, сколько из-за опасений за честь страны. Капитан Брант предоставил информацию о

передвижениях Уэйна, в достоверности которой можно было почти не сомневаться; и эти передвижения вызвали у комиссаров такое же беспокойство, как и у индейцев; более того, британские офицеры на Ниагаре сочли их несправедливыми и неоправданными.

Капитан Брант и индийская делегация продолжили свое возвращение в Майами раньше комиссаров, причем последние отправились из форта Эри 14-го. 21-го они прибыли в устье реки Детройт, где были вынуждены высадиться — британские власти в Детройте запретили им приближаться дальше к месту встречи. Однако на пристани их гостеприимно принял капитан Эллиот, помощник полковника М.^кКи в департаменте по делам индейцев. Последний офицер присутствовал на совете в Рэпидсе, которому комиссары, не теряя времени, направили записку, уведомив его об их прибытии и о своем намерении оставаться там до тех пор, пока индейцы не будут готовы перевезти совет в Сандаски. Они также обратились за добрыми услугами к полковнику М.^кКи для ускорения действий индейцев. Это послание было доставлено самим капитаном Эллиотом, который вернулся 29-го, привезя ответ от полковника, и сопровождаемый делегацией из более чем двадцати индейцев от различных наций, входящих в совет. Аудиенция этих индейцев состоялась на следующий день, на которой вождь вайандотов, чье имя по-английски было *"Носить с собой"*, открыл их дело следующим неожиданным обращением: -

"БРАТЯ, ПОСЛУШАЙТЕ! Мы рады видеть вас здесь в мире и благодарны Великому Духу, который сохранил нас для новой встречи.

"БРАТЯ: Некоторое время назад нас послали поговорить с вами на ниагаре. Сейчас здесь находятся некоторые вожди, которые присутствовали тогда.

"БРАТЯ: Мы не объяснились друг с другом и неправильно поняли друг друга.

"БРАТЯ: Мы желаем, чтобы мы могли правильно понимать друг друга. Мы подумали, что будет лучше, если то, что мы хотели сказать, будет изложено в письменной форме, и вот что значат наши сердца ".

Сказав это, вождь вайандотов вложил в руки комиссаров бумагу следующего содержания:—

"КОМИССАРАМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

"БРАТЯ: Депутаты, которых мы вам послали, не полностью объяснили, что мы имеем в виду. Поэтому мы послали других людей встретиться с вами еще раз, чтобы вы могли полностью понять важный вопрос, который мы должны вам задать и на который мы ожидаем четкого ответа в письменном виде.

"БРАТЯ: Вы посланы сюда Соединенными Штатами, чтобы заключить мир с нами, индейцами Конфедерации.

"БРАТЯ: Вы очень хорошо знаете, что пограничной линией, которая была проведена белыми людьми и нами по Договору в Форт-Стэнвиксе, была река Огайо.

"БРАТЯ: Если вы всерьез намерены заключить прочный мир, вы немедленно выведете всех своих людей с нашего берега этой реки.

"Братья: Поэтому мы спрашиваем вас, полностью ли вы уполномочены Соединенными Штатами продолжать и твердо придерживаться реки Огайо в качестве пограничной линии между вашим народом и нашим?"

Совершено на Общем совете у подножия Майами-Рэпидз 27 июля 1793 года. От нашего имени и от имени всей Конфедерации, и это согласовано на полном совете".

Это послание подписали вайандоты, делавары, шаванцы, миами, минго, потаваттами, оттава, коннои, чиппева и манси; но не Шесть наций. Во второй половине дня члены Комиссии подробно ответили на них. Они начали, по индийскому обычаю, с повторения своей речи, а затем вкратце рассказали о переговорах на Ниагаре, и тогда было достигнуто полное понимание, что с обеих сторон потребуются некоторые уступки, о которых они должны были поговорить с глазу на глаз. Они уже были задержаны на шестьдесят дней сверх срока, назначенного для встречи, и желали приступить к делу в совете без дальнейших проволочек. Затем члены комиссии кратко изложили историю всех договоров, которые были заключены с северо-западными индейцами, начиная с договора в Форт-Стэнвиксе, заключенного до революции, и заканчивая тем, который был начат у водопадов Маскингума генералом Сент-Клером и завершен в форте Хармар. Этим договором Шесть наций обновили свой мирный договор в Форт-Стэнвиксе 1784 года, а вайандоты и делавары обновили и подтвердили мирный договор в Форт-М^cIntosh. Участниками этого договора были также представители оттава, чиппева, потаваттами и саков. В соответствии с этими договорами Соединенные Штаты приобрели территорию, на которую в настоящее время претендуют индейцы, к северу от Огайо, и на основании этих договоров были образованы поселения, которые теперь не могли быть удалены; и, следовательно, комиссары недвусмысленно ответили на первый вопрос, что Огайо не может быть обозначен в качестве границы. После попытки объяснить невозможность уничтожения поселений за пределами Огайо и огромные расходы, понесенные народом при их создании, они снова заговорили об обещанных "взаимных уступках" и предложили в качестве основы переговоров, чтобы индейцы отказались от всех земель, уступленных по договору в Форт-Хармаре, а также от небольшого участка земли у Порогов Огайо, на который претендовал генерал Кларк; в обмен на что они предложили дать индейцам "такую большую сумму в деньгах или товарах, которая никогда не давалась за один раз за любое количество индейских земель с тех пор, как на них ступила нога белых людей". на этом острове. Они также предложили большую ренту в дополнение к сумме, подлежащей выплате на руки. Первоначально, согласно мирному договору с Англией, американские уполномоченные заявляли о праве на почву всех земель к югу от великих озер; но это требование, по их мнению, было неправильным; и в качестве дальнейшей уступки, если индейцы откажутся от уже указанных земель, Соединенные Штаты откажутся от всего, кроме преимущественного права на обширные участки, которые остались. В заключение члены Комиссии сказали:—

"Братья: Теперь мы открыли вам наши сердца. Мы счастливы, что имеем возможность сделать это, хотя мы должны были бы быть более счастливы, если бы сделали это в полном составе совета ваших наций. Мы ожидаем, что вскоре получим это удовлетворение и что ваша следующая депутация возьмет нас за руку и приведет к заключению договора. Когда мы свободно встречаемся и беседуем друг с другом, нам легче устранить любые трудности, которые могут возникнуть на пути.

-Белый пояс с тринадцатью полосками черного вампума."

После того, как депутации был полностью переведен текст речи, заседание совета было отложено до следующего дня, когда, собравшись вновь, вождь вайандотов поднялся и ответил следующим образом:

"БРАТЬЯ: Мы все братья, которых вы сейчас здесь видите. Братья, прошло уже три года с тех пор, как вы пожелали поговорить с нами. Мы выслушали вас вчера и поняли хорошо, совершенно хорошо. Нам нужно сказать вам несколько слов.

"БРАТЬЯ: Вы упомянули договоры в Форт-Стэнвиксе, Бивер-Крике и других местах. Те договоры не были завершенными. Было лишь несколько вождей, которые вели переговоры с вами. Вы не покупали наши земли; они принадлежат нам. Вы пытались переманить некоторых из нас.

"БРАТЬЯ: Много лет назад, как мы все знаем, границей стал Огайо; он был заселен сэром Уильямом Джонсоном. Эта сторона наша; мы рассматриваем ее как свою собственность.

"БРАТЬЯ: Вы упомянули генерала Вашингтона. И он, и вы знаете, что у вас есть дома и люди на наших землях. Вы говорите, что не можете, уберите их; и мы не можем отказаться от наших земель.

"БРАТЬЯ: Нам жаль, что мы не можем прийти к соглашению. Линия была установлена давным-давно.

"БРАТЬЯ: Мы мало говорим. С обеих сторон было много зла. Мы пришли сюда с миром и думали, что вы поступили так же. Мы хотим, чтобы вы остались здесь и ждали от нас ответа. Мы храним твою речь в наших сердцах и посоветуемся с нашими главными воинами.

С 1 по 14 августа члены комиссии были задержаны на месте их первой высадки в ежедневном ожидании получения приглашения присоединиться к совету у Порогов. Они несколько раз получали оттуда информацию, и 8-го числа им сообщили, что все нации настроены на мир, за исключением шаванцев, вайандотов, миами и делаваров. Шесть наций и Семь наций Канады приложили все усилия, чтобы добиться умиротворения. Однако было понятно, что дебаты были долгими и оживленными. Капитан Брант и плантатор Кукурузы неустанно стремились достичь этой желанной цели, и оба много говорили на совете. Обсуждение, таким образом, затянулось, и первый воспользовался временем, чтобы попытаться заручиться прямым вмешательством губернатора Симко, чтобы привести индейцев в более миролюбивое настроение. С этой целью капитан отправил гонцов в Йорк, где вскоре должно было быть создано Высшее канадское правительство [FN-1], с письмами губернатору, информируя его о несговорчивом характере индейцев и прося его повлиять на них, чтобы побудить их пойти на компромисс в вопросе о границе. Губернатор Симко ответил 8 августа, отказавшись от какого-либо вмешательства. Его Превосходительство заявил в этом письме, что, как хорошо известно его корреспонденту (Бранту), он всегда, как в частных беседах, так и в публичных посланиях, старался внушить индийцам такое расположение духа, которое могло бы привести к благословию мира. Тем не менее, он считал, что индейцы являются лучшими судьями относительно условий, на которых следует вести переговоры о заключении мирного договора; и по их просьбе он приказал индийским агентам присутствовать на их советах и объяснять им любые обстоятельства, которые они, возможно, не совсем поняли. Было еще одно обстоятельство, которое, по мнению губернатора Симко, делало бы ему неуместным вмешательство, и это будет лучше всего понято, если процитировать его собственные слова из письма: "Поскольку правительство Соединенных Штатов проявило нежелание соглашаться с индейскими народами в просьбе его Величества

разрешить мне присутствовать в Сандаски в качестве посредника, с моей стороны было бы в высшей степени неуместно и несвоевременным высказывать какое—либо мнение относительно предлагаемых границ, с которыми я недостаточно знаком, и в вопрос о которых я старательно избегал затрагивать, поскольку я хорошо осведомлен о ревности индийских властей".
развлекаемый некоторыми подданными Соединенных Штатов вмешательством британского правительства, которое естественно и решительно заинтересовано в благополучии индийских народов и в установлении мира и постоянного спокойствия. В этой ситуации, я уверен, вы извините меня за то, что я не могу давать вам никаких советов, которые из-за моего отсутствия на месте, возможно, не могут вытекать из того совершенного представления и знания, которых обязательно требует столь важный предмет ". [FN-2]

[FN-1] Ныне Торонто, столица Верхней Канады.

[FN-2] Из оригинального письма, найденного среди бумаг Бранта.

Это письмо содержит единственное дошедшее до нас подтверждение того факта, что сам губернатор Симко был предложен в качестве посредника, но отклонен, и, возможно, это его задело. Тем не менее, хотя он предусмотрительно воздержался от малейшего вмешательства, в этом сообщении не было ничего, что могло бы подорвать миролюбивую решимость совета. Члены Комиссии все еще с нетерпением ожидали результата в устье реки Детройт. 11 августа им сообщили, что дебаты в совете все еще продолжаются; что вожди Шести наций выступили дважды и собирались выступить в третий раз. Действительно, теперь они так стремились достичь мирного соглашения, что Тайенданегеа был полон решимости выйти за рамки обычных правил индийского совета и выступить в четвертый раз, если в этом возникнет необходимость. [FN] Было добавлено, что почти половина четырех племен, которые настаивали на войне, были побеждены; и поэтому, когда гонцы покидали совет, они даже ожидали, что гонцы с тихоокеанскими новостями догонят их. Дождавшись, однако, 14-го числа и не получив дальнейших известий, комиссары предложили отправиться в совет лично, но были остановлены британскими властями, которые не позволили им двигаться в этом направлении, если только не будет специального приглашения от совета. Не желая больше откладывать, они приняли следующие меры: обратились к совету с речью к капитану Бранту с просьбой представить ее им, настаивая на необходимости скорейшего решения вопроса о мире или войне, так или иначе. Заключение этого обращения было таким:—

[FN] Какая жалость, что на таком Индийском конгрессе, где собрались великие воины и правители стольких народов, чтобы обсудить темы, сразу самые (неразборчивое слово — "захватывающие"?} и что было для них самым важным, скамейка стенографисток не могла здесь присутствовать! Какие взрывы волнующего красноречия — бесхитростного {?} языка природы, собравшего все свои свежие и сияющие метафоры из ее собственного богатого запаса — цветов, лесов и зарослей {?} - солнца, звезд и голубого неба — ветров, землетрясения и бури — должны были быть излиты, но затихли для ушей, которые их слышали.

"Братья: Мы ждали четырнадцать дней, но ответа так и не пришло.

"БРАТЯ: Пришло время довести дело до конца. Лето почти прошло, а мы еще даже не знаем, заключим ли мы договор.

"БРАТЯ: Вы знаете, что мы пришли, чтобы договориться с вами о мире. Мы снова говорим вам, что мы искренне желаем заключить мир; и в условиях мира мы склонны воздать вам должное. Но если никакого договора не будет заключено, если мир не будет достигнут, мы желаем немедленно узнать об этом, чтобы вернуться домой".

Но все ожидания мирного урегулирования трудностей оказались ошибочными. Через два дня после того, как это обращение было отправлено на попечение капитана Бранта и плантатора Кукурузы, члены Комиссии получили длинное обращение от совета в письменном виде в ответ на их собственную речь от 31 июля, которая положила конец переговорам. Оно было адресовано,

"КОМИССАРАМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ.

"БРАТЯ: Мы получили вашу речь от 31 числа прошлого месяца, и она была истолкована для всех разных народов. Мы долго не могли отправить вам ответ из-за огромной важности вопроса. Но сейчас мы отвечаем на него полностью, обдумав все, что в наших силах".

В своем выступлении совет приступил к расширенному обзору переговоров, о которых говорилось выше, и обстоятельств, при которых были заключены договоры в форте М^сИнтошем и форте Хармар. Они утверждали, что эти договоры не были заключены должным образом и не имели обязательной силы для индейцев, поскольку лишь немногие из их вождей и воинов присутствовали на советах, и эти немногие не были уполномочены уступать какие-либо из своих земель. Они заявили, что проинформировали генерала Сент-Клера об этом факте до заключения договоров и предостерегли его от дальнейших действий. Но он упорно проводил советы, на которых с их народами не консультировались, и получал уступки огромной страны, в которых те немногие, кто по принуждению подписал договор, были заинтересованы не больше, чем в качестве простой ветви Всеобщей Конфедерации, и не имели полномочий предоставлять какие-либо субсидии вообще. В ответ на замечания членов Комиссии о нецелесообразности разрушения поселений на спорной территории и их предложения крупных сумм денег за подтверждение предоставления гранта по договору в Форт-Хармаре речь Совета была остроумной и убедительной. Действительно, остаток этого документа стоит переписать полностью:—

"БРАТЯ, Деньги для нас не имеют ценности и большинству из нас неизвестны; и поскольку никакие соображения не могут заставить нас продать наши земли, на которых мы добываем пропитание для наших женщин и детей, мы надеемся, что нам будет позволено указать способ, с помощью которого ваши поселенцы могут быть легко изгнаны и таким образом достигнут мир.

"БРАТЯ: Мы знаем, что эти поселенцы бедны, иначе они никогда бы не отважились жить в стране, которая находится в постоянном бедственном положении с тех пор, как они пересекли реку Огайо. Поэтому разделите эту большую сумму денег, которую вы предложили нам, между этими людьми; дайте каждому также долю того, что, по вашим словам, вы бы давали нам ежегодно, сверх этой большой суммы денег; и мы убеждены, что они с наибольшей готовностью примут ее вместо земель, которые вы им продали. Если вы добавите также огромные суммы, которые вы должны потратить на набор и жалованье армиям с целью заставить нас уступить вам

нашу страну, у вас, несомненно, будет более чем достаточно средств для оплаты этим поселенцам всего их труда и улучшений.

"Братья: Вы говорили с нами о концессиях. Кажется странным, что вы чего-то ждете от нас, которые всего лишь защищали наши справедливые права от ваших вторжений. Мы хотим мира. Верните нам нашу страну, и мы больше не будем врагами.

"Братья: Вы делаете нам одну уступку, предлагая нам свои деньги, а другую - соглашаясь воздать нам должное после того, как долго и оскорбительно скрывали это; мы имеем в виду признание, которое вы сейчас сделали, что король Англии никогда не делал и никогда не имел права отдавать вам нашу страну по мирному договору. И вы хотите сделать этот акт общей справедливости важной частью вашей уступки и, по-видимому, ожидаете, что, поскольку вы наконец признали нашу независимость, мы должны за такую услугу уступить вам нашу страну.

"Братья: Вы также много говорили о преимущественном праве и вашем исключительном праве на покупку индийских земель, переданном вам королем по мирному договору.

"Братья: Мы никогда не заключали никакого соглашения ни с королем, ни с какой-либо другой нацией о том, что мы передадим им исключительное право покупать наши земли; и мы заявляем вам, что считаем себя свободными заключать любые сделки или уступать земли, когда и кому пожелаем. Если белые люди, как вы говорите, заключили договор, по которому никто из них, кроме короля, не должен покупать нас, и он предоставил это право Соединенным Штатам, то это дело касается вас и его, а не нас. Мы никогда не расставались с такой силой.

"Братья: На нашем генеральном совете, состоявшемся в Глейзе прошлой осенью, мы согласились встретиться с представителями Соединенных Штатов с целью восстановления мира при условии, что они согласятся признать и подтвердить нашу пограничную линию по Огайо; и мы решили не встречаться с вами, пока вы не удовлетворите нас по этому вопросу. Вот почему мы никогда не встречались.

"Братья: Мы хотим, чтобы вы считали, что наше единственное требование - мирное владение небольшой частью нашей некогда великой страны. Оглянитесь назад и посмотрите на земли, откуда мы были изгнаны в это место. Мы не можем отступать дальше, потому что страна позади едва ли обеспечивает продовольствием своих нынешних жителей; и поэтому мы решили оставить свои кости на этом маленьком пространстве, на которое мы сейчас обречены.

"Братья: Мы убедимся, что вы намерены воздать нам должное, если вы согласитесь, что Огайо останется границей между нами. Если вы не согласитесь на это, в нашей встрече не будет никакой необходимости. Это важный момент, который, как мы надеялись, был объяснен до того, как вы покинули свои дома; поскольку наше послание прошлой осенью было в основном направлено на получение этой информации.

"Совершено на Общем совете у подножия Майами-Рэпидс 13 августа 1793 года".

Это обращение было подписано вайандотами, Семью нациями Канады, делаваарами, шаванцами, миами, оттавами, чиппевейями, сенеками (из глайза), потаваттами, конноями, манси, нантикоками, мохеганами, миссисагуа, криками и чероки — название каждой нации было написано, а ее эмблема или гербовый щиток грубо изображен напротив названия. Шесть стран его не подписывали. Действительно, считается, что капитан Брант и Шесть наций *"крепко*

держались вместе" в своих усилиях заключить мир до последнего; и что характер окончательного ответа совета не был доведен до их сведения до его отправки. Напротив, им сказали, что было предложено встретиться с членами Комиссии в Майами, а не в Сандаски, примерно в пяти милях ниже их тогдашнего места заседаний; и они были настолько уверены в этом факте, что предложили отправиться туда на следующий день после того, как посыльные были отправлены с места пожара.

[FN] Таким образом, согласно первоначальному сообщению, имеющемуся в распоряжении автора:—

Вайандоты,	Медведь.	Сенека из Глайзы,	Черепеха.
Семь народов Канады	Черепеха.	Потаваттамиес,	Рыба.
Делавары,	Черепеха.	Конной,	Индейка.
Шаванцы,		Манси,	
миамцы,	Черепеха.	Нантикоkes,	Черепеха.
Оттава,	Рыба.	Могеганцы	{Черепеха.
			{Индейка.
Чиппуэйз,	Подъемный кран.		

Ничто не могло быть более недвусмысленным, чем этот ультиматум индейцев. Их *непременным* условием проведения границы был Огайо. С этим предложением Комиссары никак не могли согласиться и, соответственно, написали вождям и воинам совета в Рэпидсе, что "переговоры подошли к концу". Записи индийской истории настолько несовершенны, сохранившиеся в том виде, в каком они есть, по большей части, только в табличках мозга, причем памяти помогают пояса и другие эмблемы, что трудно определить точные достоинства полемики, которую пытались прекратить на этом соборе. Поскольку индейцы были более слабой стороной, принадлежащей к обреченной расе, в конце концов все, конечно, решал закон сильнейшего, и индейцы были изгнаны за Миссисипи. Но беспристрастный анализ этого дела всего за сорок лет дает веские основания полагать, что пострадавшей стороной были индейцы. Конечно, было бы исключением в истории их отношений с белым человеком, если бы это было не так; хотя совершенно очевидно, что они сами свято верили, что являются потерпевшей стороной. И, таким образом, полагая, что ничто не могло быть более патриотичным, чем позиция, высказанная в их обращении, или более благородным, чем содержащиеся в нем заявления и чувства.

ГЛАВА XII.

Подозрение в двуличии британских властей—проведение Саймон Герти—раскрытие информации на тему капитан Брант—Совет по буйвола и Индийского отчет о деяниях Великого Конгресса—речь капитана Бранта соблюдая Майами совет—миссии генерала Чапин в Филадельфию, с речью—ответ неудовлетворительный индейцам—красная куртка—индийский Совет—речь капитана Бранта в ответ на ответ США—беды утолщение между Соединенными Штатами и Великобританией—воспалительных речь Господа Дорчестер—вопрос о его подлинности устроились—проведение губернатор Симко—возмущение президента Вашингтона—его письмо к г-Джей—слова капитана Бранта против проведения совета в Венанго—дизайн разочарование—дел еще дальше на Западе—Единственное послание из далеких индейцев под испанским и французским влиянием—их речь—операции генерала Уэйна—посягательств Пенсильвания на индейские земли—индийский Совет по этой теме—обратитесь к генералу Вашингтону—важный письмо Брант полковник Смит—отказывается Пенсильвания Преск-Айл—поражение крупных м^сМарион возле Форт-восстановление—индейцы отбили их атаку на форт—письмо Брант рассказ о битве—до Уэйна Ас-Глайз и Майами озер—Маленькая Черепаха в курсе его перемещений и силы, дезертир—начальник решает дать бой—Уэйн делает еще одно усилие ради мира—провал покушения—до Уэйна пороги—положение индейцами—сражения и разгрома индейцев—Маленькая Черепаха против опасности в боях против сине-куртка и отменено—терпкий соответствие между Wayne и майор Кэмпбелл—уничтожение индейского имущества вследствие пожара, и сжигание полковник м^сКи учреждение—разочарование индейцев, что Кемпбелл не помочь им—письмо Губернатора симку в Брант—агрессия на Sodus Бей—симкой и Брант ремонт на Запад—вмешиваться, чтобы не допустить мира—индийский Совет—враги переговоры с Уэйном—Симко адрес Виандот—отдел по советам их—Брант уходит недовольным—письмо с извинениями от начальников—далекие индейцы устали от войны.

Немедленно последовало возвращение уполномоченных на восточную оконечность озера Эри, откуда и правительство Соединенных Штатов, и генерал Уэйн были проинформированы о провале переговоров, к которым велась такая долгая и кропотливая подготовка. Было выдвинуто обвинение в том, что, несмотря на очевидную дружбу губернатора Симко и его небольшого двора на Ниагаре и их кажущееся стремление к миру, этот неблагоприятный результат был в значительной степени, если не полностью, достигнут влиянием британских офицеров, присутствовавших в советах индейцев, — полковника М.^сКи, капитана Эллиота и печально известного Саймона Герти. Преподобный мистер Хеквельдер, по просьбе генерала Нокса, сопровождал членов Комиссии и присутствовал при вручении последнего послания совета, отказавшись от интервью, которое в том виде, в каком оно было дано, как по содержанию, так и по форме было чрезвычайно дерзким. Эллиот и Герти оба присутствовали при передаче этого послания, причем последний подкрепил свою дерзость пером, или длинным пером, проведенным крест-накрест по хрящу его носа. Он был переводчиком послания; и г-н Хеквельдер заявляет, что он официально добавил предложение, не переданное от

совета. Два вождя штата Делавэр, посетившие представителей совета, находясь на реке Детройт, на вопрос мистера Хекуэлдера, почему комиссарам не разрешили проследовать в их квартиры в Рэпидс, ответили: "Все, что мы можем сказать, это то, что мы желаем мира; но мы не можем говорить дальше, так как наши рты были заткнуты, когда мы покидали совет!" Другими словами, им было запрещено разглашать какие-либо из его секретов.[FN]

Рассказ Хеквельдера о моравских миссиях.

Эти обстоятельства, вышедшие из-под пера такого свидетеля, представляют собой убедительное предполагаемое свидетельство двуличия со стороны канадской администрации. Но есть и другие свидетельства этого факта, настолько убедительные, что они бесспорны. Это свидетельство самого капитана Бранта, который из всех остальных принимал самое активное участие в обсуждениях этих советов. В одной из речей, произнесенных им в ходе его земельных разногласий с канадским правительством некоторое время спустя после войны, встречается следующий отрывок: "В течение нескольких лет" (после заключения мира 1783 года) "мы были заняты формированием конфедерации [FN-1], и единодушие, вызванное этими усилиями среди наших западных братьев, позволило им разгромить две американские армии. Война продолжалась без какой-либо помощи наших братьев, англичан, за исключением небольшого количества боеприпасов; и они, по-видимому, желали заключения мира, мы попытались осуществить это в то время, когда Соединенные Штаты очень этого желали, так что они послали уполномоченных из числа своих первых лиц, чтобы попытаться заключить мир с враждебными индейцами. Мы собрались также с этой целью на реке Майами летом 1793 года, намереваясь выступить посредниками в заключении почетного мира; и если этого не удастся добиться, мы решили присоединиться к нашим западным братьям и попытаться счастья в войне. Но, к нашему удивлению, когда мы собирались заключить договор с комиссарами, мы обнаружили, что ему воспротивились те, кто действовал под руководством британского правительства, и надежды на дальнейшую помощь были даны нашим западным братьям, чтобы побудить их настаивать на Огайо в качестве границы между ними и Соединенными Штатами ". [FN-2]

[FN-1] В другой части той же речи капитан Брант заявил, что генерал Холдиманд призвал их к созданию этого союза с различными нациями.

[FN-2] Цитируется по рукописной копии речи, находящейся среди бумаг Бранта, написанной рукой самого Шефа.

Депутация от Шести наций и Семи наций Канады (каунавага) вернулась из Майами, и в деревне онондага, расположенной у Буффало-Крик, был созван совет, чтобы заслушать их отчет, предназначенный не только для их собственного народа, но и для сведения британского и американского суперинтендантов, полковника Батлера и генерала Чапина. Костер совета был зажжен 8 октября. Как мы увидим, процедура была характерной и поразительной. Пояса, изображения и эмблемы, используемые несколькими нациями, представленными в Большом совете в Майами-Рэпидс, были переданы Шести нациям из рук их заместителей, и после того, как совет был официально открыт, они были представлены, а речи, которыми сопровождалось их произнесение, были повторены в форме отчета с пояснениями. Благодаря этому процессу,

хотя и утомительному, о работе Большого конгресса, вероятно, сообщалось совету Буффало с такой точностью, как если бы они были изложены по форме комитетом более цивилизованного "Конгресса тринадцати огней".

Когда все было готово, слушания начал Чистое Небо, вождь племени онондага, который сказал следующее: -

"Братья: Мы благодарим Великого Духа за нашу счастливую встречу, за то, что он сохранил нас во всех трудностях, опасностях и болезнях и дал нам возможность встретиться в этом месте".

Церемония соболезнования по поводу потери друзей, прошедшая после последнего совета, регулярно проводилась всеми присутствующими племенами, а также Суперинтендантами, и на нее ответили взаимностью, после чего работу совета возобновил брат Фермера, который произнес речь от имени шаванцев, делаваров и твитуэйсов следующего содержания:

"Братья: Полковник Батлер и генерал Чапин, мы желаем, чтобы вы посетили шаванцев и другие народы Индии. Мы благодарим Шесть стран за их внимание. Мы были рады видеть их у Большого костра Совета, который когда-то разожгли на порогах Майами".

Чтобы понять отчет, читатель должен иметь в виду, что речь о каждом поясе произносит его владелец, как если бы он на самом деле был делегатом от страны, с докладом которой он выступает.

"Братья: Вы знакомы с дружбой, которая когда-то существовала между вами и нашими отцами, и причина, по которой разожжен нынешний огонь, заключается в том, чтобы возобновить эту дружбу.

"Братья: Мы говорили вам об этом прошлой осенью на совете в Глайзе, и сейчас мы повторяем это, чтобы напомнить вам о той дружбе, которая когда-то существовала между вами и нашими мудрыми предками".

[Здесь был представлен пояс из белого вампума круглой формы, обозначающий место их встречи, как в центре, и пересеченный четырьмя полосами черного вампума, представляющими всех их союзников, Восток, Запад, Север и Юг.]

"Братья: Древний союз, который существовал между нами и Пятью нациями, заключался в том, что если какая-либо из Пяти наций окажется в бедственном положении, мы примем их к себе; теперь мы видим, что вы в бедственном положении; что вы окружены водой и у вас нет земли, на которой можно было бы стоять; что большой белый зверь стоит с разинутой пастью на другой стороне, готовый уничтожить вас. У нас есть сухая земля, на которой вы можете стоять; и сейчас мы берем вас за руку и приглашаем прийти, принести свои кровати и сесть с нами".

[Пояс из семи рядов черно-белого вампума.]

[FN] В ответ на вопрос Семи наций Канады, как долго существовала эта конфедерация между шаванцами и т. Д. Ответ был: "*три жизни*".

Здесь воины присоединились к Вождям и повторили древнее соглашение, рекомендовали объединить все различные народы и просили их следовать тому, что было рекомендовано вождями. Пак-он-че-лук, главный воин делаваров, затем заговорил:—

После поражения при Сент-Клере, когда делавары храбро сражались, могавки, которые ранее объявили делаваров женщинами или, другими словами, понизили их в звании воинов, отменили позорный приговор и стерли клеймо позора, официально объявив делаваров больше не женщинами, а МУЖЧИНАМИ.

"БРАТЯ: Я называю вас своими дядями, а всех остальных индейцев - своими внуками. Их я уже объединил и связал воедино, и теперь я связываю вас всех вместе этой нитью".

[Большой пучок черного вампума.]

Тогда заговорили сахемы делаваров:

"БРАТЯ: Вы слышали речь главных воинов. Мы присоединяемся к ним и рады слышать, что они объединили всех своих внуков и что они с большим уважением говорили со своими дядями и рекомендовали им быть единомышленниками".

[Большой пучок черного вампума.]

Затем заговорили вайандоты:—

"БРАТЯ: Вы пришли к нам сто пятьдесят лет назад, когда мы жили над Детройтом, с речью от Шести наций, собравшихся у их костра совета на холме Онондага, и порекомендовали нам быть друзьями, и посоветовали нам не слушать никаких плохих слухов или чего-либо такого, что могло бы смутить наши умы.

"БРАТЯ: Послушайте еще несколько слов, которые мы должны вам сказать. Мы слышали, что виргинцы рядом с нами; мы не пойдём им навстречу; но если они появятся среди нас, мы не знаем, каковы будут последствия".

[Вайандоты выступали с очень большим поясом из вампума с тремя изображениями на нем, одним посередине и по одному с каждого конца, представляющими американцев на одном конце, Шесть наций посередине и самих себя на другом конце, и выражали свое сожаление по поводу того, что американцы ушли до того, как у них появилась возможность поговорить с ними.]

Чиппева и двадцать шесть других народов, их союзники, затем заговорили:-

"БРАТЯ: Мы сожалеем, что дело, ради которого был разожжен пожар совета на порогах Майами, не было завершено так, как мы могли бы пожелать. Различные нации, которые мы представляем, пожелали, чтобы мы присутствовали на совете и приложили наши усилия для установления всеобщего мира и объединения всех наций".

Чиппева, оттава и потаваттами, депутаты от двадцати семи наций, населяющих берега озер и выше Мичилимакинака, затем заговорили:

"БРАТЯ: Нам жаль, что мы все лето присутствовали на пожаре совета и не справились ни с какими делами так, как ожидали.

"БРАТЯ: Теперь мы объединились с вами, Шестью нациями, и просим вас вернуться на свои места, сообщить Соединенным Штатам о нашей решимости и вернуться с ответом нам к середине зимы, и не останавливаться, поскольку некоторые нации могут сбить вас с толку и испортить ваш рассудок".

На что Шесть Наций ответили:—

"БРАТЯ: Мы благодарим вас, и как только мы займем свои места, мы разожжем наш костер совета и позвоним Канадасаго, агенту, назначенному Соединенными Штатами для встречи с нами, и через него передадим наше решение Конгрессу".

Затем представители Шести наций, обращаясь к генералу Чапину и полковнику Батлеру, сказали:—

"БРАТЯ: Теперь мы ознакомили вас с нашими действиями в связи с недавно предложенным договором на порогах Майами и проинформировали вас о предлагаемой линии между индейцами и Соединенными Штатами, которая, в случае принятия, поможет белым людям заключить мир".

Капитан Брант и могавки не присутствовали на совете 8-го числа, и депутация выразила сожаление по этому поводу, составляя свой отчет. Брат Фермера заметил, что капитан Брант сможет дать более полные объяснения, чем это сделали они, о ходе событий в Майами и о решимости, с которой пришли собравшиеся там нации. После прибытия "ирокезов" 9-го числа огонь на совете был снова открыт, когда капитан Брант обратился к британскому полковнику Батлеру и американскому суперинтенданту генералу Чапину со следующими словами:

"БРАТЯ: Вы, король, наш отец, и вы, наш брат, Соединенные Штаты, прислушайтесь к тому, что мы хотим сказать. Сейчас мы объясним вам существенный момент, по которому мы попросили вас присутствовать на этом совете и который не был полностью разъяснен. Мы хотим действовать открыто, чтобы мир мог судить о наших действиях.

"БРАТЯ: Нет необходимости повторять то, что было на великом совете в Майами рэпидз, поскольку мы знаем, что вы уже знакомы с этим. Поэтому мы укажем на причину нашего ухода с собрания таким образом, как мы это сделали.

"БРАТЯ: Когда первая делегация индейцев конфедерации встретила комиссаров Соединенных Штатов на ниагаре, все, казалось, сулило дружественное расторжение договора; но перед их возвращением к костру совета у порогов Майами туда прибыли посланцы племени крик и принесли достоверную информацию о том, что белые люди вторглись в эту часть конфедерации.

"Это известие сразу изменило характер наших действий и, вероятно, стало единственной причиной внезапного прекращения мирных переговоров. Таким образом, вы видите, что претензии на наши земли всегда были и продолжают оставаться причиной войны.

"БРАТЯ: Около пяти лет назад мы согласовали демаркационную линию с Соединенными Штатами, которая, как вы знаете, называется Маскингам; и, несмотря на различные происшествия, произошедшие с тех пор, мы по-прежнему будем придерживаться этой границы.

"БРАТЯ: Мы думаем, что Соединенные Штаты согласятся с этой линией, которая продемонстрирует искренность и справедливость, которые они всегда исповедуют по отношению к индейцам; если они согласятся на это, мы искренне надеемся, что мир все-таки наступит, и мы думаем, что вес нашей ветви конфедерации сможет достичь мира на разумных основаниях, которые мы только что упомянули, и нам будет чрезвычайно жаль обнаружить, что это предложение не будет в целом принято конфедерацией. Если она будет отвергнута, мы окажемся втянутыми в трудности в нашей собственной стране.

"БРАТЯ: Теперь мы перейдем к объяснению линии, на основе которой, как мы надеемся, будет заключен мир. Мы знаем, что на земли вдоль реки Огайо претендуют индейцы, но мы предлагаем отказаться от той части этих земель, которая фактически заселена и улучшена, причем поселения должны быть ограничены линией, проведенной вокруг них, и никакие дальнейшие претензии за пределами этой линии не допускаются. Остальная часть границы будет разъяснена генералом Чапином, для чего, согласно общему желанию Шести стран, генерал Чапин лично выступит с речью перед Конгрессом".

[Пояс из черно-белого вампума.]

Согласившись с этой просьбой, генерал Чапин проследовал в резиденцию правительства, чтобы представить президенту свою речь и дать необходимые пояснения. Военный министр ответил 24 декабря, подтвердив желание Соединенных Штатов развивать дружеские отношения с индейцами, уклонившись от решения о границе, рекомендованного капитаном Брантом, и предложив провести весной еще один Индейский совет в Венанго. Но в случае, если индейцы, враждебные или нет, соглашались собраться на такой совет, им недвусмысленно говорили, что армия тем временем не будет ограничена во враждебных операциях, как это было в предыдущем сезоне. Однако, чтобы заручиться доброй волей Шести наций, им был отправлен запас теплой зимней одежды вместе с письмом от секретаря, содержащим решение президента, которое было доставлено и хорошо принято на собрании совета в Буффало-Крик 7 февраля 1794 года. Этот совет был созван специально для того, чтобы получить ответ на предложения капитана Бранта; и после того, как они были прочитаны, вскоре стало ясно, что он менее приемлем для индейцев, чем они ожидали. Красный Мундир после долгой паузы ответил генералу Чапину: —

"БРАТЯ (из Соединенных Штатов:) Мы выслушали речь, которая была произнесена нам с большим вниманием, и теперь перенесем огонь совета в наш замок, чтобы обсудить это в частном порядке".

Два дня спустя совет был вновь открыт, и Красный Пиджак заговорил:-

"БРАТЯ: Мы приняли вашу речь к сведению, и наш старший брат, капитан Брант, расскажет о результатах нашей вчерашней встречи на закрытом совете".

Затем капитан Брант произнес следующую речь, используя девять нитей белого и черного вампума:—

"БРАТЬЯ: Сейчас я обращаюсь к вам, генерал Чапин из Соединенных Штатов, и к вам, майор Литтлхейлс [Ф.Н.] от имени Короля, и благодарю Великого Духа за то, что он снова собрал нас вместе на совете, поскольку мы хотим, чтобы мир узнал то, о чем мы собираемся рассказать".

Личный секретарь губернатора Симко, присутствующий на совете в его отсутствие.

"БРАТЬЯ: Вы оба слышали послание, которое мы передали нашим братьям в Соединенных Штатах прошлой осенью относительно линии разграничения; и мы ожидали положительного ответа от вас, братья в Соединенных Штатах, независимо от того, примете вы его или нет.

"БРАТЬЯ: Когда прошлой осенью мы передавали вам послание от имени Соединенных Штатов, мы сначала серьезно обдумали его; мы говорили языком наших сердец, и Великий Дух знал наши умы; все Шесть наций придерживались того же мнения, и мы твердо уверены, что, если бы Соединенные Штаты приняли предложенную нами линию границы, мир, несомненно, наступил бы.

"БРАТЬЯ: Речь, которую вы принесли нам, вызвала у нас большое беспокойство; мы в большой растерянности, как действовать; мы ожидали прямого ответа на наши предложения о линии разграничения; теперь мы очень огорчены тем, что вы принесли нам лишь половину ответа; разжигание костра совета в отдаленном месте - это то, на что мы не готовы дать ответ.

"БРАТЬЯ: При условии, что Соединенные Штаты приняли предложенную нами линию границы, мы должны были немедленно обратиться к нашим западным братьям, которые знают наши чувства, и мы должны были присутствовать на вашем совете и подтвердить это.

"БРАТЬЯ: успокойтесь; но, ввиду важности вашей речи, у нас должно быть время очень серьезно обдумать ее; мы не можем дать вам немедленный ответ; мы должны созвать общий совет всех Вождей; сейчас присутствуют лишь немногие, и мы все должны быть вместе. Причина столь многочисленных консультаций в разное время заключалась в том, что было собрано столь малое число наших сахемов и вождей, и это стало главной причиной нынешних проблем.

"БРАТЬЯ: Вы, генерал Чапин, живете рядом с нами; у нас есть два с половиной месяца, чтобы обдумать вашу речь, и к тому времени мы дадим вам окончательный ответ. Мы молим Великого Духа, чтобы эти трудности закончились к счастью обеих сторон.

"БРАТЬЯ: Вы запросили ответ, как только это было удобно, но в таком очень важном деле невозможно дать его немедленно. Что касается провизии, то в вашей стране ее предостаточно; и если мы согласимся встретиться с вами, вам не нужно быть разборчивым в том, что мы будем потреблять, поскольку мы не будем ожидать ничего, кроме провизии.

"БРАТЬЯ: На этом мы заканчиваем и молим Великого Духа защитить ваш дом в безопасности, и мы желаем, чтобы вы постоянно помнили об этом, чтобы вскоре получить ответ".

[Девять струн вампума, доставленных генералу Чапину.]

Несмотря на отсрочку получения окончательного ответа со стороны индейцев на предложение о созыве другого совета в Венанго, по мнению генерала Чапина, к концу этих слушаний они все же согласятся с ним. Однако за прошедший период возникли обстоятельства, которые

существенно изменили аспект пограничных отношений Соединенных Штатов, а также тон и темперамент Шести наций. Тогда начались затяжные и кровопролитные войны между Англией и Французской Республикой, а также посягательства этих держав на права нейтралов, столь частые и столь обострившиеся в ходе той яростной борьбы. Чтобы перекрыть поставки хлебобулочных изделий из Франции, Великобритания прибегла к решительной и сомнительной мере - останавливать все суда, полностью или частично груженные зерном, мукой или мукомольной крупой, направляющиеся в любой порт Франции, и отправлять их в наиболее удобные порты, где их грузы должны были быть приобретены для службы его Величеству по справедливой стоимости, после внесения соответствующей надбавки за фрахт и т.д. Британское правительство старалось оправдать эту меру ссылками некоторых современных авторов на национальное законодательство, но, тем не менее, это было расценено как нарушение прав нейтралитета и вызвало много эмоций среди американского народа и решительные возражения со стороны правительства. Установленное Великобританией право производить впечатление на моряков, британских подданных, с нейтральных судов, в результате осуществления которого утверждалось, что многие американские моряки были схвачены и насильно доставлены на иностранную службу, теперь вызывало дальнейшее и еще большее раздражение. Ко всему этому добавились подстрекательские махинации гражданина Жене с целью подорвать администрацию Вашингтона, оттолкнуть от своего правительства симпатии народа и втянуть Соединенные Штаты в войну с Великобританией. Партийный дух уже был на высоте, и из-за слепого рвения, с которым антифедералисты поддерживали дело революционной Франции в противовес Англии, возникли очень серьезные опасения, что результатом станет еще одна война между последней державой и Соединенными Штатами.

Одним из последствий очевидной вероятности такого события было явное изменение настроения британских офицеров на канадских островах и на постах, которые все еще находились под британским контролем вдоль северо-западной границы Соединенных Штатов. В том, что на протяжении всего конфликта между индейцами и Соединенными Штатами, с 1786 года до поражения при Сент-Клере, английские агенты поддерживали первых и поощряли их, а торговцы неоднократно подстрекали их к фактическим военным действиям, сомнений не было. Однако в последнее время проявилось улучшение самочувствия. Лорд Дорчестер, перед визитом в Англию в конце 1791 года, обратился с речью к индейцам, имевшим довольно миролюбивый вид; и было замечено, что летом предыдущего года (1793 г.) губернатор Симко проявил лучшие чувства, чем ранее проявляли офицеры этой страны после завершения революционного противостояния. Но трудности между двумя нациями, о которых уже говорилось, которые с каждым днем становятся все серьезнее и угрожают в недалеком будущем прибегнуть *kultima ratio regum*, привели к решительному изменению взглядов канадских властей на умиротворение индейцев. В случае войны индейцы снова оказались бы ценными вспомогательными силами в армии его Величества из-за раздражения, которое они причинили бы Соединенным Штатам, если бы не из-за каких-либо важных побед, которые они могли бы одержать. Следовательно, вместо того, чтобы способствовать умиротворению, усилия канадского правительства, очевидно, были направлены на то, чтобы предотвратить это. *Мешекуннаква*, или *Маленькая Черепашка*, после победы над Сент-Клером нанес визит в провинцию Нижняя Канада с целью задействовать все индейские силы, какие только мог, в этом районе для дальнейшего ведения войны. К этому времени лорд Дорчестер вернулся из Англии, и его ожидали индейцы Семи наций Канады в качестве депутации от всех индейцев на Большом совете Майами прошлой осенью. Их целью было спросить совета или заручиться

поддержкой или содействием в отношении границы, за которую они так долго боролись. Его светлость ответил депутации 10 февраля в выражениях, уважающих Соединенные Штаты, далеких от примирительных или миролюбивых. Сославшись на работу совета с индейцами, состоявшегося в Квебеке перед его отъездом в Европу двумя годами ранее, и на выражение в его речи по этому поводу надежды на то, что он услышит в Англии об удовлетворительном урегулировании их трудностей с Соединенными Штатами, его светлость продолжил:

"Дети: Я ожидал услышать от народа Соединенных Штатов, что им требуется; я надеялся, что мне удалось бы свести вас вместе и сделать друзьями.

"Дети: Я долго ждал и слушал с большим вниманием, но не услышал от них ни единого слова.

"Дети: Я льстил себя надеждой, что линия, предложенная в восемьдесят третьем году для отделения нас от Соединенных Штатов, *которая была немедленно нарушена ими самими, как только был подписан мир*, была бы исправлена или проведена новая полюбовным образом. Здесь я тоже был разочарован.

"Дети: С момента моего возвращения я не нахожу никаких признаков того, что остается какая-либо линия; и из-за того, что народ Соединенных Штатов бросается вперед, действует и говорит по эту сторону; и из того, что я узнаю об их поведении в отношении моря, я не удивлюсь, если мы будем воевать с ними в течение текущего года; и если это так, тогда воины должны провести линию.

"Дети: Вы говорите о продаже ваших земель штату Нью-Йорк. [FN] Я говорил вам, что между ними и нами нет границы. Я не признаю за ними никаких земель, на которые они посягали с 1783 года. Затем они нарушили мир, и поскольку они соблюдали его не со своей стороны, это не касается и нас".

Индейцы Каунавага, проживавшие недалеко от Монреаля, примерно в это время заключили договор с губернатором Джорджем Клинтоном о продаже части своих земель, лежащих в границах штата Нью-Йорк. Покойный Эгберт Бенсон был комиссаром от штата.

"Дети: Затем они лишили себя преимущественного права собственности. Поэтому все их подходы к нам с того времени и все сделанные ими покупки я рассматриваю как посягательство на права короля. И когда между нами проводится черта, будь то в мирное или военное время, они должны потерять все свои улучшения и дома по нашу сторону границы. Все те люди, которые не получили разрешения стать подданными короля, должны уйти. То, что принадлежит индейцам, будет, конечно, сохранено и подтверждено за ними.

"Дети: Что еще я могу вам сказать? Вы свидетели того, что со своей стороны мы действовали самым миролюбивым образом и терпеливо переносили высказывания и поведение народа Соединенных Штатов. Но я полагаю, что наше терпение почти исчерпано ". [FN]

[FN] Подлинность этой речи лорда Дорчестера отрицается Главным судьей Маршаллом, и мистер Спаркс в своей книге "Жизнь и переписка из Вашингтона" отмечает это отрицание, не выражая несогласия. Следовательно, оно было воспринято как поддельное, и лорд Дорчестер

вместе со своим правительством избежал ответственности за обнародование такого необоснованного документа. Первый экземпляр был направлен президенту Вашингтону губернатором Клинтоном, который не сомневался в его подлинности. Президент тоже этого не сделал; поскольку в своем письме губернатору Клинтону, подтверждающем его получение, он подробно излагает свои доводы в пользу несогласия с мнениями тех, кто объявлял его ложным. Напротив, он заявил, что у него "нет сомнений в его подлинности". Столь же твердо он был убежден, что, произнося такую речь, лорд Дорчестер выразил мнение британского кабинета министров в соответствии с его инструкциями. [См. *Письмо президента Вашингтона губернатору Клинтону от 31 марта 1794 г.*] 20 мая внимание британского министра г-на Хэммонда было привлечено к этому вопросу государственным секретарем Эдмундом Рэндольфом, который решительно протестовал не только против этой речи, но и против поведения губернатора Симко, который в то время принимал меры враждебного характера. г-н Хэммонд ответил 22 мая довольно резко; и что делает отрицание речи Маршалла и Искры более странными, так это тот факт, что британский министр сказал в этом письме: "Я готов признать подлинность речи". [См. издание "*Американских государственных документов*" Т. Б. Уэйта и сыновей, том I. страницы 449-453.] Но если раньше существовало сомнение в подлинности этого документа, то оно больше не должно существовать. Я сам переписал приведенные выше выдержки с заверенной копии рукописи, обнаруженной среди бумаг Джозефа Бранта, находящихся в моем распоряжении.—Автор.

Не могло быть никаких сомнений в том, какое воздействие оказало такое обращение на воинственные племена верхних озер, раздраженные тем, что они действительно считали несправедливостью, и присутствием вражеской армии в сердце их собственной страны — более того, их воодушевил полный успех, увенчавший их оружие в двух предыдущих кампаниях. Но генерал-губернатор и здесь не прекращал своих усилий, направленных на то, чтобы удержать индейцев, не исключая Шести наций, в спокойном настроении на войну. Вскоре после закрытия совета в Буффало в том же месяце его светлость обратился к этим племенам с подстрекательской речью, которая была переведена им полковником Батлером и произвела очевидную и решительную перемену в их чувствах по отношению к Соединенным Штатам. Большие подарки были также отправлены из Квебека и распределены между ними, а британские офицеры в департаменте по делам индейцев при каждом удобном случае прилагали все усилия, чтобы объяснить им, что война между двумя нациями неизбежна. [FN] Таково, несомненно, было их мнение, поскольку с прибытием речи лорда Дорчестера в начале апреля губернатор Симко отправился по суше в Детройт и с сильным отрядом войск проследовал к подножию Майами Рэпидс и приступил к возведению крепости в том месте. Это движение вызвало новое раздражение среди американского народа, поскольку сохранение старых должностей было постоянным источником недовольства, хотя невыполнение Соединенными Штатами части мирного договора все еще служило предлогом для такого занятия. Но перемещение губернатора Симкоу в провинцию Майами и возведение там крепости — территория явно входила в границы Соединенных Штатов — пробудили в груди президента еще более сильные чувства негодования. Мистер Джей в то время был американским посланником при Сент-Джеймском суде, и президент дал выход своим чувствам в частном письме этому чиновнику в самых решительных выражениях осуждения. "Может ли это правительство, - спрашивал президент в письме мистеру Джею, - или оно попытается после этого официального акта одного из своих губернаторов распространять идеи о дружественных намерениях по отношению к Соединенным Штатам и потерпит безнаказанность за такое поведение? Это

можно рассматривать как самый открытый и дерзкий акт британских агентов в Америке, хотя и не самый враждебный или жестокий; ибо ни у одного хорошо информированного человека в этой стране не остается сомнений в том, что все трудности, с которыми мы сталкиваемся с индейцами — их враждебные действия, убийства беспомощных женщин и невинных детей вдоль наших границ — являются результатом поведения агентов Великобритании в этой стране. Таким образом, напрасно его администрация в Британии дезавуирует отданные приказы, которые оправдывают такое поведение, в то время как их агенты остаются безнаказанными; в то время как у нас есть тысяча подтверждающих обстоятельств и почти столько же свидетельств, некоторые из которых не могут быть представлены, чтобы знать, что они соблазняют выйти из нашего союза и пытаются вывести за черту племена, которые до сих пор поддерживали с нами мир и дружбу за большие деньги, и у которых нет причин для жалоб, за исключением тех, которые якобы созданы ими; в то время как они держат в состоянии раздражения племена, которые находятся в состоянии войны с нами. враждебны нам и подстрекают тех, кто мало знает о нас, или мы о них, объединиться в войне против нас; и хотя неоспоримым фактом является то, что они снабжают всех оружием, амуницией, одеждой и даже провизией для продолжения войны; я мог бы пойти дальше и, если они не сильно опровергнуты, добавить еще и переодетых людей".

Письмо генерала Израэля Чапина военному министру, 29 апреля 1794 г. *Смотрите Государственные документы Индии*—стр. 480.

Именно при этих изменившихся обстоятельствах генерал Чапин снова встретился с Шестью нациями на совете 21 апреля, чтобы получить их ответ на сообщение военного министра генерала Нокса, предлагающее заключить другой договор в Венанго, как упоминалось ранее. Разбирательство было открыто вождем племени Онондага Чистым Небом, который обратился к суперинтендантам следующим образом: —

"ГЕНЕРАЛ ЧАПИН: Мы рады видеть, что вы благополучно прибыли к нашему костру совета и что Великий Дух сохранил вас в добром здравии.

"ПОЛКОВНИК БАТЛЕР: Мы также очень рады видеть вас у нашего костра совета как представителя короля".

Вслед за этим капитан Брант поднялся и обратился к двум суперинтендантам со следующими словами:

"БРАТЬЯ: Вы, жители Соединенных Штатов, послушайте, что мы собираемся вам сказать; и вы, Король, тоже.

"БРАТЬЯ: Мы очень рады видеть вас, полковник Батлер и генерал Чапин, сидящими бок о бок с намерением услышать то, что мы хотим сказать. Мы не хотим заниматься никаким бизнесом, кроме того, что открыто и открыто для всех".

Затем, обращаясь исключительно к генералу Чапину, он продолжил: —

"БРАТ: Вы, представитель Соединенных Штатов, успокойтесь, поскольку речь вашего Президента долгое время находилась на нашем рассмотрении; когда мы получили ее, мы сказали вам, что это важное дело, и для его рассмотрения требуется время.

"БРАТ: Ответ, который вы нам принесли, не соответствует тому, что мы ожидали, что и было причиной нашей долгой задержки; дело было бы сделано быстро, если бы Соединенные Штаты согласились на наше предложение. Затем мы бы собрали наших помощников и отправились в Венанго, место, которое вы предложили для встречи с нами.

"БРАТ: Сейчас не в наших силах принять ваше приглашение; при условии, что мы поедem, вы будете вести дела так, как сочтете нужным; так было во всех договорах, которые время от времени заключали ваши Уполномоченные.

"БРАТ: При заключении первого договора после завершения войны между вами и Великобританией, в форте Стэнвикс, ваши уполномоченные вели дело так, как им казалось наилучшим; они указали линию раздела, а затем подтвердили ее; после этого они утверждали, что наша страна была передана им королем; это сбilo с толку присутствовавших там вождей и помешало им дать какой-либо ответ об обратном; все еще настаивая, если мы не согласимся с этим, что их воины были у них за спиной, и что мы больше не могли получить защиты от Великобритании. Об этом нам всегда говорили уполномоченные Конгресса; на всех договорах, заключенных с нами после заключения мира, в форте McIntosh, в Роки-Ривер и на всех других проведенных встречах идея была все той же.

"БРАТ: Время от времени такое случалось. Мира не было, потому что вы поддерживали эти идеи, из-за которых на юге было причинено много вреда.

"БРАТ: Мы, Шесть наций, прилагаем все усилия для сохранения мира с момента окончания войны; мы думаем, что так было бы лучше для обеих сторон; мы посоветовали конфедеративным нациям запросить встречу примерно на полпути между нами и Соединенными Штатами, чтобы можно было предпринять такие шаги, которые привели бы к установлению мира; эта просьба была предложена нами, но отклонена губернатором Сент-Клером, одним из ваших уполномоченных. Вайандоты, несколько делаваров и некоторые другие встретились с Уполномоченными, хотя и не были уполномочены, и подтвердили границы того, что не было их собственностью, но было общим для всех наций.

"БРАТ: Эта идея, которой мы все придерживались на нашем совете в Лоуэр-Сандаски, была направлена на формирование нашей конфедерации и принятие мер, которые служили бы общему благосостоянию наших индийских народов или людей с нашим цветом кожи; благодаря этим предпринятым нами шагам Соединенные Штаты утверждали, что, когда мы отправлялись на запад для ведения наших частных дел, мы отправлялись с намерением принять активное участие в проблемах, существующих между ними и нашими западными братьями; такого никогда не было. Мы всегда желали дружбы с Соединенными Штатами.

"БРАТ: Мы думаем, что вы, должно быть, безрассудно убеждены, судя по нашей настойчивости прошлым летом, как видели ваши уполномоченные, что мы стремились к миру между вами. Усилия, которые мы, Шесть наций, приложили для достижения этой желанной цели, являются причиной того, что западные страны несколько сомневаются в нашей искренности. После того, как мы узнали об их сомнениях, мы все еще упорствовали; и прошлой осенью мы указали методы, которые следует предпринять, и направили их вами в Конгресс; мы, безусловно, ожидали, что это окажется удовлетворительным для Соединенных Штатов; в этом случае нам пришлось бы приложить больше усилий, чем когда-либо, для того, чтобы сделанные нами предложения были подтверждены нашей конфедерацией и чтобы они строго соблюдались.

"БРАТ: Наши предложения не встретили того успеха в Конгрессе, которого мы ожидали; это по-прежнему оставляет нас в ситуации, аналогичной той, в которой мы находились, когда впервые занялись бизнесом.

"БРАТ: Вы должны вспомнить количество вождей, которые в разное время обращались к Конгрессу; они указывали на средства, которые необходимо было предпринять, и придерживались одних и тех же формулировок, единообразно, в одно и то же время; это было, если бы вы отозвали свои претензии на линию границы и земли в пределах линии, как это предлагалось нами; если бы это было сделано, мир был бы достигнут, и, если это все еще не сделано, мы не видим другого способа добиться этого.

"БРАТ: Мы терпеливо переносили все это долгое время; мы делали все, что могли последовательно делать для благосостояния наших наций в целом, несмотря на многочисленные преимущества, которые были получены от нас отдельными лицами, совершавшими покупки у нас, Шести Наций, чье мошенническое поведение по отношению к нам Конгресс никогда не замечал и никоим образом не исправлял нас и не облегчал наши умы. Так обстоит дело и по сей день; наше терпение теперь полностью истощено; вы видите, с какими трудностями мы сталкиваемся, так что в настоящее время мы не можем подняться со своих мест и присутствовать на вашем совете в Венанго по вашему приглашению. Линия границы, которую мы указали, по нашему мнению, справедлива, хотя Соединенные Штаты претендуют на земли к западу от этой линии; мелочь, которую заплатили Соединенные Штаты, не может сравниться с тем, каким был бы мир.

"БРАТ: Мы придерживаемся того же мнения, что и народ Соединенных Штатов; вы считаете себя независимыми людьми; мы, как коренные жители этой страны и властители этой земли, считаем себя такими же независимыми и свободными, как и любые другие нации. Эта страна была дана нам Великим Духом свыше; мы хотим насладиться ею и пройти вдоль озера в указанном нами направлении.

"БРАТ: Огромные усилия, которые мы прилагали в течение этого количества лет для достижения мира, оказались безуспешными; наше терпение, как мы уже заметили, истощилось, и мы не в силах больше упорствовать. Поэтому мы отдаем себя под защиту Великого Духа свыше, который, как мы надеемся, все устроит к лучшему. Мы говорили вам, что наше терпение лопнуло; но не до такой степени, чтобы мы не желали мира, и всякий раз, когда мы услышим этот приятный звук, мы будем обращать на него внимание".

[Пояс и речь, присланные генералом Ноксом, были затем возвращены генералу Чапину.]

Так угасла надежда на мирный совет в Венанго; и не только это, но и изменившийся характер Шести наций, казалось, угрожал усилением враждебного индейского могущества на западе из-за перехода на их сторону всей Конфедерации ирокезов под предводительством вождя, доблесть и мудрость которого часто подвергались испытаниям. Тем временем все сообщения с запада сходились в том, что отдаленные племена собирались для возобновления конфликта, ободренные обещаниями сильной помощи со стороны англичан. Торговцы и "разношерстная толпа", составлявшая беженцев и пестрокожих жителей Детройта, несомненно, активно содействовали этим военным действиям и, весьма вероятно, давали доверчивым Вождям обещания, исходившие от губернатора Симко, о которых он сам не знал. Два потаваттами были взяты в плен 5 июня войсками генерала Уэйна, который сделал множество разоблачений по

этому поводу. Они сообщили, и соответствующие сведения были разосланы их вождями местным племенам, что губернатор Симкоу должен выступить им на помощь с пятнадцатью сотнями человек. Он давал им одежду и все необходимые припасы, и "все речи, полученные от него, были красными, как кровь. Весь вампум и перья были выкрашены в красный цвет; боевые трубки и топоры были красными; и даже табак был выкрашен в красный цвет". Однако вскоре после этого было захвачено несколько пленных шаванцев, которые были менее уверены в английской помощи. Они сказали, что "они не могли рассчитывать на эффективную поддержку британцев; что они всегда натравливали индейцев, как собак на дичь, заставляя их начать войну и убивать американцев, но не помогали им".

В этих условиях на индейцев запада оказало еще одно влияние, причем с самой неожиданной стороны. В начале мая в Миамис-Рэпидс прибыл гонец из испанских поселений на Миссисипи, которому было поручено обратиться к конфедерации с пылкой военной речью. Этот гонец был доставлен в Майами делегацией от делаваров, которые эмигрировали за Миссисипи четыре года назад. Он предостерег конфедератов от сбора "Больших ножей", имея в виду войска Соединенных Штатов, и предложил помощь от испанских и французских поселений на юго-западе, которые, по его словам, готовились прийти им на помощь.

"Дети!- воскликнул испанец. - Вы видите меня на ногах, я хватаюсь за томагавк, чтобы поразить их. Мы нанесем удар вместе. Я не хочу, чтобы ты шел впереди меня, но следовал за мной.

"Дети: Я дарю вам боевую трубку, которую от нашего имени послали мускуаки и всем тем народам, которые живут ближе к заходящему солнцу, чтобы они встали на ноги и взяли в руки наш томагавк; и как только они раскурили ее, они отослали ее обратно с обещанием немедленно встать на ноги, присоединиться к нам и нанести удар по этому врагу.

"Дети: Вы слышали, что сказали нам эти далекие народы, так что нам больше ничего не остается, как немедленно привести в исполнение наши планы и передать эту трубку трем воинственным нациям, которые так долго боролись за свою страну и которые сейчас сидят за Столом. Скажите им, чтобы они выкурили эту трубку, и разошлите ее всем озерным индейцам, а затем северным братьям. Тогда ничто не помешает завершить наш общий союз от восхода до захода солнца, и все нации будут готовы усилить удар, который мы собираемся нанести".

[Доставил боевую трубку.]

[FN] ср. среди Брант-папена.

Далее испанец заверил их, что крики, чероки, чокто и чикасо также поручили ему передать послание, заверив их, что их сердца на стороне Конфедерации и что одиннадцать народов южных индейцев в этот момент вскочили на ноги с топором в руке, готовые нанести удар своему общему врагу.

Вожди, которым эти сообщения с запада и юга были доставлены у Порогов, немедленно созвали совет, состоящий из вайандотов, оттава, чиппева, минго, манси и нантикоке, которым эти сведения были переданы. Затем к ним были обращены следующие обращения:—

"Братья: Теперь вы слышали речи, которые испанцы произнесли на нашем совете в Глайзе несколько дней назад; и как только они услышали их и выкурили трубку, сердца их

возрадовались, и они решили выступить вперед и привести в исполнение посланный им совет. Они хотят, чтобы вы передали трубку, как было рекомендовано, всем нашим северным братьям; не сомневаюсь, что, как только вы выкурите ее, вы последуете их примеру, и они будут ежечасно ожидать, что вы присоединитесь к ним, поскольку пройдет не так много дней, прежде чем близость наших врагов даст нам возможность нанести им удар".

[Доставил трубку.]

Эгушуа ответил за все присутствующие народы:—

"БРАТЬЯ: Я рад хорошим новостям, которые вы нам сообщили, и мы немедленно отправимся, соберем всех наших людей и будем с вами как можно скорее". [FN]

[FN] Читатель должен иметь в виду, что эти речи и заседания индийских советов, исключительно такие, были записаны британскими агентами и офицерами среди индейцев, которые присутствовали, чтобы помочь им. Автор находит многие из них среди бумаг капитана Бранта — некоторые из них написаны на французском языке племенами Верхнего озера. Отчет этого испанского писателя, его послание и последовавшее за ним обращение к озерным племенам автор нашел среди этих бумаг, подписанных полковником М.^к Ки как *заместителем агента по делам индейцев*, и копию, заверенную Томасом Талботом. Несколько абзацев обоих обращений были опущены, поскольку не являются существенными для истории. См. Приложение № IX.

С этой миссией испанца связана тайна, о которой больше никакой информации получено не было. Индейцы Конфедерации были очень воодушевлены заверениями в помощи, и вскоре выяснится, что некоторые племена пришли к ним на помощь с очень большого расстояния. Прием на работу испанского посланника, однако, был примечательным обстоятельством и служит укреплению подозрений, которые питал Вашингтон двумя годами ранее, что даже в тот ранний день владельцы устья Миссисипи и обширных испанских территорий выше по течению уже были встревожены тем, что произошло с этой территорией, произойдет, если только мощь Соединенных Штатов не будет подорвана. Но обещанная испанская и французская помощь с этого направления не поступила, и конфедератам не помогли в их последующих операциях крики, чероки и чикасо, как было обещано.

Соединенные Штаты не бездействовали во время этих враждебных движений и приготовлений среди индейцев. Генерал Уэйн, или *Сукач-гук*, как его называли индейцы, [FN] самым энергичным образом готовился к решительному началу кампании. Среди других мер было решено, пока он приближался к городам Майами с силами, достаточными, как надеялись, для прекращения войны одним ударом, занять станцию на Преск-Айл и укрепить ее. Это движение не только вызвало большое беспокойство конфедератов, но и, в связи с другим, иного рода движением, принятым штатом Пенсильвания, едва не подтолкнуло весь более древний союз Шести наций сразу к военным действиям против Соединенных Штатов под руководством их старого лидера Тайенданеги. Пенсильвания, по-видимому, претендовала на территорию страны на южном берегу озера Эри, включая Преск-Айл, в соответствии с договором о покупке у производителя кукурузы, который Шесть наций, которым принадлежала данная территория, признали недействительным. Невзирая на возражения и протесты индейцев, претендовавших

таким образом на право собственности, поскольку производитель кукурузы, как они утверждали, продал ее без разрешения, Пенсильвания теперь высаживала поселенцев на этой территории и возводила предприятие на Преск-Айлде; капитан Брант и его нация были сильно разгневаны этой агрессией, как они ее расценивали. Для рассмотрения этого и других вопросов в Буффало был созван совет, заседания которого начались 24 июня. По настоятельной просьбе индейцев присутствовал генерал Чапин, а выступал капитан О'Бейл (плантатор кукурузы). Сначала он пожаловался на отсутствие нескольких их воинов, которые, как считалось, были убиты американцами. Один из их вождей, Большое Дерево, по его словам, за несколько месяцев до этого самым дружелюбным образом отправился в лагерь американцев и был предан смерти; в то время как другой из их воинов был убит в Венанго, "когда спокойно и мирно сидел на своем троне". Затем он перешел к теме посягательств со стороны Пенсильвании, на которые он горько жаловался, настаивая на том, что продажа, якобы совершенная им самим, никоим образом не была обязательной для индейцев. Возведение форта на Преск-Айл также было предметом жалоб. Решение совета состояло в том, чтобы направить делегацию своих Вождей на спорную территорию с просьбой выдворить незваных гостей; и генералу Чапину было предложено сопровождать депутацию. Он так и сделал, но миссия не была выполнена с благой целью.

[FN] Сукач-гук - делаварское название черной змеи, под которым они называли генерала Уэйна, говоря, что он обладал всем искусством и хитростью этой рептилии; которая, как было известно, была величайшим истребителем мелких птиц и животных змеиного племени.—*Черт возьми.*

По возвращении делегации в Буффало-Крик был проведен еще один совет для получения отчета. Этот съезд состоялся 4 июля. Отчет, будучи неблагоприятным, конечно, не принес удовлетворения, и индейцы немедленно проявили еще большую степень отчуждения от Соединенных Штатов. Общий вопрос о границе был вновь поднят в ходе обсуждений, и обращение совета к президенту, с которым выступил О'Бейл, было записано и передано генералом Чапином. В этом обращении индейцы вновь подтвердили свою решимость настаивать на границе между Огайо и Маскингамом. Ниже приводится выдержка:—

-ГЕНЕРАЛ ВАШИНГТОН, соберитесь! Что дает нам простор для произнесения стольких речей, так это то, что вы рассказываете обо всех прежних уловках, которые были использованы.

"ГЕНЕРАЛ ВАШИНГТОН: Я рассчитываю на то, что вы удовлетворите нашу просьбу, и это облегчит мне задачу. Иногда я слышу, что собираюсь сбежать со своего места из-за нанесенных мною травм. Эти размышления делают меня настолько несчастным, что я почти испытываю искушение умереть вместе с Шестью Нациями.

"БРАТ: Сейчас мы полны решимости, как и раньше, сохранить эту линию. Мы полностью рассмотрели обозначенную нами границу. Мы знаем все, что получали время от времени, и думаем, что если вы установите эту линию, это сделает нас примерно равными.

"БРАТ: Если вы не выполните нашу просьбу, мы решим что-нибудь другое, поскольку мы свободные люди.

"БРАТ: Мы полны решимости быть свободным народом. Вы знаете, генерал Вашингтон, что мы, Шесть наций, всегда были в состоянии защитить себя, и мы по-прежнему полны решимости сохранить нашу свободу.

"БРАТ: Ты не должен подозревать, что какая-либо другая нация развращает наши умы. Единственное, что может развратить наш разум, - это не удовлетворить нашу просьбу.

"БРАТ: Если эта милость не будет оказана, я хочу, чтобы моего сына отправили обратно с ответом и сказали мне, на чью сторону он намерен перейти. Если он желает присоединиться к этой стороне, он свободен".

Хотя имя Бранта не часто встречается в заседаниях советов, касающихся движения Пенсильвании против Сандаски, все же он ни в коем случае не был пассивным наблюдателем происходящих событий. В его жизни не было ни часа праздности, и когда он не был занят в полевых условиях, не присутствовал на советах или в зарубежных миссиях, его мысли были заняты работой по улучшению умов и морали своего собственного народа и повышению его комфорта. Весной нынешнего года он был занят возведением дома совета для своей нации в Гранд-Ривер. Но дело Сандаски снова призвало его на поле боя; и пока другие совещались на совете и пытались вести переговоры, Вождь готовился оспорить спорный титул с оружием в руках — при непосредственном содействии, как будет видно из следующего письма, исполнительной власти Верхней Канады:

"КАПИТАН БРАНТ ПОЛКОВНИКУ СМИТУ — ("ОТ ИМЕНИ ГУБЕРНАТОРА СИМКО". [FN])"

[FN] Так записано собственноручно Брантом на копии, сохранившейся среди его бумаг.

"Гранд-Ривер, 19 июля 1794 года.

"СЭР: Я должен подтвердить получение вашего одолжения от 16-го числа, прилагая выдержки, которыми его Превосходительству было угодно одарить меня, за которые я должен просить вас иметь добро поблагодарить его Превосходительство от моего имени.

"Я очень обеспокоен, обнаружив, что озерные индейцы считают свои пояса завершенными. [FN-1] Я предвидел это событие, [FN-2] по этой причине я всегда придерживался мнения, что им следует избегать какого-либо серьезного сражения, потому что у индейцев есть обычай, что после нанесения хорошего удара, взятия пленных и скальпов они возвращаются домой. Тем не менее я надеюсь, что они не уйдут".

[FN-1] Капитан Брант только что получил письмо из Детройта, датированное 5 июля, один абзац которого объясняет значение этого выражения: "Индейцы Макино и Лейк, укомплектовав пояса, которые они носили, скальпами и пленными, похоже, решили снова вернуться домой. Возвращение этих людей значительно ослабит оборону, ожидаемую от собранных частей из двух тысяч индейцев".

[FN-2] Имеется в виду, несомненно, помолвка между Маленькой Черепахой и майором М.^о Мэхоном, о которой будет более подробно рассказано страницей или двумя позже.

"Что касается дела на Преск-Айле, то, если мы не получим ответа в установленные сроки, наша задача - изо всех сил давить на этих парней, и поэтому я намерен разбить свой лагерь в Пойнт-Аппино; и я сочту за одолжение, если его превосходительство вице-губернатор одолжит мне четыре или пять батто. Если это так обернется, и если эти ребята не уйдут, а О'Бейл продолжит придерживаться того же мнения, то экспедиция против этих янки должна иметь последствия.

"Его Превосходительство был так добр, что снабдил нас килограммом пороха и пулями в соответствующей пропорции, которые сейчас находятся в Форт-Эри; но в случае нападения на людей Ле Бефа я мог бы пожелать, если это будет последовательно, чтобы его Превосходительство заказал такое же количество дополнительно в Форт-Эри, чтобы быть наготове: точно так же я надеялся бы на небольшую помощь провизией.

Я бы попросил, чтобы его Превосходительство удостоил меня ответа от предъявителя, Сета. Я бы также побеспокоил его Превосходительство относительно тех людей, которые отправились с ним в Детройт. Им было обещано щедрое вознаграждение, которое до сих пор не было выполнено; и поскольку они теперь ожидают поступления на службу, они довольно нетерпеливы; и если бы было удобно, чтобы они могли быть удовлетворены, либо взяв займы товары, либо иным образом, как сочтет нужным его превосходительство, я был бы чрезвычайно счастлив.

"Я понимаю, что некоторые новые полки набираются или должны быть набраны. В таком случае я считал бы себя в большой выгоде, если бы у некоторых из моих родственников, молодых людей, были равные шансы быть обеспеченными.

"Несколько дней назад я отправил семь человек в Кадарагару, чтобы напомнить О'Бейлу, что он должен очень внимательно следить за любым передвижением этих людей; и что он должен быть готов выступить немедленно по истечении срока, если они не покинут это место".

Поселенцы на острове Преск.

Приведение этого подробного письма считается важным, поскольку оно показывает, и это также не подлежит никакому опровержению, что индийцы были намеренно снабжены своим военным снаряжением офицерами британской короны. Великобритания отрицала этот факт или, по крайней мере, утверждала, что если индийцы получали свои припасы от канадцев, то они поставлялись частными лицами, как таковые, над действиями которых на территории правительство не имело никакого контроля. Более того, независимо от этих обстоятельств, задержание лодок и возведение губернатором Синклером нового укрепления, о котором говорилось выше, на Майамских озерах, в пятидесяти милях к югу от Детройта, явилось убедительным доказательством намерения Великобритании воспользоваться неисполнением статьи мирного договора, предусматривающей выплату долгов, с целью установления новой пограничной линии, по которой великие озера должны были полностью проходить в Верхней Канаде. По этому поводу между государственным секретарем США и мистером Хэммондом, дипломатическим представителем Великобритании, завязалась оживленная переписка, в которой проявлялась значительная степень взаимного раздражения и в которой каждый поддерживал обвинения против нации другого гораздо лучше, чем защищал свои собственные. [FN] Если бы госсекретарь имел в своем распоряжении предыдущее письмо от вождя племени

могавков, он не стал бы спорить по поводу неопределенностей — по крайней мере, в той мере, в какой поставка пороха и пуль индейцам губернатором Верхней Канады подкрепила бы его доводы. В любом случае, обвинение теперь предъявлено с достаточной ясностью, чтобы поставить вопрос ребром. Капитан Брант, однако, в то время не нашел повода для дальнейшего запроса у его превосходительства боеприпасов. Вмешательство президента удержало Пенсильванию от дальнейшего осуществления ее планов в отношении Преск-Айла, и, соответственно, от запланированной экспедиции Шести наций было отказано.

[Ф. Н.] Маршалл.

Беспорядочное сражение с индейцами, так долго тянувшееся и временами такое кровопролитное, теперь приближалось к своему завершению. 30 июня под стенами форта Рекавери — крепости, построенной генералом Уэйном на поле битвы при поражении Сент-Клера, - произошли ожесточенные бои. Главной целью индейцев, которые были нападавшими, был захват большого количества вьючных лошадей, недавно прибывших в этот форт с провизией, которые возвращались в форт Гренвилл под охраной роты кавалерии под командованием капитана Гибсона и отряда из девяноста стрелков, всего под командованием майора М.^КМахона. Захваченные врасплох и обнаружив большую силу индейцев, американцы поспешили укрыться в стенах форта. Индейцев возглавлял выдающийся вождь Майами, Маленькая Черепаха. Вплотную приблизившись к гарнизону с явным намерением уничтожить его, в тот момент, когда войска М.^КМэхона вернулись в крепость, по нападавшим был открыт огонь, который отбросил их с большой резней. Однако они снова сплотились и поддерживали бой в течение всего дня, но держались на более почтительном расстоянии. Ночь, которая была густой и туманной, была использована ими для того, чтобы при свете факелов убрать своих мертвецов. На следующий день штурм возобновился, но в конце концов индейцы были вынуждены отступить с потерями и разочарованием с поля своего прежнего триумфа. Как в наступлении, так и при отступлении, в этой экспедиции индейцы маршировали в идеальном порядке. Их лагеря были квадратными и правильными, и они двинулись на форт семнадцатью колоннами на большом расстоянии друг от друга. В их рядах было много белых мужчин, предположительно жителей и ополченцев Детройта. Офицеры в британской форме также находились так близко к месту действия, что их можно было отчетливо различить. Несколько ценных офицеров корпуса майора М.^С, среди которых был и сам доблестный майор, пали при первом натиске. Общие потери американцев составили двадцать два человека убитыми и тридцать ранеными. Индейцы понесли очень тяжелые потери. При их отступлении было установлено, что большое количество вьючных лошадей было буквально нагружено их убитыми. Таковы, по крайней мере, были факты, касающиеся этого дела, почерпнутые из наиболее подробных и, по-видимому, достоверных отчетов американцев. Индийские отчеты также не отличались от американских так сильно, как это часто бывает между противоположными заявлениями противоборствующих сторон. В качестве доказательства этого и для того, чтобы показать, насколько точно и оперативно капитан Брант был проинформирован о ходе и событиях войны, приводится следующая выдержка из его переписки:

"Выдержка из письма капитану БРАНТУ.

"Детройт, 5 июля 1794 года.

30 июня индейцы совершили нападение на триста вьючных лошадей, возвращавшихся в форт Гренвилл, откуда они прибыли накануне с провизией. Все они, вместе с вьючными всадниками, были либо взяты в плен, либо убиты неподалеку от форта Рекришн вместе с тридцатью быками. Капитан Гибсон, офицер, командовавший войсками, заметив атаку на своих лошадей, приказал отряду драгун, или легкой кавалерии, атаковать индейцев, и в то же время он расположил свой гарнизон перед фортом, как будто намереваясь поддержать свою кавалерию. Но все они были отброшены за несколько минут и преследовались до ворот форта, потеряв около пятидесяти человек и более двадцати пяти лошадей. Потери индейцев начались с этого периода, ибо они продолжали бесполезную атаку на форт, в то время как войска внутри вели по ним огонь через бойницы. Семнадцать человек были убиты и столько же ранены.

"*Горный вождь* был убит за два дня до начала боевых действий разведывательным отрядом гуронов. Он был вождем чикасо. Уэллс (разведчик из армии Уэйна) был убит в бою; об этом сообщает Мэй от одного из трех пленных, которые были взяты вместе с еще двумя Чикасо. Капитан Гибсон и два других офицера также среди убитых.

"Согласно моей информации, эти заключенные сообщают, что в их армии шестьдесят Чикасо, двадцать из которых находятся в форте Рекавери, а сорок - в форте Гренвилл. Они также говорят, что лошади, которые сейчас захвачены и убиты, были единственным средством, которым располагал генерал Уэйн для перевозки провизии, — что он должен был начать свою кампанию примерно в середине следующего месяца, ожидая пополнения своих сил в три тысячи ополченцев из Кентукки, — и что он должен построить форт в Глейзе, а оттуда двинуться на Детройт.

- Вожди нескольких наций сейчас совещаются в Глейзе, принимая меры по воссоединению своих сил, если это возможно.

Наученный печальным опытом Хармара и Сент-Клера, генерал Уэйн действовал с предельной осторожностью и со всей подготовкой, которой требовал разумный прогноз. Поэтому он не продвинулся дальше форта Рекришн до тех пор, пока не были сосредоточены достаточные силы и не были приняты такие другие меры, которые позволили бы ему не только нанести решающий удар, но и сохранить владение страной, которую он мог бы завоевать. Задержки, связанные с этими приготовлениями, привели к активному продолжению кампании до середины лета. Самые богатые и обширные города враждебных индейцев располагались около слияния озер О-Глаиз и Миами. В это место генерал Уэйн прибыл 8 августа, где были возведены некоторые оборонительные сооружения для защиты складов. Оттуда было тридцать миль до Порогов, где, как уже было видно, губернатор Симко недавно возвел сильную крепость, в пятидесяти милях в пределах установленной и понятной границы, как между британскими владениями и владениями Соединенных Штатов. В этом последнем месте, в непосредственной близости от форта, были собраны силы индейцев численностью почти в две тысячи человек. Континентальный легион под командованием генерала Уэйна был примерно одинаковой силы, за исключением тысячи сотен конных кентуккийцев под командованием генерала Скотта. Здесь Черный Змей намеревался напасть врасплох на соседние деревни противника; и чтобы более эффективно обеспечить успех своего *главного удара*, он не только продвинулся до сих пор неясным и очень трудным путем, но и приложил все усилия, чтобы расчистить две дороги из Гринвилла в этом направлении, чтобы привлечь и отвлечь внимание индейцев, пока сам не продвинулся ни по одной из них. Но его полководческие способности оказались

безрезультатными. Маленькая Черепашка был слишком осторожным лидером, чтобы быть застигнутым врасплох, не говоря уже о дезертирстве злодея по имени Ньюман, офицера из управления генерал-квартирмейстера, который предупредил индейцев о наступлении Уэйна. После этого Маленькая Черепашка удалился к Порогам и, узнав от дезертира о силе американцев, решил дать сражение и принял соответствующие меры.

Узнав 12-го от доставленных пленных индейцев о положении противника в непосредственной близости от британского гарнизона в Рэпидс и все же желая примирить индейцев, если это возможно, без дальнейшего кровопролития, американский командующий отправил еще одного посланца мира. Имя посланника, выбранного по этому случаю, было Миллер — человек, который так долго находился в плену у индейцев, что усвоил их язык. Он крайне неохотно брался за это опасное предприятие. Но, поскольку его настойчиво уговаривали поступить на службу, а генерал заверил, что восемь индейских воинов, попавших в плен, будут храниться как залог его безопасности, он, наконец, согласился, взяв с собой двух пленников, воина и скво. Он был принят в очень враждебном настроении, и его жизни угрожала опасность. Но, обратившись к ним на их родном языке, продемонстрировав флаг и объяснив цель своего визита, угрожающий удар был приостановлен, и он был заключен под стражу, пока Вожди обсуждали на совете письмо от генерала, которое он доставил. Заверив их, что каждый заключенный в американском лагере будет предан смерти, если его не отправят обратно в целости и сохранности до 16-го числа, он был освобожден накануне — с сообщением Уэйну, что если он подождет там, где находится, десять дней, они будут вести с ним переговоры, но если он двинется вперед днем раньше, они будут сражаться. Однако, раздраженный задержкой, Уэйн выступил в поход 15-го числа - в день освобождения Миллера. Сообщение, которое он получил, не остановило его продвижение, и генерал прибыл в окрестности Порогов 18-го. 19-й был занят разведкой позиций противника и возведением небольшого укрепления для защиты складов, которое получило соответствующее название Форт Депозитив.

Противник занял позицию за густым лесом, ставшим почти недоступным из-за густого подлеска и поваленных бревен, отмечавших путь торнадо, и почти подорудиями форта, возведенного Симкоу. Их левый фланг был защищен скалистым берегом реки. Американцы двинулись в атаку рано утром 20-го. Около десяти часов, продвинувшись почти на пять миль, передовой отряд под командованием майора Прайса подвергся такому сильному огню со стороны противника, который прятался в лесу и высокой траве, что вынудил его отступить. Местность была наиболее удачно выбрана противником для своего способа ведения войны, настолько перегороженная и труднодоступная, что делала почти невозможными действия кавалерии. Сразу же после атаки на корпус майора Прайса легион построился в две линии и быстро двинулся вперед. Густой лес и старые развалины, уже описанные выше, простирались слева от армии на несколько миль, а справа упирались в реку. Индейцы выстроились в три линии на достаточном расстоянии друг от друга и растянулись примерно на две мили под прямым углом к реке. Американский командующий вскоре обнаружил, судя по силе его огня и протяженности его линий, что замысел противника заключался в том, чтобы обойти его левый фланг. Вслед за этим второй линии было приказано наступать в поддержку первой, в то время как Скотту со своими кентуккийцами было приказано кружным путем обойти противника справа. В соответствии с этим движением линия фронта по приказу генерала Уэйна атаковала с прицепленным оружием и подняла индейцев из их укрытия на острие штыка. Запустив их, американцам было приказано стрелять и заряжать их так близко, чтобы не оставалось времени на перезарядку. Открытая местность у реки позволяла передвигаться кавалерии, с помощью которой был захвачен и

повернут правый фланг противника. Действительно, стремительность передвижения американцев и стремительность атаки первой линии пехоты были таковы, что индейцы вместе с детройтским ополчением и добровольцами были изгнаны из всех своих укрытий за столь короткий промежуток времени, что конники, хотя и прилагали все возможные усилия, чтобы продвинуться вперед, многие из них не смогли занять надлежащие позиции для участия в сражении. В течение часа противник, несмотря на все уже перечисленные неудобства на местности, был отброшен более чем на две мили силами, составлявшими менее половины его действительной численности. Победа была полной и решительной, и индейцы, и их союзники, состоявшие из "смешанного множества", о котором уже неоднократно говорилось, в ужасе и смятении обратились в бегство, оставив поле битвы в спокойном владении американцев. Командующий генерал заявил в своем официальном отчете о сражении, что "оно было прекращено под воздействием орудий британского гарнизона", — преследование продолжалось до тех пор, пока они не оказались в пределах досягаемости этих орудий. Потери американцев убитыми и ранеными, включая офицеров, составили сто семь человек. Среди убитых был капитан Кэмпбелл, командовавший кавалерией, который пал при первой атаке. [FN]

[FN] Именно в этом памятном бою капитан Соломон (ныне генерал Ван Ренсселер) из Олбани, офицер драгунского полка, получил ранение в начале сражения, получив пулевое ранение в легкие. Генерал Уилкинсон, который также участвовал в сражении, утверждает в своих Мемуарах, что Ван Ренсселер удержал свою лошадь и продолжал сражаться до тех пор, пока кровь не хлынула у него из носа. Генерал Ван Ренсселер впоследствии был тяжело ранен в полдюжине мест во время дерзкого штурма Квинстонских высот в 1812 году. Он все еще жив и, проработав несколько лет в штате Нью-Йорк в качестве генерал-адъютанта и неоднократно избираясь в Конгресс, последние пятнадцать лет занимал должность почтмейстера в Олбани.

Потери индейцев неизвестны. Однако они, должно быть, были очень серьезными. В акции были задействованы семь наций, а именно: миами, вайандоты, потаваттами, делавары, шаванцы, чиппева, оттава и часть сенека. Все вожди вайандотов, участвовавшие в битве, числом девять человек, были убиты. [FN-1] При преследовании легионерская кавалерия учинила большую резню, так много дикарей было зарублено саблями, что название "*Длинные ножи*", за много лет до этого данное американцам, снова вошло в обиход среди индейцев. [FN-2] Многие верили, что индейцы не подверглись бы этой страшной катастрофе, если бы прислушались к совету *Маленькой Черепашки*. В то время он был против политики всеобщего участия, и даже утверждалось, что он был скорее склонен к миру. В ночь, предшествовавшую сражению, вожди нескольких племен держали совет, и было внесено предложение совершить ночную атаку на американцев в их лагере. Предложение было отклонено, и на следующее утро было назначено общее сражение. *Маленькая Черепашка* в одиночку выступала против этого плана, в то время как *Синий Жакет*, воин из Шаванезии с высоким характером и влиянием, энергично поддерживал курс, принятый советом. Полковник М^сКи был в совете и, как полагают, призвал индейцев к сражению. У *Маленькой Черепашки* возникло предчувствие, что они не смогут успешно столкнуться с Черной Змеей. "Мы дважды побеждали врага, - сказала Черепаха, - под командованием разных командиров. Мы не можем ожидать, что нам всегда сопутствует одна и та же удача. Американцами теперь руководит вождь, который никогда не спит. Ночь и день для

него одинаковы; и за все время, что он маршировал по нашим деревням, несмотря на бдительность наших молодых людей, нам ни разу не удалось застать его врасплох. Подумай об этом хорошо. Что-то шепчет мне, что было бы благоразумно прислушаться к его предложениям мира ". За подобные высказывания некоторые Вожди упрекнули его в трусости, и на этом конференция закончилась. Уязвленный за живое обвинением, которого, как он признавал, никогда не заслуживал, он положил бы клеветника мертвым к своим ногам; но в нем не было храбрости убийцы. Подавив свое негодование, он принял участие в битве и выполнил свой долг с присущей ему отвагой. Это событие доказало, что у него не сложилось ошибочного представления о характере Уэйна; и что его соперник, *Синий Пиджак*, хотя и был таким же храбрым, был меньшим пророком, чем он сам. [FN-3]

[FN-1] Книга Дрейка об индейцах.

[FN-2] "Жизнь индейских вождей" Тэтчер.

[FN-3] Путешествия Скулкрафта. Тэтчер. Дрейк.

За исключением ополченцев и беженцев, собравшихся вокруг Детройта, британские или канадские власти не принимали участия в сражении; но направление, в котором развивались их симпатии, нельзя было угадать по тону несколько едкой переписки, имевшей место после сражения между генералом Уэйном и майором Кэмпбеллом, командовавшими британским гарнизоном. На следующий день после сражения майор Кэмпбелл направил генералу Уэйну записку, в которой выражал свое удивление появлением американских войск в точке, почти в пределах досягаемости его орудий, и спрашивал, в каком свете он должен рассматривать столь близкие подходы к гарнизону, которым он имел честь командовать. Генерал Уэйн, не подвергая сомнению уместность вопроса, ответил, что даже если бы майор имел право на ответ, "наиболее полный и удовлетворительный ответ был озвучен накануне из дула его стрелкового оружия в бою с ордой дикарей в окрестностях форта, и который славно завершился для американского оружия". Но, добавил генерал, "если бы это продолжалось до тех пор, пока индейцы не были отброшены под натиском упомянутого форта и орудий, это не сильно затруднило бы продвижение победоносной армии под моим командованием, поскольку в начале нынешней войны между индейцами и Соединенными Штатами такой пост учрежден не был". Майор Кэмпбелл возразил, пожаловавшись, что люди с оружием в руках приближаются на расстояние пистолетного выстрела к его укреплениям, где развевался флаг его Величества, и пригрозил военными действиями, если подобные оскорбления этого флага будут продолжаться. Получив это письмо, генерал Уэйн приказал провести тщательную разведку форта во всех направлениях. Было установлено, что это мощное и регулярное сооружение с двумя бастиянами на ближайшей и наиболее доступной стороне, с восемью артиллерийскими орудиями на этой стороне и четырьмя на фронте, обращенном к реке. Выполнив этот долг, генерал Уэйн направил письмо британскому командующему, в котором, конечно, отказывался, как и майор Кэмпбелл ранее, от какого-либо желания прибегать к суровым мерам; но осуждал возведение этой крепости как самый грубый акт агрессии по отношению к Соединенным Штатам и требовал, чтобы он воздержался от любых дальнейших враждебных действий и отступил со своими войсками на ближайший британский пост, занятый британскими войсками по мирному договору 1783 года. На это требование майор Кэмпбелл ответил, что он не должен покидать свой пост по призыву какой бы то ни было власти, если только не подчиняется

приказам тех, под началом кого он служил. Он также снова предупредил американского командующего, чтобы тот не приближался в пределах досягаемости его орудий, не ожидая последствий, которые это повлечет за собой.

Единственное, на что обратили внимание в связи с этим последним письмом, заключалось в немедленном поджоге и уничтожении всего, что находилось в пределах видимости форта, и даже под дулами орудий его Британского Величества. Но майор Кэмпбелл не предпринял никакой попытки привести свою угрозу в исполнение. Среди уничтоженного таким образом имущества были амбары и кукурузные поля над и под фортом, а также "амбары, склады и имущество полковника М.^к Ки, британского агента в индейской среде и главного подстрекателя войны между Соединенными Штатами и дикарями". [FN-1] Американская армия простояла три дня перед фортом, когда вернулась в Гранд-Глез, прибыв туда 28 августа. Во время этой экспедиции было уничтожено огромное имущество индейцев. Реки Миами и Гранд-Глейз пролегали в самом сердце страны враждебных индейцев. "Очень обширные и высоко возделанные поля и сады свидетельствовали о работе многих рук. "Берега этих прекрасных рек, озер Миами и О-Глайз, - писал генерал Уэйн, - казались одной сплошной деревней на многие мили, и я никогда прежде не видел таких огромных полей кукурузы ни в одной части Америки, от Канады до Флориды ". [FN-2] Все они были опустошены на двадцать миль по обе стороны реки, и были возведены форты, чтобы предотвратить возвращение индейцев.

[FN-1] Письмо генерала Уэйна. Государственные документы, том IV.

[FN-2] Письмо генерала Уэйна военному министру.

Есть основания полагать, что индейцы были глубоко разочарованы поведением майора Кэмпбелла во время акции. Среди бумаг капитана Бранта есть копия письма, адресованного им сэру Джону Джонсону в апреле 1799 года, в котором баронету напоминает о различных несправедливостях, якобы понесенных индейцами, даже от рук правительства его Величества. Следующий примечательный отрывок в этом письме наводит на мысль, что индейцы ожидали, что в случае поражения гарнизон придет им на помощь или, по крайней мере, что ворота крепости будут распахнуты перед ними как убежище при их отступлении: "Во-первых, — писал вождь племени могавков сэру Джону, - индейцы были вовлечены в войну, чтобы помочь англичанам, а затем брошены на произвол судьбы в условиях мира, чтобы сражаться в одиночку, пока они не смогут заключить мир для себя. После неоднократных поражений армий Соединенных Штатов, так что они посылали уполномоченных попытаться добиться мира, индейцам давали такие советы, которые не позволяли им соглашаться ни на какие условия, и возлагали на них надежды на помощь. В их стране даже был построен форт под предлогом предоставления убежища в случае необходимости; но когда пришло это время, ворота были закрыты перед ними как перед врагами. Они были вдвойне ранены этим, потому что они полагались на это как на поддержку, и были обмануты. Если бы не эта уверенность во взаимной поддержке, их поведение было бы другим. Я полагаю, что ваше собственное знание этих вещей и здравый смысл укажут вам на необходимость поставить линию поведения с индейцами на более благородную основу и как можно ближе подойти к тому, что было во времена вашего отца".

Учитывая расстояние и трудности путешествия в то время, известие о катастрофе, постигшей его друзей—индейцев, было очень быстро передано губернатору Симко на Ниагару, а он передал капитану Бранту следующее письмо:

"ГУБЕРНАТОР СИМКО КАПИТАНУ БРАНТУ.

"Военно-морской зал, 28августа 1794 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Я понимаю, что индейцы и Уэйн вступили в бой 20-го числа возле М.^с у Кормака; что индейцы, которых было до девятисот человек, отступили, потеряв нескольких главных вождей гуронов, оттава и шаванезе; дезертир сообщает, что американцы потеряли сто человек.

"Вайандоты и ваш друг весьма доблестно прикрывали отступление".

[FN] Хотя этот факт не подтвержден, все же считается, что значительное количество воинов-ирокезов участвовало в битве против Уэйна, и Брант также должен был быть на поле боя вместе с ними. Несколько лет спустя Брант изложил эти факты в беседе с почтенным Джейкобом Снеллом, эсквайром, все еще живущим (1837) на Палатине. Вождь заявил мистеру Снеллу, что он сам добыл боеприпасы, которыми пользовались индейцы в Квебеке, и что он должен был лично возглавить своих ирокезов, но был задержан болезнью.

После того, как индейцы отступили к заливу Майами, майора Кэмпбелла вызвали доставить почту, от которой он, конечно, отказался и сообщает, что счел ее приемлемой для войск Уэйна.

Индейцы, поместив своих женщин и детей в безопасное место, снова выдвинулись на выгодную позицию, я полагаю, на Суон-Крик, где они ждут подкрепления и, я надеюсь, воспрянут духом.

- Все ополченцы с "Ла Бранш" ушли в Детройт.

"Я отправлюсь на первом судне и в большой спешке являюсь вашим верным покорным слугой,

"Дж. Дж. Симко,

-Капитану Бранту."

Поскольку разногласия между Великобританией и Соединенными Штатами еще не были урегулированы, а война между двумя нациями все еще оставалась вероятным событием, канадские власти не хотели позволять индейцам заключить мир, несмотря на их сигнальное поражение. Северо-западные посты, более того, на территории не только дальнего запада, но и в границах штата Нью-Йорк, упорно удерживались, в то время как была предпринята попытка захватить дополнительную территорию на южной стороне озера Онтарио. Летом этого года капитан Уильямсон основал поселение в Большом заливе Содус, примерно в сорока милях от Освиго; и в том же августе губернатор Симко отправил лейтенанта. Она отправилась туда, чтобы потребовать, какой властью создается такое учреждение, и чтобы оно было немедленно ликвидировано. Сам генерал Симко, согласно намеку в своем письме Бранту, поспешил на запад, как и Вождь, в сопровождении ста пятидесяти своих воинов — очевидно, с целью продолжения оказания недружественного влияния на умы индейцев против Соединенных

Штатов. Губернатор находился в форте недалеко от поля битвы 30 сентября, как и капитан Брант и полковник М.^сКи. Индейцы уже предприняли некоторые шаги к генералу Уэйну в направлении мирных переговоров; но их внимание было отвлечено Симко и Брантом, которые пригласили совет враждебных наций собраться в устье реки Детройт 10 октября. Это приглашение было принято, как и приглашение генерала Уэйна, которого встретили несколько их вождей; так что коварные дикари оказались лицом к лицу с двумя советами сразу, взвешивая шансы и готовясь заключить мир только в том случае, если не найдут дальнейшего повода для войны.

[Ф.Н.] Маршалл. Капитан Уильямсон отсутствовал на Содусе во время лейтенанта. Во время визита Шеаффа этот офицер оставил письменное заявление, копия которого приводится ниже: "Мне приказано заявить, что в период неисполнения мирного договора между Великобританией и Соединенными Штатами и до тех пор, пока существующие трудности, связанные с ним, не будут взаимно и окончательно урегулированы, вступление во владение любой частью индийской территории, будь то в целях войны или суверенитета, считается прямым нарушением прав его Британского Величества, поскольку они, несомненно, существовали до заключения договора, и имеет непосредственную тенденцию прерывать и в ходе своего развития разрушать это хорошее взаимопонимание". который до сих пор существовал между его Британским Величеством и Соединенными Штатами Америки. Поэтому я требую, чтобы вы воздержались от любой подобной агрессии".

На совете 10 октября вожди вайандотов обратились к губернатору Симко со следующими словами:—

"ОТЕЦ: Мы просим вас откровенно высказать свои чувства; все эти годы мы были в войнах и смутах; время от времени вы обещали нам свою помощь. Когда твое обещание должно быть выполнено?"

-ОТВЕТ ИХ ОТЦА.

"Дети: На ваш вопрос очень трудно ответить. Я расскажу древнюю историю, возможно, задолго до того, как кто-либо из присутствующих здесь родился. Когда я впервые приехал в эту страну, я обнаружил, что она находилась во владении ваших отцов, французов. Вскоре мы стали врагами друг друга. Со временем Великий Дух свыше даровал победу в мою пользу. В те дни Соединенные Штаты были моими подданными. Много лет спустя мы жили в этом штате. Наконец американцы начали действовать самостоятельно, что привело к разрыву между нами. Борьба длилась некоторое время. Наконец мы заключили мир. С этого периода они вторгаются на ваши земли. Я смотрел на это как зритель — никогда бы не сказал ни слова; они даже дали названия рекам, которые впадают в Огайо.

"Дети: Я по-прежнему придерживаюсь мнения, что "Огайо" - это ваше право и титул. Я отдал приказ коменданту форта Майами открывать огонь по американцам, когда они снова появятся. Я отправлюсь в Квебек и изложу ваши жалобы великому человеку. Оттуда они будут отправлены королю, твоему отцу. Следующей весной ты узнаешь результат всего, что мы с тобой будем делать".

Подробности этого совета и усилия губернатора Симко и капитана Бранта по вмешательству в дела индейцев стали известны через нескольких пленных, захваченных генералом Уэйном, а

также через конфиденциальную делегацию вайандотов Сандаски, которые были настроены к миру. Согласно их заявлениям, губернатор Симко посоветовал им не прислушиваться ни к каким условиям умиротворения, которые не закрепляли за ними их давно оспариваемую границу. Более того, он предложил им передать все свои земли к западу от этой реки королю в доверительное управление, чтобы можно было найти предлог для прямого вмешательства войск его Величества в их защиту. Для достижения этой цели он посоветовал им добиться прекращения военных действий до следующей весны, когда состоится большой совет всех воинов и племен, на котором можно будет обратиться за помощью к британцам. Англичане в то время были бы готовы атаковать американцев со всех сторон, прогнали бы их обратно через Огайо и вынудили бы вернуть индейцам их земли.

Совет капитана Бранта был направлен на тот же результат. Он сказал им сохранять доброе сердце и быть сильными; поступать так, как советовал их отец; что он сейчас вернется домой со своими воинами, а весной придет снова с более сильным отрядом. Тогда у них было бы впереди целое лето для проведения операций, и американцы не смогли бы устоять перед ними. Он всегда добивался успеха, и с той силой, которую они затем смогут задействовать на поле боя, он обеспечит им победу. Однако он сказал им, что в настоящее время не может напасть на американцев, поскольку это ни к чему хорошему не приведет, но выведет их против индейцев с большим количеством войск зимой. Поэтому он посоветовал вождям развлекать американцев перспективой мира до весны, когда индейцы смогут неожиданно напасть на них и победить.

На совете мнения значительно разделились; вайандоты были склонны к миру, как и часть других племен. Но были преподнесены большие подарки, и советы Бранта и губернатора Симко возобладали — индейцы вернулись в свои временные жилища, состоящие из хижин и палаток по соседству с фортом у Порогов. Капитан Брант, однако, покинул эти советы, испытывая сильное неудовольствие по отношению к вождям трех основных племен вследствие некоторого пренебрежения, которое он истолковал как оскорбление. Каков был точный характер этих обстоятельств, в его документах не раскрывается. Но среди этих бумаг есть письмо от семи вождей этих племен, составленное в выражениях смиренных извинений. Из этого письма цитируются следующие отрывки:—

"Вожди трех наций очень сожалеют и находятся в большом затруднении из-за того, что полковник Брант был вынужден покинуть их так поспешно; что они намеревались быть с ним в самой большой дружбе и что они намеревались держать с ним совет сразу же после того, как разговор с губернатором будет закончен.

Они искренне надеются, что полковник Брант примет их извинения за то, что не дождался его, когда прибыл посыльный с его трубкой. Они признают свою большую вину, но готовы своими будущими заслугами убедить его, что они уважают его.

В знак дружбы они посылают полковнику Бранту свой Пояс Вампумского Союза, как залог того, что они сейчас и их дети в будущих поколениях будут жить в мире и единстве с ним и Шестью Нациями, и желают, чтобы между ними немедленно началась срочная переписка на самых дружеских условиях.

"Они с прискорбием услышали, что полковник Брант отбыл отсюда с тяжелым сердцем, полный сожаления об их небрежности и недостойном поведении, и поэтому посылают ему дополнительную нитку вампума, чтобы просветить его сердце и возобновить дружбу с ним".

Это письмо, или "речь", как его называли, было подписано следующим образом — имена были написаны полностью джентльменом по имени Уильям Бейли, который подписывает документ в качестве свидетеля, и каждый вождь грубо нарисовал ручкой свой собственный знак: —Акушуа, *знак-лисы*; Совосат — *Бобра*; Квагервон —*журавля*; Кучерваскисеегуа — *Топора*; Буэмаукутус — *Волка*. ; Гоусовейнсе — *черепаха*; Клаппум —*наконечник стрелы*.

Таково было положение дел в Индии в конце 1794 года; и тогда, несомненно, существовала перспектива того, что должна была начаться еще одна кампания активных боевых действий. Но приказано было иначе. Сами индейцы устали от борьбы и все больше и больше убеждались, что они не смогут успешно противостоять американцам, лидера которых, генерала Уэйна, они очень боялись. Перед закрытием сезона было установлено, что воины издалека снова переправляются через Миссисипи, заявив, что долгие попытки сражаться бесполезны. В марте разногласия между Соединенными Штатами и Великобританией были урегулированы договором мистера Джея, который, несмотря на влияние Франции и ярые требования демократической оппозиции, у генерала Вашингтона хватило проницательности и твердости ратифицировать; так что индейцы были лишены даже надежды на дальнейшую помощь с привычной стороны. Беспокойство Шести наций, за исключением могавков, было утихомирено победой Уэйна, так что никакой дальнейшей поддержки с этой стороны ожидать было нельзя. Результатом всех этих обстоятельств стало то, что по Гринвилльскому мирному договору, заключенному с враждебными индейцами генералом Уэйном 3 августа 1795 года, долгая, дорогостоящая и разрушительная война, которая в течение стольких лет опустошала эту границу, была прекращена способом, полностью удовлетворяющим Соединенные Штаты. По словам капитана Бранта в одной из его речей, произнесенных много лет спустя, "индейцы, убежденные теми, кто находился в форте Майами, и другими обстоятельствами, что они ошибались в своих ожиданиях какой-либо помощи от Великобритании, больше не выступали против американцев своим обычным единодушием. Следствием этого было то, что генерал Уэйн, используя миролюбивые формулировки, которыми он обращался к ним, побудил их заключить договор в его собственной штаб-квартире, в котором он заключил мир исключительно на своих собственных условиях". Этим событием завершилась военная карьера Джозефа Бранта—Тайенданеги.

ГЛАВА XIII.

Тайенданега в гражданской жизни—Его деятельность—Его усилия по ускорению цивилизации своего народа—Трудности с соблюдением права собственности на его земли—Сменяющие друг друга советы и речи—Губернатор Симко покидает провинцию—Капитан Клаус назначен в Агентство по делам индейцев—Президент Рассел—Речи Бранта, утверждающие абсолютную независимость и национальность его народа—Письмо сэру Джону Джонсону—Переписка с лордом Дорчестером—графом де Пюизи—Письмо Бранта Томасу Моррису—Переписка Шарпа с сэром Джоном Джонсоном—Индейцы Сент-Реджис и Когнавага, а также штат Нью-Йорк, вовлеченные в конфликт в земельном споре—Трудности Бранта с Каунавагами—Письмо Томасу Моррису—Визит Бранта в Каунавагас—Совет—Удовлетворительные объяснения—Новые трудности дома—Миссия Нортон в Англию—Заговоры против характера Бранта—Отчуждение некоторых из его друзей—Заговор с целью его смещения—Красный Пиджак и брат фермера участвуют в заговоре—Персонаж Красного Пиджака—Брант свергнут незаконным Советом—Письмо герцогу Нортумберлендскому—Созван юридический совет—Брант встречается со своими обвинителями и защищает себя—Еще один Совет—Речь Бранта—Оправдан по всем выдвинутым против него обвинениям—Совет после возвращения Нортон из Англии—Заседания Совета Red Jacket аннулированы-Брант восстановлен в должности—Письмо герцогу Нортумберлендскому—Ответное письмо герцога—Последнее письмо Бранта герцогу.

Окончание военной службы Бранта не привело к этому состоянию бездействия. Вошедшая в поговорку лень его расы во всех отношениях, за исключением тропы войны и охоты, не была его характерной чертой. Напротив, в истории человечества едва ли найдется параллельный пример такой активной, неустанной и неутомимой государственной службы, как в совете, так и на местах, какую нес этот знаменитый человек с того дня, когда он впервые обнажил свой юношеский томагавк на озере Джордж, до своей смерти более чем полвека спустя. Когда война за Американскую революцию закончилась, уже было видно, что вскоре после этого он обратил свое внимание на улучшение морального и социального положения своей нации. Он также не упускал из виду эту цель в течение многих лет своего активного вмешательства в сложные отношения западных стран с Соединенными Штатами.

В предыдущей главе упоминалось о трудностях, в которые были вовлечены Шесть наций после Революции в отношении своих земель в штате Нью-Йорк, урегулирование которых неоднократно требовало внимания капитана Бранта. Аналогичные трудности приходилось улаживать и с покупателями резервации Коннектикут в Огайо, по поводу чего были проведены официальные переговоры. И это не все его проблемы. Но прошло несколько лет после получения права владения страной Гранд-Ривер, прежде чем между индейцами и правительством провинции возникли разногласия по поводу характера титула, на основании которого первые должны были владеть своими новыми владениями. Вождь и его люди предположили, что территория, отведенная им, была передана в виде вознаграждения совершенным титулом. Но в этом предположении они были разочарованы. Едва ли найдется более прекрасный и привлекательный уголок страны в Северной Америке, чем полуостров, образованный озером Онтарио на востоке, озером Эри на юге и озером Гурон на западе, через сердце которого протекает Гранд-Ривер. Таким образом, индейцы недолго обжили свою новую страну, прежде чем белые поселенцы начали селиться по соседству с ними. Такому проницательному человеку, как Брант, сразу стало очевидно, что в таком привлекательном регионе страны приближение белого человека вскоре ограничит охотничьи угодья его народа узкими границами их собственной территории. Он также видел, и без сожаления, что результатом этого было бы превращение его народа из охотников в земледельцев; в этом

случае, хотя его территория была слишком мала для первого, она была бы намного больше, чем было бы необходимо для второго условия жизни. Поэтому в качестве компенсации за потерю дичи он задумал продать часть своих земель, чтобы немедленно создать фонд на благо нации, и сдать в аренду другие участки таким образом, чтобы обеспечить постоянный доход. В этом проекте не было никакого эгоистичного замысла, кроме того факта, что его собственная судьба была отождествлена с судьбой его народа. Каким бы алчным ни был капитан Брант в отношении чести и власти, он не был ни алчным, ни корыстолюбивым в отношении собственности. В одной из своих речей он со всей торжественностью заявил, что никогда не присваивал ни одного доллара денег или их стоимости в виде другого имущества, принадлежащего его нации, для собственного использования. Он также никогда не брал со своей страны ни доллара за свои услуги или даже за свои личные расходы во всех поездках, которые он совершал по их делам. Все его личные потребности, при любых обстоятельствах, удовлетворялись за счет его собственных средств.

Было еще одно соображение, связанное с его желанием продавать и сдавать в аренду земли белым поселенцам. Он стремился способствовать развитию цивилизации своего народа; и в своих первых переговорах с генералом Холдимандом после окончания войны он предусмотрел возведение церкви и школы; и интересен тот факт, что первый храм, воздвигнутый для поклонения истинному Богу в Верхней Канаде, был построен вождем народа, недавно ставшего язычником; и первый колокол, который созывал людей в молитвенный дом в этой провинции в христианскую субботу, был доставлен туда им. Продвигая свои планы развития цивилизации, Вождь очень хорошо знал, что растущее постоянное белое население станет средством внедрения таких распространенных искусств и занятий в жизни, которые существенно способствовали бы комфорту и счастью его народа, и в то же время их прогресс в цивилизации был бы значительно ускорен.

Но не успел он приступить к отчуждению нескольких небольших участков земли, как колониальное правительство выдвинуло возражения. Утверждалось, что его титул был несовершеннолетним — что преимущественное право на землю было сохранено правительством; и, как следствие, что индейцы не имели права продавать ни пяди земли, поскольку она принадлежала им не дольше, чем они сами должны были занимать ее. Этот вопрос оказался плодотворным источником разногласий между сторонами и постоянной досады на старого Вождя до дня его смерти. Совет за советом обсуждался этот вопрос, конференция за конференцией; в то время как рукописи речей и аргументов, написанные собственноручно Брантом, все еще остаются, чтобы засвидетельствовать неусыпную бдительность, с которой он следил за интересами своего народа, и рвение и способности, с которыми он отстаивал их права.

Даже его друг губернатор Симко был одним из самых ярых противников притязаний индейцев на плату за землю и в одном случае попытался урезать их субсидии, приказав земельному совету провести линию строго к западу от устья озера Онтарио, что лишило бы могавков большей половины их владений. Однако, изучив грант генерала Холдиманда, губернатор отказался от этой цели; но все же был полон решимости, чтобы индейцы не сдавали в аренду и не продавали какую-либо часть своего гранта и не использовали его каким-либо образом, за исключением тех участков, которые они должны обрабатывать своими руками. В результате этих действий положение индейцев стало поистине неудобным. Ограниченные узкой полосой земли шириной всего в двенадцать миль, они, конечно, серьезно пострадали от охоты, в то

время как их навыки в сельском хозяйстве были настолько несовершенны, что для их пропитания были необходимы некоторые другие ресурсы.

Чтобы более четко и недвусмысленно определить права индейцев, были последовательно составлены и представлены для их принятия два других документа — оба из которых были немедленно отклонены как менее благоприятные, чем их первоначальное предоставление. Наконец, в 1795 году губернатор Симко посетил Гранд-Ривер со своими советниками с целью выяснить, как он сказал, истинные желания и состояние индейцев. Был создан Совет, и Вождь произнес обстоятельную речь, содержащую всю историю гранта, обстоятельства, при которых он был предоставлен, и трудности, с которыми им пришлось столкнуться. Среди других возражений, по-видимому, провинциальные власти в качестве предлога для жесткого обращения с индейцами утверждали, что правительство было введено в заблуждение относительно местоположения и стоимости территории. Генерал Холдиманд предполагал, что территория, о которой идет речь, находится на большом расстоянии от Ниагары, и белое население не приблизится к ней еще целую вечность. Эти утверждения были решительно опровергнуты Брантом, который заявил, что главнокомандующий на момент предоставления субсидии был полностью ознакомлен с ситуацией, ее особыми преимуществами и ее ценностью.

Результатом этой конференции с губернатором Симко стало не что иное, как обещание, что речь Тайенданеги должна быть передана лорду Дорчестеру. Губернатор Симко вскоре после этого покинул провинцию, и в администрации индийского департамента были внесены изменения, назначив капитана Клауса в индийское агентство на Ниагаре. Похоже, что перед своим отъездом губернатор подтвердил объем продаж, ранее осуществленных индейцами; но возникли трудности с проведением съемок, которые снова поставили все на плаву. Следствием этого стало то, что в октябре 1796 года перед мистером Клаусом на Ниагаре состоялось еще одно слушание, на котором в другой письменной речи Шеф Полиции привел историческую аргументацию своего дела. Из отрывков этой речи явствует, что Верхняя Канада уже кишела беспринципными землевладельцами, которые особенно не нравились Вождю. "Я не могу не отметить, - сказал он, - что мне кажется, что некоторые присутствующие здесь персонажи, которые стояли за прилавком во время последней войны и о которых мы ничего не знали, теперь диктуют вашим великим людям, что касается наших земель. Я бы хотел знать, какое имущество оставили после себя эти назойливые личности в их собственной стране и потеряли ли они что-нибудь из-за своей лояльности! Я сильно в этом сомневаюсь. Но хорошо известно, что среди нас едва ли найдется человек, который не пожертвовал бы большим или меньшим имуществом, покидая наши дома. Я снова повторяю, что если эти назойливые люди жертвовали хоть малейшей собственностью, то, я думаю, им можно в какой-то мере позволить вмешаться, хотя может быть хорошо известно, что к этому их побуждают личные интересы, а не общественное благо".

Эта речь, заявил Вождь, должна стать его последней попыткой добиться справедливости от "великих людей внизу", имея в виду правительство провинции. В случае неудачи там он заявил о своем намерении отправиться в Англию и лично представить свое дело королю. Но это решение было условным и не было выполнено. После ухода губернатора Симко исполнительная власть в колонии перешла к почтенному. Питер Рассел, президент Исполнительного совета провинции. Для более удобного управления делами индейцев провинции мистер Рассел был наделен всеми полномочиями по этому вопросу, которыми ранее пользовался

главнокомандующий в Квебеке, действуя по совету генерального суперинтенданта по делам индейцев сэра Джона Джонсона. Капитан Брант, не теряя времени, обратился к мистеру Расселу с вопросом о своем земельном титуле, и ему это быстро отчасти удалось. Уже произведенные продажи были подтверждены, и старый Вождь написал своему другу и корреспонденту Томасу Моррису, эсквайру, в то время проживавшему в Канандайгуа, что их трудности с землями почти устранены, и у него есть основания полагать, что отныне их дела будут идти к их удовлетворению. [FN] Основой соглашения, санкционированного исполняющим обязанности губернатора, было то, что земли, которые затем были проданы или предназначались для продажи индейцами, должны были быть переданы правительству, которое, исходя из добросовестности соглашения, должно было выдавать субсидии лицам, назначенным в качестве покупателей агентом, осуществляющим земельный бизнес в стране. Капитан Брант действовал в этом качестве. Земли, разумеется, должны были быть заложены в качестве обеспечения выплаты основной суммы и процентов от суммы покупки. Более того, в обязанности Агента входило назначить трех доверенных лиц, получать выплаты в пользу индейцев и обращать взыскание на заложных в случае неисполнения обязательств — земли возвращались индейцам. Капитан Брант выполнил свою часть соглашения в точности, но правительство в целом не смогло выполнить свой собственный соответствующий долг. Некоторые из покупателей выплачивали проценты в течение нескольких лет, но не могли получить свои титулы; другие умерли, и наследники оказались в таком же затруднительном положении, и весь бизнес оказался в еще большем затруднении, чем когда-либо. Вдобавок ко всему, по мере того как сами индейцы совершенствовались в своих сельскохозяйственных работах, система совместного владения всеми вещами действовала неравномерно и создавала большие затруднения для индивидуальной промышленности. Но до тех пор, пока правительство отказывало индейцам в привилегии распоряжаться земельной пошлиной, нация не могла передать какую-либо часть своих владений своему собственному народу. [FN-2]

[FN-1] Письмо Томасу Моррису, эсквайру, 30 июля 1797 г. [Мистер Моррис передал автору пачку писем от капитана. Бранта, написанные между 1796 и 1801 годами, которые, хотя и посвящены в основном частным делам, тем не менее были найдены полезными в настоящей работе.]

[FN-2] Мемориал Джона Нортон маркизу Каурдену.

В этом бизнесе были и другие трудности, перечислять которые было бы утомительно, и результатом всего этого стало то, что договоренность фактически была недействительной. Мало того, могавки чувствовали себя независимой нацией, и они, или, возможно, правильнее сказать, их гордый и неукротимый вождь, плохо переносили подчинение такому виду опеки. Следовательно, "удовлетворение", возникшее в результате соглашения под эгидой президента Рассела, длилось недолго, и капитан был вынужден снова вести свои сухопутные бои. Многие советы и конференции увенчались успехом, и на всех из них Брант был главным оратором и защитником прав своего народа на землю. Замысел британского правительства состоял в том, чтобы держать индейцев в состоянии ученичества, в соответствии с практикой Соединенных Штатов; и, следовательно, разрешить им просто занимать земли, на которые правительство претендовало. Но ни могавки, ни их неутомимый лидер не желали слушать ни о какой подобной доктрине; всегда, при всех обстоятельствах они отстаивали свою полную независимость как нации. Они были независимой нацией в Долине Мохок, утверждал Вождь в одной из своих

речей, и были бесспорными хозяевами земли своей страны. Их право в этом отношении никогда не подвергалось сомнению. После начала войны они отказались от своей страны — от всего — из-за своей дружбы и верности королю. "В 1776 году, - сказал старый Вождь в упомянутой речи, - лорд Дорчестер, затем сэр Гай Карлтон, на очень многочисленном совете оказали нам всяческую поддержку и попросили помочь в защите их страны и принять активное участие в защите владений его Величества; заявив, что, когда наступит счастливый день мира и если мы не добьемся успеха в борьбе, он поставит нас на те же позиции, на которых мы стояли до того, как присоединились к нему. Это лестное обещание было приятно нам и придало нам сил искренне встать на службу делу его Величества. Мы считали само собой разумеющимся, что слово такого великого человека или любые обещания общественного характера когда-либо будут считаться священными ". Опять же, в другой части речи капитан заметил: "Нам обещали наши земли за наши услуги, и эти земли мы должны были удерживать наравне с теми, от которых мы бежали в начале американской войны, когда мы присоединились, сражались и проливали кровь за ваше дело. Теперь опубликовано воззвание, запрещающее нам сдавать в аренду те самые земли, которые были положительно даны нам взамен тех, хозяевами которых мы были. Это, братья, несомненно, противоречие, которое должен заметить наименее проницательный человек среди вас, и которое мы считаем удивительным. Из тех земель, которые мы оставили, мы продавали, мы сдавали в аренду и раздавали, когда и так часто, как считали нужным, без препятствий со стороны вашего правительства; ибо ваше правительство хорошо знало, что мы были законными властителями этой земли, и они не имели права вмешиваться в дела нас как независимых наций ". В подтверждение этого утверждения Вождь продолжил перечислять различные продажи и дары своих земель; среди которых он упомянул большой и знаменитый трактат сэру Уильяму Джонсону, обычно называемый Королевским грантом, за подписание которого, как утверждал капитан, он получил подарок в размере пятидесяти фунтов стерлингов.

Речь, произнесенная на собрании вождей и воинов на Ниагаре перед полковником Шеффе, полковником Клаусом и другими в августе 1803 года по случаю правительственного постановления, запрещающего продажу или аренду индейцами каких-либо из их земель.

История всего спора была очень четко изложена в только что процитированной речи, и аргументы на протяжении всего выступления были чрезвычайно хорошо изложены. Капитан в некоторых своих речах с упором останавливался на другой особенности своего дела, приводя еще один пример великодушия могавков в их отношениях с правительством и недостатка этого качества, о чем свидетельствует способ их возмездия. Индейцы никогда не требовали от короны никакой компенсации за обширные участки своих охотничьих угодий, от которых отказались из-за приверженности делу короны. В письме, написанном сэру Джону Джонсону на этой стадии полемики, вождь-ветеран рубил обоюдоострым клинком: "Вы знаете, мы не требуем ничего нового. Мы не требовали компенсации ни за наши охотничьи угодья, которые были очень обширны, ни за наши лесные угодья, примыкающие к нашим улучшениям. Все, чего мы просим, - это подтверждения нашего справедливого права на эту самую землю, которое мы получаем взамен тех, за которые мы не получали никакой компенсации. Я полагаю, что мало кто из лоялистов не взимал плату за свои лесные угодья, как это делали мы; многие из них получили земли, на которые раньше не ступала нога человека". [FN]

[FN] В письме, впоследствии адресованном лорду Дорчестеру, после отказа этого офицера канадского правительства, капитан Брант оценил охотничьи угодья, оставленные его племенем, более чем в два миллиона акров.

Но поскольку перспектива добиться справедливости от провинциального правительства с течением времени становилась все менее и менее благоприятной, Вождь снова обратил свое внимание на вышестоящее правительство. Воспользовавшись возвращением в Европу графа Де Пюизи, которого он описывает "как брата-солдата и товарища по несчастью во имя верности", [FN-1] капитан передал ему в руки краткую историю проблем, которые он пытался устранить, с настоятельной просьбой изложить то же самое министрам его Величества. Тем же способом он также обратился с энергичным призывом к лорду Дорчестеру, находившемуся в то время в Англии, приложив к письму его светлости копию своего первоначального обещания ему (Бранту), записанного в 1775 году, а также последующее подтверждение этого обещания генералом Холдимандом. [FN-2] Более того, он вел активную переписку по этому вопросу с герцогом Нортумберлендским, в лице которого могавки всегда были постоянными друзьями.

[FN-1] В одной из речей капитана Бранта, датированной 28 октября 1800 года, встречается такой отрывок: "В течение некоторого времени было замечено, что слишком большое необитаемое пространство между Йорком и верховьем озера создает большие неудобства для наземного сообщения, поэтому мы сочли это подходящим случаем устранить это затруднение, подарив графу де Пюизи и его приверженцам участок земли на этом пространстве, сочувствуя им как пострадавшим за дело верности и вынужденным из-за этого покинуть свой родной климат и искать убежища в этом необработанном регионе. На это были высказаны возражения", и с., ис. Когда младший Брант посетил Лондон двадцать лет спустя, он упоминает, что граф в то время жил на пенсии по соседству с этой столицей.

[FN-2] Копия этого письма лорду Дорчестеру не полная. Сохранились только две страницы с иллюстрациями, или, скорее, все, кроме первых двух страниц, были утеряны.

Эти попытки привлечь правительство метрополии на сторону индейцев были поддержаны миссией в Англию Тейонинхокаравена, известного под псевдонимом Джон Нортон, который изложил суть дела министрам в сильном и доходчивом меморандуме, адресованном лорду Камдену, в то время одному из министров его Величества. Среди прочих соображений Нортон настаивал на том, что в случае, если их земли будут освобождены от всех обременений и каждому племени и семье будет разрешено получить свою справедливую долю земли, закрепленную за ними, провинция будет усилена за счет эмиграции туда большей части племен Шести наций, которые все еще оставались в Соединенных Штатах. Несомненно, в политику Бранта входило еще раз объединить древнюю конфедерацию Шести наций в пределах юрисдикции либо Англии, либо Соединенных Штатов. Переселение могавков в Канаду не привело к распаду союза этих наций, хотя их разделение, поскольку они были поставлены под действие различных высших законов и вынуждены иногда проводить свои собственные советы в пределах одной нации, а иногда и в пределах другой, не могло не сопровождаться множеством затруднений. Действительно, трудности, с которыми им пришлось столкнуться, были столь многочисленны, и таково было поведение правительства провинции в отношении их

земель, что вождь могавков, не выдержав своей привязанности к короне, одно время с отвращением подумывал об уходе из Канады вместе со своим народом. О том, что такой проект действительно был реализован, свидетельствует следующее письмо его другу Моррису: —

"КАПИТАН БРАНТ - ТОМАСУ МОРРИСУ, ЭСКВАЙРУ.
(СЕКРЕТНО)

"Гранд-Ривер, 26 декабря 1800 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Исходя из нашей дружбы и уважения, которое вы постоянно проявляете к индейцам в целом, я льщу себя надеждой, что вы будете настолько добры, что поможете в том, что я собираюсь вам сообщить.

"Многие наши люди разбросаны на западе, в Сандаски, Майами и других городах. Я хочу, чтобы они были собраны в одном месте, и с этой целью намереваюсь закупить западных индейцев, чтобы любой, кто переезжает отсюда, также мог найти место для переезда. Мы уверены, что тамошние индейцы будут очень рады этому предложению и что они даже отдали бы его даром; но мы скорее хотим купить, чтобы он, бесспорно, принадлежал нам. Одолжение, о котором я должен просить вас, заключается в том, что вы, пожалуйста, обяжете нас опросить некоторых ваших друзей в Конгрессе, если они смогут подтвердить это, поскольку, если мы переедем туда, мы хотели бы быть под защитой Соединенных Штатов. Что бы вы ни сказали по этому поводу кому-либо, я надеюсь, вы сделаете это конфиденциально; вы можете узнать общие настроения в ходе беседы, не раскрывая наших истинных намерений. Причина моей такой осторожности - великая ревность британцев.

"Дорогой сэр, я, по правде говоря, Ваш искренний друг и покоритель. Служу, Джос. БРАНТ.

"Томас Моррис, эсквайр"

В рукописях Бранта больше ничего не сообщается об этом плане переезда в Соединенные Штаты, и это предположение, скорее всего, было вызвано сиюминутным чувством уныния и досады. Но вскоре после этого ему посчастливилось столкнуться с досадным обстоятельством с другой и самой неожиданной стороны — с его давним и испытанным другом сэром Джоном Джонсоном. Упомянутым обстоятельством было получение письма от баронета, проживавшего в то время на Ниагаре, датированного 1 сентября 1801 года, в котором, после извинений за его длительную задержку с ответом на некоторые письма, из опасения, что он не сможет так сформулировать свои сообщения, чтобы не задеть чувства старого вождя, автор ссылаясь на трудности, связанные с землями. Он рассказал о некотором беспокойстве, царящем на Гранд-Ривер, и заявил, что изложил свое мнение относительно этих проблем капитану Клаусу в письменном виде и посоветовал Вождю помочь в созыве совета и урегулировании вопроса на основе, которую он предложил. Что касается притязаний могавков на часть резервации Миссиссауга, баронет посоветовал Вождю Племени немедленно отказаться от них, предупредив его, что правительство намерено ни при каких обстоятельствах не

санкционировать это притязание; напротив, оно будет защищать миссиссагу в тихом и мирном владении всеми их землями. Письмо заканчивалось следующим образом: "Позвольте мне поэтому еще раз посоветовать вам отказаться от всякого участия в их делах и воздержаться от объединения различных наций в отдаленных частях страны и заниматься только делами вашего поселения, за исключением случаев, когда правительство призывает поступить иначе; поскольку это открывает миру возможность неблагоприятно оценивать ваше поведение, что должно привести к уменьшению вашего влияния в глазах тех, кто стоит во главе дел; и я очень боюсь, что это может нанести вам серьезный вред. И поскольку вы не можете сомневаться в моей дружбе к вам и вашей прекрасной семье, я убедительно прошу вас зрело взвесить то, что я вам сейчас рекомендую, и рассматривать это как результат серьезного размышления".

Это послание вызвало негодование Бранта и вызвало несколько энергичных писем в ответ. Его тяжестью было существование трудностей среди самих индейцев, возникавших, как баронет предоставил вождю самому сделать вывод, из их недоверия к действиям самого Бранта. Совет, созвать который генеральный суперинтендант поручил своему заместителю капитану Клаусу, был проведен, но, по-видимому, не привел к каким-либо иным результатам, кроме полного освобождения сахемами своего главного Начальника от всякого порицания. Капитан, однако, не был удовлетворен тем, что оставил дело на этом; и он написал баронету решительным тоном, требуя конкретных обвинений, если таковые могут быть выдвинуты против него, с указанием имен его обвинителей. Он также сурово упрекнул должностных лиц правительства за их поведение по отношению к нему, недвусмысленно обвинив их в том, что они не только санкционировали великую Индийскую конфедерацию, о которой так часто приходилось говорить, но и стали причиной образования этой конфедерации под их собственной непосредственной эгидой. Это письмо, как исторический документ, касающийся иных отношений, чем те, которые касаются автора как личности, заслуживает сохранения и соответственно расшифровывается:

[FN] См. Приложение № X.

-КАПИТАН БРАНТ СЭРУ ДЖОНУ ДЖОНСОНУ, БАР'Т.

"Гранд-Ривер, ноябрь 1801 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Когда я ответил на ваш вопрос о первом сентября прошлого года, я пообещал сообщить вам подробности после того, как должна была состояться встреча, которую, как вы тогда сказали, капитан Клаус собирался провести с целью удовлетворения недовольных и т. Д.

"Однако он ничего не предпринял в этом деле, как я ожидал из вашего письма, он бы сделал; но вожди, ознакомившись с его содержанием, забеспокоились и провели тщательное расследование, чтобы выяснить, кто из индейцев на этой реке выразил недовольство моим поведением в отношении государственных земель. Выяснилось, что недовольной стороной были лишь несколько нижних могавков, в основном женщины, и среди них не было настоящего вождя. Впоследствии Вожди единогласно выразили свое общее одобрение моему поведению в качестве их представителя в земельных вопросах в речи, обращенной к капитану Клаусу. В то же время они намекнули на почти невозможность сделать все таким образом, чтобы угодить

каждому конкретному человеку, что также имело место при исполнении им своих обязанностей Суперинтенданта; но заверили его, что они, Вожди, которые назначили меня своим агентом по земельным делам, были полностью удовлетворены. С тех пор я больше не слышу недовольных; все кажутся спокойными. Затем я был готов дать полное объяснение всех моих операций, а также напомнить им о трудностях и расходах, которые я претерпел, участвуя в их бизнесе; но такое поведение Начальников остановило меня, решив, что если я буду упорствовать, это будет бессмысленным возобновлением старых обид и т.д.

"Я надеюсь, вы окажете мне услугу и сообщите, кто сообщил вам, что среди индейцев Гранд-Ривер царило такое всеобщее недовольство моими операциями, как вы и сказали; и вы бесконечно обяжете меня, познакомив с автором этого слуха, который немало задел мои чувства; и это также принесло бы удовлетворение большей части здешних вождей.

"Уважая ваш совет не принимать больше советов других наций и т. Д., Вожди, как здесь, так и в Буффало, не могут понять его значения; и два посланца от последнего особо просили меня оставаться непоколебимым в моем общественном качестве и, как обычно, заботиться об их общих интересах; поэтому я надеюсь, что вы окажете мне любезность и ознакомите меня с причиной, по которой я должен воздерживаться от участия в каких-либо советах наций Всеобщей конфедерации, которую мы сформировали под эгидой Великобритании; и если предполагается, что наши дружеские отношения друг с другом наносят ущерб в интересах правительства, и в какой мере; ибо, начиная с 1760 года, я прекрасно помню, что происходило на большинстве соборов, и я никогда не припомню случая вмешательства правительства, чтобы помешать нашей взаимной переписке, но, напротив, они скорее поощряли наше объединение. Следовательно, если окажется, что то, что раньше приносило удовлетворение, теперь имеет совершенно иной эффект, мне будет очень трудно действовать так, чтобы не подвергнуться осуждению, если я не буду хорошо знаком с изменением политики. Кроме того, из-за серьезных последствий, о которых вы упоминаете, несоблюдение вашего совета может иметь для меня значение, я был бы рад узнать, что это такое. Я надеюсь, что законы и обычаи не так уж сильно изменились, поскольку сначала должно быть назначено наказание, а затем начат судебный процесс, и вы не должны давать мне более ясного намека на это, чем этот. Короче говоря, ваш совет кажется не чем иным, как замаскированной угрозой. И все же, мой дорогой друг, не думайте, что я подозреваю вас в том, что вы автор этого; скорее, вы смягчили оригинал, чтобы спасти мои чувства.

"Во время войны, хотя я *носил звание капитана*, я никогда не получал команд как таковых, а действовал как военный главнокомандующий, что, я считаю, было более полезным, чем если бы я был в другом качестве — обычно под моим командованием находилось больше людей, чем обычно для человека такого ранга. После заключения мира я занимался нашими делами как сажем. Я никогда не считал, что поступаю неправильно; если это так, я мог бы пожелать иметь письменные инструкции о том, как мне вести себя, чтобы предотвратить серьезные последствия, о которых идет речь, под которыми, вероятно, может подразумеваться лишение меня моего половинного жалованья или пенсии. Я надеюсь иметь удовольствие получить от вас весточку как можно скорее, в то же время я остаюсь

"Дорогой сэр, Ваш покорный слуга, Джос. БРАНТ

-Сэр Джон Джонсон, бар'т."

Брант снабдил Нортон письмами к своим друзьям в Англии, и в том числе к герцогу Нортумберлендскому, который горячо интересовался целью его миссии. Более того, усердие и способности, с которыми он выполнял обязанности по своему поручению, были таковы, что на какое-то время появилась надежда на то, что его миссия увенчается полным успехом. Решение министров было благоприятным для индейцев, и соответствующие письма были разосланы правительству провинции. Они, однако, были встречены неожиданным движением дома, которое парализовало усилия агента и привело к его возвращению с надеждами, по крайней мере отсроченными, если не разрушенными. Причина этого неблагоприятного изменения курса вышестоящего правительства будет раскрыта на нескольких последующих страницах.

Похоже, что в ходе полемики между капитаном Брантом и заместителем суперинтенданта возникли серьезные разногласия, которые в конечном итоге переросли в взаимные обвинения в денежных преступлениях. Обвинение подобного рода было выдвинуто против Бранта за несколько лет до этого в связи с переговорами между правительством штата Нью-Йорк и индейцами коунавага и Сент-Реджиса, называющими себя Семью нациями Канады. Эти народы, как читатель был проинформирован в предыдущей части настоящего труда, были кланами могавков, которые задолго до этого отделились от основного народа и поселились на берегах Святого Лаврентия. В 1792 году они направили депутацию к правительству штата Нью-Йорк, требуя участок земли, покрывающий значительную часть северной части штата; все, действительно, лежит между озером Шамплейн на востоке и верховьями реки Мохок на западе, ограниченный на север рекой Святого Лаврентия, а на юг линией, которую нужно провести от точки между Форт-Эдвардом и озером Джордж до слияния Канада-Крик с рекой Мохок в окрестностях Литтл-Фолс. Это обширное требование было отклонено государством по нескольким основаниям. Одно из них заключалось в том, что французы лишили индейцев права собственности на часть рассматриваемой территории; другое, что несколько патентов английской короны лишили их права собственности на другие ее части; вдобавок ко всему, государство считало, что каунавага никогда не имели какого-либо справедливого права собственности на эту землю, поскольку она первоначально принадлежала Шести нациям, из которых претенденты составляли лишь небольшое число. В качестве доказательства этой позиции государство утверждало, что Шесть наций сами продали эту же территорию вместе с большим дополнительным участком, простирающимся от реки Мохок до границы Пенсильвании, полковнику Джону Ливингстону. Эта продажа полковнику Ливингстону была впервые совершена сорока пятью вождями Шести наций в 1787 году, и была подтверждена в следующем году вторым актом, подписанным шестьюдесятью пятью их вождями и засвидетельствованным полковниками Джоном Батлером и Джозефом Брантом. Покупка полковником Ливингстоном, поскольку она была неконституционной, была аннулирована; но тот факт, что такая продажа была произведена Шестью нациями в целом, был приведен против иска Каунаваги, чтобы показать, что он был необоснованным. Тем не менее, поскольку индейцы Сент-Реджис и Каунавага настаивали на своих притязаниях, была назначена комиссия, состоящая из Эгберта Бенсона, Ричарда Варика и Джеймса Уотсона, для переговоров с их вождями по этому вопросу; и только летом 1796 года было достигнуто соглашение, в силу которого Семь наций отказались от своих притязаний, за исключением резервации Сент-Реджис, за небольшую сумму наличными и еще меньшую бессрочную ренту.

Имя капитана Бранта было замешано в этом споре только в качестве свидетеля договора купли-продажи полковнику Ливингстону. Уполномоченные до последнего настаивали на том, что Шесть наций продали земли и что их великий вождь Брант был свидетелем этой продажи. В ответ на что Каунаваги настаивали на том, что Шесть наций имеют не больше прав продавать земли, на которые они претендуют, чем распоряжаться городом Нью-Йорком. [FN-1] Вожди Каунаваги, вероятно, не совсем понимали ни дело о продаже имущества полковнику Ливингстону, которое было отменено как противоречащее основному закону штата, ни положение, в котором стояло имя Джозефа Бранта в этом деле. Напротив, на них, похоже, произвела впечатление идея о том, что Брант и ирокезы продавали *свои* земли *государству*. Следствием этого стали разногласия между каунавагами и могавками, которые доставили старому Вождю бесконечное количество неприятностей — даже после того, как дело между первыми и штатом Нью-Йорк было мирно закрыто. Обвинения семьи Каунавага сводились к следующему— Брант и ирокезы продали свои земли государству и прикарманили вырученные средства. Брант с негодованием отверг это обвинение. Что касается акта купли-продажи, свидетелем которого он был, он подтвердил, что ни один фут территории, на которую претендовали каунаваги, не был включен в его состав, но что продажа касалась только части земель, принадлежащих сенекам. Он потребовал от каунавагов их полномочий для предъявления обвинения против него самого и индейцев Гранд-Ривер. Они ответили, что их информация была получена из заявлений должностных лиц штата Нью-Йорк в Олбани. Брант начал переписку с Джорджем Клинтоном [FN-2] и губернатором Джем по этому вопросу, переговоры начались при администрации первого и были завершены при последнем. Но, не удовлетворившись ничем, вытекающим из переписки, он отправил делегацию своего племени в Олбани, [FN-3] во главе которой стоял его приемный племянник Джон Нортон, чтобы встретиться лицом к лицу с аналогичной делегацией от коунавага и потребовать от своих обвинителей, связанных с правительством штата Нью-Йорк, либо обосновать свои обвинения, либо оправдать его в присутствии обеих делегаций. Документы капитана Бранта довольно подробно описывают этот спор, который, по-видимому, затронул его с особой остротой. Результат этой двойной миссии в Олбани, однако, точно не известен, за исключением того, что Шеф был не очень доволен ею. По крайней мере, это видно из тона прилагаемого письма к его другу Томасу Моррису, который в то время был членом законодательного собрания Нью-Йорка и которому он передал своим заместителям рекомендательные письма:

[FN-1] Выступление Семи наций перед комиссарами в Олбани в мае 1796 г.

[FN-2] См. Приложение, № XI.

[FN-3] Брант ранее, в 1797 году, посетил Олбани по тому же делу в сопровождении плантатора кукурузы и двух или трех других сахемов. Прибыв в Канаджохари вечером, Брант со своим отрядом навестил майора Хендрика Фрея, который служил на благо короны во время Революционной войны, но вернулся в свое родное графство после завершения конкурса. Встреча Бранта с Фреем была похожа на встречу двух братьев. Компания отправилась в таверну, где они весело провели время в течение долгой ночи, были рассказаны многие из их приключений во время войны, среди которых была дуэль, на которой сражался Фрей, секундантом которого был Брант. В ходе этих отношений плантатор Кукурузы признал, что застрелил девушку, собиравшую ягоды в окрестностях форта Стэнвикс, как об этом рассказал

полковник Уиллетт и процитировал в первом томе настоящей работы. Плантатор кукурузы сказал, что он рыскал вокруг форта, чтобы захватить пленницу, но, не добившись этого, выстрелил в девушку. Хозяин гостиницы по имени Рольф в то время проживал недалеко от Форта Стэнвикс, и, услышав об этом, он с трудом удержался от того, чтобы не расправиться с плантатором Кукурузы.—[Беседы автора с доктором Джонатаном Эйтсом из Олбани, который, будучи в то время ординатором майора Фрея, был одним из участников вечеринки.]

"КАПИТАН БРАНТ - ТОМАСУ МОРРИСУ, ЭСКВАЙРУ

"Гранд-Ривер, 4 апреля 1799 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

Прошло уже некоторое время с момента возвращения мистера Нортон и вождей племени каюга из Олбани; они рассказали мне о том, как к ним там относились, и о бизнесе, которым они занимались; и особенно о вашей дружбе и помощи, оказанной им во время пребывания там; за что я не мог не воспользоваться первой возможностью, чтобы выразить вам мою самую сердечную благодарность за дружбу, которую вы им оказали, и надеюсь, что вы не сочтете нас незамеченными за оказанную услугу.

"В то же время я не могу не выразить вам своего удивления поведением вашего правительства в отношении дела Каунавагов. Во-первых, похоже, что их Уполномоченные обошлись с этим делом настолько таинственно, что заставили этих людей поверить, что мы продали их земли; сначала они обманули нас, включив всю эту страну в подтверждение сделки мистера Ливингстона с мистером Оливером Фелпсом, под которым Сенека подписали свои имена, только предполагая, что они продали часть своей собственной страны, и под которым я подписался как свидетель. Это было использовано, чтобы убедить каунавагов, что у них нет прав на страну, в которой они живут; и я узнал, что только после долгих споров ваше правительство признало, что они никогда не платили никаких денег ни мне, ни Пяти нациям за эти земли, и что они никогда не рассматривали ни у кого из индейцев права на них, ни у каунавагов, ни у Пяти наций. Если бы они только сказали это сначала, когда имели дело с каунавагами, и не ставили под сомнение наше имя, они бы избавили нас от огромных неприятностей. И теперь я не могу представить, какие веские причины у них могли быть, чтобы отказать нашим заместителям в письменном подтверждении того, что они никогда не платили нам никаких денег за эти земли, на которые претендуют каунаваги, чего они, несомненно, никогда не делали. Все еще кажется, что они хотят придать этому делу таинственный характер и уклоняться, насколько это возможно, от тщательного выяснения обстоятельств, чтобы удержать Каунавагов от дальнейших претензий к ним; поскольку теперь нам кажется совершенно очевидным, что они причинили этим людям зло. Однако их поведение во многом соответствует нецивилизованному характеру судьи Бенсона, который, как я выяснил, был одним из уполномоченных; и тому, что губернатор оставил это дело в основном ему, который, я знаю, снял бы шкуру с кремня, если бы это было возможно, если бы он принадлежал индейцам ". [FN]

Судья Бенсон был всего лишь одним из уполномоченных; но, вероятно, это правда, что дело было полностью доверено ему. В первоначальном отчете о договоре с Каунавагами от мая 1796 года, содержащем полностью записанные речи обеих сторон, найденном автором среди бумаг Бранта, подпись судьи Бенсона стоит отдельно в конце всего текста.

- Я намерен, для собственного удовлетворения, опубликовать в газетах все дело от начала до конца.

"Доктор сэр, я ваш покорнейший слуга. Служу Джосу. БРАНТ.

"Томас Моррис, эсквайр."

В июле того же года Брант лично отправился в страну каунавага в сопровождении группы вождей нескольких племен с целью тщательного расследования в Генеральном совете. Такой совет был созван; и трудности, судя по отчетам о выступлениях, сохраненным капитаном Брантом в письменном виде, были всесторонне обсуждены — и это тоже в самой дружественной манере. Из нескольких намеков в этих речах следует, что все затруднения были вызваны "щебечущими птицами" и махинациями против капитана Бранта старого сахема Онейды, полковника Луиса. Костер Совета был зажжен 8 июля. 9-го числа капитан Брант был удовлетворен приведенными объяснениями и заметил, "что он вырвал сосну и посадил под ней маленькую птичку, которая рассказывает истории"; 10-го числа вождь Каунавага ответил: "Брат, мы возвращаем тебе благодарность; мы также присоединяемся к тебе, чтобы поместить птицу-щебетунью под землю, откуда была взята сосна, там есть быстрый ручей, в который она упадет, который унесет ее в Большое море, откуда она никогда не сможет вернуться".

Результат работы Совета, по-видимому, был удовлетворительным для всех. Действительно, как вскоре после этого написал сам Брант корреспонденту "в Штатах", он был несколько удивлен тем, что ему так мало пришлось столкнуться на их встрече: "Мы ожидали, что им было бы что сказать нам; но вместо этого они сказали, что никогда не обвиняли нас самих — что они интересовались этим вопросом только из того, что сказали жители Нью-Йорка; и что теперь они надеются, что мы будем настолько добры, что согласимся похоронить все это дело под землей". Сэру Джону Джонсону он впоследствии написал в следующих выражениях: "Без сомнения, задолго до этого вы получили достоверный отчет о нашем деле с каунавагами, который убедил вас и весь мир в нашей невиновности. Вы знаете, что я должен был быть лидером в этом бизнесе, и как часто меня ложно обвиняли. Но в ходе расследования моя правота всегда была достаточно доказана. Это их беспочвенное обвинение привело к большим расходам как для правительства, так и для нас, и я должен ожидать, что, убедившись в их ошибке, следует признать те большие неприятности, которым они нас подвергли".

[FN] Имя этого корреспондента не указано в первоначальном варианте письма, сохранившемся среди бумаг Бранта.

Но не успели трудности с Каунавагой закончиться, как ему пришлось столкнуться с другими, еще более затрагивающими его финансовую неприкосновенность, что его немало раздражало.

Вокруг него были деятельные люди, официальные и неофициальные, которые по своим собственным причинам недоброжелательно смотрели на миссию Тейонинхокаравена. Эти люди были настолько решительно настроены против притязаний индейцев, что были вынуждены прибегнуть к совершенно неоправданным средствам не только для того, чтобы обойти переговоры Нортон, но и для того, чтобы подорвать власть и влияние самого старого Вождя. С этой целью разжигались внутренние раздоры, даже среди его собственных сородичей, могавков. Вождя снова обвинили в казнокрадстве; и хотя предоставление территории Гранд-Ривер было общеизвестно сделано исключительно в интересах народа могавков, все же сенека и другие ирокезские народы, не проживающие в Канаде, были побуждены заявить о своем праве голоса в управлении этими землями и во внутренних отношениях этого народа в силу их конфедеративной лиги, которая никогда прежде не рассматривалась как наделяющая их какими-либо подобными правами или полномочиями. В развитие замысла низложить Бранта и сорвать усилия Нортон в Англии, в Буффало-Крик был созван Совет Шести наций под руководством вождей племени Сенека, Красной Куртки и Брата Фермера; на нем все действия Бранта и Нортон были официально дезавуированы, а сам Брант свергнут с поста вождя Конфедерации, во главе которой он стоял более четверти века. Его сподвижники сахемы-ирокезы также были смещены, а другие взяты в плен, поскольку Иеровоам выбирал своих священников из низших слоев народа, назначенных на их место. На этом Совете не присутствовал никто из вождей могавков, кроме нескольких недовольных и наиболее никчемных представителей нации, на которых напали белые противники главного Вождя. В других отношениях, согласно древним обычаям Конфедерации, все это движение было незаконным. Совет не созывался при пожаре в Национальном совете, который много лет назад регулярно переносился из Буффало-Крик в деревню Онондага на Гранд-Ривер. Кроме того, если не считать того факта, что сенека и другие лица, проживающие на территории Соединенных Штатов, не имели права голоса во внутренних делах или на землях ирокезов, Всеобщая конфедерация не была представлена должным образом или юридически. "Красная куртка", однако, была готовым инструментом в руках противников Бранта. На всех советах, на которых двум Вождям посчастливилось встречаться для ведения бизнеса, между ними было мало сердечности и еще меньше дружбы. *Яу-го-я-ват-хо*, или Красная Куртка, не был вождем по рождению, но стал им благодаря своей хитрости. Он был искусен, красноречив и честолюбив. Стремясь к званию вождя, он воспользовался суеверными наклонностями своего народа для достижения своей цели. Его первое эссе состояло в том, чтобы увидеть во сне, что он был или должен был быть Вождем и что Великий Дух разгневался из-за того, что его нация не возвела его в это достоинство. Эти сны с необходимыми вариациями повторялись до тех пор, пока, к счастью для него, среди сенека не вспыхнула оспа. Затем он объявил это отвратительное наказание судом Великого Духа из-за неблагодарности нации к нему. Следствием, в конечном счете, стало то, что, льстя одним и воздействуя на суеверные страхи других, он достиг цели своего честолюбия. Брант, однако, всегда, при всех подходящих случаях, называл его трусом — величайшим трусом своей расы. Он обычно говорил, что Красная Куртка всегда был отважен в бою своим языком; но что, хотя своим красноречием он убедил многих воинов сражаться, он всегда был осторожен, чтобы самому не подвергаться личной опасности. Он также утверждал как факт, что, отправив других на тропу войны, он обратится к ним, украдет и убьет их коров для собственного использования. [FN-1] Таким образом, страдая от презрительного обращения вождя племени ирокезов, красноречивый демагог сенека не отступил, добившись, как он надеялся, свержения своего врага, если не соперника. Следовательно, в течение многих лет,

предшествовавших тайному созыву совета для низложения Бранта, Красный Мундир со всем искусством и усердием старался вызвать зависть и недоверие к нему. [FN-2]

[FN-1] Беседы автора с Томасом Моррисом, эсквайром. Этот джентльмен во время своего пребывания в западной части Нью-Йорка близко познакомился с сенека и могавками, особенно с их вождями, оказав содействие в заключении нескольких договоров с ними. Однажды он принимал Бранта, Красную Куртку и ряд других вождей в своем собственном доме в Канандайгуа. За обедом Брант был очень забавен и, среди прочих историй, рассказал о подвигах Вождя племени Сенека по убийству коров в такой лукавой манере, что привлек внимание всей компании к Красной Куртке и в то же время заставил самого Красную Куртку натянуто рассмеяться.

[FN-2] См. Свидетельство Израэля Чапина относительно общего характера Бранта и необоснованной зависти, возбуждаемой против него его оппонентами, Приложение, № XII.

Сам вождь был, конечно, заблаговременно проинформирован о том, что произошло, и о способах организации заговора, о котором он, по-видимому, написал полный отчет своему другу, герцогу Нортумберленду. Была обнаружена копия только части этого послания. На нем нет даты, но, должно быть, оно было написано в 1805 году нашей эры.

"КАПИТАН БРАНТ - ГЕРЦОГУ НОРТУМБЕРЛЕНДСКОМУ.

"ДА БУДЕТ УГОДНО ВАШЕЙ СВЕТОСТИ:

"Поскольку мой племянник Тейонинхокаравен благополучно вернулся, благодарность побуждает меня выразить вам мою самую сердечную благодарность за очень добрый прием и помощь, которые вы ему оказали, и выразить сожаление, которое испытываем я и другие вожди Пяти народов, населяющих Гранд-Ривер, что после хлопот, которые ваша светлость предприняли в наших делах, он был разочарован тем, что они завершились к нашему удовлетворению интригами Агента по делам индейцев (некоего мистера Клауса), о чем я возьму на себя смелость дать вам краткий отчет.

"Когда вследствие теплой поддержки, которую вы оказали моему племяннику, покойный губернатор получил депеши из Англии в пользу индейцев, Агент с помощью своих инструментов интриги намекнул, что он собирается совершить нечто во вред им, если они немедленно не предотвратят это. Но, обнаружив, что он не смог добиться успеха на Гранд-Ривер, несколько простых людей отправились в Буффало-Крик, деревню пяти наций на границе с Америкой, где у них был совет, а затем отправились на Ниагару, где мистер Клаус, Агент, продиктовал им то, что было отправлено в Англию Несколько главных вождей из Буффало, которые подписали контракт, являются пенсионерами американцев; один из них, Красная Куртка, или *Убийца коров*, оратор и величайший трус из всех пяти наций, в Коннектикуте (в Новой Англии).) Ассамблея поклялась или обещала, целуя портрет генерала Вашингтона, быть верной своим интересам. Но чтобы их численность казалась более респектабельной, все простые люди подписались как Вожди из деревень на американской стороне, как и те немногие, с тремя или четырьмя мелкими

вождями, которые пришли с Гранд-Ривер. Бедняги, получив обещания и подписав контракт вместе с офицерами, давно ожидали получить свои комиссионные; и даже некоторые из них ожидали получить известие о них от Тейонинхокаравена. Смысл письма заключался в том, что миссия и действия Тейонинхокаравена должны быть запрещены и дезавуированы; что я должен быть смещен с поста вождя; и что несколько поселенцев, представленных Вождями —"

Видеозапись свидетельства капитана Леонарда и других американских офицеров, находившихся в то время на Ниагаре.—Приложение, № XIII.

Здесь копия этого сообщения резко обрывается. Но хотя упомянутые действия были переданы в Англию противниками Шефа и повлекли за собой последствия, фатальные для миссии Нортон; все же неудача, с точки зрения самого Шефа, была столь же сигнальной, поскольку заговор во всех отношениях был неоправданным и несправедливым. Всего за несколько месяцев до этого разбирательства, основанного, в основном, на предполагаемых растратах или неправильном присвоении доходов его страны, в Гранд-Ривер был созван Генеральный совет, на котором присутствовали вожди и воины, заместитель и генеральный суперинтендант, а также главные военные чины провинции, и на котором денежные операции капитана Бранта были полностью расследованы — признаны точными и одобрены. Разбирательство на этом соборе, по-видимому, было продиктовано в самом дружеском духе; и, судя по их виду, ничто не могло быть более маловероятным, чем возобновление обвинений, которые, как тогда было так тщательно доказано, не имели под собой никаких оснований. [FN]

[FN] См. Приложение, № XIV.

Но старый Вождь не оставался пассивным при его преследованиях. Он воспользовался первым случаем, чтобы встретиться с советом фракции своей собственной нации, выступавшей против него, и в не очень сдержанных выражениях упрекнуть их в неблагодарности. Его обращение было записано полностью на диалекте ирокезов, а затем распространено в форме обращения к его нации. [FN] После энергичного обзора его жизни и услуг, которые он оказывал им с начала Революционной войны, апелляция продолжалась:—

[FN] Этот документ никогда не переводился капитаном Брантом. Отдельные части рукописи неразборчивы, но все, что можно прочесть, переведено для использования автором.

... "Поэтому меня поражает, что после всего, что я для вас сделал, я слышу, как почти все вы, от мала до велика, присоединяетесь к полковнику Клаусу и говорите обо мне, что я присвоил ваше имущество, и тому подобные резкие речи, которые, как вы знаете, лживы, — в то время как вам даже в голову не приходит упомянуть о многих важных услугах, которые я вам оказал, о многих лишениях, которые я перенес из—за вас, и о путешествиях, которые я предпринял для вашей пользы - за время и расходы, за которые вы никогда не заплатили мне ни пенни . . .

Филадельфия: американцы разговаривали со мной в очень дружелюбной манере и предложили мне большие подарки для меня и семьи, если я предотвращу дальнейшие нападения индейцев. Но я решительно отказался принимать от них что-либо, чтобы не нанести ущерб вашему

доброму имени как индейцев Шести наций. И опять же, я знал, что король не допустил бы, чтобы я нуждался; и если бы я принял что-нибудь в то время, то могли бы подумать, что я был подкуплен и стал предателем, что, будучи обнародовано, было бы позорно для меня и вредно для вас, как для моего народа. Я думал, что могу положиться на наших белых братьев, подданных короля, если мне когда-нибудь понадобится их помощь. . . . Там был тракт Гранд-Ривер, на котором я мог бы завести ферму и жить за счет ее продуктов. Этих соображений было более чем достаточно, чтобы удержать меня от получения ценных подарков, предложенных для моего принятия. . . . Я думаю, что единственный способ, которым я мог бы удовлетворить вас, - это заплатить из моего собственного кошелька за каждую вещь, которая должна быть израсходована для ваших общественных нужд. Мое единственное преступление в том, что я хочу сделать вас счастливым народом и дать вам возможность навсегда называть свою землю своей, не оставляя сомнений в том, ваша она или нет. Я говорю, что вы были бы очень довольны, если бы все можно было сделать для общего блага Шести наций, не расставаясь ни с пядью земли для оплаты непредвиденных расходов. Полковник Клаус спрашивает вас, куда ушли ваши деньги? Он никогда не спрашивает, куда делись доходы от продажи ваших земель, иначе вы могли бы сказать ему, что они пошли на помощь в строительстве его великолепного дома. Всякий раз, когда у меня была возможность воспользоваться какими-либо вашими деньгами, я никогда не трогал ничего, кроме процентов, и оставлял основную сумму целой. Но ваш друг Клаус вложил основную сумму и проценты вместе; и все же вы приходите в мой дом с жалобами. . . . Я спрашиваю еще раз, что вы не одобряете в моем поведении? Если вы можете указать на что-либо, я хотел бы это услышать. Или вы скажете, что все, что я делал, было сделано во вред вам, а не для вашей пользы?"

- Я говорю, что не могу найти во всем, что я сделал, ничего такого, что могло бы повредить вам или делу короля. И все же вы говорите обо мне как о своем враге — как о человеке, который делает все возможное, чтобы навредить вам; и я не сомневаюсь, что вы, кто меня слышит, в глубине души испытываете ко мне такие же чувства, хотя я неоднократно повторял вам, что мои действия способствовали возвышению вашего имени, а также моего собственного; и в других случаях, когда я мог бы обогатиться, я отказывался принимать их, опасаясь запятнать ваше имя. И все же вы почти заклеили бы меня именем вора, хотя ни один из вас никогда не выделял ни пенни на оплату моих расходов, когда я путешествовал по вашим общественным делам.

Первоначальная рукопись этого обращения сильно потрепана, особенно в той ее части, которая содержит обзор его заслуг в связи с войнами северо-западных индейцев с Соединенными Штатами. Были переведены только следующие фрагменты предложений на эту тему:—

... "Каждый из нас думал, что, сражаясь за короля, мы должны обеспечить себе и детям хорошее наследство. . . . В другой раз, на последнем совете, который мы проводили, когда американцы разговаривали с индейцами, я поговорил с Оцинарентой и сказал: "Если американцы потерпят неудачу ... Я хотел бы пойти и удивить Уэйна, когда он меньше всего этого ожидает".

Очень скоро стало очевидно, что мнимое низложение ветерана-ирокеза по наущению белых людей и при непосредственном посредничестве Красных Мундиров не было актом большого сообщества Шести наций, а тем более его собственной нации; и попытка поколебать веру их "отцов в совете" в совершенную честность Вождя, который так долго был их лидером в кабинете

министров и на местах, была сигнальным абортom. Вскоре после этого состоялось собрание вождей и воинов, на котором, судя по сохранившимся фрагментам процесса, вся полемика возобновилась. Из одной из речей извлечены следующие отрывки, непосредственно связанные с позицией и поведением Бранта, а также с судебным разбирательством против него:

"БРАТ, ПОСЛУШАЙ! Разве не так бывает, когда даритель получает подарок, что ему и в голову не приходит снова завладеть им? Но кажется, что мы находимся в таком затруднительном положении — нас не считают настоящими собственниками. Мы опечалены и пристыжены тем, что так много должно было быть сказано по этому вопросу, не получив подтверждения в соответствии с первым обетованием.

"БРАТ: Мы обнаруживаем разногласия среди нас. Молодые люди думают взять на себя инициативу, которые ничего не знают о наших делах и о том, что мы перенесли на войне. Согласно первому образованию нашей конфедерации, могавки были ведущей нацией. Так было с момента нашего основания на Гранд-Ривер. Поэтому наш главный шеф, капитан Брант, был первым в наших делах, с которыми он досконально знаком.

"БРАТ: Ходили слухи о наших деньгах и о том, как они были использованы. Мы, которые занимались общественными делами, знаем, куда это ушло. Он не всегда путешествовал и был занят своими собственными заботами — это были заботы общенности. Он побывал на другом берегу моря и несколько раз в Квебеке; и всегда в этих путешествиях тратил свое собственное имущество, мы никогда не собирали для него никаких пожертвований. И теперь то, чем он, возможно, воспользовался, - это только проценты. Из основной суммы ничего не было изъято. Оплата за один населенный пункт была произведена без каких-либо просрочек. Мы полностью удовлетворены всеми его сделками.

"БРАТ, ПОСЛУШАЙ! То, что было сделано в Буффало и что вы подтвердили и отправили на другой берег, было делом, которого никогда прежде не происходило, в котором они притворяются, что пытаются сломить нашего Вождя, капитана Бранта. Но мы уверяем тебя, брат, что этого не будет, ибо мы не знаем, что он настолько согрешил, чтобы заслужить такое обращение. Также неуместно, чтобы вы одобряли подобные действия в пределах американской границы, совершенные индейцами, населяющими эту территорию".

В той же обстановке *Чаосенногтс*, или *Дугуин*, вождь племени Сенека, произнес следующую речь:—

"БРАТ: Вы видите здесь остатки воинов, сражавшихся в прошлой войне, чьи сердца опечалены тем, что они дожили до того, чтобы увидеть нынешнее изменение нашего отношения и нашей ситуации. Существующие между нами разногласия и попытки молодых людей отстранить Вождей имеют не что иное, как индейский склад ума. Именно там молодые люди получают от щедрот его Величества то, что было предназначено для тех, кто сражался и пострадал за его дело, а теперь к ним относятся с пренебрежением. Именно это заставляет их воображать себя способными и влиятельными людьми. Теперь им легко сказать, что ничего нельзя сделать или нет опасности, что они лояльны и на стороне правительства. Мы и сейчас не менее лояльны, уверяем вас; и когда требовали обстоятельства, мы давали доказательства нашей привязанности. Но мы знаем, что наш Великий Отец не менее щедр, чем богат, и ему не нужны наши земли. Мы также не можем считать, что отступаем от своего долга, желая сохранить их для

наших потомков, ибо мы бедны. Сеятелем разногласий является не капитан Брант, но именно то, что я только что упомянул, вызывает раскол среди нас.

"Брат: Право быть вождем, согласно нашим обычаям, проистекает либо из наследственной линии по женской линии, либо из того, что он отличался достойным поведением, чтобы быть принятым в качестве такового. Этого не было при поздней встрече, которую вы санкционировали. Мы знаем, что один из них, к которому вы проявляете большое уважение, был, по вашему мнению, отличен некоторыми вещами, которым мы не привыкли уделять такое уважение".

Наконец, на этом или последующем Генеральном совете была произнесена речь, составленная в форме декларации, подтвержденная подписями и печатями шестнадцати наиболее выдающихся вождей, проживающих на Гранд-Ривер и представляющих могавков, кайюгу, огвагу, тускарорас и одного вождя делаваров; она самым недвусмысленным образом свидетельствовала о неприкосновенности Тайенданеги и подтверждала их неизменную уверенность в том, что он добросовестно ведет их дела в качестве представителя в вопросах их земель. В этом документе говорилось, что некоторое время назад он сам пожелал уйти из этого агентства и что он согласился остаться в нем только по их настоятельной просьбе — он требовал, чтобы из разных племен был выбран совет из двадцати четырех вождей, которые действовали бы в качестве советников и, вероятно, разрешали все вопросы, вызывающие сомнения или противоречия. "Это, - говорится в заявлении, - было сделано, но в то же время мы желали, чтобы он продолжал стоять во главе. И далее, услышав, что все еще существует множество препятствий, препятствующих справедливому завершению нашего земельного дела, мы теперь единодушно обновляем и укрепляем его в качестве агента, которого, исходя из нашей уверенности в его честности после того, что уже произошло, мы заверяем себя, что он приложит все усилия на этом посту, насколько это в его силах, для содействия общему благосостоянию. Поэтому этими словами мы призываем его продолжать проявлять умеренность и терпение и тешим себя надеждой на справедливость наших братьев, британского правительства и его способностей, что все трудности, наконец, будут преодолены".

Ничто не могло быть более ясным, чем это свидетельство об оправдании, поскольку обвинения против Вождя были связаны с его управлением земельными делами своего народа. Но его оправдание на этом не остановилось. Вскоре после возвращения Тейонинхокаравена на Гранд-Ривер на Ниагаре был созван генеральный совет Шести наций с целью встретиться с заместителем генерального суперинтенданта и выразить торжественный протест против заседания совета, на котором Красная Куртка и Брат Фермера претендовали на смещение Тайенданеги. В течение нескольких дней Депутат отказывался от заседания Совета под предлогом ожидания присутствия мистера Селби, джентльмена из Детройта. Но поскольку этот джентльмен не прибыл, и было неясно, когда он приедет, если приедет вообще, Вожди решили продолжить свое дело. Помощник шерифа в сопровождении полковника Проктора встретился с Начальством только для того, чтобы повторить свое оправдание и заявить, что при существующих обстоятельствах он не будет слушать то, что они хотели сказать. Вожди, однако, решили продолжить свои обсуждения; и их протест, все еще существующий в виде хирографии капитана Бранта, был зачитан и одобрен советом в присутствии нескольких офицеров гарнизона, а также нескольких выдающихся гражданских лиц. Этот документ содержал краткий обзор разногласий, касающихся земель; цель миссии Нортон в Англию; частичный успех этого агента — которому помешало только использование работы несанкционированного и

незаконно созданного совета Red Jacket - обзор этих действий; и протест против всего в целом. [FN] После завершения чтения поднялся *Окогсеннионте*, вождь племени каюга, и объявил об общем одобрении документа советом.

[FN] См. Приложение, № XV.

Считается, что после этих разбирательств попытки низложить Бранта и лишить его поста вождя прекратились. В любом случае они не увенчались успехом, и он оставался во главе могавков, а следовательно, и Конфедерации, до дня своей кончины.

Но, даже несмотря на все эти разочарования, в намерения неутомимого Вождя не входило отказываться от своих усилий добиться справедливости для своего народа руками вышестоящего правительства. С этой целью было решено совершить еще один визит в Англию либо ему самому, либо Нортону, а возможно, и им обоим. Это решение было объявлено герцогу Нортумберлендскому в письме в начале 1806 года:

"КАПИТАН БРАНТ - ГЕРЦОГУ НОРТУМБЕРЛЕНДСКОМУ.

"Гранд-Ривер, 24 января 1806 года.

"МИЛОРД ГЕРЦОГ,

"Доброе и нежное письмо, которое я получил от вашей светлости, глубоко проникло в наши сердца чувством чести, которую вы оказываете пяти нациям, с искренним уважением, которое вы выражаете к их благополучию; и мы надеемся, что наше будущее поведение и поведение наших потомков, возможно, никогда не перестанут вызывать подобные чувства в благородных сердцах лидеров британской нации. Ибо, каким бы оскорбительным для наших чувств или наносящим ущерб нашим интересам ни было обращение, которому мы подвергались и все еще продолжаем подвергаться в этой стране, наша опора на отеческую защиту его Величества и доверие, которое мы всегда возлагали на человечность, любовь к справедливости и честь вашей нации, не ослабевает.

"Причина, по которой я так долго откладывал письмо вашей светлости, заключается в том, что с прибытием нового губернатора [FN-1] у меня появились некоторые надежды на то, что все, что касается наших земельных дел, могло быть выполнено к нашему удовлетворению в этой стране. Но теперь эти надежды рухнули, поскольку внешний вид дает мне основания опасаться, что старый совет (в основном состоящий из людей, находящихся под влиянием ненасытной жажды земель) настолько настроил его Превосходительство против нас, что не оправдал того, чего мы могли бы ожидать от врожденной благожелательности представителя нашего отца. Поэтому настоящие вожди и верные воины полны решимости последовать братскому совету вашей светлости. [FN-2] Следовательно, либо мы оба, либо Тейонинхокавен, [FN-3] предпримем еще одну попытку в Англии, облеченные всеми полномочиями наших стран, в письменной форме, в соответствии с европейскими обычаями, которые ваше расстояние и наше положение в настоящее время делают абсолютно необходимыми. Некоторые небольшие трудности требуют задержки, иначе мы немедленно отправились бы в путь".

[FN-1] Сэр Фрэнсис Гор.

[FN-2] Содержится, вероятно, в письме герцога, которое не было найдено.

[FN-3] Джон Нортон.

"Его превосходительство заявил, что он получит известие от нас только через мистера Клауса, главу Департамента по делам Индии, который является нашим непримиримым врагом; и, исходя из того, что уже произошло, мы уверены, что он сделает все, что в его силах, чтобы помешать нашему успеху. Прежде чем получить какую-либо речь, он просит нас предоставить ему ее копию; но сам, когда он в последнюю очередь притворился, что выступает в защиту того, что мы высказали на Ниагаре в июле, ссылаясь на то, что он ввел в заблуждение британское министерство неподобающими именами, отправленными в Англию, чтобы помешать миссии Тейонинхокаравена, он прочитал свою речь таким тихим голосом, что ее могли слышать только те, кто сидел рядом с ним, и впоследствии отказался предоставить нам ее копию. Таким образом, мы остаемся в таком же неведении относительно того, что он утверждал в свою защиту, как если бы он вообще не произносил речи.

"Та же самая уверенность в добросовестности наших союзников, которая вдохновляла меня проявлять мужество в самых сложных ситуациях во время войны и призывала к подобной настойчивости тех, кого могли поколебать чрезвычайные трудности или американские интриги, все же побуждает меня надеяться на справедливость, несмотря на облака, которые заслоняют нас от нее.

"Мистер Уайатт, генеральный инспектор этой провинции, делает мне одолжение, принимая это. Копию речи, произнесенной в Ниагаре в июле прошлого года, Тейонинхокаравен отправил вам несколько месяцев назад; так что я надеюсь, что вы получили ее к этому времени. С самым искренним уважением и благодарностью я остаюсь,

"Верный друг и брат-воин вашей светлости, Джос. БРАНТ, *Тайенданегия*.

-Его светлость ГЕРЦОГ НОРТУМБЕРЛЕНДСКИЙ, *Торигвагери*. -

"ГЕРЦОГ НОРТУМБЕРЛЕНД КАПИТАНУ БРАНТУ.

"*Нортумберленд-Хаус, 5мая 1806 года.*

"Мой очень хороший Друг и Брат-Воин:

"Я благополучно получил ваше письмо от 24 января, которое дошло до меня 23 числа прошлого месяца, со всем тем удовольствием, которое, естественно, испытывает друг, когда он получает письмо от другого друга. Я рад обнаружить, что интерес, который я проявлял к делам Пяти наций, был приемлем для их Правления, как и для меня, поскольку я принадлежу к их сообществу. Они могут быть уверены, что я всегда буду рад помочь им в меру своих сил.

"Мне было очень жаль, что усердие моего брата Тейонинхокаравена не увенчалось успехом; но я могу заверить вас и Вождей Пяти наций, что это произошло не из-за недостатка постоянного внимания и самого неослабного рвения с его стороны. Ни один человек, обладающий большими способностями, чем он, не смог бы выполнить миссию, на которую его послали. Это всего лишь проявление справедливости по отношению к нему - пожелать, чтобы вы упомянули об этом Генеральному совету, когда они соберутся.

"Имена тех, кто доверял фиктивному совету мистера Клауса, вычеркнуты из руководства этой страны, и в их кабинете назначены более разумные министры, и я думаю, что те, кто сейчас занимает высокие государственные посты в этом королевстве, прислушались бы к пожеланиям наших братьев из Пяти наций. [FN] Я буду счастлив, если смогу быть полезен им в обеспечении исполнения их желаний. Но прежде чем я попытаюсь что-либо предпринять, я должен четко понять, каковы желания Пяти наций. Желают ли они получить подтверждение о предоставлении гранта сэром Фредериком Холдимандом и (если возможно) получить его в соответствии с Великим Тайенданегией и т.д. с Печатью Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии? Согласятся ли они (если такое будет предложено) включить в подтверждающий грант пункт, объявляющий об аннулировании гранта, если Пять наций в любое время расстанутся с территорией, предоставленной им таким образом, либо американцам, либо любой другой нации индейцев, либо любому другому лицу или лицам, не принадлежащим к Пяти нациям, или британскому подданному, без согласия короны Великобритании? Я упоминаю это обстоятельство, потому что, как мне кажется, мистер Кук намекал на что-то подобное, и неподобающая манера, в которой это было заявлено, дала основание предположить, что Пять наций не могли передать это или какую-либо его часть от одного индейца из Пяти наций другому индейцу из Пяти наций, чему никогда не намеревались препятствовать".

Герцог, вероятно, имел в виду роспуск администрации мистера Аддингтона в 1801 году и возвращение к власти мистера Питта. Правда, министерство последнего было распущено со смертью этого несравненного премьера в январе, предшествовавшем тому времени, когда герцог тогда писал; но, должно быть, это было министерство Аддингтона, которое находилось у власти во время миссии Нортон и которое было "размыто" роспуском после того, как Питт оставил его и выступил с оппозиционной речью даже на одной стороне с Фоксом.—Автор.

"Я должен, однако, посоветовать, чтобы либо вы, Тейонинхокаравен, либо какой-нибудь другой вождь прибыли сюда с должным разрешением вождей, чтобы провести сделку и окончательно уладить все это дело.

"Здесь есть несколько благонамеренных людей, которые очень хотят сформировать Общество, улучшающее (как они это называют) состояние нашей нации, путем превращения нас из охотников и воинов в земледельцев. Позвольте мне настоятельно рекомендовать вам и остальным нашим руководителям не прислушиваться к подобному предложению. Пусть наши молодые люди никогда не променяют свою свободу и мужественные упражнения на то, чтобы стать рубачами по дереву и носителями воды. Если бы они научили наших женщин прясть и ткать, это было бы полезно; но пытаться ослабить наших молодых мужчин, ничего не делая, кроме возделывания земли, было бы величайшим вредом, который они могли бы нанести Пяти нациям. Девятьсот или тысяча воинов, приученных к лишениям охотой, представляют собой наиболее респектабельное и независимое объединение; но во что превратилось бы такое же

количество людей, которые были бы простыми земледельцами? Они вряд ли оценили бы маленький приход, ищущий защиты у других, о котором едва ли слышали и который вынужден покорно подчиняться законам и постановлениям, установленным другими людьми, и неспособен защитить себя. Если вам нужен пример того, во что вскоре превратятся Пять наций, посмотрите только на индейцев Стокбриджа. Они, как и мы, когда-то были благородным и грозным племенем; теперь от них осталось меньше, чем от женщин. У некоторых людей, которые предлагают этот план, есть свои личные причины. Они хотят побывать среди вас, и когда они соберут вас вместе, чтобы научить обрабатывать землю, тогда они покажут вам, насколько малой части предоставленной вам земли достаточно для удовлетворения ваших потребностей, и затем попытаются убедить вас предоставить им оставшуюся часть в благодарность за те труды, которые они приложили, обучая вас сельскому хозяйству. Нет, мой дорогой друг и брат-воин, никогда не позволяй ни себе, ни своим Вождям поддаваться их убедительным доводам. Если вы это сделаете, помните, что я сейчас предсказываю, что вы станете бедным, зависимым и незначительным организмом, вместо того чтобы продолжать оставаться свободной, воинственной и независимой нацией, какой мы являемся сейчас. Я желаю видеть христианскую религию, трезвость и добрую нравственность преобладающими среди нашей нации; но давайте оставаться свободными и независимыми, как воздух, который веет на нас; давайте оставаться охотниками и воинами, способными вызывать уважение и поступать справедливо; но давайте никогда не покоримся тому, чтобы стать землепашцами, дровосеками и водоносами, следуя лживым и заинтересованным советам тех, кто из наших мнимых друзей вскоре стал бы нашими властными хозяевами. Прими это, мой добрый друг и брат-воин, от того, кто желает, чтобы Пять наций всегда оставались грозной нацией, заслуживающей уважения всех своих соседей, и кто искренне заинтересован в их благополучии. Скажи все, что подобает мне, моим братьям-Вождям, и поверь мне,

"Твоему верному другу и брату-воину, Нортумберленду, *Торигвагери*

"P.S. Дезон Хайкор (лорд Перси) желает выразить свою благодарность и выразить свое почтение вам и Тейонинхокаравену (Нортону), которому я желаю, чтобы вы также передали мои почтения. Я получил его письмо и напишу ему по этой почте, если смогу".

В соответствии с предложениями, содержащимися в предыдущей переписке, Тайендангеа лично подготовил еще одну миссию в Лондон. Он действительно начал свое путешествие и проследовал до Олбани, намереваясь сесть на корабль в Нью-Йорке. Однако возникли обстоятельства, которые сделали необходимым его возвращение в свою страну. Впоследствии, из-за финансовых трудностей, это предприятие было отложено на неопределенный срок, как видно из прилагаемого послания герцогу, которое, вероятно, было последним, адресованным этому дворянину его братом-лесным воином:

"КАПИТАН БРАНТ - ГЕРЦОГУ НОРТУМБЕРЛЕНДСКОМУ.

"*Исток озера Онтарио*, 26 июня 1807 года.

"Милорд ГЕРЦОГ,

"Последним я написал вам от генерального инспектора, мистера Уайатта, уведомляя вашу светлость, что Тейонинхокаравен или я должны снова пересечь море по поводу наших сухопутных дел и т.д. Вскоре после этого мы были официально назначены, совместно или по отдельности, генеральным советом вождей и воинов Великой Реки, который состоялся в деревне Онондага в соответствии с древним обычаем Пяти народов.

"Нехватка денег на поездку и подозрения в том, что в наше отсутствие снова будут предприняты новые интриги, направленные на то, чтобы сорвать наши усилия на благо общества, удерживают нас в настоящее время от осуществления намеченного путешествия. Но, полагаясь на уважение, которое, как мы знаем, ваша светлость питает к вашим братьям из Пяти наций и их интересам; на отеческую привязанность его Величества; и на справедливость британской нации; мы посылаем вам полученные нами полномочия; и просим, чтобы ваша светлость оказали нам вашу помощь в получении от его Величества подтверждения о предоставлении генералом Холдимандом Пяти нациям гранта за Большой Печатью; и что часть, которую мы передали правительству для продажи, оно гарантирует нам и нашим наследникам регулярную выплату денег за покупку, оговоренных в соответствии с предыдущим представлением.

"С величайшим уважением я имею честь быть

"Покорный слуга Вашей светлости и верный брат-воин"

По уважительной причине, которая будет изложена на заключительных страницах настоящей работы, претензии могавков больше не преследовались их старым и бдительным Вождем Тайенданега. И по сей день их разногласия с чиновниками короны полностью не прекратились.

ГЛАВА XIV.

Усилия Тайенданеги по моральному и социальному совершенствованию своего народа—Его религиозные взгляды—Усилия по религиозному просвещению своего народа—Письмо сэру Джону Джонсону по поводу привлечения постоянного священника—Дальнейшая переписка—Беседа Бранта с епископом—Разочарование—Письмо Верховному судье—Апелляция Бранта к лорду епископу, но безуспешно—Обращение к американской церкви—Письмо полковнику Берру—Удалось добиться рукоположения мистера Фелпса—Оценка характера Бранта духовенством—Письмо преподобного доктора Мейсона—Преподобный Брант Элкана Холмс—

Письмо Бранта преподобному доктору Миллеру—Пылкие духи—Усилия Бранта предотвратить их появление—Письмо сэру Джону Джонсону—Вмешательство женщин—Ответное обращение Бранта—Индийские игры и увеселения—Национальная игра в крикет—Великая игра на Гранд—Ривер между сенеками и могавками—Визит судьи Вудраффа в резиденцию Бранта—Описание его личности—Индийские похороны—Уважение к мертвым—Оценка женщин—Их влияние—Надгробная речь Сенеки—Джорджа—Смерть миссис Клаус—Речь соболезнования со стороны Капитан Брант—Ответ капитана Клауса -Визит Бранта в Нью—Йорк, Филадельфию и Хартфорд в 1797 году—Знаки внимания, оказанные ему в Филадельфии—Званный обед полковника Берра—Талейрана и других выдающихся гостей—Рекомендательное письмо полковника Берра к его дочери—Званный обед в его честь от мисс Теодосии—Его манеры описаны доктором Миллером и генералом Портером—Планы на его жизнь в стране могавков—Покойный Джон Уэллс—Поразительный инцидент в Олбани—Анекдоты—Брант и генерал Гансевурт—Брант и полковник Ван Кортландт — Причины, по которым Брант взялся за оружие ради короля - Его рассуждения в защиту индийского способа ведения войны.

Если бы в течение последних двенадцати лет его карьеры никакие другие вопросы, кроме рассмотренных выше, не требовали рассмотрения капитаном Брантом и активных личных усилий, его жизнь по-прежнему можно было бы считать наполненной необыкновенным трудолюбием. Но заботы, лежавшие на его плечах, были многочисленны и в других отношениях. Его стремление к моральному и социальному совершенствованию своего народа привело его к неусыпному надзору за всеми их домашними заботами. Каким бы грубым ни было их правительство, им все равно следовало управлять, и за ним должна была наблюдаться какая-то внутренняя полиция. Более того, управление их правительством, вероятно, сопровождалось не меньшими трудностями из-за особого положения, в котором находились индейцы племени могавков в тот конкретный период своей истории. Их общество находилось в переходном состоянии — они не были ни охотниками, ни земледельцами, но отчасти приобщались и к тому, и к другому; в то время как, несмотря на совет герцога Нортумберлендского, Вождь очень хотел отвлечь их от первого образа жизни ко второму. До того, как они покинули свою родную долину, многие из них добились значительных успехов в земледелии, сам Брант владел превосходной фермой по соседству с резиденцией генерала Херкимера, недалеко от замка Верхний Мохок; и хотя превратности войны снова забросили их в первобытный лес, совершенно непокоренных, Вождь не собирался отказываться от уверенности в своей сельскохозяйственной компетентности ради ненадежных запасов продовольствия на охоте.

[FN] Автор посетил плантацию, ранее принадлежавшую Бранту, осенью 1836 года. От его жилища не осталось ничего, кроме погреба. Однако его яблоневый сад был бережливым и плодоносил всюду.

Он также не был в неведении о том, что только может стать основой трудолюбивого и по-настоящему нравственного сообщества. Был ли он сам человеком экспериментальной религии в евангельском смысле этого термина - это вопрос, решать который не входит в компетенцию историка. Нет никаких сомнений в том, что он верил в великие и важнейшие истины Откровения, и столь же несомненно, что после своего возвращения из школы доктора Уилока он был предметом глубоких религиозных впечатлений. Но были ли эти впечатления полностью стерты за долгие годы напряженной и активной государственной службы, которой он

впоследствии был занят и как воин, и как политик — на полях сражений, в военном совете и в Индийском конгрессе, бродя по уединенным лесам своей родины или среди великолепного веселья британской столицы, — не в компетенции этого автора утверждать или отрицать. Как бы то ни было, как бы то ни было, он был человеком слишком проницательным, чтобы не понимать важность образования и религии как вспомогательных средств в продвижении морального и социального совершенствования своей нации; и преобладание свидетельств подтверждает мнение, что он никогда не заботился о духовных интересах своих подопечных. Было замечено, что, будучи совсем молодым человеком, он сотрудничал с епископальной церковью и другими христианскими миссионерами, помогая в переводе Церковного молитвенника и Священного Писания. И сразу же после завершения длительного конфликта, в котором он принимал столь активное участие, его снова обнаружили возвращающимся, по собственной воле, к тем же трудам и руководящим печатанием Евангелия от Марка и других религиозных произведений в Лондоне. Одним из его первых условий перед главнокомандующим при приобретении его новой территории было строительство церкви, школы и мукомольной фабрики; и как только войны с северо-западными индейцами были прекращены, религиозный принцип снова вступил в действие, и его мысли и усилия снова были направлены на то, чтобы донести до своего народа знание об их отношении к Богу и вытекающих из этого последствиях. В доказательство этого утверждения уместно ввести следующую букву:—

-КАПИТАН БРАНТ СЭРУ ДЖОНУ ДЖОНСОНУ, БАР'Т.

"Гранд-Ривер, 15 декабря 1797 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"С момента написания сопроводительного письма Вожди совещались о состоянии религии среди Пяти народов, которое сейчас, по-видимому, является предметом более серьезного рассмотрения среди них, чем раньше. Мы осознаем, сэр, благость правительства, среди прочих преимуществ, заключающуюся в том, что оно предоставило нам церковь, и мы давно хотели, чтобы священнослужитель постоянно проживал с нами; мы понимаем, что это в высшей степени способствовало бы распространению морали и христианских добродетелей среди нашего народа. Мы не жалуемся, сэр, на пренебрежение общества в этом отношении, поскольку мы удовлетворены тем, что их благожелательное внимание к человечеству соответствовало их средствам; по этой причине мы до сих пор не обращались к ним по этому поводу. Кроме того, мы понимаем, как трудно им, должно быть, найти подходящего человека, желающего поселиться среди нас в этом грубом и отдаленном квартале.

"Чтобы исполнить свой долг в этом важном деле и чтобы я мог покоиться с миром, я посоветовался с джентльменом с гуманитарным образованием, мистером Дэвенпортом Фелпсом, с чьим характером и семьей я давно знаком, у которого есть множество свидетельств о его литературных и моральных качествах, и который, я полагаю, согласится посвятить свою жизнь служению Церкви среди нас, при условии, что его светлость, епископ Квебека, сочтет нужным рукоположить его в священный сан. Мистер Фелпс с большой откровенностью замечает, что из-за того, что в течение ряда прошедших лет он не был так хорошо знаком с книгами, как ему хотелось бы, особенно с классическими, он неохотно проводит критический

анализ мертвых языков. Но, сэр, исходя из его общего, я бы сказал, почти универсального характера среди пронизательных, я считаю перспективу его полезности среди нас очень большой; и уверяю вас, что это желание Вождей в целом и мое самое горячее желание, чтобы он был рукоположен миссионером для Пяти народов на этой реке. И, исходя из вашего официального отношения к нам, я беру на себя смелость просить вас передать наши пожелания его светлости епископу относительно этого джентльмена, чтобы мы могли быть проинформированы, если возможно, до открытия Источника, будет ли персонаж, подобный описанию мистера Фелпса, одобрен его светлостью и сочтен подходящим предметом для рукоположения.

"Я, дорогой сэр, Ваш самый покорный слуга, Джос. БРАНТ.

-Сэр Джон Джонсон, Бар'т.

"P. S. Я знаю, вы извините мое замечание, но мы были бы рады узнать, какую сумму общество и какое правительство в отдельности сочтут уместным выделить нашему миссионеру; поскольку, если их пособий окажется недостаточно для его содержания, их нужно будет восполнить другими способами".

Баронет, не теряя времени, обратился с этим вопросом к епископу, но его светлость разрешил возникшие трудности, и последовала периодическая переписка, длившаяся два или три года, прежде чем пожелания индейцев о посвящении духовного учителя были удовлетворены. Первое возражение заключалось в том, что кандидат на получение орденов не был рассмотрен. В ответ капитан Брант извинился за их незнание необходимых условий и настоял на том, чтобы экзамен был сдан преподобному мистеру Аддисону, "который, сам просмотрев бланки, должен быть знаком с делом". И Вождя, и его людей раздражала задержка, и Капитан напомнил епископу через сэра Джона об обещании, данном ему архиепископом Кентерберийским в присутствии короля, что всякий раз, когда индейцы, построив церковь, будут готовы к религиозному обучению, он сделает все, что в его силах, чтобы удовлетворить их нужды.

Весной 1798 года Шеф полиции вел серьезную переписку с мистером Расселом, губернатором провинции, по этому вопросу, в ходе которой в одном из своих писем он сказал: "Что касается любой неопределенности или трудностей, которые могут возникнуть при получении жалованья от правительства, мы хотели бы, чтобы это не полностью ограничивало его светлость; ибо, если правительство не захочет предоставить пособие священнослужителю, скорее, чем мы захотим, мы сами приложим все усилия, чтобы получить жалованье, и к нам присоединятся несколько респектабельных семей белых людей по соседству".

Летом следующего года, вернувшись из поездки в нижнюю провинцию, капитан встретился с лордом-епископом в Кингстоне и снова привлек его внимание к этому предмету; и, как он предполагал, организовал допрос мистера Фелпса на Ниагаре, куда его светлость собирался отправиться с визитом. Но снова последовало разочарование, вызванное совершенно неожиданной причиной. Следующее вдохновенное письмо раскроет причину задержки:

-КАПИТАН БРАНТ ВЫЗЫВАЕТ ВЕРХОВНОГО СУДЬЮ.

—Гранд-Ривер,...

[FN] В копии отсутствует дата. Однако это, должно быть, было ближе к концу 1799 года.

-Сэр,

"Я считаю себя обязанным заявить вашей Чести, что исходя из соображений огромной важности наличия миссионера, постоянно проживающего среди индейцев, и что исходя из моих давних знаний о мистере Давенпорте Фелпсе и моего особого знакомства с его семьей и связями, я искренне желал, чтобы он был рукоположен на этот пост. С этой целью позапрошлой зимой я написал достопочтенному сэру Джону Джонсону, который передал мои пожелания и пожелания других вождей в этом отношении его светлости епископу Квебека. Определенного ответа дано не было, и, следовательно, тема оставалась такой до минувшего лета, когда по моем возвращении из Нижней Канады в Кингстон в разговоре с его светлостью он был рад выразить крайнюю готовность сделать то, что от него требовалось, для осуществления желаемого — проявив радостное желание проверить мистера Фелпса на предмет его рукоположения.

"При таких обстоятельствах я попросил мистера Фелпса сопровождать меня в Ньюарк, чтобы сдать себя экзамену; но, к моему великому разочарованию, обнаружил, что до нашего прибытия его светлость отплыл в Квебек. Я был, сэр, однако, удивлен, узнав, что он оставил информацию, явно противоречащую ожидаемому исследованию; что, хотя тогда и казалось мне загадочным, я более полно понял после прибытия в это место его превосходительства губернатора Хантера, который сказал мне, что ему сообщили, что мистер Фелпс возглавлял банду в провинции. Это обвинение, изобилующее одиозностью, и у меня есть веские основания полагать, что первоначально оно было выдвинуто мистером Уайтом, генеральным прокурором, еще в 1795 году. Я должен признать, сэр, что, на мой взгляд, необъяснимо, как обвинение такого рода, выдвинутое тем, в чьи обязанности входит преследование мятежных практик, могло оставаться незамеченным до столь позднего периода, а затем быть выдвинуто, как у меня есть слишком много оснований полагать, для подрыва цели, которой искренне желают многие друзья дела религии и морали".

[FN] Раньше город на Ниагаре, теперь называется Ниагара.

"Я не могу, отдавая должное истине, не заметить, что предложение о рукоположении мистера Фелпса в сан церкви исходило не от него (и с тех пор он об этом не просил), а от меня и других уважаемых людей, которые давно знают его добродетели и способности; которые, несомненно, претендуют на честь защищать эту страну от врагов короля; и чья лояльность и пронизательность не могут быть оспорены при соблюдении приличий. Однако, если обвинение такого рода будет доказано, я сохраню молчание. Если нет, я смиренно полагаю, что справедливость и человечность требуют надлежащего возмещения ущерба.

Любовь вашей чести к справедливости позволяет мне быть уверенным в вашем лучшем совете и мудром вмешательстве в это дело.

Далее я не могу не заметить, что, учитывая характер и обстоятельства этого дела, я имею право ожидать, что мистер Уайт или кто бы то ни было другой, выдвинувший это обвинение, будет призван доказать это без промедления. Я буду очень признателен вам за ответ на это от имени предъявителя. Имею честь быть и т. Д."

Из этого письма явствует, что у правительства были политические возражения против кандидата. Поведение генерального прокурора, однако, не выдержало бы пристального внимания, которому могавк был склонен подвергнуть его. Ничто не могло быть более очевидным, чем то, что обвинение было либо надуманным, либо приведено в качестве предлога, либо что Генеральный прокурор пренебрег своими служебными обязанностями. Индейцы по-прежнему были верны мистеру Фелпсу; и такова была сила их привязанности к нему, что капитан Брант впоследствии подготовил официальный мемориал лорду епископу, в котором описал его превосходные качества — его таланты, его добродетели и его преданность — и настаивал на его рукоположении, "поскольку их выбор был и остается остановленным на нем, предпочитая его любому другому". [FN] Но все попытки добиться рукоположения мистера Фелпса от английского прелата оказались бесплодными, и вслед за этим внимание капитана Бранта было направлено к Епископальной церкви Соединенных Штатов при посредничестве генерала Чапина, агента американских индейцев, проживающего в Канандайгуа, и полковника Аарона Берра. Мистер Фелпс, кандидат в ордена, посетил город Нью-Йорк и вручил полковнику Берру следующее письмо по этому вопросу:

Теплота дружбы Бранта к мистеру Фелпсу и сила его привязанности к нему объясняются тем обстоятельством, что мистер Фелпс женился на дочери старшего президента Уилока, с которой Шеф, несомненно, "познакомился, когда учился в благотворительной школе Мура". Поскольку впоследствии мистер Фелпс стал основателем Епископальной церкви в западной части штата Нью-Йорк, здесь уместно будет рассказать о нем подробнее. Он был уроженцем Хеврона (штат Коннектикут), где родился в 1755 году. В 1775 году он окончил Йельский колледж с высокой оценкой своих классических достижений. Вскоре после этого он вступил в армию Революции, в полк полковника Бидла, был взят в плен и доставлен в Монреаль, где пробыл так долго, что овладел французским языком, чтобы говорить на нем с изяществом. Он женился на Кэтрин Уилок в 1785 году и некоторое время занимался коммерческим бизнесом в компании со своими зятьями Эбenezером и Джеймсом Уилоками в Хартфорде (Коннектикут). Позже он переехал в Нью-Гэмпшир, где занимался юридической практикой и служил мировым судьей. В 1798 году он посетил Верхнюю Канаду в компании с Джеймсом Уилоком, где они совместно получили грант в размере восьмидесяти четырех тысяч акров земли от губернатора Симко. Вскоре после этого он перевез свою семью в Верхнюю Канаду и поселился на некоторое время на Ниагаре, где занялся юридической практикой и открыл типографию. У него также был торговый концерн в этом месте, делами которого в основном руководил агент. У него был вкус к сельскому хозяйству и садоводству, и он уделял много внимания земледелию и выращиванию фруктов. Между ним и капитаном Брантом, а также между их семьями существовали тесные дружеские отношения. Похоже, он рано стал религиозным человеком и в течение некоторого времени, предшествовавшего обращению Бранта от его имени за орденами, испытывал сильное

желание вступить в Епископальную церковь.—*Г-жа Жизнь преподобного Дэвенпорта Фелпса, подготовленная преподобным доктором Раддом из Утики.*

"КАПИТАН БРАНТ - ПОЛКОВНИКУ БЕРРУ.

"Гранд-Ривер, 7 мая 1800 года.

-Сэр,

"Примерно три недели назад я получил сообщение от О'Бейла с приглашением посетить совет в Буффало, где я ожидал иметь удовольствие увидеть вас. Мы присутствовали и ждали несколько дней; но тамошние вожди не были готовы встретиться с нами, а у нас были дела, которые требовали нашего присутствия в этом месте, и нам пришлось уехать. Если бы мне посчастливилось встретить вас там, я намеревался бы поговорить с вами на тему, которую я долгое время считал наиболее важной для нынешнего и будущего благополучия индейцев по обе стороны озер и в целом; а именно, об их положении с моральной точки зрения и о мерах, которые следует принять для того, чтобы среди них могло быть введено регулярное и заявленное религиозное обучение.

- Вы хорошо знаете, сэр, общее положение индейцев, проживающих на Гранд-Ривер, а также в других частях. Значительное число некоторых из этих народов уже давно приняли христианство, и обращение других должно зависеть, под влиянием Великого Духа, от добросовестных трудов постоянного служителя, который мог бы посещать и наставлять как здесь, так и в других местах, поскольку пути и двери могли бы время от времени открываться для него.

"Все добрые люди должны самым искренним образом желать установления и распространения цивилизации и христианства среди туземцев; и поскольку религия и мораль уважают человечество в целом, без какой-либо ссылки на границы гражданских правительств, я льщу себя надеждой, что вы, сэр, одобрите то, чего так сильно желают многие из здешних вождей, включая меня самого.

"Я имею в виду, как я уже предлагал ранее, благополучие индейцев в целом; будучи полностью убежден, что ничто не может так сильно способствовать их нынешнему и будущему счастью, как привитие им привычек добродетели и морали, которые, я надеюсь, могут и будут постепенно прививаться путем обучения, при надлежащем участии и подкреплении примером.

"Я хорошо знаю, как трудно найти среди них джентльмена соответствующей квалификации, готового посвятить свою жизнь миссионерской работе; и особенно человека с талантами и манерами, которые делают его приятным в высшей степени, способствуя его полезности. И, чтобы убедиться в этом, я добросовестно навел справки и пришел к однозначному мнению, что мистер Дэвенпорт Фелпс, которого рекомендуют как добродетельного джентльмена с респектабельными достижениями, является наиболее подходящей личностью для этой должности из всех, кого я знаю. Мое долгое знакомство с его семьей и особые знания о нем, а также мнение и пожелания самых уважаемых людей среди белых в этих краях, которые искренне желают, как для себя, так и для нас, чтобы он был рукоположен в миссионеры,

заставляют меня искренне надеяться, что вы официально порекомендуете и проект, и его самого достопочтенным епископам в Соединенных Штатах или кому-то из них, а также таким другим персонажам, каких вы сочтете подходящими.

"Исходя из того, что религия и политика - разные предметы, мы должны быть не только вполне удовлетворены приемом миссионера от епископа в Соединенных Штатах, но и по ряду других причин предпочли бы миссионера оттуда.

"Мы сможем здесь сделать что-то значительное для поддержки мистера Фелпса; и я не сомневаюсь, что другие, у кого есть способности, будут расположены помочь в продвижении столь хорошей работы. Я не добавлю ничего больше, кроме того, что испытываю огромное удовлетворение от уверенности в ваших дружеских и влиятельных усилиях в этом важном деле, и что я с большой искренностью принадлежу вам и т.д.,

"ДЖОЗЕФ БРАНТ." [FN]

[Ф.Н.] Брант ранее был знаком с полковником Берром и его семьей, как будет показано на следующей странице. Это письмо было вложено полковником Берром своей дочери Теодосии, в то время миссис Олстону в декабре 1801 года со следующим замечанием: "Вчера мистер Фелпс, упомянутый в прилагаемом письме, доставил мне две пары мокасин, адресованных— "От капитана Джозефа Бранта мистеру и миссис Олстон. - Поскольку ваш корабль отплыл, я не знаю, как и когда я перешлю их вам, но посмотрим. Я посылаю оригинал письма капитана Бранта, просто чтобы показать, как умеет писать индеец. Это его собственный почерк и композиция. После этого уведомления о его внимании вам следует написать ему письмо с благодарностью за его гостеприимство" и т. Д. Автор здесь заметит, что орфография капитана Бранта была замечательной и почти неизменно точной.

Обращение в Американскую церковь было успешным, и Миссионер был рукоположен. [FN-1] Но неизвестно, способствовали ли этой мере усилия полковника Берра. Тема была рассмотрена таким образом в целом с целью более отчетливого раскрытия религиозной направленности характера Вождя, что иллюстрируется искренним упорством, с которым он стремился к христианскому совершенствованию своего народа. Из других писем и документов, находящихся среди его бумаг, далее становится очевидным, что несколько видных религиозных джентльменов в Соединенных Штатах время от времени вели с ним переписку на религиозные и другие темы, связанные с историей и состоянием его народа. Его дом, по-видимому, также был бесплатным и открытым жилищем миссионеров, работавших на той ранней стадии современного миссионерского предприятия среди жителей границы, как англосаксов, так и аборигенов. [FN-2] В качестве примера такого описания переписки приводится следующее письмо — с двойной целью показать оценку характера капитана Бранта великими и добрыми того времени и увековечить имя одного из самых набожных и верных пионеров христианства, которое когда—либо заставляло пустыню звенеть трубой Евангелия - преподобного Элкана Холмса:

[FN-1] Мистер Фелпс был рукоположен в сан диакона в церкви Святой Троицы в городе Нью-Йорк епископом Бенджамином Муром в воскресенье, 13 декабря 1801 года. Он немедленно

вернулся в Канаду и приступил к активным обязанностям миссионера, проводя частые богослужения и путешествуя повсюду при исполнении своих обязанностей. Его резиденция тогда, как и в течение нескольких лет до этого, находилась на его ферме примерно в трех милях от залива Берлингтон. Капитан Брант неоднократно пытался убедить его принять земельный надел, вероятно, с целью его проживания с ним или рядом с ним в Гранд-Ривер, но безуспешно, поскольку накопление богатства не входило в желания мистера Фелпса. В 1803 году он был рукоположен в священники в церкви Святого Петра в Олбани, также епископом Муром. С тех пор он начал жизнь миссионера в западной части Нью-Йорка, а в 1805 году перевез свою семью из Верхней Канады в Онондагу. Впоследствии он переехал в Женеву, где и умер несколько лет спустя.—*Ср. Рассказ о его жизни доктора Радда.*

[FN-2] Мистер Фелпс много общался с капитаном Брантом и его семьей. Когда он проповедовал по соседству с семьей Брант, эта семья составляла часть, и очень внимательную часть его аудитории.—*Ср. преподобного доктора Радда.*

"ПРЕПОДОБНЫЙ Джон М. МЕЙСОН, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ, КАПИТАНУ БРАНТУ.

"*Нью-Йорк*, 16 июня 1801 года.

-Сэр,

"Директора Нью-Йоркского миссионерского общества поручили мне передать вам их признательность за вашу дружбу их миссионеру, преподобному Элкане Холмсу. Этого джентльмена, на благоразумие и честность которого они полностью полагаются, они наняли для выполнения второй миссии в тех племенах индейцев, на которые ваше влияние оказывает особое влияние. Чистота их взглядов, учитывающих моральные и религиозные интересы индейцев, побуждает их верить, что их попытки не окажутся для вас неприемлемыми; и ваша прежняя доброта к мистеру Холмсу придает им смелости просить у него такой поддержки и совета, какие вам целесообразно оказать благодаря вашему глубокому знанию индийских дел и весомости вашего мнения в их руководстве. Для вашего дальнейшего удовлетворения в отношении миссионерской системы мистер Холмс подарит вам том, содержащий проповеди, произносимые перед Обществом, и ежегодные отчеты об их работе, о принятии которых директора имеют удовольствие просить вас".

Мистер Холмс много лет посвятил миссионерскому труду среди индейцев, с которыми он расстался примерно в 1812 году. Он прожил много лет после этого и умер в очень преклонном возрасте. Как и Хеквелдер, он проникся самым восторженным восхищением индийским характером в его исконной простоте. Однако в ходе своего опыта он пришел к болезненному выводу, что практически невозможно принести им какую-либо пользу, будучи подверженным моральной заразе белых людей и крепких напитков. Его внешность в последние годы жизни была поистине патриархальной. Его волосы, длинные и седые, ниспадали на плечи; его манеры были удивительно впечатляющими, и все его поведение выдавало человека, созревшего для рая. Он был баптистом-кальвинистом.

"Со всем уважением, я, сэр, Ваш покорный слуга, Джон М. МЕЙСОН, *секретарь.*

-*Капитан Джозеф Брант.*"

Шеф также состоял в переписке с преподобным Сэмюэлем Миллером из Нью-Йорка, ныне доктором Миллером из Принстона, как явствует из следующего письма: —

"КАПИТАН БРАНТ ПРЕПОДОБНОМУ СЭМЮЭЛЮ МИЛЛЕРУ.

"Гранд-Ривер, 9 февраля 1801 года.

-Сэр,

"Я испытываю особое удовлетворение оттого, что теперь у меня была возможность ответить на ваше письмо преподобного мистера Холмса. Я объяснил, насколько это было в моих силах, предложенные вами вопросы. Я надеюсь, вы простите мне долгую задержку, которую я допустил с тех пор, как получил ваше письмо, и не совсем приписываете это пренебрежению или нежеланию служить вам; ибо я сам испытываю сильную склонность к изучению древностей наших и других народов, но множество дел, которые у меня всегда были под рукой, до сих пор мешали мне. Даже сейчас то, что я сказал по этому поводу, сделано поспешно и как можно короче. Если так случится, что в моих силах будет и дальше помогать вам, я сделаю это с удовольствием ". [FN]

[FN] Вызывает немалое сожаление тот факт, что автор не смог раздобыть копию упомянутого письма. В то время, когда ныне почтенный доктор Миллер завязал переписку с Брантом, он проектировал *Историю Нью-Йорка*, а затем собирал материалы для этой цели. Брант также подумывал о написании истории *Шести наций*; и вполне вероятно, что его ответ на вопросы доктора Миллера был одновременно ценным и любопытным документом. Когда в 1813 году доктор Миллер переехал из Нью-Йорка в Принстон, он как раз оправлялся от приступа болезни, который помешал ему заняться своими бумагами. Следствием этого стало то, что из-за беспечности других его рукописи и исторические коллекции были сильно разбросаны, и многие из них безвозвратно утеряны. Среди последних были письма капитана Бранта, о чем автору сообщил сам Доктор в ответ на письмо, адресованное ему. После изложения обстоятельств, приведших к потере его рукописей, Доктор говорит: "После самых тщательных поисков, которые я только мог предпринять, я не могу найти ни строчки из того, что я получил от этого замечательного человека".

"Я не могу не признать удовлетворение, которое я испытываю от того, с чем преподобный мистер Холмс ознакомил меня, уважая благородные намерения вашего общества по распространению религии и цивилизации среди индийских народов в целом. Я был бы рад услышать от вас, как далеко ваше общество может предложить распространить свою доброту в отношении образования индийской молодежи, которое могло бы быть им хорошо рекомендовано. А также, если они захотят, и это может соответствовать их конституции, помочь некоторым индейцам, которые все еще претендуют на земли в Соединенных Штатах, таким как нантикоки в Мэриленде и Манси около Минисинка, которые попросили меня подать заявление. Преподобный мистер Холмс может более подробно проинформировать вас по этому вопросу".

К сожалению, могавки, как и все другие примитивные американские народы, с которыми белые люди вступали в контакт, были любителями рома и, конечно же, подвержены злу, вытекающему из этого вида унижения. Распространенность этого порока, по-видимому, была воспринята капитаном Брантом с глубокой заботой, и система профилактики рано вошла в его взгляды, когда он начинал работу по возрождению своей нации заново. Но весь опыт показывает, насколько тщетны эти попытки удержать огненную воду от слез индейца, пока беспринципным белым людям разрешается приближаться к их границам со своими перегонными кубами или удовлетворять их жгучий аппетит готовым напитком. Подобным же образом были сведены на нет усилия капитана Бранта. В письме сэру Джону Джонсону, датированном 30 июня 1800 года, по этому поводу он сказал: "Несчастные случаи, которые произошли во время здешних пьяных забав, в основном произошли от партии, выступающей против тех вождей, которые хотели принять некоторые необходимые правила. Капитан Клэнс, кажется, очень встревожен и желает предпринять некоторые шаги, чтобы предотвратить эти печальные несчастия. Он настоятельно просит меня указать какой-нибудь способ, которым это можно осуществить. В ответ я предоставил ему в письменном виде подробную информацию о плане (копию которого, я полагаю, он пришлет вам), который был принят, когда мы только поселились здесь, и который мог бы в то время быть приведен в действие, если бы не непреодолимые препятствия, поставленные на пути правительством. Я был бы рад узнать ваше мнение по этому прискорбному вопросу.

К числу тайн Провидения следует отнести то, что женщины любого возраста, цвета кожи и климата обречены более серьезно страдать от последствий невоздержанности другого пола, чем мужчины. Сводящий с ума яд опьяняющей чаши приводит в бешенство более сильные страсти людей и придает дьявольскую энергию их и без того превосходящим физическим силам; и как среди дикарей, так и среди цивилизованных людей те, кто находится под его дьявольским влиянием, часто совершают бессмысленное насилие над наименее оскорбительными и наименее способными к сопротивлению. Так было у ирокезов. По крайней мере, ничего меньшего нельзя сделать из следующих записок о работе по этому вопросу, находящихся среди бумаг капитана Бранта:—

22 мая 1802 года женщины собрались на совет, на который они призвали вождей. Затем они обратились к ним следующим образом:

"Дяди: Некоторое время назад женщины этого места разговаривали с вами; но вы тогда не ответили им, так как сочли их встречу недостаточной. Теперь, значительное число тех, кто снизу, встретившись и посоветовавшись друг с другом, разделяют наши чувства и как бы со слезами на глазах оплакивают многочисленные несчастия, вызванные употреблением спиртных напитков. Поэтому мы взаимно просим вас приложить все усилия, чтобы убрать его из нашего района, чтобы ближе к нам, чем гора, ничего не было продано. Мы льстим себя надеждой, что это в ваших силах и что вы проявите сострадание к нашему беспокойству и приложите все усилия, чтобы это было сделано".

Ниточки Вампума.

Как это похоже на женщину! Она понимала причину зла, которое видела и чувствовала, и все же не обижалась — она не жаловалась на свои страдания, — но мягко умоляла устранить причину. Таким образом, она всегда стремилась защитить тех, кого любила, от искушений и опасностей, своим влиянием и убеждениями проявляя мощь в своей слабости и делая сильного мужчину еще сильнее благодаря своей тревожной, но бдительной опеке над его добродетелью. Но на этом их совет не закончился. Между их лордами происходили внутренние распри и столкновения. Демагог Сенека посеял раздоры между воинами и их вождями, и женщины-могавки также проявили свой истинный и благотворный характер миротворцев. После того, как была произнесена цитированная выше часть их обращения, "некоторые другие" (говорится в рукописи) говорили так:

"Дяди: Разделение и обособление воинов от вождей доставляет нам много беспокойства; поэтому мы умоляем вас, как вождей, так и воинов, похоронить все разногласия, чтобы ваши дела могли продолжаться в обычной дружбе и спокойствии. Что касается нас, то мы были в значительной степени главной причиной влияния на наши отношения с мужчинами; но теперь мы оставляем это и обещаем вести себя совершенно по-другому, и мы надеемся в будущем, что никакие слухи не смогут разжечь огонь раздора".

Ниточки Вампума.

Манера, с которой эти грубые лесные самки выражали свое влечение, могла бы служить образцом деликатности для многих представителей пола с более высокими притязаниями. Не обошлось это и без воздействия на совет вождей, которому оно было адресовано. После короткого перерыва для рассматривания они вернулись, и капитан Брант передал их ответ следующего содержания: —

"Племянницы: Мы полностью убеждены в справедливости вашей просьбы; пьянство стало причиной многих несчастий в этом месте и, кроме того, стало серьезной причиной разногласий из-за того эффекта, который оно оказывает на речь людей. Поэтому мы заверяем вас, что приложим все усилия для достижения того, чего вы желаете. Однако это в значительной степени зависит от правительства, поскольку дистанция, которую вы предлагаете, находится в пределах его компетенции. Поэтому мы не можем со стопроцентной уверенностью обещать, что наша просьба будет выполнена".

Струны.

"Племянницы: Что касается вашей просьбы похоронить все разногласия, мы от всего сердца выполняем ее и благодарим вас за мудрость, которую вы проявили, вмешавшись сюда. У наших предков был обычай, чтобы женщины своей умеренностью излечивали всю вражду. Поэтому будьте уверены, что мы хороним все неприятное, что могло произойти до сих пор; и в будущем мы будем остерегаться сплетен, а также самих необдуманных высказываний; мы сожалеем только о том, что здесь нет воинов, которые согласились бы с нами в восстановлении единства и дружбы".

Струны.

Хотя заседания этого женского совета кажутся слишком эпизодическими для прямого исторического повествования, они, тем не менее, являются иллюстрациями индийских манер и характера. Более того, приятно таким образом спасти от забвения и сохранить документ,

содержащий прекрасное свидетельство того, что даже в условиях варварского состояния общества женщины по-прежнему занимают лидирующие позиции в сохранении добродетели и являются стойкими миротворцами посреди анархии и раздоров. И кроме того, ни к одной другой расе женщин не относились так несправедливо по отношению к их характеру, как к характеру американских индейцев. В то время как женщины любого другого народа были обожествлены, вплоть до черной дочери Африки, которая увлажнила пересохшие губы Мунго Парка; кто когда-либо воздавал должное терпению, ненавязчивым добродетелям и благородным качествам рыжевато-коричневых дочерей американского леса, за исключением Покахонтас?

Читатель уже видел, что религиозные догматы капитана Бранта были епископальными. Следовательно, в требования его веры не входило, даже если бы о политике не могло быть и речи, не одобрять игры и увеселения своего народа. Напротив, он любил поощрять их игры и развлечение и, поступая таким образом, свидетельствовал о своей мудрости. Действительно, вполне можно усомниться в том, что в этом отношении древние и все нецивилизованные нации не были мудрее в своих поколениях, чем современные англосаксы и их американские потомки. Расслабление ума и тела одинаково необходимо для здоровья и эластичности обоих органов. Когда пуритане Новой Англии запретили празднование веселого Рождества в Старой Англии, они вскоре поняли необходимость создания замены, которая была найдена в празднике Благодарения. Тем не менее, жители Соединенных Штатов всегда были настолько утилитарны в использовании своего рабочего времени, что действительно отказывали себе во времени для подходящего предавания разумным развлечениям. Таким образом, дом сбора урожая забыт; деревенские забавы Рождества почти неизвестны; веселые группы не танцуют вокруг Майского дерева и не вяжут гирлянду для чела его королевы. У американцев нет времени года, чтобы взбодрить свой организм полезными спортивными упражнениями или рассеять заботу сельскими видами спорта среди цветов, рощ, и фонтанов. Исконные развлечения индейцев менее утонченны и поэтичны, чем развлечения и празднества греков и римлян; но они, несомненно, вносят такой же вклад в удовольствие народа, в то же время они не менее рациональны и отмечены высокой степенью моральной чистоты.

Более того, пренебрежение белыми людьми спортивными упражнениями и играми приводит к положительным травмам. Сравните высокую, прямую осанку, упругую поступь индейца с неторопливой поступью белого человека! Разве не очевидно, что разница объясняется разницей в физической подготовке? Белый рабочий, как правило, слишком много работает в молодости. Его труд, будь то в поле или в мастерской, неизменно направлен на то, чтобы вытягивать тело вперед, в то время как мышцы—антагонисты - те, которые поддерживают тело в вертикальном положении, - не допускаются к упражнению. Следствием этого является то, что в то время как индеец предается тем видам спорта, которые расширяют грудь и расправляют плечи и придают подвижность и изящество движениям конечностей, белый человек, вместо того чтобы смотреть вверх, к небесам, склоняется до позы грубого создания.

Среди других развлечений, в дополнение к их собственным исконным видам спорта — бегу, борьбе и прыжкам [FN], — их танцам и песням, их жертвоприношениям и другим праздникам войны и благодарения — Шесть наций переняли у белых популярную игру в мяч, или крикет. Действительно, они были настолько привязаны к этому мужественному упражнению, что игра стала национальной по всей Конфедерации; и для одной нации не было ничего необычного в

том, что одна нация вызывала другую на поединок — в гораздо большем масштабе, вне всякого сомнения, чем когда-либо практиковалось среди бледнолицых.

Мэри Джемисон утверждает, что эти спортивные игры и упражнения практиковались не только для того, чтобы их тела могли стать более гибкими, или, скорее, чтобы они не ослабевали, но и для того, чтобы они могли правильно выбирать вождей для национальных советов и военных лидеров.

Однажды, в 1794 году, была затеяна игра такого рода между молодыми могавками и сенеками, которая едва не привела к фатальным последствиям. Ирокезы были соперниками. После того, как игра продолжалась довольно долго, один из могавков в борьбе с Сенекой за удар по мячу нанес своему противнику резкий удар битой. Игроки заметили это событие, и "Сенека" мгновенно побросали свои биты и удалились на свои посты с молчаливым, хотя и очевидным негодованием. Не говоря ни слова, но с душами, раздувающимися от негодования, они собрали внесенные ими ставки и удалились в свою страну, в верховья Джинези, к северному отрогу Аллеганских гор. Примерно через три недели после этого происшествия в деревню могавков прибыл гонец Сенека, посланный туда Красной Курткой, плантатором Кукурузы и другими, с жалобой на оскорбление, требованием компенсации за нанесенный ущерб и объявлением войны в случае отказа. Ирокезы, чувствуя, что они были неправы, были несколько обеспокоены этим сообщением. Брант созвал совет своих вождей, и после консультаций сенекам было возвращено послание, в котором предлагалось провести дружескую встречу вождей обеих наций для обсуждения предмета жалобы с целью залечить рану путем компромисса и объяснений и, конечно, без кровопролития. Сенека, стремясь избежать военных действий против нации, с которой они так долго были в союзе, согласились на мирное предложение, и следствием этого стало создание совместного совета. Красный Пиджак, однако, сделал все, что мог, чтобы предотвратить примирение. Он произнес подстрекательскую речь, приложив все свое искусство и красноречие, чтобы усугубить оскорбление, и призвал свою нацию отомстить за оскорбление призывом к оружию. Но капитан О'Бейл и некоторые другие старшие вожди племени Сенека были за принятие более примирительного курса. Их мало тронула волнующая филиппика Красного Мундира, и они ничего так не желали от ирокезов, как разумного и благородного искупления за зло, причиненное их молодому воину стороной, совершившей преступление. Это предложение было встречено с таким же великодушием со стороны ирокезов, и результатом совета стало решение проблемы. "Клевета" была выкурена, и вожди — все, кроме разочарованного демагога в Красной Куртке, — расстались в самых дружеских отношениях. [FN]

[FN] Заметки о визите к капитану Бранту и беседах с ним Сэмюэля Вудраффа, эсквайра. из Виндзора, ок.

Три года спустя, летом 1797 года, между двумя странами был сыгран еще один матч по крикету. На этот раз соперниками были Сенеки, но игра проходила в деревне могавков на Гранд-Ривер и была начата во время визита джентльмена, которому капитан Брант рассказал подробности вышеупомянутого неприятного происшествия. На самом деле именно разговор, естественным образом вытекающий из предстоящего матча, побудил Шефа заговорить об инцидентах,

связанных с первым. Представление должно было начаться в 9 часов утра, и его гость принял приглашение капитана Бранта посмотреть представление.

Место, выбранное для испытания силы, ловкости и сноровки, представляло собой обширную и красивую лужайку площадью около ста акров, идеально ровную и гладкую, как ковер, без деревьев, кустарников или камней, которые могли бы загромаждать ее. На одной стороне лужайки сенека собрались в нечто вроде нерегулярного лагеря — мужчины, женщины и дети — числом более тысячи. С другой стороны, ирокезы активно собирались в еще большем количестве. Колья, внесенные каждой стороной, были разложены на земле кучами, состоящими из ружей, топориков, мечей, поясов, ножей, одеял, вампумов, часов, бус, брошей, мехов и множества других предметов индейского обихода и вкуса, что в целом, по оценке капитана Бранта, составляло более тысячи долларов за штуку. У кольев сидела группа престарелых Вождей — "серьезных и почтенных сеньоров", чьи бороды посеребрились морозами многих зим, а лица свидетельствовали о тяжких трудах войны и охоты.

Бойцов насчитывалось около шестисот человек с каждой стороны, это были мужчины молодого и среднего возраста - проворные, атлетически сложенные и мускулистые. Их лица сияли оживлением и большой надеждой. Для того чтобы свободно пользоваться своими жилистыми конечностями, они были обнажены, за исключением единственной одежды вроде фартука или килта, завязывавшегося вокруг талии и спускавшегося почти до колен. Территория игровой площадки была обозначена двумя парами "бай-бай", расположенными примерно на расстоянии тридцати прутьев друг от друга, а ворота каждой пары находились примерно в тридцати футах друг от друга. Сражающиеся выстроились параллельными рядами по обе стороны площадки, лицом внутрь и оставив между собой пространство шириной около десяти прутьев. Их биты были трех футов шести дюймов в длину, нижний конец их был несколько изогнут в виде ковша, а широкая часть для ударов по мячу была сделана из сетки, сплетенной из ремешков из незадубленной оленьей кожи, натянутой до упругости. Мяч, размером с яблоко среднего размера, также был сделан из эластичных материалов.

На одной стороне площадки, недалеко от центра линии, на видном месте сидели пожилые сахемы каждой нации с ножами и клюшками для подсчета очков, чтобы вести счет в игре. Правила игры были несколько запутанными. Никому из игроков не разрешалось касаться мяча рукой или ногой до тех пор, пока мяч не будет отброшен за пределы "бай" или наземных знаков. Затем он был отброшен рукой в сторону или в центр площадки, после чего игра продолжалась по-прежнему. Их способ подсчета очков в игре был своеобразным: счетоводы не во всех случаях были связаны произвольными правилами, а пользовались определенной степенью дискреционной власти. Каждый проход мяча между воротами в конце игрового поля засчитывался на один, пока борьба была почти равной; но с целью затягивания игры всякий раз, когда одна сторона значительно опережала другую, счетоводам разрешалось останавливать или сокращать свой счет пропорционально превышению. Например, если лидирующая сторона регулярно досчитывала до тридцати, в то время как у их противников их было всего пятнадцать, подсчитывающие, по своему усмотрению и с согласия друг друга, хотя и без ведома игроков, засчитывали победившей стороне только две отметки за три передачи мяча — меняясь время от времени, в зависимости от состояния игры. Цель этого курса состояла в том, чтобы затянуть игру и усилить веселье, в то время как уныние с обеих сторон было предотвращено, а шансы на окончательную победу увеличились. Часто при таком произвольном способе подсчета игра продолжалась три-четыре дня.

Игру по этому случаю начали около шестидесяти игроков с каждой стороны, которые вышли со своих соответствующих линий с битами в руках в центр игрового поля. Из этого числа около двадцати человек были размещены на конечных рубежах, чтобы охранять прохождение мяча. Игроки, которые должны были начинать, были, по-видимому, беспорядочно перемешаны друг с другом. Когда все было готово, прекрасная девушка, богато одетая в местный костюм своего народа, в красной тиаре, украшенной орлиными перьями, и сверкающая браслетами и другими серебряными украшениями, вприпрыжку, как газель, вышла на площадку с мячом, который она положила на землю в центре. Тотчас же под сводами зазвенели крики всего множества зрителей, и представление началось; в то время как ясноглазая девушка отплясывала в ответ и присоединилась к своему собственному кругу среди окружавшей ее толпы. Матч был начат двумя игроками соперника, которые подошли к мячу и своими объединенными битами подняли его с земли на такую высоту, которая давала шанс для честного удара; затем, быстрый, как молния, он пронесся по воздуху почти со скоростью пули. Многое зависит от первого удара, и для его нанесения требуется большое мастерство.

Матч был сыгран с большим настроением, а демонстрация ловкости и мускульной силы была удивительной. Каждый нерв был напряжен; и так велико было напряжение игроков, что каждую партию каждые пятнадцать-двадцать минут сменяли свежие руки; таким образом, чередуясь и позволяя каждому игроку из всего номера исполнять свою роль, пока игра не была закончена. Сцена была полна волнения и оживления. Главный Вождь полностью погрузился в веселье и своими объяснениями своему гостю усилил его интерес, который, как заявил последний, сам по себе доставил ему большее удовлетворение, чем любая игра или времяпрепровождение, которые он когда-либо видел. Состязание продолжалось три дня, в конце которых, после жестокой борьбы, победителями были провозглашены сенеки, сметавшие ставки, к великому огорчению гордых могавков - главы Конфедерации.

Мистер Вудрафф, из записок которого было взято предыдущее описание, был весьма доволен своим визитом к Шефу, с которым он провел несколько дней. О себе он говорил, что был грациозен и полон достоинства— непринужден и приветлив в разговоре. Его рост составлял пять футов одиннадцать дюймов, он был прекраснейшей формы и пропорций, крепкий и упругий, обладал огромной мускульной силой. Его лицо было открытым, безмятежным и располагающим, глаза блестящими и выразительными — короче говоря, все, что касалось его персоны, было привлекательным.

Нет народа более разборчивого в воздании почестей умершим, чем индейцы, и их похороны отмечаются глубокой и трогательной торжественностью. Как и у цивилизованных народов, пышность траура варьируется в зависимости от ранга умершего и богатства семьи, а также от способности и расположения друзей покрыть расходы на похороны, развлечения на могиле и раздачу подарков. Но каким бы скромным ни был покойный, останки никогда не остаются без почестей или неухоженными; и ни у одного народа на земле нет более убедительных доказательств нежной привязанности. Похоронные почести воздаются не только мужчинам. Широко распространено ошибочное представление о том, что к индейской женщине относятся с презрением, вытекающее из хорошо известного факта, что определенные должности и труд, которые считаются черными среди белых или неподобающими для женщин, у индейцев всегда выполняются ими самими. Но возложение этих обязанностей на женщин вытекает из их обычаев и особой структуры их общества с незапамятных времен. Этот обычай также не является свидетельством неуважения или оскорбления. Напротив, можно усомниться в том, что

женщины белых людей, даже среди самых утонченных народов, пользуются большей или более благотворной степенью влияния, чем индианки. И когда они умирают, к ним относятся с меньшим уважением, чем к воинам. "Величайшие почести воздаются останкам жен прославленных воинов и вождей-ветеранов, особенно если они сами происходили из знатной семьи, что отнюдь не безразлично для индейцев, которые любят чтить заслуги своих великих людей в лице своих родственников". На похоронах вождей и воинов, а также выдающихся женщин присутствовали главы племени и весь народ, и их церемонии были весьма впечатляющими. При открытии всех их советов была проведена церемония соболезнования и произнесена соответствующая речь в память о тех, кто погиб или был убит на тропе войны со времени их последней встречи. Эти церемонии были торжественными, а их речи часто были полны простоты, нежности и пафоса. Среди бумаг сэра Уильяма Джонсона есть рукопись соболезнующей речи, произнесенной Сенекой Джорджем на открытии собора в 1761 году, несколько отрывков из которой можно привести в качестве примера:

[Ф.Н.] Хеквельдер.

"Братья: Мы предполагаем, что в недавних смутах вы, возможно, потеряли многих из своих людей либо из-за болезней, либо из-за войны, с тех пор как мы были вместе в последний раз; поэтому этой нитью мы вытираем слезы с ваших глаз, прочищаем горло, смываем кровь с ваших тел, подметаем зал совета и выбрасываем грязь за двери, чтобы вы могли ясно видеть нас и говорить с нами на нынешней конференции".

[Строка.]

"Братья: Мы от всего сердца сожалеем о смерти ваших мужчин, женщин и детей, и с помощью этого пояса мы собираем все их кости вместе, хороним их в одной могиле и замуровываем".

[Черный пояс, восемь рядов, с белыми прожилками.]

"Братья: Мы в большой растерянности и сидим в темноте так же, как и вы, из-за смерти Конрада Вайзера, поскольку после его смерти мы не можем так хорошо понимать друг друга. Этим поясом мы покроем его тело корой".

[Белый пояс из семи рядов с четырьмя черными полосами.]

[Ф.Н.] Много лет прославлялся в индийских летописях как переводчик.

"Братья: Клянусь последним поясом, я упоминал вам, что мы оба сидели во тьме. Теперь этим поясом я разгоняю облака перед солнцем, чтобы мы могли видеть, как оно восходит и заходит, и чтобы ваши сердца могли успокоиться от печали из-за того, о чем я упоминал ранее.

[Доставили белую ленту в пять рядов с тремя черными полосами.] Мы молимся Великому Всевышнему, который может просветить наши сердца, чтобы мы могли жить в любви и мире до самой смерти".

Судя по рукописям капитана Бранта, в его обязанности часто входило выражать соболезнования, и иногда он говорит о том, что проделывал значительное расстояние с

единственной целью. Однако среди его бумаг сохранилась только одна из его речей по такому случаю. Это было произнесено от имени Пяти наций 24 февраля 1801 года в Форт—Джордже (Ниагара) в связи со смертью миссис Клаус, матери заместителя суперинтенданта:

Дочь сэра Уильяма Джонсона.

"Речь с соболезнованиями капитану Клаусу.

"БРАТ: Сейчас мы собрались здесь в присутствии высшего Духа с намерением сохранить древний обычай соболезнования. Поэтому мы вместе с вами соболезнуем в связи с вашей недавней потерей нашей горячо любимой сестры, которую вы теперь похоронили.

"БРАТ: Мы надеемся, что это не настолько огорчит ваше сердце, чтобы заставить вас забыть нас, ваших братьев — не только нас самих, но и наших жен и детей.

"БРАТ: Мы снова говорим сейчас, что из-за нашей недавней потери, похоже, наш огонь несколько угас. Но теперь мы нашли несколько оставшихся марок, собрали их вместе и подняли прямой дым к облакам.

"БРАТ: Поэтому мы этой ниткой вампума вытираем слезы с твоих глаз и хотели бы забрать всю печаль из твоего сердца. Но это невозможно: тем не менее, это обычный способ произнесения речи. Поэтому мы упоминаем об этом: и упомянутым вампумом мы вытираем все пятна от всего, что должно остаться на вашем сиденье, чтобы вы могли сесть с комфортом.

"БРАТ: Мы снова говорим этой нитью вампума, поскольку вы, кажется, все погружены во тьму, мы той же нитью освещаем небо над нами, чтобы оно казалось всем нам таким, как раньше.

"БРАТ: Мы еще раз говорим этой связкой вампума, поскольку мы сейчас произносим нашу речь соболезнования, мы надеемся поднять тебя на ноги, каким ты был раньше; ибо с момента нашей недавней потери, кажется, ты был ограничен как отсутствующий ". [FN]

Смерть матери так сильно потрясла капитана Клауса, что он был заперт в своей комнате; и хотя по этому поводу он встретился с Вождями на совете, он не смог ответить, но позже отправил свою речь в письменном виде.

"БРАТ: Мы надеемся, что вы не забудете наши бедствия — надеемся, что это потрясение не вытеснит нас полностью из вашей памяти — а также, что вы сможете продолжать помогать нам, как делали это раньше.

"БРАТ: Эта последняя нить, которую я сейчас тебе даю, дана всеми Шестью нациями, чтобы укрепить твой разум и тело — чтобы ты не был слишком подавлен нашей недавней потерей".

Аналогичным образом в совет было передано обращение женщин, которое было произнесено сахемом по имени Старый Томас; но копия не сохранилась. В настоящее время сохранилась только последняя половина ответа капитана Клауса. Вывод был таков: —

"... Она была хорошей и всем вам была другом, насколько это было в ее силах, всегда выступая в вашу пользу. Но если бы я продолжал, то снова вспомнил бы о ее великой любви ко мне и снова наполнил бы мои глаза и сердце, так что я не мог бы заниматься твоими делами. Примите мою искреннюю благодарность за ваши соболезнования и позвольте мне смотреть на вас как на своих друзей — желаю вам и всем, кто принадлежит к вам, здоровья и всякого счастья.

"БРАТЯ, сейчас я снова обращаюсь к вам. Поскольку дело теперь закончено, и вы повернетесь лицом к дому, я молюсь Великому Духу, чтобы он сделал вашу дорогу гладкой и не оставил на пути никаких препятствий, которые могли бы причинить вам боль или остановить вас; но чтобы вы могли благополучно добраться домой и встретиться со своими друзьями в добром здравии; которых я прошу вас поприветствовать от моего имени. Я всегда буду счастлив войти в число ваших друзей".

В частной жизни характер Бранта был достойным уважения, а в социальном кругу часто очень приятным. Свидетельство баронессы Де Рейдзель, которая встретила с ним в замке в Квебеке, уже цитировалось в предыдущей главе. В течение рассматриваемой части его жизни, а это были последние двенадцать лет, ему предстояло совершить множество путешествий: в нижнюю провинцию, чтобы заботиться об интересах своего ближайшего окружения; на верхние озера, чтобы не порвалась цепь дружбы с его старыми соратниками; в Канандайгуа и другие места, чтобы навестить своих друзей и обсудить деловые вопросы. В дополнение ко всему этому, в начале 1797 года он совершил еще один визит в Олбани и Филадельфию, по возвращении из Нью-Йорка отправившись в Новую Англию. [FN] Судя по тону письма, которое он написал по прибытии домой другу из племен верхней Индии, он, должно быть, столкнулся с какими-то неприятными обстоятельствами во время этого путешествия. Однако она не была полностью лишена приятных ассоциаций; и автор собрал несколько эпизодов, которые послужат лучшей иллюстрацией его социального характера, чем какие-либо другие за всю историю его карьеры. Ниже приводится выдержка из только что упомянутого письма:—

Его квартира в Нью-Йорке, куда он отважился на этот визит, находилась в отеле Batton, старом кирпичном здании, все еще стоящем на южном углу Нассау-стрит и Джон-стрит. Достопочтенный Джером Джонсон из Нью-Йорка предоставил автору отчет о визите, нанесенном им Шефу в этом отеле в компании доктора Дингледжа и знаменитого доктора Пристли. См. Приложение № XVI.

"Гранд-Ривер, 2 июля 1797 года,

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Прошло некоторое время с тех пор, как я получил ваше письмо, и я уже ответил на него через Форт-Эри; но я не упомянул в нем подробностей моей поездки в Штаты. Во-первых, я встретил

очень прохладный прием, настолько прохладный, что я не видел никого из великих людей в Филадельфии. Я предполагаю, что из этого следует, что они, должно быть, забыли, что я был янки, когда был там раньше, а также на нашей последней встрече у подножия Порогов, когда вам, джентльмены из индийского департамента, стало известно, что я поддерживаю интересы янки. Я ожидал, что они, возможно, уделят мне немного больше внимания после той огромной услуги, которую, как вы предполагали, я им оказал. По дороге из Филадельфии в Джерси меня сильно оскорбил полковник-янки, имени которого я не помню, так что дело едва не дошло до драки. В Нью-Йорке они были очень дружелюбны, и точно так же в Коннектикуте (в Новой Англии) они были очень вежливы. В Олбани было несколько человек, которые угрожали убить меня за моей спиной; так что тамошние великие люди сочли необходимым послать со мной человека в качестве защитника до конца поселения в Германских квартирах. Полагаю, эти люди тоже забыли, что я был янки.

Под термином "великие люди Филадельфии" старый шеф, должно быть, имел в виду глав администрации, поскольку его весьма гостеприимно принимали некоторые выдающиеся джентльмены, находившиеся тогда в резиденции правительства. Знаки внимания, которые он получал от "великих людей Филадельфии" пять лет назад, были оказаны при особых обстоятельствах. Он находился там в то время в полуофициальном качестве и по настоятельной просьбе самого правительства; и долгом правительства было оказать все те любезности, которые могли способствовать удовольствию от его визита. Более того, правительство надеялось, что этот визит принесет важные результаты, и естественным следствием этого стало очень пристальное внимание. Действительно, в мире слишком принято — особенно при дворах, республиканских или монархических, — ласкать и льстить там, где у них есть цель, которой они должны служить, поскольку, в свою очередь, знатных людей ласкают и льстят те, кто полагается на их благосклонность. Но в обстоятельствах этого второго визита могавка, который был полностью лишен официального характера и важности, его ожидания особого официального внимания, вероятно, были необоснованными. Он слишком много повидал в мире и слишком много вращался в обществе всех рангов и состояний, но все же сохранил простоту бесхитростной натуры, и поэтому мог бы понять свое изменившееся положение и воздержаться от сарказма. Конечно, хотя он, возможно, и не дышал воздухом двора и не был втянут в междоусобные разборки его фаворитов, в то время к нему относились с заметным вниманием знатные джентльмены, и в его обществе за ним ухаживали. Среди прочих, покойный полковник Берр, в то время сенатор в Конгрессе, устроил ему блестящий званный обед. Сенатор ранее состоял в переписке с Шефом, и тот ему очень нравился. Действительно, именно по приглашению полковника он посетил Филадельфию в то время. Среди гостей из-за границы, собравшихся по этому случаю, были министр Французской Республики, путешественник Волни, Талейран и другие выдающиеся джентльмены этой нации, прибывшие сюда из-за политических неурядиц в их собственной стране. Зная, что он очень хорошо владеет разговорной речью и обладает способностью быть не только приятным, но и увлекательным в беседе, полковник и его друзья были несколько разочарованы на ранних стадиях развлечения неразговорчивостью Вождя. Казалось, вся холодная сдержанность его расы овладела им, и какое-то время все попытки вовлечь его в беседу были безрезультатны. Тем временем индейцы, их характер, история и судьба стали ведущими темами для разговоров. Наконец, после того, как были высказаны различные предложения относительно наиболее осуществимых и эффективных

методов развития их цивилизации, Брант внезапно присоединился к дискуссии, подходя к предмету здраво, но попеременно с серьезностью и юмором. Однако он признавал это как свое твердое убеждение в том, что единственным эффективным процессом цивилизования его народа должно быть смешение его крови с кровью белых; что индейцев можно приручить только смешанными браками. Иногда во время его собственного участия в этой дискуссии в его манерах появлялась шутливость, которая вызывала большое веселье. В течение оставшегося вечера он в полной мере участвовал в беседе, постоянно проявляя незаурядный здравый смысл и оживляя часы шутками и остроумием, которые "заставляли стол шуметь". Результатом стало не только приятное, но и высокоинтеллектуальное развлечение. [FN]

[FN] Беседы автора с полковником Берром, записанные в день их проведения.

Уезжая из Филадельфии в Нью-Йорк, полковник Берр вручил шефу следующее рекомендательное письмо своей юной и одаренной дочери Теодосии, впоследствии миссис Олстон:—

Мисс Берр тогда шел четырнадцатый год.

"Полковник БЕРР СВОЕЙ ДОЧЕРИ.

"Филадельфия, 28 февраля 1797 года.

"Это вам вручит полковник Брант, знаменитый индейский вождь. Я уверен, что вы и Натали [Ф.Н.] будете счастливы возможности увидеть человека, пользующегося такой известностью. Он образованный человек, прекрасно говорит и пишет по—английски и повидал большую часть Европы и Америки. Примите его с уважением и гостеприимством. Он не из тех индейцев, которые пьют ром, но настоящий джентльмен; не из тех, кто отвешивает вам изящные поклоны, но из тех, кто понимает и практикует то, что относится к приличиям и хорошему воспитанию. У него есть дочери — если бы вы могли придумать какой-нибудь маленький подарок для одной из них — пару сережек, например, — это бы ему понравилось. Вы можете поговорить с ним очень свободно и предложить представить его вашему другу мистеру Уитбеку из Олбани. Vale, et ama,

"А.В.

"Мисс ТЕОДОСИЯ БЕРР, дом 30 по Партимент-стрит, Нью-Йорк."

Натали Делаги, приемный ребенок полковника Берра, родилась во Франции и впоследствии вышла замуж за сына генерала Бампье из Южной Каролины.

Мисс Теодосия приняла Старосту леса со всей предполагаемой вежливостью и гостеприимством; и, несмотря на свой юный возраст, она оказывала почести в доме своего отца таким образом, который, должно быть, был столь же приятен ее отсутствующему родителю,

сколь и похвален ей самой. Среди прочих знаков внимания она устроила ему званый обед, выбрав для своих гостей нескольких самых выдающихся джентльменов города, среди которых были епископ Мур и доктора Бард и Хосак. В письме своему отцу по этому поводу она подробно и оживленно рассказала о развлечении. Она сказала, что, делая предварительные приготовления, она была в некоторой растерянности при выборе таких блюд, которые, вероятно, соответствовали бы вкусу ее главного гостя. Будучи свирепым воином, и принимая во внимание множество историй, которые она слышала, о

Каннибалы, которые поедают друг друга,
антропофаги и люди, чьи головы
растут ниже плеч —

она шутливо добавила, что у нее есть намерение пожертвовать больнице человеческую голову, которую подадут как кабанью в древнем зале барберик. Но, в конце концов, она нашла его самым христианским и цивилизованным гостем по своим манерам. [FN]

[FN] Беседы автора с полковником Берром. Полковник очень хотел, чтобы это письмо от его дочери было найдено среди его бумаг; но мистер Дэвис, его биограф, после тщательных поисков не обнаружил его, как не смог найти и переписку между Брантом и полковником Берром. Из документов капитана Бранта следует, что мисс Берр посетила его в Гранд-Ривер после того, как стала миссис Олстон в компании своего мужа. Видя, что, когда шеф полиции увидел ее в Нью-Йорке, "она была очень молода и с тех пор взяла новое имя", губернатор Джордж Клинтон направил молодой супружеской паре сердечное рекомендательное письмо к Шефу.

Из его собственного письма видно, что Шеф полиции был очень доволен своим визитом в Нью-Йорк. У него действительно были основания для удовлетворения, поскольку к нему относились с подчеркнутой добротой и вниманием. Более того, его собственное поведение было таково, что обеспечивало уважение тех, с кем он общался. Преподобный доктор Миллер, который познакомился с ним во время этого визита, в письме автору, уже упомянутом в примечании, так отзывается о нем: "Я назвал Джозефа Бранта "замечательным человеком". Он был, по моему мнению, действительно таким. Мое личное общение с ним было незначительным, но этого было вполне достаточно, чтобы произвести на меня впечатление самого уважительного отношения к его интеллектуальному характеру, его личному достоинству и его способности хорошо выглядеть в любом обществе. Я неоднократно встречался с ним; — был с ним на званом обеде — и слушал его разговоры в различных ситуациях — некоторые из них были довольно напряженными; и был удивлен простыми, непринужденными, изысканными и даже придворными манерами, которые он был способен принять; хотя, в то же время, я был уверен, что он способен быть таким же великим дикарем, как любой представитель его нации. Я помню, как однажды, когда джентльмен, которому следовало бы знать лучше, задал ему несколько очень дерзких и несвоевременных вопросов, он уклонился от них с безукоризненной вежливостью и в то же время с ловкостью и обращением, которые показали, что он был неплохим дипломатом".

Другой джентльмен, чьи возможности изучить манеры и характер капитана Бранта были расширены благодаря нескольким годам случайного общения с ним, замечает: "Его манеры,

которые значительно улучшились, если не сформировались, благодаря постоянному общению не только с лучшим обществом провинции, но и в Англии, которую он посещал не раз, и был там принят и обласкан в семьях знати и джентри, были удивительно непринужденными и полными достоинства. Находясь среди незнакомых людей или в смешанной компании, он был сдержан и неразговорчив, но чрезвычайно приветлив и общителен с друзьями, которым он мог довериться. Хотя он не особенно выделялся как оратор, он был человеком сильного ума, обладал голосом исключительной мягкости и мелодичности, завораживающей речью и большими разговорными способностями, что делало его чрезвычайно интересным собеседником. Он жил как джентльмен и был скрупулезен в соблюдении правил чести и этикета, практикуемых среди представителей этой касты в их социальных отношениях". [FN]

Письмо автору от генерала Питера Б. Портера.

Из Нью-Йорка Шеф полиции совершил поездку через Коннектикут в Массачусетс, в ходе которой его хорошо приняли, как явствует из его собственного письма. В Нортгемптоне он купил элегантную лошадь, которая, к его большому сожалению, заболела и умерла в Олбани. [FN]

[FN] Мой достопочтенный друг Доу Фонда, ныне из Олбани, говорит, что Брант был превосходным наездником и замечательно любил прекрасных лошадей. После смерти его нортгемптонской лошади он купил другую в Олбани, для оплаты которой мистер Фонда одолжил Ему деньги. Сумма по векселю была незамедлительно погашена.—*Автор*.

Именно во время этого визита в Олбани он снова подвергся некоторой опасности из-за угроз его жизни. Страдальцы долины Могавк не забыли и не простили опустошителей своей страны во время войны за независимость; и "чудовище Брант" по-прежнему считалось ответственным за каждый акт варварства, смерти или опустошения по заведенному обычаю войны. Немцы-могавки того времени не отличались ни образованием, ни разборчивостью; и, зная, что Брант был великим вождем индейцев, они приписывали каждый подожженный факел и каждую совершенную бойню его собственной руке. Следовательно, как уже говорилось ранее, общеизвестно, что целью многих жителей долины было лишить его жизни, если это возможно, во время некоторых его переездов через эту страну. И не исключено, что некоторые люди из долины, возможно, искали возможности достичь этой цели в Олбани, как того желал немец-ирокез из Нью-Йорка во время своего визита в 1792 году.

К этим неприятным замыслам добавился инцидент, несколько приблизивший нас к месту действия, который стоит записать как иллюстрацию как истории, так и характера. В рассказе о разорении Вишневой долины читатель, несомненно, вспомнит массовое убийство всей семьи мистера Уэллса, за исключением Джона, который в то время учился в школе в Скенектади. Но теперь этот парень был членом коллегии адвокатов, отличался высоким духом и необычайными перспективами. Трагедия, в результате которой погибла вся его семья, придала его характеру оттенок меланхолии, который со временем углублялся и сошел вместе с ним в могилу. Девятнадцать лет прошло с тех пор, как он был введен в действие; но в груди молодого Уэллса жило чувство, которое только и ждало удобного случая, чтобы пробудить сильное желание отомстить за подлые убийства. Ему случилось быть в Олбани во время визита Шефа полиции, и,

ошибочно считая его виновником убийств, его чувства от близости к нему стали чрезвычайно горькими и раздраженными. В самом деле, он не мог сдержать своего желания отомстить и, поспешив в таверну, в которой остановился Брант, яростно расспрашивал, где ему найти своего врага, заявляя, что убьет его на месте. Конечно, его друзья протестовали и всячески противодействовали его намерениям, но не без труда удалось убедить его отказаться от них. Брант, услышав шум, спросил, чем он вызван, и ему ответили, что молодой человек, чей отец погиб в Вишневой долине, находится внизу и угрожает лишить его жизни. Его ответ был краток и дан с удивительно тонким налетом достоинства и хладнокровия. Ни одна черта не изменилась — ни один мускул на его лице не дрогнул, — но, слегка выпрямившись, когда он сидел, и его глаза на мгновение сверкнули даже острее, чем обычно, он сказал спокойно и негромко: "Пусть он идет", - и больше от него ничего не ускользнуло по этому поводу, пока не стало известно, что мистер Уэллс покинул дом. [FN]

Подробности этого инцидента были получены от Уильяма Инмана, эсквайра. теперь о Лейдене, штат Нью-Йорк, который находился в отеле в момент происшествия.

Именно в связи с этими неприятными признаками губернатор Джей приказал охране сопровождать его через долину Мохок по возвращении в Верхнюю Канаду. Но, несмотря на эти недостатки, омрачавшие удовольствие от его визита в Олбани, были обстоятельства и инциденты, способствовавшие сделать его в целом не совсем неприятным. Он был гостеприимно принят и развлекал некоторых из самых респектабельных граждан; и во время этого и последующего визита в Олбани в 1805 или 1806 годах у него была возможность встретиться за праздничным столом с некоторыми ветеранами-офицерами американской армии, с которыми он встречался в полевых условиях, или, скорее, в лесных боях на границе; в этих случаях старые солдаты с наилучшими чувствами "снова сражались в своих битвах", как это обычно делают старые солдаты. Обедая с генералом Гансвортом, героем форта Стэнвикс, их разговор зашел о памятной кампании Салливана и марше Гансворта со своим полком в конце этой кампании через дикую местность от озера Сенека до форта Шайлер. Хотя Гансворт понятия не имел, что Брант был к нему ближе, чем Ниагара, Брант заверил его, что он был рядом с ним на протяжении всего марша; и был так близко, что, по его собственным словам, "я поджарил свою оленину на кострах, которые вы оставили".

[FN] Беседы автора с генералом . Питер Гансвоорт из Олбани, присутствовавший на обеде, хотя в то время был еще мальчиком.

Во время одного из таких мероприятий он также встретился с покойным генералом Филипом Ван Кортландтом, который служил на нью-йоркской линии и был одним из участников экспедиции Салливана и Клинтона в Чемунг, а оттуда в страну Сенека. Беседуя на тему битвы при Ньютауне, Брант спросил— "Генерал, когда вы стояли у большого дерева во время той битвы, как близко от вашей головы пролетела пуля, которая ударила немного выше вас?" Генерал на мгновение замолчал и ответил— "Примерно на два дюйма выше моей шляпы". Затем Шеф рассказал об обстоятельствах. "Я заметил вашу активность в бою, - сказал он, - и, позвав одного из моих лучших стрелков, указал на вас и приказал ему уничтожить вас. Он выстрелил, и я увидел, как ты увернулся в тот момент, когда я предполагал, что мяч попадет в цель. Но

поскольку ты не упал, я сказал своему воину, что он просто промахнулся по тебе, и отправил мяч в дерево.

В этой связи можно привести еще один случай, свидетельствующий одновременно о его проницательности, сильном чувстве справедливости и быстроте принятия решений и их исполнения. Среди приграничных поселенцев к западу от Гудзона, напротив поместья Ливингстон, был богатый фермер по имени Роуз. Он был ирландцем и, не имея ребенка, который мог бы унаследовать его состояние, послал на Изумрудный остров за племянником, которого усыновил. Во время одного из враждебных набегов Бранта на поселения, во время Революционной войны, Роуз и его племянник вместе с другими были взяты в плен и отправлены маршем в направлении Ниагары. Однажды утром во время путешествия Брант отвел Роуза в сторону и посоветовал ему не отходить далеко от него (Бранта), но во время похода всегда оставаться на связи. "У меня есть основания полагать, - сказал Вождь, - что твой племянник замышляет твою смерть. Он пытается подкупить одного из моих индейцев, чтобы тот убил тебя. Я буду присматривать за ними, и если мои подозрения подтвердятся, я казню его на месте. Роуз соблюдал осторожность, и вскоре Брант сообщил ему, что его подозрения вполне обоснованны. Племянник, желая как можно раньше завладеть имуществом своего доверчивого дяди, договорился о цене за его убийство с дикарем, который должен был совершить это дело. Имея все доказательства этого факта, суровый замысел Вождя был приведен в исполнение неблагодарным его собственной рукой, и жизнь дяди была спасена. [FN]

[FN] Беседы автора с генералом Морганом Льюисом, из-за семейных связей которого Роуз купил его землю.

Однако его представления об общественных войнах были основаны на представлениях дикаря. Читатель уже видел, что он прекрасно осознавал ненависть, с которой его имя было вызвано в различных частях Соединенных Штатов, и особенно среди жителей стран могавков и Саскуэханны, где во время Революционной войны, в которой он сыграл столь заметную роль, были разыграны некоторые из самых отвратительных сцен дикости тори и индейского варварства; и он всегда, казалось, особенно стремился оправдать откровенными и безвозмездными объяснениями тем, кто принимал его как друга, — ибо он был слишком горд, чтобы давать объяснения своим врагам, — курс, который он избрал. в начале и ведении этой войны; и его правдоподобные заявления и рассуждения были хорошо рассчитаны, чтобы уменьшить ужас и отвращение, с которыми общественность была слишком склонна относиться к характеру индейцев вследствие их зверств на войне.

Индейцы, по его словам, участвовали в этом состязании неохотно, но по необходимости. В период ее начала американцы, сказал он, так же как и они сами, признавали власть британского правительства и жили под его защитой; что ни один из стимулов, которые привели колонии к восстанию, не имел к ним никакого отношения, и что они сражались против колоний, чтобы защитить их женщин и детей и сохранить земли, которые Бог дал им, и которых британские власти угрожали лишить их, если они не присоединятся к их защите; и предполагается, что более веские причины для начала войны редко можно найти даже среди цивилизованных наций.

В оправдание практики ведения войны дикарями-индейцами его рассуждения были примерно следующими: целью каждой стороны, вовлеченной в войну, было уничтожить своего врага или ослабить и запугать его настолько, чтобы принудить к разумному миру. Индейцы, сказал он, были лишены многих средств и орудий ведения войны, которыми обладали белые люди. Они не могли успешно сражаться с ними в открытом поле, человек на человека, потому что у них не было артиллерии, столь необходимой для полевых сражений и столь разрушительной. Кроме того, если бы они могли, индейцы, как правило, уступающие в численности своим белым врагам, вскоре были бы покорены равной жертвой человека за человека; у индейцев не было фортов, к которым можно было бы прибегнуть для защиты после поражения на поле боя; не было ударных эшелонов, чтобы выбить врага после того, как он отступит к своим; и не было складов или тюрем для хранения пленников, которых они могли бы захватить. Таким образом, простым и необходимым принципом войны индейцев было истребление — уничтожить как можно больше врагов и спасти как можно больше самих себя, насколько это практически возможно; и с этой целью прибегать к засадам, стратегиям и всем видам обмана, прямого или косвенного, для достижения своей цели. Брант оправдывал лишение жизни пленников, но не одобрял практику пыток, столь распространенную среди дикарей; и он всегда утверждал, что сам в разное время ценой огромных усилий спас нескольких не только от пыток, но и от смерти. Что касается отнятия жизни, он думал (и не без доли правды), что в этом отношении практическая разница между краснокожими и белыми людьми невелика; ибо смерть пленного индейца была таким же неизбежным следствием его пленения, как и смерть белого человека, захваченного индейцами. [FN]

Беседы Бранта с генералом Питером Б. Портером.

ГЛАВА XV.

Семейные отношения Бранта—Рассказ о его семье—Дурной характер его старшего сына—его смерть от руки отца—Соболезнование вождей—Скорбь отца по поводу этого события—Беспокойство за образование его сыновей—Предлагаемый мемориал герцогу Портлендскому—Письмо Бранта полковнику Смит—Переписка с семьей Уилок—Письмо Бранта Джеймсу Уилоку—Двух его сыновей отправили в школу в Плимуте—Различные письма от Уилоков и им самим—Переписка на другие темы—Ответ на вопрос, носят ли индейцы бороды—Письмо

епископа Питерса— Взгляды Бранта на тюремное заключение за долги—Курганы—Мнение Бранта об их происхождении—Индийская традиция уничтожения поселений белых за одну ночь—Расследования Сэмюэля Вудраффа—Расследования Бранта в Париже—Открытия норманнов—Обзор жизни и характера Бранта-Его смерть.

Жизнь и характер вождя племени ирокезов в его домашних отношениях еще предстоит рассмотреть. Они никогда не были точно проиллюстрированы или поняты; или, скорее, они были сильно искажены и неправильно поняты из-за тяжелого семейного несчастья, подробности которого никогда по-настоящему не доводились до сведения общественности. Те, кто хотя бы частично знаком с внутренней историей Бранта, легко поймут, что здесь имеется в виду смерть одного из его сыновей от его собственных рук. Путешественниками, миссионерами и другими лицами было опубликовано несколько рассказов об этой печальной истории, но большинство из них затушевано и в большей или меньшей степени отражает отца. При подготовке материала для настоящей работы были приложены огромные усилия, чтобы установить истину в отношении этого болезненного инцидента.

Следует помнить, что капитан Брант был трижды женат. От своей первой жены, дочери вождя племени Онейда, у него было двое детей, Исаак и Кристиана. Его большая забота о хорошем воспитании этих детей была отмечена в ранней истории его жизни. От своей второй жены, сестры его первой, у него не было детей. К третьему у него было семеро детей, старший из которых, Джозеф, родился в 1783 году.

Джозеф, Джейкоб, Джон, Маргарет, Кэтрин, Мэри и Элизабет (нынешняя миссис Керр). Джозеф, Джон и Мэри мертвы.

Айзек, старший из детей, частично получил образование в школе в Долине Мохок, а его образование было завершено на Ниагаре. Его характер, дурной с юности, становился все хуже по мере того, как он вырос, и не улучшился благодаря общению на военном посту Ниагара после Революционной войны. Многие офицеры на этой станции были свободны, иногда до крайности, в своем образе жизни; и по мере общения с ними он пристрастился к крепким напиткам. Когда он был в припадке, он всегда был сварлив, даже по отношению к своим родителям, забывая о чести, подобающей сыну по отношению к отцу, и особенно неуважительно относился к своей мачехе. По мере того как младшая семья росла, он начал ревновать их, воображая, что они получают большую долю родительской благосклонности, чем он сам и его сестра. Ничто не могло быть более беспочвенным, чем его подозрения, поскольку, судя по совпадающим свидетельствам оставшихся в живых членов семьи и престарелых современников старого Вождя, все еще живущих в Гранд-Ривер, ни один родитель не был более щепетилен в беспристрастной передаче своей любви всем своим детям, чем капитан Брант. В качестве доказательства этого факта можно упомянуть, что, находясь в Англии в 1786 году, он позировал для своего миниатюрного изображения, которое передал в золотом медальоне Кристиане, сестре Исаака. Более того, сам Исаак, несмотря на свое недостойное поведение, получил самое несомненное свидетельство родительской привязанности. Чтобы лучше следить за ним и, если возможно, вернуть его себе, его отец женил его на красивой девушке, дочери вождя племени Черепях, и назначил его своим личным секретарем. [FN] Но все без толку. Демон ревности овладел его грудью, и во время пьяных забав среди своих индийских товарищей он

часто угрожал лишить жизни своего отца. Тем не менее, к нему относились по-доброму, и его мачеха неизменно хранила молчание во время его пароксизмов оскорблений.

[FN] Ср. записи бесед с Брантом, Сэмюэля Вудраффа.

Однако его карьера, помимо неводержанности, вне круга собственной семьи, была отмечена оскорблениями и кровью. Однажды, задолго до роковой для него катастрофы, о которой вскоре будет рассказано, он жестоко напал на молодого человека, ехавшего верхом по Королевскому тракту, — убил лошадь и, к сожалению, покалечил самого молодого человека. Его отец был вынужден выплатить крупную сумму денег в качестве компенсации за совершенное безобразие.

Впоследствии этого жестокого дела и незадолго до болезненного инцидента с его отцом, о котором вскоре будет рассказано, он хладнокровно убил белого человека в деревне Мохок (Гранд-Ривер). Имя его жертвы было Лоуэлл, по профессии мастер по изготовлению сбруи. Он был занят работой в своем магазине, когда вошел Исаак Брант и сказал— "Лоуэлл, я собираюсь убить тебя". Мужчина, решив, что он шутит, сначала рассмеялся над угрозой, а затем заметил— "Зачем тебе убивать меня? Я никогда не причинял тебе вреда, и мы никогда не ссорились". Затем дикарь намеренно выхватил пистолет и выстрелил в него.

Но его безрассудная и жестокая карьера вскоре была прервана смертельным ранением, полученным при высшей степени провокации от руки его отца. Обстоятельства были таковы: Во время происшествия на Берлингтон-Хайтс, недалеко от резиденции полковника Бисли, проходило собрание представителей Шести наций с целью получения ежегодной премии правительства, состоящей из подарков в виде одежды и других предметов. По этому случаю Исаак с несколькими своими молодыми товарищами-индейцами снова напился до бесчувствия и возобновил свои угрозы покушению на жизнь своего отца, заявив о своем намерении убить его той же ночью. В тот вечер Шеф полиции пил чай с полковником и миссис Бизли (которые тогда жили недалеко от залива Берлингтон), а после поднялся в маленькую гостиницу на холме, недалеко от резиденции полковника, чтобы остановиться на ночь. Исаак последовал за отцом в гостиницу, вошел в соседнюю комнату и начал ругать его перед окружающими на языке, прекрасно слышном его родителю, поскольку две комнаты были разделены только дощатой перегородкой. Став весьма агрессивным в своем поведении, его отец вошел в квартиру своего сына, но не успел этого сделать, как последний бросился на него с целью нападения, вооруженный, как утверждали одни, хотя другие отрицали этот факт, остро заточенным ножом. Как бы то ни было, капитан был тяжело ранен порезом на тыльной стороне ладони. Кто-то из индейцев схватил юного Бранта за талию в тот момент, когда он прыгал на своего отца; в то время как последний, раздраженный раной, был схвачен таким же образом несколькими белыми людьми, чтобы предотвратить дальнейшие увечья. Драка длилась одно мгновение, во время которой капитан Брант выхватил большой кинжал, который он всегда носил на бедре, и ударил им своего сына. При нанесении удара острие кинжала опустилось на голову Исаака и, прорезав его шляпу, нанесло рану, которая была бы более серьезной, если бы стороны находились в более близком положении. Рана ни в коем случае не считалась опасной в момент ее нанесения, хотя от возбуждения и опьянения она обильно кровоточила. Но ярость и неистовство молодого человека были таковы, что он сопротивлялся всем попыткам перевязать рану, срывая бинты так быстро, как только они могли быть наложены, пока, в конце концов, они

не были вынуждены крепко перевязать его для возвращения трезвости. Затем он позволил перевязать себе голову должным образом, но на следующий день возобновил пьянство и, сорвав повязку со своей раны, вызвал, конечно, новое кровотечение. Его извращенное поведение продолжалось несколько дней; последовала сильная лихорадка мозга, результатом которой стало быстрое прекращение его жизни. [FN]

Таковы были реальные факты этого несчастного дела, собранные недавно для использования автором из показаний свидетелей сделки и оставшихся в живых современников капитана Бранта. И все же доктор Морс и доктор Белнэп, которые через год после этого события были посланы Советом уполномоченных общества, основанного в Шотландии для распространения христианских знаний, посетить онейду и мохокунух, или индейцев Стокбриджа, зафиксировали этот инцидент в своем отчете как убийство: "Прошлым летом Джозеф Брант, вождь племени ирокезов и капитан британской службы, в прошлом один из ученых доктора Уилока, убил своего собственного сына, который действительно был плохим парнем и покушался на жизнь своего отца".

Эта болезненная сделка состоялась в 1795 году. Убитый горем отец немедленно сдался гражданским властям и подал в отставку с должности, которую он все еще сохранял на британской службе и по которой получал половинное жалованье. Лорд Дорчестер, однако, не принял отставку; и смерть Исаака была повсеместно расценена как в основном несчастный случай и в любом аспекте дела оправданное убийство. По этому случаю Вождь созвал совет из своих престарелых сахемов и воинов, которым, когда они собрались, он рассказал обстоятельства печальной катастрофы. После долгих размышлений — ибо индийцы никогда не принимают поспешных решений по важным вопросам — совет вынес заключение почти в следующих словах:

Отчет Морса и Белнэпа Шотландскому обществу.

"БРАТ: Мы выслушали и рассмотрели ваше дело. Мы сочувствуем вам. Вы потеряли любимого сына. Но этот сын поднял руку отцеубийцы на добрейшего из отцов. Причиной его смерти стало его собственное преступление. В один голос мы снимаем с вас всю вину. Мы выражаем вам наши искренние соболезнования. И пусть Великий Дух свыше ниспошлет вам утешение в вашем горе ". [FN]

[FN] "Отчет об этом разбирательстве я получил от секретаря Верхней провинции в Ньюарке, когда был в его офисе, чтобы получить копию акта индейцев". —Примечание Сэмюэля Вудраффа.

Но несчастье было очень тяжелым для старого Вождя, несмотря на соболезнования его народа, убежденность его собственной совести в том, что он не совершил умышленного зла, и оправдание всех. Доктор Аллен, президент колледжа Боудойн, заявил, опираясь на авторитет Джозефа Бранта-младшего, что, когда его отец лежал на кровати и смотрел на кинжал, которым

была нанесена рана и который висел в его комнате, он привык плакать от горя в своем сердце.
[FN]

Биографический словарь Аллена. Айзек Брант оставил вдову и двоих детей. Судья Вудрафф в своих записях говорит— "Вдову и двух прелестных детей, которых он оставил, я видел в семье Бранта". Старшим из этих "прелестных детей" был Исаак, которому его дед, старый Вождь, оставил значительную часть своего недвижимого имущества. Он также завещал равную долю своей недвижимости своей старшей дочери Кристиане. Младший Исаак, однако, вырос с таким же характером и пошел по стопам своего отца. Тем не менее, он был храбрым парнем на поле боя и проявил свою доблесть во время последней войны между Соединенными Штатами и Великобританией 1812-15 годов. Позже он был убит во время пьяной резвости в Брэнтфорде ударом ружейного ствола, нанесенным, как предполагалось, белым человеком. Но его характер стал настолько плохим, что его бедная мать, тогда еще жившая, казалось, испытала скорее облегчение, чем что-либо иное, от этого происшествия, находясь в постоянном страхе, что он совершит какой-нибудь ужасный поступок, который приведет его к позорному концу.

Принимая во внимание все обстоятельства этого тяжелого события, несмотря на неблагоприятные впечатления, возникшие из-за предубеждения и несовершенного знания фактов, которые могли возобладать, нельзя сделать справедливый вывод в ущерб Шефу как родителю. В то время как, с другой стороны, все доказательства, которые можно получить, направлены на установление того факта, что и в муже, и в отце его собственный семейный круг был наиболее счастливым. Конечно, ничто не могло быть сильнее его стремления к образованию и нравственной культуре своих детей. Зная его озабоченность по этому поводу и отдавая себе отчет в невыгодности его положения в этом отношении, несколько джентльменов в 1800 году предложили ему обратиться к правительству метрополии с просьбой дать образование его сыновьям за счет короны. Памятный знак по этому поводу, адресованный герцогу Портлендскому, был составлен одним из его друзей в Высшем руководстве Канады и представлен на его рассмотрение. В этом документе приводились веские доводы, вытекающие из особых услуг, которые капитан оказал короне, и политики воспитания его сыновей в здравых принципах лояльности. Но Шеф категорически отказался от такой попытки. Ниже приводится выдержка из его письма, в котором он объявляет о своем решении:—

"КАПИТАН БРАНТ - ПОЛКОВНИКУ СМИТУ.

"Гранд-Ривер, 20 сентября 1800 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Я очень серьезно рассмотрел прошение к его светлости герцогу Портлендскому об образовании моих сыновей, которое ваша дружба ко мне побудила вас посоветовать мне сделать, и должен признать особое удовлетворение, которое я испытываю при этом дальнейшем проявлении вашей склонности оказать мне дружескую помощь советом. Я уверен, что это должно было прийти вам в голову из самых дружеских побуждений, о чем у меня было достаточно доказательств с момента нашего знакомства. Но мне жаль, что я не могу полностью

согласиться с вашим мнением по этому вопросу; ибо, учитывая множество противодействий, с которыми я столкнулся с момента создания правительства этой провинции, в получении того, что я рассматривал только как наши права, и что действительно, кажется, все еще в какой-то мере неопределенным, я не могу льстить себя надеждой на успех в просьбе о таком особом одолжении. Поэтому я отказываюсь исключительно из опасения, что отказ еще больше заденет мои чувства. Несмотря на это, я думаю, что такая возможность была бы исключительно на благо моей семьи и доставила бы мне искреннее удовлетворение, если бы она была получена для меня моими друзьями без риска столкнуться с дальнейшими отказами ".

Документы Вождя свидетельствуют о том, что между капитаном Брантом и семьей его старого наставника, президента Уилока, на протяжении многих лет, должно быть, поддерживалась временная переписка. Почтенный основатель благотворительной школы Мура, а впоследствии Дартмутского колледжа, переспал со своими отцами еще до окончания войны за независимость, и его сменил на посту президента колледжа его старший сын Джон Уилок, эсквайр, который был отозван с действительной службы в армии, чтобы приступить к исполнению обязанностей на этом посту. Джеймс Уилок, еще один сын, жил рядом с Вождем в Верхней Канаде после окончания войн с индейцами, и между ними возобновились давние знакомства и дружба. В течение этого периода мистер Уилок предложил взять на себя заботу о старшем из оставшихся в живых сыновей, Джозефе; и, отказавшись от намерения обратиться к правительству за помощью в обустройстве помещения, капитан снова обратил свое внимание на землю, на которой он жил, и друзей, с которыми сорок лет назад он получил зачатки своего несовершенного образования. С этой целью была начата переписка с Джеймсом Уилоком и его братом, президентом, которая привела к желаемым результатам. Выдержки из этой переписки не будут сочтены неинтересными, поскольку они послужат дальнейшими и очень приятными иллюстрациями домашнего характера вождя:

"КАПИТАН БРАНТ - ДЖЕЙМСУ УИЛОКУ, ЭСКВАЙРУ

"*Ниагара*, Зоктября 1800 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Хотя прошло много времени с тех пор, как я имел удовольствие видеть вас или переписываться с вами, я все же не забыл, что такой человек существует, и теперь принимаю любезное предложение, которое вы однажды сделали мне, предложив взять на себя заботу о моем сыне Джозефе, которого я, безусловно, отправил бы в то время, если бы не очевидная ревность между британцами и американцами; однако я надеюсь, что еще не слишком поздно. Я посылаю обоих моих сыновей, Джозефа и Джейкоба, о которых, я не сомневаюсь, мои друзья будут особенно заботиться. Я мог бы пожелать, чтобы о них прилежно заботились не только в том, что касается их образования, но также и в том, что касается их нравственности в частности; это, без сомнения, излишне упоминать, поскольку я знаю из прошлого и из личного опыта в вашей семинарии, что этим вещам уделяется строгое внимание. Пусть мои сыновья учатся в каких угодно школах, ваше руководство ими будет в высшей степени лестно для меня. Мне следовало бы, пользуясь случаем, написать мистеру Джону Уилоку на ту же тему, но спешка с делами в настоящее время мешает мне. Впоследствии я воспользуюсь первой же возможностью, чтобы

черкнуть ему несколько строк; а пока, пожалуйста, передайте ему мое наилучшее почтение, и я искренне прошу его дружбы и внимания к моим мальчикам, которые, будьте уверены, я всегда буду принимать с благодарностью. Я, дорогой сэр, желаю вам и вашей семье здоровья и счастья,

- Твой друг и доброжелатель, ДЖОС. БРАНТ.

-Мистер Джеймс Уилок."

Ребят отправили в Дартмут под присмотром полковника Бенджамина Самнера из Клермонта (штат Нью-Йорк), джентльмена, который пятнадцать месяцев прожил среди канадских индейцев. Полковник Самнер передал доктору Уилоку весьма отрядный отчет об удивительном прогрессе, которого ирокезы достигли в искусстве ведения сельского хозяйства, и об удобствах жизни благодаря влиянию, оказываемому на них капитаном Брантом. Он также повторил Доктору тревожное поручение, полученное им от Вождя, что его сыновья должны быть обучены не только литературе, но и благочестию и добродетели. Ребята благополучно прибыли в Ганновер, были хорошо приняты президентом Уилоком и его братом Джеймсом и приютились в семье последнего. И Президент, и Джеймс Уилок написали капитану 3 ноября, сообщив об этом факте и проинформировав его о достигнутых договоренностях. Это в высшей степени удовлетворило родителя, как явствует из прилагаемых писем:—

[FN] М^c"Жизнь Уилока" Клуга.

"КАПИТАН БРАНТ ПРЕЗИДЕНТУ ДЖОНУ УИЛОКУ.

"Гранд-Ривер, 9 февраля 1801 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Я получил ваше сообщение от 3 ноября прошлого года. Я отложил ответ до возвращения капитана Бригема.

"Я испытываю невыразимое удовлетворение, услышав от вас, что вы взяли моих сыновей под свою защиту, а также обнаружив, что вы все еще храните крепкие воспоминания о нашей древней дружбе. Что касается меня, то ничто и никогда не сможет изгладить из моей памяти то неустанное внимание, которое ваш уважаемый отец уделял моему образованию, когда я был там, где сейчас находятся мои сыновья. Хотя в некоторых отношениях я был никудышным учеником, все же наставления, которые я там получил, пошли на пользу моим мирским делам. Я надеюсь, что мои дети смогут воспользоваться большими преимуществами под вашей опекой, как в отношении их будущего, так и в отношении их мирского благополучия.

"Их положение в доме вашего брата заслуживает моего высочайшего одобрения. Ваша доброта, заключающаяся в том, что вы предоставили им средства, намного превосходит мои ожидания и заслуживает моей самой горячей благодарности. Причина, побудившая меня

отправить их для обучения под вашей опекой, заключается в моей уверенности в том, что их нравственности и образованию там будут уделять более строгое внимание, чем в любом другом известном мне месте.

"Я очень рад доброте, которую вы проявляете, настаивая на том, чтобы они были знакомы в вашем доме. Я прошу вас постоянно убеждать их вести себя пристойно. Характеристика, которую вы мне даете о достойном джентльмене, их наставнике, чрезвычайно приятна. В целом, я чувствую себя совершенно спокойно по отношению к их положению и заботе об их образовании и полностью убежден, что теперь все зависит от их собственных усилий. Постоянная дружба, в которой вы оказываете мне честь заверить меня, - это то, чем из бесчисленных обязательств я вдвойне обязан вашей семье со своей стороны; и я прошу разрешения заверить вас, что до самой смерти я остаюсь вашим искренним другом.

"Если вы пожелаете что-нибудь из этих мест, диковинки или тому подобное, я буду счастлив прислать их вам.

"Дорогой сэр, я Ваш покорный слуга"ДЖОС. БРАНТ.

"Достопочтенный. Джон Уилок."

"От того же самого ДЖЕЙМСУ УИЛОКУ, ЭСКВАЙРУ.

"Гранд-Ривер, 9 февраля 1801 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Прошло уже некоторое время с тех пор, как я имел удовольствие получить ваше любезное письмо от 3 ноября 1800 года. Мне доставляет невыразимое удовлетворение обнаружить, что мои мальчики с вами, поскольку я полностью уверен, что у них не могло быть лучшей или более приятной ситуации. Благодаря известной репутации Президента я уверен, что если они не добьются прогресса в своих исследованиях, то это будет их вина. Поэтому я надеюсь, что вы проявите ко мне доброту, чтобы освободить их, и будете особенно настойчивы, призывая их напрягаться и вести себя подобающим образом.

"Я счастлив обнаружить, что вы по-прежнему сохраняете ко мне те же дружеские чувства, о которых вы когда-либо свидетельствовали. Я опасался, что то, как я разочаровал вас в отношении моего сына, когда вы были здесь, слишком сильно повлияло бы на вас. Поводом для этого тогда послужила слишком большая ревность, проявленная нашим правительством здесь.

Я еще добавлю, что хотел бы, чтобы они усвоили, что их долг - подчиняться обычаям того места, в котором они находятся, даже в том, что касается одежды и стрижки волос.

- Причина, по которой я не ответил вам раньше, заключается в том, что я ожидал возвращения капитана Бригема этим путем и счел его самой безопасной возможностью пройти мимо. Я буду рад помочь вам в любом деле, которое вам может понадобиться в этом квартале.

"Дорогой сэр, я, С уважением, Ваш друг и покорный слуга. JOS. БРАНТ.

"Джеймс Уилок, эсквайр"

"ДЖЕЙМС УИЛОК - КАПИТАНУ БРАНТУ.

"Ганновер, 1 мая 1801 года.

"ОЧЕНЬ УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Несколько дней назад я получил ваше вежливое и очень приятное письмо от 9 февраля, за которое, пожалуйста, примите мою искреннюю и сердечную благодарность.

"Я очень рад снова удовлетворить ваши родительские чувства, сообщив, что ваши достойнейшие сыновья по-прежнему ведут себя самым приятным образом; весьма внимательны к своей школе и, я полагаю, делают весьма похвальные успехи в учебе. Благодаря их дружелюбному характеру и мужественному поведению их уважение к нам постоянно растет; и я искренне надеюсь, что *ваши* и наши *ожидания* относительно их будущей *полезности* и *респектабельности* в жизни будут в высшей степени удовлетворены. Вы можете положиться на мою дружескую свободу давать им советы и увещевать при каждом удобном случае. Но, сэр, (без лести) такие случаи будут очень редки.

"Что стало с моим старым другом, мистером Фелпсом? Я хочу получить от него весточку; но я так часто писал без ответа, что закончил. Пожалуйста, когда вы увидите его, вспомните и упомяните обо мне с искренней привязанностью и попросите его подумать о наших прежних дружеских днях.

"Я хотел бы, чтобы мы имели удовольствие видеть вас здесь — возможно, когда-нибудь нам удастся исполнить это желание. Пожалуйста, помните меня с миссис Уилок, с любовью к вашей супруге и поверьте, что я продолжаю оставаться, с привязанностью и уважением, очень дорогим сэром,

"Ваш искренний друг и покорный слуга, Джас. Уилок.

-Капитан Джозеф Брант."

"ПРЕЗИДЕНТ УИЛОК КАПИТАНУ БРАНТУ.

"Дартмутский колледж, 6 мая 1801 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Хотя сейчас у меня есть всего лишь минутка, чтобы написать, все же я не могу не воспользоваться ею, чтобы выразить свою благодарность за вашу любезность в конце 9 февраля.

"Я рад слышать о вашем добром здоровье; и велико также мое счастье, что я могу сообщить вам о регулярном поведении, постоянном применении и похвальных улучшениях ваших дорогих

сыновей вместе со мной. Я сделаю все, что в моих силах, для их блага и будущей полезности; и дай Бог, чтобы они были и долго оставались великими источниками утешения и помощи вам в возвышенном деле просвещения и оздоровления ваших народов. Я напишу подробнее, когда у меня будет хорошая возможность, а сейчас могу только просить об одолжении, чтобы вы приняли это как знак моего сердечного уважения и совершенной дружбы; Я,

"Дорогой сэр, Ваш преданный слуга, Джон Уилок.

"Капитан Дж. Брант и проч. и проч."

"КАПИТАН БРАНТ ПРЕЗИДЕНТУ УИЛОКУ.

"Буффало-Крик, 23 июля 1801 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Мне доставляет огромное удовлетворение слышать, что мои сыновья вели себя так, что заслужили ваше одобрение. Надежда, которую вы возлагаете на них, невыразимо приятна. Когда мои сыновья уезжали, я обещал, что они останутся только на один год; но поскольку они, кажется, делают успехи, я надеюсь, вы начнете постепенно убеждать их, что в их интересах остаться еще на зиму и приложить все усилия к учебе. Я намерен поехать в Англию этой осенью, и если весной я вернусь целым и невредимым, я увижусь с ними, и тогда они, возможно, приедут в гости домой.

"Я, дорогой сэр, искренне Ваш друг, Джос. БРАНТ.

"Достопочтенный. Джон Уилок."

"ТОГО ЖЕ ДЖЕЙМСУ УИЛОКУ, ЭСКВАЙРУ.

"Буффало-Крик, 23 июля 1801 года.

"ОЧЕНЬ УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Ваше любезное письмо доставляет мне огромное удовольствие узнать, что у вас и вашей семьи все хорошо и что мои сыновья растут в вашем уважении. Я искренне надеюсь, что они смогут продолжать вести себя таким образом, чтобы заслужить продолжение этого. Я не видел мистера Фелпса с тех пор, как удостоился вашей милости, но ожидаю, что вскоре увижу, и тогда сообщу, чего вы желаете. Вероятно, нам удастся рукоположить его в священники.

"Прошло много времени с тех пор, как я посылал мальчикам деньги на карманные расходы. Через несколько дней я отправлю через мистера Гидеона Тиффани записку на сто фунтов стерлингов в Нью-Йорк. Я бы сделал это раньше, но у меня не было возможности отправить ее. Мое глубочайшее почтение миссис Тиффани. Уилок и его семья.

"Я, дорогой сэр, искренне Ваш друг и покорный слуга, Джос. БРАНТ.

"Р. С. Я посылаю письмо сына капитана Эллиота, их двоюродного брата, который намного моложе их, чтобы показать им, как он совершенствуется. [FN]

"Джеймс Уилок, эсквайр"

Имя капитана Эллиота неоднократно упоминалось ранее в связи с британско-индийскими отношениями в Детройте и Майами. Капитан Брант в одном из своих писем сэру Джону Джонсону жаловался, что Эллиот был уволен с государственной службы по какой-то неустановленной причине и без суда.

"ДЖЕЙМС УИЛОК - КАПИТАНУ БРАНТУ.

"Марцеллу, 19 сентября 1801 года.

"Очень Дорогой и УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Я почти вне себя от радости, встретив сегодня утром вашего достойного сына Джозефа, возвращающегося домой. У меня есть всего минута, чтобы написать ему, чтобы выразить мое уважение к вам, а также мою привязанность и уважение к вашим дорогим и многообещающим сыновьям. Они так долго прожили в моей семье, что увидеть Джозефа - все равно что встретиться с одним из моих собственных детей; действительно, они оба, благодаря своему приятному поведению, которое было одинаковым, высоко ценятся всеми нашими знакомыми. Я искренне надеюсь, что ваши ожидания относительно них оправдаются, и что они оба будут *хорошими, полезными и почетными* в мире.

"Прошло несколько недель с тех пор, как я покинул дом. Я очень хочу тебя увидеть, и Джозеф упоминает, что в письме от тебя, полученном после моего отъезда из дома, мы можем ожидать такого удовольствия следующей весной, когда ты вернешься из своего запланированного европейского турне. Я надеюсь, мы не будем разочарованы. Я хотел бы иметь удовольствие составить компанию моему другу Джозефу по возвращении домой, о чем я уже говорил ему. Пусть все благословения и счастье постоянно сопутствуют вам и вашим близким, чего искренне желает,

"Дорогой сэр, ваш Искренний друг и покорный слуга, ДЖАС. УИЛОК.

-Капитан. Джозеф Брант."

-КАПИТАН БРАНТ МИСТЕРУ УИЛОКУ.

"Гранд-Ривер, 22 октября 1801 года.

"Мой дорогой сэр,

"Я получил ваше любезное письмо от моего сына Джозефа и чрезвычайно рад узнать, что они оба так довольны своими друзьями, их хорошим поведением, а также мной. Я не могу выразить словами, какое огромное удовольствие вы доставляете мне своим большим вниманием к моим детям. Я бы действительно хотел, чтобы вы воспользовались возможностью продолжить их как своих собственных детей и дали им все полезные советы, чтобы они могли быть полезными и достойными уважения в мире. Что касается моего европейского маршрута, то он неопределенный.

Остаюсь, дорогой сэр, Вашим искренним другом И покорным слугой, Джос. Брант.

-Джас. Уилок, эсквайр"

К сожалению, находясь в таком счастливом положении, усердно занимаясь учебой и настолько унижаясь по отношению к своим друзьям, что завоевывали всеобщее мнение, между самими братьями возникли некоторые трудности, которые привели к расставанию; Джозеф, старший, покинул школу и вернулся домой. Джейкоб последовал за ними в течение весны, только с визитом, и снова вернулся в школу осенью. Еще два-три письма закроют все, что можно найти из этой интересной переписки.

"КАПИТАН БРАНТ МИСТЕРУ ДЖЕЙМСУ УИЛОКУ.

"Гранд-Ривер, 20 марта 1802 года.

"Мой дорогой сэр,

"Я получил вашу любезность от 25 января, и мне жаль узнавать из нее, что ваши дружеские доводы не возымели желаемого эффекта и не разубедили Джозефа в его решении отправиться этим путем. Я очень сожалею, что он столь необоснованно покинул выгодную ситуацию, в которой он находился, ради улучшения; ибо я полностью уверен, что лучшего места для него не могло быть, и я всегда буду благодарен вам за доброе внимание и Президента, хотя неосторожность молодости сделала его безрезультатным. В то же время я должен заверить вас, что Джозеф с благодарностью вспоминает о любезности, оказанной ему вами и семьей, и признает, что был настолько счастлив и комфортабелен, насколько он мог пожелать; и чувствовал себя в вашем доме как дома.

"После огромной заботы и внимания, которые достойный Президент был рад проявить к моим сыновьям, меня вдвойне огорчает, что в их поведении есть хоть малейший намек на пренебрежение или неуважение к персонажу, которого они считали своим долгом чтить и которому они были так многим обязаны.

"Единственная причина, по которой Джозеф может сослаться на свой отъезд, - это постоянные разногласия между ним и его братом Джейкобом. Миссис Брант присоединяется ко мне с благодарностью и наилучшими пожеланиями вам и миссис Брант. Уилок, и будьте уверены, мы

одинаково хорошо относимся к вашим добрым начинаниям, как если бы они возымели желаемый эффект.

"Мое глубочайшее почтение Президенту, и через короткое время я напишу ему в ответ на письмо, которое я получил.

"Мой дорогой сэр, я остаюсь с любовью Вашим другом и покорным слугой, Джос. Брант.

"Джеймс Уилок, эсквайр."

"ДЖЕЙМС УИЛОК - КАПИТАНУ БРАНТУ.

"Ганновер, 19 апреля 1802 года.

"ОЧЕНЬ УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"С большим удовольствием подтверждаю получение вашего дружеского и обязывающего письма от 20 марта, — рад узнать, что Джозеф прибыл домой; ибо, уверяю вас, я испытывал немалую тревогу за него, когда он отправлялся верхом в такое время года, в такое долгое путешествие. Я надеюсь, что он, так же как и Джейкоб, где-нибудь завершит свое образование, и что у них обоих будут склонности и способности следовать примеру своих достойных родителей, в высшей степени способствуя счастью, процветанию и пользе своих ближних, *пока мы с тобой будем спать с нашими отцами.*

"Мой брат, Президент особо упомянул о поведении Джейкоба и т.д., что делает ненужными любые мои похвалы с его стороны; однако я должен просто сказать, что из того, что я увидел и понял с тех пор, как он покинул наш дом (не по нашему желанию, а по его собственному), его поведение было совершенно безупречным, дружелюбным и приятным; и я всегда буду рад возможности продемонстрировать ему любой знак дружбы, советом или иным способом, который может оказаться в моих силах.

"Мой брат также упомянул ему капитана Данхэма, джентльмена, который будет сопровождать Джейкоба. Это джентльмен, которого мы высоко ценим, и я не сомневаюсь, что он заслужит ваше дружеское внимание ".

Капитан Джосайя Данэм, офицер американской службы — джентльмен с талантами и образованностью. После сдачи Северо-западных постов, так долго удерживаемых Великобританией, капитан Данхэм был размещен в Мичиллимакинаке. Впоследствии, на раннем этапе правления мистера Мэдисона, капитан Д. редактировал политическую газету *signal ability* в Вермонте.

"Я всегда буду рад возможности оказать вам или кому-либо из ваших любые услуги, которые окажутся в моих силах; но насколько счастлив я должен быть от возможности, особенно в моем собственном доме, увидеть вас и проявить то уважение, на которое вы по праву имеете право и к которому меня побуждают мои собственные чувства. Миссис Уилок присоединяется ко мне и выражает сердечное уважение вам и миссис Брант.

"Я, дорогой сэр, и проч. и проч. ДЖАС. Уилок.

-Капитан. Джозеф Брант и проч. и проч."

"От КАПИТАНА БРАНТА ДЖЕЙМСУ УИЛОКУ.

"Ниагара, 17 декабря 1802 года.

"Мой дорогой СЭР,

"Я получил ваше очень вежливое и дружеское письмо от моего сына Джейкоба и очень признателен вам, вашему брату и всем друзьям за большое внимание, оказанное обоим моим сыновьям; также капитану Данхэму за большую заботу, которую он проявлял о Джейкобе в путешествии.

"Мой сын вернулся бы к вам задолго до этого, если бы в семье в течение трех месяцев не продолжалась болезнь, из-за которой миссис Брант стало совсем плохо; мой сын Джейкоб и еще несколько детей были очень больны.

"Мой сын сейчас возвращается, чтобы находиться под опекой президента, и я искренне надеюсь, что он будет уделять учебе такое внимание, которое сделает честь ему самому и станет утешением для его родителей. Лошадь, на которой выезжает Джейкоб, я хочу привести в порядок после его приезда и продать, поскольку у внимательного ученого нет времени разъезжать верхом. Миссис Брант присоединяется ко мне в самых искренних выражениях уважения вам и миссис Уилок.

"Я, дорогой сэр, с большим уважением, ваш искренний друг и покорный слуга, ДЖОС. БРАНТ.

"Джеймс Уилок, эсквайр, Ганновер"."

Единственное сохранившееся письмо из этой части переписки капитана Бранта, которое удалось получить, было адресовано Джеймсу Уилоку в октябре 1804 года. Это относится к вопросам, не имеющим отношения к настоящей работе, за исключением лишь упоминания о том, что в результате выстрела его сыну Джейкобу была раздроблена левая рука и что он "собирался жениться на одной из наших девушек-ирокезов". [FN] Однако вся эта переписка чрезвычайно хорошо отражает отношение старого Вождя к его домашним отношениям. Ни один родитель не мог бы быть более заботливым о моральном и интеллектуальном воспитании своего отпрыска. Его письма характеризуются дружелюбным характером и хорошим, здравым смыслом, от них веет духом доброты и привязанности. Таким был его общий характер в семье.

Джозеф Брант-младший умер несколько лет назад. Джейкоб Брант все еще жив, [июль 1837 г.] Дочь капитана Бранта вышла замуж за француза, который в июне 1789 года был убит отрядом индейцев во время мирного путешествия вверх по реке Уобаш. Он был в компании с девятью

другими, четверо из которых были убиты и трое ранены. Когда вражеский отряд подошел к ним и обнаружил зятя вождя племени ирокезов, они помогли вытащить стрелы из раненых, а затем ушли - *Музей Кэри - цитируется Дрейком.*

В дополнение к своей переписке по общественным вопросам, исключительно о делах своей страны и в отношении своих частных и домашних забот, которая, должно быть, была очень обширной, капитан Брант написал множество писем на разные темы, к которым время от времени привлекалось его внимание. Его слава распространилась по Англии и Соединенным Штатам, и у него, должно быть, были знакомые во Франции. Его личных друзей было очень много, а тех, кому он был известен, гораздо больше. Следствием этих дружеских отношений и этой известности были частые обращения, аналогичные тем, которые были сделаны доктором Миллером, за информацией об истории, состоянии и государственном устройстве его собственного народа или с целью выяснения его собственных взглядов по данным предметам. Из этих разнородных писем сохранилось лишь несколько. Прилагаемое приведено в качестве примера. Физиологи как в Европе, так и в Америке долгое время утверждали, что у американских аборигенов от природы нет бород. Это мнение не является редкостью и в наши дни. Именно для решения этого вопроса мистер М.^с Коузленд написал Бранту вскоре после окончания войны в АМЕРИКЕ. Следующим был ответ Вождя: —

"Ниагара, 19 апреля 1783 года.

"У мужчин Шести народов все бороды от природы, как и у всех других индейских народов Северной Америки, которые я видел. Некоторые индейцы позволяют расти части бороды на подбородке и верхней губе, а некоторые ирокезы бреются бритвами точно так же, как европейцы; но большинство выщипывает волосы бороды с корнем, как только они начинают появляться; и поскольку они продолжают эту практику всю свою жизнь, кажется, что у них нет бороды или, самое большее, всего несколько торчащих волосков, которыми они пренебрегли. Однако я придерживаюсь мнения, что если бы индейцы брились, у них никогда не было бы таких густых бород, как у нас, европейцев; и есть люди, у которых на самом деле очень мало бороды.

-ДЖОЗЕФ БРАНТ, Тайенданегия."

Среди прочих, покойный эксцентричный Сэмюэл Питерс, доктор права, либо завел, либо пытался завести переписку с Шефом за несколько лет до его кончины. Доктор Питерс был уроженцем Хеврона (штат Коннектикут). Он окончил Йельский колледж в 1757 году и, приняв сан в Епископальной церкви, руководил церквями в Хартфорде и Хевроне в начале революционного противостояния. Будучи другом короны, он отправился в Англию, где оставался много лет, и в 1781 году опубликовал свою экстраординарную и во многих отношениях сказочную историю своего родного государства. В 1805 году он вернулся в Соединенные Штаты; а в 1817 или 1818 году совершил путешествие в страну великих северо-западных озер, к водопаду Святого Антония; претендуя на значительную территорию в этом регионе по гранту древнего путешественника капитана Карвера. [FN]

[FN] Письмо доктора Питерса капитану Бранту, написанное в апреле 1803 года, настолько характерно для его автора, что ему отведено отдельное место в Приложении (№ XVII,) в качестве курьеза. Доктор, или епископ Питерс, как его называли, скончался в городе Нью-Йорк 19 апреля 1826 года в преклонном возрасте 90 лет. Его останки были преданы земле в Хевроне.

Что касается тюремного заключения за долги, то его взгляды были взглядами просвещенного философа и филантропа, как явствует из следующего интересного письма, обнаруженного среди бумаг покойного Томаса Эдди; имя, которое когда-либо будет почитаться как одно из самых почетных, если не самое яркое, украшающее анналы человечества. Мистер Эдди в упомянутый период и в течение многих лет после этого уделял свое внимание теме тюремной дисциплины, и его мысли были сильно заняты вопросом тюремного заключения за долги. Взгляды Вождя могавков совпадали с его собственными. Оба они более чем на четверть века опередили общественное мнение Соединенных Штатов в этой важной черте английской и американской юриспруденции; и насколько опередили Англию, еще предстоит выяснить.

[FN] Это письмо было переписано Томасом Эдди в сборник индийских документов, речей и т.п., собранных им во время исполнения своих обязанностей уполномоченного по делам Индии для определенных целей. Около сорока лет назад он много общался с онейдами, стокбриджами и некоторыми другими племенами индейцев, и его побудили расспросы и усилия по их моральному и социальному совершенствованию.

"Письмо ДЖОЗЕФА БРАНТА К...

"Мой дорогой СЭР,

"Ваше письмо дошло в целости и сохранности. Чтобы доставить вам полное удовлетворение, я должен, как я понимаю, вступить в обсуждение предмета, о котором я часто думал. Мои мысли были моими собственными, и, поскольку они так отличались от идей, распространенных среди вашего народа, я, несомненно, унес бы их с собой в могилу, если бы не получил вашего услужливого расположения.

"Итак, вы спрашиваете меня, благоприятствует ли, по моему мнению, цивилизация человеческому счастью? Отвечая на этот вопрос, можно ответить, что существуют различные степени цивилизации, от каннибалов до самых вежливых европейских народов. Таким образом, вопрос не в том, не способствует ли определенная степень утонченности счастью, а в том, достигли ли вы или уроженцы этой страны этой золотой середины. По этому вопросу мы в настоящее время, я полагаю, придерживаемся очень разных мнений. Однако вы позволите мне в некоторых отношениях иметь преимущество перед вами в формировании моих чувств. Я, сэр, родился от родителей-индейцев и ребенком жил среди тех, кого вам угодно называть дикарями; впоследствии я был отправлен жить к белым людям и получил образование в одной из ваших школ; с этого периода я был удостоен чести, превзошедшей все мои заслуги, благодаря знакомству с рядом выдающихся личностей как в Европе, так и в Америке. После всего этого

опыта и после всех усилий избавиться от предубеждений я обязан высказать свое мнение в пользу моего собственного народа. Сейчас я, насколько смогу, соберу воедино и изложу вам некоторые причины, которые повлияли на мое суждение по рассматриваемому нами вопросу. В правительстве, которое вы называете цивилизованным, счастье людей постоянно приносится в жертву великолепию империи. Отсюда ваши кодексы уголовного и гражданского законодательства; отсюда ваши темницы и тюрьмы. Я не буду распространяться об идее, столь необычной в цивилизованной жизни и, возможно, неприятной для вас, и только замечу, что у нас *нет* тюрем; у нас нет помпезного парада судов; у нас нет писаных законов; и все же судьи у нас так же высоко почитаемы, как и у вас, и их решения так же высоко ценятся.

"Собственность, мягко говоря, так же хорошо охраняется, а преступления так же беспристрастно наказываются. Среди нас нет великопных злодеев, неподвластных нашим законам. Дерзкая злоба здесь никогда не торжествует над беспомощной невинностью. Поместья вдов и сирот никогда не разоряются предприимчивыми шулерами. Одним словом, у нас нет грабежа под видом закона. Ни один человек среди нас не желает никакой другой награды за совершение храброго и достойного поступка, кроме сознания того, что он служил своему народу. наших мудрецов называют Отцами; они действительно поддерживают этот характер. Они всегда доступны, я не скажу, что самым подлым из наших людей, потому что у нас нет подлых, кроме тех, кто делает себя такими из-за своих пороков.

"Дворцы и тюрьмы среди вас составляют самый ужасный контраст. Отправляйтесь в прежние места, и вы, возможно, увидите *деформированный кусок земли*, принимающий вид, который становится никем иным, как Великим Духом наверху. Отправляйтесь в одну из ваших тюрем; здесь описание совершенно не подходит! Убейте их, если вам угодно; убейте их также пытками; но пусть пытка продлится не дольше дня. Те, кого вы называете дикарями, смиростивьтесь; самый свирепый из наших мучителей исчерпывает свою ярость за несколько часов и умерщвляет свою несчастную жертву внезапным ударом. Возможно, вполне допустимо, что неисправимых преступников иногда следует отсекают. Пусть это будет сделано способом, не унижающим человеческую природу. Пусть у таких несчастных людей будет возможность силой духа в какой-то мере искупить преступления, которые они совершили в течение своей жизни.

- Но за что заключены многие из ваших заключенных? — за долгов! - поразительно!— и будете ли вы когда-нибудь снова называть индейские народы жестокими? Свобода для разумного существа настолько же превосходит собственность, насколько солнечный свет превосходит свет самой мерцающей звезды. Но вы ставите их на одну доску, к вечному позору цивилизации. Пока я жил среди белых людей, я знал, что многие из самых приятных должников по контракту имеют долги, и, смею сказать, с самыми лучшими намерениями. Обе стороны на момент заключения контракта рассчитывают извлечь из этого выгоду. Мы предположим, что должник вследствие череды неизбежных несчастий терпит крах; здесь нет ни преступления, ни даже вины; и все же ваши законы дают кредитору право бросить должника в тюрьму и заточить его там пожизненно! наказание, бесконечно худшее, чем смерть для храброго человека! И я серьезно заявляю, что предпочел бы умереть от самых жестоких пыток, когда-либо применявшихся на этом континенте, чем томиться в одной из ваших тюрем в течение одного года. Великий Дух Вселенной!—и вы называете себя христианами? Значит ли это, что религия Того, кого вы называете своим Спасителем, вдохновляет этот дух и ведет к этим практикам? Конечно, нет. О нем записано, что он никогда не ломал надломленную трость. Итак, перестаньте называть себя христианами, чтобы не обнародовать миру свое лицемерие.

Перестаньте также называть другие народы дикарями, когда вы в десять раз больше дети жестокости, чем они".

Немногие предметы, представляющие большой интерес, были представлены на рассмотрение антикваров Северной Америки, чем те памятники эпохи и народа, которые утрачены, найдены разбросанными по западному Нью-Йорку, по штату Огайо и в большом количестве в долине Миссисипи, называемые Тумули. Эти насыпи, или курганы, как их обычно называют в древних странах, были объектами обширных исследований и множества предположений; но их происхождение в Америке и цели их возведения все еще относятся к числу тех скрытых тайн, которые, вероятно, не раскроет даже само время. У греков, в степях Татарии, на севере Европы, в Англии, Ирландии и Новом Южном Уэльсе, во всех этих странах, а также в некоторых других, которых они изобилуют, было хорошо установлено, что эти курганы представляли собой монументальные нагромождения большей или меньшей протяженности, воздвигнутые над останками умерших. Но в Соединенных Штатах и в Мексике, где подобных курганов множество, внешний вид очень многих из них, по-видимому, оправдывает иное мнение относительно цели их образования. Их величина в этой стране намного больше, чем в любой другой, некоторые из крупнейших американских курганов по размерам приближаются только к знаменитому ирландскому кургану в Нью-Грейндж, описанному губернатором Пауноллом; [FN] в то время как форма очень многих американских курганов вызвала, по крайней мере, правдоподобное предположение, что они были военными укреплениями народа, давно вымершего.

Ирландский курган в Нью-Грейндж, графство Мит, занимает площадь в два акра у основания, окружность сверху составляет триста футов, а высота - девяносто. Он состоит из мелкой гальки и имеет внутри галерею длиной шестьдесят два фута, ведущую в пещеру. Недалеко от Уилинга, на реке Огайо, есть один, длиной от тридцати до сорока стержней в окружности у основания, ста восьмидесяти в верхней части и высотой семьдесят футов. Недалеко от Кахокии есть многочисленная группа, насчитывающая в общей сложности около двухсот особей, самая крупная из которых представляет собой параллелограмм высотой около девяноста футов и длиной в восемьсот ярдов. [Енсу. Американа.] В долине Вайоминг есть несколько очень крупных и заметных военных формирований.

Таким образом, хотя каждое расследование белого человека относительно этих останков в Америке заканчивалось так же, как и начиналось, оставляя предмет исследования таким же глубоким мраком, как и прежде, мнение человека с такой информацией и проницательностью, как у Бранта, хорошо знакомого с традициями своего собственного народа, не может быть неприемлемым для любознательного читателя. Это мнение или, скорее, информация, почерпнутая Вождем в тусклом свете индийской традиции, была изложена в рукописных заметках мистера Вудраффа, на которые уже несколько раз ссылались на предыдущих страницах. Далее следует несколько выдержек:—

"Среди прочего, касающегося западной части страны, - говорит мистер Вудрафф, - мне было любопытно узнать в ходе моих бесед с капитаном Брантом, какую информацию он мог бы мне сообщить о курганах, которые находятся на берегах рек и озер от Святого Лаврентия до

Миссисипи и вблизи них. В ответ он заявил, что этот вопрос давно обсуждался, но все еще оставался в некоторой неизвестности. Традиция, сказал он, господствовавшая среди различных индейских народов на всей этой обширной территории и передававшаяся с незапамятных времен, гласила, что в давно минувшие времена белые люди пришли из чужой страны и с согласия индейцев основали торговые дома и поселения там, где находятся эти Курганы. Дружеские отношения продолжались в течение нескольких лет; многие из белых мужчин привезли с собой своих жен, и у них родились дети; и ежегодно их число пополнялось из их собственной страны. Эти обстоятельства, в конце концов, породили зависть среди индейцев, и начали возникать опасения по поводу растущей численности, богатства и скрытых взглядов новоприбывших; они опасались, что, став сильными, они могут однажды захватить страну как свою собственную. Поэтому был созван тайный совет, состоящий из вождей всех различных народов от реки Святого Лаврентия до Миссисипи; результатом его после долгих обсуждений стало решение о том, что в определенную ночь, назначенную для этой цели, все их белые соседи, мужчины, женщины и дети, должны быть истреблены. Для достижения такой цели была необходима строжайшая секретность; и такова была точность, с которой было соблюдено роковое решение, что заговор удался и план был полностью приведен в действие. Не осталось ни души, чтобы рассказать эту историю.

Сам капитан не выразил мнения относительно правдивости этого рассказа, но добавил, что по сосудам и инструментам, которые были выкопаны в этих курганах или найдены поблизости от них, было очевидно, что люди, которые ими пользовались, были французами.

"В 1801 году, когда мне довелось путешествовать по штатам Нью-Йорк и Огайо, а также по части Пенсильвании, - продолжает судья Вудрафф, - у меня была частая возможность осмотреть эти искусственные насыпи, а также прилегающие к ним окопанные участки земли. Все они расположены на небольших и красивых возвышенностях. Окопанные участки имеют различные размеры, от шести до десяти квадратных прутьев. Канавы и их берега все еще отчетливо видны. Об их древности можно судить по размеру деревьев, стоящих как в канавах, так и на берегах, — они такие же большие, как и любые из тех, что растут поблизости. Многие из этих деревьев, которые я видел, были более двух футов в диаметре. Около одного угла каждого из этих участков находится пространство шириной в двенадцать футов, где земля, по-видимому, никогда не была взрыта. Очевидно, что эти пространства использовались для проходов. Примерно в десяти-пятнадцати ярдах от этих проходов возвышаются курганы. Они разных размеров, в разных местах, от десяти до пятнадцати футов в диаметре у основания и от шести до двенадцати футов высотой, сейчас они сильно сплюснены.

"Высказывались различные предположения, для каких целей были возведены эти курганы. Одни предполагали, что они были сделаны как хранилища мертвых; другие - как места для хранения провизии зимой; третьи - как сторожевые башни, на которых были выставлены часовые для охраны гарнизонов от приближающейся опасности. Находясь в Огайо, я испытывал непреодолимое желание убедиться, если возможно, для какого из этих или каких других целей были предназначены эти курганы. Я нанял группу молодых людей, чтобы они раскопали один из них, начав с центра вершины. Когда они спустились на естественную поверхность земли, по плесени или почве оказалось, что земля там не была вскрыта. Все, что мы нашли там, было несколькими дубовыми щепками, почти здоровыми, со следами топора. Эти обстоятельства, по моему мнению, в значительной степени усилили вероятность того, что насыпи были спроектированы и использовались только для строительства сторожевых башен.

Мистер Квимби, владелец земли, показал мне наковальню жестянщика, ножницы и тесло, которые он нашел на участке внутри линии окопа. Все это, очевидно, было французского происхождения. Многие другие инструменты и сосуды, как мне было хорошо известно, были найдены на других таких станциях в разных частях западной страны, и все они имели тот же характер.

В дальнейшей беседе с капитаном Брантом он сообщил мне, что у него всегда было сильное желание узнать что-нибудь более важное об этих белых людях — их бывших соседях — и что, находясь в Англии, он посетил столицу Франции с целью навести справки по этому вопросу. Его друзья в Лондоне прислали рекомендательные письма некоторым джентльменам-литераторам в Париже, которые приняли его с большой вежливостью и уважением и любезно помогли в проведении исследований в публичных библиотеках. Однако ни в одной из их историй не удалось найти ничего, относящегося к предмету его расспросов, за исключением того, что примерно в 1520 году (если я правильно помню) из Оrients было снаряжено и отплыло несколько кораблей, направлявшихся в Северную Америку, нагруженных товарами, подходящими для этого рынка, и везущих ряд торговцев и других предприимчивых людей со своими семьями для основания колонии в этой части света. Но больше ничего не было записано об этом предприятии. Следовательно, капитан Брант был вынужден отдать должное упомянутой выше традиции ". [FN]

Джон Нортон, умный вождь племени ирокезов, неоднократно упоминавшийся ранее, изложил иную версию предания на этот счет. Находясь в Олбани по делам резервации Сент-Реджис во время правления губернатора Джея, губернатор воспользовался случаем, чтобы спросить Нортон, знает ли он что-нибудь о происхождении индейских укреплений, как их называли, которые в таком количестве встречаются во многих частях Соединенных Штатов. Он ответил, что в его племени существует предание, что они были построены народом, который в древние времена занимал большую территорию страны, но который был истреблен; что между этим народом и Пятью нациями были долгие и кровопролитные войны, в которых последние в конце концов одержали победу. Он добавил, что одно из последних укреплений, которое было взято, упорно оборонялось; что воины других четырех наций Конфедерации атаковали его, не дожидаясь могавков, и были отбиты с большими потерями, но когда последние пришли им на помощь, атака была возобновлена, крепость взята, а все, кто был в ней, уничтожены.—*Письмо автору от почтенного. Питера Огастеса Джея, который присутствовал при разговоре.*

По-видимому, есть много веских оснований полагать, что в какой-то отдаленный период времени некоторыми частями этой страны владела раса людей, отличная от индейцев, которых нашли англичане, более развитая в цивилизации и обладавшая искусствами, о которых они не знали. У индейцев существуют различные предания на тему такой исчезнувшей расы людей, различающиеся, однако, у разных племен, а часто и у отдельных представителей одних и тех же племен. Мэри Джемисон, выросшая среди сенека и проведшая с ними долгую жизнь, утверждает, что индейцы считали, что равнины Дженеси были расчищены и возделывались другим народом до того, как индейцы вступили во владение ими. Это был народ, о котором они не могли дать отчета, потому что "их отцы никогда их не видели". При обрушении берега фермы Мэри в реку было обнаружено место захоронения, о котором индейцы ничего не знали, и они

считали, что кости принадлежали не индейцам. [FN-1] Но к какой расе, нации или цвету лица принадлежал этот древний народ, вероятно, никогда не будет известно. То, что континент Северная Америка был открыт норманнами во времена патриархального правления колонии Гренландия Эриком Рыжим, за пять столетий до путешествий Колумба, больше не вызывает сомнений. Берега залива Святого Лаврентия и побережье Новой Англии посетили Лиф и Торвальд, сыновья Эрика, и основали там колонии еще в десятом веке. Эти колонии, однако, вскоре были потеряны или истреблены; и из исландских записей и историй норманнов [FN-2] есть лишь слабые основания предполагать, что несколько колонистов Винланда, как была названа новая страна, или их потомки могли распространиться от устья реки Святого Лаврентия до долины Миссисипи. [FN-3]

[FN-1] См. Приложение, № XVIII.

[FN-2] Видеофильм "История северян" Генри Уитона; Путешествия Себастьяна Кэбота и проч. и проч.

[FN-3] См. Приложение, № XIX.

Однако традиция, изложенная Брантом, имеет тенденцию, особенно в деталях, подтверждать хорошо известную валлийскую легенду о принце Мадогe, или Мадокe, которая послужила поводом для множества историй о белых и валлийских индейцах, а не какую-либо другую историю об открытиях и колонизации, с которой знакома публика. Согласно валлийской традиции, Мэдок — если такой подлинный персонаж действительно существовал — из-за каких-то семейных разногласий вышел в море с десятью кораблями и тремя сотнями человек в двенадцатом веке и открыл землю далеко на западе. Он совершил несколько путешествий в эту неизвестную страну и обратно, но в конце концов вместе со всеми своими последователями был потерян для своих соотечественников. Традиция Бранта о том, что белые чужеземцы совершали ежегодные путешествия в свою страну и обратно в течение нескольких лет, соответствует истории, изложенной в "Валлийских триадах", и Хаклюту, который рассказал о предполагаемых путешествиях принца. Уничтожение колонистов одним ударом, о котором рассказывает Брант, также очень убедительно показывает, почему о его судьбе так и не стало известно. Эдип разгадал загадку Сфинкса; но если бы он не смог разгадать еще более великие тайны, происхождение и использование американских курганов ставили бы в тупик мудрость даже образованного, хотя и неудачливого сына и мужа Иокасты.

Подводя итог жизни и деяниям Джозефа Бранта-Тайенданеги, биограф, несомненно, ожидает от него чего-то вроде краткого обзора его характера. Эта задача может быть легко и оперативно выполнена благодаря методу, принятому при составлении самой работы. Также, после уже приведенных сведений о его общественной жизни и поведении, а также случайных анекдотов и иллюстраций характера, представленных в ходе повествования, читатель не будет удивлен, обнаружив, что автор склонен не только отвергнуть, но и полностью изменить популярную оценку и все предыдущие исторические решения в отношении характера этого замечательного человека.

Его прекрасная внешность в полном расцвете мужественности уже была описана в записках мистера Вудраффа и генерала Портера. Его ранние преимущества образования были

ограниченными, но он, очевидно, использовал их наилучшим образом. Вероятно, будучи связан союзом своей сестры с сэром Уильямом Джонсоном, он, возможно, посещал какие-то миссионерские школы в долине Мохок до того, как баронет отправил его в благотворительную школу Мур под присмотром старшего доктора Уилока. Но поскольку он уже, хотя и в столь раннем возрасте, побывал на тропе войны в двух кампаниях, возможности для учебы у него не могли быть большими, не говоря уже о нежелании, с которым пылкий юноша, с восторгом взирающий на гордость, великолепие и обстоятельства славной войны и стойко переносящий военную славу, мог ограничиться скучными и тихими занятиями в классной комнате. Тем не менее, впоследствии он признал, что инструкции доктора Уилока принесли ему большие и долговременные преимущества. Понтийские войны в третий раз призвали его на поле боя; но не успела кампания закончиться, как он снова занялся литературными занятиями под руководством миссионеров. Влияние его сестры в администрации департамента по делам индии после смерти сэра Уильяма Джонсона побудило его более непосредственно включиться в активную общественную жизнь, хотя до этого события он был много занят в ведении бизнеса с индейцами. Эти занятия, конечно, отнимали у него много времени, которое в противном случае можно было бы посвятить учебе; и когда на него перешло руководство всей конфедерацией Шести наций, вполне можно представить, что официальные требования к его вниманию были сами по себе достаточными, чтобы неустанно занимать самый деятельный ум. Затем последовал затяжной конфликт Американской революции, потребовавший от его положения и стороны, которую он поддерживал, приложения всей его энергии, физической и интеллектуальной. Но его возвращение к своим книгам в тот момент, когда великое состязание закончилось; постепенное улучшение стиля его писем; и плоды его трудов в выполненных им переводах - обстоятельства, доказывающие его настойчивость среди самых изматывающих забот и затруднений его последующей жизни, а также то, что у него был природный вкус к литературе и он был ревностен в приобретении знаний. Он очень заботился о всестороннем образовании своих детей; и сам он не только планировал написать историю своего собственного народа, но и сам подумывал о том, чтобы овладеть греческим языком, чтобы иметь возможность читать Новый Завет в оригинале и таким образом сделать более совершенный перевод греческих Писаний на язык могавков.

Его характер был представлен как дикий и жестокий; и в скудных очерках его жизни, опубликованных до сих пор, хотя некоторые допускали случайные искупительные добродетели, были представлены анекдоты о предательстве и крови, чтобы поддержать приписываемый ему нрав безжалостной свирепости. [FN-1] Причины этой общей клеветы на исконный характер индейцев, и на характер Бранта в частности, были указаны в начале настоящей работы. Таковым, однако, не было на самом деле. Напротив, сделав необходимые поправки на его положение, его собственную кровь и описание воинов, которыми он командовал, после самого тщательного и кропотливого расследования автор волен заявить о своем убеждении, что Брант был не менее гуманным, чем, по общему признанию, храбрым. Он был индейцем и вел индейцев в бой, руководствуясь их собственными принципами и обычаями ведения войны. Смелый и отважный, проницательный и коварный, он часто наносил удар, когда этого меньше всего ожидали; но автор тщетно искал пример бессмысленной жестокости — предательства — или хладнокровного убийства заключенных или других лиц его собственной рукой или с его разрешения. При первой вспышке американской революции он вмешался и спас жизнь преподобному мистеру Киркленду, когда тот чуть не стал жертвой ярости индейцев, хотя в то время был не в самых лучших отношениях с этим джентльменом. Первым сражением войны за

независимость, в котором участвовал Брант, было сражение при Кедрах, на берегах реки Святого Лаврентия. Сразу же после того, как судьба дня была решена, он вмешался, чтобы спасти пленников, и фактически, за свой личный счет, успокоил индейцев и предотвратил жертвоприношение храброго капитана М.^кКинстри. Этот джентльмен был хорошо знаком автору, и он всегда питал большое уважение к капитану Бранту, который впоследствии навестил его в поместье Ливингстон. Усилия Вождя во время резни в Долине Вишен, направленные на то, чтобы остановить пролитие невинной крови, были упомянуты в отчете об этом трагическом вторжении. В дополнение к изложенным там обстоятельствам доктор Дуайт, который был столь же осторожен, сколь и прилежен в сборе фактов, рассказывает, что, войдя в один из домов в Черри-Вэлли, Уолтер Батлер приказал убить женщину и ребенка, которые лежали в постели; но вождь могавков вмешался и сказал— "Что? убить женщину и ребенка! Нет! Этот ребенок не враг королю и не друг Конгрессу. Задолго до того, как он станет достаточно большим, чтобы причинить какой-либо вред, спор будет улажен ". На "Деле Вайоминга", за которое он всегда подвергался самому суровому осуждению, он не присутствовал. Его поведение по отношению к капитану Харперу и его товарищам по заключению было каким угодно, только не жестоким, в понимании индейцев, хотя казнь пожилого и усталого заключенного, если она была совершена с его ведома или по его указанию, была непростительной. Но в Minisink, согласно его собственному описанию обстоятельств (а его правдивость никогда не подвергалась сомнению), его поведение было грубо искажено. В первую очередь он приложил все усилия, чтобы предотвратить кровопролитие, и был обстрелян в тот момент, когда предпринимал мирные попытки. Правда, полковник Виснер в конце концов был убит своей собственной рукой; но сам удар был нанесен из человеколюбия, согласнорассуждениям индейца. Солдат был ранен, которого невозможно было вылечить или вывезти; и после размышления над болезненным случаем, чтобы хищные звери не усугубили его предсмертные муки, Вождь положил конец его страданиям честным велением сострадания. Полностью цивилизованный воин не стал бы рассуждать и действовать так, как он, в данных обстоятельствах. Тем не менее, этот поступок был вызван чувствами человечности и, несомненно, был таковым в действительности. Лейтенант Вормвуд был убит в Черри-Вэлли по ошибке, после того как отказался встать, когда его окликнули. Брант гуманно обошелся с лейтенантом Бойдом и его спутником после пленения в стране Джинси, и ужасная трагедия, оборвавшая их жизни, разыгралась только после того, как Брант отбыл на Ниагару. Читатель, должно быть, забыл трогательный и прекрасный случай возвращения младенца матери в Форт-Хантере, рассказанный автору губернатором Льюисом, очевидцем этой сделки. Ко всему этому можно добавить, что его последним актом в последней битве, в которой он участвовал, было спасение американского пленного от свирепого ирландского союзника из его собственных индейцев, который собирался убить его. [FN-2]

[FN-1] В качестве примера этих кровавых анекдотов возьмем следующий, рассказанный много лет назад путешественником по имени Уэлд, с которого его с тех пор повсеместно копируют. И все же в его составе нет ни капли правды: "Со значительной частью своих войск он присоединился к силам под командованием сэра Джона Джонсона. Произошла перестрелка с группой американских солдат; бой был жарким, и Брант был ранен мушкетной пулей в пятку; но американцы в конце концов потерпели поражение, а офицер и восемьдесят солдат были взяты в плен. Офицер, отдав свой меч, вступил в разговор с сэром Джоном Джонсоном, командовавшим британскими войсками, и они беседовали с обоими в самой дружеской манере, когда Брант, хитро подкравшись к ним сзади, уложил американского офицера ударом

своего томагавка. Негодование сэра Джона Джонсона, как легко можно предположить, было вызвано таким актом предательства, и он возмутился этим в самых теплых выражениях. Брант выслушал его беззаботно, а когда он закончил, сказал ему, что сожалеет о своем неудовольствии, но что действительно в данный момент у него очень болит пятка, и он не мог не отомстить единственному руководителю отряда, которого, на его глазах, схватили. С тех пор как он убил офицера, добавил он, его пятка причиняла ему гораздо меньше боли, чем раньше".

[FN-2] Об этом инциденте мне рассказал полковник Керр, его зять. Это произошло при поражении Сент-Клера.

В ходе своих бесед с майором Джеймсом Кохраном и генералом Портером спустя много лет после войны по поводу предполагаемой жестокости в своей карьере Брант заверил этих джентльменов, что он всегда щадил в бою, когда это можно было сделать, не навлекая на себя осуждения собственного народа. По его словам, во многих случаях он сыграл важную роль в сохранении жизни, когда подвергался ярости своих воинов, и что он подмигнул побегу белых пленников, чьи страдания не позволили им продолжить свой поход. В частности, он рассказал об одном случае, когда молодая заключенная женщина отстала, и он сам спрятал ее в кустах, чтобы она могла сбежать и вернуться к себе домой. Этот рассказ о нем был впоследствии подтвержден капитаном Филипом Фреем, сыном полковника Хендрика Фрея из округа Трайон, человеком весьма респектабельной репутации и связей, офицером британской армии, который служил вместе с Брантом в нескольких военных экспедициях и разделял с ним опасности нескольких сражений. [FN]

[FN] Письмо майора Кокрэна автору. В качестве дополнительной иллюстрации общего стремления Бранта предотвратить ненужное кровопролитие автору был сообщен следующий инцидент, пока эти листки проходили через прессу: "Покойный Джонатан Мейнард, эсквайр из Фрэмингема (недалеко от Бостона, Массачусетс), бывший член Сената этого штата, активно участвовал в войне за революцию и, как он имел обыкновение рассказывать своим друзьям, был взят в плен в западной части Нью-Йорка отрядом противника, состоящим в основном из индейцев, под командованием Дж. из Бранта. Дикари были склонны предать его смерти в соответствии с истребляющим способом ведения войны, практикуемым в этой части страны объединенными силами индейцев и тори; и к этому велись приготовления, когда, будучи частично раздетым, Брант обнаружил символы масонства на руках пленника, что побудило его вмешаться и спасти ему жизнь. Затем мистер Мейнард был отправлен пленником в Канаду, где, пробыв там несколько месяцев, его, наконец, обменяли и вернули домой. Он дожил до преклонного возраста, пользовался всеобщим уважением в городе, где проживал, как честный человек и добросовестный судья; и был благосклонно известен во всем графстве Миддлсекс, которое он представлял в Сенате содружества". —*Письмо Джорджа Фолсома, эсквайра автору.*

После того, как он таким образом описал основные события своей карьеры во время Революционной войны, в отношении которых его поведение, безусловно, было противоположностью дикости и кровожадности, этот пункт его оправдания может быть надлежащим образом завершен следующей выдержкой из письма, адресованного ему в феврале 1792 года преподобным мистером Кирклендом, никто не был более близко знаком с его общим характером и склонностями, чем он:

"ПРЕПОДОБНЫЙ МИСТЕР КИРКЛЕНД КАПИТАНУ БРАНТУ. —(Отрывок.)

"Дженези, 17 февраля 1792 года.

"Мой Дорогой Друг,

"Я был польщен вашим очень вежливым и нежным письмом от 1 января. от доктора Аллена, в прошлую субботу. Представившаяся сейчас возможность обратиться к вам очень неожиданна. Вчера я имел удовольствие побеседовать с капитаном Уильямсоном, который недавно проезжал через Филадельфию, где получил большую посылку для полковника *Гордона*, командующего на Ниагаре, с просьбой помочь безутешной матери справиться о судьбе ее сына, *капитана Тернера*— несчастного офицера, который, как предполагается, находится в плену у майамцев и взят в плен осенью прошлого года. Я сказал мистеру Уильямсону, что ни один человек не был бы в таком случае более готовым провести расследование и, возможно, никто не обладал бы равными преимуществами для получения столь желанной информации, чем вы сами; и что, *несмотря на весь ваш боевой пыл и героизм, вы обладаете такой чувствительной душой, которая заплакала бы при рассказе о горе*. Он дал мне самый трогательный отчет о положении убитой горем матери — вероятно, он был дорогим сыном. Соответственно, мистер Уильямсон написал вам по этому поводу".

Одной из отличительных черт его характера было сильное чувство справедливости. В рассказе о пленении Александра Харпера и других следует вспомнить, что во время их долгого и утомительного похода, когда его собственные воины и он сам страдали почти от крайнего голода, он собственными глазами видел, с какой суровой беспристрастностью распределялись те скудные запасы продовольствия, которые им удавалось случайно раздобыть. Каждому пленнику было позволено полностью разделить свою долю с самим собой; и в конце их похода было видно, как ловко он предотвратил попытку бегом в перчатках, которой индейцы так часто подвергали своих пленников. Более того, та же любовь к справедливости отличала его поведение во время войн с индейцами 1789-95 годов и пронизывала его переписку, связанную с этими войнами, и его собственные последующие трудности с британским правительством по поводу титула на землю Гранд-Ривер, и во всех его переговорах со штатом Нью-Йорк. Он искренне считал справедливыми притязания северо-западных индейцев на границу между Огайо и Маскингумом. Отсюда его неустанные усилия, год за годом, направленные на урегулирование разногласий между Индией и Соединенными Штатами на этой основе. Когда ему казалось, что индейцы требуют слишком многого, он выступал против них; и поскольку он считал их правыми, он был готов сражаться за них. В письме генералу Чапину по этому поводу, написанном в декабре 1794 года, он говорит:

"Твои письма из Канандайгуа сейчас передо мной. Я должен сказать, что наши встречи в течение всего прошлого лета, на которых все наши мысли были сосредоточены исключительно на установлении линии границы, такой, которая, по нашему мнению, могла бы стать средством установления мира на прочной основе, по этой причине мы указали линию, которую провели, хорошо зная ее справедливость и будучи уверенными, что вся индийская конфедерация ратифицирует ее.

"Я должен с сожалением, как частное лицо, обнаружить, что эта граница была оставлена, поскольку я твердо убежден, что, если бы она была принята, наступил бы прочный мир. Поэтому я всегда, чтобы добиться этой желанной цели, напрягал все свои нервы, не желая ничего, кроме справедливости между нами. Эта линия, как вы помните, была предложена губернатору Сент-Клеру в Маскингаме. Несмотря на две успешные кампании индейцев, я по-прежнему придерживался той же линии и продолжаю это делать. Это, я надеюсь, убедит вас в том, что моим желанием всегда был мир. Сделанное предложение было отклонено мистером Сент-Клером, и каковы были последствия, вы хорошо знаете. . . . Вы помните, что я расходился во мнениях даже со своими друзьями в отношении границ, [FN] и в двух последних сообщениях, которые вы тогда получили, мое имя не относилось ни к тем, ни к другим, по той причине, что я считал их [индейцев] слишком неразумными. По этой причине я был вынужден приложить больше усилий, чтобы привести индейцев и вас к взаимопониманию, чем я был обязан делать, если не учитывать наши общие интересы. Что касается политики, я ее не изучаю. Мой принцип основан на справедливости, а справедливость - это все, чего я желаю. Никогда я не буду прилагать усилий ради какой-либо нации или народностей, пусть их мнение обо мне будет таким, каким они пожелают, если я ясно не увижу, что они искренни и справедливы в том, к чему они могут стремиться, и что они хотят только строгой справедливости. Когда я пойму, что таковы чувства народа, с моей стороны никогда не будет недостатка в усилиях по приведению народов к хорошему взаимопониманию".

Капитан Брант предложил компромиссную линию границы, о которой он здесь говорил. Но ни Соединенные Штаты, ни индейцы не захотели к этому прислушиваться.

Эти взгляды искренни, мужественны и благородны; и соответствуют всему содержанию его речей и переписки, а также по этому и всем другим спорным вопросам, в которых он был призван участвовать.

Его усилия по нравственному и религиозному совершенствованию своего народа были неутомимы. В дополнение к деталям, уже представленным по этому поводу, не менее интересен тот факт, что первая епископальная церковь, возведенная в Верхней Канаде, была построена Брантом на средства, собранные им во время пребывания в Англии в 1786 году. Церковь была построена в том же году, и он установил там первый "церковный колокол", который звонил в Верхней Канаде. [FN-1] Преподобный Дэвенпорт Фелпс в письме президенту Джону Уилоку, ноябрь 1800 г., по поводу усилий капитана Бранта и прогресса, которого достигли его люди в религиозных знаниях и искусствах цивилизованной жизни под его влиянием, замечает: "Я не могу, сэр, но здесь следует отметить, что можно питать большие надежды на то, что мы еще увидим, как пустыня распускается подобно розе. Среди многих индейцев уже существует такой уровень цивилизации, который удивил бы постороннего человека. И у некоторых из них есть такой облик христианства, что многие белые, обладающие им, вполне могли бы покраснеть при сравнительном взгляде. Я полностью убежден, что причиной этого великого и важного изменения и нынешней приятной перспективы успеха в распространении среди них знаний об Искупителе были труды вашего достопочтенного предшественника под руководством Бога. Полковник Брант всячески поощряет цивилизацию и христианство. Следует надеяться, что благодаря его усилиям и влиятельному примеру среди индейцев их прогресс в

совершенствовании еще может быть значительным". [FN-2] Его искренним желанием, вне всякого сомнения, было стать благодетелем своего народа.

[FN-1] Письмо автору от полковника У. Дж. Керра.

[FN-2] М^с"Жизнь Уилока" Клуга.

Как воин, он был осторожен, проницателен и храбр; с неусыпной бдительностью выискивал возможности для действий и не позволял ни опасностям, ни трудностям отвлечь его от четко поставленных целей. Его телосложение было крепким, способность к выносливости огромной, энергия неутомимой, а твердость неукротимой. Его характер в его социальных и домашних отношениях был подробно описан и не нуждается в дальнейших иллюстрациях. В своих делах и деловых связях он был расторопен, благороден и опытен; и, насколько автору удалось получить информацию от джентльменов, которые хорошо его знали, он был образцом честности. Чистота его личных нравов никогда не подвергалась сомнению, и его дом был обителью доброты и гостеприимства.

Его манеры в изысканном обществе были описаны доктором Миллером и генералом Портером. Не лишая себя полностью характерной для его народа сдержанности, он, тем не менее, мог расслабиться, когда того требовал случай, и внести свою полную лепту, ведя оживленную и умную беседу, в удовольствия общества в целом. Он был одновременно приветлив и полон достоинства, избегая легкомыслия, с одной стороны, и чопорности - с другой; одним словом, держался как подобает хорошо воспитанному джентльмену. Некоторые описывали его как красноречивого собеседника. Другие, опять же, отрицают его свойство красноречия, будь то в публичных выступлениях или в кругу общества; утверждая, что его великая сила заключалась в его сильном практическом здравом смысле и глубоком и готовом понимании характера. Мистер Томас Моррис утверждает, что его проницательность в этом отношении превосходила проницательность любого другого человека, с которым он был знаком. Его темперамент был определенно дружелюбным; он обладал острым восприятием смешного и сам был одновременно юмористичным и остроумным — иногда блестящим в этом отношении; и его беседа часто была увлекательной из-за своей игривости и живости. [FN]

[FN] В качестве иллюстрации его проницательности профессор Гриском рассказал автору следующий анекдот о Бранте: "Когда Джемайма Уилкинсон (которая утверждала, что она сама по себе Спасительница мира во время его второго появления на земле) проживала в своих владениях в западном Нью-Йорке, окруженная своими введенными в заблуждение и раболепствующими последователями, она не могла не привлечь внимания полковника Бранта; в то время как знаменитость Вождя, в свою очередь, должна была привлечь внимание полковника Бранта". насильно привлек к себе ее внимание. Это, конечно, привело к обоюдному желанию увидеться, и Брант, наконец, явился в ее особняк и попросил об интервью. После некоторых формальностей его впустили, и она обратилась к нему с несколькими словами приветственного приветствия. Он ответил ей официальной речью на своем родном языке, в заключение которой она сообщила ему, что не понимает языка, на котором он говорит. Затем он обратился к ней на другом индийском диалекте, на что она точно так же возразила. После паузы

он начал речь на третьем, все еще отличающемся от американского языке, когда она прервала его, выразив недовольство тем, что он продолжает говорить с ней в терминах, которые она не могла понять. Он с достоинством встал и, сделав многозначительный жест рукой, сказал — "Мадам, вы не та, за кого себя выдаете. Иисус Христос может понимать один язык так же хорошо, как и другой", - и резко удалился". Поскольку этот поразительный и характерный анекдот был получен от доктора Грискома, я обнаружил, что его приписывают Красному Жакету. Этот Вождь, однако, был язычником — неверующим в Иисуса Христа; а поскольку Брант был противоположностью, этот анекдот более характерен для него, чем для оратора Сенеки.

Непримиримое негодование, приписываемое американским индейцам, было ему не свойственно. В речи перед советом миссисауга — клана гуронов, расположенного на берегу залива Квинте, — по поводу некоторых тяжких личных оскорблений, на которые жаловались некоторые из их соплеменников, он заметил: "Братья, я очень рад, что вы так терпеливо переносите эти оскорбления. Я советую вам проявлять терпение и благоразумие, никогда не позволяя себе испытывать чувства мести до тех пор, пока не будут предприняты все необходимые шаги для их устранения". [FN] На протяжении всей его переписки явная враждебность личного характера, по-видимому, питалась только к полковнику Клаусу, заместителю генерального суперинтенданта Департамента по делам Индии. Точную природу этого затруднения автор не выяснил. Однако оно было связано с денежными делами индейцев, в отношении которых Брант был освобожден от порицания при каждом тщательном рассмотрении. Тем не менее, от вождя племени ирокезов нельзя требовать совершенства в большей степени, чем от других людей, и автор не обнаружил ни малейших доказательств, которые могли бы обвинить полковника Клауса в моральном или служебном поведении, за исключением того, что он, по-видимому, потворствовал неудачным махинациям Красной Куртки и других врагов Бранта, направленным на низложение вождя.

[FN] МИСС речь среди статей Бранта.

Как и у других людей, у Бранта, несомненно, были свои недостатки, но они были искуплены высокими качествами и непререкаемыми добродетелями. В связи с его первым визитом в Филадельфию его обвинили в двуличии и даже предательстве в отношении дел индейцев и Соединенных Штатов. Но обвинение было вопиюще несправедливым. В годы тех войн его положение было тяжелым и своеобразным. У него были свои скрытые цели, с которыми следовало проконсультироваться в отношении индейцев верхних озер. Он желал, чтобы справедливость восторжествовала над ними, а также над Соединенными Штатами. И он также не желал ослаблять свое собственное влияние на этих индейцев. В то же время ему предстояла трудная игра с колониальным и британским правительствами. Сомнительные отношения между Англией и Соединенными Штатами вынудили первую удерживать индийцев в крайне непримиримом настроении по отношению к последней в течение ряда лет; иногда даже подталкивая их к военным действиям, с помощью средств и приемов, политика которых требовала сокрытия, а при необходимости и дипломатического отказа. В то же время, хотя Брант был полностью лоялен королю, он, тем не менее, был полон решимости сохранить неограниченную независимость своей особой нации; дружеские отношения с колониальным правительством также были необходимы для его желания получить полный титул на свою новую территорию.

Такое положение, должно быть, во все времена было полно смущения и трудностей, а при определенных обстоятельствах не могло не вызывать глубокого недоумения. И все же он выдержал все это, доказав, что в Филадельфии он выше влияния золота и прошел испытание без позора. В письмах он опережал некоторых генералов, против которых воевал, и даже еще более выдающихся военачальников, которые процветали до него и после. Верно, он был честолюбив — как и Цезарь. Он стремился объединить многие нации под своим владычеством — как и Наполеон. Он правил варварами — как и Петр Великий.

За несколько лет до своей смерти капитан Брант построил просторный жилой дом высотой в два этажа на участке земли, подаренном ему королем, в верховьях озера Онтарио - прямо к северу от пляжа, который отделяет озеро от водной глади, известной как залив Берлингтон. Обстановка благородная и повелительная, открывающая великолепную перспективу этого прекрасного озера с плодородной почвой и живописной местностью вокруг него. На этом месте 24 ноября 1807 года он завершил жизнь, полную большей и более непрерывной деятельности на протяжении полувека, чем выпало на долю почти любого другого человека, чье имя было вписано музой истории. Он был непоколебимым сторонником отличительных доктрин христианства и членом Епископальной церкви на момент своей кончины. Он переносил свою болезнь, которая была болезненной, с терпением и смирением. Он умер в полном расцвете сил и, по мнению его приближенных, в полной вере в христианскую религию. [FN] Ему было шестьдесят четыре года и восемь месяцев. Его останки были перевезены в деревню ирокезов на Гранд-Ривер и похоронены рядом с построенной им церковью. Интересы его народа, поскольку они были главной целью его усилий на протяжении всей жизни, были главенствующими в его мыслях до самого конца. Его последние слова, которые сохранились по этому поводу, содержались в наказе его приемному племяннику Тейонинхокаравену: "Сжальтесь над бедными индейцами: если вы можете добиться какого-либо влияния у великих, постарайтесь сделать им все возможное добро". С большим основанием оставшиеся в живых могаки могли бы воскликнуть то же самое, что воскликнул царь Иоас у постели умирающего пророка: "Отец мой, отец мой, колесница Израиля и всадники ее!"

[FN] См. Приложение, № XX.



*Your very obt. servt
John Brant
Myamaesha.*

ГЛАВА XVI.

Счета семьи Брант после его смерти—Екатерина Брант—линия спуска, среди мохоков—Джон Брант, молодой сын, назначен к о вождях—война 1812 года—генерал Ван Ренсселера на Ниагарской границе—подготовка к спуску на Куинстон—Хайтс—первая попытка разочарование—организация проведения второй части—приезд генерал-полковник Скотт на линии—свои усилия, чтобы сопровождать экспедиции—посадка полковника Соломона Ван Ренсселера и его партии,—ничуть не смутившись атаки—Ван Ренсселера и других тяжело раненых—капитан шерсть несет высот—до генерал Брок—его поражения и падения—приезд

генерал-полковник Скотт на высоты—атака индейцев—общие Sheaffe авансы от Ниагара с подкреплением—бой—американцы везут вниз с высоты—попытки Скотта капитулировать—его знаменосцев сбили—определяет нести флаг, сам—молодой индеец бросается на него, как тигр,—его спасение—интервью с генеральным Sheaffe—капитуляция—марте в Ниагара—замечательное интервью между Скоттом и двух индейцев в Ниагара младший из которых был Джон Брант—база полtroony ополчения—Битва бобра-плотин—закрывает молодых Бранта военной жизни—удаляет до Бранта доме со своей сестрой—счета в семье генерал-Холл—визит британского консула в дом Brant—споры Джона Бранта с архидиакон Страхан-он поедет в Англию уважая древние земли-название разногласия удаётся с министрами—разочарован колониальное правительство—переписка с Кэмпбелл уважая память о своем отце—Внимание к нравственной хочет, чтобы его народ—переписка соблюдая ирокез школы—презентация серебряный кубок—его избрание в провинциальный парламент—место обжалуемого—смерть от холеры—его характер—дальше уведомлений семьи—описание его сестра, и его преемника—смерть Екатерины Брант—заключение.

Кэтрин БРАНТ, вдове Тайенданеги, на момент его кончины было сорок восемь лет. Согласно конституции ирокезов, которая, как и конституция Великобритании, неписаная, наследование передается исключительно по женской линии. Следовательно, верховная власть вождя не переходит к старшему мужчине; но старшая женщина в том, что можно назвать королевской линией, назначает одного из своих сыновей или других потомков, и он, таким образом, становится вождем. Если ее выбор не падет на ее собственного сына, внук, которому она поручает эту должность, должен быть ребенком ее дочери. Вдова Тайенданеги была старшей дочерью главного вождя племени Черепах - первого по рангу среди племени ирокезов. Таким образом, после смерти своего мужа она по собственному праву встала во главе Конфедерации ирокезов, единственная, кто был облечен властью назначить преемника вождя. Официальный титул главного вождя Шести народов - ТЕКАРИХОГЕА; на эту должность был назначен Джон, четвертый и младший сын, которого по-индийски звали АХЬЮВАЙГС,.

После переезда старого вождя Тайенданеги в его новое жилище в верховьях озера Онтарио он перенял английский образ жизни и соответствующим образом обустроил свое домашнее хозяйство. Миссис Брант, однако, — королевой—матерью, как ее могли бы называть в Европе, - предпочитала обычаи своего народа и вскоре после смерти мужа вернулась в деревню могавков на Гранд-Ривер, где с тех пор и жила.

Молодой Вождь родился в деревне ирокезов 27 сентября 1794 года, когда его отцу было тринадцать лет. Он получил хорошее английское образование в Анкастере и Ниагаре под руководством мистера Ричарда Кокрела; но на протяжении жизни значительно совершенствовал свой ум, изучая лучших английских авторов, общаясь с хорошим обществом и путешествуя. Он был внимательным и разборчивым наблюдателем явлений природы, о которых рассуждал в философском духе. Дружелюбный и мужественный в своих чувствах и характере, а также хорошо познакомившийся с английской литературой, он рано развил в себе манеры образованного джентльмена.

Когда разразилась война 1812-15 годов между Соединенными Штатами и Англией, могавки, верные своей древней вере, встали на сторону последней, и *Текарихогеа* выступил в бой со своими воинами. Он участвовал во многих боевых действиях на границе с Ниагарой, и во всех них его осанка была рыцарской, а поведение храбрым. Его первая попытка была предпринята в

битве при Куинстоне, начатой столь благоприятно для американского оружия доблестным и отважным Ван Ренсселером и закончившейся столь катастрофически из—за трусости ополченцев с американской стороны, которые отказались форсировать реку и закрепить победу, которая была одержана так храбро.

Однако в ходе этого сражения произошли инциденты, связанные с поведением молодого Вождя и с жизнью американского офицера, чье имя с того дня было связано с военной славой его страны, которые запрещают столь быстрое завершение сделки. Более того, помимо роли, которую сыграл Джон Брант в битве, и захватывающих событий, о которых следует рассказать, которых самих по себе достаточно, чтобы составить главу, которую вполне можно было бы озаглавить "Роман истории", многие факты, связанные с этим необычным сражением, по сей день остались ненаписанными.

Осенью 1812 года губернатор Томпкинс передал командование Ниагарским участком американской границы генерал-майору Стивену Ван Ренсселеру, старшему офицеру кавалерии штата Нью-Йорк. К его штабу был прикреплен полковник Соломон Ван Ренсселер, офицер, который, будучи младшим офицером регулярной службы, проявил себя своей неустрашимой храбростью, хладнокровием и бесстрашием в бою во время войн с индейцами, и особенно под командованием генерала Уэйна в Майами. Положение генерала Ван Ренсселера было чрезвычайно затруднительным в течение всего периода его командования или почти за три месяца до рассматриваемого движения. Его избрание на этот пост главнокомандующим Нью-Йорком, учитывая неблагоприятное состояние их политических отношений, было сочтено двусмысленным актом со стороны губернатора. Но, несмотря на то, что генерал Ван Ренсселер был против политики войны, обладал первым отцовским поместьем в Америке и пользовался всеми благами, которые могут подсластить жизнь, он колебался, не подчиняться ли призыву своей страны, и немедленно выступил в бой. [FN-1] После разведки границы от Огденсбурга до озера Эри он решил основать свою штаб-квартиру в Льюистоне, на берегу Ниагарского пролива. После провала экспедиции генерала Халла, который был бесславно взят в плен со своей армией под Детройтом, следующим пунктом нападения на страну противника, очевидно, был канадский полуостров у Ниагары. Но сезон активных военных действий почти миновал из-за запоздалого набора регулярных войск и неуверенных формирований ополчения; и только в октябре генерал Ван Ренсселер оказался в силах организовать наступательные операции. Его забота не только об интересах государственной службы и чести своей страны, но и о своей собственной репутации побудила его нанести удар по врагу, если это возможно, [FN-2] чтобы получить позицию для зимовки на берегу Канады. К этому добавилось проявление сильного и нетерпеливого желания ополчения выступить против врага. Это желание достигло такой высоты, что сопротивление казалось едва ли возможным, а патриотизм, по-видимому, переходил границы субординации. [FN-3] Действительно, решимость ополчения была доведена до сведения генерала по различным каналам в качестве *альтернативы*, что они должны получить приказ *действовать* против врага, иначе они отправятся домой. [FN-4] Да и сам генерал не был менее жаждущим действий, чем утверждали его войска. Он чувствовал, что позор, нанесенный американским вооружением в Детройте в начале кампании, может быть смыт только блестящим ее завершением; и что, если не будет нанесен сигнальный удар, ожидания общественности будут обмануты; весь труд и расходы на кампанию пойдут прахом; и, что хуже всего, все это будет окрашено бесчестьем. [FN-5]

[FN-1] Мемуары генерала Уилкинсона.

[FN-2] Там же.

[FN-3] История войны Лоу.

[FN-4] Официальный отчет генерала Ван Ренсселера.

[FN-5] Письмо генерала Ван Ренсселера губернатору Томпкинсу, 8 октября 1812г.

Под впечатлением от подобных соображений и воодушевленные очевидным желанием ополчения выступить в поход, были составлены планы атаки на Квинстонские высоты с целью продвижения оттуда на форт Джордж на Ниагаре, который предлагалось взять штурмом, а затем расположить там армию на зимовку — отличная позиция для получения припасов и принятия необходимых мер для начала кампании ранней весной следующего года. [FN-1] Генерал Брок, британский командующий на противоположном берегу реки, наблюдал за передвижениями американцев с неослабевающей бдительностью; но шпион, который был отправлен за реку, вернулся с ошибочной информацией о том, что этот офицер двинулся в направлении Детройта со всеми имеющимися в его распоряжении силами, и генерал Ван Ренсселер принял меры для форсирования реки и атаки Квинстон-Хайтс ранним утром 11 октября. Замысел, однако, был сорван либо из-за невежества, трусости, либо из-за предательства лодочника, который был выбран ведущим лодочником за его мастерство и уравновешенность. Предприятием должен был руководить полковник Соломон Ван Ренсселер — "Корпус, назначенный для экспедиции и состоящий в основном из ополченцев, собрался пунктуально и в хорошем порядке в месте встречи, и, за исключением погоды, которая была сырой и ветреной, все выглядело благоприятно. Но когда после долгого и терпеливого противостояния северо-восточному шторму был отдан приказ о посадке и вызваны шлюпки, оказалось, что ни одна из них не была готова; и при расследовании было обнаружено, что человек, отвечавший за них, не только удалился сам, но и прихватил с собой все весла, необходимые для службы. В связи с этим неожиданным происшествием не было иного средства, кроме терпения; соответственно, экспедиция была приостановлена, а войска отправлены обратно в свои пункты расквартирования". [FN-2]

[FN-1] Там же.

[FN-2] Заметки генерала Армстронга о войне 1812 года.

Поскольку нетерпение ополчения продолжалось, и генерал получил подкрепление в триста пятьдесят регулярных войск под командованием подполковника Кристи, он решил возобновить попытку до рассвета 13-го утром. Полковник Ван Ренсселер должен был командовать экспедицией, как и прежде, и возглавить атаку с тремя сотнями ополченцев, за которыми должен был следовать подполковник Кристи с тремя сотнями регулярных войск. Подполковники Кристи и Фенвик согласились отказаться от звания и служить под началом полковника Ван Ренсселера. Подполковник Фенвик вместе с майором Малони должны были следовать за Кристи с тремястами пятьюдесятью регулярными войсками и несколькими артиллерийскими орудиями, за которыми должна была последовать большая часть ополчения. Таково в общих чертах расположение войск утром 13 октября. Тем временем подполковник (ныне генерал-

майор Скотт) прибыл со своим артиллерийским полком в Шлоссер, в двух милях выше Водопада и в двенадцати от Льюистона, за день до сражения. Услышав от полковника Странахэна из ополчения Отсего, чей полк, расквартированный у Водопадов, был в движении, что генерал Ван Ренсселер задумал какую-то экспедицию, Скотт, тогда такой же молодой и пылкий, как и сейчас, с нетерпением ожидавший скорой встречи с врагом, вскочил на коня и во весь опор поскакал в Льюистон. Он немедленно явился к командующему войсками генералу, от которого узнал о характере пешего предприятия и испросил чести принять в нем участие. Генерал ответил, что все детали уже согласованы — что командование должен принять полковник Соломон Ван Ренсселер, а подполковники Фенвик и Кристи отказались от своих званий и будут служить под началом этого офицера. Но Скотт был так настойчив, что генерал разрешил ему сопровождать экспедицию в качестве добровольца, если он также откажется от своего звания. Это предложение было отклонено; но поскольку Скотту не терпелось привести свой полк в Льюистон, в конечном счете было оговорено, что он может выбрать позицию на берегу реки и использовать свою артиллерию с таким преимуществом, какое только представится возможность. В соответствии с этой договоренностью он поспешил обратно в свой полк в Шлоссере, который, хотя и был утомлен долгим путешествием, тем не менее был форсированным маршем по ужасным дорогам доставлен в Льюистон вечером в положенное время. Скотт снова добивался разрешения участвовать непосредственно в предприятии. Но тщетно. Если бы он был на поле боя, его звание в рядах регулярной службы дало бы ему звание полковника милиции, в котором был только Ван Ренсселер; и поскольку весь проект был инициирован последним, командующий генерал рассчитывал, что он пожнет лавры в ожидании.

Было бы чуждо цели этого повествования останавливаться на множестве неблагоприятных обстоятельств, которые задержали это предприятие и едва не привели его к полному провалу. Достаточно сказать, что после того, как эти трудности были частично преодолены, экспедиция отправилась в свое опасное предприятие. Уже отмечалось, что противник бдительно следил за передвижениями американцев, и они обнаружили признаки какого-то движения в течение последних нескольких предшествующих дней. Узость реки, без помощи шпионов, позволила им произвести эти наблюдения; вдобавок к этому был слышен звук весел, так что противник, вместо того чтобы быть застигнутым врасплох, был в значительной степени подготовлен к приему Ван Ренсселера. Действительно, огонь был открыт еще до того, как лодка полковника Ван Ренсселера достигла берега, и лейтенант Рэтбоун был убит в лодке полковника. Однако две роты регулярных войск и капитаны Армстронг и Малкольм ранее приземлились без неприятностей и обнаружения. [FN]

[Ф.Н.] Заметки Армстронга о войне.

За ними последовали другие лодки, и высадка двухсот тридцати пяти человек была произведена, хотя прибывшие первыми подразделения серьезно пострадали от огня противника, особенно в результате потери своих офицеров. Войска построились под очень жарким огнем, взобрались на берег, сам Ван Ренсселер возглавил отряд и разгромил врага острием штыка без единого выстрела. В ходе этой операции был убит энсин Моррис, а капитаны Армстронг, Малкольм и Вул получили ранения, причем последнее легкое. Сам полковник Ван Ренсселер серьезно пострадал, получив одну пулю в бедро, которая прошла мимо

позвоночника, две в бедро, одна из которых застряла, две в ногу и шестую в пятку. Подполковник Фенвик также был тяжело ранен, а полковник Кристи - слегка. Действительно, капитан Вул, сам тоже раненный, теперь был старшим офицером, годным к службе. Доблестный командир, скрывавший свои раны под шинелью так долго, как только мог, сразу после отступления противника к городу приказал капитану Вулу, старшему офицеру, способному нести службу, подняться на гору и нести батарею, дав ему направление движения, с помощью которого он избежал бы огня вражеской артиллерии, поставив лейтенантов Рэндольфа и Гансевурта, которые вызвались добровольцами, во главе маленькой колонны, а майора Лаша, другого добровольца, в арьергарде, с приказом предать смерти первого человека, который отступит. [FN-1] Это предприятие было доблестно выполнено капитаном Вулом, и батарея была взята "без особого сопротивления". [FN-2] Полковник Ван Ренсселер, однако, не в силах больше держаться, упал на землю вскоре после того, как отряд расступился перед ним; но он не потерял сознания, и боль от его ран вскоре утихла под победные крики.

[FN-1] Мемуары Уилкинсона.

[FN-2] Отчет капитана Вула. Офицерами, участвовавшими в штурме батареи, были капитаны Вул и Огилви; лейтенанты Кирни, Хугинен, Карр и Сэммонс из 13-го полка; лейтенанты Гансворт и Рэндольф из легкой артиллерии и майор Лаш из ополчения.

Тем временем на американском берегу ощущалась сильнейшая тревога, ожидавшая результатов этой дерзкой попытки; и еще до того, как стало совсем светло, было получено печальное известие, что доблестный предводитель пал, покрытый ранами. И вслед за этой неприятной новостью пришло сообщение, что полковник Фенвик тоже пал, опасно раненный. Если бы Скотт был на поле боя, Фенвик причислил бы его к лику лучших, поскольку он был самым старшим в чине. Кристи была младше Скотта по званию; но пока последний снова настаивал, чтобы его отправили на переправу, Кристи сам появился в шатре генерала Ван Ренсселера, получив легкое ранение в руку. Скотт получил теперь право на должность, которую он искал, и был немедленно удовлетворен указаниями переправиться через реку и принять командование.

Но пока эти приготовления согласовывались с американской стороной, и до того, как подполковник Скотт прибыл на место действия, был совершен еще один важный акт в меняющейся драматической сцене. Высадке американцев противостояли легкая рота 49-го гренадерского полка и йоркское добровольческое ополчение, а также небольшое количество индейцев. Легкие войска были выбиты американцами при восхождении на высоты и захвачена восемнадцатифунтовая батарея. [FN-1] Крепость на высотах, находившаяся под командованием капитана Вула, была укомплектована отрядом гренадеров, всего насчитывавшим, как и предполагалось, сто шестьдесят регулярных войск. [FN-2] Высоты были очищены от противника, который отступил к деревне Куинстон, американцам было позволено некоторое время почитать на лаврах. Но передышка была короткой. Генерал Брок, находившийся на Ниагаре, когда начались боевые действия, был поднят с постели грохотом артиллерии; но его передвижения были столь стремительны, что он прибыл в Куинстон еще до того, как сгустились сумерки утра, в сопровождении своего провинциального адъютанта подполковника М.^кДонелла. [FN-3] Немедленно встав во главе четырех рот своего любимого 49-го гренадерского полка и отряда ополчения, генерал Брок двинулся вперед с целью обойти американцев слева и вернуть

утраченные позиции. Отряд из ста пятидесяти человек, направленный капитаном Вулом для овладения высотами над батареей и сдерживания генерала Брока, был вынужден отступить из-за численного превосходства. Завязалось сражение, в ходе которого после некоторых боев американцы были оттеснены к краю берега. Приложив огромные усилия, капитан Вул остановил своих людей и немедленно направил их в атаку, когда у него закончились боеприпасы. Этот приказ был выполнен, хотя и с некоторым замешательством. Тем не менее, это было эффективно, и враг, в свою очередь, был отброшен к краю высот, где полковник М.^кДонелл, под которым была подстрелена его лошадь, упал, сам смертельно раненный. [FN-4] Тем временем генерал Брок, пытаясь собрать свои силы, получил мушкетную пулю в грудь и почти сразу скончался. Последними словами, которые он произнес, падая с лошади, были: "Давите на храбрых йоркских волонтеров". [FN-5] Вслед за этим противник рассеялся во всех направлениях; [FN-6] и капитан Вул, получив в это время небольшое подкрепление из стрелков с американской стороны, приступил к формированию линии на высотах, выходящих фасадом к деревне, отделяя фланговые группы и осуществляя другие действия, которые были первоначально продиктованы обстоятельствами.

[FN-1] Отчет Кристи о войне в Канаде.

[FN-2] Мемуары Уилкинсона.

[FN-3] Кристи.

[FN-4] Официальный отчет капитана Вула.

[FN-5] Шеватлер.

[FN-6] Капитан Вул.

Именно в этот момент, еще ранним утром, подполковник Скотт прибыл на высоты, где обнаружил войска, как регулярные, так и добровольческие, в значительном беспорядке. Он немедленно объявил свое имя и звание и, приняв командование, с помощью своего адъютанта, офицера большой активности и ума, привел их в порядок. Подсчитав своих людей, он обнаружил, что в регулярных войсках было триста пятьдесят рядовых и двести пятьдесят семь добровольцев под командованием генерала Уодсворта и полковника Странахэна, первый из которых сразу отказался от своего звания в пользу Скотта. Незадолго до того, как Скотт прибыл на землю, капитан Вул приказал лейтенантам Гансворту и Рэндольфу с артиллерийским подразделением пробурить восемнадцатифунтовое орудие, о котором ранее говорилось как о захваченном у противника, на некотором расстоянии ниже гребня высот, но которое было укреплено перед его захватом. Услышав об этом обстоятельстве и узнав, что ружье было утыкано только шомполом, Скотт поспешил лично руководить процессом устранения этого препятствия для его использования. Отсутствовал он недолго, и, вновь поднявшись на высоты, каково же было его изумление, когда он обнаружил тучу индейцев, устремившихся на его линию фронта с томагавками в руках, в то время как его войска были разбиты и, очевидно, находились на грани всеобщего бегства. Индейцы яростно атаковали, и некоторые из них были в десяти шагах от его людей, когда он занял свое место как раз вовремя, чтобы предотвратить всеобщее смятение и развернуть их направо, лицом к врагу, к которому они поворачивались спиной. Все это было делом одного мгновения. Индейцы, обнаружив эту внезапную перемену в способе их

приема, отступили; и после ожесточенного боя были вынуждены отступить. Их предводителем был бесстрашный юноша с удивительной активностью; одетый, раскрашенный и украшенный перьями *по-индейски*, в пестрой шапочке.

Те, кто знаком с историей войны, помнят, что американцы удерживали контроль над высотами и маленькой крепостью, которую они взяли, в течение нескольких часов, не потревоженные регулярными войсками противника, ожидавшими подкрепления из форта Джордж в Ньюарке, в шести милях ниже. Но они постоянно подвергались преследованиям со стороны индейцев, которые кружили вокруг них, иногда наступая в значительных количествах, но которые неизменно обращались в бегство, когда горстка войск полковника вступала в серьезный бой. Юный вождь индейцев отличался изяществом телосложения и, как уже отмечалось, необычайной ловкостью. Полковник Скотт и другие часто наблюдали за ним, и его всегда сопровождал смуглый, рослый начальник, очевидно, обладавший огромной силой, который впоследствии был известен как капитан Джейкобс. Было обнаружено, что эти два индейца, в частности, неоднократно отмечали Скотта, который, подобно первому монарху Израиля, возвышался на целую голову над своими солдатами и который привлекал к себе еще большее внимание благодаря новому блестящему мундиру и высокому белому плюмажу на шляпе. Поскольку поведение этих двух индейцев было особо замечено офицером, Скотту немедленно было отправлено сообщение по этому поводу вместе с его собственным пальто, в котором полковнику советовалось надеть его. Но от маскировки отказались; и индейцы, укрывшиеся в лесу на некотором расстоянии слева, были изгнаны оттуда энергичной атакой, храбро возглавляемой Скоттом собственной персоной.

Однако в результате этих последовательных действий численность американцев, как регулярных войск, так и добровольцев, к сожалению, сократилась, раненых отправили через реку на американский берег в нескольких лодках, которые утром не были приведены в негодность огнем противника. Теперь было обнаружено, что британская колонна, возглавляемая генералом Шиффом, преемником генерала Брока, продвигается вдалеке от Ниагары. Его приближение, хотя и медленное и осмотрительное, было неуклонным; и в его характере и целях не могло быть никаких сомнений. [FN-1] Колонна, с которой таким образом наступал генерал Шифф, состояла из трехсот пятидесяти человек 41-го полка, нескольких рот ополчения и двухсот пятидесяти индейцев. Подкрепления, как из войск, так и из индейцев, прибыли из Чиппева, и силы противника были увеличены до восьмисот человек. [FN-2] Генерал-майор Ван Ренсселер, переправившись через реку до того, как он сделал это открытие, поспешил обратно в свой лагерь, чтобы еще раз обратиться к ополчению с призывом перейти на выручку маленькой группе своих соотечественников, которые теперь находятся в такой неминуемой опасности. Но тщетно. Ни один человек не мог преодолеть свои конституционные угрызения совести по поводу пересечения границ своей собственной страны; и в течение более чем двух часов войскам и добровольцам на высотах было позволено наблюдать за наступающим врагом в количестве, достаточном, чтобы сокрушить его, в то время как, оглянувшись через правое плечо, они могли видеть армию американского ополчения, вполне достаточную, чтобы разгромить приближающуюся колонну и закрепить утренние победы. [FN-3] Марш генерала Шиффа затянулся из-за большого обхода на запад, за лес, о котором до сих пор говорилось как о прибежище индейцев. Скотт и его офицеры, учитывая их собственную уменьшившуюся численность, были очень удивлены этой утомительной мерой предосторожности со стороны противника, но позже были проинформированы офицерами, в

руки которых они попали, что противник понятия не имел, что небольшие силы, которые они видели на высотах, составляли всю армию, с которой им предстояло столкнуться.

[FN-1] Уведомления генерала Армстронга

[FN-2] Такова оценка канадского историка Роберта Кристи. Полковник американских вооруженных сил Кристи в своей оценке заявил, что силы Шиффа составляют от четырехсот до пятисот регулярных войск с четырьмя артиллерийскими орудиями, от пятисот до шестисот ополченцев и триста индейцев.

[FN-3] "Ни мольбы, ни угрозы, ни аргументы, ни насмешки ничего не дали. Они достаточно насмотрелись на войну, чтобы убедиться, что она не является частью их особого призвания; и, наконец, не побрезговав надеть маску, изобретенную фракцией для прикрытия трусости или измены, полторы тысячи здоровых мужчин, хорошо вооруженных и экипированных, которые неделю назад хвастались в основном патриотизмом и доблестью, теперь открыто ссылались на конституционные сомнения в оправдание неповиновения законной власти своего вождя". - *Заметки генерала Армстронга о войне.*

Во время передышки, которой таким образом воспользовались американцы и которая была продлена чрезвычайной осторожностью противника, генерал Уодсворт получил записку от генерала Ван Ренсселера, информирующую его о ранее изложенных фактах, касающихся трусости ополчения, и рекомендующую отступить. Генерал заявил, что ни одну роту невозможно уговорить переправиться через реку; что он сам видел передвижения врага и знал, что они слишком сильны, чтобы им могла противостоять горстка людей на высотах; и что он попытается снабдить их лодками и прикрыть отступление. Тем не менее, он оставил за Уодсвортом и его офицерами право действовать самостоятельно в соответствии с обстоятельствами, исходя из их собственного более непосредственного видения. Немедленно было проведено совещание офицеров, но ничего решено не было. Тем временем противник продолжал приближаться, но с не меньшей осмотрительностью — "маневрируя справа налево и слева направо, и дважды совершая контрмарш по всей длине американской линии, как будто решив пересчитать каждого человека в строю и ознакомиться с каждым футом позиции, прежде чем рискнуть атаковать". [FN-1] Это обсуждение дало время американским офицерам для новых советов. Отступление, однако, считалось безнадежным; после чего полковник Скотт буквально взобрался на пень и обратился с короткой, но воодушевленной речью к своим солдатам: "Мы не можем победить; мы можем пасть; мы должны умереть", - сказал Скотт. - "Но если мы умрем как солдаты, то своим примером доблести на завоеванном поле произведем большее впечатление, чем мы могли бы когда-либо сделать для наших соотечественников, если бывыжили после успешного сражения". Единодушный крик одобрения был ответом на волнующий призыв. Не отстали в поддержке решимости и добровольцы ополчения, которые оставались верными во время утренних перестрелок. Действительно, несмотря на неопытность, на поле боя не было более храбрых людей, чем Уодсворт и Странахэн. [FN-2] Британцы неуклонно продвигались колонной, сдерживая свой огонь, как и американцы, за исключением единственного артиллерийского орудия, имевшегося в их распоряжении, пока не приблизились на расстояние восьмидесяти шагов. Несколько хорошо направленных и эффективных обстрелов увенчались успехом — американцы прочно удерживали свои позиции до тех пор, пока их не укололи штыками противника. Затем они отступили к реке, так как склон обрыва в тот день был покрыт

кустарником, что позволило солдатам спускаться с одного обрыва на другой с достаточной осторожностью, чтобы время от времени отвечать огнем преследователей. Вскоре, однако, индейцы бросились за ними, перепрыгивая с куста на куст; это обстоятельство несколько ускорило отступление американцев. Когда они достигли кромки воды, под рукой не оказалось ни одной лодки; и, чтобы избежать яростного огня преследователей, Скотт отвел своих людей дальше вверх по реке, чтобы укрыться под более крутыми и, по сути, нависающими скалами.

[FN-1] Заметки генерала Армстронга о войне.

[FN-2] Покойный полковник Фарранд Странахэн из Куперстауна. Генерал Уодсворт и полковник Странахэн с тех пор оба скончались.

Побег теперь был невозможен, а сражаться дальше было не только бесполезно, но и безумно. Таким образом, после кратких консультаций с Гибсоном и Тоттенем (последний офицер вернулся на поле боя во второй половине дня) было решено о капитуляции. Соответственно, был отправлен флаг с предложением. После некоторого ожидания без каких-либо известий был послан другой, а затем еще один — ни один из них не вернулся; и впоследствии выяснилось, что носильщики были последовательно застрелены индейцами. После этого Скотт решил сам пойти с флагом. Но когда он готовился к выполнению своей опасной задачи, его внимание привлекли двое его людей, которые намеренно раздевались догола. На вопрос об их мотивах они ответили, что с таким же успехом могут утонуть, как и быть повешенными, поскольку их наверняка схватят, поскольку они признали себя дезертирами из рядов врага. Сказав это, они нырнули в темный поток, бешено текущий в своих могучих водоворотах. Это был страшный прыжок, но обоим удалось благополучно добраться до американского берега, и полковник позже увидел их и поговорил с ними.

Но продолжим. Полковник Скотт решил сам нести четвертый флаг, и для этой цели из-под его козырька был извлечен галстук Тоттена. Тоттен и Гибсон решили сопровождать своего командира, который, будучи самым высоким, носил платок на острие шпаги. Держась поближе к кромке воды и укрываясь, как могли, за скалами, индейцы, не переставая стрелять, спускались вниз до тех пор, пока берег не перестал быть защитой, и тогда они повернули налево, чтобы выйти на дорогу. Но как раз в тот момент, когда они приближались к нему, поднялись два индейца, которые утром целились в Скотта, — молодой и проворный вождь и более мускулистый капитан Джейкобс, — которые оба набросились на них, как тигры из своих логовищ. Скотт возмутился и дал понять, в каком образе он искал британского командующего, но безрезультатно. Индейцы яростно схватились с ними, и Джейкобсу удалось вырвать меч из руки полковника. Клинки Тоттена и Гибсона мгновенно выскочили из ножен, и индейцы уже поднимали свои топоры, когда британский сержант бросился вперед, хрипло восклицая — *"Честь! Честь!"* — и, имея при себе охрану, сражающиеся были разделены, а полковника Скотта провели к генералу Шиффу, которому он предложил сдаться и с которым были быстро согласованы условия капитуляции — генерал сразу же сказал, что с ними следует обращаться со всеми военными почестями. Немедленно был отдан приказ прекратить стрельбу; но этот приказ не был немедленно выполнен, что вызвало протест со стороны полковника Скотта и, наконец, категорическое требование вернуться к своим войскам. Этот продолжительный огонь велся со стороны индейцев, которых, по признанию генерала Шиффе, он не мог контролировать, поскольку они были чрезвычайно раздражены размерами своих потерь. Скотт

сделал довольно суровый выговор врагу, который признавал союзников такого характера; но, поскольку офицеры были распределены между ними во всех направлениях, они были вскоре вынуждены прекратить.

Пленные, сданные Скоттом, насчитывали сто тридцать девять регулярных войск и всего сто пятьдесят четыре добровольца — полковник точно пересчитал их сам. В тот же вечер всех их отправили маршем в Ньюарк (ныне Ниагара), где полковник и два его старших офицера разместились в маленькой таверне, получив приглашения в первый же вечер отобедать с генералом Шиффом. Пока они ждали прибытия офицера, который должен был проводить их в апартаменты генерала, произошел другой инцидент, столь же бурный и даже более поразительный, чем сцена с двумя индейцами на обочине дороги. Как раз в сумерках в гостиную вошла маленькая девочка с сообщением, что кто-то в холле желает видеть "высокого офицера". Вслед за этим полковник Скотт вышел из гостиной, разумеется, без оружия, в холл, темный и узкий, к тому же к нему вела лестница; но каково же было его изумление, когда он снова встретился лицом к лицу со своими злыми гениями, мускулистым капитаном Джейкобсом и легконогим шефом! Полковник закрыл за собой дверь, когда выходил из гостиной, но у наружной двери стоял часовой, который ненадлежащим образом впустил индейцев. Смуглые посетители без церемоний подошли к полковнику, и младший, который единственный говорил по-английски, коротко осведомился о количестве пуль, пробивших его одежду, выражая удивление тем, что они оба стреляли в него почти весь день безрезультатно. Но пока молодой индеец говорил или, скорее, начинал говорить — ибо таков, по—видимому, был впоследствии смысл того, что он хотел сказать, - Джейкобс, грубо схватив полковника за руку, попытался развернуть его, воскликнув на ломаном английском: "Я так часто стреляю, что наверняка куда-нибудь попал". - Убери руки, негодяй! - крикнул Скотт, возмущенный такой вольностью по отношению к своей персоне, и добавил презрительное выражение, отражающее меткость индейца, когда отшвыривал его от себя.

Когда вскоре после этого появился общий приказ Шиффа, было объявлено, что двести американцев утонули и девятьсот взяты в плен. Полковник Скотт немедленно обратился к генералу Шиффу и выразил протест против такого преувеличения, поскольку он сам пересчитал своих людей и знал, что в общей сложности их было меньше трехсот. Шифф ответил, что озвученные им цифры были доведены до его сведения, и он твердо уверен в точности заявления. В заключение он пригласил Скотта пойти в казармы и посмотреть самому. Он так и сделал и, к своему глубокому огорчению, обнаружил, что утверждение общего приказа было правдой! При расследовании этого несоответствия выяснилось, что число пленных увеличилось до этого количества за счет нескольких сотен трусливых негодяев из ополчения, которые, высадившись на канадский берег, воспользовались темнотой и другими удобствами, чтобы спрятаться среди расщелин в скалах; где они оставались в укрытии в течение дня, и только после капитуляции британские войска вытащили их за ноги из их укрытий. Вот и все для ополчения.

Индейцы мгновенно обнажили и кинжал, и томагавк, когда с быстротой молнии Скотт, который, к счастью, заметил несколько мечей, стоявших в конце прохода, выхватил один из них из железных ножен и занял позицию защиты от угрожающих индейцев. Пока они стояли в этой живописной позе - Скотт с мечом, готовый нанести удар, и индейцы с поднятыми томагавками и

кинжалами, вызываясь хмурясь друг на друга, — обе стороны ожидали первого удара, — полковник Коффин, которого послали с охраной проводить Скотта в апартаменты генерала на обед, выскочил в коридор и крикнул: "Стоять!" С первого взгляда поняв опасное положение Скотта, он сразу же вмешался в его защиту резкими возражениями, а также оружием. Джейкобс в раздражении повернулся к полковнику Коффину и, произнеся угрозу, его товарищ также неосторожно повернулся, чтобы понаблюдать за исходом нового боя. Сцена носила самый волнующий и серьезный характер. Когда индейцы набросились на Коффина, один из них воскликнул — "Я убью тебя!" Скотт мгновенно поднял свою саблю, которая была тяжелой и прочной, так что нисходящий удар пришелся бы сразу на обоих дикарей, и крикнул: "Если ты ударишь, я убью вас обоих!" Мгновение они стояли нахмурившись; пронзительные глаза индейцев сверкали дикой яростью, в то время как Скотт и Коффин одинаково смотрели на обоих с гневным вызовом, все с поднятыми руками и сверкающей сталью. Несколько оправившись от порыва страсти, в который они были повергнуты, индейцы медленно опустили оружие и удалились. Офицер, который таким образом пришел на помощь, был помощником генерала Шиффа, чьим поручением было проводить полковника на ужин, и который своим своевременным прибытием, вероятно, спас ему жизнь. Вряд ли есть необходимость упоминать, кем был молодой вождь, который так активно и храбро держался весь день, поскольку читатель уже предвидел это имя — Джон БРАНТ - преемник великого Полководца, своего отца, который, как уже говорилось, хотя ему и не было восемнадцати лет, в тот день впервые повел свое племя по тропе войны. Вне всякого сомнения, в планы молодого вождя не входило причинять вред пленному американскому командиру. Весь его характер исключает эту идею, поскольку он был столь же щедр и доброжелателен в своих чувствах, сколь и храбр. Поскольку в течение дня полковник израсходовал много боеприпасов, этот визит был вызван любопытством, желанием выяснить, насколько близко они подошли к достижению своей цели. Подобно Кассию, индеец излучает гнев, как кремьен зажигает огонь, хотя и не всегда так быстро остывает. То же самое было и со Скоттом. Ни тот, ни другой не допускали личной свободы — полковник не вполне понимал цель их визита, и следствием этого стало внезапное столкновение, которое едва не оказалось фатальным. [FN]

Генерал Шифф - американец по происхождению, и он воспользовался первой же возможностью, чтобы объяснить полковнику Скотту, как случилось, что он, весьма неохотно, поднял оружие против страны, на которой родился. Он заявил, что был юношей в начале войны за Американскую революцию и жил со своей овдовевшей матерью в Бостоне. Пока британская армия занимала этот город, апартаменты графа Перси находились в доме его матери. Его светлость проявил к нему сильное пристрастие и забрал его с целью обеспечить его. Он дал ему военное образование и отправил в армию, закупив коммиссионные и повысив его в должности, насколько продвижение по службе может быть приобретено путем покупки на британской службе. Его последующее повышение до звания генерал-майора было получено благодаря службе. Начало войны застало его в Канаде. Он, не теряя времени, заявил о своем нежелании служить против своих соотечественников и потребовал перевода в какую-либо другую страну. Но его просьба не была удовлетворена на момент рассматриваемых событий. За подвиг при поимке Скотта и его маленького отряда в Куинстон-Хайтс ему присвоили титул баронета.

В последовательных сражениях, которые велись на этой почти не оспариваемой границе в 1813 и 1814 годах, молодой Брант как индейский вождь проявил себя с большой похвалой, как за

свою храбрость, так и за ум и активность. В ходе экстраординарной кампании 1813 года, начавшейся так блестяще для американского оружия при Йорке и продолженной в том же духе и с тем же успехом при Форт-Джордже (Ниагара) и, тем не менее, сопровождавшейся такими неожиданными катастрофами, как пленение врагом генералов Чандлера и Уиндера и капитуляция полковника Бурстлера у Биверных плотин, у молодого Бранта было несколько возможностей отличиться. Он участвовал в штурме форта Джордж под командованием генерала Винсента, когда эта крепость была так доблестно взята американскими войсками под непосредственным командованием генерал-майора Льюиса.

После того, как Винсент удалился в глубь страны с целью занять позицию на Берлингтон-Хайтс, и после поражения Уиндера и Чандлера при Сороковой Майл-Крик, полковник Бурстлер был выдвинут вперед с шестью сотнями человек всех родов войск — драгунами, артиллерией и пехотой — чтобы выбить сильный пикет противника, размещенный в каменном доме примерно в двух милях за холмистым перевалом, называемым Бивер-Дамс, в семнадцати милях от Форт-Джорджа. [FN-1] Прибыв к Бобровым запрудам, полковник Бурстлер был застигнут врасплох большим отрядом индейцев под предводительством молодого Бранта и капитана Уильяма Дж. Керра численностью около четырехсот пятидесяти воинов. Бой продолжался около трех часов — индейцы, конечно, сражались по-своему, в укрытии, — очевидно, окружив полковника Бурстлера в лесу. Действительно, противник, должно быть, вел сражение с замечательной ловкостью, поскольку полковник Бурстлер, раздраженный со всех сторон, не осмеливался ни наступать, ни отступать, в то время как результатом каждого наблюдения было убеждение, что он окружен значительно превосходящими силами. Наконец лейтенант Фитцгиббонс из 49-го вражеского полка, прибывший на место с сорока шестью рядовыми, послал полковнику Бурстлеру знамя с требованием капитуляции. После некоторых переговоров — британский лейтенант увеличил численность своих войск и притворился, что ведет переговоры от имени майора Де Харена, [FN-2] не забыв при этом несколько случайных предложений, касающихся ужасов резни индейцев, — полковник Бурстлер, не имея ни резерва для поддержки, ни демонстрации в свою пользу, [FN-3] сдал свой отряд в качестве военнопленных. Это сражение произошло 24 июня и было блестящим событием для молодого Бранта, поскольку в нем участвовали одни индейцы, а регулярные войска противника не израсходовали ни одного патрона. [FN-4]

[FN-1] Генерал Армстронг.

[FN-2] История войны Кристи в Канаде.

[FN-3] "Уведомления" генерала Армстронга.

[FN-4] Письмо автору от полковника Уильяма Дж. Керра. Это необычное сражение в то время было предметом многочисленных споров и немалых насмешек. В американских отчетах, впервые опубликованных, говорилось, что Бурстлер был атакован пятью сотнями регулярных войск и сотней индейцев, собственный отчет полковника Босстлера об этом событии в основном посвящен большому численному превосходству против него; но хотя читателю остается сделать вывод, что он долго сражался как с регулярными войсками, так и с индейцами, все же этот факт нигде прямо не указан. Полковник утверждал, что это была опрометчивая экспедиция, откомандированная из-за ложной информации, сообщенной майором Кирениусом

Чапином, командующим отрядом добровольцев. Майор, по его словам, вел себя во время боя как законченный трус. Что касается самого сражения, то нет никаких сомнений в том, что капитан Керр и молодой Брант обошли полковника, и, продержав его в страхе несколько часов, он, наконец, был вынужден сдаться с помощью военной хитрости.

После этого достижения молодой Брант участвовал почти во всех перестрелках, которые происходили на границе Ниагары, пока американская армия занимала форт Джордж и деревню Ниагара; а летом 1814 года он участвовал в памятных битвах при Чиппеве, Ландис-Лейн и Форт-Эри, когда этот пост занимали британские войска. Во всех этих сражениях его поведение вызывало восхищение не только у его собственного народа, но и у британских офицеров, что давало надежду всем, кто отмечал его доблесть, стать очень выдающимся воином.

По окончании войны, достигнув зрелого возраста, Джон Брант и его юная сестра Элизабет, младшая в семье его отца, вернулись в верховья озера Онтарио и поселились в "Брант-хаусе", живя в английском стиле и пользуясь старинным гостеприимством своего отца. Лейтенант британской службы Фрэнсис Холл, путешествовавший по Соединенным Штатам и Канаде в 1816 году, посетил Брант-хаус и увидел там старую леди-вождя племени. Он также высоко отзывается о молодом вожде Джоне как о "прекрасном молодом человеке с джентльменской внешностью, который приятно и правильно говорил по-английски, одевался по английской моде, исключая только мокасины из своего индейского одеяния". Лейтенант Холл также посетил деревню могавков на Гранд-Ривер, где в то время находилась Элизабет, и о которой он дает интересный отчет в своем заметке о семье Брант, их положении и людях, какими он их нашел. Говоря о Тайенданегее, этот интеллигентный путешественник замечает: "Брант, подобно Хлодвигу и многим ранним христианам-англосаксам и датчанам, умудрялся сочетать религиозное рвение с проявлениями естественной свирепости. Его могилу можно увидеть под стенами его церкви. Я упомянул одного из его сыновей; у него также жива дочь, которая не посрамила бы круги европейской моды; ее лицо и осанка прекрасны и грациозны; она говорит по-английски не только правильно, но и элегантно; и в ее речи, и в манерах есть мягкость, приближающаяся к восточной томности. Она сохранила столько своей местной одежды, что это отождествляет ее со своим народом, над которым она не выказывает никакого превосходства, но, кажется, рада сохранить все узы и обязанности родства. В воскресенье, когда я был в церкви, она держала на руках младенца одной из своих родственниц у купели. Обычную церковную службу и обряд крещения совершали доктор Аарон, индеец, и помощник священника; прихожане состояли из шестидесяти или семидесяти человек, мужчин и женщин. Многие молодые люди были одеты по английской моде, но несколько старых воинов пришли, завернувшись в одеяла, как в драпировку статуи; и в этом наряде, с походкой и выражением спокойной энергии, они более убедительно напомнили мне древних римлян, чем некоторые другие жители этого континента, которые претендовали на сходство. Некоторые из них носили большие серебряные кресты, медали и безделушки на руках и груди, а у некоторых были повязки, украшенные перьями. Доктор Аарон, седовласый ирокез, нанес на свои щеки и лоб несколько киноварных пятен в честь воскресенья. На нем был стихарь, и он проповедовал; но его речь была монотонной и бесстрастной. Индийское красноречие приходит в упадок вместе с особым состоянием общества, которому оно обязано своей энергией". [FN]

Три года спустя, в 1819 году, Джеймс Бьюкенен, эсквайр, консул Н. В. М. в порту Нью-Йорка, совершил поездку по Верхней Канаде в сопровождении двух своих дочерей. Во время своего путешествия мистер Бьюкенен посетил Брант—Хаус, о чем впоследствии опубликовал следующий приятный отчет в своем небольшом сборнике индийских зарисовок:

"Пробыв более недели под поистине гостеприимным кровом достопочтенного полковника Кларка у Ниагарского водопада, я решил отправиться по суше вокруг озера Онтарио в Йорк; [FN-1] и миссис Кларк [FN-2] предложила дать моим дочерям рекомендательное письмо к некоей мисс Брант, посоветовав нам провести время так, чтобы переночевать и остановиться на день-другой в доме этой леди, поскольку она была уверена, что мы будем очень довольны ею и ее братом. Наш друг не намекал, и мы еще меньше подозревали, что знакомство было с индийскими принцем и принцессой. Если бы мы хоть в малейшей степени осознавали это, все наши предыдущие договоренности пошли бы прахом, поскольку я ничего так не жаждал получить, как возможности, которую так удачно предоставил этот случай, увидеть, в какой степени изменится характер индейцев благодаря приспособлению к привычкам и удобствам цивилизованной жизни".

[FN-1] Теперь Торонто, или, правильнее сказать, Таранто, это индейское название.

[FN-2] Миссис Кларк была дочерью покойного доктора Роберта Керра из Ниагары и внучкой сэра Уильяма Джонсона от Молли Брант. Разумеется, по крови она была на четверть ирокезкой. Резиденция полковника Кларка находилась на берегу Ниагары, недалеко от большого водопада. Его сады и уголья были обширными, высоко возделанными и разбиты со вкусом ландшафтного садовника — с одной стороны их омывал могучий поток, с грохотом преодолевающий пороги, а с другой стороны они были ограничены глубокой темной долиной со скалами, деревьями и бурными водами. Миссис Кларк была дамой благородной внешности, высокообразованного ума и манер, а также искреннего и ненавязчивого благочестия. Ее муж умер два или три года назад; и в письме автору от ее брата, полковника Керра из Брант-Хауса, полученном, когда эти страницы готовились к печати, сообщалось о ее кончине 2 марта 1837 года. Приятный визит в ее резиденцию в сентябре, предшествовавший ее кончине, озаренный ее красноречием и живостью, не скоро будет забыт.—*Автор*.

Продолжая наше путешествие, мы остановились в гостинице, расположенной в романтическом месте, где я решил остаться на всю ночь. Среди прочего я спросил домовладельца, знает ли он расстояние до дома мисс Брант, и от него узнал, что это примерно в двадцати милях дальше. Он добавил, что молодой мистер Брант проходил этим путем до полудня и, без сомнения, вернется вечером, и что, если я пожелаю, он будет его разыскивать. Я попросил хозяина сделать это, поскольку это позволило бы мне сообщить о нашем знакомстве его сестре и о намерении навестить ее на следующее утро.

"В сумерках мистер Брант вернулся, и, когда его ввели в нашу комнату, мы не смогли разглядеть цвет его лица и заговорили с ним, приняв его за молодого канадского джентльмена. Однако мы не могли не заметить определенной неуверенности и сдержанности в манере его речи. Он, конечно, выразил желание, чтобы мы оказали услугу его сестре и ему самому и провели у них несколько дней, чтобы освежиться самим и нашим лошадям; но мы сочли его стиль скорее

лаконичным, чем гостеприимным. Прежде чем принесли свечи, наш новый друг удалился, оставив нас все еще в заблуждении относительно его нации.

К четырем часам утра мы возобновили наше путешествие. По прибытии на великолепные берега озера Онтарио кучер нашей кареты указал на расположенный в пяти милях дом мисс Брант, который имел очень благородный и повелительный вид; и мы предвкушали большое удовольствие от нашего посещения, поскольку, помимо наслаждения от столь прекрасного места, мы могли бы составить полное представление о канадских манерах и стиле жизни. Молодой мистер Брант, по-видимому, не подозревавший, что в нашем экипаже мы могли бы так быстро добраться до его дома, не приехал раньше нас; так что о нашем приближении не было объявлено, и мы подъехали к дверям в полной уверенности, что семья будет извещена о нашем приезде. Наружная дверь, ведущая в просторный холл, была открыта. Мы вошли и пробыли там несколько минут, затем, никого не увидев вокруг, проследовали в гостиную, которая, как и холл, в данный момент была пуста. Поэтому у нас была возможность осмотреться на досуге. Это была хорошо обставленная комната с ковром, трюмо и каминными бокалами, столами красного дерева, модными стульями, гитарой, аккуратным книжным шкафом, в котором среди других томов мы увидели Молитвенник Англиканской церкви, переведенный на язык могавков. Отправив с кучером нашу рекомендательную записку, а нас по-прежнему никто не обслуживал, мы начали подозревать (особенно учитывая то голодное состояние, в котором мы находились), что появлению молодой леди помешала какая-то задержка или трудности с завтраком. Я могу заверить моих читателей, что увлекательная утренняя прогулка верхом по берегу американского озера - это упражнение, которое из всех прочих рассчитано на то, чтобы разжечь аппетит, если не сказать наглый. Мы уже проникли в гостиную и начали обдумывать дальнейшее исследование в поисках кладовой, когда, к нашему невыразимому изумлению, в комнату вошла очаровательная, благородного вида индианка, одетая частично в туземный, а частично в английский костюм. Ее волосы были собраны на голове в шелковую сетку, но нижние локоны, выбиваясь оттуда, ниспадали на плечи. Под туникой или утренним платьем из черного шелка была нижняя юбка из того же материала и цвета, которая доходила совсем немного ниже колен. Ее шелковые чулки и лайковые туфельки, как и все остальное ее платье, были черными. Грация и достоинство ее движений, стиль ее платья и манеры, такие новые, такие неожиданные, наполнили нас всех изумлением. С большой непринужденностью, но ни в коем случае не в той банальной манере, которая обычно преобладает в подобных случаях, она поинтересовалась, как мы нашли дороги, жилье и тому подобное. Не было заметно никакого волнения из-за задержки с завтраком; никакого беспокойства и суеты, никакой беготни туда-сюда, никаких праздных выражений сожаления, таких как "О! боже мой! если бы я знала о вашем приезде, вас бы так не задерживали", - но она с совершенной непринужденностью поддерживала беседу, пока индианка в мужской шляпе не внесла поднос с приготовлениями к завтраку. После того, как на стол была накрыта скатерть из тонкого белого дамаста, нас угостили чаем, кофе, горячими булочками, маслом в воде и кулерах со льдом, яйцами, копченой говядиной, ветчиной, жареными цыплятами и т.д.; Все это было подано по-настоящему аккуратно и удобно. Позже мы выяснили, что задержка возникла из-за желания нашей хозяйки снабдить нас горячими булочками, которые на самом деле испеклись, пока мы ждали. Я был столь скрупулезен в своем описании этих удобств, поскольку их было так мало, что можно было ожидать в доме индейца.

"После завтрака мисс Брант повела моих дочерей погулять и полюбоваться живописными окрестностями. Она и ее брат ранее выразили надежду, что мы останемся на весь день; но хотя

я больше всего на свете хотел этого и решил, в случае если они будут настаивать на своем приглашении, принять его, все же я сначала отклонил предложение и таким образом лишился удовольствия, которым все мы в глубине души жаждали насладиться; ибо, как я впоследствии узнал, у неиспорченных индейцев нет обычая повторять просьбу, если она однажды была отклонена. Они верят, что те, кому они предлагают какой-либо знак дружбы и кто приводит причину для отказа, делают это совершенно искренне, и что было бы грубостью требовать от них изменить свое решение или нарушить данное слово. И поскольку индеец никогда не демонстрирует вежливость, кроме как когда его побуждают искренние чувства, он думает, что другими движет такая же откровенность. Мне действительно становится стыдно, когда я думаю о том, какой суровый упрек это несет нам, которые хвастаются цивилизацией, но которые настолько увлечены общей неискренностью выражений, пронизывающей все слои общества, что действительно мало найдется тех, кто говорит именно то, что они хотят или знают. Эта двуличность является результатом того, что называется высоким уровнем утонченности. Нас учат так вести себя в разговоре, что другие не могут разгадать наши истинные взгляды или намерения. Индейцы не только свободны от этого обмана, но и превосходят нас в другом отношении к воспитанию и этикету, а именно в том, что они никогда не перебивают тех, кто с ними разговаривает, пока они не закончат говорить; и тогда они отвечают в надежде, что их самих не перебьют. Прекрасным примером этого были мисс Брант и ее брат; и я надеюсь, что урок, который моим дочерям так убедительно преподавала природная вежливость их хозяйки, никогда не будет ими забыт, и что я тоже смогу извлечь пользу из этого примера.

Проведя несколько часов с этими интересными молодыми индейцами и передав им приглашение нанести нам визит в Нью-Йорк, которое они выразили большое желание выполнить и которое я поэтому с уверенностью ожидал, мы откланялись с искренним сожалением со всех сторон. Когда мы проходили через зал, я ожидал увидеть какие-нибудь индейские орудия войны или охоты; но, заметив, что на стенах не было этих обычных украшений, я спросил мистера Бранта, где трофеи, принадлежавшие его семье? Он сказал мне, и я со стыдом записываю это, что многочисленные посетители, которые время от времени навещали его, так сильно выражали свое желание заполучить эти трофеи, что он один за другим раздал все; и теперь он был освобожден от этих жертв, поскольку у него не осталось ничего подобного. Тем не менее, казалось, он с нежностью хранил память об этих реликвиях своих предков. Как *плохоцивилизованные* посетители отблагодарили за гостеприимство, оказанное им под крышей, двери которой открыты, чтобы приютить и накормить всех, кто входит!

"Поскольку все, что касается нашей молодой хозяйки, интересно, я добавлю еще несколько подробностей. Справившись о своей матери, она сказала мне, что в основном оставалась со своими другими сыновьями и дочерьми, которые жили в индейском поселении на Гранд-Ривер, впадающей в озеро Эри; что ее мать предпочитала жить в вигвамах и в определенной степени не одобряла того, что она и ее брат Джон так подстраиваются под привычки и костюмы англичан".

Во вступительной главе настоящей работы преподобный доктор Стюарт, в прошлом миссионер в долине Мохок, а впоследствии архидиакон Епископальной церкви Верхней Канады, несколько раз упоминался как авторитет в связи с различными подробностями ранней жизни старейшины Бранта. Упомянутые таким образом очерки его жизни на самом деле были

написаны нынешним достопочтенным архидьяконом Стрейканом из Торонто на основе бесед с доктором Стюартом и опубликованы в журнале Christian Recorder в Кингстоне в 1819 году. В этих очерках были фрагменты, оскорблявшие семью Тайенданеги, и его сын и преемник с большим рвением взялся за защиту репутации своего отца. Доктор Стрейкен употребил неудачный эпитет по отношению к старому вождю и фактически обвинил его в участии в кровавом деле в Вайоминге; обвинил его в вынашивании замыслов, враждебных интересам короны; в сомнительной лояльности; и, перед смертью, в невоздержанности. Эти и другие вопросы, содержащиеся в вышеупомянутых набросках, которые имели тенденцию серьезно умалять уважение, ранее проявлявшееся к памяти отца, были отвергнуты сыном с энергичным и добродетельным негодованием в ходе переписки с преподобным архидьяконом; и если бы не то обстоятельство, что дело в конце концов было удовлетворительно улажено, некоторые выдержки из этой переписки могли бы быть представлены здесь, чтобы продемонстрировать такт и талант, с которыми вождь племени могавков мог уладить спор в области письма. Было ясно показано, что оскорбительные заявления в "набросках христианского летописца" возникли из-за ошибок и искажений; и в ходе последовавших объяснений поведение архидьякона "было в высшей степени благородным". [FN]

Письмо Уильяма Джонсона Керра автору.

Из-за разногласий между могавками и правительством провинции в отношении права собственности на земли первых, которые старший Брант так долго, но тщетно, пытался урегулировать, но все еще оставался неурегулированным, в 1821 году Джону Бранту, по прозвищу Ахьюа, было поручено отправиться в Англию, как это было до него с его отцом, чтобы еще раз воззвать к справедливости и великодушию правительства метрополии. Он умело отстаивал свои права и привлек на сторону своего народа людей высокого ранга и влияния. Среди них был герцог Нортумберленд, сын старого герцога— лорда Перси Американской революции и друг его отца, скончавшегося в 1817 году. Герцог, как и его отец, был усыновлен как воин племени могавков под аборигенным прозвищем *Тейонхайкон*; и теперь он проявлял такое же рвение и дружбу к могавкам в ходе разногласий, которые привели Джона Бранта в Англию, как старый герцог проявил это к Тайенданеге двадцать лет назад. Молодой шеф полиции также нашел активного и умелого друга в Саксе Баннистере, эсквайре, джентльмене, воспитанном как во флоте, так и в юриспруденции, который некоторое время проживал в Верхней Канаде. Мистер Баннистер поддерживал дело индейцев с похвальным рвением и написал от их имени несколько документов для рассмотрения министрами. Результатом было то, что перед отъездом из Англии в 1822 году агент получил обещание от министра колоний лорда Батерста, что его жалобы будут рассмотрены к его полному удовлетворению. Инструкции на этот счет были фактически переданы колониальному правительству, которым в то время руководил сэр Перегрин Мейтленд, и Ахьювег вернулся в свою страну и к избирателям с заслуженной репутацией успешного дипломата.

Впоследствии мистер Баннистер получил назначение в Новый Южный Уэльс, а впоследствии все еще был верховным судьей колонии Сьерра-Леоне, где и умер.

Но справедливые ожидания Вождя и его людей снова были сорваны провинциальными властями. Об отказе местных властей выполнять инструкции министров короны, о предложениях, которые они выдвигали, и об уловках, к которым они прибегали в качестве оправдания своего поведения, вождь сообщил своему другу герцогу Нортумберлендскому письмом в июне 1823 года. Одновременно он написал письмо мистеру Баннистеру по этому поводу. Между Шефом и этими джентльменами завязалась довольно продолжительная переписка, и были предприняты неоднократные попытки достичь удовлетворительного и окончательного урегулирования досадного и давно назревавшего спора. Но в конце концов эти усилия оказались столь же безуспешными, как и в начале.

Находясь в Англии с этой миссией, молодой вождь решил защитить память своего отца от клеветы, которая была брошена на нее там, как он уже сделал в своей собственной стране. Книга Кэмпбелла "*Гертруда из Вайоминга*" была опубликована несколько лет назад. Предмет и общий характер этого восхитительного произведения слишком хорошо и повсеместно известны, чтобы требовать анализа в этом месте. С поэтической вольностью мистер Кэмпбелл не только описал долину как земной рай, но и представил ее обитателей как людей, мало уступающих духам блаженных по своему характеру, положению и наслаждениям, если вообще уступают им. В сообщество, столь невинное, веселое и счастливое, он ввел авторов резни 1778 года во главе с "монстром Брантом". Эта фраза сильно оскорбила семью старого вождя, как и весь отрывок, в котором она встречалась. Оскорбительные строфы претендуют на то, чтобы образовать часть речи индийского героя сказки, вождя племени онейда, которого заставляют прервать домашний пир при весьма интересных обстоятельствах следующими строфами, предвещающими близкую опасность:

"Но сейчас не время", — он встрепнулся,
И ударил себя по сердцу рукой, обличающей горе, —
"Сейчас не время наполнять чашу радости,
Идет мамонт, — враг, — чудовище Брант, —
Со всей своей воющей, опустошающей бандой; —
Эти глаза видели их лезвие, и горящая сосна
сразу просыпается, и замолкает половина вашей земли.
Красна чаша, которую они пьют, но не с вином:
Проснись и бодрствуй этой ночью! или не увижу утреннего сияния!

"Презрев необходимость братья за топор своего племени,
Победив самого Бранта, я отправился сражаться:
Проклятый Брант! он не оставил от всего моего племени
Ни мужчины, ни ребенка, ни живорожденного существа:
Нет! ни одна собака, сторожившая мой домашний очаг, не
Сбежала в ту кровавую ночь на наших равнинах!
Все погибли — я один остался на земле!
У кого не осталось ни родственника, ни крови,
Нет! — ни капли родственной, которая течет в человеческих жилах!"

Этот пересказ знаменитой речи Логана — кстати, менее поэтичный, чем оригинал, — был проиллюстрирован примечаниями, в которых положительно утверждается, что Брант был индейским вождем в Вайоминге, и доказывается его хладнокровная свирепость цитированием

анекдота из "Путешествий Уэлда", процитированного для опровержения в примечании на предыдущей странице. Джон Брант заранее подготовил документы, чтобы поддержать требование к поэту о чествовании памяти его отца; и в декабре 1821 года его друг Баннистер явился к мистеру Кэмпбеллу с дружеским посланием, открыв дверь для объяснений. Последовала переписка, лишь часть которой сохранилась среди бумаг Джона Бранта; но в записке последнего к поэту, датированной 28 декабря, молодой вождь поблагодарил его за откровенность, с которой тот воспринял его просьбу, переданную мистером Баннистером. Документы, которыми Шеф снабдил себя по этому случаю, были затем приложены к письму мистера Кэмпбелла, и результатом стало длинное письмо с объяснениями от поэта, которое в большинстве случаев переиздавалось. Искренность, однако, должна признать, что это письмо воздаст лишь очень частичное и явно неохотное должное оклеветанному воину. Более того, оно менее великодушно и характеризуется большей настойчивостью, чем можно было ожидать. [FN-1] В дополнение к этому, из сообщения молодого вождя сэру Джону Джонсону, датированного 22 января 1822 года, следует, что мистер Кэмпбелл не только выразил сожаление по поводу несправедливости, нанесенной характеру его отца, но и пообещал внести исправления в следующее издание, которое вскоре будет опубликовано. Это исправление, однако, было внесено, как следовало бы, не в текст, а в примечание к последующему изданию; и хотя в конце этого примечания мистер Кэмпбелл говорит, по указанным причинам, что "имя Бранта остается в его поэме только как чистый и объявленный персонаж художественной литературы", все же это не вымышленный исторический персонаж, и его нельзя сделать таковым усилием воображения. Таким образом, первоначальная ошибка, хотя и была смягчена, не была полностью исправлена по той простой причине, что именно стихотворение живет в памяти, в то время как заметка, даже если ее прочитать, производит мало впечатления и вскоре забывается. [FN-2]

[FN-1] См. Конец Приложения.

[FN-2] Примечание, о котором идет речь, следующее: "Я взял персонажа Бранта из поэмы "Гертруда" из "Общих историй Англии", все из которых представляли его как кровавого и плохого человека (даже среди дикарей) и главного виновника ужасного опустошения Вайоминга. Через несколько лет после появления этого стихотворения сын Бранта, в высшей степени интересный и интеллигентный юноша, приехал в Англию; и у меня завязалось с ним знакомство, о котором я до сих пор вспоминаю с удовольствием. Он взывал к моему чувству чести и справедливости, как к нему самому, так и к его сестре, чтобы я взял назад несправедливое утверждение, которое, не сознавая его несправедливости, я бросил в память о его отце. Затем он сослался на документы, которые полностью убедили меня в том, что распространенные описания жестокостей Бранта в Вайоминге, которые я нашел в "Книгах о путешествиях", а также в "Истории Англии Адольфуса" и других подобных им, были грубыми ошибками; и что на самом деле Брант даже не присутствовал при этой сцене опустошения. ... Я также убедился, что он часто стремился смягчить жестокость войны с индейцами. Таким образом, имя Бранта остается в моем стихотворении чистым и заявленным персонажем художественной литературы ". Это что-то вроде того, как сбить человека с ног, а затем пожелать, чтобы он расценил этот удар как чистую фантазию воображения.

Во время своего пребывания в Лондоне молодой вождь, по-видимому, уделял значительное внимание общественным институтам, особенно тем, которые носят гуманный и доброжелательный характер. Мистер Баттеруорт представил его Британскому и зарубежному школьному обществу; и в своем дневнике он упоминает об интересном посещении Королевского колледжа врачей и хирургов. Другие объекты интереса или курьезности, которые привлекли его внимание, были отмечены в его дневнике, небольшом фрагменте, который сохранился только среди его бумаг. Следующая запись не очень лестна для британской красавицы:—

"Вечером в четверг, 16 мая 1822 года, я пошел на вечеринку мистера К. А. Талка, члена парламента, послушать музыку. Там были двадцать две дамы — одна только хорошенькая — Касвайтер, считавшаяся лучшей скрипачкой в Европе, и Солли, прославившийся игрой на гитаре и фортепиано. Я встретил джентльмена, хорошо знакомого с моим отцом, который раньше служил в Королевских рейнджерах.

Но его внимание к другим вопросам не привело его к забвению моральных потребностей его народа. Война между Соединенными Штатами и Великобританией, главный очаг которой находился в непосредственной близости от территории могавков, самым печальным образом сказалась на их социальном положении. Их фермы были заброшены, их здания пострадали по той же причине, что и их церковь и школы. Столь же вероятно, что после кончины Тайенданеги, в отсутствие выдающегося руководителя, в работе общественного образования перед войной был достигнут лишь незначительный прогресс; и в планы молодого Бранта по возвращении в Канаду входило возродить и расширить школы в своей стране. Для этой цели в 1822 году он добился выделения средств от Новоанглийской корпорации по развитию цивилизации индейцев, которая была учреждена еще в 1662 году. После своего возвращения в Гранд-Ривер молодой шеф усердно взялся за работу, как явствует из активной переписки, которая велась в течение нескольких лет с должностными лицами этого учреждения. Следующие выдержки из массы его писем приводятся не только в качестве примеров его эпистолярного стиля, но и с целью показать масштабы и характер усилий, которые он прилагал, и открывающиеся перед ним перспективы на благо:

"Джон БРАНТ, (Ахьюва) ДЖЕЙМСУ ГИБСОНУ.

*"Деревня Могавков, Гранд-Ривер, Великобритания"}
19 июня 1824 года. }*

"... Я с величайшим удовлетворением изучил тему ваших писем и надеюсь, что отчет, который я сейчас собираюсь вам представить, в равной степени удовлетворит гуманных и доброжелательных членов корпорации "Новая Англия". Я начал с наблюдения за тем, что назначенный учитель ведет себя со всех точек зрения, соответствующих нашим ожиданиям. Детей особо приучают к религиозным и нравственным обязанностям; строго соблюдаются часы молитвы; а по субботам ученые посещают богослужение. Чистота строго соблюдается, и используются все похвальные средства, чтобы возбудить либеральный дух соперничества. Телесные наказания не принимаются во внимание, за исключением случаев вопиющего безразличия. В целом, я имею удовольствие сообщить через вас, сэр, Корпорации, что пожертвование, примененное столь щедро, по моему мнению, приведет к самым благотворным последствиям. Приятно наблюдать за подрастающим поколением аборигенов, занятых

приобретением знаний и в духе истинного поклонения посещающих богослужение в субботу. . .
.

"Одно из наших племен, онейды, очень хочет, чтобы для них была создана школа. Вожди заверили меня, что не менее тридцати детей будут посещать школу, если она будет открыта . . .
"

[FN] Часть нации онейда. После Революционной войны часть всех Шести наций эмигрировала на территорию новых ирокезов, хотя большинство всех наций, за исключением ирокезов, остались в пределах Соединенных Штатов — на своей древней территории.

"Семеро самых старших детей в нашей школе читают молитвенник ирокезов, повторяют катехизис и отвечают на вопросы в церкви. Остальные используют наши заглавные буквы и очень хорошо пишут в них до семи и восьми слогов. Число ученых - двадцать один . . . Я осознаю щедрую помощь, которую Корпорация уже оказала, и вожди моего племени просят меня передать их искреннюю благодарность членам Корпорации Новой Англии.

"Я, сэр, Ваш покорный слуга, Дж. БРАНТ, *Ахьюва*

"Джеймс Гибсон, эсквайр. Казначей корпорации "Новая Англия"."

"ТО ЖЕ САМОЕ К ТОМУ ЖЕ САМОМУ.

"Деревня Могавков, Гранд-Ривер, Великобритания" }
19 июля 1826 года. }

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"После посещения школ, поддерживаемых Корпорацией Новой Англии, где более шестидесяти детей обучаются чтению и письму на диалекте ирокезов и английском языке, я прошу сообщить вам о состоянии церкви в нашей деревне. Он был первым, построенным в провинции, но сейчас находится в очень ветхом состоянии, и у нас нет средств на восстановление. Мы выделили двести акров земли для постоянного священника и пятьдесят акров для школы; и мы выделили шестьсот долларов, или 150 фунтов стерлингов в валюте провинции, на покрытие расходов по строительству дома священника; и хотя этой суммы совершенно недостаточно для достижения цели, все же это максимум, что мы можем сделать, учитывая обстоятельства и нужды наших соответствующих племен. Мы были бы очень благодарны, если бы смогли получить денежную помощь, достаточную для завершения строительства приходского дома и восстановления нашей церкви; и были бы рады иметь среди нас постоянного священника, который не считал бы слишком трудоемким часто ездить в несколько наших деревень, проповедовать Евангелие кроткого и смиренного Иисуса; навещать больных; и всегда демонстрировать не только проповедью, но и примером свою преданность церкви Христа.

"Я, дорогой сэр, Ваш друг и слуга, Дж. БРАНТ".

"Письмо от Того же самого тому же самому.

"Деревня Могавков, Гранд-Ривер, Великобритания }
27 октября 1828 года. }

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Имею удовольствие принять к сведению ваше сообщение от 17 августа прошлого года, к которому прилагаются копии резолюций Корпорации Новой Англии на собрании, состоявшемся 8 марта 1825 года. Позвольте мне повторить чувства благодарности, ранее выраженные моим племенем членам Корпорации за их щедрый вклад, а также за дальнейшую поддержку, которую они теперь оказывают наиболее эффективным и практичным планам развития образования и распространения знаний среди могавков.

"Я получил письмо от преподобного мистера Уэста, датированное Нью-Йорком; но пока не согласовал с этим джентльменом никаких планов относительно его миссии; будучи удовлетворенным тем, что после личной беседы и фактического наблюдения мы сможем гораздо лучшим образом организовать такие меры, которые могут показаться наиболее полезными.

"Мистер Уэст упоминает, что посетит меня в мае следующего года. Я ожидаю большого удовлетворения от встречи с преподобным джентльменом. Это, несомненно, лучший способ выяснить наши относительные ситуации, обстоятельства и т.д. и т.п. Этого я горячо желаю по нескольким причинам. Это позволит компании судить о том, насколько может быть полезно расширить средства обучения и о вероятных результатах, а также о трудностях, в которые в течение очень многих лет в силу сохраняющихся неблагоприятных обстоятельств были вовлечены Пять наций. Добиться полного изменения манер и обычаев, которые были давно установлены, действительно будет трудной задачей. Пусть трудности не пугают нас от этой попытки. Чем усерднее, тем больше воодушевления — поскольку, если попытка увенчается успехом, награда будет велика. Не то чтобы те, кто приступает к этой работе на благо человечества, льстили себя надеждой увидеть полный результат своих трудов; потребуется время; и когда фундамент будет заложен в духе искренности, не может остаться никаких сомнений в том, что с Божьей помощью здание будет возведено.

"Что касается той части вашего письма, которая касается религиозной веры части Пяти наций, я прошу ненадолго отложить ответ, поскольку она охватывает целый ряд важных соображений в связи с попыткой ввести среди них религиозное обучение. Первое серьезное ограничение в отношении цивилизации устранено; я имею в виду их местное положение, наличие постоянных или, скорее, фиксированных мест жительства. Начало должно быть среди молодежи, с мягкостью и усердием. Чтобы сделать задание не только хорошим, но и продолжительным, необходимо будет получить согласие родителей. Следует позаботиться о том, чтобы родители как можно яснее понимали суть обучения.

"В моем следующем письме я обращусь к вам за выплатой суммы, выделенной на строительство школ ирокезов и онейды, а также школьного учителя в Дэвис-хэмлет. Это подходящее время для заключения контрактов на строительство, поскольку приближается сезон катания на санях,

что предоставляет большие возможности для сбора материалов. Поскольку вы не упомянули Лоуренса Дэвидса, я продолжу получать его жалование, как обычно, из 200 фунтов стерлингов, выделенных Корпорацией в 1822 году.

"В следующем письме я расскажу вам, как ладят ученые. Все мои письма были деловыми. Через несколько дней я напишу вам в более дружеской форме, потому что помню вашу доброту ко мне в Эпсоме.

"Выражаю свое глубочайшее почтение губернатору мистеру Солли и другим членам Корпорации, с которыми я имею удовольствие быть знакомым.

"Искренне ваш, дорогой сэр, Ваш покорный слуга, Дж. БРАНТ. *Спасибо.*

"Джеймс Гибсон, эсквайр, казначей корпорации "Новая Англия", Лондон."

Эти письма дышат духом расширенной и благородной филантропии, руководствующейся истинной мудростью. Писатель справедливо оценил важность работы, которой он занимался, и трудности, с которыми ему предстояло столкнуться; и у него хватило проницательности понять единственный практически осуществимый метод ее выполнения — знание единственных средств, которые можно успешно применить для достижения цели. Общество, в котором он был благоразумным раздавателем милостыни, оценило его по достоинству и в 1829 году подарило ему великолепный серебряный кубок со следующей надписью:

"Вручается Корпорацией Новой Англии,
учрежденной в Лондоне в соответствии с хартией 1662 года нашей эры для развития
цивилизации
индейцев,
ДЖОНУ БРАНТУ, эсквайру,
АХЬЮВЕ,
одному из вождей племени могавков,
В знак признания его выдающихся заслуг в продвижении
целей Корпорации. 1829 год нашей эры".

В 1827 году граф Далхаузи, в то время главнокомандующий британско-американскими провинциями, присвоил Ахьювегсу звание капитана, а также суперинтенданта Шести наций. В начале того же года Шеф полиции услышал, что с его именем была допущена вольность в американских газетах, что вызвало в его груди чувство живейшего негодования. Те, кто знаком с этим глубоким и устрашающим заговором в западной части Нью-Йорка осенью 1826 года, результатом которого стало убийство Уильяма Моргана небольшой группой чрезмерно рьяных масонов, вероятно, помнят, что имя Джона Бранта фигурировало в части корреспонденции, связанной с этой печальной историей. Обстоятельства были таковы: было хорошо установлено, что в начале и на более ранних стадиях этого заговора несчастной жертве масонского фанатизма не было причинено никакого вреда. Непосредственной целью заговорщиков было выслать Моргана из страны при таких обстоятельствах и на такое большое расстояние, чтобы обеспечить его дальнейшее отсутствие. Но у них не было никаких определенных планов для достижения этой цели или четких взглядов на предмет его судьбы. Похитив и незаконно увезя

его, те, кому было поручено его хранение, обнаружили его у себя на руках и не знали, что с ним делать и куда его отправить. В этой дилемме одним из их проектов было доставить его в Квебек и добиться его зачисления на борт британского военного корабля. Другое предложение, основанное на предположении, что вождь могавков сам был масоном и, конечно, предпринял бы любой практически осуществимый план, чтобы предотвратить раскрытие секретов масонства, которые Морган собирался обнародовать, когда был схвачен, состояло в том, что Брант должен взять на себя ответственность за пленного и добиться его передачи индейцами Северо-западной меховой компании. Но все попытки изгнать несчастного потерпели неудачу, и он был похоронен в торжественный полночный час в скалистых пещерах Ниагары. Предложение относительно перевода заключенного в Ахьювег, однако, стало достоянием общественности, и какое-то время те, кто не был знаком с его характером, предполагали, что с ним могли консультироваться в связи с этой смертоносной сделкой. Обвинение было в высшей степени несправедливым и было отвергнуто духом, присущим человеку и его расе, как явствует из следующего письма:

"РЕДАКТОРУ "ЙОРК ОБСЕРВЕР".

"Веллингтон-сквер, 29 февраля 1827 года.

-СЭР,

"Я прочел заметку в "Нью-Йорк Спектейтор" от 16-го мгновения, в которой утверждается, что ниагарское братство послало за мной, чтобы я принял и принес в жертву несчастного Моргана, о котором так много говорилось в последнее время.

"Вы обяжете меня, опровергнув это сообщение, которое является полностью ложным. Ни в том случае, ни в каком другом мне не делали такого варварского предложения; и я не верю, что существует человек, который осмелился бы ранить мои чувства таким отвратительным образом.

"Я ничего не знаю ни об этом человеке, ни о какой-либо сделке, связанной с ним; и я очень удивлен, что мое имя было поставлено под сомнение.

- Я, сэр, с уважением, ДЖ. БРАНТ.

В 1832 году Джон Брант был возвращен членом провинциального парламента от графства Холдиманд, занимавшего значительную часть территории, первоначально предоставленной ирокезам. Право индейцев на эту территорию все еще зависело от первоначального заявления сэра Фредерика Холдиманда, которое, согласно решению судов Верхней Канады, не передавало никаких юридических прав на плату за землю. У индейцев была практика передачи части своих земель в долгосрочную аренду — сроком на девятьсот девяносто девять лет, — и большое число тех лиц, чьими голосами был избран Брант, не имели никакого другого права собственности на свою недвижимость, кроме договоров аренды такого рода. Поскольку законы о выборах Верхней Канады весьма разумно требуют от выборщиков округа права собственности, возвращение мистера Бранта было оспорено кандидатом от оппозиции,

полковником Уорреном, и в конечном итоге отменено, а полковник объявлен должным образом избранным. [FN]

Письмо автору от почтенного М. С. Бидвелла, который заседал в парламенте вместе с вождем племени ирокезов.

Однако для обоих кандидатов не имело большого значения, кому из двух следует позволить носить парламентские почести. Опустошающее бедствие Индии — холера — была занесена на американский континент летом того же года, начав свои опустошительные действия в Квебеке; и среди тысяч павших от чумы, когда она со страшной силой пронеслась по стране великих озер, были Джон Брант—Ахьюаегс—и его конкурент.

Он был человеком прекрасной фигуры и осанки, держался с большим достоинством, хотя ни в коем случае не надменно — у него были непритязательные манеры хорошо воспитанного джентльмена. "Впервые я увидел его в суде в Кингстоне, где он выступал в качестве переводчика на процессе над индийцем, обвиняемым в убийстве. Другой индеец был свидетелем. Один из индейцев был ирокезом, а другой - чиппева из племени миссиссауга. Следовательно, было необходимо, чтобы вопросы переводились свидетелю на одном языке, а подсудимому - на другом, что дало мне возможность сравнить звуки одного с другим; и резкий и гортанный язык ирокезов [FN-1] действительно разительно контрастировал с обильностью и плавностью языка чиппева. Но что больше всего впечатлило меня на суде, так это благородная внешность Бранта, достоинство и хладнокровие, с которыми он выполнял свой долг ". [FN-2]

[FN-1] Не "резкий и гортанный", когда говорит младшая дочь Джозефа Бранта.

[FN-2] Письмо автору от почтенного М. С. Бидвелла.

Ахьюаегс был членом Англиканской церкви, хотя и не причащался. Ряд его друзей и родственников были с ним, когда он умер, и все они верили, что его смерть была смертью счастливого и искреннего христианина. Завершая настоящий несовершенный очерк этого замечательного человека, который только что достиг расцвета мужественности и был как бы оборван на заре карьеры, полной надежд и блистательных обещаний, христианский филантроп может на мгновение остановиться и поразмыслить хотя бы над одним гордым примером того, чего литература и цивилизация могут достичь с сынами американского леса.

Элизабет, младшая дочь Джозефа Бранта, чье имя уже неоднократно упоминалось на предыдущих страницах, несколько лет назад вышла замуж за Уильяма Джонсона Керра, эсквайра. сын покойного доктора Роберта Керра из Ниагары и внук сэра Уильяма Джонсона. Миссис Керр, как читатель, должно быть, заключил из того, что было сказано о ней ранее, получала образование с большой тщательностью, как в отношении ее умственной культуры, так и в отношении ее личных достижений. Со своим мужем и небольшой семьей она сейчас занимает старый особняк своего отца в верховьях озера Онтарио — благородная обстановка, как автор может подтвердить по личным наблюдениям. Хотя автор полностью осознает деликатность, присущую леди, живущей в ненавязчивом уединении, все же, как дочь Джозефа Бранта, она надеется, что, если эта страница попадется ей на глаза, энтузиазм биографа ее отца

заставит его извиниться за то, что он представил ее публике, тем более что это будет сделано языком одной из прекрасных спутниц его путешествия:

Мисс Энн Элизабет Вэйленд.

"... В таком случае позвольте моему читателю представить себе даму более чем среднего роста, с достоинством, сдержанным и мягким обращением, весьма приятную внешне и одетую в костюм, достаточно индийский, чтобы сохранить струи и драпировку, но одетую с легкостью, изяществом, столь характерными для элегантного ума.

Пусть мой читатель обратит внимание на острый, пронизательный взгляд этих темных глаз, когда сейчас он останавливается на незнакомке, чей слишком горячий интерес можно было бы счесть навязчивостью, или на его мягкое, нежное или тающее выражение, когда оно падает на портреты ее брата, миниатюру ее отца или задерживается на ее детях.

Пусть он обратит внимание на надменный изгиб этих губ, когда она говорит о тех, кто принижает ее народ, на их саркастический изгиб, когда она ссылается на *так называемые* черты характера своего отца, или на нежную улыбку, когда она смотрит на своего мужа; пусть он увидит перед собой существо, разум которого управляет каждым поступком и преобладает над всеми; и пусть он присоединит эту идею к той, кто гордится тем фактом, что в ее жилах течет кровь ирокезов; и он узнает дочь Джозефа Бранта. Но нет; он все же должен усвоить, что этот ум и эта энергия посвящены не только ее ближайшему окружению, но и были самым преданным образом использованы для улучшения и благополучия ее расы. В течение нескольких лет она перевела отрывки из Нового Завета на свой родной язык и разрабатывает различные средства для возвышения индийского характера".

Полковник Керр, ее муж, старший из трех братьев, Уильяма Джонсона, Уолтера и Роберта, все они получили офицерские звания и храбро сражались с американцами на границе Ниагары во время последней войны. Все они также были ранены, а двое из них взяты в плен и доставлены в Гринбуш и Питсфилд, откуда они бежали, нанеся удар сначала по Шохари, а оттуда через всю страну от долины Мохок через леса к реке Святого Лаврентия — хотя, как полагают, не по обоим одновременно. В его побеге Уолтера сопровождал товарищ по заключению по имени Грегг. Во время своего путешествия по графству Святого Лаврентия они встретили курьера, направлявшегося от американского командующего в Скеттс-Харбор генералу Уилкинсону, находившемуся затем ниже, по поводу его успешного подхода к Монреалю. У беглецов был адрес, по которому они могли выдать себя за янки, ищущих земли, и они получили от "экспресса" такую информацию, какую хотели. Грегг был склонен отобрать у него депеши, но Уолтер Керр не согласился. Впоследствии он скончался от последствий ранения в Лондоне. Унаследовав долю индейской крови от своей бабушки, Молли Брант, молодые Керры были представлены автору американским джентльменом, который хорошо их знал, "как одинаково бесстрашные в бою и полные хитрости".

После смерти своего любимого сына Джона, достойная вдова Джозефа Бранта, в соответствии с ранее изложенным законом о престолонаследии могавков, будучи сама королевской линии, присвоила титул Текарихогея малолетнему сыну своей дочери, миссис Керр. Во время несовершеннолетия правительство осуществляется своего рода регентством; но как

оно назначается, каковы его полномочия и в каком возрасте прекращается несовершеннолетие, автору неизвестно. Младший вождь - симпатичный юноша, на три четверти ирокез, с пронзительным, как у орла, взглядом. Но люди, над которыми он является законным вождем, — некогда могущественные Шесть наций, римляне нового света, чьи завоевания простирались от озера Шамплейн на запад до водопадов Огайо и на юг до Санти, — где они? Гордая раса обречена; и Эхо вскоре ответит: где?

Эта замечательная индийская принцесса скончалась в Брэнтфорде, на Гранд-Ривер, 24 ноября 1837 года — ровно через тридцать лет после смерти своего мужа. Ее возраст составлял 78 лет.

ПРИМЕЧАНИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ.

С момента выхода первого издания этой работы автор убедился, что его отчет о битве при Квинстоне не является полным и не совсем точным, хотя были предприняты усилия, чтобы проконсультироваться с лучшими авторитетными источниками, и все они, как известно, сохранились. Поэтому читателю предлагается еще раз ознакомиться с этим отчетом, начиная со страницы 505, со следующими поправками и дополнениями.

Американские войска, которые первыми пересекли реку, состояли из *трех* рот, а именно рот капитанов Вула, Малкольма и Армстронга. Они не остались незамеченными британцами, но были замечены и обстреляны еще до того, как они достигли берега. Противник, однако, обратился в бегство, когда американцы высадились, и три роты поднялись на берег и построились в линию перед высотами под командованием капитана Вула как старшего офицера. Несколько мгновений спустя капитану Вулу доложили о высадке полковника. Ван Ренсселеру приказали готовиться к штурму высот - и вскоре командование отправило его в поход. Отряд действительно совершил марш к подножию высот, где по приказу помощника полковника Дж. Ван Ренсселеру пришлось остановиться; и через несколько минут он был атакован отрядом британцев из Куинстона, который после короткого, но ожесточенного боя был отброшен. В этом деле, лейтенант. Уоллес и энсин Моррис были убиты, а также капитаны Вул, Малкольм и Армстронг и лейтенант. Великий пост, раненый.

Вскоре после этого успеха капитану Вулу сообщили, что полковник. Ван Ренсселер был смертельно ранен, и отряду было приказано вернуться на берег реки. Капитан Вул дослужился до полковника и вызвался штурмовать батарею на высотах - и эту службу доблестно выполнили три роты 13-го пехотного полка под его командованием и небольшой артиллерийский отряд под командованием Льеута. Гансворт и Рэндольф. По какой-то причине (вероятно, из-за тяжелых ранений полковника. Ван Ренсселер,) в официальных отчетах капитану Вулу не была воздана

полная должное за его успешную храбрость. С этого момента повествование является правильным, поскольку оно продолжается на странице 507.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

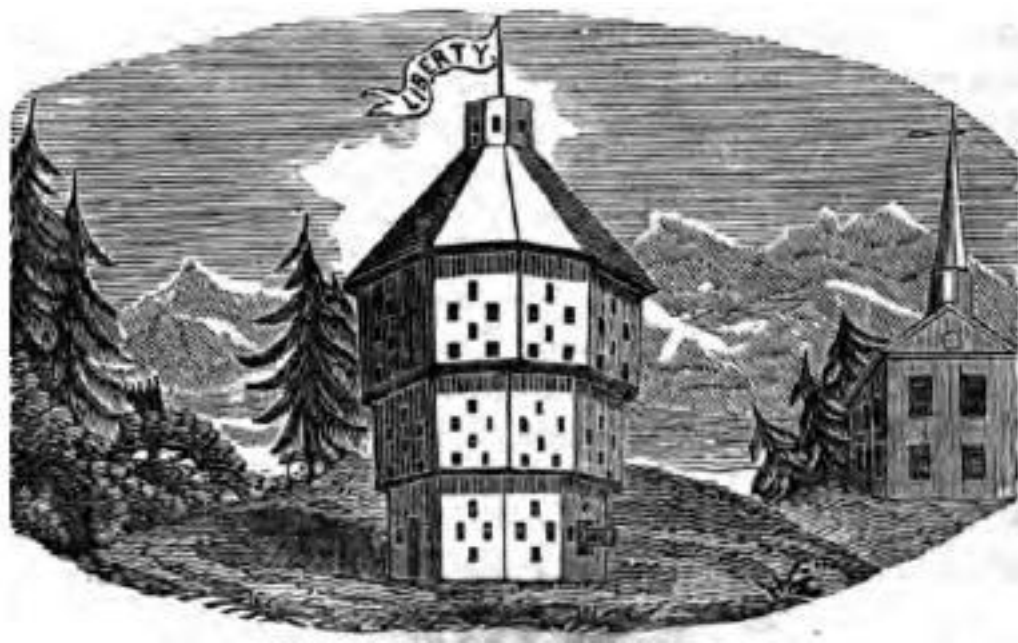
№ I.

[СПРАВОЧНАЯ СТРАНИЦА ВЫПУСКНОГО ВЕЧЕРА 95.]

ОПИСАНИЕ ФОРТ-ПЛЕЙН.

Следующее, как говорят, является правильным рисунком Форта Плейн, иногда ошибочно называемого Форт Планк. [FN]

Форт Планк, как написано в книгах, находился в двух с половиной милях от Форт-Плейн. Настоящее название было Форт Бланк, от имени владельца фермы, на которой он стоял, — Фредерик Бланк.



Форт располагался на гребне холма, примерно в полумиле к северо-западу от деревни, так, чтобы открывался полный вид на долину и возвышенность на несколько миль в любом направлении; отсюда он, несомненно, и получил свое название, потому что из-за прекрасного расположения открывался "*равнинный*" вид на окружающую местность. Он был возведен правительством как крепость, место отступления и безопасности для жителей и семей на случай вторжений индейцев, которые тогда, да и более или менее в течение всей войны за независимость, наводняли поселения всего этого региона. Его форма представляла собой восьмиугольник с отверстиями для тяжелых боеприпасов и мушкетов на каждой стороне. В нем было три этажа или квартиры. Первый этаж имел тридцать футов в диаметре; второй - сорок футов; третий - пятьдесят футов; последние два камня выступали на пять футов, как показано на вышеупомянутом рисунке. Он был построен повсюду из тесаного бревна площадью около пятнадцати квадратных дюймов; и, помимо вышеупомянутых иллюминаторов, на втором и третьем этажах были перпендикулярные иллюминаторы в тех частях, которые выступали вперед, чтобы предоставить регулярным войскам и ополченцам или поселенцам, расквартированным в форте, неудобные средства защиты для себя, жен и детей в случае близкого нападения со стороны безжалостных дикарей. Всякий раз, когда приходили разведчики с известием о приближении вражеского отряда, из форта раздавался пушечный выстрел в качестве сигнала к бегству туда в поисках безопасности.

В начале войны местными жителями, вероятно, на месте вышеописанного сооружения или поблизости от него было построено укрепление из материалов и конструкций, которые плохо

сочетались с использованием и целями, для которых оно предназначалось. Это побудило правительство возвести еще один (Форт Плейн) под руководством опытного французского инженера. Как произведение архитектуры, он был хорошо обработан и аккуратно отделан и превосходил все форты в этом регионе. После окончания войны за независимость Форт-Плейн в течение нескольких лет использовался как склад военных припасов под руководством капитана Б. Хадсона. В конце концов правительство Соединенных Штатов распорядилось перевезти эти склады в Олбани. Форт снесен. От него не осталось ничего, кроме обводного вала или траншеи, которые, хотя и были почти уничтожены плугом, все еще указывают любознательному путешественнику на достаточные свидетельства существования укреплений в давно минувшие дни. *Журнал Форт Плейн, 26 декабря 1837 г.*

№ II.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 153.]

Копия другого документа, написанного тем же почерком, сделанная вместе с письмом доктора Смита генералу Холдиманду.

"20 апреля 1781 года.

- ФОРТ СТЭНВИКС.

- На этом посту находится гарнизон численностью около двухсот шестидесяти человек под командованием полковника Кортленда. Примерно 14 числа прошлого месяца туда доставили провизию, а Брант явился слишком рано, чтобы нанести удар по их саням; он был там 2-го; взял шестнадцать пленных. Из Олбани заказан для этого форта девятидюймовый миномет, который будет доставлен в конце мая. Набранные за девять месяцев солдаты присоединятся к Кортландту.

"25 мая. — Форт Стэнвикс полностью охвачен огнем, за исключением двух небольших бастионов; некоторые говорят, что случайно, но обычно считается, что солдаты сделали это намеренно, поскольку их довольствие невелико; провизия перестала поступать туда, которая была в пути.

-Город Джона.

- В этом месте находится гвардия капитана.

-РЕКА МОГАВК.

"В этом квартале (пока) нет войск или военных приготовлений; но сообщается, что как только будут набраны люди на три года и девять месяцев, они возведут укрепления. Этой зимой многие семьи переехали из этого места и его окрестностей, и, как ожидается, еще больше последуют их примеру этой весной.

-СКЕНЕКТАДИ.

"Этот город сильно огорожен со всех сторон; у него шесть артиллерийских установок, шестифунтовые пушки, готовятся блокпосты. Его должны защищать жители; (за исключением примерно дюжины) выступают за правительство. Здесь находится несколько человек из полка Кортлендта; здесь хранится большое количество зерна для использования войсками; строятся большие лодки для перевозки тяжелого металла и дрови в форт Стэнвикс.

-ОЛБАНИ.

"На этом посту нет войск, кроме коменданта, генерала Клинтона, и его бригадного майора. Все виды работ остановлены из-за нехватки провизии и денег. Больные в больницах и их врачи голодают. 8 мая —В этом месте еще нет войск; прекрасное время, чтобы привести его к покорности и увести племя поджигателей.

"ЛАГЕРЬ ВАШИНГТОНА.

Численность этого лагеря не превышает двадцати пяти тысяч человек. Провизии всех видов очень мало. У Вашингтона и франции есть агенты по всей стране, которые закупают пшеницу и муку. Он послал в Олбани за всеми пушками, скорострельными патронами и прочим, что были там сданы. Ежедневные дезертирства с разных постов. Цвет армии отправился на юг вместе с маркизом Де Лафайетом.

"8 мая. Говорят, Вашингтон быстро собирает войска.

""ЮЖНЫЕ НОВОСТИ".

15 марта лорд Корнуоллис атаковал генерала Грина у Гилфорд Корт Хаус в Северной Каролине и нанес ему поражение, потеряв со стороны Грина тысячу триста человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести; его артиллерия и два фургона с боеприпасами захвачены, а генералы Старнс и Хегу ранены.

"25 мая. Недавно между нами и Нью-Йорком произошло нечто особенное, во многом в пользу короля, но подробности держатся в секрете.

"ВОСТОЧНЫЕ НОВОСТИ.

"Жители между Олбани и Бостоном, а также нескольких округов публично пьют за здоровье короля и, похоже, очарованы недавним заявлением из Нью-Йорка. От человека, десять дней назад прибывшего с Род-Айленда, у нас есть отчет о том, что численность сухопутных войск, принадлежащих французам, составляет не более трехсот человек; что, когда он покидал его, он видел, как два французских судна из Чесапика были сильно повреждены и отбуксированы; что несколько лодок, полных раненых, были доставлены и помещены в их госпитали, и что только трем судам из восьми, покинувших остров, удалось спастись, остальные доставлены в Йорк. К востоку от Бостона действует по принципу Вермонта.

"ШТАТ ВЕРМОНТ.

"Мнение людей в целом об этом штате таково, что его жители хитры и изворотливы, полны бережливости и замысла. Около пятнадцати дней назад полковник Аллен и некий мистер Фэй были в Олбани. Я взял за правило дважды бывать в их компании; в это время я попытался выяснить, чем они занимаются, и в ответ на запрос узнал от полковника Аллена, что он приезжал, чтобы повидаться с губернатором Клинтоном, чтобы получить его ответ на петицию, которую жители Вермонта представили Ассамблее; что он дважды был в квартире губернатора и что губернатор отказался видеть его или говорить с ним. Затем Аллен сказал, что будь он проклят, если когда-нибудь снова станет добиваться его благосклонности; с тех пор они безрезультатно обращались к Восточным Штатам с просьбой войти в их Конфедерацию. Я слышал, как Аллен заявлял одному Арфисту, что есть Северный полюс и Южный полюс; и если с юга налетит порыв грома, они закроют дверь напротив этой точки и откроют дверь, выходящую на север.

"8 мая. Ожидается, что к этому времени они будут дружелюбны к своему королю; разные мнения об их флаге.

-САРАТОГА.

"На этом посту находится рота, принадлежащая полку Ван Шейка, недавно прибывшая из форта Эдвард; гарнизон этого полка они покинули из-за нехватки провизии; и здесь они полны решимости не оставаться по той же причине. Форт, возведенный здесь генералом Шайлером. Двести пятьдесят человек в этом месте.

-ФОРТ-ЭДВАРД.

"Эвакуированы. Настало время нанести удар по этим портам. Отряд, направленный в Джонстаун в порядке Разделения, и значительный отряд здесь, внизу, осуществят ваше желание.

-ОБЩАЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ.

"Norman's Kill, Нисквита, Хилл-Барак и Нью-Скотленд немедленно по прибытии войск его Величества присоединятся и предоставят провизию. Несколько поселков к востоку от Олбани и юго-востоку от него готовы сделать подобное. Сын губернатора Трамбалла был повешен в Лондоне за шпионаж; у него было найдено несколько писем доктора Франклина к некоторым лордам. [FN] В последних документах Fishkill нет упоминания о том, что Грин вынудил его светлость отступить, как сообщалось. Флот Корка, насчитывающий более ста судов, благополучно прибыл в Йорк. Никаких враждебных намерений против провинции Канада".

[FN] Здесь имеется в виду полковник Джон Трамбалл, бывший генерал-адъютант северного департамента, который, хотя и не был повешен в упомянутое время, все еще жив (февраль 1839 г.), верно и успешно служа своей стране на высоком гражданском посту со времен Революционной войны, но, к еще большей ее славе, своим вкладом в искусство. Это правда, что в то время, о котором упоминает автор этих записок, полковник Трамбалл находился в Лондоне. Он отправился туда, чтобы изучать божественное искусство, которое он так долго и успешно совершенствовал под руководством своего соотечественника Уэста и с молчаливого

разрешения британских министров. Однако из-за интриг некоторых американских лоялистов в Лондоне, которые люто ненавидели его, он был арестован в Лондоне осенью 1780 года по обвинению в государственной измене и отправлен в общую тюрьму. Ему едва удалось спастись, тем более что казнь Андре вызвала большое возмущение, и была надежда, что удастся добиться компенсации в лице сына мятежного губернатора. Уэст заступился за короля, и Трамбулл был освобожден. Мемуары полковника Трамбалла, которые находятся в процессе подготовки, будут содержать интересный отчет об этом деле, которое было самым позорным для тех, кто способствовал его аресту — *Автор*.

"25 мая. Я только что получил совет от Т. Х., но перед его прибытием я отправил курьера с сообщением об остром оружии, к которому я вас отсылаю; и чтобы это не вышло напрасно, я посылаю вам свой дневник, из которого и присланных вперед выдержек вы можете, если они дойдут, составить что-нибудь интересное. Ради Бога, пришлите за мной флаг. Моя жизнь несчастна. У меня честные обещания, но задержки опасны".

Вместе с вышеизложенным был взят другой документ, написанный тем же почерком, копия которого приводится ниже:

"Ю. Х. непослушен и не уважает своих родителей; если бы он это сделал, то внес бы свой вклад в их беспокойство, спустившись вопреки их одобрению и неоднократным просьбам.

"Предметы первой необходимости, которые вам требуются, были отправлены в прошлый вторник лицом, о котором предъявитель сообщит вам. Я бы хотел, чтобы он был в вашей компании, и вы все благополучно вернулись и т.д.

"Моя жизнь несчастна. Флаг — флаг, и это немедленно, является искренним желанием

"Х. СТАРШИЙ."

№ III.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 165.]

1.

ТВЕРДАЯ крепость - это наш Бог, хорошая защита и оружие;
Он помогает нам освободиться от всех наших бед, которые сейчас обрушились на нас.
Старый злой враг, он теперь всерьез взялся за дело;
Великая сила и большая хитрость - его жестокое оружие,
Подобного ему нет на земле.

2.

Нашими собственными силами ничего не поделаешь, мы очень скоро погибам;
За нас сражается правильный человек, которого избрал сам Бог.
Вы спрашиваете, кто он такой? Его имя Иисус Христос,
Господь Иегова, и нет другого Бога;
Он должен удерживать поле боя.

3.

И если бы мир был полон дьяволов, готовых поглотить нас,
Нам ни в коем случае не было бы страшно, ибо в конце концов мы должны победить
князя мира сего, как бы плохо он ни вел себя,
Он не может причинить нам вреда, и причина в том, что он судья;
Небольшое слово может унижить его.

4.

Этому слову они позволяют остаться, и благодарности за него тоже не дождутся;
Он с нами в поле, со своим Духом и своими дарами.
Если они отнимут у нас тело, имущество, честь, ребенка и жену,
Пусть все это будет отнято, они все равно ничего от этого не выиграют,
Царство небесное должно остаться за нами.

[Приведенное выше взято из сборника гимнов 1741 года нашей эры. В одном из них,
напечатанном в 1826 году и ныне используемом в Пенсильвании, добавлено следующее:]

5.

Хвала, честь и прославление Всевышнему Богу, Отцу всякого Милосердия.
Который дал нам из любви Своего Сына, ради наших недостатков,
Вместе со Святым Духом. Он призывает нас в Царство;
Он забирает у нас наши грехи и показывает нам путь на небеса;
Пусть Он с радостью поможет нам. Аминь.

№ IV.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 167.]

Обращение полковника Гансворта к покойному 3-му Нью-Йоркскому полку.

[Приказы по полку.]

"Саратога, 30 декабря 1780 года.

"Поскольку полковник в связи с новыми обстоятельствами вынужден оставить командование своим полком и намеревается покинуть этот пост завтра, он выражает свою самую искреннюю благодарность офицерам и солдатам, которыми он имел честь командовать, за оперативность, бодрость и рвение, о которых ему доставляет особое удовлетворение заявлять, что они так часто проявляли при исполнении обязанностей, которые требовало от них их положение, и за их внимание к его приказам, которые, как и следовало ожидать, всегда вызывали его самое горячее одобрение.

Хотя он признает, что с некоторой долей боли размышляет о том, что отношения, в которых они находились, распадаются, он постарается без сожаления смириться с обстоятельством, которое, хотя и может иметь тенденцию ранить его чувства, его сограждане, входящие в советы штатов, объявили способствующим общественному благу.

"В какой бы жизненной ситуации он ни оказался, он всегда будет с удовольствием хранить память о тех достойных людях, которые вместе с ним участвовали почти во всех трудностях военной жизни. Поскольку теперь он, вероятно, вернется к тому классу граждан, из которого его вывела служба его стране в ранний период войны, он искренне желает, чтобы недалек был тот день, когда счастливый мир позволит им в полной мере насладиться теми благами, ради достижения которых они благородно переносили все неудобства и отваживались на многие опасности.

"П. ГАНСЕВООРТ."

Обращение офицеров его полка к полковнику Питеру Гансеворту по случаю его ухода со службы в связи с новым порядком, установленным Конгрессом.

"Саратога, 31 декабря 1780 года.

-Сэр,

"Позвольте нам, которые сейчас с неохотой расстаются с вашим командованием и лишены преимуществ, которые мы часто получали от этого, выразить наши чувства с теплотой привязанности и благодарности, вдохновленные сознанием вашего неустанного внимания к благополучию, чести и процветанию Третьего Нью-Йоркского полка, пока он был удостоен вашего командования.

"Мы должны были бы быть особенно счастливы, если бы вы продолжали работать с нами. Исходя из нашего многолетнего опыта вашей неизменной привязанности к службе нашей стране, ваших известных и одобренных способностей и того приветливого и джентльменского поведения, благодаря которому (позвольте нам сказать) вы так расположили к себе офицеров и солдат, мы не можем не считать эту разлуку большим несчастьем.

"Хотя ваше возвращение к классу граждан, к которому вас в ранний период призывало дело нашей страны, не является вопросом вашего выбора и никоим образом не приятно для нас; тем не менее, не может не радовать сознание того, что вы уходите в отставку с самой искренней

привязанностью и самым сердечным уважением со стороны офицеров и солдат, которыми вы командовали.

"Мы, с глубочайшим уважением, сэр, Ваши самые покорные слуги,

- Джас. Роузкранс, майор,	Б. Богардус, лейтенант,
Corn's. Т. Гансен, капитан,	Дж. Бэгли ду.
Дж. Грегг, ду.	Христос. Хаттон, ду.
Леонард Бликер, ду.	У. Мэги, ду.
Гео. Сити, выполняй.	Прентис Боуэн, выполняй.
Генри Тибо, до.	Самл. Льюис, до.
Ханлок Вудрафф, хирург,	Джон Эллиот, помощник хирурга,
Дж. Ван Ренсселер, казначей,	Бендж. Херринг, энсин,
Доу Т. Фонди, энсин,	Геррит Лэнсинг, выполняйте.

№ V.

[Ссылка со страницы 236.]

На собрании основных жителей района Мохок в округе Трайон полковник Джосайя ТРООП в Кресле,

Принимая во внимание особые обстоятельства этой страны, связанные с ее положением, и количество тех, кто присоединился к врагу из числа нас, чьи зверские проявления варварства во время их частых визитов к своим старым соседям, шокируют человечество:

Они убили мирного земледельца и его милых мальчиков, окружавших его, безоружных и незащищенных в поле. Они со злым удовольствием убивали стариков и немощных; они беспричинно забавлялись жизнями беспомощных женщин и детей; с многих они заживо снимали скальпы, запирали их в домах и сжигали заживо. Несколько детей, благодаря бдительности их друзей, были похищены из пылающих зданий; и, хотя с них сняли скальпы и томагавки, они все еще живут среди нас; они сделали более трехсот вдов и более двух тысяч сирот в этом графстве; они убили тысячи голов крупного рогатого скота и лошадей, которые гнили в полях; они сожгли более двух миллионов бушелей зерна, многие сотни зданий и огромные запасы фуража; и теперь эти безжалостные изверги снова проникают к нам, чтобы претендовать на привилегии сограждан и требовать возмещения их потерь. конфискованные поместья; но могут ли они оставить позади свой адский нрав и быть безопасными и

миролюбивыми соседями? Или может ли безутешная вдова и осиротевшая мать примирить свои нежные чувства со свободным и веселым соседством с теми, кто так бесчеловечно сделал ее такой? *Невозможно!* Это противоречит природе, первым принципом которой является самосохранение; это противоречит праву наций, особенно той нации, которой, по бесчисленным причинам, мы, как полагают, следуем. С момента восшествия Дома Ганноверов на британский престол пятьсот двадцать пэров Шотландии были уничтожены, пэры казнены или бежали, а их поместья конфискованы в пользу короны за приверженность их прежней администрации после того, как новая была установлена законом. Это противоречит вечному правилу разума и прямоты. Если Британия наняла их, пусть Британия им платит! Мы не будем.

Поэтому, *единогласно постановили*, что все те, кто перешел на сторону врага или был изгнан по какому-либо закону этого штата, или те, кого мы сочтем шпионами или орудиями врага, а также поощряли и укрывали тех, кто ушел, не должны жить в этом округе ни под каким предлогом; а что касается тех, кто отмыл свои лица от индейской краски, а руки от невинной крови наших дорогих и вернулся открыто или тайно, настоящим мы предупреждаем их покинуть этот район до двадцатого июня следующего года, иначе они могут быть убиты. ожидайте почувствовать справедливое негодование обиженных и решительных людей.

Мы также единодушно желаем, чтобы наши братья в других округах этого округа присоединились к нам, чтобы проинструктировать наших представителей не соглашаться с отменой каких-либо законов, принятых в целях безопасности государства, против государственной измены или конфискации имущества предателей; или с принятием каких-либо новых законов о возвращении или реституции тори.

По распоряжению Собрания, Джосайя Труп, Председатель.

9 мая 1789 г.

На собрании фригольдеров и жителей округа Канаджохари в графстве Трайон, состоявшемся в Форт-Плейн в том же округе в субботу, 7 июня 1783 года, были единогласно приняты следующие решения. Подполковник Сэмюэл Клайд в кресле:

Принимая во внимание, что в ходе последней войны большое число жителей этой страны, затерянный в полном смысле этого долга они обязаны своей страны, присоединились к врагам этого государства, и, совместно с британскими войсками, вел войну с народом этого государства; в то время как другие, более покинутой, остались среди нас, и предоставили убежище, помогали, помогали, а victualed указанного британских войск и их последователей; и своим примером и влиянием заставили многих покинуть службу своей стране, и оскорбления, и угрозы-все это не способствует добродетельных граждан, тем самым вызывая ряд отказаться от своих владений и оборону своей страны; *и принимая во внимание*, графства Трион имеет, в особой манере, были подвержены продолжил набеги и вторжения противника, в которых набеги и вторжения в самые жестокие убийства, разбои, грабежи были совершены, что когда-нибудь все-таки произошло в той или иной стране; ни пол, ни возраст не щадит, так что большинство пожилых людей обоих полов, и младенцев у их матерей грудь, бесчеловечно убили; наши здания (сооружения посвящена на служение Всемогущему Богу не исключено) были уменьшены до пепла, наша собственность разрушается и уносится; наш народ пронес

через далекой и далекой пустыне, в плену у дикарей (дорогие и верные союзники милосердные и гуманные британцы!) очень многие до сих пор остаются, и на дурное был вынужден вступить в их обслуживание.

И принимая во внимание, что, Благодаря Божьему благословению и снисходительной улыбке Провидения, война благополучно закончилась, и свобода и независимость Соединенных Штатов прочно установились.

И принимая во внимание, что противоречит интересам этого округа, а также велениям разума, что тем лицам, которые в течение восьмилетней жестокой войны постоянно помогали британцам в уничтожении свобод Америки, теперь должно быть разрешено вернуться в этот округ или остаться в нем и пользоваться благословениями этих свободных правительств, созданных за счет нашей крови и сокровищ, и которые они всеми недопустимыми способами постоянно пытались уничтожить.

Решено, Что мы не потерпим и не позволим какому бы то ни было лицу или личностям, которые в ходе последней войны присоединились к врагу этого государства, или такому лицу или таким лицам, остающимся с нами, и которые каким-либо образом помогали, снабжали продовольствием или укрывали врага, или тем, кто переписывался с ними, возвращаться в этот район или оставаться в нем.

Постановлено, Что все другие лица недовольного или двусмысленного характера, которые своим примером, оскорблениями и угрозами привели к дезертирству к врагу или побудили кого-либо из добродетельных граждан этого графства покинуть свои жилища, в результате чего они оказались в бедности и бедствии. И всем тем, кто во время последней войны был признан опасным, не разрешается оставаться в этом округе или возвращаться в него.

Решено, Что все такие лица, остающиеся в настоящее время в этом округе и упомянутые в любом из вышеупомянутых постановлений, должны покинуть его в течение одного месяца после публикации этого.

Решено, Что ни одному лицу или лицам, каких бы то ни было конфессий, не будет разрешено приезжать и проживать в этом округе, если только такое лицо или лица не привезут с собой достаточные свидетельства своих моральных качеств и своей полной и недвусмысленной приверженности свободе и независимости Соединенных Штатов.

Решено, Что мы будем и настоящим связываем себя всеми узами, считающимися священными среди людей и христиан, поддерживать и приводить в полную силу все вышеперечисленные резолюции.

Постановлено, Что этот округ настоящим инструктирует членов Сената и Ассамблеи этого штата от этого округа в меру своих возможностей противодействовать возвращению всех таких лиц, которые подпадают под смысл вышеуказанных резолюций.

Приказал, Чтобы предыдущие голосования и результаты работы этого округа были подписаны Председателем и опубликованы в New York Gazetteer.

Сэмюэл Клайд, *председатель.*

№ VI.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 288.]

"На встрече президента и стипендиатов Гарвардского колледжа, 5 июня 1789 г.—

"Проголосовали за то, чтобы благодарность этой Корпорации была вручена полковнику Джозефу Бранту, главе племени могавков, за его вежливое внимание к этому университету, за его любезное пожертвование библиотеке Книги общей молитвы Англиканской церкви с Евангелием от Марка, переведенным на язык могавков, и Букварем на том же языке.

"Подтверждаю ",ДЖОЗЕФ УИЛЛАРД, *Президент*."

№ VII.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 312.]

ПОРАЖЕНИЕ СЕНКЛЕРА.

Четвертого ноября девяносто первого года
у нас было тяжелое сражение близ форта Джефферсон;
нашим командиром был Сенклер, которого, возможно, помнят,
Потому что там, на Западной территории, мы оставили девятьсот человек.

В Банкерс-Хилле и Квебеке, где пало много героев,
также и на Лонг-Айленде, (это я могу сказать по правде)
Но, возможно, я никогда больше не увижу такой ужасной резни,
Какая произошла возле Сент-Мэри на речной равнине.

На нашу армию напали как раз на рассвете,
И вскоре они были разбиты и изгнаны с лужайки;

Они убили майора *Олдхэма*, также *Бриггса*
, И ужасный вопль дикарей огласил небеса.....

Майор *Батлер* был ранен во время второго выстрела;
Его мужественная грудь раздулась от ярости, когда его заставили отступить;
И, когда он лежал в муках и едва мог видеть,
воскликнул: "Вы, гончие ада, о! Я буду отомщен".

Вскоре после того, как мы были разбиты, генерал *Батлер* обнаруживший
, что он так тяжело ранен, был вынужден покинуть позиции;
"Боже мой! - воскликнул он, - что нам делать? мы все ранены
Идите, атакуйте их, доблестные герои, и побейте их, если сможете".

Он прислонился спиной к дереву и там перевел дыхание,
И, подобно доблестному солдату, пал в объятия смерти;
Когда благословенные ангелы дождались, чтобы передать его дух;
И к небесным полям он быстро направился.

Мы снова храбро атаковали, но вскоре снова сдались.
Затем боевой клич удвоился, как и враги вокруг;
Они убили майора *Фергюсона*, что заставило его людей закричать:
"Наша единственная безопасность - бежать или сражаться здесь насмерть".

"Встаньте к своим пушкам", - говорит отважный *Форд*, - "Давайте умрем от них там,
Прежде, чем дадим понять дикарям, что мы когда-либо испытывали страх".
Наши ядра иссякли, все артиллеристы были убиты,
нашим мушкетерам пришлось поддерживать врага.

Еще три часа мы сражались с ними, а затем были вынуждены уступить,
Когда триста окровавленных воинов лежали, распростертые на поле боя.
Говорит полковник *Гибсон* своим людям: "Мои мальчики, не пугайтесь,
я уверен, что настоящие виргинцы еще никогда не боялись.

"Я предпочел бы умереть десятью тысячами смертей, чем они выйдут на поле боя";
С этими словами он получил смертельный удар, который заставил его сдаться.
Говорит майор *Кларк*, "Мои герои, я больше не могу здесь стоять,
Мы постараемся выстроиться в боевой порядок и отступить, насколько это возможно".

Когда прозвучало слово "Отступление", раздался мрачный крик,
затем они бросились врассыпную через лес, как бегут волки и овцы;
Эта хорошо оснащенная армия, которая всего за день до этого
бросала вызов любой опасности и мужественно переносила ее, рассеялась, как туча.

Увы! умирающих и раненых, какой ужасной была мысль,
приносят в Мисри Под томагавк и нож для снятия скальпелей;
У кого-то было сломано бедро, а у кого-то рука в тот день на поле боя,
Кто корчился в муках на костре, завершая страшную схватку.

Я хочу упомянуть наших храбрых офицеров;
Никогда сыны Марса не сражались более храбро или с большей истинной отвагой.

Я принадлежал капитану *Брэдфорду* из его артиллерии;
В тот день он пал среди убитых, он был доблестным человеком.

№ VIII.

[Ссылка со страницы 314.]

Повествование о пленении и страданиях Масси Харбисон весной 1792 года, проживавшей по соседству с Питтсбургом, а также об убийстве ее детей, ее собственном побеге и т. Д.

После возвращения моего мужа после поражения генерала Сент-Клера, упомянутого в предыдущей главе, и после его выздоровления от раны, полученной в сражении, его сделали шпионом и отправили на дежурство в лес, примерно 22 марта 1792 года. Назначение шпионов для наблюдения за передвижениями дикарей было настолько созвучно желаниям и интересам жителей, что на границе теперь снова воцарились спокойствие и уверенность. Те, кто почти год ютился в блокадзе, были разбросаны по своим собственным жилищам и начали возделывать свои фермы. Шпионы не видели ничего, что могло бы встревожить их или побудить предчувствовать опасность, вплоть до рокового утра моего пленения. Они неоднократно приходили в наш дом, чтобы перекусить и переночевать. 15 мая мой муж с капитаном Гатри и другими шпионами вернулись домой около наступления темноты и захотели поужинать; чтобы раздобыть его, я попросила одного из шпионов сопровождать меня к источнику и весеннему домику, и мистер Уильям Максвелл выполнил мою просьбу. Пока он был у родника, мы оба отчетливо слышали звук, похожий на блеяние ягненка или олененка. Это сильно встревожило нас и побудило поспешно ретироваться в дом. Было ли это индейской приманкой или предупреждением о том, через что мне предстояло пройти, я не могу определить. Но с этого времени и при таких обстоятельствах я сильно встревожилась и умоляла своего мужа перевезти меня в какое-нибудь более безопасное место от жестокости индейцев. Но Провидению было угодно, чтобы я стал жертвой их гнева, и чтобы в моем освобождении проявилось милосердие.

Ночью 21 мая двое шпионов, мистер Джон Дэвис и мистер Саттон, поселились в нашем доме, а утром 22-го, на рассвете, когда в блоказде, который находился в пределах видимости от нашего дома и на расстоянии около двухсот ярдов, протрубил рог, двое мужчин встали и вышли. Я тоже проснулся, увидел открытую дверь и подумал, когда меня взяли в плен, что разведчики оставили ее открытой. Я намеревалась немедленно встать, но, поскольку у груди был ребенок и он проснулся, я легла с ним у груди, чтобы снова уложить его спать, и случайно заснула сама.

С тех пор шпионы сообщили мне, что они снова вернулись в дом и обнаружили, что я сплю; что они тихонько заперли дверь и сразу же отправились в блоказд; и те, кто осматривал дом после того, как сцена закончилась, говорят, что обе двери выглядели взломанными.

Первое, что я осознал, засыпая, были индейцы, вытаскивающие меня за ноги из кровати. Затем я поднял глаза и увидел дом, полный индейцев, у каждого в левой руке было ружье, а в правой - томагавк. Увидев опасную ситуацию, в которой я оказался, я немедленно вскочил на ноги с маленьким ребенком на руках. Затем я взяла нижнюю юбку, чтобы надеть ее, у меня была только та, в которой я спала; но индейцы отобрали ее у меня, и сколько бы я ни пыталась надеть, им это удавалось, так что мне пришлось идти так же, как я лежала в постели. Пока я боролся с некоторыми дикарями за одежду, другие из них пошли и вытащили двух детей из другой кровати, а затем немедленно отнесли две пуховые перины к двери и вытряхнули из них содержимое. Дикари немедленно приступили к грабежу и опустошению. То, что они не могли унести с собой, они уничтожали. Пока они были за работой, я подошел к двери и сумел выбраться наружу с одним ребенком на руках и другим рядом со мной; но другой маленький мальчик был так недоволен, что его так рано потревожили, что он не подошел к двери.

Когда я вышел, я увидел мистера Вульфа, одного из солдат, идущего к источнику за водой, и увидел двух или трех дикарей, пытавшихся встать между ним и блокпостом; но мистер Вульф не признавал опасности, так как дикари еще не были обнаружены. Затем я издал ужасающий вопль, благодаря которому мистер Вульф обнаружил опасность и бросился бежать к блокгаузу; семь или восемь индейцев выстрелили в него, но единственным ранением, которое он получил, была пуля в руку, которая сломала ее. Ему удалось скрыться в блокгаузе. Когда я поднял тревогу, один из индейцев подошел ко мне со своим томагавком, как будто собирался лишить меня жизни; подошел второй, закрыл мне рот рукой и велел замолчать, когда подошел третий с поднятым томагавком и попытался нанести мне удар; но первый подошедший поднял свой томагавк и отвел удар, и объявил меня своей скво.

Комиссар со своим лакеем ночевали на складе рядом с блокгаузом; услышав ружейный выстрел, они подошли к двери, чтобы узнать, в чем дело, и, увидев опасность, в которой он находился, убежали в блокгауз, но не без того, чтобы быть обнаруженными индейцами, несколько из которых выстрелили в него, и одна из пуль пробила носовой платок, которым была повязана его голова, и вырвала часть волос. Носовой платок с несколькими пулевыми отверстиями он потом отдал мне.

Официант, подойдя к двери, был встречен индейцами, которые выстрелили в него, и он получил две пули в тело и упал мертвым у двери. Затем дикари издали один из своих ужасающих воплей, бросились вперед и попытались снять скальп с убитого ими человека; но им помешало осуществить свою дьявольскую цель сильный огонь, который велся через иллюминаторы из блокгауза.

В этой сцене ужаса и тревоги я начал обдумывать побег, и с этой целью я попытался отвлечь внимание индейцев от себя и сосредоточить его на блокпосте; и подумал, что, если мне это удастся, я отступлю в подземную скалу, с которой я был знаком, которая находилась недалеко от того места, где мы находились. С этой целью я начал беседовать с некоторыми из тех, кто был рядом со мной, о прочности блокгауза, количестве людей в нем и т. Д., И, получив информацию, что там было сорок человек, и что они были отличными стрелками, они немедленно пришли к решению отступить, и с этой целью они побежали к тем, кто осаждал блокгауз, и увели их. Затем они начали пороть меня своими палками для вытирания тряпок и приказывать идти дальше. Таким образом, то, что я намеревался сделать средством моего побега, было средством ускорить мой отъезд в руках дикарей. Но это, без сомнения, было приказано добрым

Провидением для сохранения форта и его обитателей; ибо, когда дикари прекратили атаку и отступили, у некоторых мужчин в доме был последний заряд патронов в ружьях, и не было никакой возможности раздобыть еще, потому что все это было заперто в кладовой, которая была недоступна.

Индейцы, выпоров меня вместе с собой, забрали с собой моего старшего сына, мальчика лет пяти, потому что он все еще стоял в дверях рядом со мной. Мой средний маленький мальчик, которому было около трех лет, к этому времени устроился у огня в доме и горько умолял меня не уезжать и горько жаловался на бесчинства дикарей.

Но эти чудовища не захотели оставить ребенка у себя; они взяли его за руки, чтобы потащить за собой, но он так не хотел идти и так громко плакал, что они схватили его за ноги и разбили ему мозги о порог двери. Затем они сняли с него скальп, нанесли удар ножом и оставили умирать. Когда я стал свидетелем этой бесчеловечной бойни над моим собственным ребенком, я издал самый неопишуемый и ужасающий крик и почувствовал, как в глазах у меня потемнело, почти ослепнув, и я почти лишился чувств. Затем дикари ударили меня по голове и лицу и вернули мне зрение и память. В течение всей этой мучительной сцены я держала своего младенца на руках.

Как только их убийство было совершено, они повели меня на вершину берега, примерно на сорок или шестьдесят прутьев, и там они остановились и разделили добычу, которую взяли из нашего дома; и здесь я сосчитал их количество и обнаружил, что их тридцать два, двое из которых были белыми людьми, раскрашенными как индейцы.

Несколько индейцев хорошо говорили по-английски. Я хорошо знал нескольких из них, поскольку видел, как они поднимались и спускались по реке Аллегейни. Я знал, что двое из них были из индейского племени сенека, а двое - манси, потому что они зашли в мастерскую починить свои ружья, и я увидел их там.

Мы отъехали от этого места около сорока миль, а затем они поймали лошадей моего дяди, Джона Карри, и двое из них, на попечение которых я был отдан, отправились со мной верхом на лошадях к устью Кишкиминеты, а остальные направились в сторону Пукети. Когда они добрались до берега, спускавшегося к Аллегейни, берег был таким крутым, и спускаться по нему верхом казалось таким опасным, что я бросился с лошади вопреки воле и приказу дикарей.

Моя лошадь спустилась, не упав, но та, на которой ехал индеец, у которого был мой маленький мальчик, при спуске упала и несколько раз перевернулась; и мой маленький мальчик упал спиной на лошадь, но существенно не пострадал. Его подобрал один из индейцев, и мы добрались до берега реки, где они припрятали несколько каноэ из коры под скалами, напротив острова, который лежит между Кискиминетами и Буффало. Они тщетно пытались заставить лошадей переправиться через реку. Попытавшись сделать это некоторое время, они оставили лошадей позади себя и отвезли нас в одном из каноэ на оконечность острова, где и оставили каноэ.

Здесь я стал свидетелем еще одной тяжелой сцены, потому что, как только мы причалили, мой маленький мальчик, который все еще горевал о своем младшем брате и жаловался, что получил травму при падении с берега, *был убит*.

Один из индейцев приказал мне идти с ними, вероятно, чтобы я не видел, как будет совершено это ужасное деяние. Затем другой выхватил из-за пазухи свой томагавк и этим орудием

смерти *убил его и снял скальп*. Когда я увидел эту вторую сцену бесчеловечной бойни, я упал на землю без чувств с моим младенцем на руках, он был подо мной, и его маленькие ручки вцепились в волосы у меня на голове. Не знаю, как долго я оставался в этом бесчувственном состоянии.

Первое, что я помню, это то, как я поднял голову от земли и почувствовал, что меня чрезвычайно одолевает сон. Я огляделся вокруг и увидел скальп моего дорогого маленького мальчика, из головы которого текла свежая кровь, в руке одного из дикарей, и снова опустился на землю на моем младенце. Первое, что я помню после того, как стал свидетелем этого горестного зрелища, были жестокие удары, которые я получал от рук дикарей, хотя в то время я не сознавал, что получил травму. После сурового наказания они помогли мне встать и поддерживали меня, когда я вставал.

Здесь я не могу не поразмыслить об особом вмешательстве Божественного Провидения в мою жизнь. Как легко они могли убить меня! Как удивительно, что их жестокость не привела их к этому! Но вместо этого скальп моего мальчика был скрыт от моего взгляда, и, чтобы привести меня в чувство, они отвели меня обратно к реке и погрузили по колено; это возымело желаемый эффект. Но *"нежное милосердие нечестивых жестоко"*.

Теперь мы продолжили наше путешествие, пересекли остров и вышли на мелководье, где могли перейти вброд и таким образом добраться до индийской части страны. Здесь они столкнули меня в реку перед собой и должны были провести через нее. Вода доходила мне до груди, но я подвесил своего ребенка над водой и с помощью дикарей благополучно выбрался наружу.

Оттуда мы быстро двинулись вперед и пришли к Большому Баффало; здесь ручей был очень быстрым, и индейцам снова пришлось помогать мне. Перейдя этот ручей, мы направились напрямик к Коннеквенсинг-крик, тому самому месту, где сейчас стоит Батлер; оттуда мы проехали пять или шесть миль до Литл-Буффало, перешли его на том самом месте, где сейчас стоит мельница мистера Б. Сервера, и поднялись на холм.

Теперь я чувствовал, что устал от своей жизни, и был полон решимости заставить дикарей убить меня, думая, что смерть была бы чрезвычайно желанной по сравнению с усталостью, жестокостью и страданиями, которые мне предстояло пережить. Чтобы осуществить свою цель, я остановился, один из дикарей шел впереди меня, а другой - сзади, и я снял с плеча большую пудреницу, которую они заставили меня нести, в дополнение к моему ребенку, которому был год и четыре дня от роду. Я бросил рог на землю, закрыл глаза, *и каждое мгновение ожидал ощутить смертоносный удар томагавка*. Но, к моему удивлению, индейцы подняли его, горько обругали меня и снова взвалили мне на плечо. Я снял его во второй раз, бросил на землю и снова закрыл глаза, уверенный, что встречу смерть; но вместо этого дикари снова подняли рог и с возмущенным, устрашающим выражением лица подошли и снова надели его. Я снял его в третий раз и был полон решимости добиться своего, а потому швырнул его как можно дальше от себя, за камни. Дикарь немедленно бросился за ним, в то время как тот, кто назвал меня своей скво и кто стоял и был свидетелем сделки, подошел ко мне и сказал: "Молодец, я поступила правильно и была хорошей скво, а другой был ленивым сукиным сыном; он мог бы нести это сам". Сейчас я не могу в достаточной мере восхититься снисходительной заботой милосердного Бога, который в этот момент сохранил меня среди стольких искушений от томагавка и ножа для снятия скальпеля.

Теперь дикари сменили позицию, и тот, кто назвал меня своей скво, ушел позади. Это движение, я полагаю, было сделано для того, чтобы тот, другой, не причинил мне вреда; и мы шли дальше, пока не достигли Коннеквенсинга у Соленого Лика, примерно в двух милях выше Батлера, где находился индейский лагерь, куда мы прибыли незадолго до наступления темноты, так и не подкрепившись в течение дня.

Лагерь был сделан из кольев, вбитых в землю с наклоном, покрытых корой каштана и казался достаточно длинным для пятидесяти человек. Лагерь, по-видимому, был занят в течение некоторого времени; он был очень сильно разбит, и от него в разные стороны отходили большие протоптанные тропы.

Той ночью они отвели меня примерно на триста ярдов от лагеря, вверх по тропинке, в большое темное ущелье, где срезали кустарник в зарослях, расстелили на земле одеяло и позволили мне сесть рядом с моим ребенком. Затем они заломили мне руки за спину, лишь с небольшой свободой, так что я с трудом справлялась со своим ребенком. Здесь, в этой унылой обстановке, без огня и еды, с младенцем, о котором нужно заботиться, со связанными за спиной руками и с дикарями по обе стороны от меня, которые в тот день убили двух моих дорогих детей, мне пришлось провести первую ночь моего пленения.

Вы, матери, которые никогда не теряли детей от рук бесчеловечных дикарей и не испытывали почти неописуемых страданий, о которых здесь рассказывается, можете, тем не менее, немного подумать (хотя и немного) о том, что пережил я; и, следовательно, теперь вы наслаждаетесь сладким отдыхом и удобствами мирного и хорошо обустроенного жилья, немного посочувствуйте мне, как человеку, который был пионером в деле культивирования и цивилизации.

Но испытания и опасности прошедшего дня настолько измотали меня, что, несмотря на мое неприятное положение *имею решимость сбежать, если возможно*, я незаметно заснул, и мне неоднократно снились сны о моем побеге и благополучном прибытии в Питсбург, а также некоторые вещи, связанные с городом, о которых я ничего не знал в то время, но которые подтвердились, когда я прибыл туда. Прошла первая ночь, и я не нашел способа спастись, потому что дикари бодрствовали всю ночь, не сомкнув глаз.

Утром один из них оставил нас наблюдать за тропой, по которой мы пришли, чтобы посмотреть, не преследуют ли нас белые люди. Во время отсутствия индейца, который был тем, кто заявил на меня права, другой, который остался со мной и который был убийцей моего последнего мальчика, достал из-за пазухи свой скальп, приготовил обруч и натянул на него скальп. Те матери, которые не видели, как подобное проделывали со скальпами их собственных детей (и мало кому, если вообще кому-либо, доводилось выносить столько страданий), смогут составить лишь слабое представление о чувствах, которые тогда терзали мою душу! Я замыслил месть! Пока он занимался этим делом, я попытался отобрать у него томагавк, который висел у него на боку и упирался в землю, и мне это почти удалось, и я думал, что вот-вот нанесу смертельный удар; когда, увы! Меня обнаружили.

Дикарь почувствовал, что я держу рукоять своего томагавка, повернулся ко мне, выругал меня и сказал, что я янки; таким образом, намекая, что он понял мое намерение и, чтобы помешать мне сделать это снова, повернулся ко мне лицом. Я оправдывалась перед ним за то, что держала в руках его томагавк, тем, что мой ребенок хотел поиграть с его рукоятью. Тут я снова подивился

своему милосердному спасению, ибо внешность дикаря была до крайности устрашающей; и это, как я понимаю, было лишь указанием на его сердце. Но Бог был моим спасителем.

Дикарь, отправившийся утром на разведку, вернулся около 12 часов и не обнаружил преследователей. Затем тот, кто охранял меня, отправился с тем же поручением. Дикарь, который теперь был моим охранником, начал расспрашивать меня о белых людях, осиле армий, выступающих против них, и т. Д., И в основном хвастался их достижениями предыдущей осенью при поражении генерала Сент-Клера.

Затем он осмотрел добычу, которую накануне принес из нашего дома. Среди своей добычи он нашел мою записную книжку и деньги. В книжке было десять долларов серебром и полгиней золотом. В тот день они дали мне кусок вяленой оленины, размером примерно с яйцо, и кусок примерно такого же размера в тот день, когда мы выступали в поход, для поддержки меня и моего ребенка; но из-за ударов, которые они нанесли мне по челюстям, я не смог съесть ни кусочка. Я разломал его и отдал ребенку.

Дикарь, стоявший на страже, вернулся с наступлением темноты. Этим вечером (в понедельник, 23-го числа) они перевели меня на другую станцию в той же долине и обеспечили безопасность, как и предыдущей ночью. Так я провел вторую ночь между двумя индейцами, без огня и освежающих напитков. В течение этой ночи я часто засыпал, несмотря на свое неприятное положение, и так же часто видел во сне свое прибытие в Питсбург.

Ранним утром 24-го, когда мы лежали в нашей неудобной постели, стоя птиц-пересмешников и малиновок кружила над нами, пела и говорила, по крайней мере в моем воображении, что я должен встать и уйти. Как только рассвело, один из индейцев снова отправился наблюдать за тропой, как и накануне, а тот, кого оставили присматривать за мной, казалось, спал. Когда я понял это, я лег неподвижно и начал храпеть, как будто спал, и он заснул.

Тогда я пришел к выводу, что пришло время сбежать. Я сочла невозможным причинить ему вред из-за моего ребенка у груди, так как я ничего не могла сделать, не уложив ребенка, и тогда он заплакал бы и поднял тревогу; поэтому я удовлетворилась тем, что достала из награбленной в нашем доме наволочки короткое платье, носовой платок и детское платьице, и так сбежала; солнце тогда стояло примерно в получасе ходьбы.

Сначала я выбрал направление от дома, руководствуясь вышеупомянутыми птицами и чтобы обмануть индейцев, затем поднялся на холм и вышел к Соединяющему ручью примерно в двух милях от того места, где я перешел его вместе с индейцами, и шел вниз по течению примерно до двух часов дня, по камням, пропастям, колючкам, шиповнику и т. Д., босыми ногами. Затем по солнцу и журчанию ручья я обнаружил, что нахожусь на неправильном пути и иду от него, вместо того чтобы приближаться к дому. Затем я изменил свой курс, взошел на холм и просидел там до захода солнца, когда показалась вечерняя звезда, когда я обнаружил дорогу, по которой мне предстояло идти; и, наметив направление, в котором я намеревался идти следующим утром, я собрал немного листьев, приготовил постель, лег и уснул, хотя мои ноги были полны колючек, которые начали сильно болеть, и у меня все еще не было ничего съестного ни для себя, ни для ребенка.

На следующее утро (пятница, 25 мая) на рассвете я был разбужен ото сна вышеупомянутой стаей птиц, которая все еще оставалась со мной, и они вели меня по дикой местности. Как

только стало достаточно светло, чтобы я мог найти дорогу, я приступил к испытанию голода и усталости на четвертый день.

В этот день во время моего путешествия не произошло ничего особенного, и я, насколько мне было известно, направился к реке Аллегейни. Вечером, незадолго до захода солнца, пошел умеренный дождь, и я начала готовиться ко сну, собрав несколько листьев, как я делала накануне вечером; но не смогла собрать достаточное количество, не поставив моего маленького мальчика на землю; но как только я выпустила его из своих рук, он заплакал. Опасаясь последствий его шума в этой ситуации, я взял его на руки и немедленно приложил к груди, и он затих. Затем я остановился и прислушался, и *отчетливо услышал шаги человека, идущего за мной* в том же направлении, что и я! Почва, по которой я шел, была хорошей, а почва легкой; следовательно, я оставил свои следы и, таким образом, подвергся *второму плену!* Встревоженная своим опасным положением, я огляделась в поисках безопасного места и, *по воле провидения*, обнаружила большое упавшее дерево, на вершину которого я забралась со своим ребенком на руках и там надежно спряталась под ветвями. Ночная тьма очень помогла мне и помешала меня обнаружить.

Шаги, которые я слышал, принадлежали дикарю. Он услышал крик ребенка и подошел к тому самому месту, где плакал ребенок, и там остановился, опустил ружье и был в это время так близко, что я отчетливо слышал, как палочка для вытирания стекла ударилась о его ружье.

Я забрался под дерево, укрылся от дождя и прижал моего мальчика к груди, согрел его, и, к величайшему провидению, он заснул и лежал очень тихо во время моей тогдашней опасности. Все было тихо, дикарь прислушивался, не раздастся ли ему снова крик, который он слышал раньше. Мое собственное сердце было единственным, чего я боялся, и оно билось так громко, что я опасался, как бы оно не выдало меня. Почти невозможно представить или поверить в то чудесное воздействие, которое моя ситуация произвела на всю мою систему.

После того, как дикарь простоял и слушал почти в мертвой тишине в течение двух часов, звук колокола и крик, подобный крику ночной совы, сигналы, которые подавали ему его дикие товарищи, побудили его ответить, и после того, как он издал самый ужасный вопль, который должен был растревожить мою душу, он встрепнулся и пошел, чтобы присоединиться к ним.

После того, как дикарь удалился к своим товарищам, я пришел к выводу, что оставаться в моем укрытии до утра небезопасно, чтобы они не закончили повторный поиск и при свете дня не нашли меня и не отстрелили томагавком, или сняли скальп, или иным способом не вернули меня обратно в плен, что было хуже смерти.

Но к этому времени природа была почти истощена, и мне было трудно выйти из своего положения в ту ночь; тем не менее, побуждаемая необходимостью и чувством самосохранения, я набросила пальто на своего ребенка, зажала конец в зубах и одной рукой, стиснув зубы, понесла ребенка, а другой ощупью пробралась между деревьями и прошла, как я предполагала, милю или две, и там уселась у корня дерева до утра. Ночь была холодной и сырой, и так закончились трудности четвертого дня и ночи, испытания, голод и опасности.

На пятый день, в субботу 26 мая, промокший и измученный, голодный и несчастный, я тронулся с места своего отдыха утром, как только смог разглядеть дорогу, и в то утро наткнулся на бисерные воды Пайн-Крик, впадающего в Аллегейни примерно в четырех милях выше Питтсбурга; хотя тогда я не знал, что это за воды, но пересек их, и на противоположном берегу

нашел тропинку, и обнаружил на ней два свежих следа от мокасин, и люди, которые их оставили, были до меня и двигались в том же направлении, что и я. . Это встревожило меня; но поскольку они были передо мной и двигались в том же направлении, что и я, я решил, что смогу увидеть их, как только они смогут увидеть меня; и поэтому я прошел по этой тропе около трех миль, пока не добрался до развилки, где другой рукав впадает в ручей, и где был охотничий лагерь, где были двое мужчин, чьи следы я обнаружил раньше и пошел по ним, и развел костер, и позавтракал, и оставил костер гореть.

Тут я встревожился еще больше и пришел к решимости сойти с пути. Затем я поднялся на холм, пересек гребень по направлению к Скво-ран и наткнулся на тропу. Здесь я остановился и стал размышлять, что делать; и пока я так размышлял, я увидел трех оленей, приближавшихся ко мне на полной скорости; они обернулись, чтобы посмотреть на своих преследователей; я тоже посмотрел со всем вниманием и увидел вспышку ружейного выстрела, а затем услышал выстрел, как только ружье выстрелило. Я увидел, как несколько собак погнались за ними, и начал оглядываться в поисках укрытия, и сразу же направился к большому бревну и спрятался за ним; но, к величайшему счастью, я не стал приближаться к бревну; если бы я сделал это, я мог бы расстаться с жизнью от укусов гремучих змей; потому что, когда я приложил руку к земле, чтобы приподняться, чтобы посмотреть, что стало с охотниками и кто они такие, я увидел большую кучу гремучих змей, и верхняя из них была очень большой, и свернулась кольцом совсем рядом с моим лицом, и была вполне готова укусить я. Это вынудило меня выйти из этой ситуации, пусть последствия будут такими, какими они могли бы быть.

Вследствие этого происшествия я снова отклонился от своего курса, взяв курс влево, и вышел к верховьям Скво-ран, где и держался этого курса остаток того дня.

Днем шел дождь, и я был в очень плачевном положении; мои конечности так замерзли и дрожали, что часто, несмотря на все мои усилия, я издавал произвольный стон. В этот день я сильно страдал от голода, хотя мои челюсти настолько оправились от повреждений, полученных от ударов индейцев, что, где только мог, я добывал виноградные лозы и жевал их, чтобы хоть немного подкрепиться. Вечером я подошел на расстояние одной мили к реке Аллегейни, хотя в то время не знал об этом; и там, у корней дерева, под сильнейшим ночным дождем, я устроился на пятую ночь; и чтобы по возможности укрыть моего младенца, я посадил его к себе на колени, а голову прислонил к дереву и таким образом позволил дождю падать на меня.

На шестое (это было в субботу) утро после моего пленения я обнаружил, что долгое время не могу подняться с земли; и когда я снова, с трудом сопротивляясь, поднялся на ноги и отправился в путь на шестой день, природа *была настолько истощена, а мой дух был настолько подавлен*, что мое продвижение было удивительно медленным и обескураживающим.

В этом почти беспомощном состоянии я не успел уйти далеко, как наткнулся на тропинку, по которой пасся скот; я пошел по тропинке, полагая, что она приведет меня к жилищу каких-то белых людей, и, пройдя по ней около мили, я подошел к необитаемой хижине; и хотя я был на дне реки, все же я не знал, ни где я, ни на какой берег реки я пришел. Здесь мной овладело чувство отчаяния, и под влиянием этих чувств я подошел к порогу необитаемой хижины и решил, *что войду, лягу и умру*; поскольку смерть была бы для меня *ангелом милосердия* в такой *ситуации* и избавила бы меня от всех моих страданий.

Таковы были мои чувства в этот печальный момент, и если бы не воспоминание о тех страданиях, которые предстояло перенести моему *младенцу*, который проживет еще некоторое время после моей смерти, я бы привела свое решение в исполнение. Здесь я тоже услышал звук коровьего колокольчика, который вселил *проблеск надежды в мой отчаявшийся разум*. Я шел на звук колокола, пока не оказался напротив форта на Шестимильном острове.

Когда я пришел туда, я увидел трех мужчин на противоположном берегу реки. Мои чувства при виде их были лучше прочувствованы, чем описаны. Я окликнул мужчин, но они, казалось, не хотели рисковать и преследовать меня, и попросили сообщить, кто я такой. Я ответил, что я тот, кто был взят в плен индейцами на реке Аллегейни утром в прошлый вторник и сумел от них сбежать. Они попросили меня немного прогуляться по берегу реки, чтобы посмотреть, не заманивают ли меня индейцы в ловушку или нет; но я ответил им, что у меня так болят ноги, что я не могу ходить.

Затем один из них, Джеймс Клозье, сел в каноэ, чтобы перевезти меня, а двое других стояли на берегу с ружьями на взводе, готовые стрелять по индейцам, при условии, что они использовали меня как приманку. Когда мистер Клозье подошел поближе к берегу и увидел мое изможденное и удрученное положение, он воскликнул: "Кто, во имя всего Святого, ты такой?" Этот человек был одним из моих ближайших соседей до того, как меня похитили; но за шесть дней я так сильно изменился, что он не узнал меня ни по голосу, ни по выражению лица.

Когда я причалил к населенному берегу реки, люди из форта выбежали к лодке, чтобы увидеть меня; они забрали у меня ребенка, и теперь я чувствовал себя в безопасности от любой опасности, я обнаружил, что не могу пошевелиться или как-либо помочь себе; после чего люди схватили меня и вынесли из лодки в дом мистера Кортуса.

Здесь, когда я почувствовал, что нахожусь в безопасности от опустошений и жестокости варваров, впервые после моего пленения мои чувства вернулись со всей их остротой. Когда меня вытащили из постели и из моего дома, как пленницу у дикарей; когда мясники-нелюди разбили мозги одному из моих дорогих детей о порог, а потом сняли с него скальп на моих глазах; когда они взяли и пронзили томагавками, сняли скальп и закололи другого из них у меня на глазах на острове; и когда, с еще более варварскими чувствами, они впоследствии сделали обруч и натянули на него его скальп; и все же, когда я терпела голод, холод и почти наготу, и в то же время мой младенец сосал грудь. всей своей кровью, чтобы поддержать это, я никогда не плакал. Нет! это было слишком, чересчур для природы. Слеза тогда была бы слишком большой роскошью. И более чем вероятно, что слезы в эти периоды горя были бы фатальны по своим последствиям, ибо дикари презирают слезы. Но теперь, когда опасность миновала и я был избавлен от мук варваров, слезы лились рекой и приносили счастье, превосходящее все, что я когда-либо испытывал раньше или когда-либо ожидал испытать в этом мире.

Когда меня привели в дом, после того как я так долго находился вдали от огня и так много страдал от голода в течение длительного периода, жар огня и запах съестных припасов, которыми доброта людей немедленно побудила их снабдить меня, заставили меня упасть в обморок. Некоторые люди пытались привести меня в чувство, и некоторые из них надели на меня какую-то одежду. Но доброта этих друзей, по всей вероятности, убила бы меня, если бы не providенциальное прибытие с низовий реки майора М.^ККалли, который тогда командовал линией обороны вдоль реки. Когда он вошел и увидел мое положение и провизию, которую они готовили для меня, он сильно встревожился и немедленно приказал мне убираться из дома,

спасаясь от жары и запаха; запретил мне принимать что-либо, кроме пахтанной сыворотки, да и то в очень небольших количествах, которые он готовил своими руками. Благодаря такому разумному разрешению моей почти безнадежной ситуации я, к счастью, снова пришел в себя и очень постепенно обрел здоровье и силы.

Затем две женщины, Сара Картер и Мэри Энн Крозье, начали вытаскивать колючки из моих ступней; а мистер Феликс Негли, который сейчас живет в устье Булл-Крик, в двадцати милях выше Питтсбурга, стоял рядом и пересчитывал колючки, пока женщины вынимали их, и их было извлечено сто пятьдесят, хотя в то время они были извлечены не все, потому что на следующий вечер в Питтсбурге было извлечено гораздо больше. Плоть была ужасно изуродована, и кожа и плоть кусками свисали с моих ступней. Раны не заживали долгое время. Некоторые шипы прошли сквозь мои ступни и вышли наверх. В течение двух недель я не мог поставить ноги на землю, чтобы ходить.

Кроме того, дождь, которому я подвергалась ночью, и солнечный жар, которому подвергалось мое почти обнаженное тело днем, а также то, что я так долго носила своего ребенка на руках без какого-либо облегчения и какого-либо укрытия от дневной жары или ночных бурь, привели к тому, что с моего тела содралась почти вся кожа, так что мое тело было ободраным почти по всему телу.

Весть о моем прибытии на станцию распространилась с большой быстротой. В тот вечер два шпиона доставили разведданные на станцию Коу, а на следующее утро - на станцию Рида, моему мужу.

По мере распространения информации город Питтсбург и местность на двадцать миль вокруг были охвачены волнением. Тем же вечером, около захода солнца, мой муж приехал навестить меня в Питтсбурге, и во вторник утром меня отвезли обратно в участок Коу. Вечером я рассказала об убийстве моего мальчика на острове. На следующее утро (в среду) вышел разведчик, нашел его по моему указанию и похоронил после того, как его убили через девять дней.

Копия письма мистера Джона Корбли, баптистского священника, своему другу в Филадельфию, датированного

Мадди-Крик, Пенсильвания, 1 сентября 1793 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"Ниже приведены подробности уничтожения моей несчастной семьи дикарями: — 10 мая прошлого года, когда мне было назначено проповедовать в одном из моих молитвенных домов, примерно в миле от моего дома, я отправился со своей любящей женой и пятью детьми на публичное богослужение. Не подозревая никакой опасности, я шел за несколькими прутьями, с Библией в руке, медитируя. Пока я был таким образом занят, внезапно я был сильно встревожен криками моей дорогой семьи, стоявшей передо мной. Я немедленно побежал к ним на помощь со всей возможной скоростью, на бегу тщетно выискивая дубинку. Когда я был в нескольких ярдах от них, моя бедная жена, заметив меня, закричала, чтобы я спасался бегством. В этот момент подбежал индеец, чтобы застрелить меня. Мне пришлось раздеться, и я убежал от него. У моей жены на руках был младенец, которого индейцы убили и сняли скальп. После чего они несколько раз ударили мою жену, но, не повалив ее на землю, индеец, который пытался застрелить меня, подошел к ней и прострелил ей тело; после чего они сняли с нее скальп. Моего маленького сына, около шести лет, они прикончили, вонзив свои топоры ему в мозг. Мою маленькую дочь, четырех лет, они таким же образом ударили томагавком и сняли скальп. Моя старшая дочь попыталась сбежать, спрятавшись в дупле дерева, примерно в шести километрах от места рокового действия. Наблюдая, как индейцы удаляются, как она и предполагала, она намеренно выползла из места своего укрытия, когда один из индейцев, который все еще оставался на земле, заметив ее, подбежал к ней и своим томагавком сбил с ног и снял с нее скальп. Но, благословенен Бог, она все же выжила, как и ее младшая сестра, которую дикари таким же образом ударили томагавком и сняли скальп. Они изуродованы до ужасающей степени, но врачи думают, что есть некоторые надежды на их выздоровление.

Когда я решил, что индейцы ушли, я вернулся посмотреть, что стало с моей несчастной семьей, которую, увы! Я застал в описанной выше ситуации. Никто, мой дорогой друг, не может составить истинного представления о моих чувствах в этот момент. Зрелище, столь шокирующее человечество, совершенно ошеломило меня. Я потерял сознание, и меня бессознательно унес друг, который в этот момент подоспел мне на помощь.

"Итак, дорогой сэр, я дал вам верный, хотя и краткий рассказ о роковой катастрофе, посреди которой моя жизнь была спасена, но с какой целью, Великому Иегове лучше всего известно. О, пусть я потрачу это во славу Его благодати, который все совершает по совету своей собственной воли. Правление миром и церковью находится в его руках. В заключение я желаю вам всяческих благословений и подписываюсь как ваш любящий, хотя и страдающий друг и недостойный брат в евангельском служении,

"Джон Корбли"

[Ссылка со страницы 376.]

Миамис Рэпидс, 7 мая 1794 года.

Вчера сюда прибыли два депутата от трех наций Глайза с речью испанцев, переданной проживающими поблизости от их постов делаварами, которая была повторена на совете, состоявшемся сегодня, перед следующими нациями, находящимися сейчас в этом месте, а именно:

Вайандоты, мингои,
оттава, Манси,
чиппева, нантикоки.

Внуки и Братья,

Мы только что прибыли из испанских поселений на Миссисипи и пришли сообщить вам, что они сказали нам на недавнем совете. Вот их слова:

Дети делаваров,

Шестиструнный Белый Вампум,

{TN: Значок руки, указывающей вправо} "Указывает на эту страну". Когда вы впервые приехали из той страны, чтобы попросить моей защиты, и когда вы сказали мне, что спаслись от жара великого пожара, который был готов опалить вас насмерть, я взял вас за руку и взял под свою защиту, и сказал вам поискать участок земли, на котором можно охотиться и возделывать для прокорма себя и семей в этой стране, который Великий Дух дал для нашей взаимной выгоды и поддержки. В то же время я сказал вам, что буду следить за этим, и когда что-нибудь будет угрожать нам опасностью, я немедленно поговорю с вами; и что, когда я все-таки поговорю с вами, вам надлежит быть сильными и прислушаться к моим словам.

Доставлены шесть струн Белого Вампума.

Затем испанец, обращаясь ко всем присутствовавшим нациям, сказал:

Дети, Это были мои слова ко всем присутствующим здесь народам, а также к вашим дедам, делаварам. Итак, дети, я собрал вас вместе, чтобы сообщить вам определенные сведения о крупных силах, собирающихся на реке Шаваное для вторжения в нашу страну. Мне доставило огромное удовлетворение наблюдать за сильной конфедерацией, сформировавшейся среди вас, и я не сомневаюсь в вашей готовности оказать помощь в отражении этой силы.

"Дети, вы видите меня сейчас стоящим на ногах и хватающим томагавк, чтобы поразить их.

"Дети, мы ударим по ним вместе. Я не хочу, чтобы вы шли впереди меня, в первых рядах, но следуйте за мной. Эти люди слишком долго тревожили нашу страну и погасили многие пожары в нашем совете. Они всего лишь ничтожный народ по сравнению с белыми людьми, которые сейчас объединились против них и полны решимости сокрушить их за их злодеяния. К этому времени они, должно быть, окружены врагами, поскольку все белые нации настроены против них. Ваш отец-француз также говорит с вами через меня по этому поводу и сообщает вам, что те из его подданных, которые присоединились к Большим ножам, - это лишь немногие из его

непослушных детей, которые присоединились к непокорным в этой стране; но поскольку мы сильны и единодушны, мы надеемся с помощью Великого Духа положить конец их злонамеренным планам.

Доставили кучу Черного Вампума.

Дети, теперь я дарю вам боевую трубку, которую от нашего имени послали мускуаки и всем тем народам, которые живут ближе к заходу солнца, чтобы они встали на ноги и взяли в руки наш томагавк; и как только они раскурили ее, они отослали ее обратно с обещанием немедленно встать на ноги, присоединиться к нам и поразить этого врага. Их конкретный ответ мне был следующим:

"Отец, мы давно видели замыслы Больших ножей против нашей страны, а также некоторых представителей нашего цвета кожи, особенно каскаски, которые всегда говорили на том же языке, что и Большие ножи. Они не должны уйти от нашей мести; и ты, отец, не должен пытаться помешать нам уничтожить их. Два других племени нашего цвета кожи, пианкишо и кайокианцы, которые были сильно привязаны к нашим врагам Большим ножам, разделят ту же участь, что и каскаски".

"Дети, вы слышали, что сказали нам эти далекие народы, так что нам больше ничего не остается, как немедленно привести в исполнение наши планы и передать эту трубку трем воинственным нациям, которые так долго боролись за свою страну и которые сейчас сидят за Столом. Прикажите им выкурить эту трубку и передать ее всем озерным индейцам и их северным братьям; тогда ничто не мешает нашему общему союзу от восхода до захода солнца, и все нации будут готовы усилить удар, который мы собираемся нанести.

Доставил Боевую трубку.

"Дети, сейчас я передаю вам Послание от криков, чероки, чокто и чикасо, которые желают, чтобы вы были сильны в объединении; и говорят вам, что им доставило удовольствие слышать, что вы были так единодушны, слушая своего испанского Отца; и они сообщают вам, что их сердца разделяют наши, и что одиннадцать народов южных индейцев сейчас на ногах с топором в руке, готовые нанести удар нашему общему врагу.

Черные нити Вампума.

Депутаты трех наций, входящих в состав Совета, после произнесения вышеупомянутых речей испанцев обратились к нескольким нациям, находящимся в совете, следующим образом:

Братья, теперь вы слышали речи, с которыми испанцы выступили на нашем совете в Глайзе несколько дней назад, и как только они услышали их и выкурили трубку, их сердца возрадовались, и они решили выступить вперед и привести в исполнение посланный им совет. Они желают, чтобы вы передали трубку, как было рекомендовано, всем нашим северным братьям, не сомневаясь, что, как только вы выкурите ее, вы последуете их примеру; и они будут ежечасно ожидать, что вы присоединитесь к ним, поскольку пройдет не так много дней, прежде чем близость наших врагов даст нам возможность нанести им удар.

Доставил Трубу.

Братья, наши прадеды, делавары, первыми заговорили на нашем последнем совете в Глайзе об этом куске крашеного табака и этом крашеном Черном вампуме и выразили свою радость по поводу того, что они услышали от своего Отца-испанца и своих братьев на западе, и просили нас передать вам, чтобы вы отправили этот табак и Вампум вайандотам, чтобы они были разосланы всем озерным индейцам, и сообщили им, что через восемь дней они будут готовы выступить против виргинцев, которые сейчас так близко от нас, и что в соответствии с количеством собранных индейцев они будут готовы выступить против виргинцев, которые сейчас так близко от нас. , они либо вступили бы в бой с армией, либо попытались бы перекрыть их поставки. Делавары также хотели, чтобы мы сказали вайандотам, что, поскольку они являются нашими старшими братьями и прошлым летом возглавляли все наши дела, было сочтено странным, что никого из них сейчас нет рядом, чтобы привести в исполнение принятое тогда решение. Это правда, некоторые из них отправились прошлой осенью, когда считалось, что уже слишком поздно, и собрание народов отложили до весны; но весна уже далеко зашла, и никто из них еще не пришел.

Доставил табак и Вампум.

Эгушуай ответил за все присутствующие народы: — Братья, я рад хорошим новостям, которые вы сообщили нам, и мы немедленно отправимся и соберем всех наших людей, и будем с вами как можно скорее.

(Подпись) А. М.^{си}Ки, окружной ПРОКУРОР

Точная копия, ТОМАС ТЭЛБОТ.

№ X.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 406.]

Вожди - СЭРУ ДЖОНУ ДЖОНСОНУ.

"Гранд-Ривер, 6 февраля 1802 года.

"Наш Дорогой Друг,

"Мы пользуемся возможностью, поскольку Мозес Джонсон собирается в Канаду, чтобы побеспокоить вас этим самым простым способом, который позволяет удаленность нашего положения друг от друга, сообщить вам о наших чувствах. Мы хотим сообщить вам, что прошлой осенью, на нашей обычной встрече на пляже, мы обратились к капитану Клаусу с речью, на которую он до сих пор не дал полного ответа. Это касалось главным образом письма, которое вы

написали капитану Бранту, когда были на Ниагаре прошлым летом, и которое, к нашему сожалению, показалось нам таким суровым; и поскольку мы понимаем, что он никогда не предпринимал никаких попыток нанести ущерб британским интересам, мы были очень удивлены, обнаружив, что его поведение, по-видимому, вызвало там недовольство. Что касается беспокойства, о котором вы упомянули, царившего в Гранд-Ривер, мы совершенно не осведомлены ни о чем подобном среди нас, кто управляет делами живущих здесь племен; и поскольку он является нашим назначенным представителем, он все же никогда не действует без нашего одобрения, что бы ни касалось общественности; следовательно, если какая-либо из его операций вызвала возмущение, мы все в равной степени виновны. Поэтому, если обычаи у вас настолько изменились, что следование по стопам нашего предшественника оскорбляет, мы надеемся, нашу древнюю дружбу, вы сообщите нам, в чем это ущемляет интересы наших братьев, ибо тогда наша забота об их благополучии заставит нас воздержаться; и если в политике произойдут изменения, не позволяйте нам оставаться в неведении об этом; ибо незнание может заставить нас невольно нанести оскорбление. Поскольку вы знаете, что не так давно дружеская переписка и союз с различными нациями, казалось, доставляли удовольствие нашим братьям, мы все же остаемся при тех же чувствах, ибо мы не могли так легко отказаться от того, к чему приложили столько усилий, чтобы начать; и мы все еще с трудом можем убедить себя, что вы изменили свои чувства; но если это так, мы надеемся, что вы окажете нам услугу и полностью ознакомите нас, чтобы мы не были склонны вызывать беспокойство там, где на самом деле ничего такого не имели в виду.

"Имею честь быть Вашим покорным слугой." (Подпись) Аарон Хилл.

"От имени вождей народов ирокезов, огкwaга, онондага, каюга и сенека, живущих на Гранд-Ривер".

№ XI.

[Ссылка со страницы 411.]

ГУБЕРНАТОР КЛИНТОН - КАПИТАНУ БРАНТУ.

"Гринвич, 1 декабря 1799 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"По возвращении из страны около месяца назад я был удостоен вашего письма от 4 сентября. Я весьма удовлетворен выраженной вами решимостью предоставить доктору Миллеру информацию, которую он у вас запросил, и я надеюсь, что по мере продвижения работы, для

которой она требуется, вы вскоре найдете время заняться этим. Я уверен, что он честно и благородно воспользуется этим; и, насколько он будет в состоянии, исправит ошибочные представления прежних авторов о ваших нациях.

"Я удивлен, обнаружив, что вы не получили моего ответа на ваше письмо от 11 января прошлого года. Оно было приложено и направлено, как было запрошено, мистеру Питеру У. Йейтсу из Олбани. Если бы оно дошло до вас, я полагаю, вы узнаете из копии, которую я сейчас прилагаю, что оно было бы удовлетворительным; но поскольку конкретная деталь того, что произошло между мной и когнавагами, касающаяся их земель, может быть более приятной, я сейчас повторю ее вам, насколько мне позволят мои воспоминания:

"Зимой 1792-1793 годов, когда в Олбани заседал наш законодательный орган, там присутствовал комитет от семи наций или племен Нижней Канады, с которыми я провел несколько совещаний. Они жаловались, что некоторые из наших людей поселились на их землях возле озера Шамплейн и на реке Святого Лаврентия, и просили назначить уполномоченных для расследования этого вопроса и переговоров с ними по этому вопросу. В моем ответе на их выступления я упомянул, что было трудно определить их права и их границы; что следует предположить, что права индейцев на значительную часть земель на берегах озера были аннулированы французским правительством до завоевания Канады, поскольку эти земли или большая их часть были предоставлены отдельным лицам этим правительством до этого периода. В своем ответе они описали свою южную границу как начинающуюся у ручья или водотока между фортами Эдвард и Джордж, который впадает в Южный залив, и оттуда простирающуюся по прямой линии до большого луга или болота, где берут истоки Канадский ручей, впадающий в Могавк напротив форта Хендрик, реки Блэк и Освегачи. На что я заметил им, что эта линия будет пересекаться с землями, запатентованными британским правительством до революции, и особо упомянул покупку Тоттена и Кроссфилда и патент Джессапа; но в то же время я упомянул, что я не уполномочен и не расположен оспаривать их претензии, которые я передам в Законодательный орган, который, я не сомневался, уделит им должное внимание и примет надлежащие меры для урегулирования с ними на справедливых и либеральных условиях. Я, соответственно, так и сделал; и некоторое время спустя были назначены уполномоченные для переговоров с ними в присутствии агента Соединенных Штатов, о результате которых, как я полагаю, вы проинформированы.

"Я полагаю, вы с готовностью согласитесь, что из всего, что было сказано по вышеупомянутому поводу, нельзя сделать никаких выводов в поддержку обвинения, выдвинутого против ваших стран. Упоминание их границ и вмешательство в них, как указано выше, в трактаты, запатентованные британским колониальным правительством, безусловно, не могут иметь никакого отношения к уступкам, сделанным Шестью нациями или любой из них государству; тем более что (если я правильно помню) эти уступки относятся к территории соответствующих наций, которыми они были сделаны, без определения их какими-либо конкретными границами и с учетом только оговорок, описанных в акте.

"Я хотел бы, чтобы в моей власти было переслать вам копии их выступлений и моих ответов полностью; но это невозможно по причинам, упомянутым в моем предыдущем письме. Однако, если вы сочтете их необходимыми, я постараюсь их раздобыть и переслать. Тем временем вы можете быть уверены, что то, что я изложил выше, отражает их суть.

"Я, с большим уважением, Ваш самый покорный слуга, Гео. Клинтон.

№ XII.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 416.]

СВИДЕТЕЛЬСТВО ГЕНЕРАЛА ЧАПИНА.

Я ПОДТВЕРЖДАЮ, что я был лично знаком с капитаном Джозефом Брантом четырнадцать лет назад; что за это время я часто участвовал с ним в договорах и советах, проводимых между народом Соединенных Штатов и пятью индейскими народами. Что в течение вышеупомянутого времени мой отец, Израэль Чапин, эсквайр. занимал управление по делам индейцев пяти индейских народов при президенте Соединенных Штатов; и за время своей службы капитан Брант несколько раз бывал в Штатах по важным делам. В частности, однажды он был приглашен в резиденцию правительства Соединенных Штатов с целью консультаций по поводу средств восстановления всеобщего мира среди индейцев, которые тогда были враждебны Соединенным Штатам; этот визит вызвал некоторые подозрения и порицания в адрес капитана Бранта со стороны определенных лиц, проживающих в провинции, к которой он принадлежал. Что по наущению определенных лиц возникла зависть не только среди некоторых белых людей, но и среди его собственных. Что зависть его собственного народа легко пробудить; и только на этом основании они по индейским обычаям отреклись от него как от Вождя. Что индейцы Сенека и некоторые другие, проживающие на территории Соединенных Штатов, которые получили в распоряжение значительную часть земель Пяти наций, продали и фактически ежегодно получают за это ежегодные выплаты от народа Соединенных Штатов, были главными действующими лицами в его смещении. Что после смерти моего отца я сменил его на этом посту, как указано выше, и во время моего собственного агентства часто встречался с капитаном Брантом в советах индейцев и т. Д. И я также подтверждаю, что на протяжении всего моего знакомства с капитаном Брантом он вел себя с честью и неподкупностью. Что он далек от того, чтобы вести себя тайно или каким-либо образом склоняться к отчуждению от британского правительства или делать что-либо, что могло бы нанести ущерб индейцам; с другой стороны, он откровенно признал, что он будет неуклонно придерживаться правительства и интересов народа, к которому он принадлежал; что его честь и дружба с индейскими народами были настолько близки его сердцу, что ничто не могло заставить его совершить что-либо, несовместимое с его долгом; и что его собственное время и хлопоты были потрачены и значительно затянулись на то, чтобы сделать все, что в его силах, для продвижения интересов своей нации и те, кто связан с ними. И поскольку капитан Брант обратился ко мне для подтверждения моего вышеупомянутого мнения, я волен заявить любому, кого это может

заинтересовать, что благодаря долгому и близкому знакомству у меня есть веские основания высказать вышеупомянутые замечания.

Израэль Чапин, *представитель пяти наций по делам Индии*.

Канандайгуа, западная часть } Штат Нью-Йорк, 28 октября 1805 года. }

№ XIII.

[Ссылка со страницы 417.]

СВИДЕТЕЛЬСТВО КАПИТАНА ЛЕОНАРДА И ДРУГИХ.

Мы, подписчики, подтверждаем, что в апреле прошлого года в Форт Ниагара прибыло около сорока индейцев племени Сенека, среди которых были брат Фермера, Красная Куртка, Джек Берри и другие Вожди. Находясь на Ниагаре, задержанные льдами, мы слышали, как они говорили в публичных и частных беседах, что направляются в Верхнюю Канаду с явной целью сломить капитана Бранта, вождя племени ирокезов. Мы также подтверждаем, что вышеназванные вожди племени Сенека проживают на территории Соединенных Штатов.

Передано из наших рук в форт-Ниагара 20 октября 1805 года.

У. ЛЕОНАРД, капитан артиллерии США, Г. АРМИСТЕД, лейтенант артиллерии США. Х. М. АЛЛЕН, лейтенант артиллерии США, РОБЕРТ ЛИ, полковник. от Выручки.

№ XIV.

[Ссылка со страницы 418.]

Слушания Совета, состоявшегося на Гранд—ривер 29 июня 1804 года с участием Шести народов, а именно: могавков, онейдас, онондагас, кайугас, сенекас и тускарорас; и следующих народов - тутули, делаваров и нантикоков.

Настоящее,

Лейтенант. Полковник Брок, 49-й округ. Командующий, Уильям Клаус, эсквайр, заместитель генерального департамента по делам индейцев. Джеймс Гвинс, эсквайр, агент по делам индейцев. Лейтенант. Кэри, 49-й полк. Лейтенант. Страттон, 49-й полк. Уильям Диксон, эсквайр. Ричард Бисли, эсквайр. Александр Стюарт, эсквайр, мистер У. И. Чу, владелец магазина и клерк индийской полиции. Бендж. Фэйрчайлд, } Ж. Б. Руссо, } Переводчики индийского языка.

Заместитель генерального суперинтенданта обратился к Начальникам следующим образом:—

БРАТЬЯ, мне доставляет огромное удовлетворение встретиться с вами в этом месте и в присутствии стольких королевских чиновников и других лиц в этот день, чтобы возобновить наши заверения в дружбе, которая, я надеюсь, будет продолжаться непрерывно, пока текут воды.

Я рассеиваю тьму, которая нависла над вами из-за ваших многочисленных потерь. Я от всего сердца желаю вам наслаждаться безмятежным и чистым небом, чтобы вы могли видеть своих братьев от восхода до заката.

БРАТЬЯ?, я должен предостерегать и увещевать вас, чтобы вы всегда, но особенно на данном этапе, вырывали из своих сердец и отбрасывали прочь все разногласия, зависть и непонимание, которые могут существовать среди вас или которые любые злые духи могут пытаться возбудить в вашей груди.

Поэтому я с помощью этого Вампума очищаю этот зал Совета от всего оскорбительного и надеюсь, что вы позаботитесь о том, чтобы ни одна змея не заползла к нам или что-либо еще, что может помешать нашей гармонии.

Куча Вампумов.

БРАТЬЯ, мне нужно сказать всего несколько слов, поскольку чем меньше их будет сказано, тем легче вам будет понять. В прошлом году, примерно в то время, когда у вас созревала кукуруза, я имел удовольствие видеть вас на Ниагарском соборе Кинга, вашего Великого Отца. Затем я обратился к вам по поводу ваших земельных сделок. Тогда я сообщил вам, что генерал Хантер самым тщательным образом рассмотрел ваши дела и каковы были результаты этих размышлений.

С тех пор несколько человек выступили с предложением заплатить за городок, который был продан мистеру Бисли и его компаньонам; и единственное, что сейчас занимает умы ваших доверенных лиц и за что они не могут ответить (если только вы самым публичным образом не выразите своего удовлетворения), - это заявление мистера Бисли о деньгах, якобы выплаченных за ваш счет вашему агенту, капитану Бранту.

Здесь я объясню вам суммы, которые, как утверждается, были выплачены; и если вы будете удовлетворены, тогда будут даны необходимые увольнения, и я надеюсь, что ваш бизнес будет

продолжен в будущем к вашему большому удовлетворению, а также к удовлетворению других заинтересованных лиц.

Братья, по заявлению мистера Бисли, следующие суммы были выплачены им, а доски доставлены по его заказу.

(Далее следует отчет о денежных операциях капитана Бранта как представителя народа ирокезов, который здесь нет необходимости расшифровывать.)

Если вы хотите посоветоваться между собой, прежде чем дать свой ответ, как я хочу, чтобы вы это сделали, я подожду, пока вы будете готовы, поскольку необходимо, чтобы это дело подошло к концу; но давайте не будем торопиться, потратьте время и хорошенько взвесьте вопрос; если вы уверены, что изложение счета справедливо, я положу перед вами на подпись бумагу, которая будет объяснена вам, чтобы вы могли ее полностью понять.

Далее я должен сообщить вам, что я надеюсь, что каждый человек, который посетит мероприятие с целью исполнения вышеуказанных документов, сможет воздержаться от употребления алкоголя, поскольку я твердо решил, что ни одно имя не должно там фигурировать, если только весь совет не будет совершенно трезв.

Прежде чем мы сегодня покончим с огнем, я должен сообщить вам, что Королевский совет с одобрения генерала Хантера приложил немало усилий, чтобы расследовать это дело и добиться того, чтобы справедливость восторжествовала над Шестью нациями, в чем, я уверен, вы признаете себя разумными.

Я должен далее упомянуть вам, что губернатор в Совете посчитал, что для пользы и интересов Шести Наций следует добавить сэра Джона Джонсона в качестве доверенного лица Шести Наций, но вам остается подумать и сказать, следует ли его добавлять к тем, кто сейчас действует от вашего имени.

Сейчас я удаляюсь, и когда вы закончите консультации, я буду готов сопровождать вас.

[Большой пучок вампума.]

30июня. Настоящее такое же, как и вчера.

Я очень рад, что вы так ясно поняли то, что я сказал вам вчера, и поскольку вы единодушно согласились признать этот отчет справедливым, ниже приводится документ, который необходимо будет подписать вашим доверенным лицам; но прежде чем я продолжу, я должен сказать вам, что ваши выражения дружбы ко мне вызывают у меня самые теплые чувства. Я всегда буду стараться сохранить ваше уважение, и вы можете быть уверены, что мои постоянные усилия будут направлены на ваши интересы и счастье.

Мы, Сахемы и главные Военачальники, Воины и выдающиеся женщины Шести Наций, приняв во внимание упомянутый отчет и изучив несколько пунктов и записей в нем, и поскольку в целом нам было объяснено самым полным образом, заявляем, что мы прекрасно понимаем и осмысливаем то же самое; настоящим единогласно одобряем это как справедливое и правдивое; и полностью признаем, что несколько денежных сумм, указанных и начисленных на указанном счете в качестве платежей, произведенных мистером Бизли Шести Нациям и для их использования, были действительно произведены; и что доски и материалы, использованные

мистером Бизли в качестве платы за использование Шести Наций, были действительно произведены. платежи по тем же счетам фактически были предоставлены мистером Бисли, также Шести Нациям и для их использования.

В подтверждение чего вышеупомянутые Сахемы, главные Военачальники, Воины и выдающиеся Женщины Шести Наций, от имени всех упомянутых Шести Наций, должны вручить эти подарки (в трех экземплярах) и скрепить нашими печатями в Доме Совета в деревне Ирокезов на Гранд-Ривер 30 июня 1804 года от рождества Господа нашего и сорок четвертого года правления его Величества.

Tekarihoken	его X Марк	Gonesseronton	его X Марк
Thaweyogearat	его X Марк	Shagogeaseronni	его X Марк
Oghnaongoghton	его X Марк	Ojageghte	его X Марк
Otoghaeronge	его X Марк	Waorighonti	его X Марк
Aonghwicjaga	его X Марк	Tekaenyough	его X Марк
Otyoghwawagon	его X Марк	Ogpaghsaneyout	его X Марк
Aghetugwaresera	его X Марк	Thaoeonnenghton	его X Марк
Tekahentakwa	его X Марк	Teghsitaasgowa	его X Марк
Oghsonwalagette	его X Марк	Arenghoot	его X Марк
Yoghstatheaugh	его X Марк	Nihaweanaagh	его X Марк
Araghkwentе	его X Марк	Karrhageayate	его X Марк
Oghgwarioghseta	его	Kaweanontye	его

X
Марк

X
Марка

Мы подтверждаем, что внутреннее разбирательство проходило в нашем присутствии и что счета и различные предметы были разъяснены сахемам. Военные вожди и высокопоставленные женщины под руководством заместителя генерального суперинтенданта по делам индии; что они, казалось, прекрасно понимали то же самое и признавали, что они это сделали, и были этим совершенно удовлетворены. Мы также подтверждаем, что те, чьи имена, отметки и печати прилагаются к настоящему Документу, а также весь Совет были совершенно трезвы, когда совершали преступление.

Зал заседаний Совета, Гранд-Ривер, 30июня 1804 года. АЙЗЕК БРОК, полковник 49-го полка Уполномоченные. Уильям Кэри, лейтенант. 49-й Регт. Уильям СТРЭТТОН, лейтенант. 49-й Регт.

После окончания была пройдена обычная церемония прощания и,

[Доставлена большая связка Вампума.]

№ XV.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 423.]

СОВЕТ, СОСТОЯВШИЙСЯ В НИАГАРЕ.

[Эта речь была произнесена капитаном. Брант на Ниагаре перед полковником. Уильям Клаус, заместитель генерального суперинтенданта по делам индейцев - после возвращения Джона Нортонa, он же Тейонинхокаравен, из Англии, который был направлен туда капитаном. Брант.]

[У. Дж. КЕРР.]

БРАТ,Сейчас мы собрались в этом месте, у Костра Совета нашего Великого Отца Короля, чтобы публично объяснить основание наших притязаний на земли, которыми мы сейчас владеем, попытки, предпринятые в этой стране, ограничить и признать недействительными наши права на них, а в последнее время и средства, принятые для воспрепятствования справедливому решению Достопочтенного Тайного Совета его Величества по этому вопросу.

БРАТ,—В 1775 году, когда начались военные действия, могавки, всегда верные королевским интересам, вместе с огквагами вывели Индийский департамент с реки Мохок в Канаду. По прибытии туда такое поведение было одобрено сэром Гаем Карлтоном, который на

общественном совете пожелал нам взяться за топор войны и защищать нашу страну, и он пообещал, что любые потери, которые мы можем понести в результате войны, должны быть возмещены.

Когда поддержка, оказанная американцам различными европейскими державами, дала нам повод опасаться, что война может принять столь неблагоприятный исход, что лишит нас счастья вернуться в наши дома и вновь пользоваться нашими покинутыми землями, мы обратились к сэру Фредерику Холдиманду, тогдашнему губернатору и главнокомандующему, за подтверждением обещания генерала Карлтона; он с готовностью предоставил нам это, и теперь оно у нас в распоряжении.

Когда граница, подведенная под миром, и способ, которым он был заключен, не оставили нам никаких надежд на возвращение наших прежних владений, мы обратились к Его превосходительству сэру Фредерику Холдиманду за грантом в бухте Квинте.

Когда об этом стало известно Сенекам и другим жителям Буффало-Крик, они упрекнули нас в том, что мы обошлись с ними несправедливо, после того как мы были самыми решительными сторонниками королевского дела и втянули их в борьбу, а теперь бросили их в нынешней критической ситуации, подвергая в одиночку такому возмездию, к которому месть могла бы подтолкнуть американцев.

Мы были поражены справедливостью их аргументации и, как следствие, отказались от места, которое мы выбрали вначале, и попросили заменить его Гранд-Ривер, поскольку там было более удобное расположение либо для оказания помощи нашим братьям, если бы потребовалась помощь, либо для предоставления им удобного убежища, если численное превосходство вынудит их отступить. Его Превосходительство выразил удовлетворение нашей решимостью, и условия его гранта подтвердят точность этого утверждения.

Через некоторое время сенека избавились от своих опасений, они остались на своих землях и постепенно продали их американцам; за это они ежегодно получают шесть тысяч пятьсот долларов, помимо четырех с половиной тысяч долларов, которые они получают совместно с другими из Шести наций, проживающих на территории Соединенных Штатов, от которых также получают пенсии несколько их вождей; при таких условиях они, по-видимому, остались довольны сохраненными запасами.

Генерал Холдиманд был накануне отплытия в Европу, когда оформил грант. Мы можем предположить, что это было причиной, по которой он не был зарегистрирован в Квебеке; и исходя из этого обстоятельства, вскоре после формирования канадского правительства была предпринята попытка ограничить наши земли.

После того, как мы пришли к надлежащему пониманию по этому вопросу, исходя из соображения, что охотникам становится все меньше животных, мы предложили сдать в аренду часть наших земель, которые не в нашей власти занимать, для получения от них годового дохода; исполнительная власть возражала против сдачи в аренду, но они были проданы с санкции канадского правительства и заложены для выплаты процентов; однако обременения, прилагаемые к этим соглашениям, пока не позволили нам извлечь из них ту выгоду, которую мы имели основания ожидать.

Мы просили подтвердить права на оставшиеся земли, чтобы наши потомки могли в безопасности пользоваться преимуществами нашей промышленности и их собственной; но эта просьба еще ни разу не получила ответа.

То, о чем мы просили, казалось, носило такой характер, что не требовало обращения в более высокие инстанции, чем те, которые существовали в этой стране (при условии, что склонность была благоприятной для удовлетворения наших просьб), и было причиной, по которой мы упорно просили об удовлетворительном решении исполнительной власти в течение многих лет; несмотря на неоднократные задержки в нашем бизнесе, мы не хотели беспокоить правительство его Величества в Великобритании таким пустяковым делом.

Однако, в то время, когда мой племянник Тейонинхокаравен пожелал отправиться в Европу, чтобы служить на войне, мы надеялись, что, если у него представится возможность представить нашу ситуацию, это может ускорить завершение дела к нашему удовлетворению. Это он мог сделать благодаря своим знаниям предмета и полномочиям как избранный вождь; как таковой, я дал ему рекомендательные письма к моим тамошним друзьям; и из-за щедрости и любви к справедливости, которые всегда отличали правительство его Величества и особенно распространены в британской нации, похоже, к нему проявили внимание, и в результате его представительства здешнему правительству были написаны письма в нашу пользу.

БРАТ,—Затем ты, как Представитель по делам индейцев, отправил уведомление в Гранд-Ривер, как у нас есть очевидное доказательство, через вождя кайюга по имени Цинонванхонте, который познакомил другого вождя этого племени, Окогсанионте, что Тейонинхокаравен использовал их имена во вред им, и что я достиг своего пика и скоро паду; что метод, который они должны были предпринять, чтобы предотвратить приближение к ним зла, состоял в том, чтобы приехать на Ниагару, протестовать против всего этого и отречься от всего этого. действия Тейонинхокаравена смещают меня с поста вождя и аннулируют все, что мы сделали с момента основания поселения.

Вожди Гранд-Ривер и слушать этого не хотели, но таким образом многих простых людей удалось убедить отправиться в Буффало-Крик на американской стороне. Там они провели Совет с сенеками и другими представителями Пяти народов, проживающих на этой территории, назначили новых вождей вопреки нашим установленным обычаям, прибыли на Ниагару, во всех отношениях выполнили ваши желания; чтобы оспорить ходатайство Тейонинхокаравена от нашего имени и помешать ему получить подтверждение нашего гранта, на которое он надеялся со стороны правительства его Величества и которое, по-видимому, вот-вот должно было быть выполнено к нашему удовлетворению.

БРАТ,—Мы протестуем против этого вашего действия по следующим причинам: вы знали, что Пять наций, проживающих на американских территориях, и которые составляли основную часть этого совета, не были настоящими владельцами Гранд-Ривер, согласно сэру. Грант Фредерика Холдиманда; они также не заслуживали этого своим последующим поведением с тех пор, как мы поселились там; что некоторые из этих Вождей были пенсионерами в Соединенных Штатах; что имена многих, кто не был Вождями, были отправлены в Англию, и что никого из видных людей с Гранд-Ривер там не было. Мы не можем допустить, чтобы те, кто был назначен вождями в Буффало, противоречили всем авторитетам и обычаям, а также их незнание общественных дел делало их абсолютно непригодными для такой ситуации.

Брат фермера и Красная Куртка, два из этих Вождей, переехавшие на пенсию в Соединенные Штаты, несколько лет назад в Хартфорде, в Ассамблее штата Коннектикут, заявили, "что они подданные Соединенных Штатов и никогда не перейдут реку, целуя медаль генерала Вашингтона в знак своей неизменной привязанности к Соединенным Штатам, поклявшись, что они всегда будут едины".

Неужели именно таких людей, как эти, вы должны представлять как владельцев Гранд-Ривер? Нет; они были дарованы нам как лоялистам, которые сражались и потеряли наши земли в поддержку интересов его Величества; и любовь, которую мы питаем к нашему Великому Отцу королю, и наше желание жить под его защитой, являются причиной того, что мы придаем так большое значение этим землям и упорно добиваемся их подтверждения. Также нет никаких причин, по которым вы должны отдавать предпочтение титулу или притязаниям противоположной партии, говорящей на нашем родном диалекте, проживающей в настоящее время в одной деревне с нами, но присоединившейся к этим людям в оппозиции, чтобы сеять среди нас анархию. До войны они жили в Форт-Хантере и продали большую часть своих земель до начала военных действий; следовательно, то, что они потеряли, скорее следует приписать их неосторожности, чем их лояльности. Этого не было ни в случае с нами из Канаджохари или Огкваги. Когда мы взялись за топор войны, наши земли оставались почти целыми и невредимыми, как у племен на западе.

БРАТ,—Мы, главные вожди той части Пяти народов, населяющих Гранд-Ривер, которые получили грант от генерала Холдиманда в результате наших услуг и потерь, теперь подтверждаем, что мы одобряем во всех отношениях представление наших дел Тейонинхокаравеном в Англии; а также его просьбу от нашего имени; но так много было сказано по этому вопросу за прошедшие много лет, что обсуждение становится настолько необходимым, что мы умоляем правительство направить расследование поведения заинтересованных лиц.

БРАТ,—С тех пор, как мы назначили попечителей по указанию исполнительной власти в этой провинции, мы сочли это назначение совершенно недостаточным как для быстрого выполнения наших дел, так и для обеспечения надлежащей безопасности имущества, которое может пройти через их руки. Уверенность, которую мы когда-либо питали в том, что наш Великий Отец защищает все наши права, побудила нас переселиться на то место, которое мы сейчас занимаем в его владениях. Поэтому мы просим, чтобы правительство его Величества назначило такого другого посредника для ведения нашего бизнеса, который, по их мнению, может показаться уместным и который для нас может быть более удовлетворительным и безопасным.

БРАТ, Ты знаешь, что несколько лет назад наш костер Совета был перенесен из Буффало—Крик и разожжен в деревне Онондага на Гранд-Ривер; именно там на общем Совете мы приняли решение о том, что мы сейчас обсуждаем у камина Совета нашего Великого Отца, вследствие того, что мы были ознакомлены с эффектом, который оказал на Англию Совет, состоявшийся здесь прошлой весной двенадцать месяцев назад.

Мы задержались на некоторое время в надежде предварительно беспристрастно обсудить это дело на нашем Генеральном совете и убедить жителей Буффало-Крик в ошибке, в которую они впали, думая, что у них есть какое-либо право созывать советы в своей деревне, чтобы вмешиваться в наши земельные дела; тем более что наш костер Совета, который был потушен американцами, теперь снова разожжен под защитой нашего Великого Отца на Гранд-Ривер; благодаря благосклонности которого мы теперь владеем этой землей, на которой живут

онондаги, хранители нашего костра Совета. совместные владельцы; чего нет в Буффало-Крик на американской стороне; по этой причине он, безусловно, заслуживает предпочтения, поскольку, скорее всего, продлится долго благодаря Божьему благословению и поддержке нашего Великого Отца Короля. С тех пор, как наши предки основали конфедерацию, именно в них хранился Камин Генерального совета, и там обсуждалось все, что касалось благополучия целого; и, как таковое, это рассматривалось всеми соседними народами.

БРАТ:—С болью и сожалением мы вынуждены констатировать, что вы получили, как Доверенное Лицо, тридцать восемь тысяч долларов наших денег почти два года назад, и что с тех пор вы не отчитались перед нами за основную сумму или проценты и не предоставили нам сколько-нибудь удовлетворительного отчета о том, как их использовать; и поэтому мы настолько убеждены, что вы утратили наше уважение и доверие, что мы желаем, чтобы наш Великий Отец назначил кого-нибудь другого для надзора за нашими делами и воздал нам то правосудие, которого мы, как строгие приверженцы в верности и привязанности к нашему Великому Отцу, так долго и вполне заслуженно.

[Дополнительные записки капитана Бранта.]

Агент откладывал встречу с нами три предыдущих дня, ссылаясь на то, что он ждал мистера Селби из Детройта; но Начальство, получив информацию о том, что прибытие этого джентльмена было неопределенным, настояло на встрече с ним в тот день между двенадцатью и часом дня, он пришел с командиром. Полковник . Проктор сказал, как он уже говорил, что не будет встречаться с ними на Совете; поэтому он остался при своем решении и не стал бы их слушать, сославшись на то же самое оправдание; но поскольку такого раньше никогда не было и присутствие мистера Селби не требовалось ни на одном из прежних советов, вожди решили высказать свои чувства в доме, построенном его Величеством для этой цели, где они собрались в присутствии нескольких офицеров гарнизона, судьи Торпа, мистера Уикса, мистера Аддисона, мистера Эдвардса и нескольких других местных джентльменов.

Затем поднялся Окогсеннионте, вождь племени каюга, и выразил общее одобрение сказанному, утверждая, что это было общее мнение; что удовлетворение, которое они испытали, получив земли, предоставленные им в соответствии с обещанием представителей его Величества, было сильно ослаблено и разочаровано спорами, поднятыми против их титула и права пользоваться им, которого они желают.

№ XVI.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 453.]

"*Нью-Йорк*, 1 декабря 1837 года.

"УВАЖАЕМЫЙ СЭР,

"В 1797 году я посетил полковника Дж. Брант по возвращении из Филадельфии в свой дом на Гранд-Ривер, в семидесяти милях к северу от Ниагары, в компании доктора Дингли и доктора Пристли, *в отеле, который держит мистер Джеймс Баттен, на углу улиц Джона и Нассау*. Он казался здоровым и бодрым, довольно склонным к полноте, среднего роста, одевался как частное лицо; был очень общительным. В ходе нашей беседы он рассказал нам о приеме, оказанном ему при дворе Сент-Джеймса, рассказал о нашей войне за независимость и об активном участии, которое он принимал при поддержке англичан, о чем у него теперь есть основания сожалеть; никогда больше не поднимет "томагавк" против этих Соединенных Штатов; настоятельно пригласил нас навестить его в его резиденции на Гранд-Ривер; заявил, что у него большие владения и он может сделать так, чтобы его друзьям было очень удобно; что у него много черных рабов, которых он взял в плен во время войны за независимость, которые, казалось, были счастливы и полностью хотели жить с ним; доволен индейские привычки и обычаи, и никогда не выражали желания вернуться в гражданское общество, где они наверняка были рабами белых людей, какими были до войны. Казалось, он был доволен вниманием, оказанным ему жителями Нью-Йорка. Мы попрощались с ним и пообещали, что, если кто-нибудь из нас когда-нибудь посетит эту часть Канады, мы заедем к нему. Я думаю, что доктор Пристли во время своего турне по Соединенным Штатам действительно позвонил и повидался с ним.

"С уважением, ваш об', ДЖЕРОМУС ДЖОНСОН.,,,,,,,,,,,,,,

"*Уильям Л. Стоун, эсквайр*"

№ XVII.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 480.]

"*Лондон*, 2 апреля 1803 года.

"Мой дорогой полковник. ДЖОЗЕФ БРАНТ,

"Возможно, годы изгнали меня из храма вашей памяти, но я все еще не забыл вас, сэр Уильям Джонсон, его супругу и детей. Вы с благодарностью получите это письмо, в котором сообщается

вам, что я уважаю добродетели Великого Хендрика, вас самих и народа могавков и их союзников; в то время как я не восхищаюсь политикой, гуманностью и справедливостью английской нации по отношению к могавкам и их союзникам, которые помогают их врагам отнимать у них территорию и страну и вынуждают их искать убежища и земель у оттавы и миссиссаги, бывших их врагов, с помощью искусства и интриг французов. Христианские правила хороши и превосходны; и все же немногие христиане римского и протестантского толка любят или практикуют эти правила. Что для меня примечательно, так это то, что папы, епископы. Знать и короли, которые должны быть мудры в учении и подавать пример, являются величайшими чужаками и врагами христианства.

Причина такого поведения, без сомнения, в гордыне; однако Соломон в "великой мудрости" говорит: "Гордыня создана не для человека". Следовательно, я заключаю, что великие люди в государстве и церкви, лишив Люцифера его гордыни, они украли всю его жестокость и таким образом стали законодателями; издали законы, чтобы лишить множество разумной свободы и грабить язычников без греха, потому что они честны и добры, а не христиане.

"Папа римский в 1492 году своей Буллой отдал королю Испании всю Америку только потому, что Америка принадлежала язычникам, и потому, что папа был, по его утверждению, преемником Христа, "которому Бог отдал язычников в его наследие и западные части земли в его владение". Если бы апостолы и христианские епископы в течение первых шестисот лет понимали слова Христа: "У Меня есть другие овцы, которые не из этого стада, к ним Я соберу", папа не удовлетворился бы своей тройной короной, которая представляет Азию, Африку и Европу, но надел бы четверную корону, включающую Америку.

"Очевидно, что Христос поручил своим двенадцати Апостолам учить и крестить людей в Азии, Африке и Европе, но не в Америке; ибо Христос сказал им: "У меня есть другие овцы, которые не из этого стада, к ним я соберу", и не зависеть от двенадцати Апостолов в выполнении этой благотворительной работы.

"Какое же право тогда мог иметь папа римский в 1492 году на Америку, когда его предшественник, святой Петр, и другие одиннадцать апостолов не имели никаких полномочий ни в Америке, ни над Америкой? Следовательно, поскольку король Испании не имел действительного права на Америку от папы римского, какое право имеет король Англии в Америке и над Ней, который является отлученным еретиком от Римской церкви? Я прихожу к выводу, что народ Америки принадлежит к "стаду Христа," а не к стаду двенадцати Апостолов, потому что Бог отдал Америку Христу, Псалом 2, ст. 8, папа римский, короли и епископы старого света не имеют и никогда не имели никакой божественной власти в Америке над овцами Христа, язычниками; конечно, они узурпаторы, грабители и обманщики.

"Я считаю вас, сэр, вождем могавков и других пяти индейских народов, законными и справедливыми владельцами страны, лежащей между водами Святого Лаврентия, Онтарио, озером Эри, озером Шамплейн и рекой Гудзон до развилки Саскуэханны, которую вы потеряли за то, что сражались со своими братьями-язычниками во имя английских христиан; а добрые и честные миссиссаки частично потеряли свою страну за то, что сражались с вами, своими братьями-язычниками, во имя французских христиан. Таким образом, я вижу, что вы и Миссиссаги были распяты, как Христос, между двумя разбойниками, (то есть) евреями и римлянами. Я видел так много христианского плутовства и политики, что меня тошнит от Европы, которая любит войну и ненавидит мир; поэтому я хочу и жажду иметь вигвам возле

Грейт-Понтиака, Короля по божественному праву нации миссиссага и племен близ Детройта и озера Мичиган. Грейт Понтиак усыновил моего внука Никика, Сэмюэля Питерса Джарвиса. Если вы сочтете нужным объяснить мои обязательства перед Великим Понтиаком и, таким образом, побудить Великого Вождя также покровительствовать мне, я поеду с Никиком в Мичиган и научу Никика правилам и законам, как он должен всеми способами защищать своих братьев и сестер из народа Миссиссага ".

[FN] Из этих ссылок на Понтиака может показаться, что эксцентричный автор этого письма не знал о его смерти много лет назад.—*Автор*.

"Я прошу вас принять портрет Никика, моего внука, капитана и принца Миссиссагасских островов, работы Великого Понтиака; поскольку я полагаю, что он является преемником мудрого и великого Понтиака, короля и повелителя этой страны в 1760 году нашей эры.

"Я знаю вас, ваше великодушие и доброжелательность, и поэтому прошу вас принять мою благодарность и дать мне, (через.) мистера Джарвиса, такой ответ, который будет уместен по вашей доброте, сэр,

"Ваш друг и слуга, СЭМЮЭЛ ПИТЕРС".

№ XVIII.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 487.]

Следующий краткий, но очень интересный отчет о французской колонии, расположенной в городе Помпеи в 1666 году, взят из "Мемуаров о древностях западных районов штата Нью-Йорк" Де Витта Клинтон.

Сообщив нам, что это заявление частично взято у сахемов Шести наций, а частично из рукописного дневника одного из французских иезуитов, он продолжает замечание:

"Из дневника иезуитов явствует, что в 1666 году по просьбе Караконти, вождя племени онондага, французской колонии было приказано вернуться в его деревню с целью обучения индейцев искусствам и наукам и попытаться, если это практически возможно, цивилизовать и обратить их в христианство.

"Мы узнаем от сахемов, что в то время у индейцев был форт, расположенный недалеко от деревни Джеймсвилл, на берегу небольшого ручья неподалеку; немного выше которого, по-

видимому, вождь Караконти хотел, чтобы его новые друзья расположились. Соответственно, они отправились туда и приступили к своим работам, которым, благодаря большой помощи дикарей, потребовалось всего несколько месяцев, чтобы построить небольшую деревню.

"Эта маленькая колония оставалась в течение трех лет в очень мирной и процветающей обстановке, за это время в заведении было сделано много пристроек и, среди прочего, построена небольшая часовня, в которой иезуит собирал варваров и совершал обряды своей церкви.

Но ужасное обстоятельство, которое должно было похоронить эту колонию в забвении и сохранить их историю в тайне, было еще впереди. Примерно в это же время (1669 г.) в деревню прибыл отряд испанцев, состоящий из двадцати трех человек, имевших в качестве проводников нескольких ирокезов, которые были взяты в плен южными племенами. Представляется очевидным, что эта группа поднялась вверх по Миссисипи, поскольку было установлено, что они миновали Питтсбург и направились к Олин-Пойнт; где, оставив свои каноэ, они отправились по суше. Некоторые южные племена сообщили им, что к северу от них есть озеро, дно которого покрыто чем-то блестящим и белым, [FN] и которое они приняли, по описанию индейцев, за серебро; и предполагается, что идея обогатиться на этом сокровище побудила их предпринять это долгое и отчаянное путешествие; поскольку серебро было первым, о чем спросили по прибытии, а когда им сказали, что ничего подобного никогда не видели на озере Онондага или поблизости от него, они пришли в почти неистовство и, казалось, вознамерились поспорить с французами и бросились в атаку. их обвинили в том, что они подкупили индейцев и даже тех, кто был их проводниками, чтобы они не говорили, где могут быть найдены рудники. Также они не осмеливаются, обнаружив, что французское влияние преобладает, отправиться на поиски, опасаясь, что индейцы могут уничтожить их. Однако был достигнут компромисс, и обе стороны согласились, что в исследовательскую экспедицию следует отправить равное количество каждого из них, что и было сделано соответствующим образом. Но эффект этого для умов индейцев был фатальным. Увидев этих незнакомцев, бродящих по лесу с различными инструментами, они сразу же заподозрили, что действует какой-то план, направленный на то, чтобы лишить их их страны".

В настоящее время соль кристаллизуется на траве и на голой земле в непосредственной близости от источников, хотя вода в озере пресная.

И европейцы никоим образом не смогли утихомирить эту ревность. Испанцы утверждали индейцам, что единственной целью французов было тиранить их; а французы, с другой стороны, утверждали, что испанцы замыслили план ограбления их земель.

К этому времени индейцы стали одинаково ревниво относиться и к тем, и к другим, решив на частном совете избавиться от столь беспокойных соседей. Для помощи в этом они послали частные инструкции онейдам и кайюгам, которые всего лишь хотели, чтобы лозунг был немедленно найден на земле. Вскоре этот вопрос был обдуман, и время и способ нападения были согласованы незадолго до рассвета, в день Всех Святых 1669 года, маленькая колония вместе с испанцами были разбужены ото сна грохотом огнестрельного оружия и мрачным боевым кличем дикарей. Каждый дом был немедленно обстрелян или взломан, а те, кто пытался спастись из огня, встречали более преждевременную смерть от *томагавка*. Безжалостные

толпы одолели маленький отряд, и европейцы вскоре либо погибли, либо корчились в собственной крови; и таковы были яростные предрассудки дикарей, что ни один не спасся или не остался в живых, чтобы рассказать о печальном бедствии.. Так погибла маленькая колония, чьи труды вызвали столько удивления и любопытства.

Французы в Канаде, наводя справки о судьбе своих друзей, были проинформированы индейцами, что они отправились на юг с группой людей, пришедших оттуда, и в то же время показиспанского герба и других национальных безделушек подтвердил канадских французов во мнении, что их несчастные соотечественники действительно отправились туда и, по всей вероятности, погибли в бескрайних лесах. Это мнение также было в значительной степени подтверждено французом, который долгое время жил с сенека и который посетил Онондагас в то время, когда испанцы были в деревне, но уехали до катастрофы, и мог только сказать, что видел их там ".

Эта история объясняет, по мнению ее ученого автора, появление на этом месте небольшой деревни с явными остатками кузницы и т. Д., Которую можно было увидеть при первом заселении страны англичанами. Этот рассказ кажется во всех отношениях правдоподобным, а объяснение удовлетворительным. Но в нескольких других местах страны были обнаружены остатки кузнечных мастерских, а в некоторых случаях и инструменты, использовавшиеся в ремесле. Кузнечные тиски были найдены глубоко зарытыми в землю на ферме в Онондага-Холлоу, примерно в трех четвертях мили к югу от автострады. Но существование форта недалеко от этого места, все следы которого сейчас почти стерты с лица земли, легко объясняет существование этих реликвий цивилизации. При возделывании земель, лежащих вдоль ручья Онондага, были найдены бесчисленные орудия войны и земледелия, разбросанные по территории длиной в четыре или пять миль. Были найдены мечи, ружейные стволы, ружейные замки, штыки, пули, топоры, мотыги и различные другие изделия из железа, и многие из них сохранились до сих пор. Теперь в моем распоряжении есть меч, который был откопан на ферме, в настоящее время принадлежащей мистеру Уайману, где были найдены все упомянутые выше предметы различного рода. На этой ферме также был найден камень значительных размеров, на котором были грубо вырезаны какие-то европейские иероглифы. Но камень был утерян, и происхождение иероглифов не сохранилось в памяти. Здесь уместно также отметить, что камень, который сохранился и сейчас находится в музее Олбани, был найден несколько лет назад в городе Помпеи, содержащий надписи. Камень имел продолговатую форму, четырнадцать дюймов в длину, двенадцать в ширину и восемь дюймов в толщину. В центре поверхности была изображена фигура дерева со змеей, взбирающейся по нему, и ниже приводится *фактическое сравнение* символов, которые были начертаны на каждой стороне дерева.

Leo X De
Vix 1520

Дерево и т.д.

Ls
{TN: значок креста —
перевернутая буква U}

"Здесь мы имеем истинную хронологию понтификата Льва X и, без сомнения, год, в котором были сделаны надписи. Этот понтифик вступил на папскую кафедру в 1518 или 1514 году, и, следовательно, шестой год его понтификата будет таким, как указано выше. Надпись можно перевести так: "Лев X. милостью Божьей; шестой год его понтификата — 1520". Камень, несомненно, был задуман как надгробный памятник, и буквы Ls, вероятно, были инициалами

имени человека, чью могилу он обозначал. Крест сообщает нам, что покойный был католиком, а перевернутая буква U, вероятно, была какой-то другой эмблемой, которую рука времени в значительной степени стерла. Не является невероятным предположение, что этот камень был вырезан рукой испанца на том месте или рядом с ним, где он был найден, и им же был оставлен на хранение. Мексика была заселена испанцами в 1521 году. Но до этого периода испанские авантюристы часто прибывали на побережье Америки. Флорида была открыта ими в 1502 году. Французский путешественник Верразано исследовал почти все побережье нынешних Соединенных Штатов в 1524 году, но немного позже даты, которая составляет предмет нашего исследования. А Де Сото, который был назначен губернатором Кубы и президентом Флориды, совершил свою знаменитую экспедицию в глубь Америки, имея с собой шестьсот человек, еще в 1538 году. Он провел в стране четыре года, и поскольку Флорида затем простиралась до неопределенной точки на севере, охватывая всю ту часть страны, которая с тех пор называется Вирджинией, и поскольку его историк упоминает "экстремальный холод" и место под названием *Сакечама*, разумно предположить, что они проникли на север до *Саскуэханны*. Но во время своих путешествий он столкнулся с группой туземцев, с которыми был испанец по имени Джон Ортес из Севильи. К тому времени он провел в плену почти десять лет. Если принять во внимание все эти факты, то нет ничего невероятного в том, что за восемь лет до того, как Ортес был взят в плен, двое или трое, или полдюжины испанцев были уведены несчастьем или жадной приключений на Помпей-Хилл, где один из них умирал, а выживший или выжившие подготовили и установили этот памятник над его останками. Также вполне возможно, что визит испанских авантюристов, к которому относится рассказ, представленный Де Виттом Клинтоном и приведенный выше, пришелся на период гораздо более ранний, чем тот, который он для него назначает. Самого Де Сото позабавили подобные истории, рассказанные ему дикарями о существовании золота и серебра в регионах, которые всегда были ему недоступны. Таким образом, он был уведен на много сотен лиг в глубь страны, населенной одними дикарями, по которой никогда прежде не ступала нога европейца. Но он вернулся раздосадованный, обнаружив, что развлекался только золотыми мечтами. Истории об озере на севере, дно которого было выложено серебром, было достаточно, чтобы воспламенить грудь испанца неуправляемым духом отваги в стремлении к этой цели; а поскольку дату этого предприятия было предоставлено устанавливать традиции, этому заблуждающемуся летописцу событий, то вполне вероятно, что была допущена ошибка во времени, достаточная для объяснения предмета нашего расследования. Как бы то ни было, не может быть никаких сомнений в том, что испанцы, привезенные туда в качестве пленников или привлеченные любовью к золоту, были на Помпей—Хилл еще в 1520 году. *-Лекции преподобного мистера Адамса из Сиракуз (Нью-Йорк)"*

[FN] См. "Аборигены Сэндфорда", стр. cxiv. примечание. Также "История Йейтса и Моултона".

№ XIX.

[ССЫЛКА СО СТРАНИЦЫ 487.]

С ТЕХ ПОР, КАК БЫЛ НАПИСАН ТЕКСТ НАСТОЯЩЕГО ТОМА, АНТИКВАРНЫЙ МИР БЫЛ РАД ПУБЛИКАЦИИ, ВЫПУЩЕННОЙ ОБЩЕСТВОМ СЕВЕРНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ КОПЕНГАГЕНА, КОТОРАЯ ПРОИЗВЕЛА БОЛЬШУЮ СЕНСАЦИЮ СРЕДИ ЛИТЕРАТОРОВ. ОН ОЗАГЛАВЛЕН

"Antiquitates Americanae sive Scriptores Septentrionales rerum Ante-Columbianarum in America. ("Древности Америки, или северные писатели о событиях в Америке до Колумба".) Хафни, 1837, 4 т. стр. 486."

Следующее краткое сообщение об этой важнейшей работе скопировано из "Хроники церкви Нью—Хейвена" от 15 декабря 1837 года:

Этот интересный и эрудированный том состоит из древних исландских историй об Америке, представляющих собой в основном отчеты об открытиях этой страны, совершенных северянами в 10, 11, 12 и 13 веках, то есть до времен Колумба. К ним добавлены критические и пояснительные заметки, хронологические и генеалогические таблицы, археологические и географические изыскания, касающиеся миграции норманнов в эту страну, мест их первой высадки и древнейших поселений, остатки которых сохранились и сейчас. Мы приводим следующее краткое изложение выводов, сделанных автором этой работы в связи с открытием и заселением этой страны норвежцами.

Весной 986 года Эрик Рыжий эмигрировал из Исландии в Гренландию и основал там поселение. В 994 году Бьярне, сын Хериульфа Бардсона, одного из поселенцев, сопровождавших Эрика, вернулся в Норвегию и рассказал об открытиях, сделанных им на юге Гренландии. По возвращении в Гренландию Лейф, сын Эрика, купил корабль Бьярне и с командой из тридцати пяти человек отправился в открытое путешествие в 1000 году нашей эры. Проплыв некоторое время на юго-запад, они наткнулись на страну, покрытую сланцевыми скалами и лишенную хороших качеств; и которую поэтому они называли *Хеллуланд*, (Сланцевая земля). Затем они продолжили путь на юг, пока не нашли низкое плоское побережье с белыми песчаными утесами и сразу же вернулись обратно, покрытое лесом, откуда они называли страну *Маркленд*, (Лесная местность). Отсюда они плыли на юг и запад, пока не достигли мыса, который простирался на восток и север, и, обогнув его, повернули на запад; и, плывя на запад, прошли между островом и материком и, войдя в залив, через который протекала река, они решили там перезимовать.

Высадившись на берег, они построили дома для зимовки и называли это место *Лефсбутир*, (Лейфы -будки). Вскоре после этого они обнаружили изобилие виноградных лоз, откуда и называли страну *Винланд* или Вайнленд. Антиквары были немало озадачены, узнав, где находился *Винланд*; но Общество антикваров, чьим усилиям мы обязаны вышеупомянутой работой, после самого тщательного изучения всех свидетельств по этому вопросу, без колебаний поместило его в устье залива Наррагансетт на Род-Айленде. Все в описании путешествия и страны наиболее точно согласуется с этим. Мыс, простирающийся на восток и

север, точно соответствует мысу Барнстейбл и Кейп-Коду, а острова, с которыми они столкнутся сразу после поворота на запад, будут Нантакет и Мартас-Винъярд.

Два года спустя, в 1002 году, Торвольд, брат Лейфа, посетил Винланд, где провел два года, и в конце концов был убит туземцами. Перед своей смертью он обогнул мыс и назвал северную оконечность, ныне Кейп-Код, *Кьяларнесом*, (Киль-мыс). Он был убит и похоронен на небольшом мысу, выступающем к югу от материка, на западной стороне залива, окруженном мысом *Кьяларнес*, который наиболее точно соответствует полоске земли на восточной стороне Плимутской гавани, ныне называемой Гурнетс-Пойнт. Норвежцы называли это место *Крассанес*, (Крестовина или Пересеченная местность), потому что на могиле Торвольда с обоих концов был установлен крест.

В 1007 году три корабля отплыли из Гренландии в Винланд: один под командованием Торфинна Карлсефне, норвежца королевского происхождения, и Снорре Торбрандсона выдающегося происхождения; другим командовали Бьярне Гримальфсон и Торхалль Гамласон; а третьим - Торвард и Торхалль. На трех кораблях находилось по 100 человек, и они перевозили все виды домашних животных, необходимых для комфорта колонии. Отчет об этом путешествии и история страны, написанные Торфинном Карлсефне, сохранились до наших дней и являются одним из документов в "*Древностях Америки*". Они плыли из Гренландии в *Хеллулэнд*, и, миновав *Маркленд*, прибыли в *Кьяларнес*, откуда, плывя на юг вдоль берега мыса, который, как они обнаружили, состоял из непроходимых пляжей и длинных песчаных пустошей, они называли его *Фартутрстрандир*, (Чудо-Стрэнд, или Пляж;) то ли из-за обширного песчаного берега, то ли из-за миража и оптической иллюзии, столь распространенных на Кейп-Коде, определить невозможно. Двигаясь на юг, они проплыли мимо острова, открытого Лейфом, который они называли *Страуми*, (Остров у ручья), вероятно, Мартас-Винъярд, и пролива между *Страумфьотром*, (залив у ручья) и прибыли в Винланд, где провели зиму. Бухту, в которую они заплыли, они называли *Хопсватн*, а их резиденция получила название *Нор*, (*английское* Норе, *индийское* Наур), идентичное горе Хоуп, столь знаменитой, как резиденция короля Филиппа. После различных успехов Торфинн вернулся в Гренландию и, наконец, отправился в Исландию и поселился там.

Из сравнения всех сохранившихся отчетов об этих путешествиях, географических, навигационных и астрономических фактов, содержащихся в них, с естественной историей и географией этой страны, когда ее впервые заселили белые, не может быть никаких сомнений в том, что ученое общество правильно определило местоположение Винланда. На основании аналогичных свидетельств также выясняется, что *Маркленд* был тем, что сейчас называется Новой Шотландией; что *Литла Хеллулэнд* (Малый Хеллулэнд) был Ньюфаундлендом; и что *Хеллулэнд* - это *Микла*, (Большой Хеллулэнд) было побережьем Лабрадора. Нам также следовало бы отметить выше, что *Страумфьотр* (залив Стрим-Ферт), вероятно, включал в себя весь залив Баззардс.

О *климате* Винланда северяне говорят, что, когда они там жили, он был таким мягким, что скот круглый год жил на открытом воздухе; снега выпадало совсем немного, и трава кое-где оставалась зеленой почти всю зиму. Среди *продуктов* Винланда были изобилие виноградных лоз, разновидность дикой пшеницы (*кукурузы*), прекрасный лес, который они называли *мазер* (клен птичий, *Acer Saccharinum*), большое разнообразие лесных животных, гаги в большом количестве; и реки и заливы, которые они описывают как изобилующие рыбой, среди которых

они считают лосося, палтуса, китов и т. Д. Те же историки также утверждают, что солнце взошло в половине восьмого вечера в самые короткие дни, то есть в точное время, когда оно восходит на горе Хоуп.

Впоследствии были проведены исследования к югу от Винланда вдоль восточного побережья, и, судя по фрагментам путешествий, некоторые из них проникли так далеко на юг, что достигли Флориды. Вся страна к югу от Чесапикского залива называется ими *Хвитаманнланд*, (земля белых людей) или *Ирландия - это Микла*, (Ирландия Великая.) В 1121 году Винланд посетил епископ Эрик, и, поскольку нет никаких сведений о его возвращении, представляется вероятным, что он провел там свои дни. Другие исследования были сделаны норвежцами и гренландцами на севере, которые проникли до пролива Барроу, который они назвали *Кроксфьорт*, (Крокс-Ферт или пролив), а землю на северной стороне, ныне известную как Камберлендские горы, они назвали *Кроксфьярльтархейти*, (Бесплодное нагорье Крокс-пролива). Есть еще несколько деталей, на которые мы были бы рады обратить внимание, но объем этой статьи не позволяет.

Среди других любопытных и важных сведений, содержащихся в этой ценной публикации из Копенгагена, не отмеченных "Нью-Хейвен Кроникл", есть одно или несколько прочтений знаменитой иероглифической надписи на "Дайтон-Рок" в Фолл-Ривер, Массачусетс, которой ранее не было дано удовлетворительного объяснения. Эти северные антиквары в конце концов заявили, что овладели этой надписью. Они объявляют символы руническими и читают в них подтверждение своей теории о том, что норманны основали поселение на Фолл-Ривер еще в десятом веке. Но это еще не все. С тех пор как была опубликована работа копенгагенских антикваров, в непосредственной близости от Дайтон-Рока было сделано еще одно открытие, не менее любопытное и важное, поскольку оно связано с этим исследованием. Упомянутую находку можно считать самой интересной реликвией древности, когда-либо обнаруженной в Северной Америке, а именно: останки человеческого тела, вооруженного нагрудником, разновидностью кольчуги и медными стрелами; мы предполагаем, что эти останки принадлежали либо одному из представителей расы, населявшей эту страну некоторое время до появления так называемых аборигенов, а затем обосновавшейся в Мексике или Гватемале, либо одному из членов команды какого-нибудь финикийского судна, которое, сбившись с курса, таким образом открыло западный мир задолго до христианской эры.

Эти останки были найдены в городке Фолл-Ривер в округе Бристоль, штат Массачусетс, примерно восемнадцать месяцев назад.

При раскопках холма недалеко от деревни большая масса земли соскользнула, оставив на насыпи частично обнаженный человеческий череп, который при осмотре был обнаружен как принадлежащий телу, похороненному в сидячей позе; голова находилась примерно на фут ниже того, что в течение многих лет было поверхностью земли. Окружающая земля была тщательно удалена, и было обнаружено, что тело было завернуто в покрывало из грубой коры темного цвета. Внутри этого конверта были найдены остатки другого конверта из грубой ткани, сделанного из тонкой коры и по текстуре напоминающего манильский пакетик для кофе. На груди у него была медная пластина длиной тринадцать дюймов, шириной шесть на верхнем конце и пять на нижнем. Эта пластина, по-видимому, была отлита и имеет толщину от одной восьмой до трех тридцати секунд дюйма. Он настолько проржавел, что до сих пор не

установлено, было ли на нем что-либо выгравировано. Он овальной формы, края неровные, по-видимому, из-за коррозии.

Ниже нагрудника и полностью опоясывающий тело пояс состоял из медных трубок, каждая длиной четыре с половиной дюйма и диаметром три шестнадцатых дюйма, расположенных продольно и близко друг к другу; длина трубки равнялась ширине пояса. Трубки были сделаны из тонкой латуни, отлиты на полых тростниках и скреплялись между собой кусками сухожилий. Этот пояс располагался таким образом, чтобы защищать нижние части тела ниже нагрудника. Стрелы сделаны из латуни, тонкие, плоские, треугольной формы, с круглым отверстием, прорезанным у основания. Древко крепилось к наконечнику, вставляя его в отверстие на конце дерева, а затем протягивая его сухожилием через круглое отверстие — способ изготовления оружия, никогда не практиковавшийся индейцами, даже с их стрелами из тонкой оболочки. На некоторых из них до сих пор сохранились части древка. Когда стрелы были впервые обнаружены, они находились в чем-то вроде колчана из коры, который рассыпался на куски под воздействием воздуха.

Череп сильно разложился, но зубы здоровы, и, по-видимому, принадлежат молодому человеку. Таз сильно разложился, и более мелкие кости нижних конечностей исчезли.

Кожные покровы правого колена на четыре-пять дюймов выше и ниже хорошо сохранились, по-видимому, естественного размера и формы, хотя и довольно черные.

На кистях все еще сохранилось значительное количество плоти, но ее нет на плечах и локтях. На спине, под поясом и на два дюйма выше и ниже кожа и мякоть хорошо сохранились и выглядят загорелыми. Грудная клетка сильно сжата, но верхние внутренние органы, вероятно, целы. Руки согнуты вверх, не скрещены; так что ладони, повернутые внутрь, касаются плеч. Рост около пяти с половиной футов. Большая часть внешней оболочки обветшала, а внутренняя, по-видимому, сохранилась только там, где она соприкасалась с медью.

Следующий набросок даст нашим читателям представление об осанке фигуры и положении доспехов. Когда были обнаружены останки, оружие было поднесено ближе к телу, чем на гравюре. Стрелы были у правого колена.



Сохранность этого тела может быть результатом какого-либо процесса бальзамирования; и эта гипотеза подкрепляется тем фактом, что кожа имеет вид дубленой; или это может быть случайным результатом действия солей меди во время окисления; и эта последняя гипотеза подтверждается тем фактом, что кожа и плоть сохранились только там, где они соприкасались с медью или совсем рядом с ней; или мы можем объяснить сохранность целого, предположив присутствиеселитры в почве во время отложения. В любом случае, сохранность останков полностью обеспечена и основана на известных химических принципах.

Мы думаем, что то, что тело принадлежало не одному из индейцев, не нуждается в аргументации. Мы видели некоторые рисунки, взятые со скульптур, найденных в Паленке, и на них фигуры представлены в нагрудных доспехах, хотя и меньших размеров, чем доспехи, найденные в Фолл-Ривер. На рисунках в Паленке браслеты и щиколотки, по-видимому, изготовлены в точности так же, как только что описанный пояс из трубок. На этих фигурах также есть шлемы, точно соответствующие описанию шлема из книги Гомера $\mu\beta\upsilon\alpha\varsigma\ \kappa\omicron\rho\nu\theta\alpha\zeta\omicron\lambda\omicron\varsigma$ Ектвр {цитата греческим шрифтом.}

№ XX.

[Ссылка со страницы 499.]

Нас, подписчиков, попросили высказать свое мнение относительно религиозного и морального облика покойного капитана. Джозеф Брант и состояние его ума, каким оно представилось нам при его распаде, настоящим заявляем, что, прожив несколько лет у его ближайшего соседа (наши фермы примыкали к месту его жительства), мы были близко знакомы с ним; в разговоре он часто начинал эту тему и подробно останавливался на наших обязанностях друг перед другом. Он был верующим в христианскую религию и воспитывался в доктрине Епископальной церкви Англии, членом которой он был, когда умер. Во время его болезни мы часто были с ним и присутствовали при его распаде. Во время болезни (которая была болезненной) он был терпелив и смирился и, казалось, всегда был благодарен своим друзьям за внимание, оказанное ему. Мы считаем, что во время своей болезни и в конце ее он сохранял свои рациональные способности и что он жил и умер в вере христианской религии.

ОГАСТЕС БЕЙТС, АСАЭЛЬ ДЭВИС.

Веллингтон-сквер, Великобритания } *August 15th* 1837 года. }

№ XXI.

[Ссылка со страницы 526.]

Письмо вождю племени ирокезов Ахенваег, обычно называемому Джоном Брандтом, эсквайру из Гранд-Ривер, Верхняя Канада.

Лондон, 20 января 1822 года.

СЭР,

Десять дней назад я не знал, что существует такой человек, как сын индейского вождя Бранта, который упоминается в моем стихотворении "Гертруда из Вайоминга". Однако на прошлой неделе мистер С. Баннистер из Линкольнс Инн позвонил мне, чтобы сообщить о вашем пребывании в Лондоне и о том, что у вас есть документы, которые, по его мнению, изменят мое мнение о памяти вашего отца и побудят меня отдать ему должное. Мистер Баннистер недвусмысленно заверил меня, что я не желаю никаких заявлений о моих чувствах по этому поводу, кроме тех, которые должны спонтанно вытекать из моего собственного суждения о документах, которые должны быть мне представлены.

В английских книгах имя Брандт почти всегда пишется неточно.

Я не мог остаться глух к такому призыву. Моим долгом было проверить оправдание человека, память которого я опорочил, и я почувствовал удовлетворение от перспективы исправления его репутации, которое вряд ли испытал бы тот, кто умышленно причинил ей зло. Что касается какого-либо намерения задеть чувства живых, то, когда я писал свое стихотворение, я действительно не знал, что сын и дочь индейского вождя когда-либо прочтут его или будут тронуты его содержанием. И я заметил, что большинство людей, которым я рассказывал об обстоятельствах вашего обращения ко мне, улыбались с тем же удивлением, которое я испытал, впервые получив его. Что касается характера вашего отца, я воспринял его так, как нашел в популярной истории. Признаюсь, среди документов в его пользу вы показали мне один, который, к сожалению, я никогда раньше не видел, хотя мог бы увидеть, а именно. почетное упоминание герцогом де Рошфуко вождя в его путешествиях. [FN] Однако, ни в малейшей степени не желая принижать авторитет этого почтенного дворянина, я должен сказать, что даже если бы я встретился с ним, это все равно было бы лишь общим и предполагаемым оправданием вашего отца, а не таким конкретным, какое я сейчас признаю. С другой стороны, судите, насколько естественно я воспринял выдвинутые против него обвинения, которые, насколько мне было известно, в течение тридцати лет оставались в Ежегодном реестре за 1779 год неоспоримыми. Ряд авторов повторяли их с уверенностью, которая в конце концов развеяла мои подозрения и, я полагаю, подозрения широкой публики. Среди этих авторов были Гордон, Рамзи, Маршалл, Белшем и Уэлд. Возможно, вы скажете мне, что большинство из них с рвением писали против американской войны. Что ж, но мистера Джона Адольфуса никогда не подозревали в подобном рвении, и все же он сказал в своей "Истории Англии и проч." (том iii, стр. 110), "что отряд в тысячу шестьсот переодетых дикарей и американцев, возглавляемый индийским полковником. Батлер и наполовину необычайно свирепый индеец по имени Брант, усыпив страхи жителей (Вайоминга) предательством, внезапно овладели двумя фортами и вырезали гарнизоны". Далее он говорит, "что все были вовлечены в беспощадную резню, и что даже средства пытки были исчерпаны". У него были, если они были у меня, средства обратиться к лучшим авторитетам; и все же, насколько мне известно, он так и не почтил память вашего отца. Поэтому, когда ваши канадские друзья призовут меня к суду за то, что я опорочил воина Бранта, я прошу, чтобы мистер Джон Адольфус также был включен в повестку. И после его собственной защиты и оправдательного приговора, я думаю, что он обязан, будучи одним из исторических обманщиков, ввести меня в заблуждение, выступить в качестве моего безвозмездного адвоката и сказать: *"Джентльмены, вы должны оправдать моего клиента, поскольку он всего лишь допустил ошибку, которой не смог избежать даже мой суд".*

[FN] Рошфуко подтверждает свое честное имя следующим свидетельством, чьи способности и средства формирования правильных суждений не будут отвергнуты. "Полковник. Брант - индеец по происхождению. В американской войне он сражался под английским знаменем и с тех пор побывал в Англии, где был самым милостивым образом принят королем и встретил любезный прием со стороны всех классов людей. У него полуевропейские манеры. Его сопровождают два негра; он устроился по-английски; у него есть сад и ферма; одевается по европейской моде; и тем не менее он обладает большим влиянием на индейцев. В настоящее время (1795) он помогает в заключении Майами-ского договора, который Соединенные Штаты заключают с западными индейцами. Он также очень уважаем американцами; и в целом носит такое

превосходное имя, что я сожалею, что не смог увидеть его и познакомиться с ним". — *"Путешествия Рошфуко по Северной Америке"*.

Короче говоря, я почерпнул свое представление о вашем отце из рассказов о нем, которые были опубликованы, когда я едва выбрался из колыбели. И если десять лет назад в Англии были какие-либо публичные, прямые и конкретные вызовы этим аккаунтам, мне еще предстоит узнать, где они существовали.

Я поднялся после прочтения документов, которые вы мне представили, конечно, с изменившимся впечатлением о его характере. Я нахожу, что неблагоприятные отзывы о нем были ошибочными даже в тех моментах, которые непосредственно не связаны с его репутацией. Оказывается, например, что он был индейцем племени ирокезов несмешанного происхождения. Это обстоятельство, однако, не следует упускать из виду при оценке достоинств его достижений. Он говорил и писал на нашем языке с силой и легкостью и имел расширенные взгляды на союз и политику индейских племен. Джентльмен, который был в Америке и у которого я запросил информацию о нем в связи с вашим интересным сообщением, сказал мне, что, хотя он и не мог притворяться, что полностью ценит его характер, он был поражен *наивностью* и красноречием его беседы. Они говорили о музыке, и Брант сказал: "Мне очень нравится клавесин, а еще больше орган; но больше всего мне нравятся барабан и труба, потому что они заставляют мое сердце биться быстрее". Этот джентльмен также описал мне энтузиазм, с которым он говорил о письменных свидетельствах. В то время Брант предполагал, что напишет Историю шести наций. Гений истории должен быть весьма равнодушен к такому человеку.

Я нахожу, что, когда он приехал в Англию после заключения мира 1763 года, самые выдающиеся люди всех партий и профессий относились к нему с величайшей добротой. Среди них были покойный епископ Лондона, покойный герцог Нортумберлендский и Чарльз Фокс. Лорд Родон, ныне маркиз Гастингс, подарил ему свою фотографию. Это обстоятельство подтверждает рекомендации из Америки, основанные на личной дружбе. В Канаде мемориалы его морального облика представляют его как естественно простодушного и щедрого. Представленные доказательства наводят меня на мысль, что он часто стремился смягчить жестокость индейских войн. Наконец, вы утверждаете, что он находился всего в нескольких милях от того места, когда произошла битва, решившая судьбу Вайоминга, и, исходя из вашего предложения сослаться на живых свидетелей, я не могу не согласиться с этим утверждением. Если бы я узнал все это от твоего отца, когда писал свое стихотворение, он не фигурировал бы в нем как герой озорства. Действительно, я не могу заранее ответить на то, что могут утверждать авторы, которым придется либо опровергать, либо защищать то, что они, возможно, сказали о нем; я могу только сказать, что мое собственное мнение о нем изменилось. Сейчас я чрезвычайно склонен усомниться в рассказе мистера Уэлда, и по этой причине: несколько выдающихся британских офицеров в Америке не только доверяли Бранту, консультировались с ним и отличали его, но и лично любили его. Теперь я мог себе представить, что люди, стоящие у власти, по вполне оправданным соображениям государственной политики официально доверяли и даже публично отмечали при дворах или дамбах деятельного и проницательного индейского вождя, о личном характере которого они, тем не менее, могли оставаться весьма равнодушного мнения. Но я не могу представить, чтобы благородные британские офицеры заводили личные и теплые дружеские отношения с человеком свирепого характера. Насколько мне известно, покойный генерал сэр Чарльз Стюарт, четвертый сын графа Бьюта, отец нашего

нынешнего посла в Париже, офицер, который брал Менорку и Кальви и командовал нашей армией в Португалии, знал вашего отца в Америке, часто спал с ним в одной палатке и питал к нему самое теплое уважение. Кажется лишь милосердием предполагать, что человек, снискавший уважение лорда Родона и генерала Стюарта, обладал приятными качествами, так что я верю вам, когда вы утверждаете, что он был столь же милосерден, сколь и храбр. А теперь я предоставляю миру судить, вызвано ли изменение мнения, которым я тронут, ложной деликатностью и гибкостью ума или чувством чести и справедливости.

На этом, собственно говоря, заканчиваются мои рассуждения с вами о памяти вашего отца; но поскольку канадские газеты сделали несколько замечаний по поводу Вайоминга, с которыми я не могу полностью согласиться, и поскольку это письмо, вероятно, будут читать в Канаде, я не могу завершить его без еще нескольких слов, на случай, если мое молчание покажется признанием положений, которые выходят за рамки моих убеждений. Я не буду, однако, излагать какие-либо простые истины, которые у меня есть, чтобы придать канадским писателям хоть малейшую горечь, поскольку они намекали на меня, в целом, в дружеском и либеральном тоне. Но когда они сожалеют о моем отступлении от исторической правды, я присоединяюсь к их сожалению только в той мере, в какой я бессознательно неправильно понял характер Бранта и долю индейцев в сделке, которая, как я теперь имею основания подозревать, была намного меньше, чем доля белых людей. При других обстоятельствах я позволял себе вольность стихотворца убежать от фактов в фантазию, подобно школьнику, которому и в голову не приходит, что он прогульщик, когда он отправляется на каникулы в школу. Однако, похоже, я ложно представил Вайоминг как земной рай. Это было не так, утверждают канадские газеты, потому что в нем участвовало большое количество тори; и, несомненно, эта причина во многом объясняет этот факт. Однако земной рай - это не земные блага, и Темпе и Аркадия, возможно, имели свои недостатки в плане счастья так же, как и Вайоминг. Тем не менее я все еще должен верить, что это была процветающая колония и что ее разрушение послужило справедливым предостережением людям от войны и мести. Но в канадской газете утверждается, что вся катастрофа была не более чем честной битвой, и если это действительно так, пусть появятся аккредитованные подписи, подтверждающие это, и подтвердят невиновность и честность всей сделки, как была подтверждена репутация вашего отца. Ошибка в отношении него ни в коем случае не доказывает, что весь отчет об этом деле является вымыслом. Кто бы не хотел, чтобы его жестокость была опровергнута? Но кто может подумать, что это опровергнуто единственным защитником, который пишет анонимно и не имеет определенного веса или авторитета?

В другой части канадских газет о моей теме сожалели как о позорной для Англии. Тогда это, во всяком случае, не было выдумкой. Но насколько правда была бесчестна для Англии? Американскими поселенцами, а не англичанами, были в основном белые люди, называвшие себя христианами, которые были вовлечены в это дело. Возможно, мне напомнят, что они также называли себя лоялистами. Но, ради всего Святого, пусть английская лояльность не унижается до того, чтобы смягчать зверства, или английская деликатность не используется для их сокрытия. Мне могут сказать, что Англия допустила войну и, следовательно, была ответственна за ее возникновение. Конечно, не повсеместно и не напрямую. Я не желал бы возлагать ответственность за все действия рейнджеров Батлера даже на администрацию лорда Норта; и еще больше я сожалел бы о том, что вся Англия будет подчинена либо администрации лорда Норта, либо рейнджерам Батлера. Была ли американская война единодушной и искренней войной народа? Были ли лучшие патриоты и ярчайшие светила нашего Сената за или против нее? Чатем заявил, что если Америка падет, она падет как сильный человек - что она обнимет

столпы нашей конституции и погибнет под ее обломками. Берк, Фокс и Барре выступили против этого даже в часовне Святого Стефана, а Уильям Питт объявил это войной против священного дела Свободы. Если это так, то потеря наших колоний была благословением по сравнению с триумфом тех принципов, которые привели бы Вашингтон домой в цепях. Если Чатем и Питт были нашими друзьями, осуждавшими несправедливость этой войны, то Вашингтон был нашим врагом лишь номинально, сопротивляясь ей; и он был таким же врагом злейших врагов нашей конституции, как если бы он боролся против возвращения Стюартов на берега Спи или Темзы. Поэтому я говорю с полным и безвозмездным милосердием к тем, кто думает иначе, что американская война была позорной только для тех, кто был ее подстрекателем, и что честь англичан искупается в той мере, в какой они осуждают ее принципы и сожалеют о ее деталях. Даже если бы моя тема больше затрагивала английский характер, я все равно смог бы ее защитить. Если бы мой канадский критик утверждал, что поэт не может винить действия своей страны, я соглашаюсь с его утверждением и отрицаю его. Без сомнения, поэт не должен вечно придирается к недостаткам своей страны; *но он может быть ее моральным цензором, и он не должен быть ее паразитом.* Если бы английский поэт времен Эдуарда III. осмелился оставить хотя бы одну щедрую строчку соболезнования памяти сэра Уильяма Уоллеса, насколько он повысил бы нашу оценку морального облика эпохи! В национальном характере есть настоящее и будущее, а также прошлое, и характер нынешнего века лучше всего определяется беспристрастными и великодушными чувствами по отношению к прошлому. Двадцатый век не будет думать хуже о девятнадцатом веке за то, что он сожалеет об американской войне. Я знаю ничтожную важность моих собственных работ. Однако я борюсь против ложного принципа деликатности, который принижал бы саму поэзию, если бы ее приняли; но он никогда не будет принят.

Поэтому я ни о чем не сожалею в исторических аллюзиях моего стихотворения, за исключением ошибки в отношении вашего отца. Также, хотя я свободно говорил об американских делах, я не собираюсь отрицать, что у ваших коренных племен, возможно, была справедливая причина для ссоры с американскими колонистами. И я расцениваю это как знак их благодарности за то, что они поддерживали королевское дело, потому что губернаторы, действующие от имени короля, были их самыми постоянными друзьями, а подданные колоний, возможно, временами - их вероломными захватчиками. Я мог бы много говорить о несправедливости европейцев по отношению к вашим племенам, но, несмотря на все, что я мог бы сказать, я все же должен сожалеть о том, что христиане переняли их способ ведения войны и, при тогдашних обстоятельствах, призвали их к союзу. Если индейцы жаждали мести колонистам, то именно это обстоятельство должно было удержать нас от того, чтобы смешать их оружие с нашим. Я надеюсь, вы поймете, что это заявление сделано в духе откровенности, а не подлого и негостеприимного высокомерия. Если бы я говорил с вами в таком духе, насколько легко и правдиво вы могли бы сказать мне, что американские индейцы быстрее отошли от своих старых методов ведения войны, чем христиане от своих привычек религиозных преследований. Если бы я стал проповедовать вам о европейском гуманизме, вы могли бы спросить меня, как долго остывал пепел инквизиции и была ли еще отменена работорговля? Вы могли бы спросить, сколько - нет, как мало поколений прошло с тех пор, как наших старух сожгли за воображаемую связь с дьяволом, и не стоят ли еще дома, из которых наши прабабушки, возможно, смотрели на препятствия, возникающие на пути к месту казни, в то время как они благословляли себя за то, что они не были ведьмами! Ужасный случай подобного рода произошел в Шотландии при жизни моего собственного дедушки. Что касается воинственных обычаев, то мне было бы

чрезвычайно жаль, если бы вы стали давить на меня даже в отношении обычаев моих храбрых древних предков, шотландских горцев. Тем не менее, я могу вспомнить энергию, веру и гостеприимство этих предков, и в то же время я не забываю о ваших простых добродетелях. [FN]

[FN] Учитывая сыновние мотивы обращения молодого вождя ко мне, я не боюсь, что какая-либо часть этого письма, непосредственно касающаяся его, будет сочтена показной или многословной. И если судить снисходительно, я надеюсь, что то, что я сказал о себе и о своем стихотворении, не будет воспринято как оскорбительный эгоизм. Публику никогда не беспокоила моя защита от каких-либо нападок на мои стихи, которые были чисто литературными; хотя я, возможно, был так же далек, как и все авторы, от того, чтобы склониться перед справедливостью враждебной критики. Чтобы показать, что я не слишком беспокоился о публичности, я должен упомянуть о искажении моего стихотворения о Вайоминге, которое я терпел, оставаясь неоспоримым в течение десяти лет. Мистер Вашингтон Ирвинг в биографическом очерке, предваряющем его в американском издании, описал меня как нарушившего композицию стихотворения, показав его друзьям, которые вычеркнули из него лучшие места. Теперь я читаю ее очень немногим друзьям, и ни одному из них, по чьему предложению я никогда не вычеркивал ни строчки. Я также никогда не полагался на вкус других с тем жалким недоверием к собственному суждению, о котором свидетельствует этот анекдот. Я знал, что мистер Ирвинг был последним человеком в мире, который намеренно ввел бы меня в заблуждение, и что я мог бы легко опровергнуть это; но из отвращения к тому, чтобы рассказывать миру мелкий анекдот о себе, я воздержался что-либо говорить по этому поводу. Иное дело, когда канадский писатель намекнул на патриотизм моей темы. Там он затронул мои принципы, и я защищал их, утверждая, что, исходя из предположения, что история Вайоминга правдива, раскрытие чувств британцев - более высокий комплимент, чем смягчение или сокращение их.

Я специально обратился к вам из желания подтвердить свою собственную последовательность, а также отдать должное вам в ваших нынешних обстоятельствах, которые представляют особый общественный интерес. Вождь племени аборигенов, ныне обосновавшегося под защитой нашего государя в Канаде, вы стремитесь повести свой народ по пути цивилизации, который уже начался. Невозможно, чтобы британское сообщество не было тронуту уважением к иностранцу-индийцу, уважаемому частному человеку, обладающему такими полезными и благородными взглядами. Веря, что вы полностью преуспеете в них и будете долго жить, чтобы способствовать совершенствованию и счастью среди остатков вашей древней расы,

Остаюсь вашим искренним доброжелателем, Томас Кэмпбелл.

КОНЕЦ